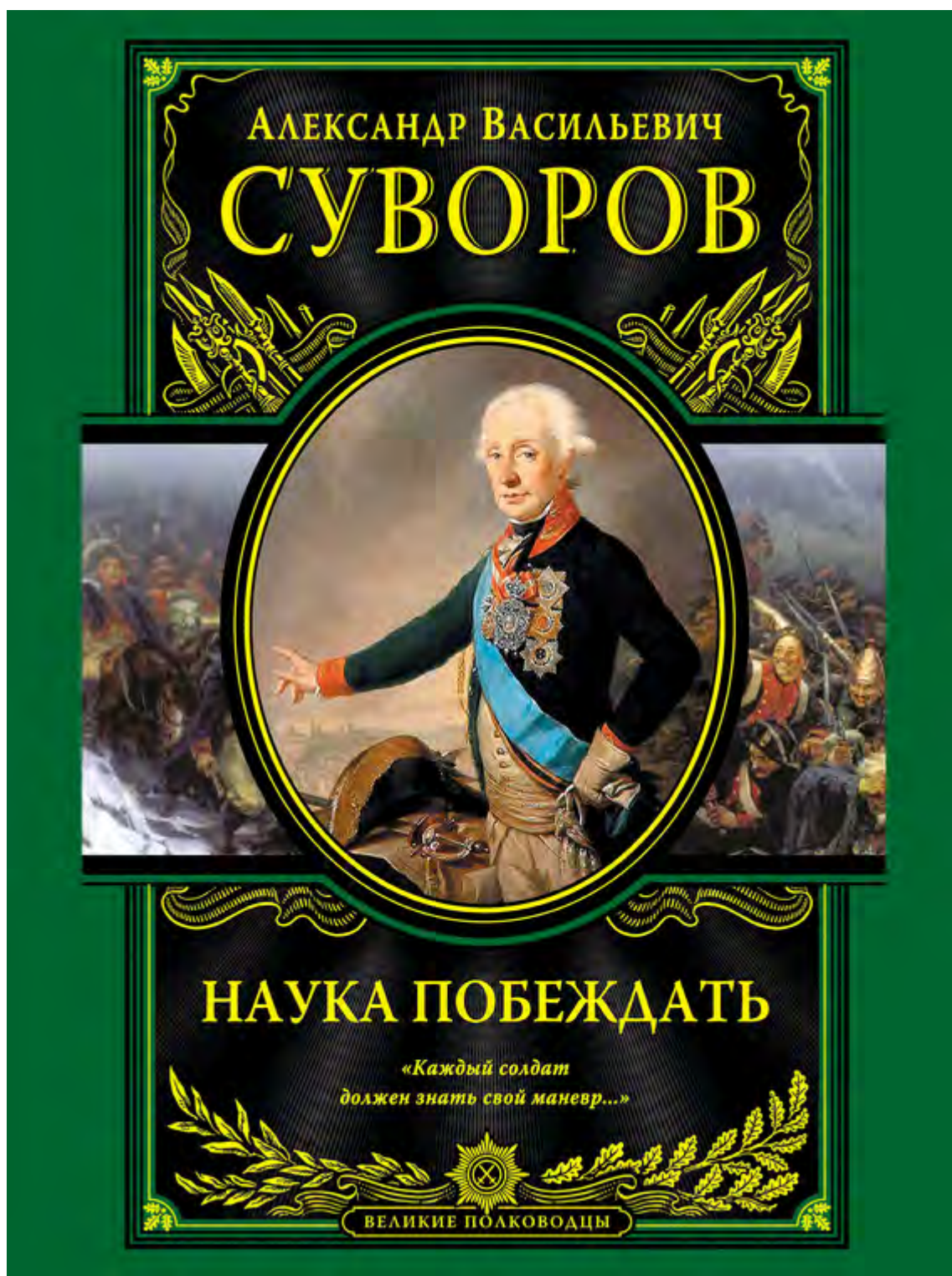

Александр Васильевич Суворов
Наука побеждать

Великие полководцы –

Аннотация

Кто-то определил талант полководца как способность принимать безошибочные решения в условиях острого дефицита времени и достоверной информации. Возможно, по скрупулезным меркам военного искусства величайший русский полководец Александр Васильевич Суворов (1730–1800) не был гением – как Александр Македонский, Цезарь или Наполеон.

Он был больше, чем гений! Второго Суворова у России не будет никогда. Слуга царю, отец солдатам, не проигравший ни одной битвы военачальник, защитник Отечества, сказавший: «Тщетно двинется на Россию вся Европа: она найдет там Фермопилы, Леонида и свой гроб». Патриот, считавший Россию уникальной страной: «Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет», и безмерно страдавший от несправедливого устройства русской жизни: «Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду...»

Суворов являл собою тип русского человека в лучшем, ярчайшем, оригинальнейшем своем воплощении. Он завоевал такую всеобщую любовь современников, какой не пользовался, по крайней мере при жизни, даже Пушкин. Солдаты, офицеры и генералы готовы были умереть, но выполнить его приказ, – и потому побеждали любого противника.

Не будь его побед на Рымнике и под Измаилом, в Крыму, Польше, Италии и Швейцарии, – кто знает, какой была бы последующая история России? Но Суворов не только одержал эти победы – он вырастил, воспитал, выучил, дал развернуться и проявить себя множеству замечательных военачальников: от Багратиона до Кутузова, которые потом отстояли Россию в 1812 году.

И он навеки остался в благодарной памяти народа в строгих военных учебниках как непревзойденный образец патриотизма и воинского искусства. Равняться на него, учиться у него и любить его мы продолжаем и сегодня.

«Наука побеждать» – книга, в которой величайший русский полководец предстает не только гениальным военачальником, но и великой личностью. Издание также включает уникальные мемуарные свидетельства современников и очевидцев, чтобы из приказов и рапортов, переписки и мемуаров, походных дневников и теоретических кабинетных штудий перед читателем сложилась гигантская мозаика русской военной истории последней трети XVIII века.

Электронная публикация материалов жизни и деятельности А. В. Суворова включает полный текст бумажной книги и избранную часть иллюстративного документального материала. А для истинных ценителей подарочных изданий мы предлагаем классическую книгу. Как и все издания серии «Великие полководцы» книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями; текст сопровождают сотни иллюстраций из российских и зарубежных периодических изданий описываемого времени, с многими из которых современный читатель познакомится впервые. Прекрасная печать, оригинальное оформление, лучшая офсетная бумага – все это делает книги подарочной серии «Великие полководцы» лучшим подарком мужчине на все случаи жизни.

Александр Васильевич Суворов
(1730—1800)

А. В. СУВОРОВ

Наука побеждать

Вступительная статья¹

I

Что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите яже глаголю? Лк. 6, 46

Суворов не имел предшественников; да и последователя, не только ему равного, но хоть подобного, вероятно, не скоро дождется. В волевых величиях преемственности нет. Те, которые считают Суворова продуктом его времени, конечно, ошибаются и просто по рутине повторяют избитую историческую затычку, что «великие люди являются не создателями, а выразителями новых форм и общих стремлений». Может быть это прогрессивно и интересно, но не всегда верно: бывает и так, бывает и совсем наоборот; в применении к Суворову это как раз наоборот и представляет не более как повторение логической ошибки, давно замеченной и выраженной формулой: *post hoc ergo propter hoc*².

Родился он, правда, в 1730 году, т. е. после предшествовавших лет (*post hoc*); но родился в период упадка военного дела в России, что бы ни говорили исследователи, расположенные на все свое смотреть сквозь розовые очки; родился притом от отца, бывшего военным только по названию: откуда же, спрашивается, могла явиться та мнимая преемственность, которую иные исследователи тщатся установить с усердием, достойным более соответственного применения? С точки зрения вечности, бесспорно, конечно, что «в жизни общественной и военной деятельность отдельного человека почти ничтожна» и что «как бы ни был велик гений, он не в состоянии переменить общее движение в ту или другую сторону, если в обществе нет стремлений к тому»; но дело в том, что эти самые положения именно и показывают, что Суворов есть явление исключительное, спорадическое.

Во-первых, он ни на волос не переменял общего движения, хотя и совершил массу великих дел.

Во-вторых, кто же не знает, что предшественников он не имел, школы не оставил и на целых шестьдесят лет по смерти был вполне основательно забыт? А его система воспитания и образования войск была бы и совершенно утрачена, не оставь он в наследие грядущим поколениям свою бессмертную «Науку побеждать» и приказы, отданные австрийцам в 1799 году. Может быть возразят, что его вспоминали в годину катастроф 1805 и 1807 годов? Не только вспоминали, а еще раньше даже памятник ему в греческом вкусе поставили.

Но вспоминать имя такого человека, а не следовать его системе, не вдохновляться его делами, именно и значит забыть. Даже не только забыли, а как бы в насмешку над великой тенью так втерли солдату ненавистное Суворову «не могу знать», что оно слышалось, да и слышится, чуть не на каждом шагу. Для него чем солдат был живее, восприимчивее, тем лучше; после него первая забота была вытравить «сей вредный дух» и обезличить, омашинить солдата. На скамейке усидеть легче и спокойнее, чем на горячем боевом коне. Правда и то, что на скамейке далеко не уедешь.

Даже современники его ничем от него не позаимствовались, хотя победа, не изменявшая ему во всю жизнь, могла бы, по-видимому, навести на мысль, что позаимствоваться как будто есть чем; а о потомках и говорить нечего. Сих последних

¹ Эта статья была написана генералом и военным теоретиком Михаилом Ивановичем Драгомировым (1830–1905) в качестве вступления к одноименному изданию книги А. Ф. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов», «чтобы лишний раз мысленно остановиться на неказистом по внешности, но бессмертном по своим духовным определениям и по делам “солдате-фельдмаршале”».

² Эта латинская пословица, означающая «после этого, следовательно вследствие этого», считается классической формулой неправильного умозаключения, в котором последовательность событий по времени принимается за их причинную связь.

потянуло именно в сторону «общего движения», т. е. за прусским королем, невзирая на то, что прусского короля били, а Суворова не били, как жаловался последний в одну из горьких минут своей жизни. Из этого явствует, что если *post hoc* было, то *propter hoc* вовсе не было, и А. Ф. Петрушевский совершенно прав, утверждая, что в «стае екатерининских орлов» Суворов есть явление исключительное по размерам военного дарования, по оригинальности военного искусства, по самобытности своей военной теории и поэтому не может быть назван ни естественным продуктом своего века, ни логическим шагом предшествовавшей русской военной истории.

Природа не справляется с настроениями эпох и выбрасывает в жизнь людей по непостижимым, ей одной ведомым законам. Иные нарождающиеся опережают людской табун, и тогда они остаются одиночками, не взирая на поразительные фактические доказательства того, что правда природы вещей на их стороне и что за ними идти было бы недурно; и выходит по евангельскому слову – «возопиют камни, и не имеют веры»; таков был Суворов. Иные отстают, т. е. опаздывают родиться; эти всегда усиливаются повернуть на старое. Наконец, большинство попадает как раз в табун, и только эти последние действительно являются продуктом своей эпохи и попадают в выразители «новых (!) форм и общих стремлений». Новых по пословице: «Тех же шей, да пожиже (иногда погуще) влей». А щито в настоящем случае заварил император Петр III, а доварил император Павел I.

И. Крейцингер.
Парадный живописный портрет А. В. Суворова.
1799 г.

В современных военных реформах Суворов не принимал никакого участия, да это и не было его делом; даже думаю, что он к этим реформам был равнодушен, проникнутый великим боевым идеалом, который внушал ему, что та либо другая организация безразличны, если люди настроены прямо смотреть в глаза опасности и бесповоротно жертвовать собой.

Не могу не заметить при этом особенности военного искусства, заключающейся в том, что ни одна, может быть, область народной жизни не показывает ложности теории прогресса

в такой мере, как это искусство. Так как война есть дело по преимуществу волевое, то само собой понимается, что если жизнь складывается так, что не вызывает необходимости энергического проявления воли, военное искусство должно по необходимости падать в той его части, которая относится к воле, т. е. в главнейшей. Чем этот упадок более, тем инстинкт самосохранения заявляет о себе сильнее и тем разные, даже мелочные, усовершенствования, отвечающие уму, т. е. самосохранению, оцениваются несравненно выше их действительного значения.

Генерал-аншеф
Абрам Петрович Ганнибал
(ок. 1669—1781)

Тут-то и начинают плодиться как грибы новые теории мнимого прогресса военного искусства и рассказы вроде того, что некоторые принципы Суворова и вообще прежних великих полководцев устарели; какие именно – об этом прогрессивные исследователи по скромности умалчивают. Хотя не трудно понять, что если в сложном произведении (человек × оружие (холодное, огнестрельное) × местность × случайности) только часть одного множителя меняется на величину, большую для него, но ничтожную в общем, то произведение существенно измениться не может; хотя, повторяю, нетрудно это понять, однако редко кто понимает, так как ум – покорный слуга самосохранения – этому противодействует. И, в конце концов, прогресс видимый оказывается регрессом в действительности. Эволюция римской жизни это показывает убедительнее всяких рассуждений: стоит припомнить республиканский период по сравнению с византийским. В последний период вооружение, строй, машины, крепости, конечно, были совершеннее, чем в первый, а победа все же перешла на сторону варваров. У них машин не было; но главный множитель – человек – был полон доблести и самоотвержения, чего у византийцев не было. Получился, следовательно, видимый прогресс, действительный регресс.

В современной жизни то же самое. За серьезной постановкой военного дела при Петре следует то, что известно из истории; победы, правда, бывали, но побеждал не солдат, а русский цельный человек, т. е. побеждал не благодаря школе, а невзирая на школу. Да притом вообще для победы не нужно быть сильным, а только немного менее слабым, нежели противник. В блистательный екатерининский период – прогресс; за ним начинается и совершенствуется период, приведший к Крымской кампании и который поэтому едва ли можно назвать прогрессивным. Параллельно с ним развивается высокопоучительный кавказский эпизод, наглядно показавший, что для войны нужно нечто иное, а не то, что делалось тогда в европейской России; примеры величайшей доблести, невероятных подвигов, являвшихся чистыми представителями «теории невозможного», запечатлены историей кавказской армии; но это никого не убеждало, даже наоборот: эта армия все время оставалась у плацпарадников в подозрении распушенности.

К чему же я все это веду? Веду к тому, что громадное большинство военных не может в мирное время воздержаться от требований того, что на войне вовсе не нужно, и от забвения того, что на войне нужно. Весьма немногие задаются даже вопросом, чему учить и как учить, а учат по былинам доброго старого времени: как учили отцы и деды. Извиняюсь за отступление. Впрочем, оно пригодится потом.

II

Обратимся к Суворову и припомним, как было дело. Отец предназначает мальчика служить по гражданской, поелику мал, хил, тощ и неказист. Мальчик, между тем, выученный на медные гроши грамоте, набрасывается на Плутарха и на все военно-историческое, что только находит в отцовской библиотеке; от природы живой, веселый и подвижный, он засиживается за книгами или скачет верхом, в непогоду, возвращается усталый, промокший, пронизанный ветром. Все это тогда, когда ему, вероятно, было не более десяти лет. Очевидно, мальчик странный; но если бы судьба послала ему настолько гениального педагога, что он был бы способен прозревать, что из этого мальчика выйдет, то, полагаем, и он ничего бы иного не придумал для укрепления тощего и хилого организма – укрепления, правда, спартанского, в конце коего могло получиться и разрушение вместо укрепления. Очевидно, что перед нами возникает представление об одном из тех предрасположений, которые стремят человека к известной специальности помимо его, иногда даже вопреки ему самому и, конечно, вопреки всем окружающим. Я понимаю, что раз-другой попасть на дождь и холод никакой мальчик не откажется, но чтобы возводить это в программу и исполнять ее методично, настойчиво с десяти лет – таких мальчиков нет, если они не отмечены Перстом.

Отец был, конечно, встревожен, но, по счастью, ломать сына не стал, благодаря в

особенности генералу Ганнибалу, который посоветовал не препятствовать Суворову, тогда одиннадцатилетнему, в его слишком определенных стремлениях. И вот, он погрузился в изучение Плутарха, Корнелия Непота, деяний Александра, Цезаря, Аннибала, Карла XII, Монтекукули, Конде, Тюренна, принца Евгения, впоследствии маршала Саксонского, продолжая это в течение своей почти семилетней солдатской и затем всей офицерской службы. Общее образование тоже не было забыто: пройдена история, география, даже начала философии; артиллерию, фортификацию и, вероятно, начала математики взял на себя отец.

Во всем этом было много для ума; но для сердца, если не исключительно, то весьма преимущественно, дал пищу Плутарх, обладающий тайной пробуждать избранные натуры. Ниже увидим, что в сформировании духовного облика Суворова он сыграл немалую роль.

III

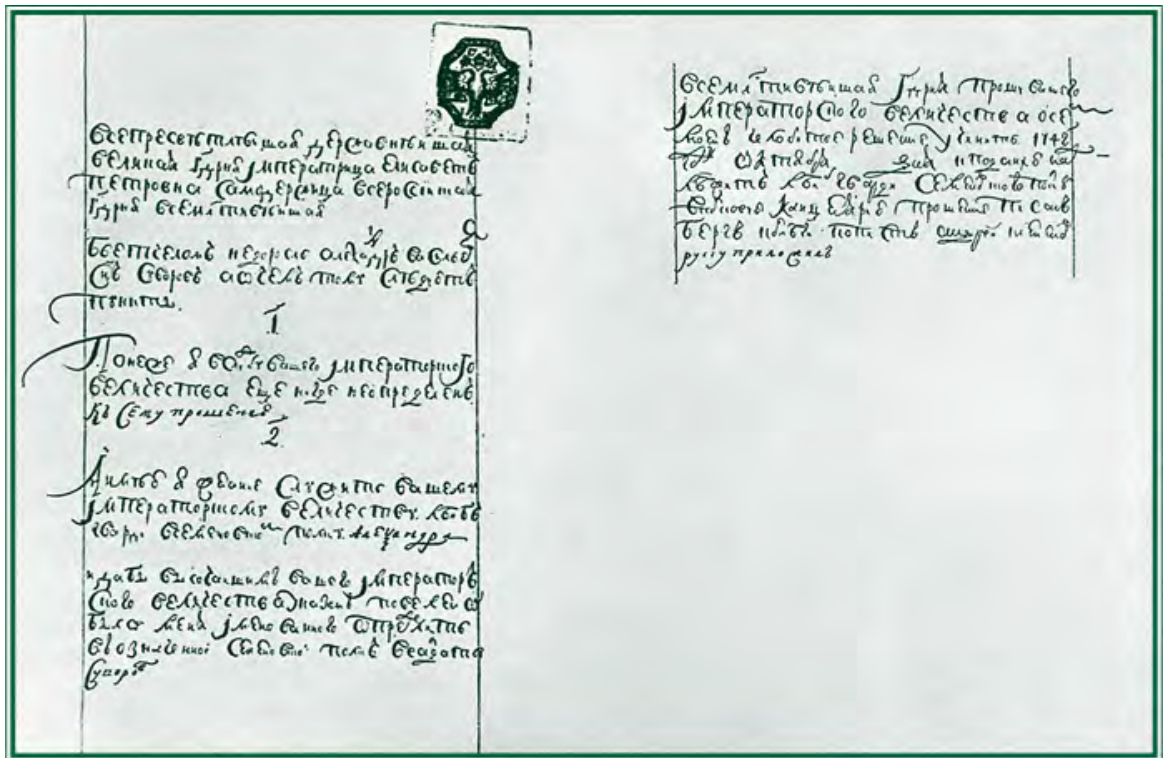
Чему же научила Суворова служба и что он почерпнул из книг?

Поступил он в лейб-гвардии Семеновский полк, известный и тогда своей исправностью, хотя и в нем были служаки всякого сорта: от солдат, державших при себе дворовых по 17-ти человек, и до таких, которые отлучались из караула без позволения и брали с колодников деньги. Суворов, державший только двух дворовых, не принадлежал к первым, ни тем более ко вторым, и быстро установил свою служебную репутацию как человека, на которого всегда и во всем можно положиться.

Но если внутреннему порядку и гарнизонной службе можно было выучиться в Семеновском полку, то боевому делу едва ли. Подготовка к сему последнему ограничивалась строевыми учениями тогдашнего типа, без малейшего намека на боевое дело: метали ружьем, строили разные фигуры и, конечно, ходили церемониальным маршем – последнее в изобилии. Правда, иногда еще упражнялись в пушечной и ружейной не стрельбе, а пальбе, т. е. вхолостую. В старину в мирное время учили всяким ненужностям, и чем мир был продолжительнее, тем, конечно, усовершенствование этих пустяков шло дальше: усложнялись приемы, придумывались занятия вроде беления амуниции, пудрения волос. Нужно было бессрочного, а впоследствии 25-летнего служивого занять; и вот занимали, повторяя из года в год то, что он знал с первого, много со второго года службы. И каждый год начинали все с тех же азов, что и с новобранцами.

Дело в том, что вогнать человека в привычку беспрекословного и быстрого повиновения, – повиновения не рассуждая, не думая, а рефлексивно, – есть основная задача воинского воспитания, и упражнение в пустяках, конечно, этой цели достигает; но оно не только не дает никакого представления о боевом назначении воина, а с течением времени даже отвращает от него, вплоть до выработки афоризмов, вроде «ничто так не портит войска, как война». И оно понятно, что при такой системе занятий этим должно кончиться: все эти пудрения, беления амуниции, метания ружьем, от долгого в них упражнения, из средства обращаются в цель, и чем дальше, тем больше вытесняют даже сам намек на собственно военное дело.

Понятно, что из подобной школы Суворов мог вынести только привычку к исполнительности и порядку: привычка, бесспорно, важная и необходимая во всякого рода деятельности, но не доставало одного: применения выработанной привычки к тому делу, для коего солдат назначается и без практики в коем он не солдат, а кукла для столь же красивых, сколь и бесплодных представлений.

Челобитная двенадцатилетнего А. В. Суворова о зачислении на службу в лейб-гвардии Семеновский полк. 1742 г.

Кажется, чего проще было попасть на мысль, что вогнать в повиновение можно ведь и упражняя войска в прямом их деле, а не в плацпарадных фокусах, имеющих с ним общего только то, что страдательную роль в обоих случаях играют те же солдаты? Да, чего проще? А вот до Суворова этот открытый всякому секрет не только не приходил никому в голову, но даже и тогда, когда Суворов сделал это великое открытие и начал его применять (с каким успехом, известно), он последователей себе не нашел. С производством в армию Суворов увидел нечто еще более грустное:

«Русская армия в молодые годы Суворова переживала состояние переходное, тяжелое. Большинство офицеров в ней были мало или вовсе неграмотны, полковые командиры злоупотребляли своей обширной властью; полковые штабы коллегиально вершили все дела, служба отправлялась только исподволь. Таким образом, и солдатская жизнь, и первые годы офицерской службы Александра Васильевича были для него отрицательными образцами. Невежество, неустройство, вялость, неспособность, вот что встретил в действующей армии Суворов; движения войск были медленны, переходы иногда не более 8 верст в сутки, дисциплина расшаталась. «Я сам, – писал про себя Суворов, – будучи зачислен в армию после долгой и честной службы, три года никуда не годился. Они (полковники) расслабляют своих офицеров – сибариты, но не спартанцы, а делаются генералами – подкладка остается та же». Тот же отпечаток лежал на тактической подготовке войск. Наступление и перестроение в эпоху Семилетней войны совершалось так медленно, что пехотному полку на построение требовался целый час, а для армии – сутки».

Из всего сказанного видно также, что ни в гвардии, ни в армии Суворов не нашел образцов того спартанского образа жизни, которому он себя подчинил впоследствии и оставался ему верен до конца своего поприща. Немногому выучился он и на войне, давшей только отрицательные примеры; но, чтобы их отрицательность оценить, нужно уже было и в то время иметь свой критерий; ведь сотни и даже тысячи участников в этих отрицательных

примерах находили, что все идет как следует и что иначе и идти не может. В том и особенность исключительных натур, что они видят вредное и опасное там, где другие не видят ничего особенного, или видят даже хорошее.

IV

Но из книг он выучился необъятно многому: качественно, а не количественно; и выучился такому, чего сотни и даже тысячи читающих те самые книги в них не находили. Выучился, одним словом, «открытому секрету». В этом его самобытность, в этом его исключительность. Да, у него было много учителей, и с этой точки он, пожалуй, и не оригинален; да и учителя не оригинальны настолько, что иногда кажется, будто они один у другого списывали; но дело в том, что этот от века и часто повторяемый открытый секрет, видимый и ясный Суворову, оставался невидимым и непостижимым для других даже тогда, когда они с дипломатической точностью его перебалтывали.

Страшная сторона военной теории заключается в кажущейся легкости ее усвоения и в великой, для многих даже неодолимой, трудности проведения ее в жизнь: ибо усвоение – дело ума, а проведение в жизнь – дело воли. Для наглядности этого беру пример из другой области, но отчасти аналогичной военной, ибо в ней чувство личной опасности тоже играет большую роль: чего кажется проще теория ходьбы по канату на большой высоте? Переставляй ноги так, чтобы вертикальная линия, идущая от центра тяжести тела, постоянно находилась между подошв и падала в ось каната; а попробуйте исполнить!

Этот открытый секрет, настолько простой, что словам, его выражающим, можно научить даже попугая, большинству не дается еще и потому, что в каждой книге, особенно военной, человек читает собственно самого себя, т. е. задерживает только то, что соответствует его прирожденным свойствам и степени его подготовки к чтению.

Взяв это в расчет, нетрудно заметить, что читатель бывает разный: у одного все читаемое проваливается как сквозь решето, безо всякой задержки; у другого, как в плохой сортировке, задерживается шелуха, но зерно отлетает; у третьего зерно задерживается, но нет воли посадить его в жизнь и взрастить заботливо, настойчиво и последовательно; наконец, четвертые способны задержать, посадить и взрастить. Эти последние считаются единицами, и когда судьба ставит их у дела – дают великий плод. Таков был Суворов.

подошвах сандалий – свинцовые подкладки, а мечи, которыми легионеры упражнялись в нанесении ударов (а не в приемах), – двойного веса.

У Цезаря Суворов задержал форсированные марши и то, что только тот может требовать чрезвычайных усилий от солдат, кто способен сам при случае дать таковые. У новейших писателей он вычитал то же самое, конечно с оттенками, в особенности у маршала Саксонского: у последнего «сердце человека», «война в ногах», «люди на войне делают не то, что нужно, а то, чему их учили»; т. е. утвердился в разумении великого значения для победы духовной силы, движения, силы привычки над человеком.

Вооруженный этим «открытым секретом», Суворов стал его применять, как только попал на самостоятельную работу, и создал систему воспитания и образования войск, поражающую логической выдержкой и художественной законченностью.

Начинает он с церкви и с двух школ (в то время!): для офицерских и для солдатских детей. Строят, конечно, солдаты; ибо строят для себя же, т. е. для полка.

Затем непрерывные усиленные марши, днем и ночью, во всякую погоду; при случае – штурм; на всяком учении, перед разводом, упражнение в атаке непременно на видимую цель и в сквозной – против товарищей. При удобстве расположения – сквозные атаки не только с пехотой, но с конницей и артиллерией. Следовательно, вся повадка римская, но с собственными прибавлениями. Нет, правда, свинцовых подметок и ружей двойного веса, ибо условия снабжения и вооружения не те; но непрерывная и плодотворная (а не бесцельная) работа налицо. Работа притом подготовляющая к бою даже до испытания чувства опасности и до практики в преодолении этого чувства, насколько то в мирное время возможно.

Нельзя не пожалеть, что его «Суздальское учреждение»³ не сохранилось в подлиннике; но полагаю, что в окончательной форме оно вылилось в «Науку побеждать», следовательно, для нас не утрачено.

³ Рукопись этого суворовского труда была найдена в 1938 г. и опубликована под заголовком «Полковое учреждение».

*А. Е. Коцебу. Взятие крепости Кольберг
в ходе Семилетней войны в 1761 году.
1852 г.*

При такой системе занятий ни солдаты, ни офицеры не могли усвоить иных привычек, кроме тех, которые даются боевыми понятиями и боевыми представлениями. Они, следовательно, и в бою могли делать только то, что нужно и что они выучивались делать на мирных занятиях. Привычка – вторая натура; и, как заметил один из современников, для воспитанников суворовской школы бой не представлял ничего нового, ни неожиданного, даже до увечий, а иногда и до смертных случаев.

Случались они, конечно, редко, но случались. У Суворова на это было свое оправдание:

«Тяжело в учении, легко в походе; легко в учении, тяжело в походе»; «одного убью, десять выучу», хотя, конечно, до этого у него никогда не доходило. Смело можно сказать, что не убивал он даже и одного на тысячу; т. е. гораздо меньше того, что бесцельно гибнет на железных дорогах, фабриках, в копиях, от дурной пищи, от дурного помещения, от бестолковых занятий. Если вспомнить, что в образцовых войсках потом говорилось: «Десять забей, одного выучи», то разница получается ошутительная, особенно приняв в расчет, что это говорилось во имя идеалов, не имевших с боем ничего общего.

Но этим Суворовская система не ограничивалась: глубокий знаток человеческого сердца, он придавал силе слова великое значение и не только закреплял при помощи слова все сделанное, но добавлял то, чего сделать было нельзя. Отсюда его «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом, или Наука побеждать». Учение у него продолжалось не более часа, а поучение иногда тянулось два и больше. Словами же он пользовался для практики солдата во всегдашней готовности отвечать на вопрос не теряясь и отнюдь не прибегая к уклончивому «не могу знать»; а также для внушения ему отвращения к вредным словам, вроде, например, ретирады. В этом последнем случае он доходил до педантизма, который может показаться даже смешным людям, не отдающим себе отчета во вреде для человека привычки к скверным в военном смысле словам. Ведь за каждым скверным словом скрывается и скверное понятие, которое за словом проникает в душу человека.

Это все забывают; но Суворов не забывал. Некоторые слова могли его просто выводить из себя: именно те, которые подсказывал инстинкт самосохранения или из него же проистекающая неуверенность в своих силах. Так, например, сикурс (помощь) у него нельзя было говорить, а резерв (запас) – можно. Ибо желание помощи обличает сознание слабости, а запас и сильному не стыдно иметь. «Опасность есть слово робкое и никогда, как и сикурс, не употребляемое и от меня заказанное» и т. п. Итак, сначала показ, а потом закрепление его рассказом: великий был знаток человеческого сердца вообще, а русского в особенности, Александр Васильевич. «Всякий воин должен понимать свой маневр!» – опять «открытый секрет», который должен быть врезан неизгладимыми чертами в сознании всякого начальника от самого малого и до высшего; а между тем многие ли им проникнуты?

Ведь, кажется, не трудно понять, что человек может исполнить с духом и толком только тогда, когда знает, чего вы от него хотите; а многие ли это делают? Не чаще ли случается, что скажут и в каком строе и куда идти, и на какой фланг равняться, а зачем идти – не скажут? И если это в мирное время не практикуется день в день, час в час, то можно ли ожидать, что оно на войне само собой явится по щучьему веленью?

Кто не признает, что войска, прошедшие подобную школу, конечно, были выше по воспитанию и образованию любой из современных нам армий, не говоря уже о тогдашних? Они были чистейшими представителями теории невозможного еще тогда, когда во Франции она даже и не снилась. Туртукай, Фокшаны, Рымник, Измаил в особенности – лучшее тому свидетельство. Суворов до такой степени веровал в действительность своей системы обучения, что возвращался к ней и в военное время для подготовки к самым трудным положениям. Так, перед штурмом Измаила он по ночам упражнял войска в штурме укрепления сильной профили, нарочито для того насыпанного.

*К.-И. Кеппен. Спасение А. В. Суворова
гренадером Степаном Новиковым в сражении
при Кинбурне 1 октября 1787 года.
1855 г.*

Сказал он, что на такой штурм можно решаться только раз в жизни и – да простит мне великая тень! – сказал неправду: пошли ему судьба такой же и второй, и третий штурм, – и решился бы, и взял бы.

И вот почему прусского короля били, а Суворова не били.

Его недостижимое величие как воинского педагога видно из того, что он силой одного мышления создал в мирное время то, чего самые победоносные армии, как революционные и наша кавказская, достигали только путем войны действительной, да притом многолетней, т. е. под давлением внешней необходимости. И в этом смысле нет ему равного ни в какую эпоху всемирной истории.

До 1799 г. его системе не доставало европейского освящения; судьба послала великому старцу и это последнее, как бы в свидетельство того, что его система применима со всякими войсками, на всякой местности и против всякого неприятеля, лишь бы во главе стояли люди даже и не его роста, а хоть его типа. И все это было у нас, и все это было забыто. И возмездие за забвение ждать себя не заставило. Едва прошло несколько лет после его кончины, как вместо Фокшан, Рымников, Измаилов, Требий, Нови пошли Аустерлицы, Фридрихланды. Открытый секрет скрылся.

– Все это так, – может быть, скажут, – но в чем же собственно открытый секрет? Нельзя ли покороче?

– Секрет в том, что бесполезное на войне вредно вводить в мирное обучение; иначе получается извращение понятий и привычек; секрет в том, что в солдате нужно признавать человека и соответственно сему с ним во всем поступать.

– Только и всего?

– Только и всего.

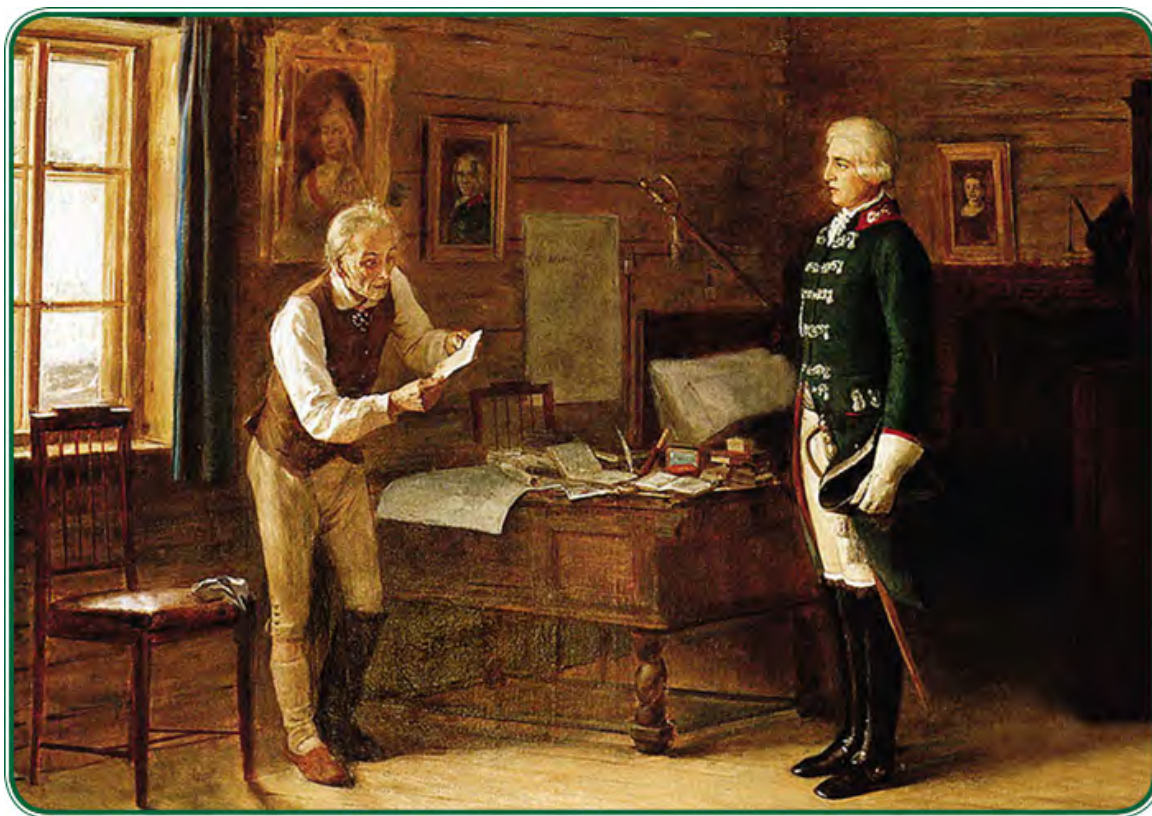
– И это секрет?

– Да, секрет, и притом открытый, ибо его все знают; но тем не менее секрет, ибо его никто или почти никто не применяет; следовательно, не может или не хочет видеть. Скажут, что Суворов все взял с войны: отчего же сотни, если не тысячи тех, которые участвовали в наполеоновских войнах – участвовали и храбро, и с толком – не находили по замирении ничего лучше, как вернуться к тихим учебным шагам и ружейным приемам с усердием, достойным лучшего применения? Ведь у них боевой опыт был посерьезнее опыта субалтерна Суворова в Семилетнюю войну?

VI

Говоря о Суворове, нельзя пройти молчанием его чудачества: и потому, что они были свойством его натуры, и потому, что сослужили делу немалую службу. Плели на него по этой части и правду, и неправду, но больше лгали, иногда злобно, и преимущественно из зависти. Были у него, конечно, и крупные недостатки, поскольку он был человек и ногами стоял на одной земле со всеми прочими; но головой-то поднимался куда как высоко над этими прочими.

Слыл он и пьяницей, и полупомешанным. Такие люди в минуты одержания священным безумием действительно могут показаться и пьяными, и полупомешанными людям золотой середины, которые в своем сереньком прозябании не ощущают ни потребности в необыкновенных нервных напряжениях, ни расположения к ним. И поэты в минуты вдохновения тоже кажутся и пьяными, и полупомешанными таким людям, и это в обыкновенное время; во сколько же раз впечатление полупомешанности должно увеличиваться в минуты, когда косит смерть и когда от успеха или неуспеха зависит иногда судьба отечества, не говоря уже о собственной репутации? А кто это испытывал поневоле, тот привыкает к поднятому нервному тону и в спокойном состоянии духа. Недаром сказано, что нет великого человека без зернышка помешательства.

**П. Е. Геллер. А. В. Суворов в селе Кончанском
получает известие о назначении его главнокомандующим
союзными войсками в Италии. 1902 г.**

Собственно чудачества Суворова истекали из его природы; это наше родное юродство, не напускное, а действительное, т. е. такое, какому человек сопротивляться не может и какое с годами, конечно, растет, особенно если в жизненной обстановке оно обретает себе пищу. А это в предлежащем случае вполне имело место.

Припомним время: это был, во-первых, расцвет крепостного права; во-вторых, совершенное отсутствие понятия о, так сказать, служебном, самоотверженном патриотизме. Великая Немка научила русских гордиться русским именем; но своекорыстия, взлелеянного вековым рабством, искоренить, конечно, не могла: служили все своему личному, а не общерусскому; если при этом кое-что перепало России, то, конечно, только по дороге. Всякий тащил, что только мог, служа своему самолюбию, тщеславию, карману, брюху с окрестностями. Самый грандиозный и поэтому наглядный образчик такого попутного служения родине представляет великолепный князь Тавриды; слава России ему, конечно, была дорога, потому что была дорога великой Екатерине; но дорожке ее, конечно, было всяческое самоугождение. Служить-то он служил родине, но и вознаграждал себя за это широкой рукой и землями, и деньгами, и дворцами, и устройством своей родни.

В труде А. Ф. Петрушевского отношении Потемкина к своим обязанностям видно из описания очаковского сидения: прибавлю к нему две небольших жанровых картинки.

Не знаю, как и когда попал Светлейший в Святогорский монастырь на реке Донце. Место чудное, сам монастырь стоит на грандиозных меловых конусах. Понравилось место Светлейшему и за распоряжением не стало дело: монастырь упразднить, имение взять на князя. Только впоследствии монастырь был восстановлен усердием жены одного из его наследников, Т. Б. Потемкиной, конечно, без возврата имения.

Другая картинка: заезжает раз Потемкин к одной даме, родственной или знакомой, не знаю. Дама говорит, что пришлось нанять гувернантку, а платить дорого: нельзя ли ее

куда-нибудь пристроить на жалованье? Светлейший обещал; и через несколько дней дама получает уведомление, что гувернантка зачислена в один из драгунских полков ротмистром. Вот в какую компанию попал на общественное служение Суворов; кто по чину, а кто и не по чину, но брали все; а он, воспитанный на Плутархе, слился с идеалом бескорыстного, самоотверженного служения родине.

При таких условиях мог ли он явиться открытым, свободным обличителем укоренившихся порядков? Конечно, нет; его заклевали бы: он и обращается в правды ради юродивого. Он не мог высказывать прямо того, что накипало на душе; не мог и молчать; и потому прибег к языку Эзоповскому, рабьему, благодаря коему высказывал житейскую, часто горькую, правду, не стесняясь лицом. Но не лгал никогда, а правду прощали за шутовскую форму: чудак-мол; всегда таким был, таким и останется.

Это его юродство вверх; посмотрим, чем оно выражалось и какие плоды давало вниз. При крепостном праве солдат видел в офицере не командира, а барина; и офицер разумел солдата, в свою очередь, не подчиненным в петровском смысле, а рабом. Вот внутренний склад понятий; а Суворову нужно было не раба лукавого, из-под палки работающего, а свободного человека, честью и во всю свою собственную волю готового принести высшую жертву христианской любви за други своя; как же это сделать? Да все при помощи того же юродства, благодаря коему он солдата поднимает до себя.

Грамота австрийского императора Иосифа II о пожаловании Суворову в 1789 году графского достоинства Священной Римской империи

И солдат чувствовал себя с ним свободно; он видел в нем самого старшего товарища, а не недостижимого барина над его барами. При таких отношениях Суворова к солдату могли ли они не отразиться и на отношениях к последнему офицерства?

Утверждаем категорически: должны были отразиться, хотя современных документальных свидетельств на это и не имеем. При таких отношениях процветанию палки места не было, и те естественные духовные качества, с какими простолюдин попадал на службу, не забивались, даже не подавлялись, а напротив, крепили и развивались. Суворову нужны были не безмолвные, задеревеневшие нравственные кастраты, а свободные, предприимчивые, безгранично смелые и упорные люди, и он этого достигал благодаря своему юродству. Таким образом, будучи правды ради юродивым вверх, он был любвеобильным Христа ради юродивым вниз.

Взяв это в расчет, придется признать, что это юродство особого рода, какого давай Бог

побольше, а не то шутовское, казавшееся некоторым, особенно придворным кавалерам, средством выскочить, обратить на себя внимание.

Чье внимание, спрашивается, Суворову нужно было обратить на себя?

Екатерины? Даже смешно это сказать. Не такая это была дама, чтобы ее можно было поймать на столь нехитрое коленце, как шутовство.

Да Суворову в этом и надобности не было, так как она знала его еще с Семилетней войны. И всем, порывавшимся видеть в его чудачестве разные затаенные виды, ответ находим у него же: «Помилуй Бог, не трудитесь, я вам себя раскрою: цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мне удивлялись, враги меня ругали, придворные смеялись. Эзопом являясь при дворах, побасенками говорил я правду; был Балакиревым для пользы отечества». Кажется, ясно! Некоторые находят еще, что шутовскими выходками он прикрывал свое раболепство. Не говоря уже о том, что многое, по современному раболепное, в его время таким не было; нельзя не признать странным раболепство, вызывающее у человека полный достоинства ответ Потемкину («Кроме Бога и Государыни никто меня наградить не может»), просьбу в Кременчуге, обращенную к самой матушке царице заплатить задолженные им за квартиру, кажется, два или три с полтиной, тоже в ответ на вопрос, чем наградить его; нравоучение Прощке при посещении одного графа, что значит верно служить и какую награду можно за это получить.

Заправские раболепы при одной мысли о такой предезности могли бы упасть в обморок. Он был гибок и сдавал, пока было можно: именно пока ему не мешали дело делать; но эта гибкость покоилась на гранитном дне, доводить до коего нажим было неудобно. Весь эпизод с Императором Павлом прямо показывает, что когда доходило до святейших военных устоев, он не задумывался ставить все на карту.

VII

Память такого человека может и должна быть почтена всячески; но памятник нерукотворный – проведение в жизнь его великого «открытого секрета», во всех разветвлениях гениально им разработанного, – есть единственно его достойный. Без этого все другие памятники будут напоминать только текст, взятый к этому очерку эпитафией.

М. Драгомиров. 21.05.1900 г. Киев

Труды, письма, документы

ТРУДЫ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ

Полковое учреждение⁴

⁴ Печатается с сохранением некоторых особенностей авторской орфографии и пунктуации.

Глава I. О караулах

§ I. О построении караулов на месте

1

Караул строитца по числу людей своих и рота, как то ей положено в описании 1763 году полкового строю главы 2 в 1-м пункте части I.

2

Команды строятца: от 40 до 24-х рядовых, разумея при фронте остающихся, в 3 шеренги. От 24 до 12 – в две. От 12 до самых малейших постов в 1 шеренгу.

3

Офицеры: буде два при команде старшей в середине команды, от передней шеренги в 8 шагах, младший на правом крыле между четвертым и пятым рядом, от рядовых в 4 шагах.

4

Унтер-офицеры: становятца по старшинству на крыльях в передней и задней шеренгах. А буде их только два, то в одной передней на обоих крыльях.

5

Капралы: в задних шеренгах на крыльях. А буде в задней унтер-офицеры, то капралам стоять во второй.

6

Где при офицере один сержант и капрал, то сержант на правом, капрал на левом крыле передней шеренги; то же когда сержант на карауле начальником, то он на правом крыле, а его капрал на левом передней шеренги; когда в карауле капрал начальником, то он на правом також крыле, то же и ефрейтор. Разве сержант главным на карауле за офицера, тогда стоит там, где офицер.

7

Барабанщики: при офицерах, буде в три или в две шеренги, между первой и второй за офицером; в одну шеренгу перед шеренгой. При унтер-офицере на правом у него крыле.

§ II. Как быть караулам в маршировании

1

В маршировании караулы разделять: от 48 до 36 рядовых на два взвода, а ниже 36 до 24 – в один взвод, в три шеренги. Ниже 24 до 8 – в две шеренги, от 8 ниже – в одну шеренгу.

2

Офицеров: буде два – начальной перед командой, а подчиненной в замке.

3

Унтер-офицеры: первой ведет второй взвод, последние по фланкам взводов, також и капралы, как выше назначено на месте. При одном офицере: старшей унтер-офицер замыкает, а по нем следующий ведет второй взвод.

4

Буде же команда состоит в одном взводе, то старшей унтер-офицер замыкает, как выше показано, на месте по крыльям шеренг.

5

Начальникам караула: сержант, капрал или ефрейтер перед командой в 4 шагах.

Первая страница оглавления рукописи
А. В. Суворова «Полковое учреждение»

Этот документ, известный как «Суздальское учреждение», долгое время считался утерянным и был обнаружен только в 1938 г. научным сотрудником Артиллерийского музея (в Ленинграде) полковником Т. И. Воробьевым при разборе рукописного фонда библиотеки музея. «Полковое учреждение» написано А. В. Суворовым в дополнение к руководящим документам для офицеров и младшего командного состава Суздальского полка, которым Суворов командовал с 1763 по 1768 гг.

6

Барабанщик в 1-м взводе, между первой и второй шеренги, в одну шеренгу – перед шеренгой, между оной и предводителя команды.

§ III. О смене караулов

1

Когда новая смена к старому караулу приблизится шагов до 50, а по обстоятельству места и ближе, командует стоящей на оном офицер «на караул» и прикажет бить поход. А пришедшей, заведя фронт в расстояние рядовой от рядовой шеренги 16 шагов, разве в необходимости по обстоятельству места и ближе, и средина против средине, взаимно делает

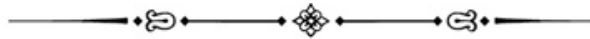
то же; потом барабанщики обоих караулов тотчас бить перестанут. Где не офицерской пост, там начальник караула из нижних чинов заводит новую смену против середины старого караула в расстояние не 16, но токмо 8 шагов, и, как скоро скажет «заходи», отходит проворно на свое место, то есть на крыло правое своей команды, а барабанщик, буде есть, також проворно отходит ему на правое крыло; старого караула начальник из нижних чинов прежде новой смене «на караул» не командует, пока она против помянутого не заведена будет, потом командует «на караул», оба вдруг и ударят в барабан поход. Где при команде два офицера, там новый начальник, буде место дозволит, заводит свою команду в расстояние 24 шагов.

2

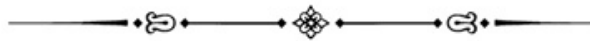
По отдании чести оба офицера, подняв свое ружье в правую руку, зделав по три шага, так что между ими останетца два шага, подходят друг к другу на средину и, поставя ружье к ноге, сняв шляпы (а унтер-офицеры, капралы и ефрейтеры делают между собою ружьем, имея оное на плече, «на караул», то же всегда, когда друг другу ружьем оба рапортууют, шляп никогда не снимают). Пришедшей сказывает о себе стоявшему, что на смену пришел, что приказу; на сие стоящей препоручает ему все, что на том карауле сохранять приказано, и притом весьма тихо. А буде без дозволения смену производить не велено, то отправляет мелд-ефрейтеров для истребования на то дозволения.

Понеже в том случае не получа дозволения, к смене вовсе пристойности нет приказу отдавать; и потом оба офицера, здав друг другу приказ, поднимают ружье в правую руку (а буде из нижних чинов, на плечо), направо поворотя, идут к их командам на свои места и командуют: 1-е. «На плечо» (а ежели пришедшей от стоящего приказу еще не получил, то, дождавшись мелд-ефрейтеров, сходятца на средину в другой раз и один другому приказ отдает). 2-е. «Унтер-офицеры и капралы к смене», по которой команде обоих караулов унтер-офицеры и капралы поворачиваютца направо и налево, идут по старшинству позади передней шеренги, строятца позади ее против правого крыла старого караула и, поворотясь вдруг во фронт, выходят вдруг же из-за шеренги и строятца на средине караульного промежутка и, зделав вдруг «на караул», требуют пришедшие от стоящих осведомления о постах, колико их есть двойных или одинаких, и впротчем, что к их должности при карауле приказано, посему: старой: «зачем пришел»; новой: «вас сменить, что сдачи и приказу, сколько постов»; старой: «буде особливых приказов нет, содержать караул бодро и осторожно, сдача будет по смене, постов столько»; что получа, оборачиваютца направо кругом и идут в свои места; из пришедших унтер-офицер рапортуует своего офицера о числе постов, и по приказу его разнумерить караульных на перевязках карандашем смены, то есть: первая, вторая, третья.

Ежели разводит один капрал, то разнумеривает с правого крыла, Чтоб ранжир испорчен не был, а буде разводят два или четыре капрала, то уже с обоих крыл; что исполня, рапортуует своего офицера.

Однажды, в весьма холодную ночь, граф Суворов с Фуксом ехали верхом. Фукс зашел в крестьянскую избу обогреться. Граф поехал дальше. Отъехав несколько, увидел он солдата, стоявшего на часах, и спросил: «Знаешь ли ты, сколько на небе звезд?» «Знаю,— отвечал солдат,— сейчас доложу Вашему Сиятельству». Потом начал очень тихо считать, глядя на звезды: раз... два... три... и т. д. Когда Суворов был в движении, то холод был ему не так чувствителен, но стоя на одном месте, он очень озяб. Наконец, не вытерпев, спросил про звание солдата, пустился в избу и, едва успев войти, закричал Фуксу: «Скорее такого-то в унтер-офицеры — он богатырь!»

Ежели команда более нежели из одного офицера состоит, то старшей, токмо чтобы на сие место дозволяло, становитца от фронта в 8 шагах, протчие в 4 шагах. А буде два, то как предписано в 3 пункте I-го отделения сей главы.

3

Потом пришедшей офицер командует: «первая смена направо»; буде же расчет был с обоих крыл, то «направо и налево»; «ступай»; «стой»; тогда капралы к назначенным на часы приступят, новые станут по правую, а старые у них по левую руку, новая командует во фронт, старые капралы, сказывая новым, в которую сторону разводить; «право или лево заходи»; «стой»; «ступай»; потом более на поворотах по малости их команд не командует для проворного развода, и разводят весьма скоро, и команда должна сама за ними ходить, разве для упреждения какого замешательства давать им иногда знак рукою. Между тем офицер нового караула приказывает оставшим[ся] на месте строитца, наблюдая ранжир, в две или одну шеренгу, по числу людей, потому как положено о построении на месте, или ровняет, приказавши принять вправо против середины старого караула буде развод был с одного правого крыла; то же и водящей на часы капралы в построении шеренг на походе из трех, где из двух в одну всегда наблюдают, как сказано в 1-м пункте 2 отделения сей главы.

4

Когда новая смена часовых к старым прибудет, новый капрал против посту, который он сменять должен, не дошедши 6 шагов, командует: «стой, на караул, перед себя»; вся сменная команда то же исполняет, и по сей сойдет новой против старого часового и, приближась к нему, старый новому: «зачем пришел»; новой: «вас сменить, что сдачи и приказу»; старый: «содержать караул бодро и осторожно, а особливого приказу и сдачи нет», а буде есть, то сдачу капрал знает; а ежели есть капра[лу] особливый приказ, то старый часовой сдает оный новому так тихо, чтоб капрал слышать мог; потом новый, на его месте ставший, с первым для поворота налево кругом, темпом, то есть: поставя правый каблук к левой щиколотке, а старый, дошедши до сменной команды, заступя его место, станет на нем с первым же темпом.

Для повороту налево кругом капрал командует: 1-е. «Во фронт»; делают оба вдруг в

остальные два темпа налево во фронт. 2-е. «На плечо»; по сем капралы, ежели есть сдача, новый у старого до малейшей вещи осторожно осматривает и принимает, и буде где деньги и вещи, коли счетом, то счесть, а за печатью – печать и обвязку, не разрезана ли, осмотреть; и ежели сдача не мала, то капралы могут, по положению командой на плечо, их ружья сдавать на время рядовым. Новый капрал, принимая сдачу, в то ж время препоручает оную в сохранение новому часовому, подтверждает ему о хранении всех вещей и отданном на посту приказе. Потом маршируют.

Где двойные часовые, там ставит всегда равных людей, буде нет, то капрал ставит большего на правое крыло. По команде: «ступай», новый часовой сделает сам на караул и кладет на плечо, когда сменная команда от него 6 шагов отойдет; то же буде на том посту держать у ноги, то, поставя к ноге, отделить ружье и по миновании 6 шагов поставить к ноге. Капрал же по команде «ступай» для разверстания шеренг по числу людей, как выше сказано, строит оных на походе командою из трех в две шеренги или из двух в одну шеренгу, стройся на походе. По смене всех часовых старого караула капралы берут у новых правую руку и командуют.

5

По смене всех постов капралы рапортууют унтер-офицерам, а унтер-офицеры своим офицерам, что: сдан или принят караул благополучно; сдача коли есть сходна; приказ генеральной, особливые, коли есть, на постах часовым объявлены, о чем офицеры кого надлежит посылают рапортовать мелд-ефрейтеров, и старого караула начальник приказывает при том своему мелд-ефрейтеру доложитьца об отпуске старой команды в полк или роту. По возвращении их, получивши от них рапорты,

6

обоих караулов офицеры командуют: 1-е: «направо»; 2-е: «ступай»; рядовые, не теряя своей линии, на том месте заходят, где первой ряд зашел, обоюдно шеренги между собою свое расстояние хранят, и старого караула шеренги становятца у самых сошек; и как каждой в своем месте станет, то 3-е: «во фронт», упоминаетца, что всякому караулу всегда стоять в столько шеренг, во сколько ему на месте против 2 пункта I-го отделения сей главы быть положено. Чего ради, верстая оные по числу приводимых капралами команд, сменившихся с часов, начальник старого караула строит шеренги до получения от его подчиненного о всей смене рапорта.

7

Когда оба караула во фронт станут, командует отходящей: 1-е: «на караул», и прикажет ударить в барабан одно колено поход; 2-е: «в правую руку»; 3-е: «сомкнись»: отобьет; 4-е: «право или лево заходи»; а буде не один взвод, то первой взвод стой, протчие направо; а с одним взводом зашедши: 5-е: «стой»; 6-е: «ступай»; ударит и бьет с поля, пока из виду у настоящего караула отойдет.

8

При команде: «ступай»: настоящего караула офицер командует: 1-е: «на караул», и бьет поход, доколе старой караул его минует до 50 шагов; 2-е: «на плечо»; 3-е: «к ноге»; 4-е: «приставь ружье», буде к сошкам, а буде к стене, то, 4-е: «направо кругом», потом 5-е: «приставь».

9

Обоим караулам во время разводу на часы командовать к ноге; а когда из разводящих смену последний капрал приблизитца к которому ни есть крылу до 50 шагов, приказано класть на плечо; буде все посты часовых не далее 50 шагов, то к ноге не ставить.

10

Кроме как на постах у знамен и у генералитета, где часовые держат ружье у ноги, нигде часовым ружья к ноге не ставить, но иметь всегда на плече, а для отдохновения могут держать под курок и ходить на своем посту во все стороны по 6 шагов; а как скоро часовой кого усмотрит, кому честь должно отдать, стать и исполнять то бодро и добрым видом, коль паче часовой сидеть или ружье из рук выпускать отважитца не может.

§ IV. Как поступать старшему на карауле офицеру, сержанту, капралу и ефрейтеру

1

Караул содержать весьма строго, по силе военных правил, артикулов и полкового учреждения, и протчих на нем повелениев недреманно и осторожно, дабы из добрых солдат не сделать худых и за такую оплошность не подвергнуть себя к раннему взысканию.

2

Когда утреннею зорю пробьют, всем быть исправно одетым, обутом, вычищенным и бело напудренным, до пробития вечерней зори, а по пробитии оной в ненапудренных буклях; токмо перед утренней зорей оные переделывать или, когда не испортит, сверху гребнем чесать, то же протчие волосы на голове, и косу переделать, снова бело, с водою, припудритца, только чтоб букля на сосульку не походила, и исправно вычиститца. А ежели пост у самой знатной особы, то быть всем исправно прибранным, пока она почивать пойдет.

3

Где фронт, а сошек не было, то по вступлении в караул приказать оные тотчас сделать.

4

Иметь от фронта вестовых в настоящих местах без излишества. Когда вестовой, для отдания какой особе чести, или часовой, усмотрят оную прежде вестового, по способности своего места, и чтоб поспеть караулу в ружье стать, громко скажет: «к ружью», то сие того ж мгновения подтвердит громко ж стоящей у фронта часовой; караул выходит и становитца к ружью поспешно, однако без замешательства. Буде ж та особа скоро проедет, или нечаянно вдруг из переулка выдет, так что караул ему чести отдать не поспеет, но для того не торопитца, и командовать порядочно: «ступай в ружье, к ноге, на плечо, на караул», сколько командир поспеет, а кто от торопливости, дабы поспеть честь отдать, за ружье для делания еще не повеленного хвататца будет и произведет во фронте замешательство, того неослабно наказывать. Сие самое в отдании чести наблюдает всякой часовой, а за свою торопливость, в каком ни есть темпе, как только усмотрен будет, наказан быть должен без упущения.

5

Идущему с командою мимо караула: офицеру офицер приступит к ружью; унтер-офицер офицеру – отдает фронтом честь, а унтер-офицеру и всякой команде приступает к ружью. Всем штаб-офицерам и других полков по узаконенному в лагере и в

квартирах отдавать честь фронтом.

6

Ежели усмотритца, что особа, которой честь принадлежит, пойдет или поедет, или команда пойдет позади фронта, фронту, положи на плечо, оборачиватца направо кругом и честь отдавать. То же исполнять и часовому.

7

Для разводу на часы становитца караулу во фронт. На знатные посты назначивать лутчих людей. Во время разводу на часы командовать, как выше сказано, «к ноге»; ежели весьма много постов, как то в столичном городе, и скоро развесть не можно по отдалению их, то и «приставь»: капралы, заведя свои сменившиеся команды во фронт, тоже ружье приставляют, кроме последнего; при приближении последнего капрала к фронту до 50 шагов, все станут во фронт, и на плечо; потом ранжировать; при всех случаях рядовые сами собою шеренги дополнят, буде на карауле у военначальника, и оный, когда развод на часы смотрит в окно, то хотя не близко ко фронту, без его приказы к ноге не становить.

8

Капралам разводить на часы скоро и бодро, сомкнутыми рядами, какая бы грязь ни была, и подтверждать часовым, чтоб стояли осторожно и неоплошно, держали на плече и под курок, как выше сказано, а когда дождь, то держали бы от дождя, токмо как скоро увидит кому честь отдать, клали бы порядочно на плечо.

9

С караула командир никуда не отлучаетца. Ежели часовые близко, или не очень далеко, то в половине развода осматривают их капралы. А буде далеко, как то в столичном городе, то имеют капралы нарочно командированных для того без ружья к каждому по одному рядовому, за ефрейтеров, яко своих субалтернов.

10

За нуждами больше одного рядового с караула не отпускать.

11

Все, что рядовому на карауле исполнить должно, часто им подтверживать, дабы свою должность не забывали.

12

Караулу в хорошую погоду входить в караульню или палатку не позволять, також и самому ходить и сидеть перед караульней или палаткой.

13

В караулах, как при всяких случаях, нижним чинам с господскими людьми, чьи бы они ни были, никакого сообщения не иметь.

14

Ежели рядовые в непристойные его должности работы употреблены будут, об оном той особе, у кого на карауле стоит, учтивым образом представлять и по возвращении в полк о том рапортовать.

15

Когда караул командирован к какой знатной особе, то по прибытии оного на его пост, буде то первый караул, спрашивать его адъютанта, ежели адъютанта не имеет, докладывать его самого о приказе, смене, сколько часовых и где расставить, где фронту быть или не быть, кому честь отдавать. Коли фронту быть повелено будет, то иметь вестовых и отдавать честь кому надлежит. А ежели не первой караул, то начальник получает наставление о всем, кого рапортовать и докладывать, от состоящего на старом карауле.

16

Караульным при боях утреннем и вечернем держать ружье у ноги до время молитвы, а перед молитвой подымать на плечо. При обоих сих боях, как и при сборе, где будет бой не на месте бить, выходить с обоих крыл при капрале или ефрейтере по два рядовых, а где мало барабанщиков, то есть не свыше трех в одну шеренгу, то при капрале или ефрейтере с обоих же фланков по одному рядовому, коим в битье последней повестки самим ружье на плечо поднять, а к сбору изготовлены уже перед битьем; по прибытии на прежнее место оные сами собою поставят правой каблук к левой щиколотке и по знаку капрала, с которым ходили, в остальные два темпа сделают налево во фронт и поставя ружье к ноге. Все бои барабанные бить весьма крепко и скоро. В ту сторону, в которую барабанщики с битьем в барабан маршируют, должно им не ближе ходить как на 50 шагов. Учрежденные в полку молитвы читает наизусть по очереди рядовой, унтер-офицер, капрал или, ежели желает, и сам офицер. А к сбору прежде битья в барабан караул делает на плечо.

17

В средине времени между вступления к будущей смены в суточном, двое-, трое- и четверосуточном карауле начальник оного делает всем караульным краткое свидетельство в экзерциции один раз, в недельном один раз, краткое, другой раз полное первое свидетельство. В двунедельном против сего вдвое, в месячном вчетверо. И так поелику караул долговременен. Описание сим свидетельствам смотри пункты 12, 13 гл. II.

18

Караулу по смене сходить с посту порядочно, однако без медленности и поворотливо.

Грамота о пожаловании А. В. Суворову
25 апреля 1754 г. чина поручика.
Третья снизу — подпись В. И. Суворова

19

Начальник, приведши старой караул обратно в лагерь порядочно, и ежели был барабан, с барабанным боем, поставит оный против баталионной улицы на полковых линейках, сделает и с правой руки на плечо и посылает мелд-ефрейтера доложить майора о распусчении команды; и сержант, капрал и ефрейтер посылает о том докладывать адъютанта, а тот уже докладывает о том майора; получа приказ, командует «по-ротно сомкнись»; буде от одной роты, то просто «сомкнись, направо кругом, ступай в лагерь». В квартирах в столичном городе, доведши до полковых квартир или до ротных, откомандовавши «ступай по квартирам» и распустивши свою команду, рапортует сам офицер майора, нижней начальник адъютанта, и сей майора.

А в квартирах по деревням команда прежде распускаетца по-ротно, потом по обширности как способно по капральствам, определяя к каждому отделению по ефрейтеру, буде иных чинов нет, которые свои команды, как бы они малы ни были, представляют своим капралам, а оные уже их в квартиры распускают; капралы о их прибытии чрез мелд-ефрейтеров при обыкновенном суточном рапорте старшего сержанта рапортуют.

Глава II. О экзерцировании

Понеже праздность корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведет каждого к знанию его должности в ее совершенстве, ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для побеждения неприятеля необходимая нужда. Для того надлежит ему оной обучену быть в тонкость, и в начале господам обер-офицерам должно оную весьма знать и уметь показать, дабы, убегая праздности, подчиненных своих в надлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать могли, так, чтоб оное

упражнение вообще всем забавою служило.

Экзерциция состоит: 1-е – в хождении и захождении, дабы солдат ко всякому движению и постановлению фронта против неприятеля искусен был.

2-е – [в] скорой и исправной пальбе. И сие первое обучение движению ног столь паче нужно, как обучение в действии рук, что без него и исправнейшее действие в руках и штыком, как бы кто храбр ни был, бесполезно.

Довольно изъяснено в изданном 1763 года описании полкового строю в части I Глава 8, что при обучении приемам, в части II главе 13 в движениях, обращениях и маршировании, в части III главе 7, что при всякой пальбе и зарядании примечать надлежит.

Здесь прежде яко весьма важное назначить должно, как рекрут из новоопределенных, не поверставши с старыми рядовыми, надлежит обучать экзерциции.

1

Чтобы оные имели на себе смелой и военной вид. Головы вниз не опускали, стояли станом прямо и всегда грудь вон, брюхо в себя, колени вытягивали и носки розно, а каблуки сомкнуты в прямоугольник держали, глядели бодро и осанисто, говорили со всякою особою и с вышним и нижним начальником смело, и когда он о чем спросит, чтобы громко отзывался, прямо голову держал, глядел в глаза, станом не шевелился, ногами не переступал, коленей не сгибал, и отучать весьма от подлого виду и речей крестьянских, и тако обуча как стоять во фронте.

2

Потом обучать поворотам: по-одиначке, по-шестакам, по-шереножно и всею командою в три шеренги.

3

После приступить к хождению. Полной военной шаг аршин, большой шаг полтора аршина. Обучать сначала весьма тихим гусиным шагом, наблюдая прямизну стана в голове, груди, брюхе, коленях, носках и каблуках, как пред сим в 1-м пункте сказано. Потом делать шаг скорее; и наконец обучать сперва тихо, потом скорому шагу в полтора аршина. 1-е – по-одиначке: обоими шагами вперед; косым аршинным шагом; в принятии в бок на линии вправо и влево; в принятии в бок вперед, вправо и влево; к отступанию назад. 2-е – шестакими: сведя в шестаки, а по недостатку примешавши старых, тихо и скоро сперва гусиным, потом вперед аршинным и полторааршинным; после того косым шагом на линии и вперед в обе стороны, отступанию назад; и после всего захождению, наблюдая прямизну линии вправо и влево; первозаходящей на крыле делает шаг в полтора аршина, прочие при наблюдении прямизны линии потоплику сей шаг убавляют, а последней шагу никакого не делает для соблюдения места незаходящего крыла, но токмо малое движение, надобно помнить обращение головы в сторону захождения, а в косых шагах в сторону принятия, и чтобы всякому рекруту, а особливо в захождении, досталось быть на крыле, против сего перемешавши старыми. 3-е – большою шеренгою. 4-е – командою в три шеренги и притом отступанию и приступанию задних и передних шеренг. 5-е – сдваиванию рядов, взводов и шеренг, после сего обучать:

4

снятию шляпы на месте одним темпом левою рукою во всю руку, в мимоходе на 24 шагах, то есть: 12 в шляпе сделать без всех темпов фронт в правую сторону, а с оным поворотом вдруг левою рукою снять шляпу и, несколько на месте постоявши, надеть шляпу,

и с тем вместе вдруг и без темпов влево поворотитца и отойти 12 шагов; против сего и с поворотом влево в обходе на 24-х же шагах, 6 в шляпе, не останавливаясь, не дошедши 6, снять и пройти без шляпы на голове еще 6, итого 12 шагов, потом, не останавливаясь же, надеть шляпу и пройти еще 6 шагов.

5

Дать им ружье в руки и 1-е – научить, как оно держать и с ним во фронте стоять, 2-е – подтвердить с ним повороты, 3-е – все хождения, описанные в 3-м пункте.

6

Таким образом новоопределенных рекрут обуча сполна движению ног, надлежит обучать действию рук, прежде приемов по-одиначке, по-шестакам, большею шеренгою и целою командою в три шеренги. Счет между темпами сперва одиннадцать, потом девять, напоследок семь, когда одиначкою обучитца, приказывать каждому по окончанию приемов отдать честь и громко спросить: «господин капитан, сержант, капрал, ефрейтер, то есть тот, кто обучает, что приказу», дабы заблаговременно к мелд-ефрейтерству привыкали.

7

После приемов скорому заряданию с примерною пальбою: 1-е – просто по-одиначке с оказанием всех темпов и приемов стоя. 2-е – с знаками⁵ по-шестакам и большою шеренгою. 3-е – скорому четверократному заряданию с примерною пальбою, то есть: стоя, сидя на колене, причем особливо садитца на колени твердо обучать, вставши, и с заряданием на левой стороне по-одиначке, и с знаками по-шестакам и большою шеренгою. 4-е – с сим последним на левой стороне заряданием для наступания с пальбою на фронт неприятельской, с хождением вперед, то ж по-одиначке, с знаками шестаками и шеренгою. 5-е – сведя всех, а по недостатку примешав старых, в три шеренги с приступлением задних на месте и передние садясь на колени по одному ряду, потом по два с искошением оных, и залпом с знаками, все тихо, потом с знаками для примерных выстрелов скорострелков. 6-е – сие все обучение подтвердить в зарядании, где надлежит с знаками в примерной пальбе и в одиначке с командою, и в прибавок к тому отступную пальбу и в марше по рядам батальонов огонь.

8

Напоследок приступить к пальбе. Сему обучению 4 пункт во всем точным примером и основанием; то же действию ружьем, как и там, кроме того, что здесь уже все действия с патроном. При сем весьма наблюдать, чтоб оный из сумы скоро вынут был, исправно скушен, тряхнув один раз на полку, скоро опущен в дуло одним разом и крепко шомполом прибит.

9

Наконец обучать рекрута, как поступать при смене на часы и с часов, как содержать пост часового, как окликать рунд и дозор, исполнениям на молитву и на плечо с снятием и надеванием шляпы в пять приемов. Потом мелд-ефрейтерству, как в оном образе рапортовать, принять приказ и оный исправно отдать. Тем рекрут свое экзерцирование

⁵ То есть с обозначением выстрела.

окончит и войдет в ротной строй с старыми рядовыми. В капральстве своем обучаем он бывает учрежденным при полку молитвам и содержитца во всегдашнем свидетельстве и подтверждении экзерциции.

10

Когда мушкетер в суме, то ни перед кем не останавливаетца, шляпы не снимает и идет своею дорогою бодро, то же когда с ружьем, но только держит его на плече круто. Когда мушкетер без ружья и сумы и должен своему вышнему отдать поклон, то, не доходя до него 6 шагов, поворотясь к нему лицом в лицо, без всякого темпа весьма проворно снимает шляпу левою рукою за пристяжку в левом углу и спускает вниз во всю руку по правую сторону тесака; а ежели что оный ему приказывать или говорить с ним станет, стоит до окончания без шляпы, а когда будет в отдалении шести шагов от своего начальника и офицера, опять надевает шляпу и идет дале, поворотясь, куда ему дорога, проворно без всякого темпа; ежели для скорости ему надлежит обойти офицера по той же дороге, то идет не останавливаясь и, поравнявшись так, чтоб ему на 6 шагов обойти его можно, снимает шляпу, и обошед, идет еще ненакрытой 6 шагов и наденет шляпу.

Буде же начальник, его пропустя, к себе позовет, прикажет куда идти или что делать, а он уже шляпу надел, то другой раз шляпы перед ним не снимает и говорит с ним накрытой, хотя бы он сам без шляпы был. Мушкетер також снимает шляпу перед его нижним начальником, яко то: унтер-офицером, капралом, ефрейтером, токмо в мимоходе не останавливаетца и по трех шагах опять надевает, а на месте немедленно по снятии, разве сделает поворот к нему в лицо, когда он его позовет или что приказывать станет, в ту пору он до окончания без шляпы; напротив того, тот его начальник шляпы перед ним не снимает.

Других полков нижним начальникам токмо тогда делать снятием шляпы поклон, когда он командиром, а хотя и нет, однако для оказания его чину почтения, то же делать, когда он говорить или приказывать будет. Для оказания почтения старшему сержанту той роты, которой он, все унтер-офицеры, капралы и ефрейтеры против сего при встрече и мимоходе снимают шляпу, он им тем же соответствует, ежели успеет. Между собою ж унтер-офицеры, капралы и ефрейтеры то ж левою рукою отрывно и вдруг снимают шляпы, младшие перед старшими токмо при рапортовании без ружья и сумы, и тотчас опять надевают, в других случаях, також кроме принимания приказа, как они, так и рядовые, между собою сошедшись, шляп никогда не снимают, но имеют исправно надетые на голове.

Конный гренадер
в форме 1756—1761 гг.

11

Буде нижние чины в отлучке или в карауле свыше недели при начальнике от полку, и когда оные в роту придут, ежели по свидетельству ротного командира явитца, в которой части экзерциции кто не исправен, то коли его роты начальник, взыщет сам на нем по его изволению, а ежели другой роты, тогда рапортует о бывшем слабом смотре за его одним или несколькими подчиненными полкового командира, и хотя бы тот ротной командир ни одним классом ниже чином был прибывшего из отлучки начальника, кроме того, что иногда таковых прибывших в полк полковой командир сам или по его приказу кто свидетельствует. Наблюдение сего пункта тем важно, что таковой начальник, будучи в отлучке, не попустит впасть в ослабление его подчиненным и нареkanie полку не наведет.

12

Свидетельство в частях экзерциции в роте, в капральстве и отдельной команде есть следующее: 1-е – в хождении, имянно: вперед тихим аршинным шагом тридцать шагов, скорым аршинным шагом тридцать шагов, тихим в полтора аршина тридцать шагов, скорым в полтора аршина тридцать шагов, в принимании аршинным шагом в бок на линии вправо и влево по тридцать шагов и в принимании вперед вправо и влево по тридцать шагов, отступление назад шесть шагов и гусиной шаг. 2-е – в приемах полковых и ротных между ими счет семь и поворотам. Гранодерам сверх того бросание шлаг. 3-е – четверократное скорое зарядание с примерною пальбою, имянно: стоя, сидя на колене, вставши и зарядя на левой стороне по одному разу. 4-е – снятие шляп на месте, в мимоходе и обходе.

Против сих четырех примечаниев свидетельствовать и обучать: Первое – одиначкою, разумеется, что тут гусиного шагу нет. Второе – шестаками. Третье – большею шеренгою, против первого примечания, причем крыльные, то есть фланковые, надлежаше наблюдать; потом захождению четверугольником вправо и влево, где особливо крыльные их должность порядочно наблюдать, а в шестаках в три перемены, чтобы всем досталось крыльными быть, и гусиным шагом; против второго и третьего примечаниев четыре флигельмана в отдалении от фронта в четырех шагах; против четвертого примечания в мимоходе, с захождением шестака и шеренги на обе стороны, в обходе с приниманием шести шагов вперед полных вправо и шести влево без шляпы, потом то же напротив для обходу с левой стороны.

Четвертое – капральством и отсутвенною командою, против первого примечания, в три шеренги, приступанию и отступанию задних и передних шеренг, причем заднюю шеренгу очередовать: прежде без приступания, после с приступанием шеренг, а потом захождению направо и налево в четверугольник и гусиным шагом; против второго примечания, с четырьмя флигельманами от фронта в четырех шагах; 2-е – с командными словами и где барабан, то третья по барабану; против третьего примечания и четвертого – как сказано о шеренгах и шестаках; в гранодерском капральстве делить капральство для бросания шлаг на два взвода и отсутвенную команду, буде столько в ней людей есть. Пятое – то же исполнять целою ротою, что и капральством, токмо при бросании шлаг делить гранодерскую роту на 4 взвода.

13

В карауле начальник караула делает своим подчиненным против 12 пункта первое свидетельство. В недельном – два раза: один раз полное, сколько ему на то число его команды дозволит, другой раз краткое, то есть по-одиночке, с прибавлением шеренгою гусяного шагу, в двухнедельном – вдвое и так далее. В маловременном же только краткое один раз, как то повелено в 14 пункте 4 отделения I главы.

14

Обучение же полной роте, капральству или отсутственной команде, сколь далеко она числом своим дозволит, производить во всем точно против описания полкового строю 1763 года и из оногo в полку сокращенного строевого устава.

15

При церковном параде наблюдать весьма исправность в хождении и захождении взводов и поступать по нижеследующему: взводы, роты, капральство, команда или часть капральства, дошедши до церковных дверей, начальник командует: 1-е – «стой» и построить с командным словом, 2-е – как надлежит фронт, 3-е – «шапки, колпаки или шляпы долой», 4-е – «справа ступай»: входят в церковь и кладут шляпы, колпаки или шапки в один угол, а особливо шляпы подмышкою и в руках мять не дерзать. По окончании Божией службы разбирают оные, по выходе из церкви сами надевают и по командному слову: 1-е – «стройся» – весь фронт порядочно построить, 2-е – по-взводно, или по капральствам, или по частям капральства, или просто, ежели один взвод, – «сомкнись», 3-е – буде по-взводно, то «право стой лево заходи, или лево стой право заходи, или первой взвод стой, протчие направо» и 4-е – «ступай», по чем то же порядочно отходят.

Глава III. О убранстве и чистоте

§ I. Как по сему поступать

1

Надевать шапки гранодерские так, чтоб передней край шапки был на самых бровях, мало нечто искося на правую сторону. Медь так чистить, чтоб от нее был блеск. Шапок кроме караула не носить, но ходить в колпаках, колпак тако ж на правую сторону искошать.

2

Мушкетерам надевать шляпы, чтобы был передней угол против левого глаза, тульи край на правой стороне на самой брови, а против левой стороны выше брови на два пальца. Полям у шляп быть на два с половиною вершка, бант и обшивка весьма бело вымытые и кисточки крепко пристроены. Шляп подмышку отнюдь не класть и в руках не мять, но всегда она выправлена, чисто вычищена, исправно и крепко связана и поля ни мало не погнуты. Кроме караула и большого полкового строю шляпы носить старые с бантами без обшивок и кистей, токмо исправно связанные и не погнутые поля.

Пришиты к шляпе в 6-ю долю вершка черные ремешки, один длинной под серединою заднего поля скважиной, другой короткой под серединою левого угла с пуговкою, на которую длинной ремешок застегивать, пропуская под косу.

3

Косы на проволоке в длину по нижней край портупей, крепко привиты к затылку вверх от волос на один палец, сверху и книзу выгнутые, и снизу выгибка в кружок на один палец выше верхнего краю портупей, так чтоб чуть сумы не доставало; сверху комель, в окружении с волосами и лентою в два вершка с половиною, спустя вниз в размер. Сверху волосяной бант внизу на вершок волос. Ленте быть довольной длины, применяясь сколько по размеру каждого стана надлежит, чтобы ее для крепкой и частой увивки довольно стать могло, и отнюдь бы лента грязна не была, но всегда чиста.

4

У волос с темя на середине завивать волосяную косу, которую ввязывать спустя в лентошную косу. Тупеев не иметь. Виски опрывать всем одинако, как и ныне в полку учреждено, в длинную одну буклю, но расчесанную и зачесанную порядочно, чтоб на сосульку не походила, в мороз делать оную шире, чтоб закрыла ухо. В большем полковом строю, в церковных строях, на караулах и во всяком городе, когда по улице идти, быть бело с водою напудренным однако так чисто, чтоб не было виду, будто букля прежде водою не напыскана, но облита и пудрою не навеена, но обмазана. На квартирах внутри лагеря, в деревне, в малом полковом строю, в ротных строях и по капральствам завивать виски – каждой висок ровно и хорошо в три бумажки в длину, а сзади завивать волосяную тройную косу и, перегнувши, привязывать у затылка и в том месте черной бант, кроме того как на квартире и в палатке.

5

Галстук шириною в вершок: один волосяной черной с тонкою кожанною черною обшивкою на б-ю долю вершка, другой красной камлотовой против того ж, с тонкою белою полотняною обшивкою. Обтянут около шеи крепко, чтоб от манишки или рубашки воротника из-под него не видно было, и без морщин. Пряшка назади против косы. Красный носить только в карауле, в большем полковом строю и церковных строях.

6

У рубашки или манишки в скважины ворота продевать тесьму, тою тесьмою обернувши около шеи, завязывать сзади, а потом заворотить обшивку на тесьму, чтоб обшивка из-под галстука не выбилась. Обшивкам у рукавов быть у самого сгиба кисти руки, манжетам быть тонкого полотна в вершок. Во всяком карауле, большем полковом и церковных строях быть всегда в белой рубашке или манишке, в прочее время хотя не в белой, однако чистой. Сверх того иметь белую рубашку или манишку в запасе.

7

Портупею иметь повязанную нижним краем к самому лифу, всякому по своему стану – ни туго, ни слабо. Пряжка против самых пуговиц. Лопасты тесачные пришиты к левой бедре столько назад, чтоб только ружье свободно на плече держать можно и в экзерциции ефес бы не мешал. Портупея всегда бело выбелена и зубком крепко вылощена. Пряшка на портупее и ефес с крючком у тесака так всегда вычищены, чтобы от них был блеск.

8

Верхнему краю суме на перевязи против верхнего краю портупей. Пристегивать суму

прорезанным ремнем на пуговицу, пристроенную на портупею, или когда в кафтане, а портупея по камзолу, на кафтанную фалдинную. Концы у перевязи крепко к суме пришиты и чтобы ни мало не сжимали. На плече пристегивать перевязь кафтанным погоном. Перевязь бело выбелена и зубком вылощена, кожа на суме воском натерта с лоском и герб с блеском вычищен. Погон всегда выправлен и вычищен, носить оный в караулах, в большем полковом и церковных строениях и только в городах. Гранодеру фитильную трубку чистить с блеском.

9

Штанам сидеть гладко длиною за колено ниже чашки на один палец и вдернутым снурком завязывать и под коленом крепко, чтоб вверх не подымались и из-под штиблет не выбились. На поясу сидеть крепко, чтоб рубашка не выбивалась.

10

Чулок вытягивать крепко и подвязывать за коленом.

11

Штибель-манжетам быть длиною в 4 вершка, чтоб можно их было четыре раза надевать, складывая их пополам и выворачивая из-под штиблетных раструбов или из-за сапожных голенищ, более бы их не видно было как на один палец.

12

Башмакам быть по размеру каждого, не широким и не узким, чтоб можно было в морозы в них соломки или охлопочков положить, а паче не коротким, дабы в ходьбе ног и пальцев не обтирали, отчего солдат в походе часто не может за прыткими следовать, но прямо бы на ноге сидели. Ключам у оных лежать на самом сгибе плюсны. Задку на пяте быть от каблука два вершка.

Каблукам в полку одинаковой вышины. Застегивать башмаки не пряжками, но снурками, проколовши на каждом ключе по скважине – одну против другой, в кои продернуть снурок, ключу одну на другую положить, стянув снурок, завязать и концы спрятать. Всегда им быть исправно вычищенным, вычищенным и намазанным, ежедневно переменять их с одной ноги на другую, чтоб не сносились и в походе и ходьбе ног бы не портили.

13

У штиблет внизу помочам по сторонам ноги быть в такой мере, чтоб их не больше половины вершка видно было. Стрелка столько близка к башмашному носку, чтоб из-подысподи ее и с боков ключ совершенно не видно было. В середине икор свободнее, чтоб не морщились. Первая подвязка узкая сверх штиблета возле краю штанов, другая подвязка шире под штанами, для холстины, пришитой сысподи штиблет, под первой подвязкой, которой холстине быть за коленом три вершка, а вытягивать ее и штиблет и подвязывать крепко. В средину у раструб против боков выемка на один палец, раструбной выемке сидеть на самом сгибе колена. Штиблетам быть крепко ваксою смазанным и вычищенным, пуговицы на них вычищены с блеском, також и пряжки у раструбов. В сухую погоду надевать штиблеты и башмаки, а сапоги в одну грязь, в походе же как приказано будет.

14

Сапоги вытягивать и подвязывать крепко за уши под коленом. Голенищи хотя длиннее, однако их у краю штанов порядочным сгибом напустить, так чтоб край выемки был на самой чашке колена, а выемке быть в самой середине спереди и сзади, против боков, не выше одного пальца. Каблуки в полку в один размер. Сапоги чистить и крепко ваксою смазывать, носить и в грязь и в походе.

15

Гранодемам усы иметь полные, по обрез между верхней и нижней губы, нафабреные, зачесаные вверх и несколько на обе стороны вкось. В середине, под носом, посредине губы выбривать на одну 6-ю долю вершка. Борода у всех всегда чисто исповыбрита.

Бегство Фридриха II от русских казаков
во время Кунерсдорфского сражения 1 августа 1759 г.
Гравюра 1793 г.

16

Кафтан и камзол всегда вычинены и вычищены, також и штаны, и когда где надобно положить заплатку, то чтоб совершенно было того ж цвету. Пуговицы на них все нашиты и вычищены с блеском.

17

Плащи свертывать изнанкою внутрь. Носить оные через правое плечо, к нему искося, на белом ремне; тот ремень посреди внутрь свертка пропущен, с правой стороны оба конца сойдутца, к верхнему пришить из тонкого ремешка кончик с скважиною, а к нижнему пуговица, и застегнут петелькою верхней на нижней край близ самого плаща, только так узко тот ремень был бы застегнут, чтоб свертка самому никак бы надеть не можно было, но застегивает его через плечо товарищ. Края круто сверченного свертка стянуты белыми ж

короткими ремнями на пряжечках, коим лежать на свертке снизу и более от спины, чтоб за кафтан не зацепляли. Конец свертка приведен книзу и чтоб оный был не виден. Сверток в ширину 9 вершков. Ремни в ширину полвершка. Стягивательные ремни лежат от краев плаща на вершок. Ремням быть всегда бело выбеленным с лоском и пряжечкам с блеском вычищенным.

18

Белить перевязи, портупей и плащные ремни следующим образом: прежде вымыть весьма чисто и выскоблить ножом, потом, разваривши клей в самой чистой воде не очень густо, оным вымазать и, наскобля ножом мелкого сухого мела, помачивая палец в клей, растирать мел по ремню, потом, помачивая руку в чистой воде, растирать, чтоб везде ровно было, после высушить весьма сухо, а как высохнет, то лощить крепко ремень свиным зубком.

19

Ружье столько вычищено, чтоб от железа был блеск. Курок и шурупы смазаны, чтоб не заржавели, а в карауле сухо вытирать, чтоб кафтан не марался. Скобки крепко привинчены. Ружье везде вычищено и в исправности, кремль ввернут доброй и ложа всегда вычернена.

20

Когда кто командирован на караул или отпущен в город и в штаб, то хотя по осмотру оный отпущен был в полном убранстве и чистоте, однако по приближении к тому месту ему, остановясь, снова вычиститца, прибратьца и припудритца.

21

Господам обер-офицерам для уравниения иметь черные кожные штиблеты с раструбами, медными у раструбов пряжками и коженными пуговицами всюду в размер. У шляп поля в 2 ½ вершка, на них кисточки с углов, чтоб не висели, но в половину краю пришиты были. Косы такой же меры, как у рядовых, на них банты волосяные черные, галстуки волосяные черные шириною в вершок, с белою обшивкою шириною на 6-ю долю вершка. Манжеты длиною в вершок. Шпаги носить круто под самой боковой располк. Перчатки небольшие лосиные. Знаки на черных ленточках. Сие служит для парадов, однако и в протчие дни офицеру носить то, что солдацкому виду прилично.

§ II. Что к сему потребно

1

Суконной пинсгоф, в котором не менее 12 добрых обваренных кремней, и для твердой привертки обогнутых в свинце, по верхнему краю свинца вырезать мелкие зубочки, чтоб глаже на кремне свинец сидел; для смазывания у ружья винтов и шурупов в бумажке или тряпичке кусочик ветчинного сала.

2

Отвертку, пыжевник и трещетку всегда иметь в исправности и несколько спичек, проволоки для прочистки затравки и для того щеточку из щетины.

3

Для убирания волос гребень, кусочик вакс-помады, то есть свешного сала, слитого с воском, токмо в нем столь мало воску, чтоб вакс-помад был больше слаб, нежели крепок, и пудры четверть фунта с кисточкою в мешечке.

4

Для починки мундира несколько игол в игольнике или на суконке и ниток в узолке с кусочком воску. Большие иглы и нитки служат для буклей у волос, а воск для натирания сумы и вакс-помады.

5

Для починки обуви сума с шильцами, несколько вервяных концов или щетины и кусочик смолы и лоскуток кожицы.

6

Для чишенья ремней ножик, мелу полфунта, клею мездрильного четверть фунта и для натирания и лощения ремней и сумной кожи зубок свиной. И для перетирания щеточку из щетины.

7

Для усов ступочка фарбы с гребенкою.

8

Для чишенья обуви щеточка и ступочка ваксы.

9

Для чишенья железа и меди терку и мелкого песку маленькой мешечик и лоскуток суконца и жженой глины кусочик с щеточкою для меди.

10

Для всякого мытья мыла полфунта. Командированному в отлучку и в караул свыше недели нижнему чину строевому все вышеописанное иметь с собою в ранце. А командированному в недельной и маловременной караул только гребень с вакс-помадом, пудрою и кистью, игол и ниток для буклей, щетку с ваксою для чишенья обуви, лоскуток суконца для отирания ружья, и гранодеру фарбу с гребенкою для усов. В палебной экзерциции иметь каждому при себе отвертку с проволокою и два кремня в кармане.

С 1 апреля портупей по камзолу, у кафтанов застегнуты лацканы, а отворочены от лацканов по две петли вверху, с 15 апреля у кафтанов лацканы расстегнуты, а только вверху застегнуты первые два крючка, и в белых штанах; с 1 мая до 15 августа в камзолах и белых штанах. С 15 августа до 1 сентября кафтаны надеты. Лацканы расстегнуты и грудь на двух крючках. С 15 сентября в красных штанах. Лацканы застегнуты и края на две пуговицы отворочены. А с 1 сентября портупей по кафтану.

Глава IV. О воинском послушании, распорядке и должностях

§ I. О должности ротного командира

1

Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчиненной пред своим вышним на отдаваемый какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оный опорачивать после в каком бы месте то ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять. Иное есть представление, которое всюду в пристойное время, какого бы чину кто ни был, пред своим начальником к лутчему и кратко чинить похвально, однако и то чинить с великим рассмотрением, дабы не имело виду какого непослушания. От послушания родитца попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сем замыкается весь воинский распорядок.

2

Ротной командир яко Глава роты за всякое в ней неустройство, самовольство и ослабление ответствен за полковому командиру один.

3

Без его дозволения, кроме узаконенного, никто в роте ничего не предпринимает.

4

К своим подчиненным имеет истинную любовь, печется о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежащем.

5

Имеет всегда при себе: 1-е – описание полкового строя 1763 году⁶; 2-е – сокращенной строевой устав⁷; 3-е – полковое сие учреждение с принадлежащим при нем; 4-е – списки: ротной, послужной по капральствам, ранжирной и краткой переключной с своею отметкою, кто куда командирован, дабы полковому командиру без дальних справок о каждом отвечать мог; наблюдает, чтоб один перед другим в лишнюю очередь командирован не был, разве за доброе состояние кого обলেখит, а другого за наказание в лишнюю очередь командировать старшему сержанту прикажет; також буде в квартирах по деревням имеет в переключном отметку, кто в которой деревне стоит; 5-е – семидневный рапорт с расходом; 6-е – ротную о вещах табель с их сроками. И когда в квартирах: 7-е – ведомость о квартирах по капральствам.

6

Знает имянно всех в своей роте нижних чинов, дабы о каждом пред своим командиром ответствовать мог, и, будучи сведущ о способностях каждого, исправнейшего от других отличает. Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, яко то: склонен к

⁶ Пехотный строевой устав 1763 г.

⁷ Сокращенный вариант того же устава, составленный в Суздальском полку.

пьянству или иному злomu обращению, неприличному честному солдату, то стараетца оногo увещеваниями, потом умеренными наказаниями от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешенное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оногo в отчаяние.

7

Ежели из унтер-офицеров или капралов кто в поступках испортитца, так что трудно будет его поправить, о таком представляет полковому командиру: оный по обстоятельству лишен будет своего начальнического чина.

8

Старшего сержанта от роты не отлучать и не командировать. Ежели провинитца, то капитан его ставит под ружье. А ежели старшей сержант испортитца и ослабее, то по представлению капитанскому, что его должности править не может, от полкового командира лишен будет сего чина.

9

Военные правила, полковое учреждение и временные полковые приказы накрепко наблюдает и по должности каждого в роте за оные взыскивает и наказывает без послабления.

10

В лагере всякой воскресной день и праздник три или четыре часа перед обедней приказывает перед ротую читать: военных артикулов одну или две главы, из описания полкового строю 1763 году одну главу из следующих: части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю и полкового учреждения одну главу, а сей главы третью часть, список о ротных вышних и нижних в полку начальниках, дабы имянно об них каждой яко случающихся командирах известен был. То же делает в квартирах, когда собирает роту, прибавляя к тому список его роты в отделенных от капральств частях рядовых за ефрейтеров, сколько их случитца, кои в тех деревнях над сими частями начальствуют. Затем ежели будут полученные в роту публикации с указов и ордеров.

11

С своими субалтерн-офицерами поступает благопристойно и того репримантует без суровости, которой нерадетелен в его должности и исполнении его приказа явитца.

12

Наблюдает хозяйство в роте и попечительное за всеми вещами смотрение. И часто посещает ротной цейхгауз.

13

За капралами и командирами капральств имеет строгое надзирание, чтоб они их должность неослабно наблюдали (в чем их должность, сказано будет ниже), за рядовыми накрепко смотрели, чтоб они не делали какой отвычки в содержании самих себя в приборе и опрятности, в хранении в целости и чистоте их вещей, и ни мало в чем в которой ни есть части экзерциции до забвения не допускали. Також строго взыскивает на правящих

должности каптенармусе и фурьере за какую в ней оплошность.

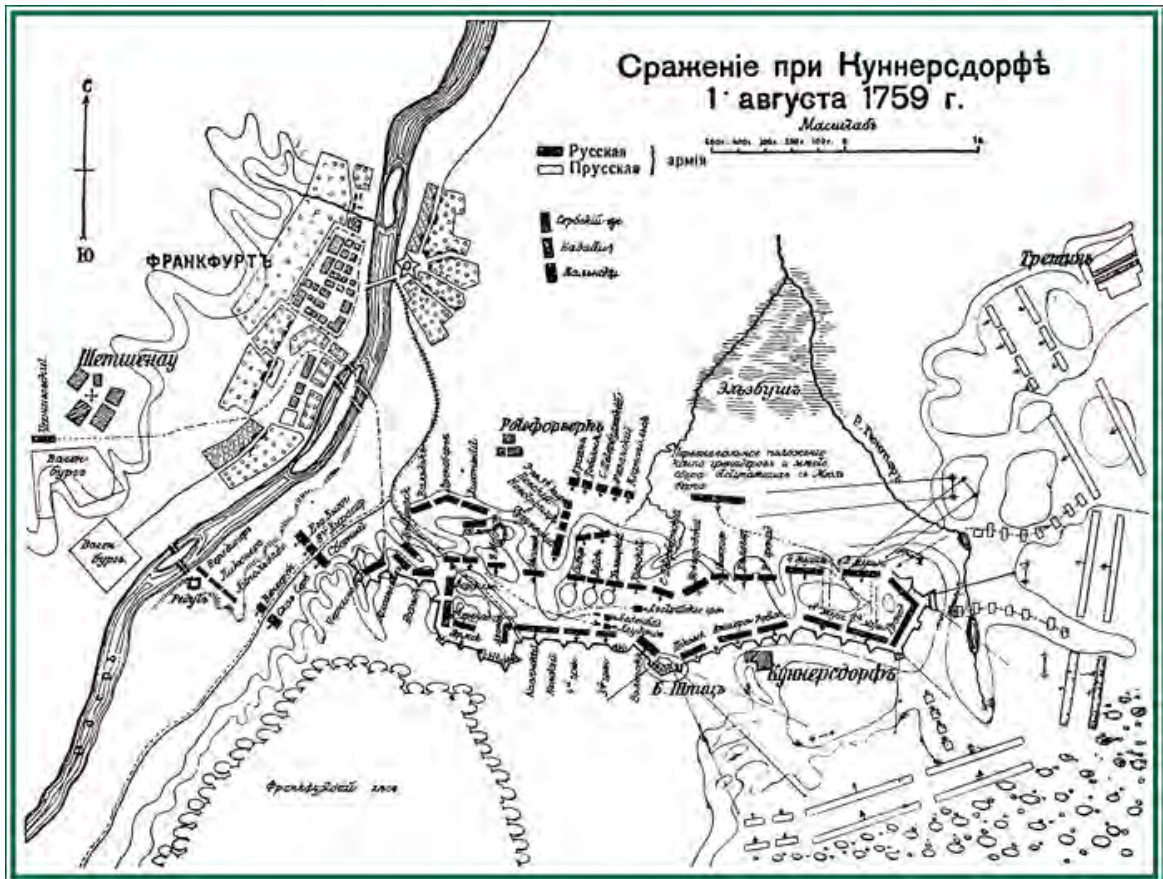

Схема расположения войск русской и прусской армий при Кунерсдорфском сражении 1 августа 1759 г.

14

Командирам капральств о оружейных, мундирных и аммуничных состоящих в их капральстве вещах дает табель за своего рукою, дабы они об них сведомы были, которую в случае их смен они друг другу сдают.

15

Получает, кроме что о роте от старшего сержанта, ежедневно рапорты от капральств чрез мелд-ефрейтеров от капралов. Сверх того в обширных квартирах от ефрейтеров, начальствующих в отдаленных деревнях частями капральств, как о том сказано в главе VI 5-м пункте I отделения.

16

В лагере поутру и ввечеру сам ежедневно рапортует майора. В квартирах полкового командира и майора в месяц один раз, и когда в штабе.

17

Обыкновенно отсылает в полк за своєю рукою семидневные и месячные рапорты,

упомянув внизу, кто из нижних чинов его роты чем неудовольствован, во всяком. С прибылью и убылью табель о вещах по третям года. Месячную о провианте ведомость.

18

Во всякой караул или команду ротной командир наряженных нижних чинов прежде отпуску в штаб в чистоте и исправности всех вещей осматривает сам, и буде же с ружьем, то приказывает делать к заряду: «открой полки», и осматривает, полка чиста ли, потом «закрой полку», «обороты ружье», «вынимай шомпол», «прибей заряд», ежели конец шомпола найдется чист, то доказывает, что и в стволе чисто.

19

Против сего ротной командир осматривает командированных в отлучку нижних чинов и имеют ли они против 2 отделения главы III надлежащие в ранце вещи (то же чинит в осмотре сих вещей командированных в караул свыше недельного, а в маловременной – как сказано в конце помянутого отделения), а буде начальником наряженной от полку команды его роты, то имеет ли он (разве неграмотной) при себе: полковое учреждение, сокращенной строевой устав и из описания полкового строю 1763 года 3 главы, то есть части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю; напоминает им кратко, чтобы они, будучи в отлучке, хранили их должностно, наблюдали военную исправность и бодрость, подлых поступок были чужды, всех частей экзерциции не забывали и содержали себя в учрежденных при полку убранстве, опрятности и чистоте. Потом приказывает старшему сержанту отпустить команду в штаб.

20

Когда из нижних чинов кто из отлучки или с караула свыше недельного в роту прибывает, ротной командир осмотрит на нем все его вещи до малейших мелкостей, и когда на нем что исправить и починить следует, то прикажет оное ему в капральстве немедленно исправить и о том себя капралу рапортовать, а ежели что попорчено в ружье и тесаке, то приказывает сие немедленно ж каптенармусу исправить и себе показать, на срок.

21

Что ж принадлежит до свидетельства в экзерциции, таковых возвратно в роту прибывших из отлучки или с караула свыше недельного, на другой день оных собравши, с помощью старшего сержанта и ротного экзерцирмейстера делает им против 12 пункта II главы первое и второе свидетельство по-одиночке, а ежели их столько будет, то против первого також шестаками и шеренгою.

22

При собрании роты для экзерцирования имеет на себе шарф и командует с ружьем или шпагою в руках.

23

В лагере: ротной командир по получении рекрут в свою роту прикажет того ж числа их каптенармусу обмундировать и надлежащими вещами удовлетворить. Потом приказывает старшему сержанту их распределить по капральствам, назнача в которое имянно и в которую артель. Капрал определяет к каждому одного старого рядового, ради обучения его в

экзерциции, должности, соблюдении в целостности и чистоте вещей и содержании самого себя. В будни ежедневно рано по утрам и пополудни с их учителями собираются они для экзерцирования к старшему сержанту, который имеет в том себе помощника ротного экзерцирмейстера. Старшей сержант им несколько часов в день дает для отдохновения и приучения описанного сей главы 5 отделения в 9-м пункте в должности капрала.

Ротной командир ежедневно, когда при роте, сам по сему пункту надзирает. И имеет времени для совершенного обучения рекрут целой месяц. К сему сроку прикажет каптенармусу их запасти вещами против 2 отделения III главы из их собственного, а по недостатку из ротной экономии заимообразно. В обучении экзерциции и прочего наблюдать, чтоб поступаемо было без жестокости и торопливости, с подробным растолкованием всех частей особо и показанием одного за другим. Что одно за другим в экзерциции обучать, узаконяют 9 первые пунктов второй главы.

Когда во всем, что до его должности рекрут будет исправно обучен, ротной командир, не ожидая приказы, к сроку или прежде срока представит его полковому командиру. После употребляет его в ротной караул три недели не меньше шести суточных смен; а потом и в полковой караул три недели не меньше трех смен. После чего очередуется с старыми в караулы и иногда в ближнюю ротную и полковую отлучку токмо при старых от причисления его в роту до полугоду. Напоследок и в дальнюю отлучку, токмо в первый раз не одного, но вместе с старыми рядовыми. Определенного из других полков и военной команды чрез старшего сержанта и сам свидетельствует и исправляет во всем, на сие имеет сроку от трех дней до недели, по окончании которого представляет полковому командиру. А определенной из команды невоенной – тот же рекрут.

Суворов беспрестанно повторял, что солдат и в мирное время «на войне», и поэтому кроме обыкновенного воинского ученья он изобретал свои особенные «экзерциции», где можно было показать силу, ловкость и отвагу. Устраивая с полком различные учения, он желал показать солдатам примерный штурм. Будучи еще в чине полковника, Суворов командовал Астраханским полком, который располагался в Новой Ладоге. И вот однажды, идя с полком из Ладоги в Петербург мимо какого-то монастыря, в пылу воображения он составил план приступа, скомандовал «на штурм», и полк его бросился на монастырские стены. Солдаты взобрались на них с криком «ура». Суворов извинился перед испуганным настоятелем, что учил своих солдат.

В обширных квартирах по деревням в обучении рекрут ротной командир поступает против сегож; токмо с тем различием, что оных в капральствы прежде не распускает, но содержит в той деревне, где его квартира, пока всему обучены будут. Для чего к каждому рекруту определяет одного старого рядового по его усмотрению, который своего ученика по отпуске от экзерциции обучает повеленному в 9-м пункте 5-го отделения сей главы. Також,

что и до определенного из другой военной команды, пока во всем исправлен будет. Что же до употребления рекрута в полковой караул в три недели не менее трех раз, так ежели в то время от роты столько раз наряду не будет, представляет его от роты в штабную квартиру, для отправления гауптвахте сего караула при команде от другой роты.

25

Определенного в роту унтер-офицера или капрала из других полков и корпусов ротной командир свидетельствует и в незнании каком исправляет. Но как случаетца, что такой определен бывает из писарей и других нестроевых и невоенных чинов, так хотя бы он был сержант и старее протчих, поступает с ним как с рекрутом. А когда с помощью старшего сержанта он его должности рядового к убранству, содержанию и чищению вещей и себя в опрятности и приборе, всем частям экзерциции стоянию и смене на карауле и на часах, в принадлежащем окликании и протчем до рунда и дозора, собственным его опытом и напоследок с прибавлением частей унтер-офицерской экзерциции при себе обучит, отправляет его в капральство, где он правит должность ефрейтера того капральства, когда по свидетельству ротного командира он правление капральством довольно знать будет; обучает его при роте всей капральской должности в карауле; а как уже во всем принадлежащем до должности капрала искусен будет, обучает его содержанию караула как унтер-офицера и определяет его командиром в капральстве яко унтер-офицера.

На сие ротной командир имеет сроку восемь недель, а для капрала шесть недель; по прошествии коего, или буде поспеет прежде, представляет его полковому командиру. Потом не прежде того он наряжаетца от полку исправлять три недели не менее трех раз полковой караул; напоследок он командируетца и в отсутственные от полку караулы, также и ближние от роты и полку отлучки, но не прежде главным, пока отправит по одной как подчиненной, в дальнюю же отлучку до полугоду от его прибытия в роту не посылаетца, и в первую подчиненным. Наконец будет с протчими старыми в полку очередован и по случаю начальником. Против сего как приучать дворянина, сказано сей главы в 7-м отделении ниже о подпрапорщике.

26

Ослабевшего рядового берет под собственной свой присмотр и препоручает исправлять старшему сержанту.

27

Учрежденные при полку молитвы суть: 1-е – «Господи Иисусе Христе Боже паситель мой», 2-е – «Символ Веры», «Верую во Единого Бога», 3-е – «Отче Наш», 4-е – «Богородице Дево радуйся». Оные всем нижним чинам твердо знать и ежедневно поутру и ввечеру по оным Господу Богу молитца, читая их каждой вслух и наизусть.

28

В лагере, також и в квартирах где случитца, ротному командиру в артелях наблюдать доброй порядок и крайне надзирать, чтоб рядовым в провизиянте, когда по неумеренному или порочному употреблению оногo не случилось недостатка, хлеба гораздо бы выпекали, сколько им их содержание дозволит, всякой день ели теплое варение; ежели что в медном котле варено, то варить столько, чтоб на один завтрак стать могло, дабы не отмеденело, а на ужин варить свежее, а когда выедят, того ж часу котел чисто песком вычистить; каша бы доварена и не сыра была; сие весьма служит для соблюдения здоровья. Староста артельной должен быть честной и благочестивой человек, довольно признанной таким от ротного

командира и от всей артели содержан быть в почтении.

Канонир артиллерийского полка
в форме 1757—1758 гг.

Нижним чинам вино и протчее пить не запрещаетца, однако не на кабаке, где выключая что ссоры и драки бывают и военной человек случаетца во оные быть примешен; по крайней мере через сообщение тамо с подлыми людьми он подлым поступкам, речам и ухватке навикнуть может и потеряет его от них отменность. Чего ради, вшедши в кабак и купя пива или вина, идти немедленно из него вон и выпить оное с артелью или одному в лагере ж или в

квартире, однако и таким образом входить в кабак с дозволения своего начальника, а на кабаке пьют профосы.

30

Когда капитан командирован будет от роты в отлучку и отсутствующую команду, в коей не меньше месяца должен пробыть, тогда сдает роту старшему по нем в роте офицеру, людей по спискам и вещи по табели, и дает ему письменное наставление, как до него роту содержать и его когда и где рапортовать. Однако как по подобному же командованию тот командир ротной переменитца может, а иногда по большим отлучкам и из оной роты временным начальником в его роту офицер прикомандирован бывает, то по прибытии своем возвратном в роту в исправности всего порядка правления и хозяйства в роте взыскивает паче на старшем сержанте. В сих случаях должна рота собрана быть в полном параде.

Також принимающий роту офицер должен оную весьма исправно в людях, вещах и экономии принять, о всем надлежащем до роты исправно осведомитца и, имея при себе списки, рапорт, табель и в квартирах ведомость (против 5 пункта сего отделения), знать о всем, что до роты, пред своим полковым командиром ответственность по прошествии одной недели. Во всякой отлучке капитан, а по вакансии оного старший в роте офицер, имеет при себе со всего в помянутом 5-м пункте назначенного копии, кроме семидневного рапорта, который только служит на одну неделю, дабы по возвращении его в роту ничего [не] забыть и того ж часу обо всем осведомитца мог. Буде же ротному командиру отлучка свыше недели, а меньше месяца, тогда таким же образом роту сдает, кроме того, что оную не собирает. А на неделю вовсе роты не сдает старшему по нем в роте офицеру и старшему сержанту, что в его отсутствие исполнять.

§ II. О протчих в роте субалтерн-офицерах

1

Все военные правила и полковые учреждения наблюдает и исполняет по приказам своего капитана или ротного командира неукоснительно.

2

Примером благородного своего поведения, полным знанием службы и попечительным исполнением оных ободряет и поощряет всякого из своих подчиненных к наблюдению своей должности, содержанию себя в непорочных поступках и делает вообще всех на себя надежными.

3

Когда капитан от роты командирован и ему роту сдал в правление, имея от него сверх полкового учреждения письменное наставление, как до возвращения его в роту поступать, оное весьма наблюдает, дабы по обратном в его роту прибытии ни в чем перед ним ответственность не мог, но заслужил бы себе похвалу. Рапортует тогда своего капитана, или по вакансии его другого старшего ротного офицера, письменно о всем происходящем в роте и примечания достойном один раз в неделю, в две или в месяц по обстоятельству его дальней или ближней отлучки и как он приказал. Те рапорты для пересылки к нему отсылает к полковым письменным делам.

4

По определению ротного командира собственно для своего упражнения и охоты к

начальничеству, когда при роте командует одним капральством.

5

Когда капитан от роты куда хотя на малое время отлучитца, то самое то же чинит, что и он, чего ради ему о должности ротного командира на всякой час весьма сведущу быть должно и по прибытии его о происходящем в роте тот час рапортует. В обширных квартирах буде капитан отъехал от роты за нуждою или по приказу на малое время, то с своей квартиры не перебираетца, а приезжает в ротную квартиру временно: буде его квартира, понеже он имеет свою квартиру при капральстве, которым командует, не далее двух верст от ротной, то получает рапорты от самого старшего сержанта и отдает ему приказ в своей квартире, ежели далее того, то чрез мелд-ефрейтера, ибо старшей сержант должен быть при роте безотлучен. А когда капитан отлучитца от роты не менее как на одну неделю, то того ж числа переезжает на квартиру в ту деревню, где ротная квартира.

6

Имеет всегда при себе: 1-е – полковое учреждение; 2-е – сокращенной строевой устав; 3-е – из описания 1763 году полкового строю три следующие главы: части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю; 4-е – списки о своем капральстве: послужной, ранжирной и перекличной с отметкою, кто куда командирован, а в обширных квартирах и то, кто в которой деревне стоит; 5-е – табель о вещах в капральстве за рукою ротного командира, кою при смене сдает.

§ III. О должности старшего сержанта

1

Старшему сержанту быть о правлении роты весьма знающу, в поступках благодравну, в исправлении своей должности повелений полковых и его ротного командира неутомленну и от оногo содержанию быть в отличности против протчих нижних начальников.

2

Как его капитан ответствен о своей роте полковому командиру, так ему ответствен о роте своему капитану. По его многоделию капральством не правит.

3

Поверяет во всех частях экзерциции младших сержантов, капралов и экзерцирмейстеров.

4

В пунктах 23-м, 24-м и 25-м первого отделения сей главы изъяснено в подробности, как ему поступать при обучении экзерциции рекрут и новоприверстанных, имея помощником ротного экзерцирмейстера против первых 9 пунктов 2 главы. И надзирает во обучении их содержанию в целости, чистоте вещей и убранству против 9 пункта 5 отделения сей главы, в лагере по капральствам, а в квартирах при роте, и как после обучения того их в службу употреблять. Что ж до определенного в роту дворянина, о том смотри главы сей 7-е отделение.

5

Вообще за всеми в роте нижними чинами наблюдает в целом соблюдении и чищении всех их вещей, самих себя в приборе и чистом убранстве, в знании незабвенном всех частей экзерциции, в содержании себя в бодрости, смелости, неленостной службе и непорочных поступках. Дает им самим собою пример и за оплошное в том смотрение за рядовыми взыскивает на капралах.

6

Приказы, наряды и протчие исполнения по получении их весьма поспешно чинит и исправляет.

7

В строях и протчих случаях сам всегда порядочно прибран и одет против III главы.

8

Когда пред командира позван будет, имеет шляпу во всю левую руку, а не подмышкой, говорит с ним смело.

9

В строю, в лагере, к паролю и в походе с ружьем, то же и при экзерцировании всегда и трость на пуговице. В протчих случаях иногда команду представляет без ружья и в знак начальства трость.

10

Ежедневно чрез мелд-ефрейтера с ружьем, а в лагере чрез них и капралов без ружья получает по утрам о капральствах и о всем в них происходящем, також от каптенармуса и фурьера по их должностям рапорты, и сверх того от капралов одних по вечерам. Против сего поутру и ввечеру рапортует о роте и о протчем своего капитана и при роте субалтерн-офицеров, поутру представляет капитану мелд-ефрейтеров от капральств, коим дает его прежде себя рапортовать.

Ввечеру, получивши от капитана при пароле приказ, отдает оный унтер-офицерам и капралам, кои к нему собратца должны. В квартирах в столичном городе рапортует сам субалтерн-офицеров о роте один раз в неделю, тогда ежели кого дома не застанет, оставляет ему краткой рапорт, протчие дни рапортует и сообщает приказы цыдулками чрез мелд-ефрейтеров. В непременных и обширных квартирах, понеже субалтерн-офицеры там стоят при своих капральствах, рапортует их словесно и письменно о происшедшем в роте каждую неделю в субботу чрез мелд-ефрейтеров.

Когда капитан на малое время куда от роты отъедет, на те дни получает от него пароли и лозонги и ежедневно поутру и ввечеру старшего тогда при роте офицера рапортует, когда он не в ротной квартире, чрез мелд-ефрейтера, и получает от него приказ, буде же его квартира от ротной квартиры не далее двух верст, то рапортует его поутру сам. Лозонг отдает стоящему в ротном карауле за ефрейтера. В обширных квартирах получает рапорты о капральствах чрез мелд-ефрейтеров, но тот капрал его сам рапортует и получает при пароле приказ, который в той деревне при капральстве, где он.

11

Наряды делает поспешно во все места, куда повелено, а имянно, кого куда нарядить, рапортует своего капитана. В квартирах посылает имянной наряд по капральствам. В недостатке сержантов наряжает место их капралов. Экзерцирмейстеров очередует всюду с капралами. Каптенармус и фурьер всегда при роте при их должностях, разве чрезвычайно куда от полку наряжены будут, и в строю не при плутонгах. Ибо в недостатке сержантов и капралов во взводах и плутонгах место их экзерцирмейстеры, а когда их в строю довольно, то экзерцирмейстеры как рядовые.

12

В квартирах от каждого капральства в ротной квартире по одному вестовому. Всякой вестовой должен быть с ружьем без штыка, то есть мелд-ефрейтером, кроме одного караула. Через оных старшей сержант в субботу рапортует о роте субалтерн-офицеров и посылает к капралам наряды и приказы цыдулками; токмо смотрит, чтобы им излишних частых и пустых переходов не было. Ежели вестовому до капрала взад и вперед больше 10 верст, то волен капрал место его прислать обратно другого. В протчем капралы своих вестовых в ротной квартире сменяют по очереди через неделю. Коли вестовому дела нет, приставляет ружье к стене, а как позван будет, кладет оное на плечо круто.

13

В квартирах от каждой роты в штабе по одному вестовому. Старшей сержант, коли вестовому до него взад и вперед больше 10 верст, когда оный из штабу к нему будет с нарядом или приказом, посылает место его обратно в штаб другого, коему прикажет о получении и исполнении рапортовать, буде меньше, то посылает его обратно. Сменяет вестового без наряду в штабной квартире понедельно.

14

По вступлении наряженных на караулы на вахт-парадное ротное место, старшей сержант их неукоснительно во всем осмотрит против 18 пункта первого отделения сей главы и дает знать, что команда готова, чрез мелд-ефрейтера капитану, чего ради ему весьма прежде его к команде приходить должно. А когда при сей команде командирован его роты субалтерн-офицер, то по окончании своего смотра, когда оный к команде прибудет прежде ротного командира, приказывает нижнему при команде наряженному начальнику ему ею честь отдать, причем его о числе в ней людей рапортует, тогда он только с тростью. А какой осмотр с прибавлением против реченного 18 пункта командированным в отлучку или в караул свыше недели чинить, упомянуто в 19-м пункте 1 отделения сей главы. По прибытии и осмотре командированных капитаном команду с своим субалтерн-офицером он отправляет сам, а с урядником прикажет отправить старшему сержанту, который ему скажет громко: ступай в штабную квартиру, или ступай куда наряжен, буде велено прямо куда от роты отправить.

15

Прибывших из отлучки нижних чинов против 20 пункта 1 отделения сей главы також должен осмотреть прежде капитана и, получа от него о исправлении чего на ком приказ, кому предписано в том пункте, отдает и взыскивает исполнения, а потом в принадлежащем до экзерциции поступает против упомянутого в 21-м пункте того ж отделения 12 пункта II главы. Буде при той команде был обер-офицер той роты, старшей сержант прежде капитана осмотру команде не делает, но когда ее осматривает он, от него в близости для принятия приказа. Все сии осмотры чинить точно всегда в повеленном порядке, хотя бы выведет по

наряду один человек. Правило сие строго наблюдать, дабы чрез послабление того из добрых солдат не сделать ленивых, нечестолюбивых к их должности, нерадетельных и напоследок распутное их состояние от отчаяния бешеною дракою не поправлять.

16

Ведает ротные письменные дела и правит ими один. Табель о вещах у каптенармуса; провиантская ведомость у фурьера. В лагере поверяет оные с полковым писарем, и хотя бы нечего, казалось, иногда поверять, однако являетца к нему, коли не большой праздник, то в субботу, еженедельно на самое краткое время. А в квартирах, с дозволения ротного командира, посылает к полковому писарю оные поверять, особливо каптенармуса для выправки по табели или фурьера и фурьерского помощника к 15 числу каждого месяца. Оный должен пробывать в штабе только одни сутки, разве воскресной день помешает.

17

Имеет всегда при себе: 1-е – из описания 1763 году полкового строю 3 главы, то есть части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю; 2-е – сокращенной строевой устав; 3-е – полковое учреждение с принадлежащим; 4-е – списки имянные: ротной, послужной, по капральствам, краткой переключной с отметкою, кто куда командирован, а когда в неперменных квартирах, то кто в которой деревне на квартире и кто в них из рядовых времянные начальники, и ранжирной; 5-е – еженедельной семидневной рапорт с расходом; 6-е – ротную о вещах с их сроками табель; 7-е – когда в обширных квартирах, то квартирную ведомость по капральствам, а в столичном городе – в которых улицах и на чьих дворах.

18

О всяком ответствует ротному командиру по роте наизусть, кто где обретаетца, в какой отлучке, на работе, в карауле, в лазарете или налицо. В лагере без доклада ротного командира никого из роты никуда не отпускает, а ему отпускных на смотр представляет. Також и капралы без его доклада того не чинят и отпускаемых для нужд представляют к нему на смотр, а по возвращении должны они к нему прежде явитца, потом у капралов против сего отпуска чинить, при столичном городе, в лагере и в квартирах с тем различием, что собирает от всех капральств в ротную одну команду не более двух раз в неделю, и как при отпуске, так и при возвращении, наблюдая при том, не пробьли ли лишних часов сверх дозволенных, представляет ротному командиру, разве его за нуждою дома не будет и он в том ему поверит. Что же отпускной команде наблюдать, сказано в 16 пункте 5 отделения сей главы.

19

Взыскивает над командующими капральствами унтер-офицерами и правящими оными капралами и ефрейтерами, також над унтер-офицерами при должностях строго наблюдение их должности и в том их исправляет, не допуская до ротного командира. Капралов репримандует и по вине умеренно наказывает сам, а унтер-офицеров репримандует без жестокости, буде ж больше по вине их заслужили, рапортует ротного командира. Ежели командир капральства офицер, то как он токмо ведает наружность правления, а внутренность оного в капральстве капралу принадлежит, не должен он в каком на нем взыскании или за вину наказания старшему сержанту препятствовать.

20

В принадлежащем до молитв, до надзирания над артелями и не питья на кабаке поступает против 27, 28 и 29 пунктов 1 отделения сей главы о должности капитана.

21

По устроению своего капитана наблюдает хозяйство в роте и имеет попечительное за вещами смотрение. Часто посещает с каптенармусом ротной цехгауз и что надлежит в нем исправляет.

22

Когда капитан будет куда командирован и роту примет у него другой офицер, то хотя бы тот офицер не первой случай и его роты был, однако как також и тот потом откомандирован быть может, и ротою напоследок по недостатку в ней офицеров будет командовать офицер другой роты, того ради старшей сержант, как он при роте всегда без отлучен, с отсутствия своего капитана должен наблюдать весь порядок правления роты и хозяйства, как было при капитане, дабы когда оный в роту возвратитца, во всем на нем не токмо за какое ослабление порядка, но и за различие в правлении роты (разве по обстоятельству времени та перемена учинена будет полковым командиром) строго не взыскал.

§ IV. О должности младшего сержанта

1

Оный всюду ходит на караул. В непременных квартирах по недостатку иногда кроме ротного командира при роте субалтерн-офицеров, отправляет на гауптвахте караул за офицера и командируетца во всякую отсутственную команду и отлучки. О должности старшего сержанта весьма сведущ, дабы по произведении того в офицеры или по какой чрезвычайной отлучке он тотчас в его должность вступить мог.

2

Протчие обыкновенные военные правила, всякое строевое дело, все части экзерциции и содержания полкового учреждения знает твердо и не забывает.

3

Хотя по неуповательному случаю, ибо кажетца как ему без того в сержанты произведену быть можно, при определении его в полк он российской грамоте не обучен, однако попечением ротного командира оный сколько надлежит обучен быть может. Сожалетельно бы было, ежели он своею неохотою к сему просвещению будет сам себе препятствием к произвождению его впредь в офицеры, чего ради как грамотной.

4

Имеет всегда при себе: 1-е – полковое учреждение; 2-е – из описания полкового строю 1763 году три главы, имянно: части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю; 3-е – сокращенной строевой устав; 4-е – имянные списки о капральстве: послужной, ранжирной и краткой переключной, с отметкою, кто куда командирован, и ежели на квартирах, то кто, где и в какой деревне стоит; 5-е – полученную за рукою ротного командира табель о вещах в капральстве, а буде капральством командует офицер, то с оной копию. Подлинную, ежели у себя имеет, коли случитца командированному быть от капральства свыше недели, отдает

капралу.

5

Командует капральством, как о том сказано ниже в 21 пункте 5 отделения сей главы.

6

Ежели он неграмотной, то на ваканцию старшего сержанта: грамотный из капралов, который ту должность исправить может, и иногда и той роты, в коей и он по его исправности поступить может.

7

В знак начальства имеет всегда трость в руках, а когда с ружьем, то на пуговице.

8

Всегда порядочно одет, обут и прибран. Все свои вещи содержит в целости, исправно их чистит, и кои надлежит смазывает и белит. Смел, проворен и поворотлив.

9

Исполняет повеления ротного командира, отдаваемые чрез старшего сержанта, неукоснительно; и когда надлежит, старшему сержанту в экзерцировании над ротным экзерцирмейстером помощник.

10

Как на караулах поступать, значит в I главе.

§ V. О должности капрала и командиров в капральствах

1

Правление капральства уподобляется правлению роты, так как сие последнее правление полковому. Чрез сие очевидно капралу, какому достойному человеку и сколько ему в знании военного дела искусну, в поступках же его во образец своим подчиненным благочестиву, трезву, постоянну, честлюбиву, порядочну, трудолюбиву и хозяйственну быть надлежит. Посему можно ли в сие звание определять людей по прихотям и не имеющих сих дарований, а дабы те достойные люди по их охоте к повелению для незабвения состояния его всегда им довольствовались, то по произведении кого из них в унтер-офицерской чин не отнимать у него капральства, но оставить при нем командиром, или по изволению ротного командира поручить ему в команду оное капральство. Один старшей сержант, по многодельной его должности сравниваемой с полковым адъютантством, командовать особо капральством времени иметь не может. Сверх того ротной командир дает в смотрение капральство. И его субалтерн, для примеру их взяв одно капральство, в командовании сам.

*Э. Л. Риппенгаузен. Взятие Гольнау в 1761 г.
1794 г.*

Воспитывающиеся отрасли в капральской чин суть: экзерцирмейстеры, их в роте один ротной и по одному в капральстве. Они кроме строю, ежели когда при роте довольно будет сержантов и капралов и им за них места не будет и крайней необходимости, всегда в должностях капральских. Грамотной из них имеет преимущество к произведению в капралы. Сколь же вредно порядку, ежели ротной командир слабым каким смотрением попустит экзерцирмейстера впасть в какую распутность.

2

Капрал ежедневно рапортует о капральстве, о происходящем в нем и о исполнении отданного какого приказа или наряда поутру старшего сержанта и капитана, токмо сего последнего кратко о благополучном обстоянии капральства чрез мелд-ефрейтера, и получает чрез него приказ, в лагере сверх того рапортует сам старшего сержанта поутру и ввечеру, також и в квартирах, ежели стоит в той деревне, где старшей сержант, и в столичном городе по утрам делает обход капральству по квартирам до побудка, а ввечеру после тапты, причем повещает, что кому надлежит, а в обширных квартирах обходит только тех, кои с ним в одной деревне стоят, протчих же, буде капральство не в одном месте, рядовые за ефрейтеров, кои начальствуют над всякою отделенною частью капральства.

3

От капральства своего безотлучен, разве куда позван или командирован будет.

4

Весьма сведущ о учреждении полковом. Должен пред своим старшим сержантом и

ротным командиром о каждом рядовом его капральства, на лице ли или где имянно в отлучке, всегда знать ответствовать. Получаемые наряды и приказы чрез старшего сержанта и ротного командира исправляет весьма поспешно, получает оные чрез своего вестового из ротной квартиры, коего сменяет без наряду сам, поочереди еженедельно, а ежели взад и вперед до его квартиры вестовому ходьба далее 10 верст, то когда он с чем к нему прислан будет, место его обратно посылает другого, которому прикажет о исполнении рапортовать. При себе вестового не держит, а буде какой полученной от старшего сержанта наряд или приказ ему следовать будет отдать ефрейтерам отделенных частей его капральства, наряжает тогда вестового от себя, токмо всегда с ружьем без штыка, мелд-ефрейтером, которому после время командирования его навести в ротную квартиру несколько облегчает, однако с тем примечанием, чтоб ни один рядовой его капральства в зимних квартирах нарядом навести в ротную квартиру вовсе обойден не был.

Знак ордена Святой Анны I степени начала XIX в.
работы золотых дел мастера Афанасия Панова

5

Наряженная команда собирается на парад-плац, и хотя бы командирован был один человек от его капральства, однако також к нему явитца должен, разве старшей сержант по приказу ротного командира кому для чрезвычайной скорости, что редко случаетца, прикажет прямо к себе явитца, но после даст о том знать капралу, не представляя старшем сержанту, он его во всем осмотрит и освидетельствует, и буде с ружьем, то для осмотра его исправности командует к заряду: «открой полку», смотрит, чиста ли затравка и замок, «закрой полку», «обороти ружье», «вынимай шомпол», «прибей заряд», ежели конец шомпола найдетца чист, то и в стволу чисто.

И буде надобно что поправить, исправляет, то есть: чтоб порядочно шляпа была связана и шапка надета и вычищены, волосы хорошо убраны, у гранодера усы зачесаны, коса крепко привита, галстук неслабкой без морщин завязан, мундир исправен, вычинен и пуговицы вычищены, плащ порядочно связан и ремни выбелены, белье чистое и белое, исправно обут и обувь хорошо смазана, шурупы у ружья чисто смазаны и ложа черна, железо на ружье, ефес с крючком и пряжки вычищены с блеском, ремни очень белы и с крышкою на суме вылощены, от герба блеск, и всюду все вещи в размер; имеют ли також принадлежащие для убранства и чистоты при себе вещи против конца третьей главы.

6

Коли команда, сколь велика бы или мала ни была, наряженных в отлучку или в караул свыше недели свидетельствует при протчем, имеет ли всякой при себе в ранце такие ж все с прибавлением вещи против отделения 2-го главы III, как во окончании оног упомянуто. Перед отводом или отпуском к старшему сержанту напоминает наряженному, чтобы себя порядочно в отсутствии от капральства содержали и не навели бы себе бесславия.

7

Ежели есть налице командующие капральством офицер и унтер-офицер, должен унтер-офицер прежде офицера сии команды на парад-плаце капральства против реченного в 5 и 6 пунктах осматривать. Как скоро капрал даст знать чрез мелд-ефрейтера, что команда готова, по [о]смотре унтер-офицер дает знать чрез мелд-ефрейтеров офицеру, который, пришед сам на парад-плац, також подробно осмотрит и прикажет капралу отвесть или отправить команду в ротную квартиру. Капрал ее порядочно к ротной квартире на ротной парад-плац отводит и по прибытии даст знать чрез мелд-ефрейтера старшему сержанту, а буде надлежит только отправить, то, определяя к ней за ефрейтера рядового, скажет ему громко: «ступай к ротной квартире», а оный потом: «сомкнись», «право или лево заходи», или просто: «ступай как дорога». Понеже капрал при команде без ружья, только с палкою, то отдает командующему капральством офицеру честь определенной от капрала за ефрейтера рядовой. Три человека выходят на парад-плац, два и один могут осмотрены быть на квартире.

8

По отдаленности квартир, ежели капралу от деревни, где старшей сержант, больше двух верст, тогда он малой команды старшему сержанту не представляет сам, но старшей при команде за ефрейтера рядовой, разве старшей сержант прикажет ему при том особливо к себе быть, а в лагере хотя одного всегда сам. Буде же команда состоит более четверти капральства, то есть свыше 9 гренадер или 7 мушкетер, представляет оную сам старшему сержанту или прикажет то учинить своего капральства ефрейтеру. Ежели он по вышереченному случаю в ротной квартире которую неделю не был, то должен сам собою в неделю один раз в ней явитца и при разводе на ротном вахт-парад-плаце старшего сержанта о капральстве рапортовать и доложитца о приказе; в его отсутствии правит в капральстве ефрейтер. А буде его квартира отстоит от ротной далее 10 верст, то в две недели один раз.

9

В лагере, когда капрал от старшего сержанта получит свое капральство рекрут и поместит в которую он прикажет артель, то определяет к каждому в учителя одного старого рядового, который с ним для экзерцирования ходит к старшему сержанту, а по отпущении его ученика от экзерциции приказывает ему, надзирая по случаю, сам его обучить одно за

другим показывать и затверживать в следующем: 1-е – развертыванию и чистению ружья, чтоб от ствола, замка, штыка и оправы был блеск, чернить ложу, винты и шурупы отвертывать, завертывать и смазывать, ввертывать доброй кремень, как привязывать ремень и вообще как разобрать и опять собрать ружье; 2-е – рассказывать ему, в чем чистота состоит, и обучать, как обуватца, одеватца, подвязывать крепко галстук, как содержать в бережении и чистить и починивать кафтан, камзол и штаны, плащ как складывать, свертывать, связывать и как приноравливать к нему ремни, как связывать, чистить и выправлять шляпу, нашивать на нее обшивку и накладывать бант, а гранодеру как чистить и выправлять колпак, как чистить, смазывать и починивать обувь; 3-е – содержать в бережении аммуницию, и как чистить пуговицы, ефес с крючком и наконечником у тесака, на шапке гранодеру герб и медные обручи, герб на суме, пряжки галстушную, портупейную, раструбные, гранодеру фитильную трубку, чтоб от всей меди был блеск, натирать воском и лощить зубком крышку на суме и чистить тесачной клинок; 4-е – как мыть, чистить, белить и натирать зубком лоск у перевязи портупей и плащных ремней, как оные и пристяжные ремешки на суме и большем плащевом ремне пришивать, застегивать и надевать, и как застегивать и содержать кафтанный погон; 5-е – как волосы чесать, завивать в бумажки, делать букли, тонко напрыскать водою и пудритца, завивать косы лентошную и волосяную тройную и зашлифовывать бант; 6-е – чтоб чисто умели мыть рубашку, манишки, штибель-манжеты, обшивку на красном галстуке, шляпную обшивку и бант, содержать кисточки в исправности; 7-е – обучать учрежденным при полку молитвам, и на первой случай «Отче Наш» и «Богородице Дево радуйся». При этом в сем обучении говорить с рекрутом громко и смело, тоже и самому ему тихо говорить не позволять, и поступать с ним весьма ласково и неторопливо.

А. В. Суворов в сражении под Тынцем 2 марта 1772 г.
Гравюра по рисунку А. Коцебу

В сражении местного значения под Тынцем близ Кракова «Суворов подвергся большой опасности: польский уланский офицер поклялся умертвить его, пробился к нему, выстрелил из двух пистолетов и кинулся к нему с саблею. Суворов ловко отбил удар наездника, а пуля подскакавшего русского кирасира повергла его с лошади», — повествует Н. А. Полевой в «Истории князя Итальянского графа Суворова-Рымниковского, генералиссимуса российских войск», изданной в Санкт-Петербурге типографией Императорской Академии наук в 1858 г.

В квартирах: капрал не токмо определенного из других полков, но и рекрут получает от старшего сержанта також по-одиночке чрез старых рядовых экзерциции и повеленного в прежде реченном пункте уже обученных, токмо не оставляет от времени до времени оных во всем свидетельствовать и подробно затверживать.

11

Самое сие, что сказано о рекруте, весьма наблюдает и на старом рядовом, дабы оный не обленился и старшей сержант на нем бы того строго не взыскал. Паче в том надзирает над прибывшим из отлучки, особливо ежели в ней долго состоял, и хотя таковой от старшего сержанта как должно свидетельствован, однако должен сам его еще свидетельствовать.

12

Сверх того, что рядовой по наряду должен изготовитца выступить пред своего капрала в повеленном убранстве и чистоте, но еще как скоро который рядовой с караула или из команды домой возвратитца, немедленно ему свое ружье, тесак и протчую медь с блеском вычистить и у ружья шурупы смазать, перевязь, портупею и плащевые ремни с лоском выбелить, и что в них отпоролось, таже где распоролось в мундирных вещах и обуви, зашить и починить, гранодеру шапку, а мушкетеру шляпу вычистить и крышку на суме с лоском натереть. Дабы, ежели нечаянно будет куда вдруг наряжен, тотчас во всем был исправен. Капрал сего строго на рядовом взыскивает и в противном случае в самом малом мешкании без взыскания от старшего сержанта остатца не должен.

13

Наблюдает за рядовым, чтоб оные ежедневно мыли водою лицо и руки, чесали волосы, оправляли косу, переделывали на висках на каждом положение три бумажки, башмаки или сапоги переменяли с одной ноги на другую, чтоб они не сносились и в ходьбе ног не потеряли, и богу поутру одевшись и спать ложась молились по учрежденным при полку молитвам.

14

Сам всегда хорошо прибран и одет против III главы, с своим командиром говорит громко и смело и держит шляпу опустя в левой руке. Для знаку начальства ходит с тростью, а когда с ружьем, то есть в карауле и строю, имеет оную на пуговице.

15

Ежели в экзерциции или каким ни есть случаем рядовой ружье или тесак испортит так, что его самому починить невозможно, капрал отсылает оное к старшему сержанту, который прикажет его исправить каптенармусу. Буде же то учинено от небрежения, то капрал рядового неослабно наказывает. Каптенармус на перемену дает тотчас в капральство другую вещь с убылых и отлучных.

16

Без его дозволения ни один рядовой от капральства отлучитца не может. При столичном городе, в лагере и в квартирах не больше двух раз в неделе, когда старшей сержант назначит, представя их прежде командуящему капральством унтер-офицеру, и при оном офицеру, ежели при капральстве есть и квартира его не далее версты, представляет отпускных на смотр к старшему сержанту, а оный ротному командиру, и по возвращении их должны они прежде у старшего сержанта явитца, который их таже представит к ротному командиру, потом отпустит к нему. Отпущенные, идучи по городу по знатным улицам и мимо караула, двора знатного начальника и командирского, маршируют хотя без ружья порядочно в рядах и шеренгах, как бы велика и мала команда ни была.

В других лагерях исполнять против сего ж; а в непременных или обширных квартирах не токмо капралы, но и ефрейтеры отделенных частей капральства те отпуски хотя не часто чинят на малое время и несколько часов, смотря по близости деревень, чтоб ежели отпущенные будут опрошены от старшего сержанта, а у ефрейтера от капрала, их тотчас можно назад отозвать, о протчих отпусках за нуждами в город и штаб капрал докладывает старшего сержанта, а ефрейтер капрала чрез мелд-ефрейтеров, и без дозволения его как сам не пускает, так и ефрейтеру отпускать не позволяет. Докладывает об отпусках командира над капральством унтер-офицера, а сей офицера, також отпущенных осмотра прежде в своей квартире в убранстве и чистоте им прежде отпуску представляет.

Отпускать же не меньше двух или трех вместе, из них один за ефрейтера, мимо караула, командирского или начальнического двора и по большой городской улице наблюдать всегда порядок в шеренге, и явились бы на срок. Приближась к городу или штабной квартире, должны вычиститца, прибратьца и опять припудритца, також осматривают посланного от себя в ротную квартиру или иное место, чтоб он порядочно прибран был.

17

В принадлежащем 1-е – до молитв, 2-е – до артелей в капральстве, 3-е – о непитье на кабаке: поступает, как о том в 27-м, 28-м и 29-м пунктах I отделения сей главы в должности ротного командира назначено.

18

Грамотной капрал имеет всегда при себе: 1-е – полковое учреждение: 2-е – из описания полкового строю три главы: части I главу 8, части II главу 13, части III главу 7; 3-е – сокращенной строевой устав; 4-е – имянныя списки о капральстве: послужной, ранжирной и краткой переключной с отметкою, кто куда командирован, и ежели в квартирах – в которой кто деревне; 5-е – копию с табели о вещах в капральстве данной от ротного командира, и буде сам командир, то и подлинную табель.

19

Ефрейтер у капрала всегда его капральства экзерцирмейстер. Того ради экзерцирмейстеру, дабы, особливо когда он грамоте умеет, по его достоинству получал убылой в полку капральской чин, о всей капральской должности, ее правилах и правлении надлежит быть заблаговременно знающу и искусну. Всюду очередует с капралами, токмо не в отлучку свыше недели, а в караул свыше месяца. Старшей сержант наблюдает, чтоб при командированиях всегда при капральстве один из них, то есть капрал или его ефрейтер, при капральстве оставался. Ротной экзерцирмейстер, коли грамотен и исправно себя поведет, имеет линию к произведению перед экзерцирмейстерами в капральствах и по классам достигнуть может в старшие сержанты; он всегда при старшем сержанте, а в отлучке кроме маловременного в очередь с капралами караула от роты не командируетца, и то когда в нем дела нет, ибо по всегдашней почти в нем нужды он и в капральстве не правит; для употребления ж в мелд-ефрейтеры надлежит, чтоб каждой при капральстве рядовой к тому званию искусен был, в чем старшему сержанту и ротному командиру капрал ответственать должен. Экзерцирмейстер також всегда с тростью.

20

Мелд-ефрейтер всегда с ружьем без штыка. Должность его состоит в том, чтоб он, зделавши ружьем на караул, умел смело и громко рапортовать, исправно принять приказ, потом сделать на плечо, направо, налево или направо кругом, а более нигде по темпам

поворотов не делать, итти, куда надлежит. И когда есть данной ему какой приказ, то кому следует чтоб знал исправно отдать. К той особе, кого рапортует, подходит на три шага. В день после побудка, сделав на караул, рапортует о карауле, роте, капральстве и команде. Ввечеру после тапты имеет ружье на плече круто и только требует в те места приказу. Мелд-ефрейтер с билетом, рапортом или приказом письменным, имея оный за левым обшлагом, подошедши до той особы, которой его отдать следует, близко, прежде оный подает правою рукою, потом отступит от него, ежели места нет, на три шага, делает на караул, и ожидает отпуску и приказу. Когда мелд-ефрейтер рапортует сержанта, капрала и ефрейтера, имеет ружье круто на плече, а ежели они с ружьем, то делает на караул и оный вдруг с ним взаимно делают ему тоже на караул, то ж и оные между собою чинят; разве когда фронт держит у ноги, и не на плече, тогда и мелд-ефрейтер на караул не делает.

21

Командующей капральством унтер-офицер ежедневно поутру и ввечеру о всем происходящем в капральстве получает рапорты от самого капрала, а в небытность его от ефрейтера без ружья, и отдает ему приказ, какой за благо рассудит. Получаемые чрез старшего сержанта наряды и приказы для поспешности капрал или ефрейтер исправляет без доклада, токмо унтер-офицера о исполнении рапортует. Представляемые от капрала команды, как выше в 5-м, 6-м и 70-м пунктах сего отделения оказано, осматривает прежде обер-офицер, буде при капральстве есть, тоже и отпущенных против 16 пункта сего же отделения как капрал его, так он обер-офицера о всем происходящем в капральстве ежедневно рапортует поутру и ввечеру и получает от него приказы, имеет табель о вещах в капральстве за рукою ротного командира и прочее, как сказано в 4-м пункте 4 отделения сей главы, а ежели у офицера, то с нее копию. Обер-офицер, унтер-офицер, капрал и ефрейтер в неперемных квартирах от ротного командира все при их капральстве в одной деревне расположены. Главное дело командующих капральством обер-офицера и унтер-офицера состоит в том, чтоб иметь смотрение в капральстве, дабы в нем недреманно, рачительно и подробно наблюдаемо было все повеленное в Главах сего учреждения. В небытность унтер-офицера рапортует офицера капрал, а в небытность того ефрейтер.

Бляхи на шапку и сумы гренадерских офицеров русского войска середины XVIII в.

§ VI. О правящем должность каптенармусе

1

Имеет всегда при себе: 1-е – о ротных вещах исправную табель и так по ней сведущ, что о сроке всякой вещи старшему сержанту и ротному командиру всегда безошибочно отвечать бы мог; 2-е – арматурной список, для знания, какая на ком вещь, с прибавлением внизу о вещах в ротном цейхгаузе с убылых и отлучных, с кого имянно; 3-е – ради общего знания полковое учреждение.

2

С убылых и отлучных вещи содержит в крайнем бережении, целости и чистоте. В квартирах оные в ротном цейхгаузе разобраны по званиям с ерлыками – чья всякая вещь. Ружья и тесаки на приделанных подполках разложены, при них привешены портупей, перевязи с сумами, мундирные вещи, чтоб особливо сии последние моль не поела, и шляпы хранит от сырости, остерегаясь взыскания от ротного командира и старшего сержанта при посещении от них цейхгауза и вещей.

3

По получении от старшего сержанта попорченное ружье или тесак, буде оное ему исправить при роте невозможно, отправляет для починки к полковому казначею. А место той вещи отдает на время в капральство другую такую вещь с убылых и отлучных.

4

Капральством не командует. На караул не ходит. Помощника при роте кроме правящего должность фурьера не имеет. И когда ему какие вещи починить, исправить и вычистить следует, требует людей в помощь от старшего сержанта. В случае его болезни или чрезвычайной отлучки старший сержант, ведая по его табели сам все, может на время определить место его правящего должность фурьера, который на его убылое место, ежели того достоин, повышаетца. А дабы иногда в праздности не был, может с дозволения ротного командира ему старший сержант что ни есть во внутреннем правлении роты препоручить и в квартирах для поверки письменных дел и его табели в штаб командировать.

5

В строю он плутонгом не командует и взвода не ведет, но токмо в своем месте оный замыкает. Чего ради строевого знания, кроме его места в строю, ротной командир и старшей сержант на нем не взыскивают. Однако всегда приборен, опрятен, смел и поворотлив.

6

При роте всегда безотлучен, разве особливо зачем в штаб позван будет. Когда позван будет к полковому казначею, то с дозволения ротного командира и старшего сержанта немедленно к нему явитца.

7

Рапортует по своей должности всякое утро старшего сержанта и ротного командира и получает от них приказ.

§ VII. О подпрапорщике

Безграмотной дворянин отличность в полку имеет против протчих разночинцов только в том, что его за вину штрафуют фуктелем, как и всех в полку в нижних чинах дворян, а не палкою. Ни в чин никакой не производитца, пока по-российски читать и писать довольно [не] обучитца. В протчем дворянин, умеющий читать и писать и благородных поступков, как скоро от полкового командира в которую роту прислан будет и той роты у ротного командира явитца, оный его берет под свой собственной присмотр, прикажет ему описать и отдать полковое учреждение и при себе с помощью старшего сержанта обучает ласково и

исподволь.

1

Во всем принадлежащем до частей экзерциции, убранства и чистоты, содержанию в целости, исправности и чищению вещей, точно как рекруту, дабы после, будучи начальником, сам тому других без дальних справок обучать мог.

2

Как рядового: стоянию на карауле и на часах, и что при том в сих случаях наблюдать и исправлять.

3

Определяет его в капральство, коим сам командует, и отдает своему ефрейтеру на руки для приучения к той должности. И когда по его свидетельству найдется он до правления капральством знающим, то поручает ему капральство за капрала. После наряжает его в ротной караул за капрала при том же ефрейтере, причем он от него должен обучаем быть всем правилам должности при всех случаях караульного капрала.

5

При том же ефрейтере обучается содержанию караула как унтер-офицер.

6

Поручает ему командовать своим капральством как унтер-офицеру, ефрейтер будет при нем за капрала, а капралу, ежели будет при капральстве, поручает пока иное какое при роте дело или определяет капрала на время в другое капральство, при котором командовании он впредь всегда когда при роте остатца имеет. Тогда имеет всегда при себе все повеленное в 4-м пункте 4-го отделения сей главы.

7

Посылает его сперва субалтерном, потом главным командиром в ближние при роте отлучки.

8

Не отлучая его от командования капральства, приучает его к правлению должности каптенармусской, сочинению табели и знанию по ней вещей и их сроков, також что и до арматурного списка и ротного цейхгауза.

9

Приучает его к знанию и правлению фурьерской должности, сочинению ведомостей о провианте и удовольствию им нижних чинов.

10

Когда оный попечением своего ротного командира всему предписанному обучен будет,

тогда оный его под надзиранием того ж ефрейтера командирует в полковой караул несколько раз, вторично за рядового, причем он стоит на часах как рядовой и отправляет мелд-ефрейтерство, потом за капрала, напоследок за унтер-офицера.

11

А как всему вышереченному обучит, особливо иногда по его нежности и молодости потребно довольное время, то на сие имеет ротной командир сроку полгода, по прошествии которого времени и ежели поспеет прежде, представляет того дворянина, яко во всем принадлежащем до исправного унтер-офицера обученного, полковому командиру, который его, по свидетельству усмотря таковым,

12

повышает прямо в подпрапорщики.

13

Сей подпрапорщик потом командируетца от полку с младшими сержантами в очередь, а в отлучку свыше недели и в караул свыше месячного не прежде году. Потом первую дальнюю отлучку отправит при обер-офицере как подчиненный, который тогда в содержании его в военных правилах особливо о нем попечение иметь должен, после и сам начальником. А ежели весьма молод, то до тех пор ни в какую отлучку начальником не командируетца, пока ту должность снести может.

14

Между тем, понеже он командует капральством своего ротного командира, имея по обыкновенному своего капрала и ефрейтера, и тако когда при роте хотя и в квартирах всегда при нем и при старшем сержанте безотлучен, того ради ротной командир препоручает его при том иногда на неделю, на две или как изволит старшему сержанту в субалтерны, чтоб он к его многодельной должности привыкнул и обстоятельства течения разных по роте дел узнавал, хотя он и без того к той должности всегда присматриватца должен, дабы в отлучке старшего сержанта, что редко случитца может, по недостатку иногда младших при роте сержантов и ежели ротной командир за благо усмотрит, он яко воспитанной в военном знании им самим его должность отправлять способен был.

15

В непрменных квартирах, по недостатку иногда при роте кроме ротного командира субалтерн-офицера, содержит на гауптвахте караул за обер-офицера один из младших сержантов. Ротной командир тоже такого подпрапорщика за обер-офицера от роты командует, тако он содержанию караула и по обер-офицерскому заблаговременно искуситца.

16

Ежели дворянин по особливому случаю, недовольно еще обучась сим должностям, произведен будет в подпрапорщики или и в сержанты или тем чином в роту прислан малознающ или вовсе незнающ, как то случаетца из невоенной службы, однако он всю сию школу пройти и служить за рядового и капрала должен, пока попечением ротного командира он во всех тех званиях усмотрен будет искусным, и до тех пор он от полку и роты не командируетца.

Сдача Краковского замка: французские офицеры
отдают Суворову шпаги 15 апреля 1772 г.
Гравюра Р. В. Кюфнера. 1796 г.

§ VIII. О правящем должность фурьере

1

Сей, как каптенармус, кроме чрезвычайного случая при роте безотлучен, на караул не ходит, капральством не командует или куда, выключая что по его должности, не командируетца.

2

Поступает в каптенармусы на его ваканцию, ежели того достоин. Чего ради благовременно к его должности привыкает, и служит ему не всегда, но когда старшей сержант по повелению ротного командира прикажет, помощником.

3

Сам помощника имеет токмо того, которого ротной командир впредь по себе в фурьеры на убылое его место намеряет. Сему последнему быть грамотному из старых рядовых не из дворян, дабы впредь сей чин за его давнюю и беспорочную службу получить мог, по нужде же и способности из грамотных капралов, которому потому в роте состоять до будущей фурьерской вакансии в числе рядовых и капральством уже не править, ибо непременно должно всякое капральство иметь своего капрала, помощник фурьерской ходит только в строй и ротной караул, а в лагере и в полковой караул.

Кроме его мест в строю ротной командир и старшей сержант довольного строевого знания на нем не взыскивают. Плутонгом и взводом не командует. Но всегда опрятен и приборен, смел и поворотлив.

5

Когда ему досуг, старшей сержант по приказу ротного командира для внутреннего приrote исправления может его к себе в помощники брать, також в квартирах послать в штаб для поверки по письменным делам. По чрезвычайной отлучке каптенармуса правит его должность.

6

Имеет при себе краткую о провизанте ведомость и для знания полковое учреждение, знает, как занимать полковой лагерь, разделять и располагать по квартирам, с одной квартиры на другую без приказа старшего сержанта и ротного командира, хотя бы ему и полковой квартирмейстер то приказал, так как и капралы без его ведома, не переводит и имеет при себе квартирную ведомость по капральствам ежели в квартирах. Принимает и раздает провизант, ведомость к его требованию исправную сочинить умеет и ведет неошибочную о его расходе записку. Ежедневно по утрам рапортует по своей должности старшего сержанта и ротного командира и получает от них приказы.

7

Служит помощником у полкового квартирмейстера, к которому по его приказу, с дозволения старшего сержанта и ротного командира, немедленно явитца должен и его повеление исполнять. Еженедельно подает старшему сержанту о провизанте краткую рапортицию, которую он в подлиннике отсылает к полковому квартирмейстеру при семидневном к полку рапорте.

§ IX. Как поступать обер-офицеру, сержанту, капралу и ефрейтеру, начальствующему при отлучной от полку и роты команде

1

Имея полковое учреждение при себе в принадлежащем до военного послушания и распорядка, убранства и чистоты, с своими подчиненными поступает порядочно, строго непременно и без упущения. На меди и железе блеск, на ремнях и сумной крышке лоск, мундирные вещи вычинены и вычищены, обувь вычинена и вычищена и смазана, шурупы у ружья с бережением от ржавы смазаны, шляпа не помята, белье белое и чистое, в деревне и за городом в тройной волосяной косе, по три исправных бумажки на висках, в праздник напудрены в лентошной косе с бантом и красном галстукке, в знатном городе когда сойти с квартиры всегда в лентошной косе, бело напудрен, погон на кафтане, шляпа и кафтан выправлены, шляпа без обшивки и кистей с белым чистым бантом, и всегда порядочно прибран, обут и одет.

2

В походе чрез столичной или иной знатной город весьма в приборе и чистоте против 1 пункта сего отделения, и по всем улицам в рядах и шеренгах; сам команду ведет, офицер может ехать верхом, токмо не в коляске, и с лошади сойти, когда знатной военной начальник

навстречу попадетца.

3

В походе и по прибытии в повеленное место подчиненных своих ни в какую слабость по их должности, в порочные поступки и невоздержания впасть не допускает и жалоб опасаетца, в обиды не дает с благорассудностью; и крайне печетца, чтоб им ни в чем не было недостатка. По состоянию его отлучки имеет команде о жалованье и провианте аттестаты от полку.

4

Команду свою, как бы она мала и[ли] велика ни была, собирает поблизости своей квартиры поутру два раза в неделю и по числу ее делает оной свидетельство против 12 пункта II главы. Первой раз в среду первое краткое сведетельство по-одиначке с прибавлением гусяного шагу. Другой раз в субботу. Первое свидетельство сполна; обучает команду против сокращенного строевого устава примерною пальбою на месте, отступною и наступною, построению и движению колонн; разгибанию из них фронта с пальбой и батальным огнем, на походе порядкам и в дождливую погоду и морозы обучает шагом, хождению, строению колонн и фронтов в епанчах и в морозы в рукавицах, а приемам всегда без рукавиц в избе и крытом строении; свидетельствует в учрежденных при полку молитвах, и тем окончит полное экзерцирование.

Потом читает: 1-е – одну главу из полкового учреждения, от 4 главы 3 часть; 2-е – из описания полкового строю одну из трех глав: части I главу 8, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю; 3-е – список ротным вышним и нижним начальникам; буде для публикации по указам и ордерам, и у кого есть военных артикулов одну или две главы; коли в среду или субботу случится большой праздник, то день назад, коли сряду два праздника, то два дня назад. Когда самому в те дни к порученному делу необходимо куда от команды отлучитца следует, приказывает то же исполнять старшему по себе. Ежели команде нечего делать, то во избежание праздности, как крайнего зла, может по своему изволению краткое свидетельство сделать в неделе два раза, чрез день, два дня сряду; 4-е – отдых и полное экзерцирование всегда в конце недели один раз, протчие хотя часто, однако на другую неделю без зачету; на экзерцирование везде в бумажках.

5

В воскресенье и большие праздничные дни отводит команду в церковь к обедне и приводит обратно в полном церковном параде против 15 пункта II главы. Також когда похочет и ко всенощной. В Великой пост всякой из команды говееет неделю.

6

С квартиры отлучитца без спросу не позволять. Отпуск чинить не по-одиначке, [а] по два или три вместе, один из них за ефретера, осмотра, хорошо ли прибраны, как где надлежит.

7

По прибытии от экзерцирования, буде никуда не послан и не отпущен, всякой волен раздетца, как кто хочет.

8

Мимо лагеря, генералитецкого или иного какого знатного офицера двора и караула всегда маршировать и идти порядочно в рядах и шеренгах: в походе ли то или по прибытии в назначенное команде место.

9

Исправность, бодрость, смелость и поворотливость всем за всеми при всяких случаях наблюдать и с подлыми людьми в сообщении не входить.

10

Когда какой знатной военной начальник, кому караул принадлежит, в то место, где команда, прибудет, посылать к нему караул полной и не против числа людей в команде и, явсь, самому подать о числе команды краткой рапорт (то же исполняет и на квартирах ротной командир, командир капральства и ефрейтер в отделенной части капральства), как скоро сведает о прибытии такой особы в деревню, где он в квартирах, то есть: отправит, а нижней начальник сам отведет, сколько надлежит и сколько число квартирующих с ним дозволит на караул, где меньше 6 рядовых, то только одного вестового по обыкновенному с ружьем; сам к нему явитца и рапортует, что такова-то полку, такой роты, такого капральства, такого номеру части, обстоит благополучно.

11

Рапортует в полк еженедельно один раз, как бы далеко от полку ни был, что при команде обстоит благополучно, оный состоит в исправности, кратко экзерцирована таких-то числ, полно экзерцирована такого-то числа, причем читано то и то, в церковном параде была такого числа. Потом о успехе порученного ему дела объясняет. Для пересылки сих рапортов во всех городах почта.

12

Всякой офицер и нижней начальник рассудит, когда он свою команду строго, порядочно и исправно во всякой отлучке содержать будет, какую честь и славу особливо себе и вообще полку заслуживает; напротив того, за ослабное, кроме опасности неминуемого по возвращении в полк достойного взыскания, а унтер-офицеру по обстоятельству и лишения чина, какое бесславие себе и полку учинить.

Глава V. О лагере § I. О утренней зоре

1

Побудок начинать бить по рассвете, или где по сигналу, перед знаменами обоих баталионов вдруг. Во всяком барабанщики ходят в обе стороны до фланков. Как скоро смена дается или барабанщики ударят в барабан, всем часовым вдруг кто как поспеет сказать весьма громко, к зоре; тогда в ротах всем нижним чинам становитца в улицах при тесаках в плащах и гранодерам в колпаках.

2

При начинании музыкантами играть первой штуки строятца на ротном плацдарме, с обеих сторон сходят в средину, от каждой сочиняют ряды; первой становитца впереди, второй за первым, третьей за вторым, четвертой опять вперед, за ним пятой и так далее до последних, ряд возле ряду, чем сочинят целой фронт, лице в поле к редантам, и равняютца; задней шеренги крылья, миновавши пирамиды, три шага вперед, передние в своем расстоянии, дежурной при роте субалтерн-офицер 4 шага от передней шеренги, унтер-офицер и капралы в своих местах. При первой от барабанщиков повестке караульные в редантах, начиная всегда в первом баталионе и на палочном, становятца в ружье и поднимают к ноге; при последней музыкальной штуке кладут на плечо.

3

Как музыканты станут играть последнюю штуку, роты выходят на полковой плацдарм передними шеренгами на последнюю линейку, задние берут их надлежащее на три шага расстояние. Унтер-офицеры, капралы в их местах, дежурные офицеры перед ротами 4 шага, выходят вдруг из перед пирамид, начиная из средины, то есть: 5, 6; 4, 7; 3, 8; 2, 9; 1, 10; 1 и 2-я гранодерские и смыкаютца во фронт полковой косыми большими шагами так поспешно, что при окончании последней музыкальной штуки были бы все в своих местах, делая в баталионах пушечные промежутки, в коих становитца вдруг с ротами канонеры и фузелеры, и в то ж время выходит против первого ряду правого крыла из первой гранодерской роты полковой флигельман в такое расстояние, чтоб ему последней ряд левого полкового крыла был отверсто виден. Пикеты, палочной караул и все часовые делают ружье на молитву по барабану.

4

По пробитии в барабаны на молитву снимают по флигельману все вдруг колпаки и шляпы. В каждой роте один рядовой по очереди читает громко положенные в полку молитвы, но на пикетах и на палочном карауле скорее, дабы поспеть вместе с полком скончать. Как учинитца по полку тихо, полковой барабанщик прикажет отбить, с последним ударом по флигельману весь полк вдруг накрываетца. Караульные по команде и часовые смотря на их правое крыло делают на плечо.

*А. В. Кюфнер. Сражение при Туртукае в 1773 г.
1795 г.*

5

Потом дежурные офицеры, начиная с обоих крыл в средину, командуют ротам все вдруг «направо кругом»; пришедши на прежнее место перед пирамиды, «стой, ступай в улицу», идут с обоих крыл ряд за рядом, и первые, дошедши до конца улицы, останавливаются во фронт; тогда капралы в их капральствах скоро учинят перекличку, рапортуя старшего сержанта и командиров их капральств; старшие сержанты, получа рапорты от капралов, також от каптенармуса и фурьера по их должностям, рапортуя дежурного офицера. Оный по сем командует «направо кругом, ступай в палатки».

6

После того у первых знамен рапортуя дежурные офицеры штаб-офицера или дежурного при полку капитана; старшие сержанты, сержант артиллерийской, капельмейстер, полковой барабанщик, с пикетов капралы, с палочного караула капрал или ефрейтер и базарной рапортуя адъютанта. Полковой профос не в отдалении, и когда дежурной капитан пойдет по лагерю, должен о чистоте около оногo весьма ответствовать.

7

Ротного командира рапортуя дежурной офицер, мелд-ефрейторы от капральств и пирамидного караула, старшей сержант, каптенармус и фурьер, прежде нежели он исправит по роте, должен майора рапортовать.

8

Ротные командиры рапортууют майора [за] два часа перед сбором.

§ II. Что после побудка исполнять

1

Все нижние чины по распущении должны того ж часу волосы перечесть, волосяную тройную косу и бумажки на висках переправить, буде нехорошо поспели прежде обуца, переобуца, одетца, умытца и прибраться по-лагерному, как значит в I-м отделении III главы.

2

Ежели прежде не повешено полкового или ротного строя, как скоро старшей сержант усмотрит, что все убрались, с доклада своего дежурного офицера прикажет всем нижним чинам, кроме наряженных на караул, стать в улицы при ружьях и суммах в три шеренги и, положа ружье на плечо, в первом батальоне «лево заходи», во втором – «право заходи», заведут роты на ротной плацдарм, не смотря один на другого, и разводят оные на некоторое расстояние от фронта, кому на которое крыло способно, чтоб одна другой не мешала. Потом прикажут сомкнутца по капральствам и распускают капральствы, кои по команде их командиров займут свои места, разделятца по-одиначке и всякой про себя кратко экзерцируетца, при чем старшей сержант, також дежурной офицер, ежели ему досуг.

Окончавши не мешкая, без торопости краткое экзерцирование против первого свидетельства 12 пункта II главы одиначкою, и старшей сержант то усмотря, с доклада дежурного офицера, ежели тут, командует: «рота на прежнем месте стройся», капралы сводят порядочно их капральствы на то место, где были распущены, построя оные прежде по команде: «капральство стройся», старшей сержант отводит обратно роту направо кругом на ротной плацдарм, приказывает ружья и сумы под пирамиды и распускает по обыкновенному. При сем ежели ружья от росы поотсырели или нечаянно малым дождем вспрыснуты, как нижние чины их кладут под пирамиды, обтирают их поспешно везде и герб на суме суконками сухо, и старшей сержант дает им исправитца. Он також в день один раз должен себя в экзерциции кратко свидетельствовать, где хочет.

3

Сверх того один раз в неделе по таком распущении капральств их командиры с капралами и экзерцирмейстерами должны против сего каждого прежде одиначкою свидетельствовать, после полно исполнить первое и второе свидетельство против 12 пункта II главы. При сем они сами не экзерцируются, но командуют, и по окончании всякой отводит свое капральство обратно внутрь лагеря и старшего сержанта по распущении его собою самим рапортууют. Старшей сержант и дежурной офицер, ежели им есть иное дело, при сем не присутствуют.

4

Ротной командир с помощью его субалтернов свидетельствует роту в две недели один раз полно по обоим свидетельствам и в молитвах, что и в капральствах при полном свидетельстве чинить должно, и один раз кратко по-одиначке одно за другим, не обходя и старшего сержанта. При сих случаях по окончании рапортуует майора.

5

Полные и краткие свидетельства в ведренной день. Для междуусобного по-одиначке с

утра старшему сержанту переждать дождь, и ежели тогда дождь во весь день, свидетельствоватца в плащах без ружья.

§ III. О сборе

1

Сбор битъ пополуночи в 9 часов. По пробитии оногo караульных выводить перед баталионы и смыкать посреди полку фронтом – средина против баталионной улицы. Смена полковым караулам ежедневно.

2

При разводе все штаб– и обер-офицеры, все старшие сержанты и младшие сержанты, подпрапорщики, капралы и ефрейтеры – те, коих капральств рядовые. Нижние начальники все с тростями, первого баталиона на правом, второго на левом крыле, майор во всякой надлежащей подробности строго каждого осматривает и за нечистоту, небодрость или в чем неисправность взыскивает неослабно на ротном командире, и ни до кого больше дела нет, потом экзерцирует несколько, в чем похочет. На сие майору час.

3

В десять часов пополуночи адъютант разделяет команды по постам, разделя, объявляет о том наряженным в реданты, на пикеты офицерам и уряднику на палочной караул и рапортует о том майора; майор приказывает им команды принять, на кои они с ними порядочно и отходят. Сам с офицерами и нижними начальниками отходит к редантам и наблюдает строго порядок смены, адъютанта для сего посылает на палочной караул. Во время развода майор и адъютант в шарфах.

4

Сменившиеся команды приводит на то же место, где был развод, и сделать на плечо. При отдании от них чести майор их распускает, они, сделав в правую руку, расходятся по-ротно.

5

Музыка перед первыми знаменами. Начинают играть тогда, как наряженные команды на посты с места маршировать станут, и продолжает до возвращения сменившихся на то же место и распушения их по-ротно.

Корнет кирасирского полка
в форме 1756—1762 гг.

6

Наряженные на караул по приказу старшего сержанта из-под пирамид берут ружья и надевают сумы в 8 ½ часов пополуночи, строяцца с ротной улицы крылом к пирамидам первого баталиона правым, второго левым. На их осмотр в роту полчаса. Как скоро с караулу в роту придут, тотчас всю аммуницию и все вещи исправить и вычистить.

7

Так скоро как к сбору палки на барабан, капитан с своими офицерами делают порядочную смену пирамидному караулу, которому состоять при рядовом за ефрейтера и четырех рядовых. Часовые под пирамидами сменяются всегда порядочно вместе с прочими в полку, фронт выходит и кладет на плечо. Фронт спиною к палаткам, крылом на палаточной линейке в первом батальоне правым, второго левым. В ведреную погоду ружья воткнуты, а не на сошках.

8

Наряженных в команду, хотя бы был один человек, ротной командир выводит на плацдарм полковой в то ж самое мгновение, как приказано, причем старшей сержант того капральства, капрал, ефрейтер и командир. Так скоро наряженных майор осматривает во всем как надлежит, получа осведомление от ротного командира чрез мелд-ефрейтера той команды, а буде один человек, чрез урядника, ежели сам не хочет.

§ IV. О должностях дежурных при ротах субалтерн-офицеров

1

В роте дежурство отправляет один субалтерн-офицер сутки, очередь между ими знает капитан. Он в шарфе и напудрен, при побудке рапортует дежурного капитана у первых знамен или, кто случитца штаб-офицер, – о роте, при роте безотлучен, ночью ходит по ней и отвращает от всех не порядков. По наряду майора ходит иногда рундом. От полку сменяетца после тапты.

2

После побудка осматривает в пирамидах чистоты, чтоб у ружья и сумы на железе и меди был блеск, на крышке сумной и ремнях лоск и оные чисты и белы. Приказывает чисто выметать улицу его роты, между солдатских и офицерских палаток, в обозе и около кухонь, а в гранодерских ротах и по крылам до ящиков улицу усыпать песком, ежели которая палатка покривилась, приказывает поровнять, наблюдая во все стороны, как и в обозе, прямизну линии, ибо во всем оном ответственует своему капитану он один, потом, убравшись порядочно, приходит капитана о роте и о прочем рапортовать.

3

Час перед сбором, то есть: в 8 часов пополуночи, ежели ведренная погода, приказывает ружья и сумы открыть, оборотить курки в поле и порядочно пирамиды убрать, кои до того времени так открыты, как часовые к вечерней зоре громко повестят, тогда тотчас курки внутрь и опустить пирамиды. В ненастье и как скоро дождь, курки внутрь и пирамиды опустить.

4

Наблюдает, чтоб рядовые не выходили в день на ротную улицу в рубашках, но в плащах, камзолах или кафтанах, имели бы в простые дни внутри лагеря волосы висок в три бумажки вдоль, тройную волосяную перегнутою к затылку косу и нигде не растрепаны.

5

Как скоро нижние чины из команды караула или от экзерцирования в роту придут, чтоб тотчас ружье, суму с перевязью, тесак с портупей, мундир и прочие вещи сполна или

сколько надлежит вычистили и исправили.

6

Как каши варят, смотрит, чтоб их варили порядочно и не дымили, лишних дров не тратили, а подкладывали их под котлы сколько надлежит, котлы вешены в горны и горны не больше размеру, на печках вверху никто варить бы не дерзал. В протчем что до сего весьма наблюдает 28 пункт 1 отделения IV главы.

7

В воскресные и табельные праздничные дни роты в полном убранстве по приказу дежурных офицеров в том часу, как им приказали их капитаны накануне, сходятца крыльями первого баталиона правым, второго левым к пирамидам на ротной улице и смыкаютца в круг, внутри которого дежурной офицер прикажет читать повеленное ему от капитана против 10 пункта 1 отделения 4 главы. Потом роты, начиная с полковых крыл, в средину выходят на их плацдармы, а с оных из средины полку на крылья косыми шагами, оставляя для канонеров и фузелеров, кои в то ж время там и становятца, пушечные промежутки на полковой плацдарм, и маршируют всем полком порядочно взводами, роты под роту, к церкви к обедне. В сем порядке по отпуске возвращаютца на плацдарм полковой, с него направо кругом на ротной и распускаютца. При сем хотя при дежурных офицерах не штаб-офицер, а дежурной полковой, но рассчитают в баталионах мушкетерские взводы всегда адъютанты.

Буде церковь не при самом полку, тогда майор для отводу к ней наряжает особливого капитана, а к дежурному полковому, который останетца при лагере, прибавит еще по одному офицеру с каждого баталиона, и тот капитан в шарфе. Протчим офицерам в большие праздники быть в шарфах от зори до зори. Ежели ненастье, то выходят роты в улицу в бумажках несколько поранее, чтоб успеть волосы убрать и напудритца как читать окончают, а коли в то время как читают нечаянно перед обедней припырнет дождем и пудра помокнет, то перед выводом на ротной плацдарм опять припудритца. Також по сему в мокрое время все в плащах.

§ V. О должности полкового дежурного

1

При полку дежурство отправляет один капитан посуточно. Очередь между ими наблюдает майор. Он всегда при шарфе и напудрен, мундира во весь день не снимает. Сменяетца после тапты. Ходит главным рундом. В небытность при лагере майора место его отправляет, и буде от кого какой приказ получен, адъютант объявить ему должен и с позволения его исполнять.

2

При утренней зоре отбирает от ротных дежурных офицеров рапорты, а буде при том сам майор, тогда в то не вступаетца, а только о хождении рундов и дозоров его рапортует, что и без того он поутру чинить должен, однако выходит всегда к утренней зоре. После оной обходит весь лагерь, осматривает, нет ли где какого непорядка и нечистоты; внутри лагеря, в которой роте нечисто, приказывает тотчас выместь. Вокруг церкви, на полковом плацдарме, в редантах, на пикетах и около оных и на палочном карауле выместь профосам при рассвете оконцевая плацдармом, о чем ему полковой профос доносит и при осмотре не в дальности за ним ходит так, чтоб при его осмотре везде чисто было. О наблюдении чистоты в обозах и при кухнях приказывает дежурным субалтерн-офицерам, а у маркитантов определенному базарному; базарной в ведомстве у адъютанта.

3

В нужниках осматривает, чтоб за каждым баталионом вырыто было по три ямы в назначенной размер, переменять оные чрез три дни и вырывать другие на свежих местах, кроме назначенных тех ям вокруг оных или вдаль нет ли нечистоты, но очищают ли везде младшие два профоса, кои должны тут быть и вдаль круг тех ям ходить, и который день те ямы не переменять, в тот рано поутру посыпать оные сверху землей, где нечисто, прикажет немедленно исправить.

4

В небытность при лагере майора наблюдает, чтоб сменившихся из отсутственных мест с караулов и из разных команд приходящие рядовые командирами их поставлены были на полковой плацдарм, где развод полковой против баталионной улицы чинитца, и оных в чистоте, порядке и военном виде осматривает, о чем, как и о усмотренном в ком в чем хотя мало каком недостатке, рапортует потом без упущения майора. После того приказывает распускать в роты, а без дозволения майорского или дежурного роспуску никому не чинить.

Прибывших из отлучки и караула, где были свыше недели, майор может свидетельствовать в некоторых частях экзерциции, також в его небытность дежурной капитан. Но, не взирая на то, ротные командиры на другой день их сами во всем сполна свидетельствуют против 12 пункта II главы, как упомянуто в 21-м пункте 1 отделения главы IV.

5

На пикетах и на палочном карауле в ведреную погоду имели бы ружье на сошках, на пирамидных караулах порядочно воткнуты, а в ненастье везде класть под пирамиды. В воскресные и табельные праздничные дни, буде церковь в лагере, отводить к оной полк исправно с плацдарма, как значит в 7-м пункте 1 отделения сей главы.

6

Во всем надзирает и наблюдает неослабно, что и о должности ротных дежурных сказано, и о всем обстоятельно своего майора рапортует, который сам должен все оное подробно осматривать и строго наблюдать.

§ VI. О выводе рот для полкового или ротного ученья

1

Буде приказ дан и в нем час назначен о выводе рот на плацдарм для полкового ученья, полчаса до того ставить рядовых в ротных улицах в должной чистоте по ранжиру в три шеренги, в первом баталионе правыми, во втором левыми крыльями, примыкая к солдатской палаточной линейке близ пирамид. Капитанам осматривать всего убранства и чистоты строго и недостаточное приказывать тотчас исправлять; ежели ученье будет с пальбою, чтоб в ружьях ввернуты были исправные кремни, запасных имели бы в кармане по два новых с отверткою и проволокою, дабы в действии когда ружье не выпалит, в мгновение кремнь переменить и заправку прочистить.

2

Как скоро ударят сбор или по команде, выводить роты на ротные плацдармы вдруг,

начиная с правого и левого крыл полку в средину.

3

Как скоро сбор пробьют, выводить роты начиная из средины полку, то есть: с пятой и шестой рот до крыл на полковой плацдарм вдруг линиею, оставляя пушечные интервалы. При осмотре майорском или полкового командира в убранстве и чистоте в самой мелкости подвержен строгому взысканию ротной командир.

4

По роспуске с ученья капитан, приведя роту направо кругом на ротной плацдарм, приказывает расходитца в ротную улицу с фланков, как значит в 5-м пункте 1 отделения сей главы. Потом командует фронт, к ноге, шомпол в дуло, и осматривает, у всех ли выпалено, каптенармус идет за ним и собирает оставшие[ся] патроны, капралы осведомляютца в своих капральствах, не изломано ли чего во время строю, и рапортууют по чинам; капралы старшего сержанта и своих командиров, старшей сержант и каптенармус капитана, а он майора. Буде которые не выпалили, капитан приказывает им заряд вывернуть, а кои во время приемов или пальбы в чем ошибались и замечены, тех тогда по своему рассуждению штрафует. После того распускает в палатки и приказывает ружья и протчее чистить.

5

То ж и для ротного строю, кроме того, что сбору не бьют и роты сами собою по способности места обучающца.

Нападение турок на А. В. Суворова
в сражении при Гирсове 3 сентября 1773 г.
Гравюра А. Коцебу. 1850-е гг.

6

Ежели ученье без пальбы не в полном убранстве и бумажках, то как скоро сбор ударят, роты строить в улицах весьма поспешно, и по пробитии сбора выводить на ротной, потом на полковой плацдармы хотя скоро, но порядочно, против упомянутого во втором и 3 пунктах (коли иногда ударят тревогу, то роты, взяв из-под пирамид ружья и надевши сумы, разом, но порядочно без шума, и только краткой командной голос слышен был, строятца на ротном плацдарме, и маршируют как скоро пробьют на полковой плацдарм из середины полку по обыкновенному). После ученья командир роты, приведя ее направо кругом на ротной плацдарм, командует: «ружье под пирамиды», рядовые с фланков по одному ряду, обойдя несколько пирамиду вокруг, чтоб просторнее один от другого отделились, делают к ноге, отмыкают у ружья штык, ставят ружье к пирамиде, снимают сумы, привешивают их под пирамиду, в то время капралы справляютца с ними, не изломало ли чего, поставя ружье и сняв сумы, идут в ротную улицу по обыкновенному, а тогда, сказавши во фронт, распускать.

§ VII. О приказе и пароле

1

Когда у первых знамен в барабан ударят к приказу, то есть: одни палки с отбоем, старшим сержантам с одними тростями приходиться поспешно от всех рот и становитца на правую сторону знамен, неподалеку, в одну шеренгу, рота под роту, гранодерские по крыльям; сняв вдруг шляпы, принимать приказ, записывать оный в книжку очень верно и чрез кого отдан, потом расходитца, как приходили просто.

Буде в барабан ударят к паролю, то есть: трои палки с отбоем, тогда старшим сержантам, надевши на себя сумы и взявши ружье, выходить на последнюю линейку плацдарма полкового прямо каждому против своей роты, сглядываясь друг с другом, как будто на линейке, сделать вдруг поворот 1-й гранодерской, 1-й и 2-й мушкетерским налево, протчим направо, соединятца против первых знамен, с правого крыла столько тихо, чтоб с левого большими шагами всякой свой шаг по тому размеряя, в одно время сойтитца и остановитца, и делают фронт; тогда ж приходят с пикетов сержанты и становятся по крыльям у мушкетерских старших сержантов, между ими и гранодерскими.

Сделавши фронт по команде адъютантской, который с шпагою в руках, оный по сем командует: «на караул», мушкетерские снимают шляпы и 1-й гранодерской, приняв от адъютанта пароль и лозонг на ухо тихо, отдает возле его стоящему и так далее. 2-й гранодерской отдает адъютанту обратно. В оном случае старшим сержантам и караульным унтер-офицерам поступать весьма осторожно. Верно принимать и не забывать, ибо в противном случае за неосторожность необходимо чина лишитца может. С палочного караула по третьим палкам отправить капрала или ефрейтера, который позади первых знамен поставит ружье к ноге, а как адъютант отдаст пароль и мушкетерские шляпы наденут и кладут на плечо, приходит большими шагами к адъютанту, делает на караул и принимает, не снимая шляпы, лозонг, потом на плечо и для принятия с протчими приказу становитца между унтер-офицера из реданта второго баталиона и старшего сержанта 2-й гранодерской роты.

Когда он в то место станет, вся шеренга делает опять на караул для принятия генерального приказа; по отдании того адъютант командует: «на плечо, направо и налево», а с палочного караула кто прислан, делает направо кругом, «ступай в роты и караулы»: старшие сержанты поворачиваютца вдруг наоборот, откуда кто шел, каждой размеряя свой шаг, сглядываясь с протчими, доходят до своей роты, вдруг останавливаютца, делают фронт, смотря на правое крыло направо кругом, приходят в роты, а караульные прямо к своим постам, и объявляют в ротах и на пикетах пароль и лозонг, а на палочном один лозонг, и приказ своим командирам.

Суворов часто говаривал, что не дурно иногда спросить у служивых, с кем они хотят воевать. Они знают и не ошибаются в своих начальниках. Так, однажды надо было отрядить для нападения на неприятеля два батальона. Он подослал спросить, за кашицею, солдат одного полка, с кем бы они хотели поработать? Все в один голос назвали фамилию полковника, несмотря на то, что, по-видимому, в том полку были гораздо достойнейшие. Суворов тотчас исполнил их желание, и дело увенчалось успехом.

Для отдания после генерального полкового приказу адъютант, сказавши: «на плечо», командует: «караульные, ступай, старшие сержанты, вынимай книжки», караульные от

палочного сделают направо кругом, потом пикетные с оным вдруг пойдут на свои посты, а старшие сержанты сомкнутца, делают шеренгою к ноге, вынимают книжки и записывают, потом адъютант скажет: «исправься», «на плечо», исполняетца, как описано во 2-м пункте.

Примечание. Бude генерал-лейтенант в лагерь в день нечаянно прибудет, то ставить людей в ротных улицах в камзолах при тесаках и развернуть на месте одно белое знамя, а для шефа или фельдмаршала выводить перед фронт, равняя заднюю шеренгою против пирамид, а протчие на один шаг, и снимать шляпы вдруг по флигельману 1-й гранодерской роты. А бude заблаговременно о прибытии сказано, тогда велеть убратца порядочно. Для генерал-майора снимать с значков чехлы.

§ VIII. О вечерней зоре

1

Тапту начинать бить следующим образом. По сигналу часовые громко везде скажут: «к зоре», где сигнала нет, то полковой командир или кому от него приказано скажет которому ни есть часовому: «к зоре», того ж мгновения все часовые сие слово весьма громко вдруг как кто поспеет повторят. По сему роты выходят на ротные улицы, барабанщики и флейтчики перед баталионы, музыканты перед первые знамена, как только палки на барабан, капралам при старшем сержанте делать в их капральствах весьма скоро перекличку наизусть, дабы при окончании битья тапты перекличка была окончена (когда музыканты будут играть первую штуку, выводить роту на ротные плацдармы, а как музыканты заиграют последнюю штуку, выводить роты на последнюю линейку полкового плацдарма, ежели хорошая погода – в камзолах при тесаках, а худая – то в плащах). Господа капитаны в 8 шагах от рядовых, субалтерн-офицеры – в 4 шагах. Что до снимания и надевания колпаков и шляп, до молитв, после тапты до распускания рот и протчего, поступать в подробности против означенного в 1-м отделении сей главы при побудке.

2

Капитаны, зачав с 1-й гранодерской, рота под роту у первых знамен, снимая шляпы, сами о своих ротах рапортууют майора. Потом приносит ему рапорт, получа от упомянутых в 6-м пункте 1 отделения сей главы, адъютант о всем полку. Майор рапортуует старшего над ним, и так до полкового командира. С пикетов и палочного караула сверх того полковой командир получает рапорты чрез мелд-ефрейтеров, как и поутру.

3

Сигнал пускать чрез четверть часа внутри лагеря всем часовым, как и на палочном карауле, а не в редантах, где все тихо и нет повестки и на часы. Начинать оный часовому у полковничей палатки, принимать у первых знамен, итти вправо, кругом позади лагеря до левого крыла, с левого крыла доходит вдоль фронта и кончитца у первых знамен. Пускать оный часовым весьма ясно и громко, на часы повещать часовым всем вдруг, кто как поспеет весьма громко; також к зорям.

§ IX. О рунде и дозоре

1

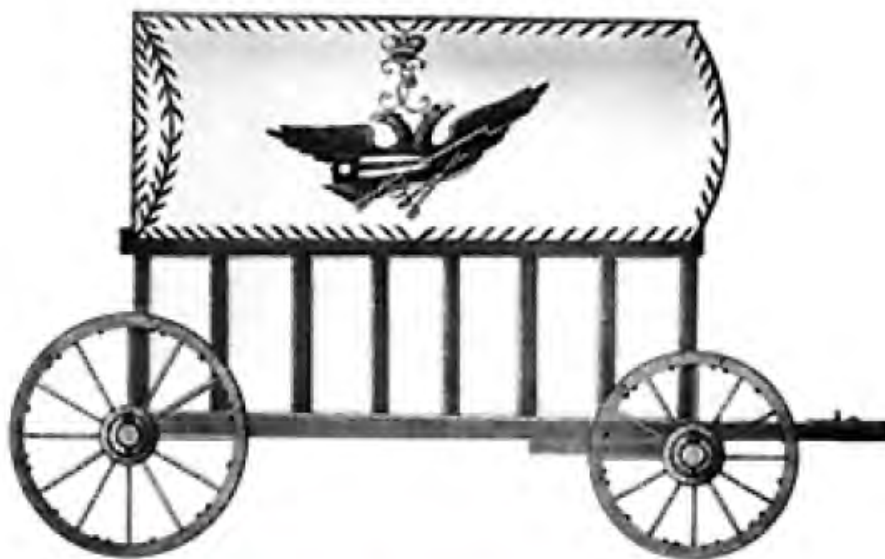
Рунд отправляет штаб– или обер-офицер при 4-х рядовых и капрале, может и без того один.

Когда оный мимо посту идет, где офицер есть, то окликать часовому, при фронте стоящему, следующим образом: не допуская до себя близ 50 шагов: 1-е – «кто идет», не делая при том никакого движения; 2-е – «кто идет», с словом вдруг взвесь у ружья курок и

держат на взводе; 3-е – «кто идет, говори, убью», в то же время приложитца ружьем в идущего, а по ответе рунд, часовой спрашивает «который рунд», услышав, сказывает: «рунд стой», примечая, чтоб рунд был от фронта в 24-х шагах, «к ружью, идет главной (утренней или средней) рунд».

На карауле рядовые должны очень скоро стать в ружье и по команде сделать на плечо. Офицер посылает к рунду за лозонгом унтер-офицера с двумя рядовыми с того крыла, с которого рунд идет; который, к оному пришед, своим рядовым командует: «взводи курки», «прикладывайся», и сам, приступя к особе, кто рундом правит, не делая ничего, спрашивает, что лозонг, отобравши лозонг, сказывает рядовым: «на плечо», приходит к своему офицеру, объявляет ему тот лозонг, а рядовые становятца в прежнее их место. Офицер, усмотря, что лозонг исправен, приказывает часовому сказать, чтоб рунд приступил, часовой объявляет громко: «рунд, приступи», и кладет на плечо. Как оный только поровняетца, офицер командует фронту: «на караул», пришедшие с рундом рядовые по тому ж делают для почтения пароля, а правящей рундом в то время подходит к стоящему на карауле офицеру и, снявши оба шляпы, буде главной или утренней рунд, то пароль принимает, а средней сам пароль отдает. После того стоящей на посту офицер рунда рапортует о всем, что случилось на карауле после вечерней зори. Потом объявляет часовому об отпуске рунда, и оный сказывает громко: «рунд, ступай мимо».

Коли правящей рундом едет верхом на лошади, то хотя бы он генерал был, но для принятия пароля спешитца должен, а иначе караульной офицер пароля ему отдавать или от него принимать не должен.

Казначейская фура пехотного полка
середины XVIII в.

Ежели унтер-офицер, лозонг отобрав у рунда, принесет офицеру неверен, офицер, усмотря оное, приказывает часовому объявить, чтоб рунд приступил, и, не делая фронтом на караул во уверение, подходит к рунду и спрашивает о лозонге сам; когда также неверен, в таком случае караульной офицер имеет рунда взять за арест, объявля ему, что за то, что лозонг неверен, притом спрашивает его, откуда тот лозонг ему отдан, которого он полку, чин, имя и прозвание, и по приходе другого рунда обстоятельно того о том рапортует и поутру по своей команде. А буде пароль явитца по тому ж караульному офицеру, брать рунда за арест. А ежели рунд у караульного офицера найдет пароль неверен, то, объявля ему подлинной и справясь обстоятельно, точно ли так и откуда оный получен, поутру рапортует о том по команде.

Унтер-офицер, стоящей на посту без офицера в своем звании, пароля не имеет, а идущего рунда потому ж часовой останавливает, и унтер-офицер, пришед, сам лозонг требует у рунда и по отобрании рапортует о своем карауле. В противном случае имеет право поступать против вышеписанного и брать за арест, но того ж часу рапортовать о том того, от кого тот караул зависит. Только знать надобно, верно ли свой лозонг принят, и для того в том надлежит весьма осторожно унтер-офицерам поступать. Буде же унтер-офицер стоит на посту за офицера, так и поступать ему точно как надлежит офицеру.

Протчие часовые: когда стоит один особливо, а не при фронте, всегда рунд по три раза окликает, но не останавливает и по отзыве: «рунд», положит ружье на плечо и скажет громко: «рунд, ступай мимо».

В лагере отправляют рунды: главный дежурный капитан берет людей из своей роты. Два субалтерн-офицера и лутче из дежурных при ротах по майорскому наряду, один средним, старшей утренним, берут також людей из их рот. Начинают из баталионной улицы, обходят прежде кругом лагеря и палочной караул, потом обойдут реданты. Поутру до побудка о рунде и дозорах рапортуют средней утреннего, а оной главного рунда.

2

Дозор отправляет унтер-офицер или капрал с двумя рядовыми. Когда оной мимо караула идет, то часовым, при фронте стоящим, также остановлен быть должен, как и рунд. Офицер караульной тотчас имеет всех рядовых поставить в ружье и сделать на плечо, а чрез посланного унтер-офицера, у дозора отобрав лозонг, часовому приказать отпустить. В противном же случае поступать, как о рунде изображено. Дозор часовой при фронте начинает окликать в 30 шагах и по третичном: «кто идет, говори, убью», получа отзыв, сказать: «дозор, стой, к ружью, идет дозор».

Протчие часовые, как выше о рунде сказано, кои не при фронте, дозор не останавливают, а по отзыве: «дозор», положи на плечо, скажет громко: «дозор, ступай мимо».

Дозоры отправляют тех рот урядники с рядовыми, которых рунды, и по небольшой ночи каждой один раз между хождения рундов, в коих часах им главной рунд назначит. По окончании утреннего рунда, правившего средним рундом, о исправности рапортуют.

О протчем, что до лагеря, изображено в прежних Главах.

Глава VI. О неперемных квартирах

§ I. Что в них вообще наблюдать должно

1

Ротная квартира – самая большая деревня. В протчих деревнях, назначенных для ротных квартир, располагать капральствы без разбивки всех номеров. Ежели много деревень, в том числе малые, то сии последние разделять на капральствы с уравнением, чтоб одно перед другим в больших деревнях недостатка не имело; буде же малых деревень весьма немного, то оные и вовсе обойти, убегая сколько можно, чтоб людей в капральстве меньше разбивать. Ежели капральство стоит в разных деревнях, то по числу имянной о них ведомости и частей называть части в капральствах кратко по номерам.

2

Командиры капральства: офицер, младшей сержант или подпрапорщик, правящей им капрал и его субалтерн, экзерцирмейстер и ефрейтер. Оные всегда в большой деревне при их капральстве первого номера.

3

В прочих номерах частей в капральстве ротной командир определяет во всякую деревню начальниками исправнейших рядовых за временных ефрейтеров. Оные ефрейтеры на работу ходят с своею частью, а сами не работают, на караул, в штаб и роту и ни в какую отсутственную команду, кроме как со своею частью, начальником ли то или просто рядовым, буде при команде старее кто есть, не командируетца. Ежели был в команде просто рядовым, по отпуске оный и по прибытии на прежние квартиры сам без приказа по прежнему, за ефрейтера. Ему надлежит весьма знающе быть о всех частях экзерциции, о положенных рядовому по штату вещах и сохранении их в целости и чистоте, в положенных правилах полкового учреждения, прочие военные порядки и артикулы, особливо иметь над его подчиненными строго наблюдать послушание, распорядок и предпочтение, сей начальник может поступать на ваканцию экзерцирмейстера.

4

Старшей сержант получает [рапорт] ежедневно по утрам от капральств чрез мелд-ефрейтеров и правящих должности унтер-офицеров, каптенармуса и фурьера; сверх того капрал его сам рапортует, который с ним в одной деревне стоит; а в субботу от ефрейтеров в частях чрез мелд-ефрейтеров же. Старшей сержант прежде рапортует о роте, представляет ротному командиру, от их мелд-ефрейтеров, кои при сем чрез старшего сержанта и самого ротного командира получают отправление и приказ в их капральствы и части; после сего рапортует ротного командира каптенармус и фурьер по их должности. Капрал обыкновенно сам при разводе на ротном вахт-парад-плаце, буде в иной день, то на квартире, после чего явитца к ротному командиру для получения от него какого особенного приказа, рапортует о капральстве старшего сержанта в одну или две недели один раз, как о том, також о представлении команд и ежедневном осмотре, сказано в 8-м пункте 5 отделения 4 главы. А в небытность капрала экзерцирмейстер – его ефрейтер.

5

Ефрейтеры частей капральства рапортуют своих капралов по утрам чрез мелд-ефрейтеров, кои от них получают отпуск и приказ, в небытность их экзерцирмейстера, ежели в его части свыше 12 человек ежедневно, от 12 до 8 чрез день, от 8 до 6 чрез два, от 6 до 4 чрез три дни, а ниже того в неделю один раз. Где бы случилось два рядовых, старшей – ефрейтером, а другой посылаетца от него мелд-ефрейтером одну субботу к ротному командиру и, коли близко, то к капралу, а далеко, рапортует о части капрала на другой неделе в субботу. Сам ефрейтер рапортует капрала или в его небытность ефрейтера в капральстве при собрании или осмотре капральства, а старшего сержанта и ротного командира при собрании роты и осмотре их его части. В прочее время всегда, когда случитца быть вместе.

6

По расположении в квартиры ротной командир, спустя одну неделю, объезжает всю роту по ее квартирам, каждого квартиру и в ней квартирующего посещает и осматривает, все ли оружейные, мундирные, аммуничные и годовые вещи в целости и чистоте и все ли есть по означенному во 2-м отделении 3 главы. Как и где их хранит и свой провиант, в чистоте ли себя содержат, для благочестия прослушивает в повеленных при полку молитвах, утверждает доброе согласие с обывателями, и с каждым рядовым что ни есть говорит, дабы усмотреть, не привыкают ли они к крестьянским речам, виду, рассуждению и хваткам и не отвыкают

ли от военной смелости; кто в чем попортился, обленился, опустился и обробел, берет его под собственной свой присмотр на время и не самого его, но его начальника строго за то наказывает.

Сии осмотры ротной командир чинит еще дважды, то есть: второй среди зимы и третьей не меньше месяца под выступлением в лагерь, о чем по прибытии в штаб сам рапортует полкового командира и майора. А когда поедет, уведомит о том в штаб чрез мелд-ефрейтера цыдулкою и между тем дает полное наставление старшему сержанту, как в его отсутствие при роте по нарядам и приказам полковым и протчим поступать; все то без него исправляет старшей сержант.

7

Таковые посещения и подробные осмотры чинят командующие капральствами капрал, его экзерцирмейстер и ефрейтер по капральству в месяц один раз, не тогда как капральству достанетца на караул, в штаб или когда будет ротной строй, то есть: офицер когда сам изволит, токмо давши знать о том ротному командиру, унтер-офицеру, капралу и экзерцирмейстеру, каждому особливо, когда кому назначит ротной командир. Ежели при том осмотре случитца экзерцирование в которой части их капральства, то при сем присутствует и дадут оное окончить. Начальствующие в частях временные ефрейтеры осматривают им порученных в разстах, против сего ж один раз в неделю, о чем своих капралов при обыкновенном рапорте чрез мелд-ефрейтера рапортуют, о сих посещениях в капральствах в отделенных частях, имянно в которой, с названием номера и коих чисел происходили, подписывать ротному командиру под семидневными рапортами всякую неделю.

8

Сии осмотры в роте, капральствах и частях всегда так чинить, как бы много или мало людей налицо ни было. Також что принадлежит до экзерцирования, как описано в 3-м отделении сей главы.

9

Обыкновенно ротной командир, прибыв в штаб, в месяц один раз, ежели чаще не желает и при роте недосуг, рапортует майора и полкового командира о роте, выправляетца и исправляет по ротным делам, посещает в лазарете своей роты больных и что к их лутчему представляет майору. На другой или на третьей день возвращаетца опять в свою роту, при которой, как Глава, сколько можно, должен быть безотлучен.

10

В грязное время для способного сообщения между деревень в роте, к соседним ротам и к штабу перемостки для пеших в болотных местах всякой части для себя переправлять.

11

Для воспоминования военного случая и место поблизости ротной квартиры маяк и при нем иногда часового от ротного караула или пикет, как о том в 1-м пункте 2 отделения сей главы.

12

С караула, из команды, от экзерцирования, когда рядовой от своего начальника

отпущен будет на квартиру, то, пришед во оную, раздеваетца по его изволению, скидает белую рубашку или манишку, буде затем есть чистая, кафтан, камзол, ходит в плаще или, у кого есть, в собственном платье, в старой своей солдатской обуви, кладет виски вдоль, в три бумажки, и отдыхает.

13

Ежедневно рядовой на квартире поутру умываетца, чешет волосы, переправливает плетеную волосяную тройную косу и бумажки на висках и прищипливает на косу бант, надевает чистую рубашку или манишку с манжетами, буде та, в коей спал, черна, повязывает черной галстук, вычистя обувь, обуваетца исправно, в сухое время в башмаки и штиблеты с штибель-манжетами, в грязь – в штибель-манжеты и сапоги, и прочее все почистит, молитца Богу вслух по повеленным в полку молитвам и ежели поспело, то может завтракать. Потом, когда время придет итти к его начальнику на экзерцицию, надевает мундир, подпоясывает тесак, надевает суму, мушкетер старую, но исправно связанную шляпу с чистым бантом, а гранодер колпак, берет ружье, в мокрую погоду надевает плащ, ружье от дождя под плащ, и отходит к квартире своего начальника. А когда праздник, то убираетца и пудритца для церковного параду. В разстах по строевому надеваетца, токмо в причесанных волосах, переправленных бумажках и косе, умывшись и помолясь в прочем так, как в 12-м пункте сего отделения.

*К. Буддеус. Сражение при Козлуджи в 1774 г.
1795 г.*

14

Ежели случитца, от чего Боже сохрани, где в квартирах пожар, собравшись к квартире своего командира итти поспешно оный тушить. Те части, кои в близости той деревни, где пожар, собираютца туда поспешно. Для охранения от насильства пятую часть рядовых с ружьем, коих ежедневно начальнику в части своей назначивать и при них одного за ефрейтера, сходятца в самой близости пожарного места; которая часть прибудет прежде на пожар, той ефрейтер ведает всю сию команду и от прочих частей.

Хотя рядовому с крестьянами, кроме тех, кои из них в пьяных и иных мотовских подлых, грубых и беспокойных поступках обращаютца, на квартирах сообщение иметь не воспрещаетца, но совсем военным правилам противно, что к их виду, образу, ухваткам, рассуждению и речам хотя мало солдату привыкать. Однако при том обходитца с ними ласково и ни в чем их ни словом ни делом не обижать, за что по вине не допуская до штаба наказывать, а буде какие жалобы в штаб произойдут, за те ротной командир сам ответственовать должен.

При приближении времени к выступлению в лагерь, при последнем на квартирах ротном строю, прибавя на то день, поставить каждого рядового босиком смерить рост, осмотреть каблуки, чтоб были ни мало меньше или больше против положенной в полку меры, чего ради никто из нижних чинов отнюдь не должен никогда осмеливатца каблукам у сапогов или башмаков меры прибавить или убавить. И при вступлении в лагерь по роспуске рот ротному командиру того ж часу подать за своею рукою полковому командиру о его роте ранжирной список.

О протчем изображено в первых 4-х Главах.

§ II. О караулах

1

Ротной пекет близ цейхгауза и правиянтского магазейна состоять имеет, ежели много людей при роте, чтоб на смены стало при ефрейтере 6 рядовых, один часовой при фронте, другой у маяка; коли маяк от фронта близ версты, то особой при нем отведенной пикет без сошек и ружья воткнуты, при ефрейтере 4-х рядовых; ежели людей налицо мало, тогда при ефрейтере 4-х рядовых и один часовой, который должен от фронта ходить не в отдалении и иметь в смотреции цейхгауз и провиянтской магазейн и, буде виден, маяк. При сем карауле ефрейтер от старшего сержанта получает лозонг, стоит на карауле как капрал и разводит на всякие часы, при чем фронт всегда кладет на плечо и посылает мелд-ефрейтера ротного командира поутру рапортовать, ввечеру принимать приказ, который прежде явитца у старшего сержанта.

Сей пикет имеет фронт и сошки и становитца коли случитца для отдания кому надлежит чести, а ротному командиру поднимает на плечо. При фронте барабанщик бьет ежедневно побудок и тапту, сбор чрез двой сутки в 10 часов пополуночи. Смена караула чрез двой сутки, производит оную новой караул с старым и исполняет точно во всем протчем, что и до содержания караула против 1 главы. Новой караул выходит на вахт-парад-плац час до сбора, то есть: в 9 часов пополуночи, старшей сержант и ротной командир его порядочно осматривают. Ротной караул наряжать с одного капральства, токмо не с того, которому достанетца содержать караул в штабной квартире. Ежели приедет кто из генералитета или штаб-офицер в ротную квартиру, то на первой случай ему от пикета тотчас часовой, в протчем, что той особе до караула, поступать против 10 пункта 9 отделения IV главы.

2

Караул в штаб наряжает майор. Смена чрез двой сутки. Час перед битьем осматривает караул майор с адъютантом и в чем ни есть экзерцирует, при сем они в шарфах. Караул новой приходит на полковой вахт-парад-плац пополуночи в 9 часов. Знаменной, обыкновенной от гранодер от одного только капральства сержант, капрал, в недостатке капрал за сержанта, экзерцирмейстер за капрала, по чрезвычайности в недостатке обоих

экзерцирмейстеров того капральства за сержанта, за ефрейтера рядовой и 12 рядовых.

На гаупт-вахт: от мушкетер целое капральство, сколько налице оное на то время от ротного караула уволено и вестовой спущен. Командующие им офицер, сержант или подпрапорщик, капрал, где нет офицера при капральстве унтер-офицер за офицера, капрал за сержанта, экзерцирмейстер за капрала. В недостатке унтер-офицера уже будет на гаупт-вахте пост унтер-офицерской и нового караула офицер с ним не сменяетца, а унтер-офицер сменяетца в своем звании, однако офицер вступает по смене в караул и ежели ему на смену придет тоже не сержант или подпрапорщик, то смену с караула приказывает при себе производить по унтер-офицерскому. Тогда капрал за сержанта, экзерцирмейстер за капрала. По чрезвычайности в недостатке при капральстве унтер-офицера и капрала содержит пост экзерцирмейстер за сержанта, имеет рядового ефрейтером, который разводит на часы; мушкетер сколько есть при капральстве и до 12 человек, старшей подает при разводе майору о капральстве рапорт с расходом за рукою ротного командира.

3

Караул в штаб как и протчие команды на ротном парад-плаце прежде свидетельствованы должны быть от старшего сержанта и ротного командира, как сказано в 18-м и 19-м пунктах I отделения IV главы, и прежде того в капральствах на парад-плаце, как сказано в 5-м пункте 5 отделения IV главы. Всякие команды из отсутствия свыше недели должны прежде явитца в ротную квартиру на парад-плаце к старшему сержанту и ротному командиру, а командированная на караул и в отлучку на малое время ниже недели и на неделю явитца прямо в капральстве к своим капралам.

4

Командированной на караул в штаб офицер, или в его должности унтер-офицер, или кто будет при капральстве старшей, по отдании своего посту осмотрит в полковом лазарете своей роты больных, також исправит по ротным делам, что ему от его ротного командира приказано, того ж дня отправитца в ротную квартиру и по прибытии рапортовать о всем ротного командира, а команду отвесть препоручит порядочно старшему своему подчиненному. А от гранодерских рот осматривать больных в месяц два раза.

§ III. О экзерцировании частей, капральств и роты

1

Времянные ефрейтеры в частях капральства собирают своих подчиненных поблизости своей квартиры, как упомянуто в 13-м пункте I отделения сей главы, около поздних обеден, то есть: в 9 часов пополуночи в понедельник, вторник, и, осмотра их в порядочном приборе скоро и подробно, делают им при себе краткое свидетельство в экзерциции без команды, то есть по-одиначке, имянно: 1-е – в шагах: тихо, скоро, аршинным шагом; тихо, скоро, полуторааршинным; косым аршинным вправо, влево, на линии; вправо, влево, вперед, отступанию; гусиной шаг целою шеренгою с захождением вправо и влево; 2-е – приемы полковые и ротные: с прибавлением на молитву и на плечо, с снятием и надеванием шляп и колпаков и повороты; 3-е – скорому четверократному заряданию с примерною пальбою; 4-е – снявши на время сумы, сниманию шляпы на месте, в мимоходе и обходе, против 4 пункта II главы. По сим четырем примечаниям объяснено в 12-м пункте II главы. И распускает на квартиры.

В среду разстах.

В четверток такое ж краткое свидетельство, как в понедельник и вторник.

В пятницу делает полное свидетельство против первого и второго свидетельства во 12-м пункте II главы и экзерцирование с командными словами, знаками и флигельманами;

выводит свою часть ранее протчих дней: 1-е – в хождении против 1 примечания всюю шеренгою во всех шагах, примерному шереножному отступанию и приступанию по 6 шагов и по 3 шага, и потом захождению вправо и влево в четвероугольник с переменою каждого на крыльях, головы в надлежащей стороне; примерному сдваиванию рядов вправо и влево, задние на полуторааршинном шаге, и построению из одной в две и в три шеренги косым шагом всегда вправо, задние на трех шагах, из трех в две, из двух в одну, наблюдая всегда ранжир; 2-е – приемы шеренгою, для того два флигельмана, но с переменою; ежели команда из четырех человек, то для освидетельства в примечании знаков и довольно с поворотами, где ежели мала команда – флигельманов не надобно, крылья без того видны; 3-е – четверократное заряжание с примерною пальбою, два крыльных; ежели команда из трех только человек, то между собою по одному разу сменяютца, третьей делает протчие для знаков, потом також с наступанием и переносом ружья на левую сторону; впереди два флигельмана, с отступанием с пальбою назад, батальной огонь с хождением гусяного шагу с захождением вправо и влево и залп; 4-е – сниманию шляп на месте, в мимоходе и обходе с переменою крыльных, при чем снимают сумы; 5-е – смене одинаких часовых и потом двойных, кои держат у ноги, при чем ефрейтер разводит порядочно и сменяет со всеми командными громкими словами и чтоб всякой сменою с часов и на часы обошелся; 6-е – окликанию, остановлению, позволению приступать и пропусканию рунда, окликанию, остановлению и пропусканию дозора двоеобразно, то есть: по часовому у фронта и по часовому на других отводных постах против главы V отделения 9; 7-е – потом ефрейтер, поговоря что ни есть со всяким с военным видом и голосом, распускает по квартирам, ружье в правой руке.

В субботу разстах.

В морозы и всякой дождь приемам обучать в избах и крытых строениях, а хождению в плащах и в морозы в рукавицах, однако дождь переждать.

Ежели в которые дни в неделе случатца праздники, оные зачитать в разстахи той же недели, а не на другую.

В воскресенье и большой праздник приводит свою часть, хотя бы был один человек, поблизости к церкви Божией, в полном и исправном с командными словами параде к обедне, и по окончании службы Божией, також порядочно опять в квартиру приводит, против 15 пункта II главы, а в самые большие праздники, как в Рождество и Пасху, ко всенощной, и ежели похочет в иные дни, в бумажках, токмо наблюдая порядок в вождении и командных слов.

2

Каждое капральство экзерцируетца в месяц только один раз⁸, как для того ротной командир числа назначит. Довольно на сие двух дней сряду. А трех дней много, как бы много в нем налице людей ни было, ежели хорошо обучены, то есть: пятница и суббота, дабы воскресенье капральству при своих начальниках иметь церковной парад; разве иные два дни ротной командир назначить похочет перед иным большим праздником.

Накануне первого назначенного для экзерцирования от ротного командира числа соберетца капральство в ту деревню, где квартира командующих им, где, расположась по квартирам, на другой день поутру рано выходит на его парад-плац, на котором начинаетца и производитца свидетельство в экзерциции и обучение во всех ее частях.

Оное в капральстве во всем исполнять на основании первого пункта сего отделения, с тем различием, что приступание и отступление передних и задних шеренг, сдваивание рядов и построение шеренг не примерное, но истинное, а прибавить еще к тому: разделя капральство на два взвода примерно, для чего и четырех рядов довольно, в пальбе очередовать плутонги с

⁸ Речь идет о подготовке капральства в присутствии командира роты.

искошением рядов, и произвести плутоножную и всю протчую примерную пальбу и обращения против сокращенного строевого устава; хождение повзводно вправо и влево с построением фронтов, сдваивание рядов и построение попережнему на походе, принятие взводов на походе ж вправо и влево при захождении в четверугольник; при чем головы в надлежащей стороне.

Троекратное, то есть: на месте, в мимоходе и обходе, снятие шляп; одною, двумя и тремя шеренгами. При смене часовых одинаких и двойных с прибавлением примерной смены караулов, и что до рундов и дозоров також по караульному, на что командующему капральством иметь примерной пароль и лозонг. Упоминаетца, что главным сего пункта правилом 12-й пункт II главы. По окончании экзерциции читать одну главу из полкового учреждения, а IV главы третью часть, из описания полкового строю одну из трех глав: части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю, список ротным вышним и нижним начальникам и своей роты ефрейтерам в отделенных частях, и коли командует капральством офицер, то по случаю и военные артикулы. Сожалетельно, ежели при капральстве грамотного бы не было.

Итак окончавши на другой день, то есть: в воскресенье или по определению ротного командира, как в начале сего пункта сказано, в иной праздничной день, капральству при их начальниках полно и исправно с командными словами против 15 пункта II главы церковной парад; и ежели похочет командир, то и ко всеобщей в бумажках. А по выходе из церкви сомкнувца по частям и начальник каждой отводит оную порядочно уже прямо в ее квартиры. Для чего, коли некоторым заходить в квартиру капральства за ружьями излишней бы был переход, то те части в церковном параде с ружьем и по разному числу рядов у протчих на крыльях и ружье по погону, а безоружейные в середине. По прибытии к церкви командир капральства прикажет им прежде ружья воткнуть или в мокрую и сырую погоду где приставить к стене, поблизости церкви, остановясь порядочно в мимоходе и к ним привесить сумы, и оставя при них в суме одного часового, построитца опять порядочно, итти до надлежащего места, снять шляпы или колпаки для входу в церковь, справа ступай, и класть колпаки или шляпы в один угол, а по выходе из церкви построясь порядочно итти к ружью, разбирать ружье без торопости поспешно и надевать сумы, и построя фронт, приказать сомкнувца и маршировать исправно по частям, куда которой дорога лежит.

Которое капральство стоит все в одной деревне, то экзерцируетца в упомянутые в 1-м пункте дни також кратко и полно, как значит о части; сверх того в месяц один раз гораздо подробнее, как значит в сем пункте, причем також, как выше сказано, и читать.

Не надлежит забыть при собрании капральства по окончании всей экзерциции, прослушивания учрежденных в полку молитв, и со всяким что ни есть говорить.

В большей части капральства, квартирующей при ее начальниках, исполнять как в протчих частях, токмо что при собрании капральства, которое чинить, хотя бы в нем было три или два номера, командир в своей части кратко и иного свидетельства не повторяет, но экзерцирует оную в большем фронте.

Целое ли капральство в одной деревне или часть, 1 номера когда не экзерцируетца хотя кратко, при том все командиры и правящие им присудствуют, так и для церковного параду. Разве увольняетца от того ротной командир, когда ему по роте недосуг, однако редко.

О исполнении всего вышеписанного, как и о том, что имянно читано, командир капральства рапортует на другой день ротного командира цыдулкою или словесно чрез мелд-ефрейтера, который прежде к старшему сержанту явитца должен.

3

Рота экзерцируетца в месяц один раз. Для чего оную командир ротной собирает и определяет на то три или четыре дни, в те дни дает ей ночлег в своей деревне, токмо чтоб по окончании был праздник, дабы можно было целою ротою сделать церковной парад. Не тогда экзерцировать, когда одному капральству назначено на караул в штаб. Для экзерцирования

рота собираетца рано на ротном парад-плаце.

Ротному экзерцированию основанием первые два пункта сего отделения и особливо 12 пункт II главы, а для церковного параду 15 пункт II же главы, для чтения 10-й пункт IV главы (токмо для экзерцирования с надлежащим увеличиванием роты против капральства, то есть, что уже в роте не меньше четырех взводов). Ротной командир ни мало не торопитца, начавши с одиначки, делает одно за другим, то есть: экзерцирует с подошвы до головы, прибавя все обращения и действия большего фронта против строевого устава. Своему ж капральству, понеже оно е яко его командир особливо в одиначке, шестаках или шеренге довольно прежде свидетельствовал, не повторяет, но выводит в большой ротный фронт. Також прослушивает в молитвах и говорит с кем ни есть что хочет.

В которые числа рота кратко и полно экзерцирована была, каждое капральство и отделенная часть по номеру ее кратко и полно экзерцированы были, что имянно при роте и при котором капральстве читано, когда и чему был церковной парад, ротной командир при семидневном рапорте к полку всякую неделю прилагает рапортицию.

Гренадер в форме
времен Павла I

* * *

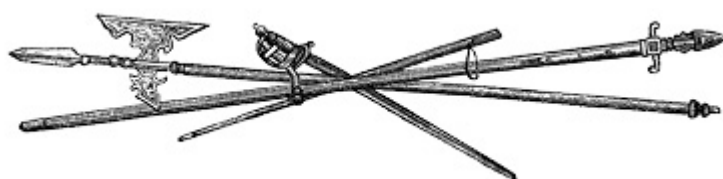
Посему все члены части и корпус ротной будучи во всегдашнем упражнении экзерциции: праздность и леность навсегда убежать привыкнут. Суетно бы то было, ежели ротному командиру роту свою только к лагерю на экзерцирование готовить, но чрез сие не токмо готова всякой час на смотр, кто бы ни спросил, но и на сражение со всяким неприятелем. Всякой при всяком случае будет бодр, смел, мужествен и на себя надежен.

Наконец всякой служащей в полку в военном чине рассудить может: только благоустроенное согласие всех частей полку содержит его твердость непоколебиму, и неослабное наблюдение нужных военных правил, яко душа оное матерое тело просвещает.

В противном же случае каждой ясно может понять, что малейшее от них отпадение и в сохранении их незаботливость приключает забвение и учиняет в должности не сведущим, от того в исправлении оной робким и от подчиненных внутренно кроме как по принуждению о должности непочтенным. Так хотя некоторые части в сию распутность впадут, но от того во всех частях последует расстройство, твердость полку разрушится, и будет оный как грубое тело без души, от чего в службе при таком полку в военном звании столь почтенном можно ли вкушать истинную сладость. Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешенное с оною военное искусство. Чего ради не должно ли пещися единожды в нем полученное знание не токмо содержать в незабвенной памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присовокуплять?

Учреждение сие служит к согласному знанию общей должности и каждого особо. Оно его затверждением ничью память [не] отяготит, а исполнением его пунктов ничью должность в излишнее попечение о ее исправлении привести не может.

Не можно забыть высочайшую монаршую милость, которою сей полк недавно удостоен был. Отличность, каковою не один полк по прошествии многих лет славится не может: всем протчим во образец! Но всегда о том вспоминая, содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым ленивым успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу.

Наука побеждать

Вахт-парад. (Ученье разводное, или пред разводом)

От одного главное влияние на обучение.

Исправься! Бей сбор!

Ученье будет: приемы и повороты. По команде, по флигельману⁹, по барабану. Плутонгами¹⁰, полудивизионами, дивизионами.

Пальба будет! Заряжай ружье!

(При заряджении приклада на землю отнюдь не ставить. Отскакивает шомпол, пуля некрепко прибита).

Наблюдать косою ряд¹¹: приклад крепко упереть в сгиб правого плеча, ствол бросить на левую ладонь; пуля бьет в полчеловека¹².

⁹ Флигельман – солдат или унтер-офицер, выполнявший перед строем ружейные приемы, которые повторял весь строй.

¹⁰ Плутонг – низшее подразделение в строю и боевом порядке русской пехоты XVIII в., соответствовавшее современному взводу.

¹¹ Для удобства в стрельбе задние шеренги становились против интервалов впереди стоявшей шеренги и тем самым образовывали как бы косые ряды.

¹² В то время правила прицельной стрельбы требовали целиться в середину человеческой фигуры.

Примерно можно и с порохом¹³; ружья чистить между часов¹⁴; выстрелять между одного и двух патронов.

Наступление плутонгами начинай!

Отбой нет. Сигнал барабана – поход, выстрелять от одного до двух патронов.

Атакуй первую неприятельскую линию в штыки! Ура!

Взводные командиры [кричат]: коли, коли! Рядовые: ура! Громогласно. Краткой отбой!

Неприятельская кавалерия скачет на выручку своей пехоте: атакуй!

Здесь держать штык в брюхо человеку. (Случится, что попадет штык в морду, в шею, особливо в грудь лошади).

Краткой отбой!

Атакуй вторую неприятельскую линию или атакуй неприятельские резервы!

Отбой сим кончится. Третья – сквозная атака.

Линия равняется вмиг; вперед! Никто не смеет пятиться назад ни четверти шага.

Марш!

Повзводно, полудивизионами или дивизионами!

На походе плутонги вздваивают в полудивизионы, или сии ломаются на плутонги.

Солдатский шаг аршин, в захождении полтора аршина. Начинает барабан, бьет свои три колена¹⁵, его сменяет музыка, играет полный марш; паки¹⁶ барабан. Так сменяются между собою. Бить и играть скорее: от того скорее шаг. Интервалы между взводом весьма соблюдать, дабы, пришед на прежнее место, команда: стой! все взводы вдруг стояли и заходили в линию.

Вторая или первая половина линии по рядам, налево или направо.

¹³ Т. е. холостыми или боевыми зарядами.

¹⁴ Между сменами караула, в свободное время.

¹⁵ Три колена барабана: дробь, палки, дробь с палками.

¹⁶ Паки – опять.

НАУКА ПОБѢЖДАТЬ.

Твореніе

Препрославившагося въ Свѣ-
нгѣ всегдашними побѣдами

Генералиссимуса Россій-
скихъ армій, Князя Италій-
скаго, Графа Суворова-
Рымникскаго,

Съ письмами,

открывающими наиболѣе въ немъ
величайшія свойства его души и
инаковыя же знанія военнаго искус-
ства.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

При Морской Типографіи 1806 года

Титульная страница первого издания книги
Суворова «Наука побеждать». 1806 г.

У сей [команды], барабан – фельдмарш¹⁷. Заходит против части, стоящей на месте, из
картечного выстрела вон¹⁸.

Ступай в атаку! Ступай!

Поход во все барабаны. На 80 саженьях от противного фронта бежит от 10-ти до 15-ти

¹⁷ Фельдмарш – один из сигналов для движения части; выполнялся на трубе или боем барабана; подавался непосредственно перед началом движения.

¹⁸ Т. е. из зоны, обстреливаемой картечью.

шагов чрез картечную черту полевой артиллерии¹⁹, на 60-ти саженьях то ж чрез картечную черту полковой артиллерии²⁰, а в 60-ти шагах верной черты пуль²¹.

Ступай, ступай! в штыки, ура!

Противная линия встречает пальбою на сей последней дистанции, а на 30-ти шагах ударит сама в штыки; с обеих сторон сквозная атака.

Равно сему другая линейная атака, обе части на прежних местах.

Також отделенная часть заходит колонною для деплояды²² фронта, ежели есть место.

Обе части делают колонны.

По числу людей в разводе, в одну или две колонны.

Атака будет! Колонны ступай!

Барабан бьет марш на 60-ти шагах одни от других.

¹⁹ Т. е. граница обстрела полевой артиллерии крупнокалиберными пушками.

²⁰ Т. е. граница обстрела полковой артиллерии пушками мелкого калибра, бывшими при полках.

²¹ Граница обстрела ружейным огнем.

²² Деплояда – развертывание.

Широко известная под названием «Наука побеждать» инструкция А. В. Суворова по тактическому обучению войск, являющаяся одновременно солдатской памяткой, была составлена им не сразу, а вырабатывалась постепенно, начиная с командования Суздальским полком. В окончательном виде «Наука побеждать» сложилась в 1795 г., но вполне достоверные сведения о введении в войска этой инструкции, относятся к тульчинскому периоду, к марту 1796 г.

Первый раздел «Науки побеждать» — «Вахт-парад», первоначально называвшийся «Учение разводное», — предлагал начальникам учений примерный план и содержание тактико-строевого учения войск, максимально приближенного к боевым условиям.

Второй раздел, именовавшийся «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом», — стал уникальной памяткой для солдат об основных тактических принципах и правилах службы.

Окончательная редакция «Науки побеждать» относится к весне-лету 1795 г. Десятки тысяч солдат, унтер-офицеров и офицеров знали ее наизусть. Но первая публикация этого «солдатского катехизиса» состоялась только в 1806 г. Попытка, предпринятая в 1798 г., еще при жизни Суворова, провалилась из-за личного вмешательства Павла I.

Ступай! Ступай! атакуй в штыки! ура!

Мушкет в правой руке на перевес. Колонны между собою насквозь быстро, примерно колют.

Колонны, строй карей. Стрелки, стреляй в ранжире ²³! Плутонгами, зачинай! ²⁴ Ступай, ступай, атакуй в штыки! ура!

Здесь карей на месте. Стрелки бьют наездников и набегающих турков²⁵, особливо чиновников²⁶. Плутонги палят в их толпы; пальба должна быть кратка, ибо тут дело больше

²³ Т. е. на своем месте в строю.

²⁴ При стрельбе плутонгами, пока один ряд заряжал, а другой, стоя, стрелял.

²⁵ Турков – в смысле неприятелей.

²⁶ Т. е. имеющих чин офицеров.

картечь.

Потом бросаются колоть, что воображается сквозною карейною атакою.

Стрелки, вперед!

На оставшихся басурман между кареев.

Докалывай, достреливай, бери в полон!

Барабан, краткой сбор. Стрелки, в свои места!

Карей! Строй колонны!

Исполнение то ж, как выше о колоннах.

Колонны, строй карей, карей, марш.

Здесь без пальбы, атака ж прежняя.

Ступай! Ступай! Атакуй в штыки, ура! Карей, строй линейный фронт!

А заходившей части, по рассмотрению²⁷, вместо линии строиться в колонну или по четыре ряда. Команда оной: по рядам или по четыре, направо или налево.

Ступай на прежнее место! Строй фронт.

Барабан – фельдмарш.*

Сии основательные ²⁸ *маневры, марши и эволюции равны в батальонных, полковых и корпусных эзерцициях.*

Начальник может требовать батальонного ²⁹ **огня.**

Исправный приклад ³⁰ правит пальбою. Здесь он расстраивается по неминуемой торопливости; но во взводной пальбе он виден. Одиночка пальбы на баталии выйдет сама собою. Для сбережения пули тут на каждом выстреле всякой своего противника должен целить, чтоб его убить.

Залп.

В разводе, коли с пальбою, для очищения ружей. В ином строю – только для исправности приклада. Против неприятеля не годится: оный может сколоть и порубить, пока опять заряжают.

Наступные плутонги только для движения, но против неприятеля сия ломаная линия не годится, особливо он ее и малою кавалериею изрубить может.

Может начальник спросить отступных плутонгов ³¹.

Лучше об них не помышлять. Инфлюенция их солдату весьма опасна. Ниже о каких ретирадах³² в пехоте и кавалерии [не мыслить].

Разговор с солдатами их языком

После сего разводного учения, когда оное будет учинено по приходе развода в главную квартиру, куда оный приходит до рассвета, а на рассвете выходит уже на площадь, – штаб-офицер того полку, чей развод, командует: под курок ³³ *и начинает в присутствии*

²⁷ По усмотрению командира.

²⁸ Основные, важнейшие.

²⁹ Имеется в виду «батального».

³⁰ Т. е. прикладка и прицеливание.

³¹ Способ стрельбы при отступлении, когда один плутонг, стоя на месте, стреляет, в то время как другой отступает.

³² Ретирада – отступление.

³³ Команда для ружейного приема в положении «смирно»: ружье бралось рукою за шейку приклада под

всего генералитета, штаб- и обер-офицеров говорить к солдатам их наречием наизусть следующее.

Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты; солдат стоит стрелкой: четвертого вижу, пятого не вижу.

Военный шаг – аршин, в захождении – полтора аршина; береги интервал.

Солдат во фронте, на шагу, строится по локтю; шеренга от шеренги три шага; в марше – два. Барабан, не мешай!

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, как негде взять. Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко. Пуля обмишуются, штык не обмишуются: пуля – дура, штык – молодец. Коли один раз, бросай басурмана с штыка: мёртв на штыке, царапает саблей шею. Сабля на шею – отскокни шаг, ударь. Коли другого, коли третьего; богатырь заколет полдюжины, больше. Береги пулю в дуле. Трое наскочут: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун³⁴. Это редко, а заряжать неколи. В атаке не задерживай.

Для пальбы стреляй сильно в мишень; на человека пуль 20; купи свинцу из экономии – немного стоит. Мы стреляем цельно: у нас пропадает 30-я пуля, а по полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда.

Фитиль на картечь – бросься на картечь: летит сверх головы. Пушки твои, люди твои, – вали на месте, гони, коли, остальным давай пощаду, они такие ж люди: грех напрасно убить.

Умирай за дом Богородицы, за Матушку³⁵, за пресветлейший дом. Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!

Обывателя не обижай: он нас поит и кормит; солдат – не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь – все ваше. Возьми крепость – все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах. Без приказа отнюдь не ходи на добычь.

Баталия полевая. Три атаки: в крыло, которое слабее; крепкое крыло закрыто лесом, это немудрено: солдат проберется и болотом; тяжелее [через] реку – без мосту не перебежишь. Шанцы всякие перескочишь; атака в середину невыгодна, разве кавалерия хорошо рубить будет, иначе самих сожмут. Атака в тыл очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело.

Баталия в поле: линиею против регулярных, кареями против басурман, колонн нет. А может случитца и против турков, что пятисотному карею надлежать будет прорвать 5-ти или 7-ми тысячную толпу с помощью фланговых кареев; на тот случай бросится он в колонну; но в том до сего нужды не бывало. Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки. Они воюют на немцев и иных колоннами. Естли бы нам случилось против их, то надобно нам их бить колоннами-ж.

курок и держалось отвесно у правого плеча.

³⁴ Смерть.

³⁵ Императрицу Екатерину II.

К. Штейбен. Портрет Суворова. 1815 г.

Чин генерала-фельдмаршала был высшим воинским званием в России с конца XVII в. и до 1917 г. Знаком различия был фельдмаршальский жезл. За всю историю этого звания его удостоились 55 российских и 14 иностранных военачальников.

Баталия, штурм. Ломи чрез засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы³⁶, быстро беги,

³⁶ Заградительные ямы с заостренными кольями на дне.

прыгай чрез полисады³⁷, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, очищай колонны, стреляй по головам. Колонны, лети чрез стену на вал, скальвай на валу, вытягивай линию, караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице. Неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо. Недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница руби. В дома не ходи, бей на площадях; штурмуй, где неприятель засел. Занимай площадь, ставь гаубтвахт³⁸, расставляй вмиг пикеты к [во]ротам, погребам, магазейнам. Неприятель сдался, пощада. Стена занята, на добычь.

Баталия на окопы – на основании полевой. Ров не глубок, вал не высок – бросься в ров, скачи чрез вал. Ударь в штыки, коли, гони, бери в полон. Помни: отрезывать тут подручнее коннице. В Праге³⁹ отрезала пехота, да тут были тройные и большие окопы и целая крепость, для того атаквали колоннами.

Три воинские искусства:

Первое – *глазомер*: как в лагерь стать, как маршировать, где атаковать, гнать и бить.

Второе – *быстрота*. Поход: полевой артиллерии от полу до версты впереди, чтобы спускам [и] подъемам не мешала. Колонна сближится – она опять выиграет свое место; под гору, на равнине – на рысях; марш по рядам или по четыре: для тесной дороги или улицы, для узкого мосту, для водяных и болотных мест по тропинкам; и только когда атаковать неприятеля, то взводами, чтобы хвост сократить. У взводов двойные интервалы на шаг. Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни, бей барабан. Десяток отломал – первой взвод, снимай ветры⁴⁰, ложись. За ним второй взвод, и так взвод за взводом. Первые задних не жди. Линия в колонне на марше растянется. Коли по 4, то в полтора [раза], а по рядам – вдвое. Стояла на шагу – идет на двух. Стояла на версте – растянется на четыре; то досталось бы первым взводам ждать последних полчаса попустому. На первом десятке отдыху час. Первый взвод, вспрыгнув, надел ветры, бежит вперед 10–15 шагов (а на марше, прошед узкое место, на гору или под гору, от 15 до 50-ти шагов). Так взвод за взводом, чтоб задние, между тем, отдохали. Второй десяток – отбой, отдыху час и больше; коли третий переход мал, то оба пополам, и тут отдых три четверти часа, полчаса и четверть часа, чтобы ребятам поспеть скорее к каше. Это для пехоты.

Кавалерия своим маршем вперед; с коней долой, отдыхать мало и свыше десятка [верст], чтоб дать коням в лагере выстояться.

Кашеварные повозки впереди с палаточными ящиками. Братцы пришли – к каше поспели. Артельный староста⁴¹: «к кашам». На завтраке отдых 4 часа; то ж самое к ночлегу, отдых 6 часов и до 8-ми, какова дорога. А сближаясь к неприятелю, котлы с припасом сноровлены к палаточным ящикам. Дрова запасены на оных.

При сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чает, считает нас за 100 верст, а коли издалека, на двух, трехстах и больше. Вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова; атакуй, с чем пришли, с чем Бог послал. Конница, начинай! руби, коли, гони, отрезывай, не упускай!

Третье – *натиск*. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает. Вытяни линию, тотчас атакуй

³⁷ Заграждение в виде сплошного забора из заостренных бревен.

³⁸ Главный караул.

³⁹ Имеется в виду крепость в предместье Варшавы, взятая Суворовым штурмом 24 октября 1794 года.

⁴⁰ Ранцы.

⁴¹ Артельный староста – выборный руководитель солдатской артели из числа грамотных солдат.

холодным ружьем. Недосуг вытягивать линии – подв

иг⁴² из закрытого, из тесного места. Пехота, коли в штыки, кавалерия тут и есть. Ущелья на версту нет, картечи чрез голову – пушки твои. Обыкновенно кавалерия врубается прежде, пехота за ней бежит – только везде строй. Кавалерия должна действовать всюду, как пехота, исключая зыби; там кони на поводах. Казаки везде пролезут. В окончательной победе, кавалерия, гони, руби. Кавалерия займется, пехота не отстает. В двух шеренгах сила, в трех – полторы силы: передняя рвет, вторая валит, третья довершает.

Бойся богадельни⁴³. Немецкие лекарства издалека, тухлые, всплошь бессильны и вредны. Русской солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки, муравушки. Солдат дорог, береги здоровье, чисти желудок коли засорился; голод – лучшее лекарство. Кто не бережет людей – офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет. Жидок желудок, есть хочется – по закате солнышка немного пустой каши с хлебцом, а в крепком желудке – буквица⁴⁴ в теплой воде или корень коневьего щавеля⁴⁵.

Помните, господа! полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского⁴⁶. В горячке ничего не ешь, хоть до 12 дней, а пей солдатский квасок, то и лекарство, а в лихорадке не пей, не ешь. Штраф, за что себя не берег: лишь бы Бог дал здоровья. **Богадельни**: первой день мягкая постель, второй день французская похлёбка, третий день её, братец, домовище к себе и тащит. Один умирает, десятеро хлебают его смертельный дух. В лагере больные, слабые, хворые в шалашах, не в деревнях: воздух чище. Хоть без лазарету и вовсе быть нельзя, тут не надобно жалеть денег на хорошие лекарства, коли есть где купить сверх своих и на прочие выгоды без прихотей. Да всё это неважно: мы умеем себя беречь; где умирает от ста один человек, у нас и от 500 в месяц меньше умрет. Здоровому – питьё, еда, больному – воздух, питьё, еда.

Богатыри! неприятель от вас дрожит; да есть неприятель больше богадельни: проклятая немогузнайка! Намёка, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка, бестолковка. От немогузнайки было много беды. Хличка, чтоб бестолково и выговаривать: хрой, прихах, афах, войлих⁴⁷ и проч. Стыдно сказать. За немогузнайку офицеру – арест, а штаб-офицеру от старшего штаба – квартирной арест.

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! от него победа. Чудо богатыри! Бог нас водит, он нам генерал!

Ученье – свет, а неученье – тьма. Дело мастера боится. И крестьянин не умеет сохою

⁴² Подвиг – выдвижение.

⁴³ В данном случае – госпиталя, лазарета.

⁴⁴ Буквица (бетоника) – многолетнее растение, корни, листья и цветы которого употреблялись как слабительное средство.

⁴⁵ Употреблялся как слабительное средство.

⁴⁶ Белопольский Ефим Тимофеевич (1752 – ок. 1799) – штаб-лекарь, один из основателей военно-санитарной медицины в России.

⁴⁷ Приведенные восклицания в разных текстах передаются и комментируются по-разному. Ясно, что Суворов этими восклицаниями высмеивает немогузнайство, нерешительность, робость, растерянность как качества, не подобающие солдату.

владеть – хлеб не родится. За ученого трех неученых дают; нам мало трех, давай нам 6; нам мало 6-ти, давай нам 10 на одного; всех побьем, повалим, в полон возьмем. [В] последнюю кампанию⁴⁸ неприятель потерял счетных⁴⁹ 75 000, только что не 100 000. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот братцы! Воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!

По окончании сего разговора фельдмаршал сам командует:

К паролю! С флангов часовые вперед, ступай на караул!

По отдаче генералитету или иным пароля, лозунга⁵⁰ и сигнала, [следует] похвала или в чём хула вахт-параду. И громогласно:

Субординация!

Послушание!

Дисциплина!

Обучение!

Ордер воинский!

Порядок воинский!

Чистота!

Опрятность!

Здоровье!

Бодрость!

Смелость!

Храбрость!

Экзерциция!

Победа и слава!

Письма и документы

Автобиография⁵¹

⁴⁸ Речь идет о Польской кампании 1794 г.

⁴⁹ Т. е. считанных.

⁵⁰ Лозунг – то же, что пароль.

⁵¹ Кроме этой автобиографии, представленной Суворовым в Военную коллегию для передачи в Герольдмейстерскую контору вместе со сведениями о службе и чинах при возведении его в графское достоинство, существует еще одна, относящаяся к 1786 г. и являющаяся прошением Суворова в Московское дворянское депутатское собрание о внесении его в родословную книгу дворян Московской губернии.

Местечко Максимени в Молдавии. 1790 г. октября 28

Ко изготовлению повеленного диплома и герба на пожалование меня в графское Российской империи достоинство с наименованием граф Суворов-Рымникский, по востребованию от меня о употребляемом мною гербе и отличностях предков моих и собственно моих заслугах имею сообщить следующее.

В 1622 году, при жизни царя Михаила Федоровича, выехали из Швеции Наум и Сувор и по их челобитью приняты в российское подданство, именуемы «честные мужи» разделились на разные поколения и по Сувору стали называться Суворовы. Сим и других их поколений за крымские и иные походы жалованы были поместья до государственования императора Петра Первого. Его величество отцу моему, Василью Ивановичу, был восприемником. При сем государе он начал службу в должности денщика⁵² и переводчика и по кончине его императрицею Екатериною Первою выпущен был лейб-гвардии от бомбардир сержантом и вскоре пожалован прапорщиком в Преображенской полк, где он службу продолжал до капитана и потом в разных званиях, а при императрице Елисавете Петровне употреблен был бригадиром и генерал-майором по Военной коллегии, генерал-поручиком и кавалером Св. Анны и св. Александра, в войне с прусским королем – в армии главным при Провиантском департаменте и губернатором прусского королевства. Ныне в потомственные роды славно державствующею мудрою и великою императрицею произведен он был лейб-гвардии в Преображенский полк премьер-майором, лейб-гвардии в Измайловский подполковником, генерал-аншефом и сенатором и употребляем был в разных важных препорученностях, которые до моего сведения не доходили.

⁵² В те времена так называли дворян-офицеров, состоявших при царе для выполнения различных поручений и служивших фактически адъютантами.

Герб рода князя Италийского, графа Суворова-Рымникского

В службу я вступил 15 лет⁵³, в 1742 году, лейб-гвардии Семеновского полку мушкетером, произведен был капралом и состоял в унтер-офицерских чинах, с исправлением разных должностей и трудных посылок⁵⁴, а в 1754 году выпущен был из сержантов в полевые полки поручиком, в 1756 году произведен был обер-провиантмейстером, генерал-аудитор-лейтенантом, а потом переименован в премьер-майоры, в котором звании в 1758 году был при формировании третьих батальонов в Лифляндии и Курляндии и имел оных в своей команде семнадцать, которые препроводил в Пруссию, и был комендантом в Мемеле; в том же году пожалован подполковником, был при занятии Кроссена, в Силезии, под командою генерала князь Михайла Никитича Волконского; отправлял должность

⁵³ Эти сведения не точны. В автобиографической записке, написанной на итальянском языке, Суворов пишет: «Я родился 1730 г. 13 ноября», следовательно, в 1742 г. ему было 12 лет. Этот возраст подтверждается и другими документами.

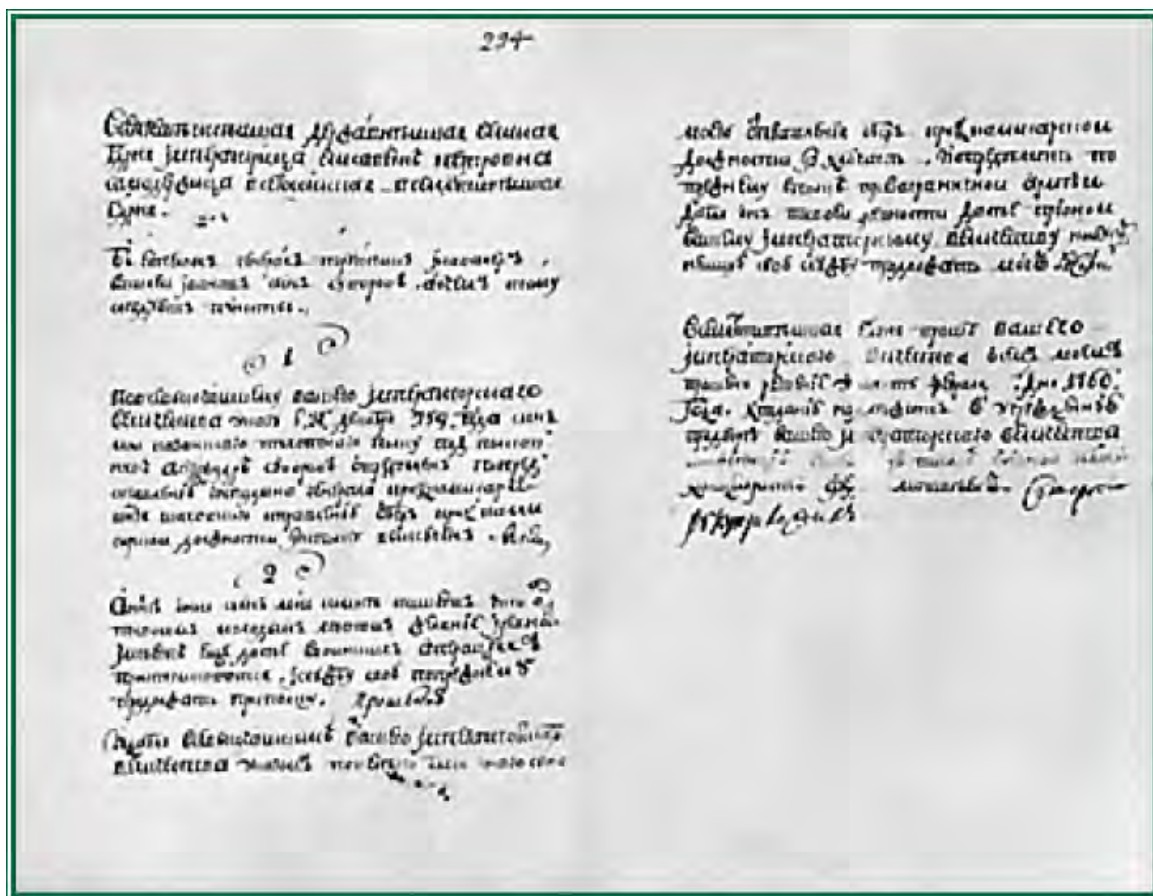
⁵⁴ Семимесячная командировка в Дрезден и в Вену.

генерального и дивизионного дежурного при генерале графе Вилиме Вилимовиче Ферморе, был на франкфуртской баталии⁵⁵ и в разных партиях; в 1761 состоял в легком корпусе при генерале Берге и был под Бригом, при сражении бреславльском с генералом Кноблохом и разных шармицелях, на сражении близ Штригау, при Грос- и Клейн-Вандриссе, где предводил крылом и две тысячи российского войска четыре силезских миль противоборствовали армии под королем прусским целый день, а к ночи сбили их форпосты и одержали⁵⁶ место своими; на другой день сими войсками чинено было сильное нападение на левое прусское крыло, против монастыря Вальдштатт; потом был в разных неважных акциях и шармицелях.

Приближаясь к Швейдницу и окопу тамо прусского короля, атаковал в деревне N прусскую заставу с малым числом казаков и за нею, на высоте, сильный прусской пикет, которым местом по троекратном нападении овладел и держал оное несколько часов, доколе от генерала Берга прислано было два полка казачьих, которые стоящих близ подошвы высоты прусских два полка гусарских с подкреплением двух полков драгунских сбили с места в лагерь; отсюда весь прусской лагерь был вскрыт, и тут утверждена легкого корпуса главная квартира, соединением форпостов, вправо – к российской, влево – к австрийским армиям; происходили потом здесь непрестанные шармицели, и сверх разных примечательных единожды под королевскими шатрами разбиты были драгунские полки при моем нахождении, – Финкенштейнов и Голштейн, гусарские – Лосов и Малаховский, с великим их уроном.

⁵⁵ В Кунерсдорфском сражении 1 августа 1759 г.

⁵⁶ Заняли.

Челобитная В. И. Суворова на имя
императрицы Елизаветы Петровны
о переводе его сына, подполковника
Казанского пехотного полка А. В. Суворова,
в действующую армию. Февраль, 1760 г.

Когда генерал Платен пошел через Польшу к Кольбергу, легкий корпус вскоре последовал за ним; достигши оный, часто с ним сражался с флангов и при Костянах напал на его лагерь сквозь лес, сзади, ночью, причинил знатный урон [и] принудил к маршу, а я был впереди, при всем происшествии, как дни два после того почти подобное сему в день случилось. Платен, следуя против Ландсберга, взял с собою слабый, во сте конех, Туроверова казачий полк; переплыли через Нец и в той же ночи, шесть миль от Дризена, поспели к Ландсбергу, противным берегом Варты, немедля чрез ров вломились в городские ворота, и передовыми казаками супренированы и пленены две прусские команды с их офицерами; потом с помощью обывателей сожжен ландсбергской большой мост.

Прибывшее противное войско на другом берегу остановилось, но, за нескорым прибытием нашего легкого корпуса, переправилось потом на понтонах и держа свой путь к Кольбергу; отряжен я был от генерала Берга с казачьими полками и несколькими гусарскими для подкрепления; встретился я с противным корпусом под Фридебергом. Оный, маршируя на высоте, отозвался против меня всею своею артиллериею, под которою я разбил его фланговые эскадроны, и забрано было в полон от оных знатное число. Остановляя я Платена в марше елико возможно, доколе пришел в черту генерала князь Василья Михайловича Долгорукова, который потом прежде его прибыл к Кольбергу; наш легкой корпус под Штаргардом остановился; по некотором времени выступил оный к Регенвальду, в которой стороне было нападение на майора Подчарли, где я предводил часть легких войск; взят сей

майор с его деташементом в полон; но, как г. Курбьер с сильным войском при нашем обратном походе спешил ударить в наш зад, где я обретался, принужден я был его передовые пять эскадронов с пушками брускировать с имеющимися у меня в виду меньше ста гусар и казаков, которыми действительно сии эскадроны опровержены были и оставили нам много пленных; успех от того был, что Курбьер ретировался.

Под Наугартом, предводя одну колонну легкого корпуса, деревню N атаковал я – команды моей Тверским драгунским полком слабой драгунской полк Гольштейн, что после Поменского, баталион гренадерской Арним и два баталиона принца Фердинанда; Тверской полк, около двухсот пятидесяти человек, врубился в пехоту на неровном месте и сбил драгун; урон прусской в убитых и пленных был велик, и взята часть артиллерии; подо мною расстреляна лошадь и другая ранена. Знатная часть прусского войска выступила от Кольберга, по военным потребностям, к стороне Штетина; к нашему легкому корпусу на походе соединился генерал князь Михайло Никитич Волконской с кирасирскими полками; передовые наши отряды к стороне Регенвальда встретились с прусским авангардом; при моем нахождении четыре эскадрона конных гренадер атаковали пехоту на палашах; гусары сразились с гусарами; весь сей сильный авангард под полковником Курбьером взят был в плен, и его артиллерия досталась в наши руки; впоследствии я напал с ближним легким отрядом, в расстоянии малой мили, на прусских фуражиров, под самым их корпусом, где також, сверх убитых, много взято в плен; в ночи прусский корпус стал за Гольнов, оставя в городе гарнизон.

Генерал граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторою пехотою; я одним гренадерским баталионом атаковал ворота, и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусской отряд штыками чрез весь город за противные ворота и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен; я поврежден был контузиєю – в ногу и в грудь – картечами; одна лошадь ранена подо мной.

В поле, пред взятьем Кольберга, при действиях принца Виртембергского, находился я при легком корпусе с Тверским драгунским полком. При возвратном походе оттуда прусского войска к Штетину имел я, с Тверским драгунским полком, сильное сражение с одним от одного деташементом из пехоты и конницы, под Штетиним, при деревне Визенштейн, в которой стороне прусской корпус несколько дней отдыхал; последствие сего было то, что в ту же ночь весь реченной корпус к Штетину поспешно ретировался.

Осенью, в мокрое время, около Регенвальда, генерал Берг с корпусом выступил в поход; регулярная конница его просила идти окружною, гладкою дорогою; он взял при себе эскадрона три гусар и два полка казаков и закрывал корпус одаль справа; выходя из лесу, вдруг увидели мы на нескольких шагах весь прусской корпус, стоящий в его линиях; мы фланкировали его влево; возвратившийся офицер донес, что впереди, в большой версте, незанятая болотная переправа мелка; мы стремились на нее; погнались за нами первее прусские драгуны на палашах, за ними – гусары; достигши до переправы, приятель и неприятель, смешавшись, погрузли в ней почти по луку; нашим надлежало прежде насухо выйти; за ними вмиг – несколько прусских эскадронов, кои вмиг построились; генерал приказал их сломить. Ближний эскадрон был слабой желтой Свацеков; я его пустил; он опроверг все прусские эскадроны обратно, опять в болото; чрез оное, между тем, нашли они влево от нас суше переправу; первой их полк перешел драгунской Финкенштейнов, весьма комплектной; при ближних тут высотах было отверстие на эскадрон, против которого один Финкенштейнов стал; неможно было время тратить; я велел ударить стремглав на полк одному нашему сербскому эскадрону; одного капитан Жандр бросился в отверстие на саблях; Финкенштейновы дали залп из карабинов; ни один человек наших не упал; но Финкенштейновы пять эскадронов в мгновенье были опровержены, рублены, потоптаны и перебежали чрез переправу назад.

Сербской эскадрон был подкрепляем одним венгерским, который в деле не был; Финкенштейновы были подкрепляемы, кроме конницы, баталионами десятию пехоты; вся сия пехота – прекрасное зрелище – с противной черты, на полувыстреле, давала на нас

ружейные залпы; мы почти ничего не потеряли, от них же, сверх убитых, получили знатное число пленников; при сих действиях находились их лучшие партизаны, и Финкенштейновым полком командовал подполковник и кавалер Реценштейн, весьма храброй и отличной офицер; потом оставили они нас в покое.

В 1762 году отправлен я был к высочайшему двору с депешами от генерала графа Петра Ивановича Панина и ее императорским величеством произведен в полковники следующим собственноручным указом: «подполковника Александра Суворова жалуюем мы в наши полковники в Астраханской пехотной полк».

В 1768 году пожалован я бригадиром при Суздальском пехотном полку и, командуя бригадою, отряжен был с оным и двумя эскадронами командующим корпусом генералом Нумерсом от стороны Смоленска в Литву, к Орше, откуда, как корпус прибыл, выступил дале, к литовскому Минску, где корпус со мною соединился; оттуда с реченным отрядом войск предписано мне было следовать поспешно к Варшаве, разделя сей отряд на разные части и две колонны; во время разных волнований в Литве был мой марш на Брест-Литовской, где соединясь, прибыл я к жмудскому Минску, под Варшавою пять миль, – здесь примечу, что одна колонна была в пути до ста двадцати, другая, со мною, до ста тридцати тамошних миль; но марш был кончен ровно в две недели, без умерших и больных, с подмогою обывательских подвод, – и потом прибыл на Прагу, к Варшаве; оттуда разогнал я незнатную партию, под варшавским маршалком Котлубовским. Чрезвычайный посол, князь Михайла Никитич Волконской, отправил меня в Литву, для усмирения мятежей; я взял половину реченного деташемента и прибыл к Брест-Литовскому, где я услышал, что мятежники не в дальности и что близ их обращаются разные наши начальники с достаточными деташементами.

В сем пункте я оставил людей большое число, сам же взял с собою, не мешкая нимало, суздальских шестьдесят гренадеров, сто мушкетеров, более ста стрелков, при двух пушках, и тридцать шесть воронежских драгун; повстречался я с графом Каstellи при тридцати карабинерах и толиком числе казаков и взял его с собою. Маршировавши ночь, против полден, повстречались мы с мятежниками под Ореховым; их число возвышалось близ десяти тысяч, что была неправда; я их полагал от двух до трех тысяч; начальники их были маршалки и иные, – достойной Ксавиер Пулавской, который здесь убит, брат его Казимир, пинской – Орешко, Мальчевской, Заремба, числом девять. Я их ведал быть беспечными, в худой позиции, т. е. стесненными на лугу, в лесу, под деревней; как скоро мы франшировали три тесные дефилеи, где терпели малой урон, началась атака, но продолжалась от четырех до пяти часов; деревня позади их зажжена гранатою; кратко сказать, мы их побиили; они стремительно бежали, урон их был знатен; в числе пленных обрелся Пинской драгунской полк с его офицерами, но очень малосильной; потом с отрядом прибыл я в Люблин, где, по важности поста, учинил мой капитал⁵⁷.

Разбит был главной полковник N⁵⁸ близ Климонтова, в сендомирском воеводстве, малым отрядом под моим предводительством и потерял несколько сот с пятью пушками; атаквали мы Ланцкорону, за Краковым, овладели городом, кроме замка, и разбили противного генерала N⁵⁹, пришедшего на выручку. В местечке Уржендове, на Висле, супренировал я ночью войски маршалков Пулавского и Саввы; тут, при великой потере, достались нам в руки драгуны сего последнего, и он был так ранен, что, по бессилию, скоро после погиб: их самих прогнали из-под Красника. Разбит был в лесах, к стороне Владимира, полковник Новицкий и той-же ночи в деревне N вовсе разрушен. По многим действиям, так

⁵⁷ Т. е. главную квартиру.

⁵⁸ Возможно, Мощинский.

⁵⁹ Французский генерал Дюмурье.

называемую Главною конфедерациею город Краков так был стеснен, что нашим тамо войскам недостаток в субсистенции наступал; я дал моим отрядам рандеву на реке Сане, отбил прежде преграду их на реке Дунайце и, по некоторых ночных и денных битвах, достиг до Кракова, откуда мятежников прогнал; в той же ночи, противу рассвету, напал неподалеку Кракова на их тыницкие укрепления, где сверх многих побитых, в том числе штыками, забрали мы много в плен их лучшей пехоты из распущенных саксонцов с немецкими офицерами и артиллериею.

На другой день было славное происшествие под Ланцкороною, где собранные множественные мятежники были в конец разбиты; погибли несколько французских офицеров с пехотою, на их образ учрежденною; убито два маршалка, пинской – Орешко и князь Сапега; при многих пленных мне достались в руки маршалки: краковской – Миончинской и варшавской – Лясоцкой. Едва сие кончено, как я извещен о сильной диверсии мятежников к стороне Замостья и Люблина; надлежало мне спешно туда обратиться. Побита была прежде их достаточно собравшаяся из рассеянных часть, при реке Сане; в числе пленных были некоторые иностранные офицеры; потом мятежники сильно были разбиты, рассеяны под Замостью и из крепости деложированы. Сраженьев сих было много, но примечательных было девять, которых планы я отправил к генералу Веймарну. Французский бригадир Мезьер⁶⁰, обретавшийся при мятежниках поверенным в делах, но сей скоро отозван к своему двору, и на его место прибыл Виомениль, генерал и кавалер ордена Св. Людовика Большого Креста.

Возмутилась вся Литва; регулярная ее из полков немецкого штата и компутовых хоронг армия, с достаточною артиллериею и всем к войне надлежащим снабденная, собралась, как и довольно из регулярных войск, под предводительством их великого гетмана, графа Огинского, который сперва и получил некоторые аванжажи. Собрал я всего войска до семисот человек и две пушки; тут были и легионные, которые прежде нечто от г. Огинского пострадали; но имел я храбрых офицеров, привыкших часто сражаться вблизи. Шли мы чрез Брест-Литовской и прямым трактом, но поспешным маршем, сближались с армиею г. Огинского, который дневал под Столовичами; пойманы фуражировавшие уланы; принявши их ласково, сведал я от них нужное о их расположении; остерегал его генерал Беляк; но он не верил; в ту же ночь пошли мы на атаку, продолжали марш без малейшего шума, целя на его огни.

Ночь была темная, и к утру пал туман; пехоту я поставил в первой линии, артиллерия в середине; вторая линия была вся из кавалерии; позади артиллерии был пехотной резерв, позади второй был особой резерв, из пехоты, и конницы; казаки были рассеяны с крыл и сзади; нападение наше на литовцов было с спины; мы к ним приблизились нечто до рассвета, так тихо, что деташированные с г. Паткулем порубили несколько их часовых и, по данному сигналу, встречены были от них из местечка сильною стрельбою, ружейною и из артиллерии. Перед нами было болото и чрез оное – плотина, по которой майор Киселев с суздальскими гренадерами пошел на штыках, пробил и дал место нашей коннице, которой предводитель подполковник Рылеев все встречающееся в местечке порубил и потоптал. Между тем майор Киселев пошел прямо на квартиру г. Огинского; его подкрепила часть пехоты; прочая под майором Фергиным с Нарвскими гренадерами, капитанами Шлисселем [и] Ганнибалом, управясь с засевшею в местечке противною пехотою, с ним соединилась; вся пехота и резервы выстроились и пошли атаковать линии г. Огинского в поле, с которыми наша конница уже в дело вступила; литовское войско оборонялось храбро: легионные, гренадеры себя весьма отличили, и когда дошло до штыков, то от рот мушкетерских г. Маслов с легионною первой ударил.

Победа уже была в наших руках, как стоявший в полмили от места баталии генерал Беляк, правда, поопоздавши, с двумя сильными полками лучших уланов, своим и Карицкого,

⁶⁰ Тот же Дюмурье.

отрезал и окружил наших три эскадрона; те не один раз сквозь них прорубались, чем и кончено сражение. Вся артиллерия, обозы, канцелярия и клейноды великого гетмана достались нам в руки, то ж все драгунские лошади с убором; компутовые с уланами знатною частью спаслись; плен наш наше число превосходил; от драгунских и пехотных полков почти все, кроме убитых штаб- и обер-офицеров, были в нашем плену; из наших офицеров старшие почти все были переранены; из нижних чинов убито было мало, но переранено около осмой доли. Сражение продолжалось от трех до четырех часов, и вся Литва успокоилась; вся ж сия литовская армия состояла не более тогда в собрании, как до трех тысяч человек, кроме улан и нескольких иррегулярных. После сего последовало происшествие краковское.

Я обращался в Литве; французские офицеры вошли в замок ночью чрез скважину в стене, где истекали нечистоты при мятежничьих войсках, сею сурпризою пленили тамошний гарнизон и ввели туда от стороны Тынца более тысячи человек особо лучшей, из распущенных саксонцов и уволенных австрийцев, при немецких офицерах, пехоты; от нашего стоящего в городе войска были разные тщетные покушения; чрез несколько дней я прибыл туда с отрядом, как, от своей стороны, польские королевские генералы – граф Браницкой и Грабовской; самой тот почти час учинили мятежники, на рассвете, из замка генеральную вылазку для овладения городом; конница их ударила прямо на гауптвахт, но была расстреляна и отрезана; пехота шла великою густотою, но скоро картечами обращена назад; наши, по диспозиции до меня и малочислию на месте, за нею не погнались.

Тотчас мы облегли замок, – королевских войск квартира основалась за Вислою, – учредили коммуникации мостами и шанцами, по обеим сторонам Вислы заняли посты в приличных местах пехотою, на которые от противников чинены были разные вылазки, особливо в полночь и полдни, всегда с их уроном; нашей всей пехоты было до семисот человек, мы ж почти сами в городе от разных detachmentов мятежничьих блокированы, и, хотя я больше пяти тысяч человек по разным местам в дирекции имел, но их невозможно было опорожнить, кроме сендомирского воеводства. Г. майор Нагель покупал и провозил скрытыми маршами с его отрядом военную аммуницию, из Шлезского Козеля. Майор Михельсон более всех, по его искусству, отряжаем был противу мятежников в поле, и от успехов его получил себе великую славу. Мятежники в замке имели много провианта; недоставало им других съестных припасов, чего ради употребляли себе в пищу своих лошадей. Оказавшаяся литовская, давно по Польше странствующая, маршалка Коссаковского партия разбита была мною при Смерзонце, между Кракова и Тынца, и потоплена в Висле; от всех стран замок был стеснен; но один генеральной штурм нам не удался, хотя уже одни ворота одержаны были, в чем мятежничей урон наш превосходил и отчего потом у них скоро оказался недостаток в порохе и кремнях.

Артиллерия наша была незнатна, но искусством г. Гакса в разных местах испортила коммуникации, часто в замке зажигала, и бреш в стене на шесть рядов был готов; две мины с обеих сторон Вислы, одна королевского офицера N, другая – инженер-капитана Потапова, приходили галлереями к концу пунктов, и уже ни один человек из замку прокрасться не мог, как вышел ко мне из замка ночью бригадир Галиберт и, по многим переговорам, капитулировал. Можно отдать честь французам, что они в замке королевских гробниц, ниже что из драгоценных клейнодов нимало не повредили, но свято польским чиновникам возвратили; гарнизон объявлен был пленным, – но титула «военнопленного» не акордовано, сколько о том меня французские начальники ни просили, – вышел в восьмистах человеках здоровых, прочие – больные или погибли; пехоты его оставалось еще больше нашей, чего ради положили ружье дежурному при мне майору князю Сонцову; в замке при нем штаб- и обер-офицеров разных наук было около пятидесяти человек; французские были: бригадиры и святого Людовика кавалеры – Шуази и Галиберт, капитаны: Виомениль, племянник генеральской, который первой в замок вошел, Салиньяк и других два, кавалеры военного ордена; из них были в походах в Индиях и действиях в Корсике еще некоторые французские обер и унтер-офицеры. Всем сим господам я подарил их шпаги, как мне бригадир Шуази

свою вручал, и, по трактаменте, в ту же ночь, при возможных выгодах и учтивстве отправлены реченные господа с прочими и гарнизоном, при эскорте, на Люблин, оттуда ж нижние чины – в Россию, офицеры, прибывшие с генералом Виоменилем, – во Львов; что прежде прибыли с бригадиром Мезьером – в литовскую крепость Бялу, польские – в Смоленск.

Далее я о моих политических операциях к Тынцу, Ланцкороне и иные места не описываю, как о стоящих паки нового пространства. Г. Виомениль распрощался со мною учтивым благодарным письмом и отбыл во Францию с человеками тремя оставшихся своих офицеров и уволенным от меня N, знатного отца, который вверен был мне от г. Шуази из замка, для излечения его смертных ран, от которых получил свободу. Начиная от радзивильцов, большая часть мятежничьих партиев мне – вооруженные – сдались и распушены; потом и кончились все польские возмущения.

Пожалован я в 1770 году генерал-майором и в 1774 генерал-поручиком; в 1772 генерал Эльмпт и я, по переменившемуся правлению в Швеции, обращены с полками из Польши к Финляндии. По прибытии моем в Санкт-Петербург определен был я временно к тамошней дивизии, осматривал российский с Швециею рубеж, с примечанием политических обстоятельств, и имел иные препоручения.

Божією Милостію Мы Екатерина
вторая Императрица и Самодержица
Всероссійская

Нашему Генералъ майору Суворову.

Произведенное вами, счастливое, и мужественное
дѣло съвершилъ вашимъ извѣдствіемъ, Астрханскій
паша при Аптачѣ на шестидесяти, убитъ васъ, дождя
къ себѣ и ползению отливной воды и нашей монаш
шей милости по уакононому отъ насъ стана воен
наго ордена святого великомученика и побѣдоносца
Георгія; А потому мы васъ во второй классъ сего
ордена всемилостивѣше ставилъ и знами около
вишняя похваляемъ вамъ насъ возродитъ и негда
кошты наше по устанавленію Нашему. Ся ваша
заслуга зявляетъ насъ, что вы буди по оураченію
монашею Нашею милостію проститесь снискать
Наше и себѣ благоволеніе съ пощроленіемъ. Мы тачн
воелъ вамъ благоволеніи. Данъ въ Царскомъ
селѣ. 30. июля 1773. года.

Рескрипт Екатерины II о награждении
генерал-майора А. В. Суворова
орденом Св. Георгия II класса за разгром
турецких войск под Туртукаем. 1773 г.

Как обстоятельства с Швециею переменились, отправлен был я в первую армию, где от генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева помещен был в стоящий в Валахии корпус. Командующий оным генерал граф Иван Петрович Салтыков поручил мне отряд войск на реке Аржише, против черты Туртукая, куда прибыв, нашел я близ двадцати переправных косных лодок, от войска выбрал и приучил к ним надлежащих гребцов и сделал половинной скрытой марш для приближения к Дунаю; на рассвете были мы окружены турецкою конницею, в конец ее разбили и прогнали за Дунай; с пленными был их командующий паша. Тем мы вскрылись⁶¹ и в следующую ночь переправились за Дунай благополучно, пятьсот человек пехоты Астраханского, сто карабинер, при полковнике князь

⁶¹ Т. е. открыли себя.

Мещерском, Астраханского ж полков – лошади вплавь – и сто казаков.

Турки на противном берегу, свыше пяти тысяч, почли нас за неважную партию, но сильно из их пушек по нас стреляли, как и в устье Аржиша, откуда выходили лодки; мы одержали под ними известную победу. Второе действие мое под Туртукаем, во время происшествия при Силистрии, тако ж частью из реляций известно; объясню только, что, по слабости от болезни, я без помощи ходить не мог; что, по овладении нами турецким ретраншементом, ночью варвары, превосходством почти вдесятеро нас в нем сильно обступили; тут был и вышереченной князь Мещерский, которым, как [и] г. Шемякиным, прибывшим ко мне с конным отрядом и легкою пушкою, довольно нахвалиться не могу, и они всегда в моей памяти пребудут. Карабинеры ж Мещерского вооружены были ружьями с штыками по недостатку пехоты; ночь и к полудням сражались мы непрестанно, и военная аммуниция знатно уменьшилась; поражен был пулею Фейзулла, командующий паша, предатель египетского Али-Бея⁶², и сколот Сенюткиными казаками. Против полдня капитан Братцов учинил вылазку с шестишереножною колонною в ворота на янычар, холодным ружьем поразил и сам смертельно ранен; тогда все войско выступило из ретраншемента, и одержана была полная победа; вся турецкая артиллерия нижнего и верхнего лагеря с их флотилиею досталась в наши руки.

Первый раз под Туртукаем перебита у меня нога от разрыва пушки; о разных прежде мне неважных контузиях я не упоминаю; после того определен я был начальником гирсовского корпуса⁶³. Сей задунайский пост надлежало соблюсти; я починил крепость, прибавил к ней земляные строения и сделал разные фельдшанцы; перед наступлением турецким перевел я мой резерв из-за Дуная – два полка пехоты на остров, в близости Гирсова, в закрытии за речкой №⁶⁴, на которой были понтоны. Турки оказались рано днем, около одиннадцати тысяч; велел я делать разные притворные виды нашей слабости; но, с моей стороны, особливо из крепости, начали рано стрелять, вместо картечь ядрами. Они фланкировали наши шанцы; шармицирование продолжалось до полден и не имело конца; приказал я всем своим очистить поле. Приятно было видеть: варвары, при пяти пашах бунчужных, построились в три линии; в первых двух – пехота, в середине конницы; по флангам – пушки, в их местах, по-европейскому, в третьей – что резерв – было разное войско и некоторые обозы; с довольною стройностию приблизились они к нашему московскому ретраншементу, где мы молчали, заняли высоту, начали бомбами и ядрами безответно и, впрочем, весьма храбро, под предводительством их байрактаров, бросились с разных стран на ретраншемент; наша стрельба открылась вблизи; ретраншемент был очень крепок.

Из закрытия князь Мачабелов с Севским полком и барон Розен с тремя эскадронами гусар взошли на наши высоты, с превеликим их поражением, и князь Гагарин, другого полку, с кареем наступил на их левой фланг, из ретраншемента; они крайне пострадали. Недолго тут дело продолжалось, и едва от одного до двух часов; ударились они в бегство, претерпели великой урон, оставили на месте всю их артиллерию; победа была совершенная; мы их гнали тридцать верст; прочее известно по реляции. Последнюю баталию в турецкой войне выиграл я при Козлуджи, пред заключением мира. Резервной корпус команды моей соединился с Измаильским. Турецкая армия, около пятидесяти тысяч, была под командою

⁶² Али-бей Аль-Кабир (1728–1773) – турецкий наместник Египта. Во время Первой русско-турецкой войны он попытался добиться независимости Египта и, обеспечив себе поддержку России, вступил в войну с беем Мекки Магометом, которого Суворов называет Фензуллой. Завоевав Триполи, Антиохию, Иерусалим и Яффу, Али-бей двинулся к Каиру, но его солдаты перешли на сторону противника, он попал в плен и через три дня умер.

⁶³ Т. е. отряда, занявшего Гирсово – единственный пункт, подчиненный в тот момент русским, на правом берегу Дуная. Его удержание имело большое значение.

⁶⁴ Река Воруй.

Реззак-эфендия и главного янычарского аги, была на походе чрез лес и встречена нашею конницею, которая захватила их квартирмейстеров, с генеральным, и принуждена была уступить силе; от моего авангарда три баталиона гренадер и егерей с их пушками, под командою гг. Трейдена, Ферзена, Река, остановили в лесу противной авангард, восемь тысяч албанцов, и сражение начали; скоро усилены были команды генерала Озерова кареем дуполковым, Суздальского и Севского, под Мачебеловым, но почти уже предупредили сломить албанцов, соблюдая весьма свой огонь.

Сие поражение продолжалось близ двух часов около полден; люди наши шли во всю ночь и не успели принять пищу, как и строевые лошади напоены не были. Лес прочистился; мы вступили в марш вперед; на нашем тракте брошено несколько сот телег с турецким лучшим шанцовым инструментом; происходили неважные стычки в лесу; конница закрывала малосилие пехоты нашей; ее было до четырех тысяч; старший – генерал Левис, которого поступками я весьма одолжен; я оставляю прочее примечание. Шли мы лесом девять верст, и по выходе из оного упал сильной дождь, который наше войско ободрил, противному ж мокротою причинил вред. При дебушировании встречены мы сильными выстрелами трех батарей на высотах, от артиллерии барона Тотта⁶⁵, и кареи, взяв свою дистанцию, их одержали и все взяли; хотя разные покушения от варварской армии на нас были, но без успеха; а паче препобеждены быстротою нашего марша и перекрестными пушечными выстрелами, как и ружейною пальбою, с соблюдением огня; здесь ранен был внутри карея князь Ратиев, подполковник: ялынкылдыджи⁶⁶, по их обычаю, в оные внедряются.

Подем был наш марш, большею частью терновником, паки девять верст, и при исходе его прибыл к нам артиллерии капитан Базин и с ним близ десяти больших орудий, которыми открыл пальбу в лощину, внутрь турецкого лагеря. Уже турки всюду бежали; но еще дело кончено не было, – за их лагерем усмотрел я высоту, которую одержать надлежало; пошел я сквозь оную с подполковником Любимовым и его эскадронами, кареи ж оную обходили и тем нечто замешкались; по занятию мною той высоты произошла с турецкой стороны вдруг на нас сильная стрельба из больших пушек, и, по продолжению, заметил я, что их немного, то приказал от себя майору Парфентьеву взять поспешнее и скорее три Суздальских роты, их отбить, что он с крайнею быстротою марша и учинил; все наше войско расположилось на сих высотах, против наступающей ночи, и прибыл к нам г. бригадир Заборовский с его кареем комплектного Черниговского полку; таким образом окончена совершенная победа при Козлуджи, последняя прошлой турецкой войны⁶⁷. Был я на лошади часто в огне и грудном⁶⁸ бою; тогдашняя моя болезнь столько умножилась, что я отбыл лечиться за Дунай, почему я за реляцию, ниже за донесение мое, в слабости моего здоровья, не отвечаю, но доволен в душе моей о известных следствиях от сего происшествия.

⁶⁵ Артиллерия не применялась османской армией до Первой русско-турецкой войны, однако после крупных поражений на море султан решился-таки на модернизацию своей армии. Отливка орудий, создание полевой артиллерии и отрядов стрелков, введение в употребление штыка проводились под руководством французского дипломата барона де Тотта (1733–1793). Немного позднее по инициативе де Тотта были открыты военные школы для артиллеристов, фортификаторов и навигаторов, в которых значительное внимание уделялось преподаванию математики.

⁶⁶ Слово «ялынкылдыджи» означает «сабли наголо». Так назывались в Турции войска, вооруженные только кинжалами и ятаганами.

⁶⁷ 9 июня 1774 г. отряды генералов Каменского и Суворова соединились у Юшенли и после усиленной рекогносцировки на Козлуджи вступили в бой с турецкой армией. В конце концов турки были вынуждены отступить. Суворов преследовал противника до его лагеря и, подготовив атаку пушечным огнем, перешел снова в наступление. В этом маневре Каменский не поддержал Суворова, что стало причиной резкого обострения отношений между генералами и вскоре привело к отъезду Суворова из действующей армии.

⁶⁸ Т. е. рукопашном.

В силу именного высочайшего повеления, где прописано ехать мне в Москву, в помощь генералу князю Михаиле Никитичу Волконскому, отбыл я тотчас из Молдавии и прибыл в Москву, где усмотрел, что мне делать нечего, и поехал далее внутрь, к генералу графу Петру Ивановичу Панину⁶⁹, который при свидании паки мне высочайшее повеление объявил о содействии с ним в замешательствах и дал мне открытой лист о послушании меня в губерниях воинским и гражданским начальникам. Правда, я спешил к передовым командам и не мог иметь большого конвоя, – так и не иначе надлежало – но известно ли, с какою опасностью бесчеловечной и бесчестной смерти? Сумасбродные толпы везде шатались; на дороге множество от них тирански умерщвленных, и не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя; сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал, ни малейшей казни, разве гражданскую, и то одним безнравным зачинщикам, но усмирлял человеколюбивою ласковостию, обещанием высочайшего императорского милосердия.

По прибытии моем, в Дмитриевском сведал я, что известной разбойник – в близости одной за Волгою слободы; несмотря на его неважную силу, желал я, переправясь, с моими малыми⁷⁰ людьми на него тотчас ударить; но лошади все выбраны были, чего ради я пустился вплавь, на судне, в Царицын, где я встретился с г. Михельсоном. Из Царицына взял себе разного войска конвой на конях и обратился в обширность уральской степи за разбойником, отстоящим от меня верстах⁷¹ в четырех. Прибавить должно, что я, по недостатку, провианта почти с собою не имел, но употреблял место того рогатую скотину, засушением на огне мяса с солью; в степи я соединился с гг. Иловайским и Бородиным; держались следов и чрез несколько дней догнали разбойника, шедшего в Уральск. Посему доказательно, что не так он был легок и быстрота марша – первое искусство. Сие было среди Большого Узеня. Я тотчас разделил партии, чтоб его⁷² ловить, но известился, что его уральцы⁷³, усмотря сближения наши, от страху его связали и бросились с ним, на моем челе, стремглав в Уральск, куда я в те же сутки прибыл.

Чего ж ради они его прежде не связали, почто не отдали мне, то я был им неприятель, и весь разумной свет скажет, что в Уральске уральцы имели больше приятелей, как и на форпостах оного. наших передовые здесь нечто сбились на киргизские следы, и, чтоб пустыми обрядами не продолжить дело, немедленно принял я его в мои руки, пошел с ним чрез уральскую степь назад, при непрестанном во все то время беспокойствии от киргизцов, которые одного ближнего при мне убили и адъютанта ранили, и отдал его генералу графу Петру Ивановичу Панину, в Симбирске. В следующее время моими политическими распоряжениями и военными маневрами буйства башкирцов и иных без кровопролития сокращены, императорским милосердием. Высочайшим императорским соизволением в 1776 году был я определен к полкам московской дивизии, в Крым, где около Карасу-Базара собравшиеся противные Шагин-Гирей-хану партии я рассеял одними движениями и, по прибытии его из Тамани, объявил его в сем достоинстве и, по продолжающейся болезни, отъезжал в Полтаву для излечения.

В следующем году и в 1778 командовал я корпусом Кубанским, где по реке Кубани

⁶⁹ Граф Петр Иванович Панин (1721–1789) – военный и государственный деятель, сенатор, генерал-аншеф; в то время был командующим войсками, подавившими пугачевское восстание.

⁷⁰ Малочисленными.

⁷¹ В некоторых публикациях – сутках.

⁷² Т. е. Пугачева.

⁷³ Т. е. бывшие участники восстания во главе с изменником Твороговым, членом повстанческой Военной коллегии Пугачева, позднее возглавившим заговор и арестовавшим самозванца.

учредил я линиею крепости и фельдшанцы, от Черного моря до Ставрополя, и тем сократил беспокойствия закубанских и нагайских народов: один тот год не произошло никакого нагайского за Кубань побега. Того ж года обращен я в Крым и командовал корпусами Крымским, Кубанским, на Днестре и иными войсками, вывел христиан из Крыма в Россию без остатку, вытеснил турецкую флотилию из Ахтиарской⁷⁴ гавани, великого адмирала Гассан-пашу и Али-бея анатолийского со всем оттоманским флотом и транспортными с войском судами, коих всех по счету было больше ста семидесяти, от крымских берегов обратил назад к Константинополю, воспрещением свежей воды и дров, и выступил из Крыма с войсками в 1779 году. Потом обращался я в разных местах и комиссиях, командуя казанскою дивизиею; до заключения конвенции с турками командовал я кубанским корпусом, в 1783 году привел нагайские орды ко всеподданнической Ее Императорского Величества присяге, и как они, учиня мятеж, знатною частью ушли за Кубань, то имел я туда на них поход с регулярным и сильным иррегулярным войском; были они нами за Кубанью и на реке Лабе на рассвете при Керменчике так супренированы, что потеряли множество народа и всех своих мурз, и того ж числа другой раз их и иные поколения равно сему разбиты были; одни сутки кончили все дело.

В 1784-м году определен я к Владимирской дивизии, а в 1785-м году повелено мне быть при Санктпетербургской дивизии.

1786 года сентября 22 дня, в произвождение по старшинству, всемилостивейше я пожалован генерал-аншефом и отправлен в Екатеринославскую ар-мию; во время высочайшего Ее Императорского Величества в 1787 году путешествия в полуденные края находился в Киеве, при ее присутствии, и, как их императорские величества изволили следовать в Таврическую об-ласть, я сформировал лагерь между Херсона и Кременчуга, во ста двадцати верстах от оногo, при Бланкитной; по возвращении их величеств и по отбытии из полуденного края я находился в Кременчуге.

С открытия настоящей с Оттоманскою Портою войны определен я в Кинбурн и сей важнейший пост, к сохранению всероссийских границ, хранил я от Черного моря и, по лиману, от Очакова неусыпным бдением, с сентября 1787 года по 1789 год и, как того 1787 года сентября 13 дня из флота очаковского все канонерные суда, приближась к кинбурнскому фарватеру, открыли жестокую канонаду и бомбардираду, оною в крепости причиняли, в строении и людях повреждение, я из Кинбурна тотчас соответствовал тем же с таким успехом, что их людям и фрегату причинило повреждение и линейной их корабль взорвало со всем экипажем, а 14 числа, верстах в осьми от Кинбурна, подплыли турки до семисот человек на мелких судах к берегу, но были встречены командою моею и отбиты; они покушались и на 15 число, но прогнаны из отряженных из эскадры на Глубокой, – два фрегата и четыре галеры, – к Кинбурну.

Галера «Десна», под начальством мичмана Ломбарда, хорошо вооруженная, пустилась на бомбардирующие Кинбурн суда, отделившись от своего флота, и принудила их к ретираде к своему флоту; но ею преследованы, и вступила с ними и, по разнообразным движениям, и с левым флангом флота в сражение, открыв ружейную стрельбу скрытых им до того гренадер, [и], продолжая более двух часов, причинил немалой урон неприятелю, где и очаковские батареи действовать принуждены были. Возвратилась под крепость кинбурнскую так благополучно, что, кроме мичмана Ломбарда, никто не ранен и не убит, а он ранен пулею в ухо. 30-го числа того ж сентября неприятель сблизил свои суда к Кинбурну, производил сильную пальбу и бросал бомбы до глубокой ночи, а первого числа октября, на рассвете, возобновил свою пальбу с большею жестокостию и так причинял внутри крепости, в земляном вале и лагере палаткам и войску повреждения, а в девять часов в 12 верстах от Кинбурна по лиману пять судов с вооруженными людьми показались, кои, сколько ни старались выйти на берег, отбиты с уроном.

⁷⁴ Сейчас – Севастопольская.

В то же утро неприятель, в числе пяти тысяч отборного войска, предпринял на Кинбурн сделать поражение, перевозя с своих кораблей на мыс кинбурнской косы с большою поспешностью, и работали они в земле, приближаясь к крепости. Я, в небольшом числе имел войска [и] учредя в боевой порядок, встретил их и атаковал; неприятель упорно и храбро защищался в своих укреплениях. Генерал-майор Рек выбил их из десяти ложементов, но был при том ранен в ногу, а майор Булгаков убит, Мунцель и Мамкин – ранены. Флот неприятельский, подвигнувся к берегу, наносил великой вред своими бомбами, ядрами и картечами, и войска наши не могли преодолеть умножающиеся силы неприятельские, принуждены были отступать; я, будучи в передних рядах, остановил отступающих, исправляя фронт возобновил сражение и неприятеля выгнал из многих ложементов.

*К. Кеппен. Спасение генерал-аншефа
А. В. Суворова гренадером С. Новиковым
в сражении при Кинбурне 1 октября 1787 года*

Между тем галера «Десна» на левом крыле неприятельского флота несколько судов сбила с места, крепостная артиллерия – потопила два канонерские судна, полевая артиллерия – истребила две шебеки. Неприятель свежими войсками принудил наши войска ко отступлению, тем наиболее, что чрезвычайная пальба с неприятельского флота не малой вред наносила; я ранен легко картечью в левой бок; пехотные полки ретировались порядочно⁷⁵ в крепость, а на место сражения прибыли вновь пехотные – баталион и три роты, с бригадою легкой конницы; я начал бой в третий раз. Пехота, подкрепляемая легкоконными и казачьими полками, наступила отважно на неприятеля; неприятель не возмог уже держаться в 15 своих окопах; выбиты из всех укреплений, претерпели крайнее

⁷⁵ В порядке.

поражение, и остатки сброшены в воду, за сделанный ими эстакад, где бедствовали они до утра.

Я при конце сего поражения еще ранен в левую руку пулею навывлет. Сим одержана совершенная победа, и Кинбурнская коса и воды, окружающие оную, покрыты их телами. Потеря неприятельская – во всем высаженном на берегу войске, кроме малого числа спасшихся в воде, за эстакадой; с нашей стороны – убитых: майор, подпоручиков [и] нижних чинов – 136; раненых: я и Рек, майоров – три, обер-офицеров – 14, нижних чинов – 283. В сию настоящую войну я первой имел случай с турецким войском сражение, и хоть раны мои ослабевали силы мои, но усердие мое меня подкрепляло, и я, не отступая от моей должности, мало-по-малу выздоравливая, всю зиму старался о извлечении языков из Очакова.

В 1788 году устроил на стрелке Кинбурнской косы батареи, со оных во время сражения на лимане многочисленного турецкого флота, под командою капитан-паши, с нашими лиманскими парусною и гребною флотилиями, июня 7 и 17 числ и последующих потом, сильное поражение неприятельскому флоту причинил и, по истреблении всего турецкого на лимане и под Очаковым флота, я находился в линии очаковской блокады, на левом фланге. Неприятель 27 июля показался в 50 конных, открывающих путь своей пехоте, пробираясь лощинами к моему левому флангу, и содержащий пикет из наших бугских казаков атаковал; я подкреплял оных двумя баталионами пехотных гренадер. Сражение произошло весьма кровопролитное; турок умножилось до трех тысяч. Неудобность мест, наполненных рвами, способствовала неприятелю держаться; но при ударе в штыки неприятель совершенно опрокинут и прогнан в ретраншемент.

При истреблении превосходного числа неприятеля, отчаянно сражавшегося, наш урон состоял: убитых: обер-офицеров – 4, гренадер – 138, казаков – 12; при сем я ранен в шею не тяжело; майор, три капитана, два подпоручика, 200 гренадер и 4 казака ранены. И как 29 и 31-го числ того июля турецкой флот показался на море от Березани, то я отправлен в Кинбурн, где имел наблюдение в непропуске в лиман неприятельского флота.

*Я. Суходольский. Штурм Очакова
6 декабря 1788 года. 1853 г.*

По взятии Очакова, в 1789 году, я, для принесения Ее Императорскому Величеству за высочайшее пожалование мне ордена Св. Апостола Андрея всеподданнейшего благодарения, прибыл в Санкт-Петербург и находился там по 25-е число апреля того года, а оно число, получа высочайшее Ее Императорского Величества повеление ехать в Молдавию для принятия в мое начальство передового корпуса против неприятеля, того ж числа из Санкт-Петербурга отправился и, прибыв, принял состоящей армии корпус между рек Серета и Прута. 16 июля того ж года я, с моим корпусом перешел реку Серет. 17 числа соединился с союзным корпусом римско-императорских войск, под начальством генерала от кавалерии принца Саксен-Кобургского, продолжая поход к Фокшанам, против собравшегося там турецкого из 30 тысяч состоящего корпуса; в числе оных пятая часть была пехоты под командою сераскира трехбунчужного, Мустафы-паши. Того июля 20 числа, при осмотре реки Путны, встретившаяся турецких войск конница с нашим легким войском сражалась; двоекратно неприятеля сломили и прогнали. Двухбунчужный Осман-паша с тремя тысячами отборной конницы старался усилиться против наших войск; но с помощью римско-императорских гусар и цесарских арнаут неприятель опрокинут и прогнан, с великим его уроном. И, наведя понтоны [и] 21 числа перешед реку Путну, на сем походе к Фокшанам турецких войск толпы в разных местах имели сражение с легкими нашими войсками, но всюду были отбиты с уроном.

Приближаясь к Фокшанам, по многим сражениям, генерал-поручик Дерфельден с пехотою соединенных войск атаковал неприятельские окопы и овладел оными. Часть турецкой пехоты заперлась в крепком фокшанском монастыре Святого Самуила, внутри их земляных укреплений, которые тотчас облегли с левой стороны российские войски, а с правой, под предводительством принца Саксен-Кобургского, – союзные войски. Турки жестоко оборонялись ружейным огнем; но, соединенною артиллериею отбив ворота и калитку, наши с союзными войсками, вошед внутрь стен, поражали неприятеля штыками, и, по продолжении сражения, чрез 9 часов, помощью Божиею достигнута нами совершенная победа. По овладении Фокшанами остаток разбитых турок искал спасения в монастыре Св. Иоанна, в полутора версте лежащем; но посланной от принца Саксен-Кобургского команде с артиллериею, по отчаянной обороне, принуждены были оставшие[ся] от истребления ага и 52 человека сдаться военнопленными. Неприятельской урон – до 1500 человек; в плен взято 100, пушек 10, знамен – 16; весь их лагерь с палатками с разными военными припасами достался в добычу победителям.

Рассеянные турки побежали по дорогам браиловской и к Букаресту. Наши легкие войски, догоняя, их поражали и на обеих дорогах получили в добычу несколько сот повозок с военною аммунициею и прочим багажом. С нашей стороны, российских убито рядовых – 15, ранено всех чинов – 79; из римско-императорских войск урон весьма мал.

Того же году, сентября 6 и 7 числ, по сообщению мне от генерала от кавалерии принца Саксен-Кобургского, командующего союзными римско-императорскими войсками, о приближении верховного визиря с главными турецкими силами, во ста тысячах состоящими и расположившимися лагерем при Мартинешти, в расстоянии от него не более 4 часов, ожидая от него атаки, просил меня поспешать соединиться с ним; я, соображая столь важные обстоятельства, немедленно из Пуцени выступил в поход, взяв с собою корпус, составленный из двух гусарских, 4 гренадерских, 4 мушкетерских баталионов и одного легкого баталиона, сформированного из мушкетер, устроив на 6 кареев, в две линии, под начальством: первую – генерал-майора Познякава, а вторую – бригадира Вестфалена, 12 карабинерных эскадронов – при бригадире Бурнашове, два казачьих полка и арнаутов, с их начальниками, и, хотя разлитием реки Серета в переправе делано великое затруднение, но, преодолевая все препятствия, перешед Серет, следовал чрез Путну, а римско-императорские войски, перешед реку Берлад по мосту, при Текуче, обратились, против Никорешт, к понтонным своим мостам и со оными близ Фокшан, при реке Милкове, я соединился 10 того сентября поутру.

Осмотрев положение неприятеля, распорядил поход двумя колоннами; правую вел я,

прибавя к ней римско-императорских войск два дивизиона и Барковых гусар, под командою подполковника барона Гревена и майора Матяшковского, а левую вел принц – Саксен-Кобургской. И того 10 числа, при захождении солнца, выступили, переходя Милков вброд и продолжая марш в совершенной тишине, приспев к Рымне, перешли оную вброд, пехота вправо, а кавалерия влево. Соверша переход, на рассвете построил войски в боевой порядок и повел в атаку; в семи верстах, при деревне Тыргокукули, стояло турецкое войско лагерем на выгодных высотах, в двенадцати тысячах, под командою двухбунчужного паша Хаджи-Сойтари. Вскоре начался шармицель и пушечная с обеих сторон стрельба; первая линия начала наступать на неприятельскую батарею; но дефиле долго задержал, проходя в порядке, а тем временем неприятель с половиною его войска, с большею частию обозов, ушел к местечку Рымнику, другою половиною конницы и пехоты – ударил весьма сильно на каре правого фланга.

Храброй отпор и крестные огни егерского каре, действие ружей и штыков в полчаса опровергнули турок с великим уроном; карабинер два эскадрона и дивизион римско-императорских гусар, врубясь в неприятеля, отняли знамя, и легкие войски – овладели неприятельским лагерем, и общекарабинеры, донские казаки и арнауты – истребили множество турок; остальные побежали по букарестской дороге, к местечку Рымнику. Принц Саксен-Кобургской, имея далее путь, перешел чрез Рымну позже меня, и, едва успел построиться, неприятель, в двадцати тысячах состоявший, напал сильно на оба крыла, но поражаем был с чувствительною гибелью; в то же самое время от Мартинешти, из главного неприятельского лагеря при реке Рымне, до шести тысяч турков быстро наскружили на каре Смоленского полка. Я приказал каре Ростовского полку той же второй линии принять вправо, сблизясь косою чертою, чтобы неприятеля поставить между крестных огней; тут сражение продолжалось целый час, с непрерывным огнем, а в войсках принца Саксен-Кобургского – более двух. Неприятель отчаянно сражался, но, наконец, уступил мужеству, оставя окружность полевою покрытою мертвыми телами: турецкая конница действовала с крайнею отвагою, а особливо отчаянно нападали янычары и арабы. Турки отступили к лесу Крынгу-мейлор, где обреталось пеших до 5 тысяч янычар, имея там ретраншемент, хотя не оконченный; я одержал место сражения, выстроил линии, собрал карей и несколько отдыхал.

По прошествии сего принц Саксен-Кобургской был паки сильно атакован сорока тысячею конных турков, кои окружили тесно его левое крыло; конница его врубалась в турок несколько раз, а пред моим фронтом начался шармицель; я пошел с войском, отражая неприятеля пушечною пальбою, которой открыл свои батареи; под выстрелами их союзные войски, входя на пологое возвышение, стремились овладеть; неприятель, видя наше усилие, два раза покушался увозить свою артиллерию. По трех верстах маршу открылся ретраншемент под лесом Крынгу-мейлор; я приказал карабинерам и, на их флангах, гусарам стать среди кареев первой линии и сим дать интервал; легкие войска заняли крылья, и в ту же линию кавалерии присоединились влево – прочие дивизионы гусар принца Саксен-Кобургского; за нею Левенерова полку легкая конница составляла резерв; оное все произведено в действо на полном марше.

Я просил принца Саксен-Кобургского, дабы он приказал сильно идти вперед своим кареям; канонада кареев наших в лес и ретраншемент привела в молчание турецкие пушки; пораженное и приведенное в замешательство пешее и конное турецкое войско начало отступать в лес; я их велел остановить; линия наша, при непрерывной пальбе с крыльев и кареев крестными выстрелами, приближившись, пустилась быстро в атаку, кавалерия, перескоча невозвышенной ретраншемент, врубилась в неприятеля; овладели четырьмя орудиями, истребя великое число турков, кои тут отчаянно сражались; наконец, сии многолюдные толпы выгнаны из лесу; разбитые турецкие толпы бежали к главному своему лагерю, при реке Рымнике, в шести верстах от сего места сражения отстоящему; достигавшие их наши карей, эскадроны и легкие войски обратили их дирекцию на юг; каре, генерал-майором Карачаем предводимы, были с нашими кареями впереди, поражали янычар

и прочие неприятельские войски, где казаки и арнауты истребляли врага.

При захождении солнца победители перервали погоню на рымникской черте; река сия запружена была тысячами повозок аммуничных и прочих и великим числом потопленных мертвых тел неприятельских и скота. Во время баталии верховный визирь находился особою своею под лесом Крынгу-мейлор, до самого его оттуда изгнания к рымникскому лагерю, где он не возмог ни увещанием, ни принуждением остановить бегущие свои войски, и сам поспешно удалился по браиловской дороге. В сем сражении неприятель потерял на месте убитыми более пяти тысяч; в добычу получено нами знамен сто, мортир – шесть, пушек осадных – семь, полевых – 67 и с их ящиками и аммуничными фурами, несколько тысяч повозок с припасами и вещами, множество лошадей, буйволов, верблюдов, мулов, и, сверх того, лишился он трех лагерей с палатками и всем экипажем; по совершении победы войски отдыхали на месте баталии спокойно.

На другой день партиями легких наших войск стоящий за Рымником верстах в четырех верховного визиря особый его лагерь открыт и взят с разною добычею, причем немалое число турок побито; принц Саксен-Кобургской посланным баталионом к лесу Крынгу-мейлор укrywшихся турок истребил. В сих преследованиях после баталии турок побито не меньше двух тысяч. Армия турецкая [бежала] до реки Бузео. Достигши оную, – верховный визирь с передовыми успел переехать мост и тотчас оный поднял; конница турецкая пустилась вплавь, где из нее немало потонуло, а оставшаяся на левом берегу конница и пехота рассеялась всюду без остатка. Ушедшие с места баталии обозы разграблены волошскими поселянами. На здешнем берегу лежало смертельно раненых, умирающих и умерших множество; визирь уклонился в Браилов, потеряв из армии своей более десяти тысяч человек; с нашей стороны убито всех чинов 46, ранено 133; римско-императорских войск урон немного больше нашего.

Раз Суворов куда-то быстро шел в одной куртке и услышал, что его кто-то зовет. А звал его сержант, присланный от генерала Дерфельдена к нему с письмами.

— Эй, старик! — кричал сержант, — стой! Скажи, где стоит Суворов?

— Черт его знает, — был ответ Суворова.

— У меня от генерала к нему бумаги есть, — продолжал сержант.

— Не отдавай, не отдавай! Он теперь или мертвецки пьян, или горланит петухом.

При этих словах Суворова сержант, замахнувшись на него кулаком, проговорил:

— Моли ты Бога, старикашка, за свою старость... Не хочу только рук марать... Как смеешь ты ругать отца и благодетеля?

Суворов после этого немедленно же исчез. Час спустя впустили сержанта к Суворову, и он, к ужасу своему, узнал в нем давешнего «старикашку» и уже готов был броситься ему в ноги, как Суворов обнял его и сказал:

— Спасибо, брат! Ты на деле доказал твою ко мне любовь и хотел поколотить меня за меня.

И тут же из своих рук угостил его рюмкой водки.

В чувствительной моей благодарности не могу умолчать о излиянных на меня благосозволениях Ее Императорского Величества всемилостивейшей монархини нашей, Великой Государыни, Милосердой Матери Отечества, пронизающей службу и усердие наше. Всемилостивейше пожалован я 1770 году сентября 31 (?) дня, по соизволению Ее Величества, от Его Императорского Высочества Государя Цесаревича кавалером голштинского ордена Св. Анны, 1771 года августа 19 дня за одержанные победы в 1770 и 1771 годах над польскими возмутителями — орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3 класса, того ж года декабря 20 дня за совершенное разбитие войск литовского гетмана, графа Огинского — орден Св. Александра Невского, 1772 года мая 12 дня за освобождение краковского замка из рук мятежнических — со изображением в высочайшем рескрипте монаршего благоволения пожаловано мне тысяча червонных, 1773 года июля 30 дня, за одержанную победу при атаке на Туртукае — орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2 класса, 1774 года сентября 3 дня, за скороспешной мой приезд в низовой край налегке, на поражение врагов империи, — со изъяснением в милостивейшем рескрипте монаршего благоволения всемилостивейше пожаловано мне две тысячи червонцов; 1775 года июля 10 дня, при торжестве утвержденного с Оттоманскою Портою мира, — шпага золотая, украшенная бриллиантами, в 1778 году за вытеснение турецкого флота из ахтиарской гавани и от крымских берегов, воспрещением свежей воды и дров, —

золотая табакерка с высочайшим Ее Императорского Величества портретом, украшенная бриллиантами; 1780 года декабря 24 дня с собственной Ее Императорского Величества одежды бриллиантовая ордена Св. Александра Невского звезда, 1783 года июля 28 дня за присоединение разных кубанских народов ко всероссийской империи – орден Св. Равноапостольного князя Владимира большого креста I степени. 1787 года июня 11 дня, при возвращении Ее Императорского Величества из полуденного краю – всемилостивейшим благоволением табакерка золотая с вензелем Ее Императорского Величества, украшенная бриллиантами, 1787 года ноября 9 дня – за одержанную победу, октября 1 числа того года, при защищении Кинбурна, атакованного отборными турецкими войсками с помощью флота их, и совершенное их разбитие и поражение на кинбурнской косе – орден Св. Апостола Андрея Первозванного, со всемилостивейшим в высочайшем рескрипте изречением: «Вы оное заслужили верою и верностию»; 1789 года ноября 3 дня за разбитие и победу собравшихся многочисленных турецких войск под Фокшанами – к ордену Св. Апостола Андрея, крест и звезда бриллиантовые, того же 1789 года за разбитие и знаменитую победу сентября 11 дня сего года многочисленной турецкой армии, предводимой верховным визирем, на реке Рымнике, – шпага золотая, богато украшенная бриллиантами, с надписью дела, а 3 октября того же года за оную же победу верховного визиря на реке Рымнике – всемилостивейше возвышен я с рожденными от меня детьми в графское российской империи достоинство, указав именоваться: граф Суворов-Рымникский; того ж октября 18 дня за оную же совершенную победу верховного визиря, со изъяснением в высочайшем рескрипте долговременной моей службы, – сопровождаемой со особливым усердием и точным предложенного исполнением, – неутомимых трудов, предприимчивости, превосходного искусства, отличного мужества во всяком случае – всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия большого креста 1 класса.

Его величество император Римской, покойной Иосиф, всемилостивейше благоволил высочайшим письмом своим 13 августа 1789 года ко мне уважить одержанную мною с принцем Саксен-Кобургским победу под Фокшанами, – наименовав оную «славною победою», соизволил пожаловать мне золотую табакерку с вензелевым Его Величества именем, богато украшенную бриллиантами, а за одержанную при реке Рымнике над верховным визирем победу всемилостивейше пожаловал меня рейхсграфом священной Римской империи и, при высочайшем своем письме 9 октября 1789 года ко мне, пожаловал мне на то рейхсграфское достоинство грамоту, октября 6 числа немецкого счисления того 1789 году, за высочайшим своим подписанием, с привешенною императорскою печатью, и при том герб с графскою короною, с которых у сего следуют копии; оные я принял по высочайшему Ее Императорского Величества дозволению от 26 сентября того 1789 года.

Употребляемой мною до сего герб принял я от покойного отца моего, какой он употреблял, т. е.: щит разделен в длину надвое; в белом поле – грудные латы, а в красном поле – шпага и стрела, накрест сложенные, с дворянскою короною, а над оною – обращенная направо рука с плечом в латах, держащая саблю. Подлинное подписано тако:

Генерал граф Александр Суворов-Рымникский

Пугачёвщина (1774)

Г. Р. Державину⁷⁶

10 сентября 1774 г. Река Таргун

О усердии к службе Ея Императорскаго Величества Вашего благор[одия] я уже много известен; тож и о последнем от Вас разбитии киргизцев⁷⁷, как и о послании партии за сброднею разбойника Емельки Пугачева от Карамана; по возможности и способности ожидаю от Вашего благор[одия] о пребывании, подвигах и успехах Ваших частых уведомлений. Я ныне при деташаменте графа Меллина⁷⁸ следую к Узеням на речке Таргуне; до вершины ея верст с 60, отудова до 1-го Узеня верст с 40. Деташамент полковника Михельсона за мною сутках в двух. Иду за реченным Емелькою, поспешно прорезывая степь⁷⁹. Иргиз важен; но как туда следует от Сосновки его Сият[ельство] Князь Голицын⁸⁰, то от Узеней не учиню ли или прикажу учинить подвиг к Яицкому городку.

Александр Суворов

⁷⁶ Державин Гавриил Романович (1743–1816), замечательный русский поэт и политический деятель, во время Пугачевского восстания служил солдатом в лейб-гвардии Преображенском полку.

⁷⁷ Во главе отряда из 600 крестьян и 25 гусар Г. Р. Державин разбил партию киргиз-кайсаков и освободил более 800 пленных русских колонистов.

⁷⁸ Суворов прибыл в Царицин 3 сентября, через неделю после решающего по армии повстанцев удара правительственных войск под командованием подполковника И. И. Михельсона. Из приблизительно 15 тысяч повстанцев осталось около тысячи человек. Кавалеристский отряд (деташамент) графа Бориса Петровича Меллина (1740–1793) – авангард войска Михельсона, был отправлен в погоню за отступающей армией Пугачева. Через несколько дней, 4 или 5 сентября, Суворов отправился догонять деташамент Меллина.

⁷⁹ К этому времени Пугачев уже был предательски схвачен своими же бывшими сообщниками на р. Большой Узень.

⁸⁰ Князь Петр Михайлович Голицын (1738–1775) в чине генерал-майора командовал крупным отрядом правительственных войск, действовавшим против повстанцев. Впоследствии генерал-поручик.

П. И. Панину

Как-то кончитца? Однако призываю Бога! Беру смелость, поздравляю Ваше Высокографское Сиятельство!⁸¹ Рука дрожит от радости. На походе 60 верст от Яицкого городка. Спешу туда.

Александр Суворов Сентября 15 дня 1774 г., 5 часов пополудни

П. И. Панину⁸²

[22–23 сентября 1774 г.]⁸³

Сиятельнейший Граф! Ежели пожелать соизволите Ем. Пугачева из Сызрана (да благословит Бог туда прибыть сохранно) мне препроводить далее, я охотно то на себя принимаю: с поспешностью – на Пензу, до Москвы, нигде не останавливаясь. Из Москвы могу к Вашему Высокографскому Сиятельству явитьца весьма поспешно.

Надобно ли мне до Москвы какой красноречивой для обнародования разбойника в жильё⁸⁴, состоит в высокой Вашей воле.

Для того не хуже, буде изволите повелеть, и способно расставить сменные конвойные команды на некоторых частях тракта до Москвы. Г[раф] Меллин будет при нем.

Александр Суворов

Г. А. Потемкину

Милостивый Государь!

В приезд мой в Москву на кратчайшее время удостоен был получить письмо Ея Императорского Величества от 3-го сентября писанное⁸⁵ коим угодно было меня почтить к наичувствительнейшему удовольствию моему. Приемля сие с особым благоговением, ощутил и от Вашего Высокопревосходительства почтительный меня адрес⁸⁶. Посещение

⁸¹ Суворов поздравляет Панина с поимкой Пугачева: на подходе к Яицкому городку он получил рапорт яицкого коменданта полковника И. Д. Симонова о том, что Пугачев содержится в крепости под караулом.

⁸² 18 сентября Суворов выступил из Яицкого городка во главе отряда пехоты и конницы, конвоировавшего Пугачева. 22 или 23 сентября он отправил это письмо Панину, а 26 сентября к Суворову прискакал от него полковник фон Древиц с ордером – принять от Суворова «государственного злодея». Передача произошла 2 октября в Симбирске.

⁸³ Датировано по контексту.

⁸⁴ Фраза должна читаться как – «Надобно ли мне до Москвы [издать] какой красноречивый [манифест] для обнарод[ов]ания разбойника в жильё...»

⁸⁵ Екатерина II, получив от Панина известие о приезде Суворова из Киева в Москву на короткий срок повидаться с женой, личным письмом поблагодарила Александра Васильевича за службу и пожаловала ему две тысячи червонных на расходы.

⁸⁶ Что именно написал Суворову Потемкин, неизвестно.

столь благоприятно, столь велико, что я собираю силы на доказательство истинной моей благодарности. Одним наивящим обсылаюсь только признанием, как предстателю, подкрепляющему военные дела, и моему благотворителю столь превосходных милостей, коих цена обитать в благодарнейшем сердце никогда не престанет.

Удостаивайте, Милостивый Государь! способием Вашим могущественного ходатайства такого человека, которого надежда вверяет в достохвальные Ваши добродетели. Великость оных ознаменится тем более и обяжет меня к прославлению имени Вашего, что я навсегда с должным высокопочитанием и нелицемерною преданностию пребуду Милостивый Государь

*Вашего Высокопревосходительства всепокорнейший слуга
Александр Суворов Октября 13 дня 1774 года, Москва*

Вывод крымских армян на Дон (1778)

Приказ А. В. Суворова войскам кубанского корпуса об улучшении материально-бытового и санитарного состояния войск, об их боевой подготовке и способах действий в бою⁸⁷

1778 г. Мая 16 Лагерь на р. Каче

1

В принадлежащем до дежурств исполнять на основании пунктов главы осьмой прибавления к строевому уставу⁸⁸.

2

Полковым, баталионным и их команд лекарям и подлекарям иметь ежевременное попечение о соблюдении паче здоровья здоровых, всегдашними обзорами в касающемся до них содержания каждого вообще, до их пищи и питья. Последнему принадлежит, где не лучшая вода, таковая отварная и отстоянная, а слабым сухарная или с уксусом; к пище ж выпеченной хлеб, исправные сухари, теплое варево и крепко полуженные котлы.

Застоянную олуделую пищу вообще не употреблять, но надлежаще варить, а по употреблении вымывать и вытирать котлы сухо. Обуви и мундирам быть не весьма тесным, дабы и в обуви постилка употребятца могла.

Наблюдать весьма чистоту в белье, неленостным вымыванием оногo. Строго остерегатца вредного изнурения, но тем паче к трудолюбию приучать, убегая крайне празностей, в противном случае господин лекарь или подлекарь представляет тотчас господину эскадронному или ротному командиру. В случае неудовлетворения от сего, доносит о том полковому, баталионному или того отделения начальнику; далее ж относитца уведомлением о том, хотя письменно, господину командующему тою частью, а потом и тою ж бригадою. В крайности ж имеет право о сем не порядке немедленно сообщать старшему

⁸⁷ Этот приказ был повторен войскам Крымского корпуса в июне 1778 г.

⁸⁸ «Дополнительные главы к генеральному уставу о полевой службе» 1765 г., содержащие указания о караульной и лагерной службах и походных движениях.

при корпусе господину лекарю для донесения корпусному генералу, но таковые приключения никогда не ожидаемы.

Случайно больных и слабых в лазаретах при войсках строгим наблюдением обыкновенных порядков в лечении и содержании неутомленно приводить в прежнее состояние их здоровья. В каком и малом [случае] в предвидимом умножении оных, господин бригадный командир имеет долг, при самоличном в том месте обозрении, исследовавши причину зла, неослабно взыскать на начальнике, ибо иначе ответствует он одною своею особою начальнику корпуса.

Довольно надзиратели в лазаретах при слабых и больных должны быть люди честные, попечительные, трудолюбивые и бескорыстные и лекарем или подлекарем таковой усмотренной переменяетца с доклада ближнего начальника на месте.

Ротным фельдшерам быть в их должностях исправнейшим и строго ко оным от лекарей и подлекарей приобученным. Благоустройство исправных артелей в корпоральствах под разумными и попечительными артельными старостами наистрожайше соблюдать с примечательным в том надсмотрением высших начальников над нижними, как то следует, до взыскания от корпусного командира.

3

Военное обучение должно служить упражнением вышним начальникам над их нижними. Надлежит сие правило строго наблюдать исправлением не достигшего тонкости оною, холодным духом. Производить его во всякое способное время, по силе описания воинского строя 1763 года. Кавалеристов начинать экзерцировать конному пехотою⁸⁹, в заезжании, в сдваивании, формировании на маршах, потом и на конях большой атаке в полной карьер, на саблях с протчими для движений маневрами, а драгун, над тем⁹⁰, твердо и пехотному обучать.

Нужно наблюдение в эскадронах интервалов, для врубки сквозь оные второй кавалерийской линии, а между тем первая, при сильном опровержении противника, вмиг строитца по апеллю. Казаков обучать сильному употреблению дротика по донскому его размеру, в атаке, сшибке и погоне; и пехоту разным маршам, быстрым движениям разностройно, обращениям вперед и эволюциям, употреблению штыка, и ружья скорому зарядению, жестокой атаке, а особливо полковыми и баталионными кареями. Густейшие кареи в движениях тяжки; кареям размер крестных огней твердо соблюдать, с присутствием духа, разной пальбе, не забывая весьма и приемов больших. Маневрам и эволюциям твердо обучать целыми частями войск, по способностям. Во всякое время корпусной командир имеет право, без возвещения, в экзерцировании всюду посещать; по примерной пальбе разбивать доски пулями, в мишенные меты по порядку, а по степеню⁹¹ в сих недостатку, стрелять в земляной вал. Господа начальники, по хозяйству их, употребят на то излишнейшей свинец, положенной с порохом, и прежде сроков доставлять себе могут, паче ротные стрелки в сем цельном огненном бою надлежат быть обучены наитвердо; нужен тут приклад взором по стволу, комель крепко в сгиб плеча. Мишенной стрельбе обучать: вначале одиночкою, шестаками, в шеренге, карпоральною ротною шеренгою, рядами, карпоральствами, ротами, баталионами. Конных посему для твердости в управлении лошадей и искусства редкого шермицирования, одиночкою в полном карьере.

⁸⁹ Пеший по-конному.

⁹⁰ Кроме того.

⁹¹ Т. е. по недостатку дерева для поделки мишенных щитов.

В каждом пехотном карпоральстве ротных четыре стрелка; сии бьют в их ранжирах, но могут и быть отряжены по рассмотрению военначальников. Сколько ж сие служит для соблюдения огня, известно тонкой практике военной. Вернейшее застреливание противных, а особливо старших и наездников, сии имеют волю стрелять когда хотят, без приказу. Таковых стрелков имеют конные в карпоральствах шесть и для различия они, конные егери, и формируютца в легкой эскадрон по рассмотрению начальника; протчие рубят вперед. Отличность от драгун есть сии, что те должны по обстоятельствам быть на основании пехотных. Впрочем спешенной драгун в отверстом⁹² поле есть оборонительная жертва...⁹³ начальника. Бьют они все противящегося⁹⁴ вперед, быстро, по благоразумному его [начальника] предусмотрению.

Сии стрелки для отличности имеют за шляпами и киверами зелень, а в недостатке оной – солому или сено всегда.

Казаки – таковых в десятке два, это маяки; неприлично казаку стрелять, он бьет пикою, особливо в крестец.

5

Отряженным в укреплениях пехотным рядовым иметь патронов сто, то не для частой стрельбы, ибо для того назначены стрелки, но для выдержания каких осадностей. Сие в свое время, но нечаянностию⁹⁵ никакой военачальник, даже до карпорала, по преподанным каждому от вышнего его правилам, не должен быть удивлен. Сильные укрепления выдержат долговременную осаду, но как то быть может, всюду резервы в первых сутках или днях, бьют они противных в тыл; те, между двух огней стесненные, бегут стремглав, и конница их дорубает и колет живо; то на Дунае. С пленными поступать человеколюбиво, стыдиться варварства.

В укреплениях артиллерия бьет картечами, оные, по дирекции начальника ее, на месте.

6

Полевым укреплениям иметь отверстую дирекцию на окружности, по приличеству местоположения оных; рвам быть в ширину и глубину в один с половиною сажень, а по изволению инженера с начальником на месте, и превосходнее, поелику то грунт земли дозволит. Толстому валу – с обыкновенным банкетом, амбразурами, турами с песком или землею, тесно с промежутками для ружейной стрельбы, мешки то ж; ворота укреплены траверсами, рогатками заграждены, рвы пред ними прорыты, на них подъемной или подвижной мост, внутри их перпендикулярной палисад, поелику дозволит материалы; пред ними шаг – три ряда волчьих ям, в глубину и в ширину диаметром один с половиною аршин; между ими пядень, [в] средине каждой острой небольшой кол, выходящей из земли пол-аршина. По слабости ж грунта, или каменистой жестокости оною, легкие рогатки в один и два ряда, на эспланаде перед рвом и валом, как и между ими от одной до одной с половиною сажени. За эспланадом в поле может быть другой ров, маловажнее первого. По

⁹² Открытом.

⁹³ Опущено слово «отолого», как непонятное, по-видимому, «отсталого».

⁹⁴ Противника.

⁹⁵ Внезапным нападением.

достатку лесу может быть эспанад с рогатками между рва и волчьих ям. Волчьи ямы прорыты в обрез и чрез них сдвижной мост. Вместо рогаток употребляютца: герзы, опрокинутые деревья, краткие или долгие с остроотрубленными сучьями; а терновник потому ненадежен, что, по засохлости от жаров, может быть зажжен.

Сверх того, поланки, в воле каждого коменданта, суть: рвы с малым валом для помещения обозов и скарба, подобны легким турецким ретранжаментам. При обыкновенном российском мужестве, мудрый комендант низвергнет важностью его укрепления, противные предприятия регулярнейших войск, коль паче варварские рассевные набеги; погоня не нужна, не похвальна, как и вылазки, разве резервами, но и то для церемониала⁹⁶.

7

Коммуникационные зажигательные маяки – в рассмотрении господ бригадных командиров и частных, особливо на обзорных постах. По бережностям, лутче их не иметь, нежели ими войски беспокоить. Было бы то вовсе оплошность, впредь по данным правилам подчиненным начальникам, частного командира, и неприлежность в соблюдении предвидений начальствующего бригадою.

8

Но от обзорных постов и казачьих пикетов со связными караулами хотя нечаянности нет, дается знать чрез смычки их кордонов от места до места, наипоспешнейше в приключениях беспокойственных, во всякое время о случающемся приближении противных в три стороны к начальникам; частному, бригадному и корпусному, три раза. Чего ради на важно-примечательных постах иметь казаков по десяти.

1-е. Примерно извещать: противные в коликом числе, куда их обращение, тверды или робки.

2-е. Что за ними примерно следует и какое в том их есть намерение, как и прилепление к какому фельдшанцу.

9

Казакам непременно быть навсегда дротиком вооруженным, яко наисильнейшим их оружием для поражения всякого противника, но и во всех случаях огнестрельное его ружье есть только для сигнала. Донским господам полковникам, их особами помещаться и быть помещенным там, где более в начальнике названного войска нужда, как и их старшинам, по распределению оных, коль паче на часах. Обыкновенно среди его передовых страж, а не всегда там, где временная застава кажется сильнее быть, но не постоянно, ибо обстоятельства счисление людей перемешают в беспокойствиях сих. Заставам состоять больше в западнях. Страшнее противнику вылазка тогда для его побоища и схватки, паче кажущуюся вяще численным ее умножением для притяжения противника, ежели он, паче чаяния, тогда множествен, на крепости и резервы постовым казакам заманивать его в полном шермицеле сколько можно длиннее, забавляя его тут иногда и стрельбою, как и дротичным

⁹⁶ На Кубани перед Суворовым стояла совершенно иная задача, чем в военных походах: вооруженной борьбы с соседним горским населением не предполагалось. Наоборот, необходимы были мирные средства установления добрососедских отношений и развитие торговли с закубанским населением. Тем не менее, Кубанская укрепленная линия, растянувшаяся кордоном на 540 верст, имела целью защитить правый берег от набегов закубанских горцев и удержать ногайцев от перехода за Кубань. При этом, малочисленные гарнизоны, размещенные в укреплениях этой линии, не располагали возможностью отрываться от своих баз. Эта задача возлагалась на более крупные отряды – подвижные резервы. Таким образом, характер укреплений был рассчитан на жесткую пассивную оборону: наружные рвы, сплошные искусственные препятствия, подъемные или сдвижные мосты, заграждения выходов.

наездом с криком, однако безопасно, а когда он будет гораздо по времени [к] укреплениям напертый, или разными войсками на месте сломлен, то уже тогда поражать его сильно пикою в крестец и живьем хватать.

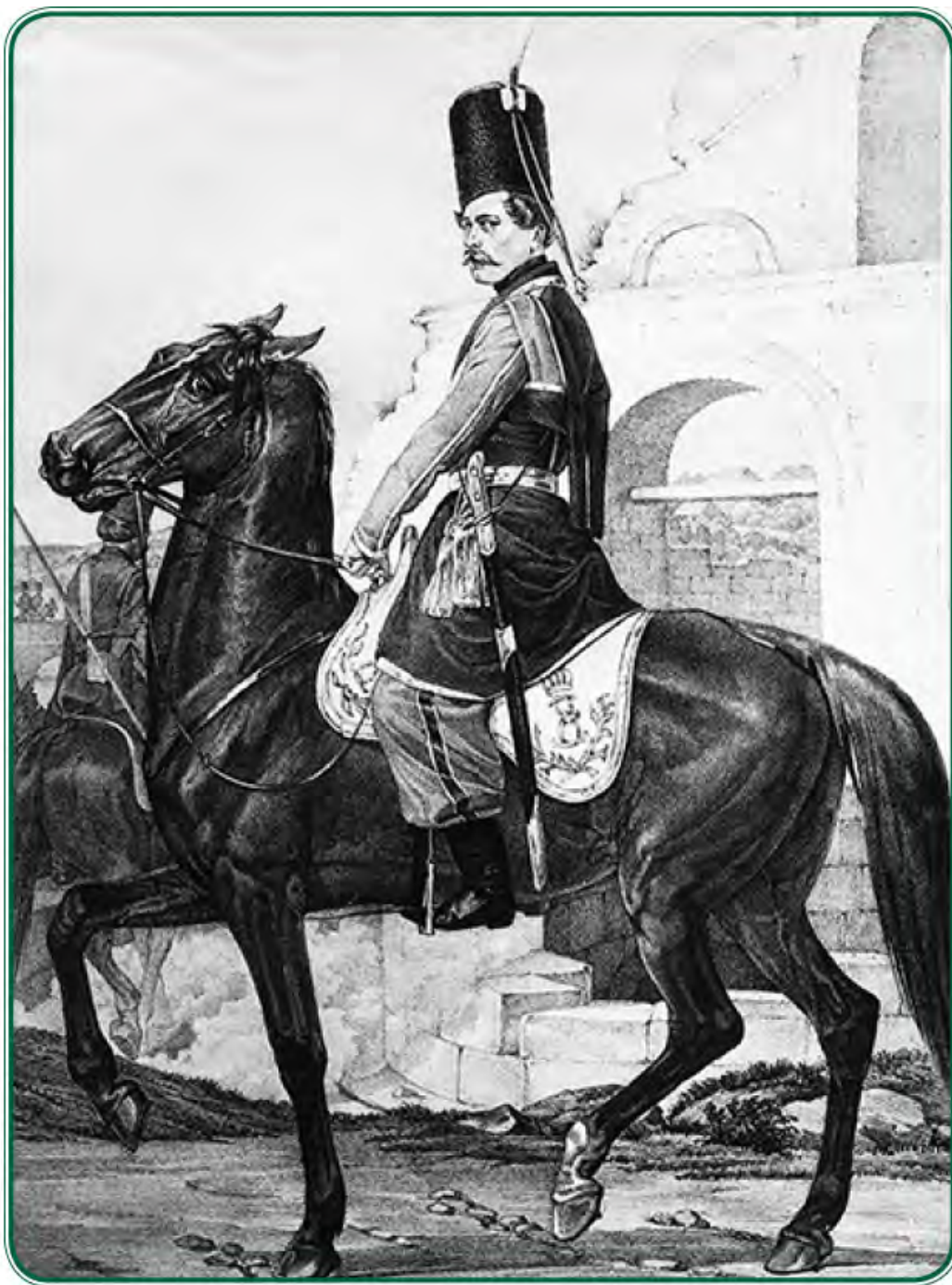
10

Корпусному командиру и между собою господам бригадным и прочим начальникам, при сообщении известий, осведомлении, описывать в них возможное предвидение и по последствиям настоящего, в будущем приличную прозрачность с военными, с политическими краткими рассуждениями для предубеждения оных, как способнейшим к тому местным пребыванием, нежели тем, кому сообщает по обстоянию, иначе от того рождаются замешательства лишними предосторожностями, а и беспокойствию, иногда напрасные, подвижением, хотя и немногим войскам. Лучше для того объяснять всякое известие, вообразительно его назнача справедливым, сумнительным или ложным, невзирая на то, что дальнейшим проницанием кажущееся ложным превратится в истинное, а и справедливое – в ложное или сумнительное. Чего ради каждому, всего лучше начальствующему, преподавать свои мысли с рассуждениями смело, означая по случаю примерное число противников и их вооружений. Получающей их берет с того свои исправные меры.

В политических делах секретная при корпусе экспедиция имеет ее обыкновенное течение.

11

По беспокойным обстоятельствам в движениях, на месте бдит четвертая часть войска; в сумнительных обстоятельствах – половина; в сумнительнейших отдыхает только четвертая доля по очереди. Как бы малолюднен отряд когда ни был, но всегда в нем двум начальникам, старшему и младшему, быть надлежит.

Офицер донской конвойной казачьей команды
в форме 1776—1790 гг.

12

Порядки сражений в благоустройстве военачальников. Против регулярных войск – линейные, как в прошлой прусской войне, против иррегулярных, как в прошлой турецкой. Густые кареи были обременительны, гибче всех полковой карей, но и батальонные способные; они для крестных огней бьют противника во все стороны насквозь, вперед мужественно, жестоко и быстро; непомещенная тяжелая артиллерия идет своею дорогою батарейно с ее закрытием; конница рубит и колет разбитых и рассеянных в тыл или для лучшего поражения стесняет на карей. Внедрившиеся в устье их скальваются тамо

резервами, но и обыкновенно – из восьмой, шестой, а иногда четвертой доли, по обстоятельствам. Кареям между собой интервалы для крестных огней наивозможнейше соблюдать, но соблюдают их огонь, как артиллерийской, так мушкетной. На мушкет сто патронов; по мушкетному [огню] большая должность есть ротных стрелков. Пехотные огни открывают победу, штык скалывает буйно пролезших в карей, сабля и дротик победу и погоню до конца совершают. Карей в непрестанном движении, доколе конница противных на бегу из виду их прогонит; но и тогда вышней [начальник] по случаю уделяет карейной пехоте нечто вперед, резервами для конницы.

Обозы остаются под укреплениями вагенбургом при надлежащих закрытиях; легкие, по удобности, отправляются в сторону или назад напротиву само-легко-вооруженных противных, иногда идут они просто среди карейных линий, их закрытия тех отстреливают.

Ордер сражений: баталион его кареем в первой линии, два баталиона их кареями во второй; или також два баталиона в первой, один баталион как резерв во второй; или два карея в первой, два во второй; или с прибавлением за второю линию резервных кареев, один против двух; или сии резервные кареи в середине обеих линий по шахматному. Где гранодерские баталионы, место их кареев на крыльях ордера или в середине, по усмотрению. Карей баталионной ли, или полковой, а не выше. Такие около Дуная, в прошлой войне, многолюдных стамбульцов жестоко били. Ни лес, ни вода, ни горы, ни буераки – стремление их когда удерживать могли?

Эскадронных, доколе в действие не вступят, обыкновенно внутри карейных линий, не закрывая отнюдь их интервалов для крестных огней; казаки то ж их частями в рассевку.

Походной порядок против порядка боевого, дабы тотчас на походе дратца, и ежели противники близки, то и кареями; впротчем повзводно и по рядам с соблюдением интервалов. Обыкновенно кавалерия внутри линий, пехота ж в голове и хвосте, казаки по их частям, пушки и легкие обозы сколько возможно с крыл, но взводы и ряды пехоты могли бы тотчас загнутца в карей. Авангарду и арьергарду нет, а токмо нечто обзорных подъездных казаков с головы и хвоста; быть твердо надежду, впредь уведомляя их о противниках возможно точно, по знанию, ибо обыкновенно, сближаясь к ним поспешными маршами, разъездами или чем иным еще предопаснейшим, то чинить для предприятия колебленно, поздно и предосудительно.

Сей ордер марша в близости варваров, но и в протчем с авангардом и арьергардом.

Бить стремительно вперед, маршируя без ночлегов. Ночное⁹⁷ поражение противников доказывает искусство вождя пользоваться победою не для блистания, но постоянства. Плодовитостью реляций можно упражнятца после.

Для сорвания варварских окопов сам собою сгущается карей; по их овладении, разгибается легко с огнем на походе вперед. Штишереножной⁹⁸ колонны, формированные направо, ряды вздвой, в средину сомкнись, или просто взводы намыкай в колонну; хотя б она тогда была и гуще, попрежнему строй фронт. Сия штишереножная колонна, ежели одарена твердостью и мужеством, паче начальствующие ее частями, кругом фронт, опусти штык по-офицерскому, – непроницаема никакою кавалериею. Нет лошади, чтобы два раза три шеренги, в середине спина с спиной, прорвать могла еще при непрестанной при том стрельбе от стрелков, более в лошадиную грудь. Но вредны ей картечи в размер. Колонна та гибче всех построений, быстра в ее движении, ежели без остановки, то все пробивает. Пушек не ожидает никогда, их дирекция по другим местам.

В стояниях и на походах мародеров не терпеть и наказывать оных жестоко, тотчас на месте. Домов, заборов и огородов отнюдь не ломать; везде есть разноименные дрова. Где случается фуражировать, чинить то при войсках, правилом, с крайним порядком. Есть ли тут

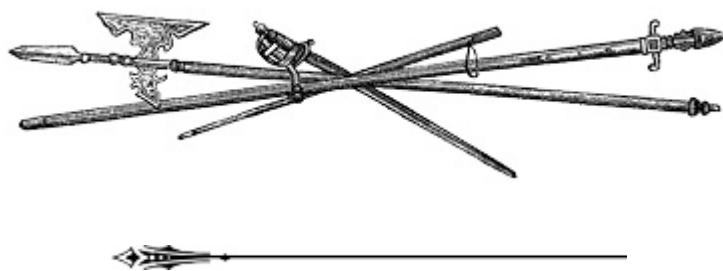
⁹⁷ В рукописи – «ношное», поэтому, возможно другое толкование, «мощное».

⁹⁸ Шестишереножной.

благоразумие, где лишать себя самого впредь текущих последствий, довольной субсистенции и кровли? Наблюдать то и в неприязнейшей⁹⁹ земле; делать и во оной жалобе всякого обывателя тотчас должное удовольствие. Не меньше оружия поражать противника человеколюбием.

Порядок кампаментов – против боевого ж порядка. Но буде варвары в отдалении, то взирать и на выгоды войск, яко то: кавалерии становиться больше в лощинах, на луговых местах. Вообще войскам тогда занимать обширнее место. Впрочем, всегда фланги расположения лагерного укреплять пехотою для закрытия кавалерии, но как в быстрых движениях, походы денно и ночью, и отдыхи по часам, то сим в излишественном утруждении войск от множайших предосторожностей свободитца возможно.

Известные качества начальствующего украшаютца его благовременною диспозициею, преподаванием нужных кратких и ясных правил войску, на толикое пространство времени, поелику он до рубежа своего предвидения различных обстоятельств перемен достигнуть возможет ежевременно. Доколе сию важнейшую свою должность не совершит, спокойствия ему нет. А потом благонадежен он на войско, так как оное благонадежно на него. Уже тогда нималою нечаянностью не может он быть обременен.

Русско-Турецкая война (1787–1792)

Кинбурн

Реляция А. В. Суворова Г. А. Потемкину о сражении при Кинбурне

1787 г. октября 1¹⁰⁰

Реляция

о происшедшей баталии при Кинбурне и одержанной совершенной над неприятелем победе октября 1-го на 2-е число 1787-го года

Вашей Светлости имел я честь донести вчера о сильном неприятельском бомбардировании и канонаде до глубокой ночи. Сего числа оное паки им на рассвете обновлено было гораздо жесточее по Кинбурнской крепости, галере «Десна» и ближним лагерям. Жило внутри крепости, земляной вал и лагерные палатки претерпели некоторый вред, и ранено несколько солдат. В 9 часов утра вверх лимана, 12 верст от Кинбурна, при Биенках, оказались с турецкой стороны пять судов с бывшими запорожцами вооруженными, и старались выйти на наш берег; генерал-майор и кавалер Рек отправился туда. Сии суда от наших войск были отбиты с уроном.

Между тем, против утра, усмотрено было довольно турков на мысу Кинбурнской косы,

⁹⁹ В землях самого заклятого неприятеля.

¹⁰⁰ Закончена и отправлена 4 октября 1787 г.

которых число перевозимыми с кораблей непрестанно умножалось, и видно было, что они с великою поспешностью работали в земле для приближения к крепости. Я учинил следующую диспозицию: в первой линии быть Орловскому и Шлиссельбургскому полкам, во второй линии – Козловскому. Легкому баталиону муромских солдат, стоявшему от Кинбурна в 14-ти верстах, когда прибудет, и двум легкоконным резервным эскадронам Павлоградского и Мариупольского полков, Донским казачьим полкам Орлова, Исаева и Сычова приказал быть с флангов. В крепости оставил я две роты Шлиссельбургских и при вагенбурге, за крепостью, по одной роте Орловского и Козловского полков. Павлоградскому и Мариупольскому легкоконным полкам, стоявшим от крепости в 10-ти верстах, и Санкт-Петербургскому драгунскому – в 36-ти верстах, приказал я к оным сблизиться. Видя многосильного неприятеля, подступившего к Кинбурну на одну версту, решился я дать баталию!

Храбрый генерал-майор и кавалер Рек, выступя из крепостных ворот с первою линиею, атаковал тотчас неприятеля, который с неменьшею храбростию защищал упорно свои ложементы; под ним мужественно предводили: секунд-майоры Булгаков, Муцель и Мамкин. Подкрепляли атаку генерала Река резервные эскадроны и казачьи полки. Скоро прибыл и Козловской полк, начальник которого, подполковник Марков, поступил отлично. Поспешно неприятельской флот сблизился к лиманским берегам и в близости стрелял на нас из бомб, ядер и картечь. Генерал Рек одержал уже десять ложементов, как был ранен опасно в ногу. Майор Булгаков убит, Муцель к Мамкин ранены. Неприятель непрестанно усиливался перевозимым ему войском с судов. Наши уступили и потеряли несколько пушек.

Позвольте, Светлейший князь, донести: и в нижнем звании бывают герои. Неприятельское корабельное войско, какого я лутче у них не видал, преследовало наших с полным духом; я бился в передних рядах Шлиссельбургского полку; гранодер Степан Новиков, на которого уже сабля взнесена была в близости моей, обратился на своего противника, умертвил его штыком, другого, за ним следующего, застрелил и бросился на третьего – они побежали назад. Следуя храброму примеру Новикова, часть наших погнались за неприятелем на штыках, особливо военными увещеваниями остановил задние ряды сержант Рыловников, который потом убит. Наш фронт баталии паки справился; мы вступили в сражение и выгнали неприятеля из нескольких ложементов. Сие было около 6-ти часов пополудни.

Галера «Десна», лейтенант[а] Ломбард[а], наступила на левое крыло неприятельского флота, сбила несколько судов с места; крепостная артиллерия исправностию артиллерии капитана Крупеникова потопила у неприятеля два канонирных судна.

В то время приблизились к нам под самой берег две неприятельские большие шебеки, при начале их огня наша артиллерия одну потопила, другую спалила.

Но чрезвычайная пальба неприятельского флота, сквозная на нас, причиняла нам великой вред. Войско их умножилось сильнее прежнего, я был ранен в левой бок картечью легко, наши паки начали уступать. При сем случае наша одна 3-х фунтовая пушка за расстрелянием лафета и колес брошена была в воду.

При битве холодным ружьем пехота наша отступила в крепость, из оной мне прислано было две свежие Шлиссельбургские роты, прибыли: легкой баталион, одна Орловская рота и легкоконная бригада. Орлова полку казак Ефим Турченков, видя турками отвозимую нашу пушку, при ней одного из них сколол и с последующим за ним казаком Нестером Рекуновым скололи четырех. Казаки сломили варваров. Солнце было низко! Я обновил третей раз сражение.

С отличным мужеством легкой баталион муромских солдат под предводительством капитана Калантаева (который ранен пулею и картечью), Шлиссельбургские и Орловская роты на неприятеля наступили; секундированье легкоконными и обретающимися в действии казачьими полками – варвары в их 15-ти окопах держались слабо. Уже была ночь, как они из них всех выбиты были, опровержены на угол косы, который мы одержали; тут вдоль нас стреляли из неприятельского флота паче картечами и частью каркасами и пробивали наши

фланги. Оставалась узкая стрелка косы до мыса сажен сто, мы бросили неприятеля в воду за его эстакад. Артиллерия наша, руководством капрала Михайлы Борисова Шлиссельбургского полку, его картечами нещётно перестреляла. Ротмистр Шуханов с легкоконными вел свои атаки по кучам неприятельских трупов, – все орудия у него отбил. Победа совершенная! Поздравляю Вашу Светлость. Флот неприятельской умолк. Незадолго пред полуночью мы дело кончили, и пред тем я был ранен в левую руку навывлет пулею. По объявлению пленных было варваров 5000 отборных морских солдат, из них около 500 спастись могло. В покорности моей 14 их знамен пред Вашу Светлость представляю.

Во время сражения, происходившего на Кинбургской косе 1 октября 1787 года, Суворов был ранен в левую руку. Так как лекаря при нем не было, то он поехал к морю и дал перевязать руку казачьему старшине. Тот вымыл ему рану морской водою и перевязал галстуком. «Помилуй Бог! — сказал Суворов, — благодарю! помогло, тотчас помогло! Я раненых и всех нераненых турок прогоню в море». Он сдержал слово: неприятель был разбит, и так как турецкие суда были отсланы от берега, чтобы принудить войско сражаться отчаянно, то почти все потонули, и от 6000 высаженных на косу турок едва спаслось 700 человек.

В сие время прибыл под Кинбурн генерал-майор Исленьев с Санкт-Петербургскими драгунами, как знатной мне резерв, коего поспешностию я довольно Вашей Светлости нахвалиться не могу.

Кинбурнской комендант полковник Тунцельман содержал во все время крепость в оборонительной исправности, и под его дирекцию крепостная артиллерия потопила два неприятельские судна.

Урон наш по столь продолжительному сражению, особливо холодным ружьем, оказался посредственный. Убиты: Орловского полку майор Булгаков, Козловского подпоручик Еревицкой, нижних чинов с умершими в скорости от тяжелых ран 136 человек. Ранено: штаб-офицеры Шлиссельбургского – Мамкин, Орловского – Муцель, Мариупольского легкоконного – Вилимсон, обер-офицеров 14, нижних чинов 283, из оных тяжело – до 40 человек.

Нижайше рекомендую в милость Вашей Светлости отличного, мужественного и до его раны непобедимого старого генерала Река и протчих, означенных по сей реляции. Також частных отличившихся: дежурного при генерале Реке Козловского полку поручика Антона Цыдульского, бывших в последней атаке на неприятеля легкого баталиона от муромских солдат капралов Ивана Иванова и Василья Родионова, Шлиссельбургских двух рот сержантов Дмитрия Ясныгина и Ивана Голубцова и при Орловской роте поручиков Петра Арсеньева и Леонтия Якубинского. Во время всего происшествия обретавшихся при мне и относивших мои приказания с полным благоразумием в наиопаснейшие места, способствовавших к разным подвигам Ее Императорского Величества победительного войска, Мариупольского легкоконного полку корнетов Ивана Родионова, Андрея и Григорья Спесивцевых, донских есаулов Орлова полку Дмитрия Кутейникова и армии поручика Ивана

Краснова (который ранен), Орловского полку прапорщика Федота Ключникова, сержанта Акима Лисицына, оба ранены; 2-го фузелерного полку сержанта Рихтера. Прилагаю при сем Вашей Светлости имянный список особам, овладевшим неприятельскими знаменами. Кончу, Светлейший князь, храбрыми, неустрашимыми и мужественными донскими полковниками и от армии штаб-офицерами: Орловым, Исаевым и Сычовым и от них рекомендованными полков от армии полковника Орлова хорунжих: Якова Ожогина и Данилу Ерыженского; подполковника Исаева; есаула Ивана Исаева, сотника Никифора Черкесова и хорунжего Архипа Рубцова; премьер-майора Сычова: есаула Евстигнея Крюкова, сотника Фрола Зацепилина и хорунжего Клима Пристанского.

Одолжил меня весьма много разными исправлениями к пользе Ее Императорского Величества победительного оружия, которые он часто постигал сам собою, сверх его храбрости, штаба моего генерал-адъютант Аким Хастатов.

Генерал Александр Суворов

Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину о сражении при Кинбурне

1787 г. октября 2 г. Кинбурн

Турки на Кинбурнской косе, приближась от крепости на версту, мы им дали баталию! Она была кровопролитна, дрались мы чрез пятнадцать сделанных ими перекопов, рукопашной бой обновлялся три раза, действие началось в 3 часа пополудни и продолжалось почти до полуночи беспрестанно, доколе мы их потоптали за их эстакад на черте косы самого мыса в воду и потом возвратились к Кинбурну с полною победою. Товарищ мой генерал Рек ранен в ногу, убитых: майор Булгаков, несколько офицеров и десятков рядовых, раненых, между которых штаб- и обер-офицеры с нижними чинами, до 200. Кинбурнская коса покрыта турецкими мертвыми телами. Пленной Ахмет, при сем отправленной, сказывал, что их было до 5000 человек. Ротмистр Шуханов, имевшей честь пред концом предводить легкоконную бригаду, донесет Вашей Светлости, как он вел атаки по кучам варварских трупов. Его, как первого отличного офицера, имею честь Вашей Светлости нижайше рекомендовать, також обретавшегося во все дело безотлучно при мне и относившего мои приказы штаба моего обер-аудитора Ивана Манеева. Подробнее Вашей Светлости я впредь донесу, а теперя я нечто слаб¹⁰¹, Светлейший Князь.

Генерал Александр Суворов

Донесение А. В. Суворова Г. А. Потемкину о результатах сражения под Кинбурном

1787 г. октября 3 г. Кинбурн

Батюшка князь Григорий Александрович! Простите мне в штиле, право силы нет, ходил на батарею и озяб. Милостивое Ваше письмо получил¹⁰². Ей-ей всякой день один раз к Вашей Светлости курьера посылал.

Флот наш, Светлейший князь, из Глубокой вдалеке уже здесь виден. О! коли б он, как баталия была, в ту же ночь показался, дешева б была разделка¹⁰³. Кроме малого числа, все

¹⁰¹ Суворов был дважды ранен в этом сражении, но до конца руководил им.

¹⁰² О каком письме идет речь, неизвестно.

¹⁰³ Русская эскадра адмирала Мордвинова, стоявшая в Глубокой, не приняла участия в сражении, за

их морские солдаты были на косе, против нас, только и тут им мало выигрышу; ночью, ближние казачьи к ним на косе, пикеты не видали, чтоб кто ни есть из оставших перевозился. Рано днем, по большей мере, перевезлось сот 6–7. Тут натурально и раненые; какие ж молодцы, Светлейший князь, с такими еще я не дрался; летят больше на холодное ружье. Нас, особливо жестоко и почти на полувыстреле, бомбами, ядрами, а паче картечами били; мне лицо все засыпало песком и под сердцем рана картечная ж. Хорошо, что их две шебеки скоро пропали, а как уж турки убрались на узкий язык мыса, то их захватившие суда стреляли вдоль на нас по косе еще большее. У нас урон по пропорции мал, лишь для нас велик, много умирает от тяжелых ран, то ж у них и пули были двойные¹⁰⁴, в том числе у моего об[ер]-ауд[итора] Манеева вырезана такая пуля из шеи. Но, милостивый государь! ежели бы не ударили на ад, клянусь Богом! ад бы нас здесь поглотил. Адмиралу¹⁰⁵ теперь лутче разделяватца с оробевшими людьми.

Мой друг Иван Григорьевич¹⁰⁶ тоже слаб, тошно мне было, как его было не стало, он меня покрепче. Реляция тихо поспевает; не оставьте, батюшка, по ней будущих рекомендованных, а грешников¹⁰⁷ простите. Я иногда забываюсь. Присылаю Вашей Светлости двенадцатое знамя.

Нижайший Ваш, милостивого государя, слуга Александр Суворов

Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину о последствиях сражения при Кинбурне

1787 г. октября 3 г. Кинбурн

После баталии несчастные остатки турков ночевали в воде за эстакадой. Вчера на рассвете увидели мы близ мыса Кинбурнской косы построенные в линию их бомбарды, канонирные суда, под протекциею линейных кораблей, и от оных шлюпки, перевозящие от мыса их живых и мертвых. Мы их поздравили рикошетами с 6-й и 7-й нижних батарей. Они так на шлюпки бросались, что многие из них тонули и с излишними нагруженными людьми також одна шлюпка, по примечанию, потонула. Донской господин полковник Исаев послан был от меня с казаками на косу для разорения их окопов, рогаток и убрания их тел, которых он нашел паче кучами при мысе по малой мере 1500, и повеленное исполнил. Они хотели Кинбурн эскалادировать, что доказывают несколько оставленных ими лестниц. На сухом пути имели они не больше одной пушки, наш 8-фунтовой единорог с их лафетом, который у нас. Мы ж во время действия бросили одну свою 3-х фунтовую пушку в воду за совершенным сокрушением лафета. Теперь казаки владеют косою, и турки, отдалясь флотом опять к берегу, весьма редко на них стреляют, без вреда. Реляция, Светлейший князь, сего дня не поспеет, и сего дня мы отправляем благодарный молебен всемогущему Богу за дарованную им нам победу! Войски первой раз будут все вскрыты бордированием отсюда до

исключением галеры Ломбарда.

¹⁰⁴ «Двойная пуля» применялась для увеличения дальности полета, так как вторая пуля при выстреле играла роль обтюлятора. При попадании в цель двойная пуля наносила обширную и глубокую рану.

¹⁰⁵ Мордвинову.

¹⁰⁶ Рек.

¹⁰⁷ О ком говорит Суворов, неизвестно. Возможно, о виновных в неудаче первой атаки частях, которые отступили в беспорядке в крепость, оставив пушки, а возможно, об эскадре Мордвинова, опоздавшей к сражению.

Глубокой и произведут троекратной огонь. Адмирал с его эскадрою приближается сюда, только еще не виден. О чем Вашей Светлости имею честь донести.

Генерал Александр Суворов

Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину о награждении отличившихся в сражении при Кинбурне и о действиях флота

1787 г. октября 5 г. Кинбурн

Вашей Светлости имел я честь препоручить в милость в реляции моей, вчера отправленной, отличившихся 1 октября. Сверх их господин генерал-майор и кавалер Рек, по храбрости и мужеству бывших в его линии, рекомендует: Павлоградского легкоконного ротмистра Петра Нелюбова, Козловского пехотного полков капитана Данилу Пахомова, оба ранены, и Козловского ж прапорщика Льва Федорова, с которого турки сорвали знак, он же у них отбил знамя. Я принимаю смелость и сих в милость Вашей Светлости препоручить.

От нашего флота, повидимому, одна пловучая батарея пронеслась ветром сквозь оба турецкие флота, при ее курсе с пальбою, несколько попортила один турецкой фрегат и ушла из виду¹⁰⁸. Наш флот сближался к турецкому, и с оным, как и с крепостью, перестреливался; ныне стоит тихо под противным берегом, от Очакова верстах в четырех. Впрочем обстоит благополучно. Подношу Вашей Светлости 15-е турецкое знамя. Вчера из раненых никто не умер. О оных прилагается надлежащее попечение, часть их отправляется в Збурьевск для спокойнейшего выздоровления.

Генерал Александр Суворов

Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину о выступлении турецкой эскадры из Очаковского лимана в море

1787 г. октября 6 г. Кинбурн

Доношу Вашей Светлости – все здесь благополучно. Из раненых, милостию Божиею, третьей день никто не умер, но выписано много в здорые.

Турецкая Очаковская эскадра выступила из лимана в море, уже миновала Березань, курс ведет к второй эскадре, что в море обреталась.

Генерал Александр Суворов

Записка А. В. Суворова с рассуждениями о русской гвардии и воспитании офицеров¹⁰⁹

1787 г. октября 11 г. Кинбурн

¹⁰⁸ 4 октября контр-адмирал Н. С. Мордвинов произвел неудачную попытку сжечь турецкий флот, во время которой одна из плавучих батарей под командованием капитан-лейтенанта Веревкина ушла в море и была выброшена на мель у Гаджибея, а ее экипаж попал в плен. Вместе с этим экипажем был пленен и лейтенант Ломбард, бывший на батарее в качестве охотника.

¹⁰⁹ Записка, возможно, адресована В. С. Попову.

Надо хорошо экзерцировать войска, милостивый государь! Мы уже об этом говорили, иначе риск неминуем. Никогда не отступать, лучшее войско всегда в движении. Экзерцировать во всякое время, также и зимой. Кавалерия в грязи, болотах, оврагах, рвах, на возвышенностях, в низинах и даже на откосах и конец – рубить! Против неверных пехота должна иметь 100 патронов, молодой Репнин оттого растерялся, и другие, а лучше – штыки. Самые порядочные становятся ныне младшими офицерами, не из «вольного дворянства»¹¹⁰. Россия необъятна, в ней служит не мало иностранцев, их места можно заменить другими, только из тех же «вольных». Надо было бы, чтоб во время войны не терпели бы этого закона¹¹¹, натурально относящегося к каждому. Полковники «преторианцы»¹¹² (за исключением конной гвардии) – плохи. Я сам, будучи зачислен в армию, нес долгую и честную службу, я ничего не стоил. Три года они [преторианцы-полковники] раздражают своих офицеров своими придворными манерами; их изнеживают; втираясь к высшим с помощью речей сладких или двусмысленных, они их [офицеров] учат таким путем скрывать свои недостатки. Сибариты, а не спартанцы, они внушают презирать славу, и неверие Жанжака¹¹³ – добродетель для каждого ума, где гений проявляет себя в речах, а не в действии; притворство заменяет скромность; вежливость – опытность. Становясь генералами, они по существу остаются теми же; самое большее – их надо было бы сделать подполковниками, они руководили бы Московскими клубами.

По крайней мере на войне нужны другие полковники и другой штаб, армейского происхождения.

Я только что получил Ваше любезное письмо от 9 октября и тотчас исполнил Ваши приказания.

Генерал Александр Суворов

Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину о столкновении запорожцев с донскими казаками при переправе через Буг

1787 г. ноября 7 г. Кинбурн

По повелению Вашей Светлости от 31-го прошлого месяца за № 2879-м приказал я причислить г. полковника Мекноба в Тамбовский пехотный полк и оный на основании законов принять ему в командование.

Господин генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов доносит, что 3-го числа сего месяца, пополуночи в 2-м часу, переправлялись с противного берега чрез реку Буг на Осицкую косу, от Кисляковки и деревни капитана Спаского, в 25 верстах на пяти дубах, по примечанию бывшие запорожцы, имели тамо ружейную пальбу с донскими казаками, от них прогнаны к лоткам и принуждены уехать обратно. При чем ранен один казак легко.

Имею честь Вашей Светлости донести, здесь все обстоит благополучно.

Генерал Александр Суворов

¹¹⁰ Т. е. не из тех, которые воспользовались указом о вольности дворянства и не хотят служить.

¹¹¹ Т. е. вышеупомянутого указа.

¹¹² Гвардейских полков.

¹¹³ Жан-Жака Руссо.

Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину со сведениями о противнике, полученными от М. И. Кутузова

1787 г. ноября 8 г. Кинбурн

Господин генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов доносит, что на 4 число сего месяца с противного берегу вторично подъезжали пять дубов по захождении уже солнца иплыли вниз по Бугскому берегу верст семь, но, усмотрев наши разьезды и кордоны, осторожными возвратились потом к своему берегу. От них, как и с нашей стороны, никакой пальбы не было. Сии дубы те самые, о коих Вашей Светлости я вчера доносил. Впрочем все обстоит благополучно, о чем Вашей Светлости имею честь донести.

Генерал Александр Суворов

Рескрипт Екатерины II А. В. Суворову о награждении орденом св. Андрея Первозванного за победу при Кинбурне

1787 г. ноября 9

Александр Васильевич!

При сем посылаю к вам знаки кавалера Святого Андрея Первозванного. Возложите их на себя, вы оные заслужили верою и верностию, одержанием победы под Кинбурном, где вы во все время столь себя отличили. Я же к вам пребываю признательною и доброжелательною.

Екатерина

Фокшаны

Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину с представлением плана и описания сражения при Фокшанах

1789 г. июля 29 м. Бырлад

О сражении двух союзных корпусов императорских с турками 20-го числа настоящего месяца при речке Путне и взятии 21-го, по продолжении полевой баталии Фокшан, Вашей Светлости план со вписанием имею честь представить¹¹⁴.

Генерал Александр Суворов

Описание действий союзных войск с 16 по 29 июля, завершившихся блестящей победой при Фокшанах

16-го. Гранодерские баталионы 1, 2, 3 и 6; егерские 1, 3; мушкатерские 4 полков Ростовского и Апшеронского, от кавалерии Рязанского, Черниговского, Стародубовского по 3 эскадрона карабинер; казачьи Ивана армии подполковника и Григория Грековых, арнауты при премьер-майоре Соболевском и иных начальниках 800; при генерал-поручике и кавалере

¹¹⁴ План не обнаружен; сохранилось только описание действий союзных войск.

Дерфельдене, генерал-майорах: князе Шаховском, Познякове, бригадирах от кавалерии Бурнашеве и Вестфалене; от пехоты – Левашеве выступили из Берлада в поход пополудни в 6 часов, отошед 10 верст отдыхали 4 часа при речке Тутове, где с регулярными войсками соединился бывшей на форпостах казачей полк Ивана Грекова.

Рядовой мушкетер
второй половины XVIII в.

17-го. В 4 часа пополуночи войски дошли до речки Зелетич 15 верст, отдыхали 10 часов, выступили в поход, шли 14 верст, перешли Серет по цесарским понтонам и пополудни в 10 часов расположились при Аджуте скрытно, где соединились с союзными войсками.

18-го. Разстах, наведены понтонные мосты на речке Трутуше, от лагерей в 5 верстах.

19-го. Оба корпуса в 3 часа пополудни выступили в поход. Принц Кобург вел правую колонну, Суворов левую, в которой был цесарский полковник Карачай с его отрядом в авангарде для закрытия виду российских войск от неприятеля. Все сии марши были без сигналов; погода была больше дождливая. Отошед 15 верст, отдыхали за Карломанешты 6 час. и, паки выступя, шли до Маринешты 10 верст, где имели ночлег.

20-го. Послан был инженер-майор Воеводской, исправляющий обер-квартирмистра должность, закрыто опознать речку Путню от лагеря в 12-ти верстах с 80 казаками при старшине армии поручике Разведенкове и волонтере поручике Шкодре; не доезжая 2-х верст, повстречались с неприятельскою партией вдвое сильнее и при преследовании ею отступали тихо назад. По получении известия нашему разъезду приказано было заманивать неприятеля к лагерям ближе; на 5 верстах от оных, усмотря сблизившейся полк Ивана Грекова, казаки ударили на турков, их сбили с довольным уроном, дежурной майор Иван Курис, которому велено вести тот полк, здесь отличился и взял, обезоружа, первого пленного.

Сие было в 6 часов пополудни. Оба крыла выступили вперед, турки усилились. С нашей стороны соединился немедленно полк Григория Грекова и арнауты с майором Соболевским. Неприятеля сломили и гнали версты 2. Но Осман-паша двухбунчужной, бывшей тут с отрядом трехтысячным отборной конницы, не упоминая пехоты, которая благовременно ретировалась к Фокшанам, наших с обеих сторон дебортировал, и оные принуждены были уступить. Тогда пустился майор Кимеер с его дивизионом Барковых гусар на саблях и с помощью наших легких войск, как и цесарских арнаут, неприятель сильно изрублен и поражен, гнали несколько верст, Левенер шеволеже четыре эск[адрона] были в резерве, как потом и наши карабинеры.

Опять неприятель собрал силы и начал наступать, равным образом поразили его третий раз, опрокинули в Путню, били чрез брод до лежащего вблизи другого берега лагеря, чрез оный прогнали и зажгли. Тут обретался в передовых и майор Кимеер и с ним до 50-ти Барковых гусар. Уже была ночь, небо покрыто облаками, Путня от дождей углубилась, приспели понтоны, начат мост. Не долго работа продолжалась, турки в довольном количестве паки принудили от противного берегу небольшую часть легких войск уступить бродом на сию сторону. Полковник Карачай, стоящим на берегу баталионом Кауниц, открыл канонаду и оною, при небольшой стрельбе из ружей от легких войск, турков прогнал. Скоро пришли наши егерские баталионы, вытянув фронт по берегу Путни при понтонах, для очищения оных, а потом стали от берегу далее пушечного выстрелу по ордеру баталии и оба корпуса в 10 ч[асов] пополудни. Между тем работа наведения моста продолжалась уже спокойно и как скоро он ко окончанию приходил, перешла рота от Кауница, за которою следовало все левое крыло.

Сей день потеряли турки несколько сот человек в обширности полей, особливо множество своих чиновников. Осман-паша двубунчужной спасся, лагерь Саский взят с довольною добычью и в ночи от Фокшан главной начальник сераскир Мустафа-паша и при нем Хаджи-Сойтаре двубунчужной бежали с их надворными.

21-го. На рассвете прибыл к переправе принц Кобург с правым крылом: как часть его кареев при фельдмаршале-лейтенанте Левенере перешла на другой берег, то, не сжидаясь протчих, войски выступили вперед, шли ордером баталии и на трех верстах фельдмаршал-лейтенант Сплени вступил в линию с остальными кареями, конница шла чрез довольно глубокой брод от Путни до Фокшан прямой дорогою 12 верст. Движение линий началось около 4-х часов утра, партии турецкие оказываться стали, часть наших легких войск разноместно с ними сражалась и чинила им урон. Редко наши пушки стреляли, на 4-х вер[стах] в 7 часов утра, начал усиливаться неприятель, подъезжать ближе к линиям. Легкие войски очистили поле, артиллерия наша действовала нечто сильнее, соблюдая огонь с обеих наших боков. Они распрострились, правое крыло жестоко их отбивало канонадой и изредка на картеч. На левом крыле таким же образом чинил генерал-поручик Дерфельден с прикосновенным генералитетом; он велел кареям обойти подлежащий лес вправо, в чем соучаствовали наблюдающие ситуацию впереди инженер-майор Воеводской и разносящий

приказы в опасных местах дежурной полковник Золотухин. В сем, не иначе как маневре, карей хранили их дистанцию, подобно исправной экзерции; на центр набегали варвары слабо, задней линии не антомировали, в таком препровождении шли мы по телам турецким на 2-х вер[стах] более часу, турки со всех сторон отступили и стали пред Фокшанами линиею, конница вправо, а пехота их при земляных укреплениях влево.

Вошли мы в густой кустарник, который продолжался вер[сты] 3. Тут на походе не имели мы никакого препятствия, выиграли поле, до Фокшан вер[сты] 3; пополудни в 10 часов, усмотря в неприятеле колебание, выпустили из-за линиев легкую конницу, которая с их выезжими вступила в шармицирование, что недолго продолжалось.

Версты на 2 от Фокшан открыли они вдруг сильную пушечную пальбу из их укреплениев, наша конница дала место, карей пошли скорым шагом и вошли под выстрелы, потом шли тише, наша артиллерия отвечала реже, молчала или начинала, чтоб питать больше их напрасной огонь, но, приближась до одной версты, управлением артиллерии подполковника и кавалера Воейкова ударила на их пункты сильно и принудила почти всюду их [к] глубокому молчанию. Потом кавалерия сбита их конные толпы. Кейзер-гусары врубались в турецкую пехоту и обще часть оной прогнали за Фокшанскую черту на 1000 шагов. Под предводительством генерал-поручика Дерфельдена, левого крыла баталионы 2 и 3 гранодерские, и оба егерские с частию пехоты цесарской, пошли скорым шагом на атаку их окопов без стрельбы и, в самой близости учиня залпы, одержали оные с великою храбростию.

Часть турецкой пехоты заперлась в крепком Фокшанском монастыре Святого Самуила, внутри их земляных укреплениев, оные победительные баталионы тотчас облегли с левой стороны, к ним соединился бригадир Левашов с двумя Апшеронскими, за ними последовали прочие и то ж самое учинили цесарцы с правой под предводительством принца Кобурга; артиллерии подполковник Воейков привез большие пушки, что и союзники учинили и начали стены бить. На жестокую оборону турков отвечали наши в бойницы мелким огнем; чрез час отбиты барикадированные ворота и калитка из артиллерии и вход расширен турецким шанцовым инструментом, тут во множестве лежащим; с обеих сторон вступили внутрь стен холодным ружьем; спасшейся от побиения неприятель противился еще в церкви с четверть часа и погиб. Сим образом, по продолжении действия чрез 9 часов, в час пополудни Божию помощью победа совершилась.

Принц Кобург был в великой опасности, обретаясь близ стены при взрыве одного знатного порохового магазейна внутри монастыря, отчего взлетело на воздух множество турков и щебнем повреждены легко: генерал-майор князь Шаховской, бригадир Левашов и подполковник Хастатов, премьер-майор Тауберт, секунд-майоры Дертен, Шахов, поручики Белоглазов, Мазуров и Мишуров.

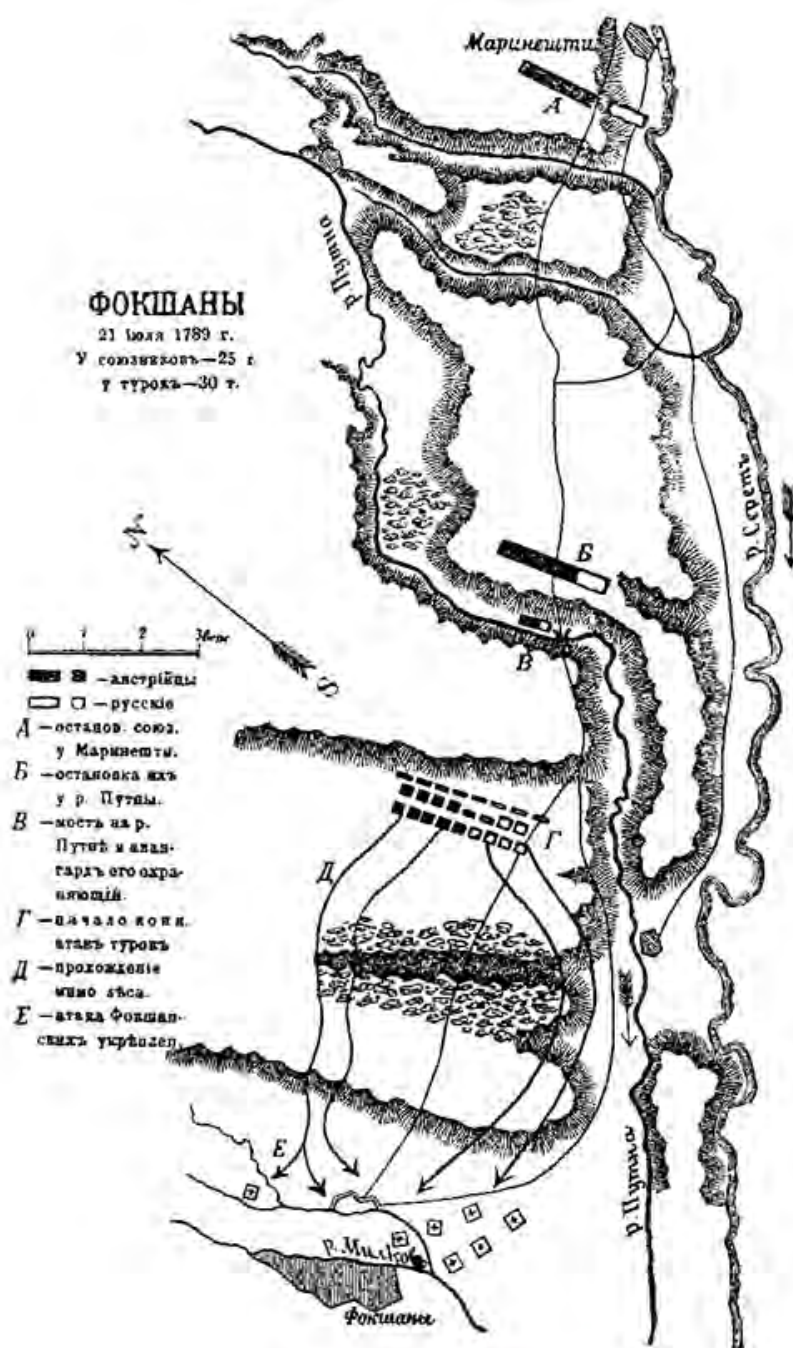
Ранены пулею не опасно бригадир Вестфален и прострелена рука артиллерией у подполковника Воейкова, саблею капитан Касаговской.

Убито у цесарцов примечательные: полковник граф Ауерсберг, майор граф Ареллий. С нашей стороны: карабинер 1, гранодер 1, мушкатер 2, егерь 1, казаков 3, арнаут 7. Всего рядовых 15; ранено: казачей старшина от армии поручик Раздоров, рядовых регулярных тяжело 6, легко 53, иррегулярных легко 7. Помощию Божию почти такой же мало нечто превосходящей незнатной урон и цесарцов.

неприятеля, отбил две пушки; Стародубовского карабинерного полку поручиков Соболевского и Буку, который срубил одного бим-башу, арнаутских капитанов Диму Русовича, Танасия Великовича и Яна Самарина.

Господин генерал-поручик и кавалер фон Дерфельден рекомендует бывших при нем и во всех опасностях относивших приказания его полков: Черниговского карабинерного ротмистра Дерфельдена и Смоленского пехотного капитана Людвиг Бриземана фон-Неттиха, да особо находившиеся при мне сначала и по окончания дела дежурные: полковник Золотухин и майор Курис были неустрашимы и приказания мои относили с точностию во все опаснейшие места. Их особливим попечением столь нужная переправа на Путне для обеих союзных корпусов без малейшего медления устроена была. Рязанского карабинерного полковник Григорий Шрейдер по знанию его порученное дело отправлял, соблюдая союзников с нашими войсками в дистанции, и инженер-майор Воеводской, сверх должности его, мне во всех случаях нужен был, отправляя со всякою расторопностию мои повеления. Смоленского пехотного подполковник граф Федор Апраксин, премьер-майоры: Апшеронского Бер, Стародубского карабинерного Томатис и корнет Унтилий, волонтер – поручик Шкодра, Рязанского карабинерного полковой квартирмейстер Вавила Бурнашев и корнет Василей Марков были в продолжение действий весьма мне полезны, а особливо поручик Шкодра и корнет Унтилий, доставлявшие сведения о неприятеле, разъезжая впереди по возвышенным местам. Дивизионной квартирмейстер Ракоций должность свою с отличностию отправляя, весьма удобно войско провел; инженер-майор Воеводской рекомендует находящегося при нем второклассного кондуктора Михаила Новгородцова в исправности и расторопности поручаемого дела и что он ему во всех случаях много способствовал; Стародубовского карабинерного полку вахмистр Иван Нидермейер, бывший у меня на ординарции, выехав против наездников, продолжал отличные действия.

Оба корпуса отдыхали на месте баталии, принц Кобург с цесарскими войсками остался под Фокшанами.

Расположение войск в сражении при Фокшанах

22-го российские войски выступили рано в обратной поход, марш до Путни 12 верст. Приняты меры для наведения моста понтонного под деревнею Фурчени чрез реку Серет, дабы оттуда переходить реку Берлад при Текуче.

23-го от великих дождей, при наведении понтонов, река Серет так разлилась, что потопила лежащей на середине остров, отчего та переправа и ближние к ней учинились вовсе неудобными; надлежало поход переменить на Аджут. Прибыли войски к Маринешты, от Путни 12 верст, понтоны отправлены вперед, по отдыхе следовали до Карламонешт 10 верст и паки по отдыхе, 10 верст до речки Тротуш.

24-го туда прибыв поутру, нашли сию быструю речку разлившеюся умножением вод от

дождей; по понтонам, тягостям в волнении ее следовать было невозможно, чего ради определено переходить 4-му гранод[ерскому] и 2-му егер[скому] бат[альонам] и маршируя до Серету 5 верст, переправляться на паромах. То ж всем легким войскам чрез Тротуш, а чрез Серет по тихости его вплавь; потом следовать карабинерам и переправляться на паромах как пехоте. Всем тягостям, обозам и 4-м баталионам мушкатер оставаться на Тротуше, доколе понтонной мост на ней утверждён и чрез Серет наведен будет, причём остался генерал-поручик.

25-го пехота возвратилась под местечко Берлад. Легкие войски на их кордоны в прежние пункты.

26-го прибыли под Берлад карабинерные эскадроны, где и расположились.

29-го то ж тягости и обозы и остальные мушкатерские баталионы.

Генерал Александр Суворов

Письмо А. В. Суворова Г. А. Потемкину с приложением копии письма австрийского императора

1789 г. августа 13 Форпост Карабчешти в стороне Бырлада

Светлейший князь, милостивый государь!

Вашей Светлости прилагаю копии¹¹⁵. Поруча себя в Вашу милость, буду всегда с глубочайшим почтением, Светлейший князь, милостивый государь!

Вашей Светлости нижайший слуга Александр Суворов

¹¹⁵ К документу были приложены: копия письма принца Кобурга на французском языке, в котором тот сообщал о полученных наградах за победу под Фокшанами, и письмо австрийского императора (см. далее). До победы под Фокшанами австрийское правительство собиралось заключить сепаратный мир с Турцией. Победа помешала этому, австрийский император вынужден был благодарить союзного генерала.

Победа при Фокшанах: встреча Суворова с принцем Кобургским

Письмо австрийского императора Иосифа II А. В. Суворову с благодарностью за победу при Фокшанах

1789 г. августа 13 г. Лаксенбург

С чрезвычайным удовольствием получил Я ваше, господин генерал-аншеф, письмо и видел из оногo славною победу, которую войски Ее Императорского Величества под вашею командою вместе с моими, команды принца Кобурга, при Фокшанах одержали. Принц Кобург не может довольно нахвалиться благоразумною и храброю помощию вашею и всего вашего корпуса. Сим Я вам чрезвычайно обязан и прошу вас также командующему господину генерал-фельдмаршалу князю Григорью Александровичу Потемкину-Таврическому от Моего Имяни засвидетельствовать Мою благодарность за возложенное на вас ревностное содействие. Желал бы Я более иметь случаев, чтоб доказать Ее Императорскому Величеству беспредельную союзническую верность и деятельное пособие. Впрочем, господин генерал-аншеф, будьте уверены в Моем совершенном почтении, которое ваши многократно уже оказанные геройские подвиги заслуживают.

Рапорт А. В. Суворова Н. В. Репнину о показаниях шпионов

1789 г. августа 19 м. Бырлад

Показание трех вышедших из-за Дуная здешних жителей села Ганцешти и при сем из них одного отправляю, також и другое, двух шпионов, посыланных в Браилов, кои между

протчим показывают, что ныне с визирем 30 000 войска¹¹⁶. Сие против прежних показаний хотя бы и сумнительным казалось, однако следует к воинским предосторожностям. Оные шпионы в верность доставили с Браилова несколько апельсинов.

Генерал Александр Суворов

Рымник

Рапорт А. В. Суворова Н. В. Репнину о победе при Рымнике

1789 г. сентября 11 Рымник, место сражения

По жестоком сражении чрез целый день союзными войсками побит визирь! 8 000¹¹⁷ на месте: несколько сот пленных, взят обоз, множество военной аммуниции, [сч]етных 48 пушек и мортир¹¹⁸. Наш урон мал. Варвары были вчетверо сильнее.

Реляция А. В. Суворова Г. А. Потемкину о сражении при реке Рымник

1789 г. сентября 11¹¹⁹

Реляция генеральной баталии и одержанной совершенной победы соединенными корпусами союзных императорских войск под предводительством генералов Александра Суворова и принца Кобурга в числе 18 000 над главною турецкою армиею под командою верховного визиря Гассан-паши, двух трехбунчужных и двух двухбунчужных с протчими пашами, состоявшею из 90 до 100 000 человек, оконченною при речке Рымнике сентября 11-го дня 1789 года

Сего месяца 6-го числа в ночи получил я письмо от принца Кобурга, в котором уведомляет, что великий визирь с многочисленным войском от стороны Браилова переправился чрез реку Бузео и стал лагерем при деревне Градешти, что он ждет от его нападения, и я бы не медлил ни часу для соединения с ним корпуса команды моей. Чрез сутки другое письмо равного содержания с прибавлением, что визирь лагерь свой перенес вперед 4 часа и расположился при Мартынешти, лежащей от его 4-же часа, и что он на завтра ожидает от него атаки.

Соображая сии обстоятельства, не можно было медлить. Я выступил в полночь на 8-е число из-под Пуцени с баталионами: с двумя егерскими, четырьмя гранодерскими, четырьмя мушкатерскими и легким, сформированным из мушкетер, на шесть кареев в две линии, при них: в 1-й генерал-майор и кавалер Позняков, во 2-й бригадир Вестфален, – на сей случай дела прикомандированной [с] 12-ю карабинерными эскадронами, – при сих бригадир Бурнашов, протчей генералитет за болезнь остался назад¹²⁰; двумя казачьими полками и арнаутами, как явствует на плане ордера баталии.

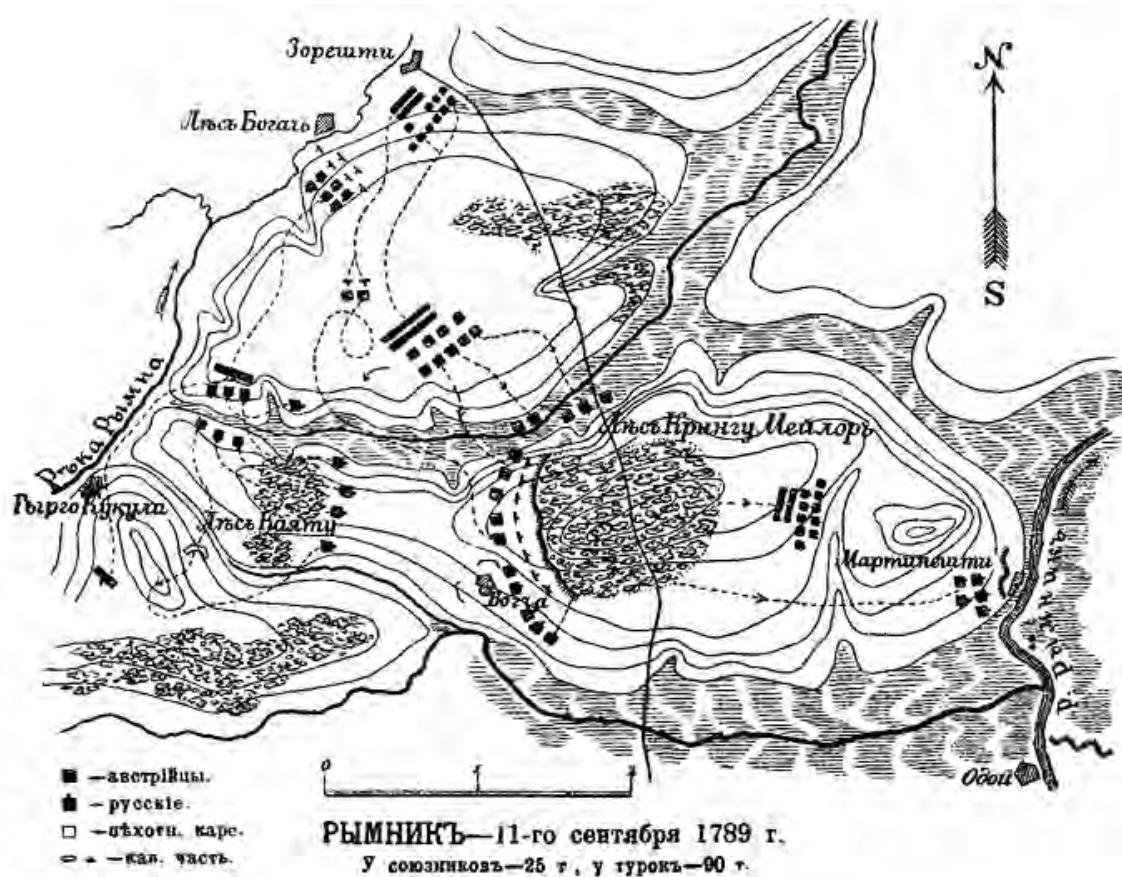
¹¹⁶ Один только отряд Гассан-паши насчитывал 30 000 человек.

¹¹⁷ По другим источникам – 5000.

¹¹⁸ По другим источникам – 78 пушек.

¹¹⁹ Была отправлена Потемкину 19 сентября.

¹²⁰ Суворов имел в виду некоторых старших генералов, в том числе Дерфельдена, который был в это время серьезно болен.

Расположение войск в сражении при Рымнике

Войски перешли реку Берлад по мосту при Текуче, обратились против Никорешт к цесарским понтонным мостам, которые инде ниже не могли поставлены быть за разлитием Серета. Погода была ясная, как вдруг пал великой дождь с бурей, отчего наводнилось до непроходимости местоположение к понтонам на 5 ве[рст]; кроме легких войск, перешедших чрез мост, протчие остановились за болотом. Чрез 12 часов оные загачены трудами определенного мною дежур-майора Куриса, с придачею понтонных лошадей от цесарского капитана Гогенбрук для главной артиллерии. Корпус благополучно перешел Серет, следовал чрез Путню и соединился близ Фокшан при речке Милкове с цесарскими войсками 10-го числа в 10 часов утра, где получил достаточные провизии от принца Кобурга, и я тотчас впереди рекогносировал.

Прямо итти чрез речку Рымну по крутизне ее берегов и в виду неприятельского лагеря было неудобно, надлежало переправляться чрез ее ниже сего пункта. Я предводил правую колонну и к ней прибавлены от принца Кобурга два дивизиона кейзер и Баркова гусар под команду подполковника барона Гревена и майора Матешовского; левая колонна была под предводительством принца Кобурга еще ниже меня. В сем порядке того ж 10-го числа, по закате солнца, выступили мы в поход, переходили Мильков вброд и по портативам¹²¹. Ночь была приятная, небо украшено звездами, шли в великой тихости. Приспели к Рымне, где попечением инженер-майора Воеводского, отправляющего обер-квартирмейстерскую должность, основана удобная переправа. Крутизну берегов Рымны исправили поспешно шанцовым инструментом; шли вброд на две части: пехота вправо, кавалерия влево. Кончили

¹²¹ Переносные пешеходные мостки.

переправу на рассвете.

Тотчас на противном берегу построил я мой ордер-баталии фронт на юг. Корпус пошел на атаку. 7 вер[ст] против нас, и при деревне Тыргокуколи, стояло турецкое войско лагерем на высотах в выгодном месте в числе 12 000 под командою двубунчужного паши Гаджи-Сойтари. Марш был густым высоким бурьяном и кукурузными полями, нечто на возвышенность, и скоро начался с их партиями шермицель. Пришед в дистанцию, их пушки открыли первой огонь, чему наши соответствовали. Сблизась, первая линия начала наступать прямо на их батарею, но встретившаяся под ними дефиле много задержала ее, франшировавши в порядке. Неприятель имел время с половиною его войска при большой части обозов взять бег по дороге к местечку Рымнику, другою половиною из конницы и пеших ударил на каре правого фланга 1-й линии 2-го и 3-го гранодерских баталионов команды подполковника Хастатова и его утеснил. Храброй отпор оного и крестные огни егерского в центре карея команды подполковника Рарога, паче картечами, как из ружей и штыками чрез полчаса турков опровергли с великим уроном. Бригадир Бурнашов с эскадронами в резерве Рязанскими и Стародубовскими, тож дивизионом кейзер гусар при майоре Матешовском врубился в него. Примечания достойно: вахмистр Канатов Рязанского полку с своим взводом оторвал целый байрак в 40 человеках, весь изрубил, сам взял первое знамя. Между тем легкие войски, завоевавшие неприятельской лагерь, возвратились к кареям и, вкупе с карабинерами, армии подполковник Иван и донской полковник Григорий Грековы с их полками, как и арнауты, при майоре Соболевском, скололи и поразили множество неверных. Они рассыпались за лежащей под Тыргокуколей лес к стороне речки Рымника; часть, бежавшая по букорештской дороге на местечко Рымник, пред сим за сутки к Тыргокуколи, оттуда прибыла, собравшись тамо из разбитых после сражения при Фокшанах. Я велел ей дать золотой мост¹²², дирекция моя была важнее сего.

Принц Кобург имел путь подалее, выстроил его кареи и линии, перешед Рымну на ее берегу нечто позже меня, отчего после вышел род исходящего прямоугольника с интервалом. Сей нечаянный ордер по ситуации нам после весьма к победе был благопоспешен. Едва принц Кобург построился, как 20 000 турков распрострились по его фронту и напали сильно на оба его крыла. Очевидна нам была храбрость сих цесарских войск и непрестанная врубка их кавалерии в неприятеля.

В то же самое время от Мартынешти из главного турецкого лагеря при речке Рымнике от 5 до 6 тысяч человек быстро насккали на Смоленское каре при полковнике Владычине. Я послал полковника Шрейдера, чтобы Ростовской каре полковник Шерснев, той же 2-й линии, принял вправо, сблизась косою чертою для крестных огней. При сильном наступлении неприятель от пальбы и штыков знатно погибал. Полковник Поливанов с Черниговским полком и Гревенов дивизион Барковых гусар три раза в него врубались. Стародубовской полк был тамо в резерве в своем месте.

Здесь сражение продолжалось целой час с непрерывным огнем, но в войсках принца Кобурга более двух. Неприятель, очевидно, возростал, наконец уступил мужеству, покрывши окружность полей его мертвыми телами.

Сии отважные покушения были от турецкой конницы, которая иногда частью спешивалась, паче от посаженных на конь янычар и арапов, коих в армии их было несколько тысяч. Против полден бывшие в атаке турки обоюдно отступили вер[сты] 3 пред нашим фронтом к лесу Крынгу-Мейлор, где обреталось пеших 15 000 янычар и имели там ретраншамент недоконченной. Мы одержали место сражения. Я выстроил линии, собрал распростертые кареи в их дистанцию, фронт на восток, и отдыхал с войском более получасу в поле при колодезях.

¹²² В те времена преследование неприятеля после одержанной победы не считалось необходимым, говорили, что надо «строить отступающему золотой мост». Суворов, в целом, был противником этой практики и считал нужными довершать победу неотступным преследованием неприятеля, но в данном случае отступил от своего правила по указанной причине.

Уже принц Кобург был паки сильно атакован многолюднейшим прежнего числом 40 000 конных турков, паче его левое крыло со всех сторон тесно окружили. Конница его врубалась несколько раз, пред фронтом моим шармицель обновился. Я поднялся с войском и, отбивая канонадой держал марш параллельной вдоль черты принца Кобурга. Неприятель открыл свои батареи, под сими мы всходили на пологое возвышение и стремились ими овладеть, но пушки увозимы были от нас два раза назад. По 3-х верстах марша виден нам стал ретраншамент под лесом Крынгу-Мейлор. Тотчас я приказал карабинерам и на их флангах гусарам стать среди кареев 1-й линии и сим дать интервал. Легкие войски заняли крылья и в сию линию кавалерии присоединились влево, протчие дивизионы гусар принца Кобурга, за нею Левенер шеволеже сочинили резерв. Происходило то на полном марше. Тогда я послал дежурного полковника Золотухина просить принца Кобурга, чтоб приказал его кареям бить сильно вперед, что сей герой тотчас в действие произвел. С крыл кавалерии, от наших кареев, как от прилежащих цесарских, учинили из орудиев в лес и ретраншамент жестокие залпы, и турецкие пушки умолкли. Пострадавшее несказанно нашею пальбою их множественное войско, пехота и конница пришло в колебание и начало уступать в лес. Я велел атаковать.

За взятие Суворовым города Туртукая без ведома и воли главного начальника отдан был он фельдмаршалом Румянцовым под суд. Вот как выразился об этом событии сам Суворов: «Рим меня бы казнил. Военная коллегия поднесла доклад, в котором секретарь коллегии не выпустил ни одного закона на мою погибель. Но милосердие Великой меня спасает. Екатерина пишет: «Победителя судить не должно». Я опять в армии на служение моей Спасительнице».

Сия пространная страшная линия, мещущая непрерывно с ее крыл из кареев крестные смертоносные перуны, приблизившись к их пунктам сажень до 400, пустилась быстро в атаку. Не можно довольно описать сего приятного зрелища, как наша кавалерия перескочила их невозвышенной ретраншамент и первой полк Стародубовский, при его храбром полковнике Миклашевском, врубаясь одержал начальные четыре орудия и нещетно неверных даже в самом лесу рубили всюду. Мало пленных, пощады не давали, и хотя их несколько сот, но большая часть смертельно раненых. Выгнали из лесу сии многолюдные густые толпы бусурман; пехота стреляла их картечами и ближе других егерское каре при полковнике Рароге. Распущенные егери в лесу многих перестреляли. Здесь обращался ближе других храброй генерал-майор Карачай, при нем каре Кауниц и 1-го и 6-го гранодерских баталионов каре; полковник Бардаков, который внутри леса при действии холодным ружьем отбил у неприятеля две пушки. От легких войск погибли, при протчих, довольно пионеров, кои, продолжая работу (среди действия) окопа, уйти не успели. Вся та линия в редком мужестве сама себя превзошла.

Сия сильная часть, или правое крыло турецкой армии, дерзновеннее второй, но меньшей части, изгнанная из леса, бежала на их главной лагерь при речке Рымнике, от места б ве[рст], куда вторая, или левое крыло, взяло уже перед. Кареи, эскадроны и легкие войски обратили их дирекцию на юг, за неверными в погоню. Кауниц каре был с нашими кареями впереди, как и генерал-майор Карачай; полковник Поливанов с Черниговским полком

оторвал янычар человек 500 и всех на месте положил. Барона Греше на Барков дивизион в дальней погоне изрубил их 300, подобно тому известной подполковник Кимеер, своим дивизионом то же учинил. Многие войски, пользуясь случаем, равно поступали; не токмо казаки в сей знаменитой день, но и арнауты поражением со всех сторон варваров несказанно себя отличили. Как частно, так и лично каждой своего противника в смерть поражал.

Погода была приятная. Солнечные лучи сияли во весь сей день, оно было близ его захождения. Мы прервали погоню на Рымницкой черте. Речку сию увидели загроуженную тысячами аммуничных и иных повозок и утопшими сотнями трупов¹²³ и скотины.

Во время баталии Верховной визирь особою своею под лесом Крынгу-Мейлор обретался. Когда оттуда изгнали его войско, поехал он на рымницкой лагерь и, останавливаясь неоднократно, при молитве возвышал алкоран и увещевал им бегущих сражение обновить, но они его слушать не хотели, отвечая, что стоять не могут. По прибытии его в лагерь, учинил он на своих выстрелов пушечных до 10 без успеха и после того поспешно отъехал по Браиловской дороге.

Неприятеля на месте убито более 5000. Знаки победы: 100 знамен, мортир 6, пушек осадных 7, полевых и не ниже 3-х фунтовых 67 с их ящиками и аммуничными фурами, несколько тысяч повозок с припасами и вещьми, множество лошадей, буйволов, верблюдов, мулов и иной разной добычи и от трех лагерьей палатки.

По окончании победы войски отдыхали на месте баталии спокойно. Брошенные аммуничные повозки наносили нам разноместно опасности, турки на бегу успевали к ним покладывать фитиль, отчего их непрестанно рвало.

Великой визирь имел свой особой лагерь, за Рымником версты 4. На рассвете другого дни легкие партии, открывши к речке Бузео верст до 20, оный себе сняли, получили разную добычь и убили довольно около его запавших. Тут имели турки знатное число провианта в разных местах, но те магазейны они при их уходе сами сожгли.

Рассеянных, кроющихся в лесах и по полям, было весьма много. Принц Кобург послал Кауницов баталион к лесу Крынгу-Мейлор, где их много погибло, так что застреливали в лесу на деревьях; гусары и протчие легкие войски по терновникам и бурьянам многих побиили, всюду сих отчаянных после баталии до 2000 истреблено.

Армия турецкая бежала до речки Бузео. Достигши оной в разлитии ее, великой визирь с передовыми переехал мост на правой берег и его поднял. Турецкая конница от трепета бросилась вplashь и тысячами тонула. Оставшая на левом берегу конница и пехота рассеялись во все стороны без остатку; ушедшие обозы с вещьми, припасами и под ними скотом, разграблены волосками¹²⁴ поселянами. На сем берегу лежало множество раненых, умерших и умирающих. Визирь ныне в Браилове. Смерть пожрала из армии его 10 000 человек.

Наш урон простирается – убитых: карабинер 9, квартирмейстер 1, пехотных мушкатер 7, гранодер 6, старшей сержант 1, подпрапорщик 1, егерских баталионов сержант 1, егерей 4, казачьих полков старшина от армии капитан Федоров 1, казаков 5, арнаутских капитанов 2, арнаут 7, а всего 45 человек. Ранено тяжело: от карабинерных полков ротмистр фон Шрейтерфельд 1, рядовых 13, пехотных гранодерских баталионов капитан Людвиг 1, гранодер 2, егерей 11, канонир 1; легко: карабинер 40, мушкатер 3, гранодерских баталионов унтер-офицер 1, гранодер 34, егерей 11, каптенармус 1, казаков 14 – итого ранено тяжело 29, легко 104 человека. Цесарской урон немногим превосходнее нашего.

В продолжение дела оказывали храбрые и мужественные подвиги генерал-майор и кавалер Позняков, не совершенно от болезни выздоровевшей, исполнял всякие распоряжения не щадя своих последних сил; бригадиры Бурнашов и Вестфален; сии, – имея

¹²³ Другое возможное прочтение – турков.

¹²⁴ Правильно: волошскими, или валахскими.

свои линии, особливо успевали поражая неприятеля; полковники от кавалерии Юрий Поливанов, Михаила Миклашевский и Григорий Шрейдер, из коих Миклашевский особливо оказал мужество, атакуя противников, а не меньше того и Поливанов. Шрейдер соблюдал связь левого крыла наших кареев с цесарскими и был с великою храбростью в атаке ретраншаментов при Стародубовском полку; мушкатерских – Иван Шерснев, Иван Владычин, сей при атаке его карея дал мужественный отпор, а первой, пройдя труднейшие дифелеи, весьма успел отбить неприятеля, поражая его повсеместно. Карейные командиры – полковник Петр Бардаков – оказали свою храбрость в поражении неприятеля при вшествии в лес, подполковники Аким Хастатов, Лев Рарог, успевая во все стороны к действиям, особливо показали твердость духа и храбрость; баталионные командиры сформированного легкого от мушкатерских полков, подполковник граф Апраксин, гранодерских – подполковники: 1-го – князь Щербатов, 6-го – Федор Бем, майоры: 2-го – премьер и кавалер Христофор Лангут, 3-го – секунд Роман Цеге фон Мантейфель, егерских: 1-го – премьер и кавалер Карл Будберх, 3-го – секунд Иван Карпущенко были неустрашимы и отличны, особливо князь Александр Щербатов, находясь всегда впереди с стрелками, довольно оказал свое мужество, а майор Мантейфель, сверх всего, при сильной и первой атаке, отражая неприятеля, давал пример своим подчиненным; артиллерии майор Яков Гельвих действовал столь отлично, что при каждом разе неприятелю делал сильной вред, таким же образом и артиллерии капитан Неронов, донских полков полковники, от армии подполковник Иван и Григорий Грековы, везде поражая противников с великою отличию, оказывали собой пример подчиненным; при арнаутах майор Соболевский, равно всюду мужественно содействовал. Сии начальники, отдавая справедливость подчиненным своим, рекомендуют о храбрых и неустрашимых подвигах оных, о которых при сем следует список¹²⁵.

Да особо находившиеся при мне с начала и до окончания дела приказании мои относили в опаснейшие места и нужны были в исправлении разных препорученностей дежурные полковник Золотухин и майор Курис. Сей, во время последней атаки Черниговского полку, был в рядах и поступал храбро; инженер майор Воеводский сверх должности его везде мне способствовал и при всяком случае довольно оказывал опыты усердия своего. Стародубовского карабинерного полку подполковник Томатис, премьер-майоры: Степан Ширяй и Апшеронского Крестьян Бер употребляемы были в нужнейшие исправления и посылки и оные исполняли по всей лучшей возможности, будучи непрерывно в жестоком огне. Таким же образом были полезны мне Фанагорийского гранодерского капитан Мартин Лалаев, штаба моего обер-аудитор Андрей Сомов, Рязанского карабинерного корнет Василий Марков, поручики Смоленского Михаила Семенов и Иван Дорохов, который по знанию своему при обер-квартирмистре особо нужен был; Стародубовского корнет Унтилий, да волентир поручик Дмитрий Шкодра, сии два смело открывали неприятеля и известия приносили; секунд майор Шультен Рязанского карабинерного полку, бывши в должности дивизионного квартирмистра, за болезнь оною, сию порученность отменно исправлял и был неустрашим.

Генерал Александр Суворов

¹²⁵ Список не публикуется.

**Орден Святого Георгия 1 класса
со звездой и лентой**

Рескрипт Екатерины II А. В. Суворову о награждении его орденом св. Георгия I-го класса за победу при Рымнике

1789 г. октября 18 С.-Петербург

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая.

Нашему генералу графу Суворову-Рымникскому¹²⁶.

Особливое усердие, которым долговременная служба ваша была сопровождаема, радение и точность в исполнении предположений главного начальства, неутомимость в трудах, предприимчивость, превосходное искусство и отличное мужество во всяком случае, наипаче же при атаке многочисленных турецких сил, верховным визирем предводимых, в

¹²⁶ 15 октября Суворову за эту победу был присвоен титул графа с именованием Рымникский и от австрийского императора титул графа Священной Римской империи.

11-й день сентября на реке Рымнике оказанное, где вы с войсками Нашими и с корпусом союзника Нашего, Его Величества Императора Римского под командою принца Саксен-Кобургского находящимся, совершенную над неприятелем одержали победу, приобретают вам особое Наше Монаршее благоволение. В изъяснение оно, Мы, на основании установления о военном ордене нашего Святого Великомученика и Победоносца Георгия, пожаловали вас кавалером того ордена Большого Креста первого класса, которого знаки при сем доставляя, повелеваем вам возложить на себя. Удостоверены Мы совершенно, что таковое отличие будет вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей, Нам благоугодной.

Екатерина

Измаил

Диспозиция А. В. Суворова к штурму Измаила

[Декабрь 1790 г.]

Когда через трубача послано будет письмо о сдаче крепости через 24 часа, того же дня в вечеру начнется работа и в ночь оканчивается.

Декабря 8-го дня, пополудни в 6 часов, открывается работа против правого и левого флангов крепости деланием 4-х батарей, каждую на 10 орудий полевой артиллерии, и от них коммуникационные линии. Для чего наряжаются в работу 1000 человек, полагая на две смены по 500 человек, коим иметь должно 500 лопаток, 150 кирок, 50 топоров, 20 толкушек и 250 мешков. К построению каждой батареи потребно иметь по 250 туров и по 250 фаши и по 450 фашиных кольев. При строении батареи полагается в резерв по батальону за каждую батарею в 15 шагах, лежа кареями с полковыми орудиями, которым батальоном выставить каждому перед работою в 16 шагах по два пикета, на всяком по 30 человек, и от них впереди в 30 шагах расставить по 4 двойных часовых, расстоянием между собою в 50 шагах. Сверх того впереди пехотной иметь должно конную цепь козаков, и для того учредить на обеих местах при двух батареях, с правого и левого флангов и в середине между батареей, всего три козачьих пикета, на каждом по 21 человеку, дабы расставить по 3 двойных часовых между собою в 300-х, а от пехотной цепи в 50 шагах, при том еще иметь должно конные резервы, позади кареев в 200 шагах, на правом фланге работы, против Валеброски к берегу; 300 козаков против карейных интервалов, 2 эскадрона Северских карабинер на левом фланге, от батарей в 200 шагах 2 эскадрона гусар. Оные эскадроны и козаки посылают от себя справа и слева к крепости разъезды. Против новой крепости 3 конные резерва состоять должны каждый из 300 козаков; они также от себя вправо и влево посылают разъезды.

Число на день. – Для защищения произведенной ночью работы оставить на батареях по батальону, а конные резервы отступают назад, в полверсты, остановась на низших скрытых местах; дальние же пехотные остаются на своих местах.

Ежели во время переговора с противной стороны будут вылазки, то оныя резервам отбивать.

Затем, от работы к стороне лагеря в 230 сажнях к каждым 2-м батареям, против их середины, в резерв по два батальона с их орудиями, лежа кареями.

Когда с крепости на работы производиться будут выстрелы, то для помешательства открыть с острова с фланговых батарей канонаду по тем бастионам, кои лежат против работы; также и днем, по открытии канонады с крепости, отвечать канонадою с острова. При вылазке рабочие батальоны строятся позади резервов кареями.

Вторая ночь. – Таким же числом работников, работа всех 4 батарей и коммуникационных линий окончатся, дабы к рассвету, по данному сигналу, открыть со всех батарей и из судов канонаду, которая продолжится 6 часов. Как пехотные, так и конные

резервы на сию ночь наряжаются по прежнему в те же места.

Число на день. – В 6 часов по утру пехотные резервы, сменясь, остаются позади батарей, лежа кареями, и конные также после смены остаются позади в прежних местах. Рабочие идут в лагерь.

В третью ночь. – В 12 часов пополудни, то есть в полночь, открывается паки сильная канонада, во время которой в 2 часа пополуночи, подвинутся 8 бомбандирских судов на самую ближнюю дистанцию к каменной батарее. На сих судах 8 трехпудовых гаубиц и 8 двухпудовых единорогов будут беспрерывно стрелять горизонтально по оной батарее по полисаду и совокупно с батареею будут анфилировать два полигона и куртину.

Пальба сих судов и сухопутных всех батарей будет продолжаться беспрерывно до самого утра 6-ти часов ядрами, а пустыми выстрелами до самого рассвета.

На сию ночь, в резерве, при батареях, как пехотные, так и конные остаются по прежнему на своих местах.

Порядок штурма. – За два часа перед рассветом по данному сигналу ракетой, войска, расположенные на лодках и гребных судах числом 8000, подвинутся в одно время к противному берегу с обоих флангов, то есть, с левого фланга крепости запорожские лодки, дубы и паромы, подняв на себя 1500 козаков, 3500 регулярного войска. Предмет сей высадки занимает берег, кавалиер и куртину нового укрепления. С правого фланга на паромах, шлюбках, баркасах, частырмах и на маленьких лансонах 3000 регулярного войска, которые вышел, занимают берег старой крепости. В то же самое время 4 колонны регулярного и одна иррегулярного войска идут к штурму на крепость.

Атака трех колонн правого фланга, под командою г-на генерал-поручика и кавалера Павла Сергеевича Потемкина – 1-я колонна, под командою г-на генерал-майора и кавалера Львова; над стрелками и передовым егерским баталионом полковник князь Дмитрий Лобанов-Ростовской.

Впереди находиться будут 150 Апшеронских стрелков с их начальниками, имея 75 фашин семифутовых на случай надобности для перехода через Валеброска ручья. За ними 50 человек рабочих, из коих 30 с топорами для срубления полисадов, 10 с лопатками, 7 с кирками, а 3 с ломами; за коими 1 батальон Белорусской Егерской, 1, 3, 4 Фанагорийского гранодерского полку, за ними резерв в каре Фанагорийский 2-й баталион. Сия колонна следует, дойдя берегом Дуная, чрез устье Броска, выломавши полисадник между каменною батареею и берега, поспевают в тыл на оную батарею и на куртину к первому бастиону.

2-я Колонна, под командою г-на генерал-майора и кавалера Лассия, составленная из 4 батальонов Екатеринославскаго Егерскаго корпуса; за ними резерв в каре один Белорусской Егерской батальон. Впереди оной колонны: 128 стрелков с их начальниками, за ними 50 человек рабочих, из коих 30 с топорами, 10 с кирками и 10 с лопатками; по флангам у рабочих нести восемь трехсаженных лестниц, потом 300 семифутовых фашин для наполнения ими рва по длине в две фашины, дабы по них спуститься в восемь рядов. Сия колонна, перешед прямо Валиброска, идет на куртину к воротам крепости; приставя лестницы, всходит на вал, принимая влево до Хотинских ворот, поражая противников штыками, за коей последует и первая колонна.

3-я колонна, под командою г-на генерал-майора и кавалера Мекноба, составленная из 3-х батальонов Лифляндского Егерского корпуса; за ними резерв в каре два батальона Троицкие мушкатерские. Перед колонною идут то же число стрелков с их начальниками и рабочие с инструментом, по флангам которых нести восемь четырехсаженных лестниц, 500 семифутовых фашин для наполнения рва по длине в две фашины, дабы по них спуститься в 8 рядов. Сия колонна, спустясь в ров, приставя лестницы, по коим поспешает взойти на куртину к Хотинским воротам, а взойдя на вал, занимает влево до туров, отделяющих по лощине старую от новой крепости.

Атака двух колонн левого фланга, под командою г-на генерал-поручика и кавалера Александр Николаевича Самойлова.

4-я колонна, под командою г-на генерал-майора и кавалера графа Безбородки,

иррегулярных войск командир г. бригадир и кавалер Платов. Четвертая колонна составленная из иррегулярного войска Донских козаков и арнаутов до 5000; за ними резерв в каре мушкатерской Полотской 2-й батальон. Перед колонною идут 50 человек с топорами, кирками и лопатками по ложине между старой и новой крепостью, и срубивши палисадник, расчищают вход в крепость; а взошедши, принимают на право по турам кавалиера в помощь высадки с флотилии; а тысяча задних на лево по бастионам и куртинам новой крепости.

5-я колонна, под командою г-на генерал-майора и кавалера Кутузова, составленная из трех батальонов Бугского Егерского корпуса; за ними резерв в каре Полотской мушкатерской первой батальон. Перед колонною идут то же число стрелков и работников с инструментом с их начальниками; по флангам оных несут восемь четырехсаженных лестниц, потом 600 семифутовых фашинов для наполнения ими рва, клавши по длине в две фашины, дабы по ним опуститься в восемь рядов; приставя лестницы, всходят на куртину к Килийским воротам, а взойдя, принимают первые два батальона на право, а последние на лево по валу новой крепости.

Наблюдать время приближения команд к назначенным им пунктам, то есть, лучше за полтора часа перед рассветом находиться близ рва крепости. Между тем вся флотилия, имея на судах 2000 войска, растянется вдоль реки, и в 20 саженьях от противного берега становится на якорь. В такой позиции стоя, очищает берег картечью, будучи в готовности для резерву штурмующим.

Всему войску наистрожайше запрещается, взошед на вал, никому внутрь города отнюдь не бросаться, но быть в порядке стоя на крепости до повеления от начальства.

Против крепостных ворот Хотинских, Бендерских и Броских далее от крепости картечного выстрела иметь три резерва, в каждом по 2 эскадрона карабинер и гусар, под командою г-на бригадира и кавалера Вестфалена; за ними между интервалами три полка под командою г-на бригадира и кавалера Орлова; а против Килийских ворот иметь также в резерве один Донской Козачий полк.

Во время штурма оставить при лагере со всех резервных батальонов с каждого по 100 человек. Всем резервам, находившимся за колоннами, не прежде входить в крепость, как когда уже отворены будут передними стрелками и рабочими крепостные ворота; и вошед в крепость, построить фронт на эспланаде, то есть, между вала и строения, перед своею колонною. Стрелкам надлежит искать под бастионами, нет ли каземат или пороховых погребов; нашедши, учредить караул, дабы не допустить противникам зажечь.

По овладении всего крепостного вала и окончании дела занимать площади и пристойные места от каждой колонны на первой раз по одному батальону, и кому ближе пороховой магазейн, при красной мечете находящийся, занять большим караулом. На бастионах же и батареях, как и при воротах, учредить пристойные караулы, коим если б случилось, что легкая пехота войдет в город прежде овладения всего вала, крайне беречься, чтобы нигде не зажечь, не сделать пожару, дабы от того не претерпеть крайнего вреда взорванием каких скрытых магазейнов с порохом и с снарядами.

Христиан и обезоруженных отнюдь не лишать жизни, разумейя то же о всех женщинах и детях.

На флотилии, под командою г-на генерал-майора и кавалера де Рибаса, имеет быть регулярного войска за исключением нерегулярных, а именно:

Егерских корпусов: один батальон Лифляндского, один батальон Бугского, два батальона Белорусского. Гранодерские два батальона Херсонские, два батальона приморские Николаевские, один батальон Алексапольской мушкатерской, два батальона летучие; из них находящиеся ныне в лагере оставленными, туда быть должны за сутки перед штурмом.

Сверх того г. генерал-майор Арсеньев, гвардии Преображенского полку секунд-майор и кавалер Марков, бригадир и кавалер Чепега, полковник и кавалер Головатый с прочими чинами долженствует быть под начальством г-на генерал-майора и кавалера де Рибаса.

положение равномерно в расстоянии частей войск, и чтобы людей не удручить медленими к приобретению славы; согласно размеру сему в действиях эскадр по их вооружению.

Как в оной сказано о канонаде из флотилии на каменную батарею и другие пункты, оную открыть в полдень, продолжать до вечера.

Для обеспечения флангов обеих атак батарей, подвинуть восемь лансонов у правой атаки, запорожские лодки у левой атаки в надлежащую дистанцию.

Два батальона Херсонские определяются в резерв за пятою колонною господина генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова.

Полоцкой батальон присоединить к 4-й колонне в резерв, где и будет два батальона в резерве.

За всем тем сколько положено к атаке и штурму козаков, остается оных до 6000 без действия, и дабы облегчить третью и четвертую колонны штурма, полагается средняя колонна к Бендерским воротам между 3 и 4 колонн. Козаков Донских, бригады г-на бригадира и кавалера Орлова, 2000. Командир сей колонны г. бригадир Орлов. Впереди колонны идет подполковник и кавалер Иван Греков с его отборными казаками 150 человек. В резерв позади колонны подполковник Соболевский с Арнаутами. В колонне по флангам нести пяти с половиною саженных шесть лестниц; за теми шесть сот семифутовых фашин, за ними 50 человек с топорами и лопатками на половину, и за тем колонна 1500 человек. В резерве имеют 500 казаков. Наполня фашинами ров, по длине в две фашины, опускаются по оной, приставя лестницы к крепости вала, по коим всходят на куртину, имея с правой руки вблизи Бендерские ворота; а взошед на вал, принимают на лево в помощь четвертой колонне.

В 5-ю колонну волонтеров подполковника и кавалера Никорицы до 100 человек. Полк казачий с части господина бригадира и кавалера Платова.

Арнаут, из Галаца пришедших, определить к 3 колонне господину генерал-майору и кавалеру Мекнобу с секунд-майором Фалкенгагеном.

У колонного командира воля не отнимается употреблять свой резерв, по лестницам или в ворота, как по надобности, и отсылать к другой колонне.

Для примечания военных действий по особливому искусству определяется господин камергер граф Чернышев; для журнала и абриса должны при нем находиться по выбору его, имянно: обер-квартирмейстер барон Каленберг, штаб- и обер-офицеров 5, ординарц-офицеров 3, унтер-офицеров из конных 6, казачий старшина 1, казаков в конвой и для посылок 24.

Киевского карабинерного полку господин полковник Гудович определяется во вторую колонну под команду господина генерал-майора и кавалера Лассия.

В третью колонну, под команду господина генерал-майора и кавалера Мекноба, определяется господин полковник принц Филипсталь.

Господин бригадир Рибопиер имеет быть при пятой колонне, под командою господина генерал-майора и кавалера Кутузова.

Артиллерии господин генерал-майор Тищев по его званию главной над всеми батареями и действием артиллерии при атаке.

При первой колонне господина генерал-майора и кавалера Львова иметь 250 фашин семифутовых.

Всем казакам, определенным к штурму, иметь короткие дротики для способнейшего действия оными.

Когда велено будет произвести есмотацию командующему корпусами от шести мест: первая, начиная от господина генерал-поручика и кавалера Потемкина, вторая от корпуса господина генерал-поручика и кавалера Самойлова, третья в той же части от господина генерал-майора и кавалера Кутузова, четвертая от батареи на острове, шестая от гребной флотилии.

Ракетами приучать бусурман, пуская оные в каждую ночь во всех частях пред рассветом.

В диспозиции сказано, что бы пред последующим утром сделать смену; лучше смену

делать на вечер пред штурмом, и в последний вечер на батарею вправо головной батальон правой колонны, второй колонны первой батальон, дабы уже колонна, выступя из лагеря, к оным примкнула.

Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину о взятии крепости Измаил с подробным изложением хода штурма

1790 г. декабря 21 Измаил

Предварительно донес я Вашей Светлости, что крепость Измаильская, храбростию порученного мне войска, взята! Приступ был мужествен, неприятель многочислен, крепость к обороне способна, отпор был сильный, и отчаянная оборона обратилась на гибель и совершенное сокрушение неприятеля.

Здесь подношу Вашей Светлости о всех обстоятельствах сей знаменитой победы донесение, взяв с самого вступления начальства моего над войсками, от Вашей Светлости мне порученными.

В первый день сего месяца прибыл я к Измаилу и нашел войски, трем частным начальникам вверенные и в прежних местах, остров Четал заняты, батареи противу города в готовом состоянии и флотилию в близком от крепости расположении. Пребывание мое было на правом крыле начальства господина генерал-поручика и кавалера Потемкина.

На утро приезде моего начаты были приготовления к построению батарей на обеих крылах войск, на берегу Дуная; фашин потребное число делали, лестницы частью привезены из Галаца, частью на месте дополнены, и работа сия окончена 5-го числа.

В тот день войска расположены вокруг города лагерем, 6-го числа¹²⁷ прибыл полк гранодерский Фанагорийский, сто пятьдесят мушкатер Апшеронского полку, несколько донских казаков и арнаутов.

Время благоприятствовало нашим приготовлениям, погода была ясная и теплая.

До начатия действ нужно было отправить письмо Вашей Светлости к сераскеру Измаильскому и требовать от него сдачи.

7-го числа оно отправлено с офицером и двумя трубачами и высланными из крепости чиновниками принято вежливо. В тот же день наряд был к сооружению на обоих крылах по две батареи на десять орудий каждую. С правой стороны во сто шестидесяти сажнях, с левой в двух стах, и первые две построены под пушечными выстрелами; все оные были деланы в присутствии господ генерал-поручиков и кавалеров Потемкина и Самойлова.

8-го числа на вечер получен от сераскера ответ, заключавшей единое упрямство и гордость неприятеля, полагавшего твердую надежду на силы свои.

9-го числа утром отправлен был [офицер] на письмо сераскера словесно объявить, что пощады им не будет, и того ж утра созваны были господа генералитет на военный совет. Когда предложено было им намерение и обстоятельства и требовал от каждого из них мнения, все единогласно, видя невозможности по позднему годовому времени продолжать осаду и почитая постыдным победоносному Ее Императорского Величества оружию отойти от крепости, положили быть приступу. День ко оному назначен, диспозиция была от меня дана, шесть колонн определены были с сухого пути, и три колонны с резервом со стороны Дуная для высадки.

Правое крыло в трех колоннах поручено господину генерал-поручику и кавалеру Потемкину, в первой из них, под начальством генерал-майора и кавалера Львова, были назначены: первой батальон Белорусского егерского корпуса, два батальона Фанагорийского гранодерского полку, а вместо стрелков – сто пятьдесят мушкатер полку Апшеронского в команде полковника князя Лобанова-Ростовского, остальные два батальона Фанагорийского

¹²⁷ В документе, по-видимому, ошибка: Фанагорийский полк прибыл к Измаилу 8-го, а не 6-го декабря.

полку назначены были в резерв сей колонне. Вторая колонна, под начальством генерал-майора и кавалера Лассия, составлять должна была из трех первых баталионов Екатеринославского егерского корпуса, имел с собою сто двадцать восемь стрелков, а 4 баталион оного и 4 баталион Белорусского егерских корпусов в резерв сей колонне. Третья колонна под начальством генерал-майора и кавалера Мекноба составлялась из трех баталионов Лифляндского егерского корпуса со сту двадцатью восемью стрелками впереди и в резерв оный пехотной Троицкой полк.

Конные полки правого крыла: Северский карабинерный, Воронежский гусарский и полк донских казаков подполковника Сычова должны были прикрывать колонны.

Левое крыло поручено было господину генерал-поручику и кавалеру Самойлову. Три колонны оное составлять положено было, и именно четвертая колонна под командою бригадира и кавалера Орлова из тысячи пятисот донских казаков и пятисот донских же казаков в ее резерв. Пятая колонна под командою бригадира и кавалера Платова составлялась из пяти тысяч казаков, а для резерву обеих сих колонн назначен Полоцкий пехотный полк. Начальство же обеих сих колонн генерал-майору и кавалеру графу Безбородке. Шестая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова составлялась из трех баталионов со ста двадцатью стрелками Бугского егерского корпуса и в резерв тысяча казаков и два баталиона Херсонского гранодерского полку.

На флотилии для десанта умножены были войски в начальство генерала-майора и кавалера Дерибаса и за день до приступа отправлены были с правого крыла второй и третий баталионы Белорусского егерского корпуса, а с левого крыла два баталиона Херсонского полку. С сим отделением составляло число регулярного войска на флотилии одиннадцать баталионов опричь черноморских казачьих войск и расположены были на три колонны: первая – под начальством генерал-майора Арсеньева составлялась из приморского Николаевского гранодерского полку, одного баталиона егерского Лифляндского корпуса и две тысячи черноморских казаков, в авангард оный полковник и кавалер Головатой с четырьмястами казаков; вторая колонна под командою бригадира и кавалера Чепеги составлялась из Алексопольского пехотного полку, Днепровского приморского двести человек, и тысяча казаков; третья колонна под командою гвардии г[осподи]на секунд-майора и кавалера Моркова из восьмисот человек Днепровских приморских гранодер, одного баталиона Бугского и двух баталистов Белорусского егерских корпусов и тысяча казаков.

По сему предположению сделанная диспозиция отдана была частным и колоножным начальникам и объявлена всем чинам и благовременно, как фашины, так и лестницы по колоннам розданы.

10-го числа, по восхождении солнца, с флотилии, с острова и с четырех батарей, на обеих крылах в берегу Дуная устроенных, открылась по крепости канонада и продолжалась непрерывно до самых пор, как войски на приступ прияли путь свой. В тот день из крепости сначала ответствовано пушечною пальбою живо, но к полудни пальба умялась, а к ночи вовсе пресекалась и чрез всю ночь было молчание и токмо слышан был глухой шум, изъясляющий внутреннюю заботу и осторожность.

С 10-го на 11-е число в три часа пополуночи все войски выступили устроенными колоннами к назначенным им пунктам, а флотилия по Дунаю плыла к назначенным местам. А в пять часов с половиною все колонны как с сухого пути, так и водою двинулись на приступ.

Небо облечено было облаками и расстланный туман скрывал от неприятеля начальное наше движение. Но вдруг с приближением первой и второй колонн неприятель открыл пушечную картечами пальбу, и ружейный огонь вокруг всего вала загорелся. Жестокий сей отпор, по присудствию господина генерал-поручика и кавалера Потемкина, стремление наших войск не удержал и мгновенно вторая колонна, приближась ко рву, спустилась в оный. Генерал-майор и кавалер Лассий, поруча секунд-майору Неклюдову отражать стрелкам неприятеля, дал повеление лейб-гвардии Измайловского полку прапорщику князю

Гагарину приставить лестницы, по которым быстро взошли на вал, опрокинули неприятеля и бастионом овладели.

Твердость и мужество генерал-майора Лассия животворили храбрость первых на бастион вскочивших воинов. Секунд-майор Неклюдов, быв впереди с стрелками, поражая неприятеля, храбро из первых взошел на вал, тяжело ранен, а лейб-гвардии прапорщик с первыми вскочил на бастион, куда вся колонна прибыв, простирала поражение в левую сторону по валу и рассеявшихся от первого импульса егерей собрал и с ними храбро атаковал, стремящиеся кучи отразил и присоединился к колонне. В ту же самую минуту первая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Львова, приблизясь ко рву и палисаду, преграждающему путь от каменной казематной батареи к Дунаю, и усмотря, что сильное только стремление может отринуть защищавшего то место неприятеля, приказал бросить фашины и стремясь кинулся и первый перескочил палисад.

Таковой пример ободрил подчиненных и смешал неприятеля; перешед палисад, усмотрел толпу, готовящуюся атаковать его на саблях, предупредил, ударив в них штыками. Апшеронского полку стрелки и Фанагорийского гранодерского полку передовые как львы дрались и, поразив первую стремительность неприятеля, обходил[и] каменную казематную батарею под картежами неприятеля. До трехсот человек, в сей батарее засевшие, бросили гранаты, но храбрость войск наших нимало не поколебали. Колонна, обойдя оную батарею и оставя ее позади, поражала всюду встречавшегося неприятеля, овладела первыми батареями и стремительно шла к Броским воротам. Тут, посреди успехов, получил он [Львов] раны, а с ним купно ранен полковник князь Лобанов-Ростовский и поручил команду над колонною полковнику и кавалеру Золотухину.

С левого же крыла под присудствием господина генерал-поручика и кавалера Самойлова шестая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова единовременно с первою и второю колонною, преодолев весь жестокий огонь картежных и ружейных выстрелов, дошла до рва, где бригадир Рибопьер положил живот свой; скоро спустясь в ров, взошла по лестницам на вал, несмотря на все трудности, и овладела бастионом. Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем, но множество оно остановило на первый миг распространение по валу, и для сего призвал он Херсонской полк, в резерве бывший, оставя двести человек при пушках на контрэскарпе. С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частию побит. Твердая в той стране¹²⁸ нога поставлена, и войски простирали победу по куртине к другим бастионам.

128 В подлиннике – «строке».

*И.-М. Вилль. Взятие Измаила 11 декабря 1790 г.
Конец XVIII в.*

Все сии три колонны, исполня мужественно, храбро и с удивительною быстротою по данной диспозиции первое стремление положили основание победы.

Флотилия, в то же время приближась к крепости, прикрывала трех колонн десант и хотя за туманною погодою большие суда мешались, но предусмотрением начальствующего генерал-майора и кавалера Дерибаса замедление то исправлено тем, что снято с оных войско на легкие суда. Присудствие начальствующего возбуждало храбрость подчиненных и несмотря на упорное и невероятное от неприятеля защищение, войски оказали удивительную храбрость и усердие и по засвидетельствованию частного начальника, в минуту выступили на берег.

В сие время третья колонна под начальством генерал-майора и кавалера Мекноба, встреченная картечными выстрелами и ружейным огнем, поощряема будучи мужеством своего начальника, спустилась в ров, где глубина оного оказалась более других мест и высота на бастион выше других, так что лестницы, в полшести сажени бывшие, принуждены были ставить одна на другую под жестоким от неприятеля огнем и, несмотря на все столь сильные препоны и урон своих, сия колонна взошла на вал, отразила неприятеля, твердо оборонявшегося, овладела тем главным бастионом и, продолжая жестокий бой, взяла резерв и, опрокинув неприятеля, пошла по куртине. Как генерал-майор и кавалер Мекноб получил тяжкую рану в ногу и принужден был отдать команду полковнику Хвостову, в сие время получа рапорты, что все баталионные командиры Лифляндского егерского корпуса ранены, отправлен был подполковник Воронежского гусарского полку Фриз оными командовать.

Четвертая и пятая колонны под начальством генерал-майора и кавалера графа Безбородки, оказавшего опыты мужества и храбрости, служившей много примером его. подчиненным в затруднениях случившихся, первая из сих двух колонн под командою бригадира и кавалера Орлова, под жарким от неприятеля огнем, достигла до рва, приставила лестницы и часть оной взошла на вал и овладела бастионом. Тут неприятель с правой стороны от Бендерских ворот, сделав вылазку, спустился в ров и вдоль по оному пустясь, хотел разрезать оную; сие стремление вылазки остановило наших, но мужеством начальника и ему помощных чиновников, неустрашимостью подполковника и кавалера Грекова, премьер-майора Ивана Иловайского и храбростию казаков, вылазка отражена; неприятель, составлявший оную, частью погиб, а остальные прогнаты в крепость и колонна, взошед вся на вал, от завлажденного бастиона далее простирала свои успехи.

Пятая колонна под командою бригадира и кавалера Платова (при коей сам генерал-майор и кавалер граф Безбородко находился) встречена была как и прочие сильным огнем и, будучи между двух с боков перекрестных выстрелов, при всей трудности, в порядке дошла до рва и хотя оный нашла с водою, но, не остановясь нимало, перешла и храбростию начальников взлезла на пред стоящий вал, овладела на куртине пушками, где присутствовавший при ней генерал-майор и имевшей над сею колонною команду граф Безбородко ранен в руку тяжело и по изнеможению отдал команду бригадиру и кавалеру Платову, мужеством и подвигами которого распространила поверхность оружия и овладела справа бастионом, а влево, прогнав неприятеля, не имевшего способу ко спасению, поражала повсюду оною храбро и мужественно и способствовала колонне генерал-майора Арсеньева.

Между тем, когда первые две колонны были в полном и жестоком бою, господин генерал-поручик и кавалер Потемкин привел в крепость гранодерские Фанагорийские батальоны и два батальона егерей, подкрепил и ободрил войско наше, которое, в сильном сражении будучи, начинало утомляться и подкрепленное войско простерло далее свои успехи. В сие время, по дошедшему сведению о встретившихся четвертой колонне затруднениях, отряжены были по моему приказанию от реченного генерал-поручика Потемкина полк Воронежский гусарский, за третью колонною в резерве бывший, два эскадрона Северского карабинерного полку и казачей полк подполковника Сычова; с левого же крыла от генерал-поручика и кавалера Самойлова конные его резервы.

Колонны с Дуная вскоре к берегу при начатии дела пристали и с невероятною расторопностию и храбростию высадку, несмотря на жестокий огонь от неприятеля, сделали. Первая из них, под начальством генерал-майора Арсеньева, на двадцати судах приплывшая к назначенному ей предмету, мгновенно высадясь, разделена была на четыре части; одна и затруднительнейшая, в команде Ее Императорского Величества флигель-адъютанта Зубова¹²⁹, отряжена атаковать кавальер. Храбрый полковник, невзирая на безмерную крутизну оною, на жарчайший огонь неприятеля и его упорство, мужественно атаковал и дав пример твердости другим, взлез на вал, опрокинул неприятеля на штыках и овладел кавальером. Вторая часть оной, под командою подполковника Скарабели, приняв по берегу, овладела укреплениями и батареями. Третьи, под командою полковника Митусова, подлежащими ему в предмете укреплениями, овладели. Четвертая, под командою полковника графа де Маса, высадясь к подлежащему в его предмете берегу, тотчас атаковала батарею, которая афилировала по берегу всю часть сию нашего войска и мужественно овладев оною, [де Мас] построил войски на берегу и ударил в неприятеля на штыках.

Полковник и кавалер Головатый, с своей стороны, с беспредельною храбростию, трудами и неусыпностию, не только войскам пример подавая, но и лично действуя, высадив на берег, вступил с неприятелем в бой и поражае оною.

Вторая из сих колонна, под командою бригадира и кавалера Чепеги, заняла предстоящий ей на берегу предмет.

Третья колонна в команде лейб-гвардии господина секунд-майора и кавалера Моркова, проходя мимо каменной казематной батареи, под жестоким огнем картечными выстрелами мгновенно на берег вышла; в сем случае начальник сей колонны изъявил новые опыты мужества, искусства и храбрости, примером его подчиненным служившей. Вышедшие войски быстро батареи и укрепления атаковали, опрокинули неприятеля и овладели оными; подполковник приморского Днепровского гранодерского полку Емануил де-Рибас весьма отличился.

День бледно освещал уже предметы, все колонны наши, преодолев и неприятельский огонь и все трудности, были уже внутри крепости, но отверженный неприятель от крепостного вала упорно и твердо защищался. Каждой шаг надлежало приобрести новым

¹²⁹ Валерьяна.

поражением; многие тысячи неприятеля пало от победоносного нашего оружия, а гибель его как будто возрождала в нем новые силы, но сильная отчаянность его укрепляла.

Таковой жестокий бой продолжался 11 часов пред полуднем. Господин генерал-поручик и кавалер Потемкин к новому подкреплению войск отправил сто восемьдесят пеших казаков открыть Бросские ворота и послал в оные три эскадрона Северского карабинерного полку в команде полковника и кавалера графа Меллина, а в Хотинские ворота, кои были отворены полковником Золотухиным, введены остальные сто тридцать гранодер с тремя полевой артиллерии орудиями, под руководством премьер-майора Островского, которого храбрости и расторопности отдаю справедливость; в то ж время в Бендерские ворота введены три эскадрона Воронежского гусарского полку и два эскадрона карабинер Северского полку. Сии последние, спешась и отобрав ружья и патронницы от убитых, вступили тотчас в сражение.

Жестокий бой, продолжавшийся внутри крепости, чрез шесть часов с половиною с помощью Божию наконец решился в новую России славу. Мужество начальников, ревность и расторопность штаб- и обер-офицеров и беспримерная храбрость солдат, одержали над многочисленным неприятелем, отчаянно защищавшимся, совершенную поверхность и в час пополудни победа украсила оружие наше новыми лаврами.

Оставались еще в трех местах засевшие неприятели к единому своему спасению в одной мечети, в двух каменных ханах и в казематной каменной батарее, все они прислали к господину генерал-поручику и кавалеру Потемкину своих чиновников при наших офицерах просить пощады. Первые из сих приведены подполковником Тихоном Денисовым и дежур-майором премьер-майором Чехенковым, а те, кои засели в двух ханах, взяты военнопленными генерал-майором и кавалером де-Рибасом; число оных было более четырех тысяч, равно, им же взяты и в казематной батарее, бывшие с мухафиз трехбунчужным пашею, двести пятьдесят человек.

Таким образом совершена победа. Крепость Измаильская столь укрепленная, сколь обширная и которая казалась неприятелю непобедимою взята страшным для него оружием российских штыков; упорство неприятеля, полагавшего надменно надежду свою на число войск, низринуто, хотя число войска, получающего тайн, полагалось сорок две тысячи, но по точному исчислению полагать должно тридцать пять тысяч. Число убитого неприятеля до двадцати шести тысяч; начальствовавший Измаилом сераскир Айдос Мехмет трехбунчужный паша, засевший с толпою более тысячи человек в каменном строении и не хотя сдаться, был атакован Фанагорийскими гранодерами в команде полковника Золотухина, и как он, так и все бывшие с ним, побиты и переколоты; в числе убитых четыре паши двубунчужные и именно: Магмут-паша, Каликс-Адалы-паша, Мехмет-паша и Лавтула-паша, который был начальником в Килии; шесть татарских султанов: Каплан-Гирей, Казы-Гирей, Селим-Гирей, Батырь-Гирей, Ахмет-Гирей и Мехмет-Гирей; в плен взяты: мухафиз измаильский Мехмет трехбунчужный паша, султан татарский Мехсют-Гирей, многие чиновники, в числе коих сераскирский сын и более девяти тысяч; из числа сего на завтра до двух тысяч от ран померло, более тысячи обнаженных роздано на пропитание и остальные отправлены в Бендеры для представления Вашей Светлости.

В крепости Измаильской найдено двести сорок пять пушек, в числе коих девять мортир, да на берегу двадцать, всего двести шестьдесят пять; большой пороховой погреб и разные снаряды. В трофеи взято триста сорок пять знамен, кроме тех, кои в сражении изорваны, бунчуков семь и санжаков два, лансонов восемь; добычу войски получили весьма знатную в разных вещах и прочем, и потерю оных для неприятеля почесть можно более миллиона. Сверх сего взято христиан четыре тысячи двести восемьдесят пять и армян тысячу четыреста, жидов сто тридцать пять, которые паки в город введены в их жилище до повеления Вашей Светлости.

Принося Вашей Светлости с одержанием столь знаменитой победы поздравление и благодарность за поручение мне столь знаменитого подвига, почитаю себе прямым долгом засвидетельствовать твердость и мужество начальников и беспредельное усердие и

храбрость всех чинов и ходатайствовать Вашего благоволения и покровительства о воздаянии сотрудникам и товарищам моим господам генерал-поручикам и кавалерам Потемкину и Самойлову.

Первый из сих, при неутомимых его трудах и всегдашней заботе в нужных приуготовлениях, подавал мне и во всем полезные советы, а во время штурму успевал по всем его ведения колоннам, предупреждая следствия невозможности, привел все к крепости и где надобность требовала подкреплял оные устроенными резервами и другими способами, и тем при неустрашимости и храбрости его, посеянную им же, господином генерал-поручиком, ревность и храбрость умножал личным присутствием.

Второй, начальствуя порученным ему левым крылом, чрез все время неусыпность и попечение изъясняя, на совете утверждал неминуемость приступа, построение батарей на левом крыле под собственным усмотрением производил и во время приступа привел к крепости колонны и мужеством своим вселял ревность и храбрость всем подчиненным ему. Генерала-майора и кавалера де-Рибаса, яко частного начальника войск и командующего флотилиею. Он первый нанес с судов и острова неприятелю удар и во время приступа, командуя тремя колоннами десанта, присутствовал везде, где более надобность требовала, ободрял мужеством своим подчиненных, овладел набережными батареями, принял пленными выше поминаемых неприятелей и в трофеи взятые сто тридцать знамен представил ко мне. Ставлю долгом своим свидетельствовать мужество и храбрость колоножных начальников и просить им за подвиги, труды и победу воздаяния.

Взятие крепости Измаил русскими войсками под командованием А. В. Суворова в октябре 1787 года

Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом и, когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов. Генерал-майор и кавалер Лассий, отлично внимание заслуживший, под сильным же огнем неприятельским превозмог трудности и несмотря на жестокий от неприятеля отпор, служа повсюду примером подчиненным своим в храбрости, быстро взлетел на вал крепости, овладел бастионом, не уступя уже ни единого шага,

распростер поражения неприятеля, побеждая всюду, овладел многими батареями в левую сторону за Хотинские ворота и, хотя получил в руку легкую рану, но оставался в деле до окончания победы.

Генерал-майор и кавалер Мекноб превозмог страшно затруднения под сильным огнем от неприятеля, перешел ров глубокий, взлез на вал более десяти сажен вышиною от подошвы рва, овладел бастионом и, проходя по куртине, к общему сожалению, получил жестокую рану в ногу и принужден был сдать команду полковнику Хвостову. Генерал-майор и кавалер Львов, встречен будучи сильным огнем, ободрив присутствием духа подчиненных, решимостию своею скоро основал поверхность первой колонны. Он первый перескочил палисад и служил примером, предупредил стремление неприятеля, ударив в него штыками, обошел с колонною каменную казематную батарею, под картечными выстрелами овладел двумя укреплениями и простирал поражение до Бросских ворот, как будучи ранен, принужден был оставить посреди успехов команду над колонною храброму полковнику Золотухину.

Генерал-майор и кавалер граф Безбородко, бывшей до штурму при мне дежурным, начальствуя колоннами казачьего войска, мужеством своим сохранил порядок оных и несмотря на жестокий от неприятеля огонь, ниже на сильное его сопротивление, храбро ведя колонну и перешед ров, со оною взлез на крепостной вал, везде собою пример подавал, овладел бастионом и получа сильную рану, не прежде сдал команду, как уже изнемог. Генерал-майор Арсеньев, который с начала устройства на острове батарей, оными командовал и потом крайне занемог, но как скоро получил облегчение, вступил паки в команду и при высадке правой колонны от Дуная, будучи везде сам, со отменным, по засвидетельствованию частного начальника, присутствием духа во всем порядке и с поспешностию сделал высадку; при жестокой от неприятеля обороне, мгновенно овладев берегом его дистанции и батареями, сделал тотчас порученными ему войсками пособие тем местам, куда ему предписано.

Бригадир Орлов четвертою колонною, составленною из казачьих войск командовавший, который, будучи в голове колонны, мужеством своим ободрил подчиненных, прошед сильный огонь, спустился в ров и с головою колонны, когда уже овладели бастионом, неприятельскую вылазку – из Бендерских ворот сделанную – отразил и обратил оную на гибель неприятеля и потом паки утвердился на бастионе и простирал войско, ему порученное, к прикосновенным колоннам. Бригадир и кавалер Платов, поощряя подчиненных своих к порядку и твердости под сильными перекрестными выстрелами, достигнув рва и нашед воду, в том только месте находящуюся, не только не остановился, но сам перешед оную, служил примером и с неустрашимостью взлез на вал, разделя на три части колонну, поражая неприятеля, овладел куртинею и пушками и много дал пособия с препорученным ему войском к преодолению далее неприятеля и за соединением с колонною Орлова, вылазку, сделанную с Бендерских ворот, опрокинув, был он, Платов, сам повсюду примером храбрости.

Лейб-гвардии секунд-майор и кавалер Морков, который сначала устроенных на острове батарей командовал оными и во время беспрестанной почти канонады ни на малое время не отходил и, побуждаясь безмерною храбростию, сам наводил пушки, дабы важным противу нас предметам вредить и не токмо оные вредил, но и множество потопил судов. Во время же приступу, по высадке на берег войска и завладении неприятельскими батареями, учреждение его одобрено как самого храброго и непобедимого офицера. Бригадир и кавалер Чепега, который, командуя второю колонною высадки, бросился с казаками на берег и занял противустоящий ему предмет. Бригадир и кавалер Вестфален, командуя резервами, исполнил дело храброго и расторопного начальника и, въехав с оными в крепость, поражал неприятеля.

Полковников, отличившихся во-первых: Фанагорийского гранодерского полку Золотухина, который под начальством генерал-майора и кавалера Львова спомоществовал ему в исполнении поручаемых поражений и после раны сего генерала, оставшись

начальником колонны, прошел он улицею близ Валеброских ворот и услыша восклицания победительной второй колонны, преодолевая везде упорного неприятеля, с нею соединился, взошел на вал и овладел пунктом, открывшим удобность к поражению неприятеля, и, простирая до Хотинских ворот, оные отбил и отворил, вблизи коих засевших с самим сераскиром Айдос Мехмет-пашою более тысячи человек в каменном строении требовал сдачи, и когда оные поупорствовали, атаковал, ворвался в стены и, ударив в штыки, всех до единого неприятеля сего поверг.

Полковника принца Филипсталя, командовавшего стрелками и первым баталионом третьей колонны, который отличной храбростию заслуживает особое внимание, ежели от тяжкой раны освободится.

Полковника князя Лобанова-Ростовского, который по особой ревности к службе из доброй воли просился к Измаилу со ста пятидесяти мушкетерами вверенного ему Апшеронского полку, командовал оными и первым баталионом колонны, был впереди, подавая пример своим подчиненным, изъявил особливую храбрость при переходе чрез палисад при овладении набережных укреплений и ранен весьма тяжело.

Киевского карабинерного полку полковника Гудовича, который також из единого усердия к службе просился к Измаилу, был на приступе при второй колонне и, по свидетельству начальника оный генерал-майора и кавалера Лассия, взошел при первом взводе на бастион, командуя порученными ему отрядами, поражал неприятеля с отличною храбростию, подавая собою пример подчиненным и вспооществуя в полезных успехах, послан был к собранию егерского резерва и привел оный в подкрепление передовых.

Ее Императорского Величества флигель-адъютанта Зубова, который, командуя порученною ему частию войск, в предмете имел занять кавальер и вал крепостной до Килийских ворот, с такою храбростию и расторопностию исполнил, что, несмотря на сильное сопротивление неприятеля, прошед весь огонь, подавая пример своею храбростию, несмотря на крутизну и высоту, овладел оным кавальером и батареею.

Полковника и кавалера графа де-Маса, командующего частию ему порученною войск, стремительно спешил занять пункт с такою храбростию и расторопностию, что, несмотря на сильное сопротивление неприятеля, прошед весь огонь, занял берег назначенного пункта и, опрокинувши неприятеля, очистил оный с продолжением далее над оным поверхности.

Полковника и кавалера Головатого, который отменно храбростию, трудами и неусыпным старанием не только войску своему подавал пример, но и лично действовал неустрашимо.

Полковника и кавалера графа Меллина, который, будучи введен в крепость в Бросские ворота, храбро атаковал кучи неприятелей, по улицам еще бывшие, и, поражая их всюду, принудил их искать спасения.

Полковника и кавалера Волкова, который, по данному ему повелению, опрокинув невозможности и отрыв заваленные ворота Бендерские, устроил испорченной мост, въехав с тремя эскадронами во оные, неприятеля стремительно атаковал, поразив и рассыпав и тем принудил многих отдаться и взял до восьмисот человек в плен.

Императорской цесарской службы полковника принца де-Линь, который по усердию к службе Ее Императорского Величества исправлял должность инженера, назначил места для четырех батарей на обеих крылах и с правой стороны две батареи строил под пушечными выстрелами; во время ж высадки был на флотилии, командуя частию войск препорученных, и, поступая храбро, при занятии берега при неустрашимом наступлении на неприятеля, ранен.

Полковника Херсонского полку князя Волконского, оказавшего, по засвидетельствованию генерал-майора и кавалера Кутузова, довольные опыты мужества. Не могу оставить, чтоб не засвидетельствовать справедливости и рекомендовать Вашей Светлости находящихся волонтеров, во-первых: Ее Императорского Величества камергера графа Чернышева, который определен был от меня по искусству и знанию его замечать действию всех колонн, кидался во все опасности, неустрашимо примечая подвиги для

сочинения плана, многократно был от меня употребляем в разные части с приказаниями и заслуживает особое внимание и ходатайство мое о воздаянии ему за оказанную храбрость и искусство.

Ее Императорского Величества камергера князя Волконского, который, будучи при шестой колонне, оказал опыты замечательной храбрости и заслужил особое одобрение начальников.

Суворов приготовился к сражению с турками. Распределив все, он хотел начать действие, но австрийский генерал, тут же бывший, спросил у Суворова, где он назначает место ретирады в случае неудачи? «На месте сражения!» — отвечал герой.

Засим, по одобрению частных и колоножных начальников рекомендую отличившихся господ штаб- и обер-офицеров, прося покорно в ободрение службы и храбрости о воздаянии их, и именно по засвидетельствованию частных начальников: господина генерал-поручика и кавалера Потемкина, который рекомендует подполковника барона Сакена, употребляемого в самое время, когда войски шли на вал, в разные опасные места и который исполнял повеления без малейшего упущения с успехом.

Обер-квартирмейстер Булатов, сверх исправляемой им должности, заготовлял фашины, туры, был траншейным штаб-офицером и шестой колонны вожатым, на приступ был тут впереди и поступал отлично мужественно. Белорусского егерского корпуса премьер-майор Чехненко, во все время быв при нем, генерал-поручике, дежурным, сверх должности в день приступа употребляем был в разные опасные места, привел пленных, в мечети скрывшихся. Секунд-майоров: Малороссийского регулярного – Павла Якубовского, Екатеринославского корпуса – Петра Фохта и карабинерных полков – Бургарда Берха, кои употребляемы были в разные места, по части порученной исправляя радательно повеленное, проходя все опасности. Северского карабинерного поручика Лепарского, Белорусского егерского поручика Николая Белкова, подпоручиков Екатеринославского егерского корпуса Андрея Дерюгина, Егора Баранова, Кавказского наместничества статной команды Ивана Григорьева, исправляющего особые должности. Северского карабинерного адъютанта Ивана Креткина, корнетов того ж полку Николая Тарасевича, Воронежского гусарского Ивана Бутовича, Владимира Волкова, Екатеринославского егерского Никиту Чигарева, Чугуевского полку вахмистра Гридина, которые по особой ревности по службе исправляли возложенности в доставлении приказаний с особливими успехами.

Господин генерал-поручик и кавалер Самойлов похваляет подвиги войска Донского полковника и кавалера Мартынова, который, командуя резервом с казаков левого фланга, не мало способствовал действию и успеху колонны бригадира Платова произведением атаки на ближнюю часть вала, которою и овладел. Бывшего до штурма дежурным премьер-майора Николая Лаврова, который, командуя при четвертой колонне Полоцкого полку, со стрелками взшел мужественно на вал пред всею колонною, из первых поражая неприятеля, получил жестокою рану. Лейб-гвардии поручика Дмитрия Гедеонова, бывшего в колонне бригадира Платова с охотниками и отличившегося храбростию как при входе на вал, так и на оном, при поражении неприятеля получил рану. Дежурного Нижегородского драгунского полку секунд-майора Луценкова, употребляемого с приказаниями в самом жестоком огне и предающего оные в точности. Малороссийского казачьего полку секунд-майора Леслия, беспрестанно посылаемого и под картечным огнем исправляющего повеленное с точностию. Херсонского гранодерского полку поручика Штенгера, подпоручика Петра Уварова,

Полоцкого – прапорщика Голубинского, Александрийского легкоконного – корнета Бутовича, Лифляндского корпуса прапорщика Петрова, кои все употребляемы были в разные посылки и под неприятельским огнем мужественно доставляли приказания.

Особливо ж отличился мужеством и неустрашимостию в самом жестоком огне Ростовского пехотного полку полковой квартирмейстер Петр Гавриленков и Малороссийского регулярного казачьего полку хорунжий Григорий Сабов; бригадир и кавалер Вестфален свидетельствует Воронежского полку о подполковнике Карле Фризе, который в подкрепление третьей колонны, спешась с гусарами двух эскадронов, взошел на вал, вступил в командование и нашел утесненную колонну, усилил оную и опрокинув вставшего неприятеля и, за приходом к нему в команду двух эскадронов Северского карабинерного полку, коим он после убитых роздал ружья и, ободрив сим ослабевающих, не оставил нигде без поражения оною.

Премьер-майора Ивана фон Сейпа, который, подавшись с тремя эскадронами к Бендерским воротам, неприятельскую вылазку отчаянно сражающуюся обратил с сильным оной уроном, причем отличились храбростию и мужеством во время сего штурма при подкреплении колонн ротмистры: Северского карабинерного Алексей Киреев, берейтор Дмитрий Гильде; кадет Островской; вахмистры Москаленко, Симбирской, Смирнов. Похваляя при том, полку Орлова сотников Рекунова и Турченкова, оказавших особливый храбрости, кои оба и ранены тяжело; Воронежского Александр Самарин, Иосиф Шефинской, Илья Ломаков, сей последней показал особливое мужество, и храбрость; поручики: Кривошеин, Петр Канчиелов, Леонтий Турской, полковой квартирмейстер Мещеряков, Андрей Елянчич; корнеты: Иван Размирицын, Иван Райкович, Иосиф Маевский, Николай Мещеряков; кадеты: Фридрих Моу, Николай Канчиелов, Василий Волков, Иван Конвисарев, который особливо отличился, кадет же Прокофий Николаев; вахмистры: Вавилов, Пиницын, Мильковский и Максим Табурович, который неустрашимо поступал и со всякою храбростию.

Генерал-майор и кавалер Львов, начальствующей первою колонною, бывших в сей колонне чинов сам видел храбрость и неустрашимость, рекомендует полковника князя Лобанова-Ростовского, бывшего впереди с стрелками и батальоном Белорусского егерского корпуса, подполковника Будберха, следовавшего мужественно впереди с батальоном и который, поступая храбро, получил тяжелую рану. Фанагорийского гранодерского полку полковника Василия Золотухина, который подкреплял Лобанова, поступал везде мужественно и храбро, взошел стремительно на вал и овладел пунктом, открывшим удобства и далее к поражению неприятеля.

После полученной же генерал-майором Львовым, тож полковником Лобановым раны, предводившей колонною до самого окончания штурма и одержания знаменитой победы он, полковник Золотухин, свидетельствует, что мужеством и подвигами отличились особливо Апшеронского полку при стрелках бывший капитан Аркадий Аршеневский, храбростию и неустрашимостию подавал пример своим подчиненным и нигде не упустил случая поражать неприятеля, и с стрелками быв всегда впереди. Подпоручики: Семен Каменской, Филат Федцов; прапорщик Василий Лукьянченков; сержанты: Поливанов, Зорин, Иван Кузнецов, из них ранены первой в правую ногу, второй в левую руку навывлет и в левую ногу контузию, третий в левую ногу, сержант Кузнецов – в правую ногу.

Белорусского егерского корпуса 1-го батальона капитаны: Апполон Дишин, Григорий Касаговский; поручик Давыдовский; подпоручики: Будберг и Давыдовский; сержант Берляев; из них ранен Касаговский в грудь пулею. Фанагорийского гранодерского полку подполковник и кавалер Лангут особые опыты храбрости оказавшей; майор-премьер – Цеге фон Мантейфель, секунд – Мартын Лалаев, капитаны: Иван Лукьянов, Василий Белавин, Демьян Кураш, Карл Гатте, Петр Румянцев, Дмитрий Аникеев, Петр Враской, Иван Языков; поручики: Василей Прозоровский, Цеге фон Мантейфель, полковой квартирмейстер Лев Романович, подпоручики: Станислав Корбат, Василей Федосов, Федор Рыжанов, Готтлиб Бухольц, Тарас Ушаков; аудитор Егор Ключарев; адъютанты: Иван Кружковский, Абрам

Зверев, Иван Барановский; прапорщик Александр Вишневецкий; сержанты: Сафрон Ларионов, Андрей Тимофеев, Яков Хвостенков, Григорей Семенов, Артемий Голубинов, Петр Бабушанский, Василей Звягин, Иван Мельковский, Тимофей Муромцов, Михайло Агеев, Борис Черняев, Дмитрий Богданов, Иван Яковлев, Степан и Сидор Манюкины, Федор Романов, которые с отличною храбростию и мужеством поражали неприятеля, из коих ранены Лангут саблею, майор Мантейфель в правую ногу, капитаны: Лукьянов в правое плечо, Языков в правую руку кинжалом, Румянцев в левую руку и правую ногу – поручик Мантейфель; подпоручики: Федосов, Рыжанов – в ноги, адъютант Кружковский в бок, аудитор Ключарев в грудь, прапорщик Вишневецкий в ногу, сержанты Манюкины в щоку и в руку.

Представляя вниманию особливому, участвующих же в сем деле подполковников и кавалеров Будберга, Лангута, майоров: премьер – Мантейфеля, секунд – Лалаева, который при поражении трехбунчужного сераскира, обороняемого янычарами, бросясь к поражению неприятеля и подал пример подчиненным и до самого окончания дела поступал с отличною храбростию, капитанов Лукьянова, Языкова, Аршеневского, Касаговского и Румянцева и бывшего в охотниках прапорщика Вишневецкого, сержантов Манюкиных до самого изнеможения их от ран с отменною храбростию поступающих. А также бывших в сем деле секунд-майора Людвиг Брезимана фон Неттиха, капитанов: Василья Манюкина, Петра Плишкина, Карла Швальбе, Отто Шица, Ивана Хрущева, Осипа Попова, князя Ивана Гуриэлова; поручиков: Петра Алексева, Александра Жмакина; подпоручиков: Алексея Бурова, Василья Морозова; сержантов: Егора Чистополова, Миная Груздева, Парфена Отрубина, Исаия Жеребцова. Свидетельствуя притом, что особливо отличились колонновожатые Стародубовского карабинерного полку подполковник Томатис и Александрийского легкоконного полку секунд-майор Иван Титов показали многие опыты храбрости и усердия и быв всегда впереди колонны открывали путь от начала до окончания дела. Также находящихся при нем, генерал-майоре Львова, отставной майор князь Дмитрий Горчаков; полков Сумского легкоконного ротмистр Василий Ласков, Фанагорийского гранодерского подпоручик Павел Сидоров, Воронежского гусарского корнет Юзеф Казновский и Смоленского пехотного прапорщик Иван Дьяков, из коих Горчаков и Сидоров ранены, и которые приказании его со всякою расторопностию отдавали и храбростию и неустрашимостию своею подавали пример подчиненным.

Второй, генерал-майор и кавалер Лассий, рекомендует отличившихся храбростию Екатеринославского третьего баталиона секунд-майора Леонтия Неклюдова, командовавшего впереди стрелками, который первой бросился в ров, а потом и на вал, с отличною храбростию отбил неприятеля от пушек, где и ранен в руку пулею навывлет и в продолжении боя копьем в грудь и контузию получил в ногу. Екатеринославского егерского четвертого баталиона подполковника Пустовалова, с баталионом взошедшего на вал храбро, который и подкрепил передовых и поспешествуя к завладению батареи, поступая мужественно, ранен в голову. Екатеринославского ж баталиона секунд-майора Графена, который, по убитии командира баталионного, храбростию подчиненных поощрял и взял в плен сераскирского сына. Находящегося при нем, Лассии, дежурного капитана Силина, доставляющего в опасные места приказания, где и ранен жестоко. Секунд-майора Нумерса, по убитии подполковника Лачинова, командовавшего баталионом и с резервом прибыв отличился храбростию.

Османские янычары

Янычары — регулярная пехота Османской империи в XVI—XIX вв., набиравшаяся из детей немусульманского населения страны. Были частью личной гвардии султана; выполняли также полицейские и карательные функции.

Премьер-майоров: Клугена и Арапова, усердно исполняющих свою должность. Екатеринославского корпуса подпоручика Агеева, который отряжен был с частью к Хотинским воротам, где, соединясь флота с капитаном-лейтенантом Ломбардом, препятствующего к отбитию неприятеля ворот, опрокинул. Бывших в охотниках с стрелками

капитанов: Броуна, Невежина, поручиков: Тироля, Нарина и Брезгуна, адъютанта Жирякова, подпоручика Белановича и прапорщиков Фрейдлиха, колонновожатых капитана Грече и инженер-прапорщика Михайлу Новгородцова, который был при строении батарей правого фланга под командою и притом ведя он, и капитан Грече, колонны, отлично с храбростию поступал.

Глуховского карабинерного полку поручика Жданова с Екатеринославскими стрелками бывшего, сего же корпуса подпоручика Пугачевского, отличившегося храбростию, который и ранен, прапорщика Рыкова, капитанов похвально действующих: де-Розенталя, Теке, Бенардоса, де-Парма, Манатина, Бочкова, Потресова, поручиков: Кадьяна, Викгорста, Штенгера, Ильина, Косых, Сафонова, Муромцова, подпоручиков: Грейгамера, Аристова, Заикина, Чемоданова, Берлизеева, Лихутина, Дерюгина, Суковкина, адъютантов: Гусева и Горлова, прапорщиков: Иванова, Черкасова, Чигарева, Филкевича, Миллера, Семенова и Борзова; Павлоградского легкоконного полку кадета Бутенка; Киевского карабинерного полку вахмистра Могилевец; сержантов, бывших при нем, Лассии, Кондратьева, который сильно ранен и Тимофея Никифорова, особо отличившегося.

А за теми Ивана Гаврилова, Корчевского, Турбина, Каменского, Петрова, Полозова, Зиновьева, Василья и Михайлу Черновых, Раковского, Кривчунова, Сергея Адаменкова, Филимонова, Звенигородского, Масютина, Александру и Фаддея Алашеевых, Котова, Рогачева, Ионина, Аржевитинова, Никифорова, Вязмитинова, Дреера, Чиркова, Пояркова; Белорусского корпуса Свистунова, Краевского, Балкашина, Невежина, Коновалова, Судакова и Мищенко. Особливо отдает справедливость, приметя самолично храбрость, полковнику Василию Золотухину, флота капитану и кавалеру Ломбарду и волонтеру дюк де-Фронсаку.

За день или за два до штурма Измаила, рассказывал А. П. Ермолов, Суворов во время обеда велел казаку выпустить из-под полы орла; тот взлетел, но, ударившись о невысокий верх палатки, упал на стол.

— Это, господа, значит, — сказал Суворов присутствующим, — что Измаил падет.

Третий, генерал-майор Мекноб, отдает справедливость в храбрости духа бывшим в той колонне при штурме впереди с стрелками полковнику принцу Филипсталою, который защищал колонну с обеих сторон храбро и, стреляя своею канонадою по брустверам, получил жестокою рану; штаба Вашей Светлости флигель-адъютанта Нирода, находившегося при самом действии с стрелками у означенного принца Филипсталя. Командиров баталионных Лифляндского егерского корпуса: 4-го — подполковника и кавалера Федора Меллера, 3-го — премьер-майора Сергея Мосолова; сии оба, взойдя по лестницам на бастион, Меллер с левой, а Мосолов с правой стороны, и поощряя мужественно всех за ними идущих, в самих амбразурах получили раны первый в шею, а другой в голову, и Мосолов, превозмогая тяжесть оной, обращаясь, подавал пример подчиненным в прогнании засевших турок и которых взял в плен, а напоследок обратился и далее, истребляя повсюду неприятеля с отличною храбростию, употребляя способы и в защищении раненых, который и до окончания дела в сражении находился. 4-го — премьер-майора Михайлу Жукова и секунд-майора Адама Баллу, кои несколько раз отражали неприятеля и очистили первой в правую, а последний в левую сторону куртины и подавали пример подчиненным.

Секунд-майоров: 2-го – Степана Аблелимова, 4-го – Федора Сандерса; сверх того бывших в действии и отличившихся капитанов батальонов: 2-го – Григория Булыгина, 3-го – Егора Мельникова, 4-го – Михайлу Зоргера, Ивана Врангеля; поручиков: 2-го – Ивана Могилянского, Михайлу Навашина, Степана Лазарева; 3-го – Ивана Белокопытова, 4-го – Александра Врангеля, Степана Глякова, Михайлу Рышкова, подпоручиков: 3-го – Якова Аренца, Николая Лаврова, 4-го – Якова Эгерса, Петра Жукова, Ивана Сорокина, Гаврилу Жукова; прапорщиков: 2-го – Прокофия Хрусталева, Сергея Бердяева, Ивана Саванчаева, Василия Петрова; 3-го – Ивана Поппе, Марку Балашова, 4-го – Максима Савинова, Афанасья Лучинского, Максима Дреникина, из коих поручики Лазарев, Рышков и прапорщик Балашов находились с отряженными впереди стрелками; сержантов: 2-го – Никиту Осипова, Якова Черняховского, Степана Букова, Никиту Сачкова; 3-го – Дмитрия Мельникова, Сергея Кузьмина, Ивана Шмакова, Алексея Валабуева, Алексея Дмитриева и Романа Горбунова, 4-го – Федора Герасимова, Трофима Васильева, Федора Кухина, Михайлу Пигарева, Федора Бринкена, Андрея Гараева. Колонновожатых: секунд-майора Марченка, капитана Кузьмицкого и поручика Марченка, кои, будучи в сей должности, колонну по исправности их довели к надлежащему пункту и были до окончания всего действия, а притом секунд-майор Марченко был бессленно в траншеях и при закладывании батарей, напоследок вожатым колонны и по доброй воле спустился в ров, из первых взшел на бастион, обратил пушку в город, где и ранен; при нем же, Марченке, находился неустрашимой в подвигах кадет Иван Кригер, который поступал мужественно и на бастионе ранен, а поручик Марченко также находился и при строении батарей левого фланга.

Лейб-гвардии Преображенского полку поручика Викентия Голынского, принявшего после принца Филиппсталя команду, когда он ранен, подавая пример храбрости с первых взшел на бастион. От арнаутской команды секунд-майора Фалкенгагена, оказавшего отменную храбрость, который с охотниками во все места бросаясь, овладел куртинею, жестоко ранен; бывших при нем, Мекнобе, на ординарцах Северского карабинерного полку корнета Ивана Звягольского, Воронежского гусарского полку берейтора Игнатия Треленкова, штаба его, Мекноба, адъютанта Василья Жогина, Лифляндского егерского корпуса 3-го батальона сержанта Петра Бужана, которые при самом действии будучи, в присутствии его употребляемы были по разным местам и исполняли каждой с отменным усердием.

Полковник же Хвостов, взойдя за егерями на бастион и по получении генерал-майором раны, приняв команду, сделал сильную помощь ко истреблению неприятеля, бегущего по куртине, заняв вредившую ему картечными выстрелами на правом фланге батарею, в продолжение четырех часов при жестоком отвсюда огне противился и отражал стремящего с левой стороны, куда итить надлежало, неприятеля. А наконец опрокинув, истребя оного, дошел до Бендерских ворот и соединился с колонною бригадира Орлова, которой полковник Хвостов рекомендует отличившихся мужеством Троицкого полку премьер-майора Борисова, капитанов: Иванова, Исакова, поручика Тарасова, адъютанта Гаврилова, сержантов: Василия Звягина, Ивана Попова и Андрея Слободчикова.

Генерал-майор и кавалер граф Илья Безбородко, командовавший двумя колоннами до полученной им раны, рекомендует бригадира и кавалера Платова, что онный состоял по нем начальником при колонне, составленной из иррегулярных войск, шел под перекрестными с крепости пушечными и картечными выстрелами, не мало вредящими оную, дошел до рва, встречен будучи сильным ружейным огнем и невзирая ни на какие невозможности, ободряя примером своею неустрашимости подчиненных. Также рекомендует он, генерал-майор и кавалер, находившихся во время сражения за дежурного Нежинского карабинерного полку корнета Плеханова, который несколько раз посылаем был с приказаниями в опаснейшие места и поступая мужественно получил рану; Киевского карабинерного полку корнета ж Броуна, бывшего при нем за адъютанта и исполнившего его приказание, также Стародубовского карабинерного полку кадета Мазылевского, бывшего за адъютанта ж, исполнявшего все приказание его в точности. Бригадир и кавалер Платов, отдав справедливость подчиненным своим в храбрости и мужественных поступках, рекомендует

Чугуевского регулярного полку премьер-майора Лазаря Сазонова, взошедшего на вал с охотниками, Малороссийского казачьего регулярного полку секунд-майора Богдановича, который с охотниками, сражаясь с неприятелем, сбив его с места, получил рану; отличный же в храбрости офицер, майор князь Друцкой-Соколинской, вступая на вал, убит, а оставшийся по нем секунд-майор князь Трубецкой заступил его место и, будучи уже на валу, поражал неприятеля вправо, а премьер-майор Степан Платов то же делал влево, и оба завладели бастионами, им предлежащими, причем Платов получил жестокою насквозь в живот рану, а брат его, состоящий в его команде, войска Донского полковник Петр Платов, ранен в грудь.

Между тем неприятель, умножась, сильное делал сопротивление, но подполковник Орлов и при нем премьер-майоры Гиржев и Демьянов, с коих последней убит, с своею командою обратясь вправо, и одержали совершенную над неприятелем поверхность. Поражая его вдоль вала, овладели по пути бастионом, примкнув к колонне бригадира Орлова, и с оною вообще овладели батареею, что у Бендерских ворот. Подполковник же Орлов, получивши две раны, пленил тут татарского султана, и когда неприятель усиливался отбить двоекратно овладевшую батарею, то и тут он, Орлов, стремительно поражал и совершенную взял поверхность над оным, обратился в левую сторону, где подполковник князь Измаил-Бей и с ним гвардии Преображенского полку поручик Гедеонов, приняв, сражались сильно и, сбив одного, овладели бастионом, и Гедеонов ранен; подполковник князь Кантакузен и с ним ротмистр Стародубовского карабинерного полку Андрей Слепушкин, следуя и с командою своею влево по валу, где только встречен был, всюду побивая неприятеля, примкнули к части полковника и кавалера Мартынова, связывающегося с колонною генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова.

Между тем, в сходственность с предписанием, отрядил он, Платов, подполковника Леслия и при нем секунд-майора Портнягина внутрь крепости для подкрепления высадки войск от стороны воды; сей подполковник, сначала наряду с прочими в своем месте, занял влево бастион и отразил неприятеля, препятствовавшего ему в пути, дошел до своего пункта и получил рану; Киевского карабинерного полку премьер-майор Гельвих по приказанию его, Платова, с командою ему вверенною защищал то место, где под его закрытием беспрестанно колонна усиливалась ко всходу, а неприятель стремился многократно сбивать с занятого им там важного пункта, но всякий раз храбрым отпором майора Гельвиха был прогоняем, при том он, Гельвих, и до штурму крепости находился в траншеях дежурным под канонадою. Киевского конно-егерского полку ротмистр барон Лилиенфельд, офицер отличной храбрости, и которому полученные тяжелые раны не препятствовали быть в деле пока было ему можно, того ж полку поручик Иван Ломаковский, о коего неустрашимости также свидетельствуют; капитан Герсеванов и поручик Власов, употребляемы были от его, Платова, в беспрестанные посылки, исправляя все в самой точности.

Полоцкой пехотной полк, резерв составлявшей четвертой колонны, в то время как неприятель с крепости стремился сбить наших с вала, пошел в атаку и мужественно взошел на оный, облегчив немало тем действием колонны. Храбрый подполковник Яцунской скончал тут жизнь свою. Подполковник и кавалер Меллер заступил его место и с таковым же мужеством продолжал действие с сим полком. Чугуевского полку премьер-майор Иванов, который, когда крайность требовала, он с командою между двумя колоннами успел взойти на вал, где, поступая мужественно и поражая неприятеля, завладел бастионом, а после соединился с колонною, прогнали неприятеля с отбитием Килийских ворот. Колонновожатые, секунд-майор Ивашев, бывшей до штурму при строении батарей под канонадою и с ним капитан Зорин, и Белорусского егерского корпуса поручик Ширяев, исполняли дело свое со всякою точностию и исправностию, были всегда при своем месте и примером своею неустрашимостью, подвергаясь всегда опасности, состоя до самого конца дела сего, особливо Зорин, поступая храбро и ранен.

Бригадир и кавалер Орлов, командовавший колонною, составленною из донских и частью из екатеринославских казаков, рекомендует при штурме Измаильской крепости

оказавших храбрость и мужественные подвиги, во-первых: подполковника и кавалера Ивана Грекова, который, стремительно с охотниками поставя лестницу и по оной первой взошел на бастион, несмотря на сильное отражение неприятеля, овладел бастионом и, опрокинув стремление первого, очистил путь к дальним действиям своим, которые производя, не упустил нигде способу, поражал неприятеля и при сильном повсюду наступлении тяжело в двух местах ранен, подавая до того мужеством своим и храбростию пример подчиненным.

Премьер-майора Кутейникова, служащего волонтером и употреблявшего себя по доброй воле с стрелками с храбростию и неустрашимостию, везде впереди бывшего с командою и которой примером следуя в поражении неприятеля, отвращал в самое стремление оного сильным уроном, напоследок ранен. Майоров-премьер: Андреяна Денисова, Ивана Иловайского, Никиту Астахова, секунд-майоров: Степана Грекова и Ивана Краснова, которые, поступая мужественно, были примером, взошед на бастион завладели оным и пушками и из них Иван Иловайской, Никита Астахов и Иван Краснов, отлично поступая, первой взошед на бастион стремительно, а и последние оба, а паче Астахов, с отменною храбростию тудаж поспешили, а секунд-майор Степан Греков и спустясь, взошед на куртину, сильно поражая неприятеля, тяжело, а Никита Астахов легко ранены; премьер-майоры Логин, Денисов, полковник Петр Денисов, секунд-майор Иван Греков и капитан Иван Карпов, одолев сильное сопротивление и рукопашной бой, были примером взойти на вал.

Колонновожатые: секунд-майор Ефим Чаплиц, приморского Николаевского полку капитан Енохов¹³⁰, Воронежского гусарского полку поручик Вицент Шиманской, инженер-прапорщик Иванов, должность свою с отменною похвалою исполняли и, приведя колонну к своему пункту, с отличною храбростию наступали на неприятеля, из коих Шиманской ранен в голову, а Иванов в рот пулями, секунд же майор Чаплиц, присоединя к себе бывших в колонне сей десять бомбандиров, мужественно сражался с неприятелем и участвовал к прогнанию вылазки из Бендерских ворот, неприятелем деланной; он, господин бригадир, затем похваляет подвиги бывшего с арнаутскою командою Стародубовского полку ротмистра Буку, который, с неустрашимостию поступая, поражал неприятеля, а равно капитана Балеева, подпоручика Михалакия Арсеновича, прапорщиков: Гиргишана, Петка Цуглука, Марка Сирба, арнаутских капитанов: Иваницу Мику, Маналакия Костина, Георгия Русовича, Георгия Троналета и запорожского сотника Танасия Дмитриева. О протчих же чинах, рекомендованных от сих господ бригадиров Платова и Орлова, имею честь представить списки.

Генерал-майор и кавалер Кутузов отдает справедливость деяниям храбрости бывших в штурме, при стрелках Бугского егерского корпуса 1-го батальона подпоручику Голенищеву-Кутузову, 2-го батальона Степану Авдееву, 3-го батальона сержантам Степану и Павлу Федоровским, Херсонского гранодерского полку охотникам, действующим вместе с бугскими стрелками: капитану Василию Лаптеву, поручику Федору Керну, подпоручику Федору¹³¹ Вельскому, изъявляя притом, что вожатые колонны оберквартирмейстер Булатов, Глуховского карабинерного полку ротмистр Гротовской и при них Бугского егерского корпуса, 3-го батальона, сержант Савва Цветкович, рекогносцируя накануне приступа и с присутствием духа довели колонну к назначенному пункту, бывшие при лестницах, не смотря на всю жестокость огня неприятельского во время приближения ко рву и на урон, от того происходящей, успели лестницы донести и мгновенно в своем месте поставили.

Бугского егерского корпуса подпоручик Павел Катков, прапорщик Павел Ваня, Херсонского гранодерского полку поручик Франц Керн, того ж Бугского корпуса 1, 2 и 3 батальоны под сим картечным и ружейным огнем во время приближения к бастиону

¹³⁰ Следует читать – Жохов.

¹³¹ Исходя из формулярного списка полка, следует читать Павел.

удержались в порядке. Поспешность и стройность их была удивительна, в ров бросились большая часть без лестниц и взлетели на бастион чрез огонь и меч неприятельской, будучи при первом начале с трех сторон утеснены неприятелем, держались мужественно.

Главные споспешники тому 1-го баталиона командир секунд-майор Василей Ергольской, капитаны: Иван Головин, Семен Зайцов; поручики: Андрей Кашубович, Карл Уланиус; подпоручики: Василей Сахаров, Федор Владимиров, Василей Яковлев; прапорщик Иван Руденков; сержанты: Савва Москаленков, Семен Зыков, Яков Порохов, Матвей Хоботов, Иван Старов, Степанов, Аким Коржевской, Павел Яровой; 2-го – подполковник и кавалер барон Егор Меллер-Закомельский; капитаны: Иван Ульянов, Павел Резвой; поручики: Иван Шелин, Сергей Казаринов, Антон Радинг; прапорщики: Аркадий Тимошенко, Василей Гутников, Тимофей Карской и бывшей волонтером Московского карабинерного полку корнет Александр Гогин; сержанты: Степан Мояцкий, Александр Елкин, Григорий Норцов, Трофим Колбицкой, Николай Афросимов, Сергей Андриянов, Михайла Афросимов; 3-го баталиона секунд-майор Сергей Щербаков, капитаны: Петр Десятков, Пантелей Джани; поручики: Иван Милютинов, Иван Слатин; подпоручики: Александр Кузнецов, Иван Брокгаузен, Иван Всеволодский, Пантелеймон Саренков; прапорщики: Яков и Петр Арнольды; сержанты: Максим Коняхов, Иван Арбузов, Петр Ладынин, Илья Живкович, Павел Платцов, Михайла Лукоперов. Бывшие при нем, генерал-майоре и кавалере, дежурной секунд-майор Бугского егерского корпуса 3-го баталиона Петр Алфимов, из волонтеров Ямбургского карабинерного полку ротмистр Павел Кошелев, приморского Николаевского гранодерского полку поручик Самуил Текелий разносили его приказании в сильнейшем огне и способствовали к поражению неприятеля, когда оный пришел рвом в тыл колонны. Когорта волонтерская и полк Денисова взошли, особливо лестницами, на куртину с поспешностию и мужеством, храбрость нижеписанных заслуживает одобрения. Когорты волонтерской подполковник Никорица, конной гвардии корнет Раевский; когортные поручики: Иван Тома, Яков Плахотной; подпоручики: Егор Нашкович, Дмитрий Инглез; прапорщики: Дмитрий Панфилов, Андрей Яни; полку Денисова премьер-майор Тихон Денисов¹³²; есаулы: Матвей Шелимонов, Иван Чернов, Моисей Шматков, Ерофей Кожевников; сотники: Федор и Федот Денисовы, Гаврила Архипов, Никита Лагутин, Василий Булатов, Лев Поляков, Феклист Ерофеев, Леон Пономарев, Иван Воронин; хорунжие: Иван Лагутин, Ермолай Бондарев, Филипп Курлянцов, Тимофей Перепелкин, Петр Сахаров, Иван Бакланов; полковой писарь Климов – оказывали свою храбрость и мужество.

Скоро после занятия бастиона приведен бывшей в резерве Херсонской гранодерской полк, который, перешед ров, занял вал в подкрепление бугских егерей и потом при усилившемся неприятеле поражае оногo. При сем опыты мужества оказали премьер-майор Массон, Херсонского полку капитан барон Будберх, Алексей Линской, Александр Абальмасов, поручики: Кирила Высоцкий, Корней Петров; полковой квартирмейстер Михайла Баранов; подпоручики: Афанасий Калачевской, Иван Шевцов, Петр Абаза, Никифор Александров; адъютант Анисимов; прапорщики: Бороздин, Кочкин, Нешкович, Овцын; сержанты: Копылов, Пушкарев, Рыков, Шишкин, Керн, Константинов.

Господин генерал-майор де-Рибас отдает справедливость отличной храбрости и мужеству подполковникам: де-Рибасу, Энгельгарду, Мелисину, волонтеру дюку де-Фронсаку, премьер-майору Евгению Маркову и секунд-майору Тихановскому и притом рекомендует служащих во флотилии и 10 числа начавших бомбардирование, продолжающих двадцать часов в 80-ти сажнях от бастиона Каменного, под картечами неприятеля капитан-лейтенантов Семена Мякинина, Николая Дзивовича, Ивана Шостака, кавалеров Федора Лелли и Андрея Башуцкого; такое ж время державших канонаду отрядного

¹³² В другом месте Тихон Денисов назван подполковником. Согласно формулярному списку, он с 1788 г. был премьер-майором, а в 1790 г. произведен в подполковники.

начальника над лансонами капитана-лейтенанта и кавалера Ломбарда, а после отсутствия его за другим препоручением, капитана-лейтенанта Павла Савицкого, частных командиров десяти лансонов, продолжавших непрерывной огонь 12 часов; Орловского полку секунд-майора Иосифа Трубникова, который притом потерял все свое имение, бывшее у него на «Константине»¹³³, морских баталионов секунд-майора ж Бутми де-Кадмана, действовавшего также с своею частию 8 часов.

После взятия Измаила Суворову подвели редкую лошадь, которой не было цены, и просили принять ее в память знаменитой эпохи, но он отказался, сказав: «Нет, мне она не нужна. Я прискакал сюда на донском коне, с одним казаком. На нем и с ним ускачу обратно». Тогда один из генералов заметил ему, что теперь он поскачет с тяжестью новых лавр. На это Суворов отвечал: «Донец всегда выносил меня и мое счастье».

На сих лансонах командиры отличными своими трудами и храбростию заслуживающие славу, подпоручик Дмитрий Глези и Егор Саморупа, который 20-го числа ноября от взорвания бывшего у него 14-го лансона не только потерял весь экипаж, но лишился тут и сына, подобно тому и все лансонные командиры заслуживают награждение, как-то: подпоручик Яни Ангелато, мичман Лазарь Марангопуло, прапорщики: Анагности Калимери, Савва Станшич, Дмитрий Панитор, Михайла Иордан, Иван Марабути, Юрий Юнопуло, Дмитрий Влахули, Иван Глези и Жоржи Ричардопуло; шкипер Анастасий Пайсинов, Николай Кордюз и Дмитрий Кулаков, а особливо заслуживают внимание лейтенант и кавалер Иван Бардаки, поручик Кондогури, подпоручик Зосима Купа, прапорщики: Андрей Нейза, который на затопшем его, 20 числа ноября, лансоне потерял свой экипаж; Перо Дмитриев, Панайот Паниторов и шкипер Шиоки, который также лишился всего, что у него было, от потеряния 20 ноября 1-го лансона, на судах, вместивших на себе 2-ю колонну.

Капитана-лейтенанта и кавалера Кузнецова, находящегося при нем, господине генерал-майоре и кавалере де-Рибасе, флаг-адъютантом; капитана-лейтенанта и кавалера Константинова, секунд-майора Кизаляра, флигель-адъютанта Розетти, лейтенантов: Дементия Михайлова, Павла Колзакова, Евстафия Андреева, употребляемого везде в посылки и бывшего по произвольному желанию в десанте, Андрея Сидагурова, мичманов: Андрея Салькова, Всеволода Тулубьева, Матвея Микрюкова, Сергея Малеева, Ивана Казанцова, Николая Стамати; штурмана подпоручичья чина Ивана Фоллета, боцмана прапорщичья чина Ивана Варинга, прапорщиков Дуду и Захара Артамьяни.

Действию всех оных офицеров были доказательством, что они наложенные на них должности исправляли и показали подчиненным своим пример особливою храбрости; морской артиллерии капитан 3-го ранга Тимофей Хадыкин, определенный при флотилии за цейхмейстера с начала укомплектования флотилии, неусыпно трудился при своей должности; ныне ж, во все время бытности под Измаилом, находился в сражениях и при штурме, спомоществовал снарядами как на судах, так и на сухопутных батареях в самых

¹³³ Корабль, взорванный случайным попаданием.

сильных канонадах; помощник его, артиллерии капитан-лейтенант Петр Бирбах во всем отвечал своему долгу, как и пользе службы морских баталионов; капитан Моисей Бабкин, 20-го числа ноября, охотою ходил с брандерами, при штурме высаживал войски и во все время сражения оказывал себя отлично храбрым и неустрашимым офицером, сверх сего оказывает неусыпные труды в продовольствии флотилии, имея в содержании своем все припасы по комиссарской должности; поручик Александр Приказной, пред штурмом приехавши из адмиралтейского правления с казною, охотно был в сражении, находясь во время бомбардирования 10 числа чрез все время на дубель шлюпке № 3-го и собою показывал действительно пример нижним чинам, и находящейся на двойной шлюпке № 6-го морских баталионов сержант Григорий Назаревской, быв чрез все время бомбардирования, оказывал довольно свое усердие и ревность во всех ему препорученностях. Находящейся при нем, господине генерал-майоре и кавалере, приморского Николаевского гранодерского полку поручик Григорий Кирьяков, Черноморского войска есаул, армии поручик Юрий Дрянчев, приморского Николаевского гранодерского полку подпоручик Осип Корженевский, Ингерманландского пехотного подпоручик же Григорий Беляк, штаба его, господина генерал-майора, адъютант Иван Курдиманов, штурман порутчичья чина Тимофей Матвеев, Черноморского войска есаул, армии прапорщик Федор Кузьмин, хорунжий Иван Водолажской, сержанты: приморского Николаевского Еремей Савоини, баталионов морских Павел Лукьянов, употребляемы во все время канонады, бомбардирования и штурма во все наиопаснейшие места для рассылок с приказаниями, кои они в точности с неустрашимым духом и рвением исправляли, а особливо поручик Кирьяков, который и другие исправляет всегда возлагаемые от него, генерал-майора, весьма важные должности. Затем похваляет отличное рвение и усердие и храбрость войска Черноморских казаков: войскового писаря Тимофея Котлеревского, войскового есаула, армии премьер-майора Захария Сутиху, полковников, от армии секунд-майоров: Алексея Высочина и кавалера Макея Гулиху, Савву Белого, полковников: Козьму Белого, Лукьяна Тихановского, Ивана Шама, Константина Кардовского и Давида Белого.

Генерал-майор Арсеньев рекомендует премьер-майора князя Шаховского, который, презирая всякое неприятелей сопротивление, занимал мужественным образом нижнюю батарею, лез в амбразуру и, сражаясь персонально саблею, так, как и команда его штыками, лишился сперва левой руки, но в жару том сей храброй офицер, не чувствуя еще того и продолжая сражение, наконец занял батарею, где вторительно получил в голову жестокую рану, от которой, обессилив, уже упал; однако ж команда его Херсонского полку взшла на кавальер, а в то время и секунд-майор Войков стремительно с другой стороны, купно с капитаном Посниковым и подпоручиком Ефимовичем, на тот же кавальер входя чрез амбразуры, занимали, сражаясь штыками. Наконец, особливо храбростию господина полковника Дубова и людей его команды, совокупным рвением секунд-майора Войкова и капитана Посникова и подпоручика Ефимовича, равно и отличным поражением врагов от премьер-майора и кавалера графа Морелли, кавальер остался занят, причем отличились отменною храбростию, мужеством и неустрашимостию того Херсонского баталиона капитаны: Шлихтен, князь Вяземской, Аникеев, Бешенцов и Гурьев, поручики: Юнашевской, Шейнфогель, Мистров, адъютант Фокин, подпоручики: Ефимович, Бирюков, Шиц, Зеллер, Ходаровский, Лодыгин, прапорщики: Круцкой и Милютинов, сержанты: Жменской и Пикалов; господин же подполковник Скарабелли, хотя в назначенное время и не мог поспеть со всею своею частию на определенное ему место, ибо из судов его две лодки, потеряв рули от неприятельских ядер и картечь, быв унесены течением воды вниз крепости и в совершенном несостоянии поспеть в свое время, но особливим его попечением, высадя людей из одной на берег, а другую оставя, спешил и прибыл на свое место весьма мало умедля, встретился с неприятелем и, храбро оного поразя штыком, овладели в части ему препорученной двумя батареями, штаба его светлости генерал[ьс]-адъютанта графа Жерманьяна.

Сей, имея в препоручении левой фланг сей части, неустрашимо сразился с

неприятелем, усилившимся на строящейся еще фронт, поражая одного, опрокинул и прогнал; тут оказали себя отличным мужеством и храбростию прикомандированной из Рязского пехотного полку секунд-майор Войков, также того Николаевского полку капитаны: князь Гагарин, Малышев, поручики: Корнеев, Никонов и Петр Андреев; подпоручики: Павлов, Абатуров, прапорщики: Умрихин, Петр Бородин, Адлерпорна; сержант Грецов; полковник Митусов на правом своем фланге с помощью отменно и храбро подвизавшегося подполковника Яковлева, мужественно поборя неприятельские все отражении, отменным своим учреждением и храбростию занял батарею, левый же сей фланг, препоруча под команду гвардии капитана Черткова, который неустрашимо занимая на фланге своем батарею и действуя саблею, сам персонально, купно с людьми, поражал сильным образом неприятеля.

Наконец заняли определенные той части все места. В сей части отлично себя показали храбростию премьер-майор Клодель, секунд-майор Люберх, капитаны: Алексопуло, Клингенберх, Солодов; поручики: Ивашенцов, Нортгоф, квартирмейстер Уланов; поручики: Артамонов, Венецкой, подпоручики: Бурцов, Разладин; адъютант Стогов, прапорщики: Мурзин, Беззубцов, Семенской; сержанты: Анкудинов, Коченев, Нартучи и Супонев, равномерно в свое время господин полковник граф де Мас неустрашимым образом прибыл к своему месту, занял батарею анфилирующую берег и поражающую весь десант. В команде его отличили себя мужеством и храбростию, особливо капитан Хвитцкой, поручик Снурницын, подпоручик Берендс, командуя стрелками и составляя голову той части, взошед первой на побережной вал, по нем Сухов, Бочков и Назаров, адъютант Брауерт и прапорщик Гончаров, наконец Полоцкого полку секунд-майор Поманинов был послан от него, господина генерал-майора, для выгрузки и приведения оставшей за отбитием руля на воде роты приморского Николаевского гранодерского полку, который в самой скорости сию выгрузил и устроил, прибыл на бастион.

В то самое время, когда со всей береговой стороны стесненный неприятель на оный делал свое жесточайшее усилие, сим новым и свежим подкреплением не только покушение неприятеля удержано, но оный секунд-майор, взяв две пушки с черноморскими казаками и тою ротою Приморского гранодерского полку под командою капитана Ефимова, спустился на подошву города, имея с собою штаба его адъютанта Всеволожского, которого с частью казаков отрядя в левой бок, приказал ему остановиться на большой площади, куда неприятель намеревал сделать свой скоп, а сам, приметя посредине куртины между кавальером и Килийскими воротами на бастионе толпящихся турок около орудий, навел свои пушки и оными их сбил и занял тот их бастион. Спасшейся же неприятель бежал под ворота, куда за ним также означенный майор следовал, очищая достальную часть куртины и вместе с вышесказанным адъютантом Всеволожским, который по приказу того майора, зашед противу ворот, остановил неприятеля, бегущего внутрь города, и совокупно с ним и означенным капитаном Ефимовым, который ревнительнейшим образом споспешествуя майору в прогнании неприятеля по подошве города и из бастиона поражая пулями, оказал себя и неоднократно с ним находился в поражениях неприятеля весьма храбрым и мужественным, втесня их под ворота и остановя при оных, наведя свои пушки положил на месте множество скопившихся неприятелей, и тем очистил совершенно вал и учредя везде сильные на переходах и площадях пикеты, на коих вторительно оказал себя отбитием усилившихся неприятелей.

Как сказанной капитан Ефимов, так и адъютант Всеволожской, вслед же за откомандированным майором Полчаниновым, послан был на случай нужды и Херсонского гранодерского полку капитан Аникеев, который и следовал за ним по укреплению. Во время сего происшествия, повременно находясь везде сам, из числа здесь упомянутых с отменным мужеством, храбростию и неустрашимостию отлично себя показали и заслуживают особое внимание: господин полковник Митусов, подполковник Скарабелли, Яковлев; гвардии капитан Чертков; штаба Вашей Светлости генерал-адъютант граф Жерманьян; Херсонского гранодерского полку премьер-майор князь Шаховской; секунд-майор Войков;

Полоцкого полку секунд-майор Полчанинов; капитаны: Херсонского – Посников, Гурьев и Шлихтин; подпоручики: Ефимович, который сверх оказания храбрости при занятии кавалера за бегущим неприятелем стремясь, изрубил саблею обороняющегося храбро знаменосца; Шиц и Зеллер, прикосновенной к приморскому Николаевскому; Рязского пехотного полку секунд-майор Воейков; Николаевского полку премьер-майор Клодель; капитаны: князь Гагарин, Сфильев, Алексопула; поручики: Киреев, Нортгоф; подпоручики: Абатуров и Бурцев; прапорщики: Бородин, Адлерпорна и Мурзин; Лифляндского егерского корпуса капитан Хвитцкой, подпоручик Берендс и штаба его, Арсеньева, адъютант Всеволожской, сержанты: Херсонского – Жменской и Пикалов; Николаевского – Гаврила Горлов, Иван Велисаров и Грецов; сверх того он, господин генерал-майор, рекомендует находящихся при колонне его господ волонтеров: инженер-майора де Волана, который во все время с самого начала сражения находился при нем, употребляем будучи в разнесение по части колонны приказаний, также полковника французской службы и кавалера графа Ланжерона, премьер-майора Памплона, инженер-майора Ван-дер Плата, поручика Карлина, прапорщиков: Поджиу и Малакаса, кои, быв распределены по частям, оказывали себя во всех им поверенных должностях исправными и неустрашимыми. Об отличившихся же на лодках в команде господ кавалеров бригадира Чепеги и полковника Головатого, дошедшие от них при рапортах списки Вашей Светлости представить честь имею.

Лейб-гвардии секунд-майор Ираклий Морков рекомендует приморского Днепровского полку подполковника и кавалера де-Рибаса, который, следуя к Каменному бастиону под картечными и ружейными выстрелами, не могли пристать за утопленными турецкими судами к самому берегу, бросился по пояс в воду первой, а за ним и прочие; он тотчас состоящею близ одного бастиона батареею завладел, потом берегом и батареею ж, где переколол множество турок и, видя, что еще Каменной бастион не взят, сбежал подле одного на стену, прогнал неприятеля за два бастиона от одного и возвратился к Броским воротам к открытию оных.

Секунд-майора Юрковского – сей вскочил первой на берег с 300 человеками, взял батарею опрокинув пушки, поразил множество турок, и следуя берегом, встречен был толпою неприятелей, которых также переколол и самого предводившего ими султана. Секунд-майор Герздорф, побив неприятеля, овладел батареею и, видя бегущих по улицам турков к отнятию оной, отразил; секунд-майор Радинг и при нем капитан Есипович также перекололи множество турков, овладели батареею, где и ранены оба; капитаны Шильников и Головин бросились с отменною храбростию из судна и при завладении батареей при поражении неприятеля получили также тяжелые раны; капитан Небольсин и волонтер Ямбургского карабинерного полку ротмистр барон Шпрингпорт, поручики Скалон и Губин, положили неприятелей множество на месте, взяли две батареи, при коих барон Шпрингпорт и ранен; лейб-гвардии Преображенского полку поручик Толстой, быв под командою майора Радинга, с отменною храбростию поражал неприятеля, и положил на месте немалое число; лейб-гвардии подпоручик Цызырев под командою майора Юрковского везде отличал себя храбростию и расторопностию, поражая неприятеля; приморского Днепровского гранодерского полку поручик Тимирев, подпоручик Савченко, и прапорщик Жаке при занятии батареей отменно себя отличали храбростию и рвением; подпоручик Хорват, прапорщик Саламоний, артиллерии подпоручик Ляхов: первые два отличились мужеством, а последней обратил неприятельские орудия на врагов, перебил множество их; подпоручик Пантазий также с отличною храбростию поражал врагов.

Находящиеся при подполковнике и кавалере де-Рибасе полковой квартирмейстер Малявин, адъютанты Запиевской и Панно и аудитор Радевич во всех сих сражениях были посылаемы с разными приказаниями под выстрелы картечные и ружейные и исполняли все с точностию и кроме сего отличали себя лично храбростию в поражении неприятеля; лейб-гвардии Преображенского полку сержант Бахметьев с порученными ему двумя взводами Днепровского гранодерского полку поражали неприятеля: Приморского гранодерского полку сержанты: Щоголев, Буховец, Маслов, Плетнев, Антонов, Егоров,

Соколов, Блашков, Горбунов, Рышковской, Петров, Иванов, который ранен, Волонецкой, Луговской, Быков, Булатов, Черняев, Пушкин и Медведев оказали довольную храбрость; Сумского легкоконного полку подполковник Мелисино с командою 300 человек бросился первой на берег, поразив неприятеля, взял батарею и ранен в ухо, потом встречен был неприятелем, которого также переколол множество и во все время продолжавшегося штурма поступал храбро и мужественно; Киевского карабинерного полку премьер-майор Каховский, поразив многое число неприятеля, овладел батареею: инженер-поручик Реми при взятии батареи отличился отменно храбростию и усердием; артиллерии поручик Серафими с отличною храбростию занял батарею, поражая везде неприятеля; Бугского егерского корпуса капитан и подпоручик Иванисовы поражали неприятеля с отличною храбростию; заслуживает притом внимания и сержант Износков. Белорусского егерского корпуса 4-го батальона командир премьер-майор Белуха, вышед на берег с своею частию, первый против ложаментов бросился с отличною во оной храбростию, опрокинул неприятеля и взял батарею, где и ранен; секунд-майор Кобле, подходя под выстрелами неприятельскими и обломком, отбитым из пушки, у лансона ранен контузиемо, сброшен в воду, откель вытащен и невзирая на все сие бросился на берег первый, где встретился с неприятелем, намеревавшим отбить батарею, с отличною храбростию отразил оного; капитаны Петерсон и Карпов, поступая храбро, отбили пушки; капитан Беленихин, поручик Потемкин, а с ними подпоручики: Матякин, Колокольцев, Полозов, Божков, Голле, прапорщики: Коломенцов, Самойленков, Пашинской и Соколов отличились отменною храбростию и ревностию; оного ж батальона сержанты Астахов, Осокин, Тагостин, Завадовский, Коновалов, Павел и Тимофей Гнедичевы отличились храбростию и расторопностию, бросаясь на неприятеля; принц де Линь, командовавший срединою десанта, со отменною храбростию поступая к берегу, под картечными и ружейными выстрелами не дойдя еще до берегу, ранен пулею в ногу, но презрев сие, бросился первой на берег, показав сим пример, по которому за ним все следовали; поражал сильно неприятеля и хотя от раны уже ослабел, однакож не преставаая упражнялся в поражении неприятеля.

И волонтер дюк де Фронсак, находясь при принце ж де-Лине, последовал везде с отличною храбростию и рвением, состоя и до самого взятя города; Смоленского драгунского полку подполковник Энгельгард, вспомагаю во всех движениях принцу де-Линю и приняв от него команду, поражал неприятеля с отменною храбростию и взял батарею и потом, сражаясь много раз с неприятелем, оказал мужество и неустрашимость, имея верх над оным; Белорусского егерского корпуса второго батальона командир подполковник Талызин с отменною храбростию и рвением атаковал на штыках неприятеля, защищавшего батарею, оного поразил и овладел батареею, а потом неоднократно с неприятелем сражался и неустрашимостию своею дав пример подчиненным, везде встречающихся поражал; того ж корпуса 3-го батальона командир подполковник Елчин, по высадке на берег, имел в предмете ближайшую батарею, неустрашимо оную атаковал, поразил неприятеля, овладел батареею и оказал в сем случае мужество отличного офицера; оного ж корпуса 2-го батальона капитан Теплов с отличною храбростию и неустрашимостию взлез первой с стрелками на вал, поражал неприятеля, где и ранен; того ж батальона поручик Дранников с отличною храбростию поступал и отбил пушки; поручик Бекер, невзирая на полученную рану, с неустрашимостью поражал неприятелей; адъютант Быков и комиссар Федоров были посылаемы от командира своего в жестокой огонь и исполняли приказании с усердием и рвением; сержанты: Поляков, Ильин, Харитонов, Балагуров, Попов с отличною храбростию бросились на неприятеля, поражали оного; третьего батальона капитан Карницкий, поручик Вуич, подпоручики: Иванов, Говорливой, Касьянов и Бартенев с отличною храбростию и рвением поражали неприятеля, быв всегда впереди своих подчиненных, оказывали им собою пример мужества; находившиеся при господине гвардии секунд-майоре Моркове отставной секунд-майор Каменец, штаба его светлости флигель-адъютант де-Рибас, приморского Николаевского гранодерского поручик Буганель; Херсонского гранодерского капитан Зыбин, подпоручик Яненков; Днепровского приморского прапорщик Савин; сержанты

Васильковской и Бугского егерского корпуса Чернявский, быв употреблены под картечными и ружейными выстрелами, с разными приказаниями с отличною храбростию [и] рвением исполняли все им порученное, а затем они же и от подполковника и кавалера де-Рибаса употребляемы с разными командами в действие, который свидетельствует в отличной их храбрости в поражении и истреблении противников.

А. Русин. Въезд А. В. Суворова в Измаил

Находившиеся при принце де-Лине и дюке де-Фронсаке Днепровского гранодерского полку сержанты Соколов и Розенгейм, о которых свидетельствует сам принц в их храбрости и рвении в исполнении данных от него им повелений; ведущие второй десант передней линии штаба Вашей Светлости генерал-аудитор-лейтенант Лошаков, Орловского пехотного секунд-майор Трубников, штурман подпоручичья чина Фоллет и боцман прапорщичья чина Жаринг – с неустрашимостью пристали в предписанное им место и после оногo самоохотно были во всех сражениях с отличною храбростию и усердием, подвергая себя во все опасности, до самого окончания находились. Второй линии ведущей десант капитан-лейтенант Савицкой, лейтенант Колзаков, который был тоже во все время сражения с отличною храбростию, исполняя свою должность с неустрашимостью, и пристали на предписанное им место; состоящие на острове на батареях Херсонского гранодерского полку капитаны: Ушаков, Попондопуло, Куличкин; поручики: Карпека, Марганов и подпоручик Арбенов, трудясь неусыпным старанием у бомбардирования города во всю ночь до самого штурму, причиняли великой вред неприятелю. Флота капитан-лейтенант Ломбард, имея Днепровского приморского гранодерского полку дивизион, с коим он с отличною храбростию поражал везде врагов, убивая премножество штыками, служа всегда впереди примером храбрости подчиненным флота; лейтенант Фокс Днепровского приморского полку с ротой, быв при разбитии сераскера и с отличною храбростию поступал, где и ранен.

Господин генерал-поручик и кавалер Самойлов отдает справедливость артиллерии господину генерал-майору Тищеву, лично присутствовавшему при произведении из батарей наших по неприятельской крепости канонады, а генерал-майор Тищев рекомендует бывших

при осаде города на батареях, оказавшихся расторопностию и рвением бомбардирского полку капитанов: Николая Глазенапа, Густава Буша, Хрестьяна Граве, Петра Миллера, Ивана Полетаева; поручиков: Карла Тизенгаузена, Николая Дурасова, Владимира Иванова, Ивана Христекека, князя Владимира Яшвиля, Алексея Озерова, Ивана Черепова, Осипа Паскевича, Платона Оленина; подпоручиков: Василия Глухова, Якова Гине, кавалера Степана Творогова, Федора Осипова, Петра Древица, Арнольда Кимберха; адъютантов: Николая Кологривова и бывшего во время самого штурма с четырьмя орудиями у ворот, с великим успехом у оных неприятеля поражающего адъютанта Ивана Кимберха; штык-юнкеров: Алексея Владимировича, Степана Барановского, Ивана Самбу, Василия Кубасова, Христофора фон Ховена, Николая Матониева и бывших на штурме охотниками, сержантов: Петра Лихачева, Леонтия Федотова, Степана Томазова, Ивана Гордеева, Алексея Петрова, Михаила Ильина. Сверх всего господин генерал-майор и кавалер де-Рибас похваляет подвиги и неустрашимость подполковника Достанича, командующего частию войск от воды при штурме, которого храбрые действия и неустрашимость, и распоряжении весьма похвальные.

Он же, господин подполковник Достанич, рекомендует Ингерманландского пехотного полку капитана Кузьмина; Алексопольского капитана Попкова; приморского Днепровского гранодерского поручика Зиновьева; Алексопольского поручиков Тихановского, Аргамасова и Десятова; подпоручика Тейхера; прапорщиков: Гагрин, Абалмасова и Петрова, сержантов: Русова, приморского Днепровского гранодерского полку Медведева; морской артиллерии сержанта ж Змионского, соответствующих храбрости и неустрашимости, Алексопольского секунд-майора Тихановского, командовавшего второю частию под сильными ружейными выстрелами неустрашимо и овладевшего батареею и семью знаменами; находящихся в его команде Алексопольского пехотного капитанов: Шенхиладзева и Палицына, поручиков: Агибалова, Будберха и прапорщика адъютанта Котельникова; прапорщиков: Толкачева, Феофилаьева и Попова; сержантов: Степанова и Гущина; соответствующих ему храбростию и мужеством секунд-майора Малья, разбившего превосходное число неприятелей; Ингерманландского пехотного капитана Кузьмина, взлезшего первого на лестницу, также находившихся при нем для разных посылок в опасных местах, морского 2-го батальона подпоручика Альбертова, Николаевского гранодерского прапорщика Анкудинова, волонтера прапорщика ж Лантерни.

За всем тем отдаю особую справедливость искусству и подвигам артиллерии майору Якову Гельвигу, который употреблен по особенной его способности на батарее правого фланга, производя пальбу, нанес в городе неприятелю сильный вред так, что разбив палисад пред казематом на берегу, принудил замолчать неприятельским против наших батареям, заслуживает всякое воздаяние; подпоручик Александр Сычевской и штык-юнкер Яков Гельвих; сержанты: Алексей Петров и Николай Титов, состоя под командою его, Гельвиха, будучи на батареях, по хорошим их подвигам заслуживают воздаяние; сержанты ж, состоя на штурме, поступали подвижно.

Отдавая полную справедливость находящимся при мне чинам, кои исполнив все приказания мои заслуживают особое внимание, подполковники: Стародубовского карабинерного Аким Хастатов, Новгородского пехотного Владимир Горчаков, Малороссийского конно-гранодерского Степан Ширяй – посылаемы были от меня к колоннам в опаснейшие места, превозмогая все трудности под картечными выстрелами доставляли мои повеления в точности, из коих Горчаков состоит при мне дежурным, исправляя свою должность с особым рачением и успехом, за что все и заслуживают воздаяния. Апшеронского Крестьян Бер, Черниговского карабинерного Карл Броун, Стародубовского карабинерного Иван Соболевский – находились при мне во все время штурма, из коих Бер особливо исправлял возложенности с усердием, а Броун и Соболевский были посланы в разные места.

Премьер-майоры Новгородского пехотного Яков Тоузаков, Глуховского карабинерного Иван Ханенко, Санкт-Петербургского драгунского Иван Курис. Тоузаков, при построении батарей, на правом фланге под сильною канонадою находясь, и у траншей под командою с

города работников из казаков при открытии батарей, утесненных от пальбы возбуждал, показал тем неустранимость, и работа в скором времени окончена, а потом он и последние оба при мне находясь, передавали мои приказания в разные опасные места со всяким радением тщательно, особливо же Курис, находясь и при других ему порученностях. Обер-квартирмейстер Федор Лен рекогносцировал крепость, с лутчим узнанием всех мест был под картечными выстрелами с неустранимостью выбрав удобные места для заложения демонтировать батарей и при открытии оных на правом фланге под канонадою успевал повсюду с отличным успехом и расторопностью, за что и заслуживает особенного вознаграждения.

Секунд-майоры Северского карабинерного полку Петр Корицкий, Фанагорийского гранодерского Семен Эстко, Стародубовского карабинерного Лев Кельхин – находились при мне, посылаемы были с моими повелениями в разные наиопаснейшие места под картечными выстрелами, доставляли оные в самой точности, из коих Кельхин ранен картечью; Корицкой же во все время имел особенные препоручения, исправлял с особенным рачением; Эстко же послан был с двумя эскадронами карабинер Северского полку на подкрепление третьей колонны, коих приведя, во рву спеша карабинер, приказал опустить в оный, как и взойти на вал по лестницам. Лейб-кирасирского полку ротмистр князь Василей Горчаков, Малороссийского гранодерского капитан Михайла Семенов, Углицкого пехотного капитан Богдан Греве, Смоленского пехотного Вилим Людвиг, инженер-поручик Илья Глухов, артиллерии поручик Иван Черепов, Ростовского пехотного полку квартирмейстер Петр Гавриленков, находясь при мне, посылаемы были в опасные места, передавали мои повеления в точности, из коих князь Горчаков и Черепов были при строении батарей под канонадою; Глухов же многократно рекогносцировал крепость, был при заложении батареи и порученную ему должность по званию его выполнял с особенным рачением и прилежностью неутомимо. Северского карабинерного полку квартирмейстер Федор Романович, поручики: Санкт-Петербургского драгунского Никифор Небольсин, Стародубовского карабинерного Алексей Соболевский, Ростовского пехотного князь Петр Ухтомской, Фанагорийского гранодерского Иван Магеровской, Стародубовского карабинерного Ананий Унтилий, подпоручики: Ростовского пехотного Иван Енохин, Новгородского князь Петр Мышецкой, Фанагорийского гранодерского Давыд Ильметьев, Стародубовского карабинерного Михайла Значко-Яворский, Черниговского карабинерного корнет Петр Тищенко, Стародубовского карабинерного корнет Александр Курбатов, Черниговского пехотного прапорщик Степан Сокологорский, Стародубовского карабинерного корнет Яков и кадет Соболевские, Черниговского карабинерного кадет Павел Анучин – находились при мне на ординариях, посылаемы были с повелениями в разные места и доставляли оные исправно, из которых Романович, имея особенную препорученность, исправлял оную рачительно и со успехом.

Инженер-прапорщики: Павел Иванов, состоя у разных препорученностей, Михайла Новгородцев, находясь при строении батарей под канонадою, были сверх того водителями у колонн и взощед оба при своих колоннах на бастионы, при завладении оными Иванов тяжело ранен; войска Донского войсковой старшина Иван Денисов, армии капитан Николай Протопопов, волонтеры: капитан Дмитрий Шкодра, поручики: Ивангелий Удрянский, Филатов, Иванеев, подпоручик Агап Ляпин, есаул Дмитрий Михеев, хорунжий Федор Аладьин, сотник Иван Попов, пятидесяцкой Прокофий Уманский, находились Денисов и Протопопов при мне в конвое и были посылаемы с повелениями в разные места, как и прочие при разных употреблении исправляли возложенность с усердием.

Штаба моего секретарь Захар Уманский, переводчик Павел Берладской – употребляемы были на посылки в опасные места и сверх должностей своих в других препорученностях отлично со усердием и расторопностью успевали; вахмистры: Черниговского карабинерного Федор Захарьин, Северского карабинерного Иван Палашкин, Киевского Алексей Могиловец; сержанты Апшеронского пехотного: Алексей Зверев, Василей Кащенко, Новгородского Григорей Цурпалев, Никита Хорошев, Петр Трунов, Белорусского егерского корпуса, 3-го батальона, Петр Морозов, Черниговского Василей Пономарев, Новгородского Андрей Каплинский, Фанагорийского гранодерского Петр Максимов, Екатеринославского егерского

корпуса, 4-го батальона, Прокофий Калинин, Орловского пехотного Григорей Харитонов – находились как до штурма, так и при оном, исправляя препорученность со усердием и радательностью. Секунд-майор Марко Портарий, земской депутат, поручик Николай Диадуров, – сии оба находились для перевода турецкого языка, исправляли должность со усердием, особливо Диадуров, находясь при корпусе, выполнял свою должность и по многим препорученностям оказывал свою рачительность и успехи.

Белорусского егерского корпуса секунд-майор Иван Арбузов находился при господине графе Чернышеве у примечаний военных действий, посылан был в разные опаснейшие места и исполнял все препорученное с усердием и ревностно. Новгородского пехотного полку премьер-майор Василей Островской, при сооружении батарей противу крепости на правом крыле, был дежурным траншейным, расставлял пикеты близ самой крепости и бесменно находясь на батареях до самого приступа, под жестокою канонадою оказал опыты усердия и неустрашимости; во время же приступа определен был, препровождая первые две колонны для донесения о успехах, что исполнил с похвальною расторопностью и напоследок отправленные пушки с гранодерскою командою ввел в крепость с похвальным мужеством и заслуживает особливое воздаяния.

Полковник Тизенгаузен находился у снятия планов и замечания действий колонн и употребляем в другие опасные случаи, заслуживает всякого воздаяния. Стародубовского карабинерного полку подполковник и кавалер Аркадий Воеводской находился в исправлении должности генерал-квартирмейстера-лейтенанта, по знанию инженерной науки и ревности его к службе употреблен был к сооружению батарей, к осмотру крепости и назначению предметов, подавал полезные правила для приступа и всякие возложения исполнил с точностью и похвальным искусством, объезжая неоднократно вокруг крепости на ружейной выстрел; во время же приступа употребляем был от меня в разные и опаснейшие места с повелениями, исполнял оные с точностью, рвением и неустрашимостию, взыскающими моего одобрения, заслуживает всякого воздаяния.

Обер-квартирмейстер премьер-майор барон Каленберг, при строении демонтир-батарей левого фланга, где и успел в одну ночь построить две; во время штурма препоручено оному ж было для замечания движений колонн левого фланга и Запорожской флотилии, что все сие он исполня и при части иррегулярного войска пришел к штурму. Поручик Федор Хоментовский употреблен был для снимания мест и во время штурма для замечания движения колонн правого фланга, також и в чертежах находился. Подпоручик Ефимий Шильдер в снимании разных мест, также и в чертежах находился; инженер-капитан Иван Фальконе исправлял должность свою ревностно.

Генерал-вагенмейстер Павел Белуха при беспрестанных заботах моих успел доставить пропитание войску и тем подал способы облегчить о сем попечение, способствуя подвижно и в протчих нужнейших надобностях заслуживает всякого воздаяния.

Урон с нашей стороны в сей столь твердой крепости не более как убитых нижних чинов 1815-ть, раненых 2445, кто ж именно убиты, ранены, господа генералы, штаб- и обер-офицеры – подношу Вашей Светлости ведомость¹³⁴.

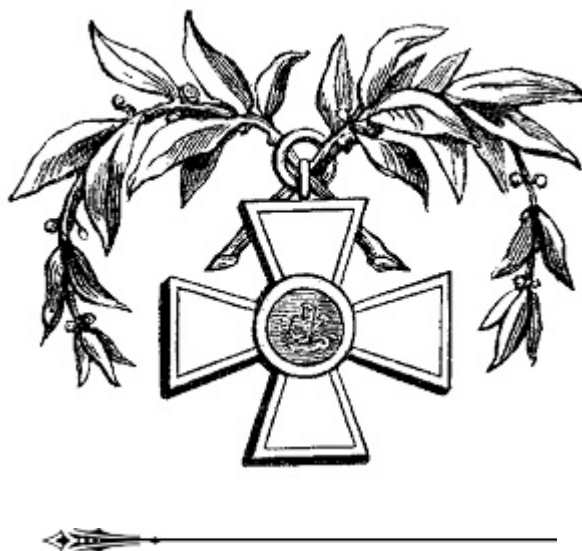
Неможно превознестъ довольно похвалою мужество, твердость и храбрость всех чинов и всех войск, в сем деле подвизавшихся, нигде более ознамениться не могло присутствие духа начальников, расторопность и твердость штаб- и обер-офицеров, послушание, устройство и храбрость солдат, когда при всей твердости укреплений Измаила со многочисленным войском, составлявшем по меньшей мере в тридцати пяти тысячах, при твердой и отчаянной неприятеля обороне, продолжавшейся шесть с половиною часов, повсюду неприятель поражен был, сохранили всюду порядок. Сие исполнить свойственно лишь храброму и непобедимому российскому войску. Бог, благословляя ревность нашу к престолу бессмертной славою Екатерины, поборствовал своею мощною рукою в сем

¹³⁴ К документу были приложены списки убитых, отличившихся в сражении.

подвиге.

Светлейший князь, Вашей Светлости угодно было поручить мне начальство над войсками, на сей знаменитый подвиг сближенными, кто более Вашей Светлости знает цену ревностной службы, кто более Вас ознаменует отличающихся храбростию, если знаменитая победа над Измаилом заслуживает Ваше одобрение, уповая, что все чины войск, мне вверенных, соответствуя столь ревностно моему усердию, заслужили славу и воспримут достойное воздаяние заслуге. Сие будет одобрением начальства моего, уменьшением старости моей и опытом пред светом, что я одобрения Вашей Светлости и все чины заслужившие со мною, благоволения Вашего и милости Ее Императорского Величества достойны.

Генерал граф Александр Суворов-Рымникский

План новой войны против Турции (1793)¹³⁵

1793 г. ноября 10

Турки готовятся к войне; якобинцы внушают им, что некогда они были победителями христиан потому, что действовали только военным способом и что они должны произвести внезапное нападение, не следуя в этом обычаю европейских держав, которые объявляют о разрыве. Со времени прибытия нашего посла в Константинополь я не имею писем от нашего посольства. Однако было бы неблагоприятно с их стороны начинать войну, пока они не приведут свои крепости в надлежащее состояние, а до тех пор они могли бы дать более основательное устройство своей армии, приняв европейские образцы, как они это сделали, и, хотя у них нет Петра Великого, они не будут испытывать совершенного недостатка в иностранных офицерах-авантюристах¹³⁶. Они могут толковать коран на свой лад – прочтите

¹³⁵ Продиктован А. В. Суворовым инженер-полковнику де-Волану. Переведено с копии французского текста. Разработка этого плана была предпринята из-за нового обострения отношений с Турцией и изменения международной обстановки, обусловленных французской революцией.

¹³⁶ В конце XVIII века турецкое правительство, убедившись на опыте войн с русскими в небоеспособности своей армии, предпринимало ряд попыток реорганизовать ее и создать регулярные войска. Для обуения войск были приглашены в большом количестве офицеры-иностранцы. В Константинополе образовалось целое общество таких офицеров, состоявших на жаловании у султана.

на французском языке Малый трактат старого архиепископа Евгения¹³⁷.

Не следует пренебрегать их морскими силами, как это доказывает взятый ими¹³⁸превосходный корабль «Иоанн Предтеча»¹³⁹; их матросы из христиан очень хороши, и хотя многие офицеры не отвечают своему назначению, у них тоже имеются [свои] «Сейтали»¹⁴⁰. Тот недостаток, что они устанавливают на палубах своих судов пушки различных калибров, может быть легко исправлен. Неправда, что они боялись нашего флота в пору его детства, и, как Войнович был этому свидетель, во время последних кампаний прошедшей войны они доказали, что они уже больше не те, что были при Чесме. Вот почему со своей стороны мы должны противопоставить им парусный флот, который мог бы помериться с ними силами и добиться перевеса, чтобы сохранить наш гребной флот и обеспечить безопасность наших берегов от десантов. Это – дело господ адмиралов.

Наш гребной флот, в случае разрыва отношений, будет действовать совместно с наземными войсками. Взглянем же на его состояние и посмотрим, что должно быть выделено в качестве средств обороны, для защиты тыла. Этот гребной флот, в случае разрыва, может выслать в пролив Еникале¹⁴¹ 6 двойных шлюпок, которые прослужат три кампании, 8 лансонов и 3 кирлангича, находящиеся в Таганроге, которые смогут служить 4 кампании, всего 17 судов; сюда прибавятся 50 лодок, находящихся в настоящее время в Тамани, из которых 30–40 не смогут участвовать в наступательных действиях, так как они служили в продолжении всей последней войны. Для защиты входа в Днепровский лиман, между Кинбурном и Очаковом [будут служить] суда, находящиеся в Николаеве – 34 лансона, из которых 15 не смогут прослужить более 2-х кампаний. В Херсоне – 5 старых канонерских лодок и 2 [пловучие] батареи, которые будут вооружены; 1 тробок и 1 томбас. Общее число для этой последней обороны – 24 гребных судна, прикрываемых 2-мя фрегатами и поддерживаемых нашими укреплениями в районе Кинбурнской косы. В общей сложности остается, следовательно, всего для наступательных действий флота гребных судов: бригантин в Николаеве – 1 хорошая и 9 годных для 2-х кампаний, в Херсоне – 2 для 4-х кампаний и 3 хороших, всего 15 судов. Лансонов в Николаеве: 3 хороших и 19 для 2-х кампаний, в Херсоне 8 хороших и 1 для 4-х кампаний – всего 31 лансон. Двойных шлюпок в Николаеве 6, простая шлюпка 1, 2 кутгара для 2-х кампаний; остальные – плохие транспортные суда, каперы и прочее. Общая численность флота будет 55 судов. Господа адмиралы лучше осведомлены о состоянии этого флота и хорошо знают, что нужна быстрая и основательная починка и достаточное увеличение.

¹³⁷ Вероятно, имелось в виду одно из творений богослова, архиепископа Толеданского, Евгения.

¹³⁸ В исходном тексте *prix par eux* (фр.) «взятый ими», но в тексте ошибка – должно быть «взятый у них».

¹³⁹ «Иоанн Предтеча» – переименованный турецкий корабль, захваченный у турок (а не турками) в бою у Тендрова 9 августа 1790 г.

¹⁴⁰ Имеется в виду алжирский адмирал Сеид-Али, известный в турецком флоте своей храбростью и боевым опытом. Был разбит Ф. Ф. Ушаковым у м. Калиакрии в 1790 г. Впоследствии – капудан-паша (командующий морскими силами Турции).

¹⁴¹ Керченский пролив.

Гроби Александра Витальевича! Преподана
 на погребение вине, вонюки разломившия.
 на Екатеринославской Губернии, Маврикия и
 на воево приобретенной области, востановля
 на вата и все предложениия для вѣдѣ
 опасности тамошних граница и сиробо
 вания ИСАИ по трактатах Нижнихъ
 Мора от воево, на разнихъ лигитныхъ жрѣ
 твенн, неуплаченна приносятъ ко исполнению,
 истребована порожнящя салогни отъ Губерн
 Мора и Правительства Екатеринославскаго Ша
 лигитивства Кавказнаго, касяющяся книг
 ре, сиробованнхъ вѣсно тьма тысячъ, итѣ
 обь осинованной на то голыте новостяхъ неж
 ныхъ для всего посольствъ. А вы совершенно гл
 аголася на строй, оуспѣтельности и нехотѣ
 воше, что все предложениие ИСАИ къ обьме
 тению тамошнихъ границъ наипрѣдѣлнхъ.

Истор. 24

образовал и къ свободной ИСАИ абсолютной
 или вѣсти исполнено и стройно вѣсти при
 вѣдах вѣдах вѣсти абсолютной.

Екатерина

Вс с п. Бурит
 Кондръ 20го 1792

Рескрипт Екатерины II от 10 ноября 1792 года о назначении А. В. Суворова командующим войсками Екатеринославской губернии, Тавриды и других вновь приобретенных областей

В Таганроге 58 донских лодок, предназначенных для черноморских казаков, из которых 43 пригодных для вооружения; остальные будут починены к апрелю. Поскольку казаки-черноморцы необходимы для гребного флота, из них нужно составить экипажи для лодок, число которых может достигь 60–65, включая и то, что может быть, использовано для наступательных целей в Тамани.

Этот флот должен иметь вышеупомянутых казаков от 5 до 6000 человек. Если к этим судам не будет ничего прибавлено, их будет слишком мало для набегов на Анатолию, которые, впрочем, не привели бы ни к чему, кроме нескольких опустошений, представили бы мало возможностей для диверсий и могли бы оказаться даже опасными без поддержки парусного флота, перед которым будут стоять более важные задачи. Этот план мог бы быть выполнен лучше всего судовладельцами вроде херсонского купца Макузи, который уже предлагает вооружить 6 судов и обещает увеличить их число до 15-ти; ему потребуются для этого только пушки.

Черноморских казаков, остающихся в своих таманских селениях и в Фанагорийской крепости, которую нельзя бросить на произвол судьбы, удобнее будет поддержать Кубанским корпусом, чем Таврическим через пролив Еникале. Этот корпус обычно состоял из 4-х пехотных полков, 20 кавалерийских эскадронов, от 2-х до 6 полков Донских казаков, смотря по обстоятельствам. От форта Еи [Ейск] и острова Тамани на Черном море до Кизляра на Каспийском море у него имелось на линии коммуникации несколько редутов с небольшим количеством людей и пушек; его капиталъ находился в Копыле, в центральном пункте, местности нездоровой (можно было бы его перенести в лучшую, не слишком удаляясь) и на реке Кубани, в которой вода летом вредна для здоровья. Только колодезная вода доброкачественна и пригодна для питья.

Таврический корпус будет состоять из 6000–7000 пехоты и 1000 чел. кавалерии с 3-мя казачьими полками, артиллерия будет придана соответственно.

Для Кинбурна и его отдельных укреплений нужны 2 пехотных полка, 1 кавалерийский полк и 1 казачий полк.

Первая кампания

Исходя из нынешнего положения турок и так как крепости, уступленные по мирному договору, будут не в состоянии выдержать осаду, то, если окажется желательным предупредить их, надо начать кампанию своевременно, до того, как они, собрав свои войска, двинутся к Дунаю, что обычно происходит только около июля месяца.

Кавказский корпус должен стараться сохранить добрые отношения с черкесскими племенами, чтобы облегчить свои операции. Оставив для охраны своей линии потребное количество войска, он двинется с остальной или большей частью, соединившись с Кубанским корпусом, на Анапу, овладеет ею приступом и немедля сотрет с лица земли; подобным образом он поступит и с Суджу-Кале и Геленджиком. Окончив это дело, оба корпуса вернутся обратно.

Операции за Днестром¹⁴²

Миная Бендеры, отдельный корпус № 2, численностью до 15 000 человек, пройдет вдоль берегов Черного моря, овладеет Аккерманом, Паланкой, Килией, Измаилом и – по левому берегу – Сунией¹⁴³, чтобы облегчить вход в Дунай через это устье нашему гребному флоту, который овладеет Тульчей и Исакчей при помощи десантных войск, коим надлежит быть достаточной численности. Все эти пункты должны быть полностью уничтожены, кроме Килии, которая послужит опорным пунктом второй линии для наиболее важных укрепленных постов в устье Дуная и на мысе Чатал. Суния должна быть укреплена особенно хорошо как единственный проход для больших судов, а также для обороны устья, чтобы не допустить входа в него турецких гребных эскадр, могущих здесь появиться.

Другой корпус, № 1, численностью свыше 20 000 человек, двинется прямо на крепость Браилов, не отвлекаясь на своем пути другими целями, если он к этому не будет вынужден, начнет правильную осаду и попытается овладеть ею в 21 день. Гребной флот, покончив с другими частями своего задания, соединится возможно скорее с этим корпусом для содействия осаде, которая тем не менее будет производиться, не ожидая его.

Точно так же корпус № 3, численностью свыше 15 000 человек, двинется в первую очередь на Хотин, чтобы приступом овладеть им и разрушить его укрепления, чтобы не выделять сил для лишнего гарнизона. Затем он направится на Журжево, которым, если возможно, овладеет с хода; в противном случае путем осады; однако она должна занять меньше времени, чем осада Браилова, так как эта крепость слабее; вслед за этим он немедленно овладеет Рушуком, который, в сущности, никогда не был крепостью. Эти два пункта будут разрушены и уничтожены, жители выведены, так как наши [войска] не нуждаются здесь в постоянных постах. Хорошо, если бы позволило время, таким же путем отделаться разом от Турны и Никополя.

Браилов как главная квартира остается хорошо укрепленным с достаточным гарнизоном, смотря по обстоятельствам, хотя командующий корпусом № 3 должен предупреждать всякую попытку врага, уничтожая его в открытом поле. Поэтому необходимо, чтобы он имел от 36 до 40 000 человек, не считая арнаутов, которых он мог бы набрать. Если не в первую кампанию, то в следующую он с частью этого корпуса, не теряя времени, овладеет Силистрией, Гирсовом, Туртукаем и остальными новыми укреплениями

¹⁴² В оригинале ошибочно сказано «Дунаем».

¹⁴³ Сулина.

турок, которые должны быть так же полностью уничтожены, как и другие, чтобы не держать там постоянных постов и этим разбрасывать войска. После взятия Журжева он легко овладеет Валахией, но, так как он должен быть готов к обороне, то не будет заниматься много Бухарестом; его главная квартира будет находиться примерно в районе Фокшан, в зависимости от обстоятельств. То же самое с Яссами – он выделит гарнизоны в Килию, Сунию, мыс Чатал и Браилов, и, кроме небольших пикетов и необходимых мелких отрядов, три четверти его корпуса должны оставаться всегда сосредоточенными, чтобы бить в поле неверных, которые, чтобы произвести диверсию против корпуса, действующего на Балканах, или обойти его, попытались бы переправиться через Дунай выше Браилова или через Банат, так как это не удалось бы им ниже, поскольку наш гребной флот господствует там до самого устья.

Таким образом, у нас 100 тысяч человек, включая десантные войска гребного флота; даже начиная операцию с 60 тысячами человек, нужно, чтобы остальные следовали немедленно за ними. В случае возникновения препятствий нельзя много отвлекаться ими, время дороже всего – нужно уметь беречь его; часто наши предыдущие победы оставались безрезультатными из-за недостатка людей. Самым ложным правилом является убеждение, что после поражения врага все закончено, в то время как нужно стремиться к более крупным успехам. Так, например, корпуса №№ 2 и 1 могли бы действовать с большей твердостью тотчас после взятия Браилова; но доведенные до 60 тысяч человек, они соединятся против Тульчи, переправятся через Дунай, углубятся до Варны, возьмут ее с хода или штурмом, смотря по обстоятельствам. Гребной флот будет действовать с 30 самыми крупными судами и 40 лодками, оставив в Тульче остальные силы в составе 25 судов и 25 лодок. Он не сможет встать на рейд у Варны до тех пор, пока наш парусный флот там не рассеет, не разобьет или не вытеснит турецкой эскадры. Наш гребной флот должен быть увеличен, но тем не менее он должен всегда находиться под прикрытием парусного флота – с этого момента операции будут комбинированными с операциями сухопутных войск.

Чтобы проникнуть до Варны, нужно постараться разбить турок, которые к этому времени не преминут стянуть свои войска под Шумлой и на этом пути будут двигаться нам навстречу, и быстро преследовать их до Шумлы, которую нужно атаковать и уничтожить; и, так как оттуда до Варны около 15 дней марша, необходимо, чтобы продвижение нашего гребного флота было хорошо рассчитано и чтобы он нашел рейд уже очищенным нашим парусным флотом.

В случае, если Варна не может быть взята приступом, ее возьмут осадой за несколько дней. Это предприятие окажется затруднительным, если турецкая эскадра останется на рейде, что значительно повредило бы нам и нашим работам; поэтому не должно упускать ни одного из имеющихся средств для быстрого успеха предприятия. Совершенно очевидно, что турецкий флот окажется в море, пойдет на сближение с нашим, который даст ему бой, постарается его по возможности разбить и преследовать до Константинопольского пролива; тогда наш флот свободно вернется к Варне.

Адмирал Ушаков доказал бы возможность уничтожения подобной вражеской эскадры после своего последнего морского боя¹⁴⁴, если бы наступивший в этот момент мир не помешал ему это сделать.

Завладев Варной, корпус расквартируется на зиму в Болгарии вблизи Балканских гор, развертывая правое, крыло к Шумле, чтобы начать как можно раньше следующую кампанию.

Расчет времени есть главное правило ведения войны: если не хватит времени для выполнения плана взятия Варны, нужно его отложить на последующее.

Я повторяю, что эта операция основана исключительно на открытии кампании в первые дни весенних подножных кормов; что крепости, кроме Браилова, не в состоянии выдержать

¹⁴⁴ У мыса Калиакрия в 1791 г.

осаду и что турки, до тех пор пока крепости не захвачены, не смогут выставить никакого другого препятствия, так же как и нашему гребному флоту на Дунае. Самое существенное – предупредить их на постах Сунии и мыса Чатал, пунктах, наиболее важных для операции нашего флота. Если турки успеют укрепиться там сами согласно собственным их планам, мы найдем там те же трудности, какие готовим для них.

Наши эмиссары, побывавшие в различных пунктах, только что возвратились и доставили следующие сведения.

Изменения операций

Измаил, совершенно не разрушенный нами в конце последней войны, сейчас стал значительно более грозным, чем был ранее, и, хотя наши эмиссары доносят, что там немного пушек, не приходится сомневаться, что они там имеются в большом количестве; отважиться на приступ – было бы грандиозно. Если мы будем владеть Паланкой, Килией, Вендорами, Аккерманом и устьями Дуная и если гребной флот овладеет Тульчей и Исакчей, будет начата осада, которая может продлиться 31 день. Но прежде, чем ее предпринимать, крупный деташемент войск, как было сказано выше о корпусе № 3, расположенный ближе всего, приступом овладеет Хотинном, следуя к месту общего сосредоточения. Не приходится думать, что турки успеют продвинуть свою армию до Хотина или даже что это было бы для них полезно, как в предыдущей войне. При настоящем положении вещей у них есть пункты, более важные и лучше расположенные для этой цели.

Другие 40 тысяч человек приступят к осаде Браилова. Но если с открытием кампании окажется, что приходится начинать операции с количеством людей намного меньше 100 тысяч человек, будет невозможно брать на себя одновременную атаку 2-х крепостей – Браилова и Измаила. Поэтому, после овладения Хотинном, как было сказано, войска соединятся, если позволят обстоятельства, в один корпус, главные силы которого немедленно овладеют Бендерами, Паданкой, Аккерманом, Килией, а гребной флот, прорвавшись в устье Дуная, одновременно овладеет Тульчей и Исакчей, получит подкрепление у мыса Чатал, как уже было упомянуто, и займет его значительными силами десантных войск, равно как и устья. После этого, оставив гарнизон в Килии и уничтожив остальные пункты, корпус двинется на крепость Браилов, отложив поход на Измаил до следующей операции.

Браилов является пунктом более важным, чем Измаил, так как, овладев им, можно переправить корпус от 15 до 20 тысяч человек в Мачин, где он закрепится в случае необходимости. Это отличный маневр, благодаря которому будет прервано всякое сообщение между верхним и нижним Дунаем и особенно Измаилом, по причине непроходимых мест, находящихся вдоль правого берега реки, между Григорьевским¹⁴⁵ протоком и Концефаном, которые не позволяют маневрировать или просто пройти корпусу в несколько тысяч человек, и уж тем менее армии, которая в любом случае вынуждена будет преодолеть Мачинский проход.

В этой операции совершенно необходимо предупредить турок, так как преодолев этот проход, они не пойдут к Измаилу, чтобы там переправиться через реку, поскольку они найдут пост мыса Чатал хорошо охраняемым нашими десантными войсками численностью от 4000 до 6000 человек и неприступным для отряда такой силы благодаря ограниченности и пересеченности местности у Шионты; но они смогут подойти к Браилову с целью воспрепятствовать осаде, что, впрочем, можно осуществить, только имея 25 тысяч человек и опираясь на крепость; местность эта, по причине узости, в случае атаки может быть защищаема в целом лишь очень незначительным количеством орудий крепости, взятие которой не может быть отложено надолго.

¹⁴⁵ Так в тексте: «*Canal de Grégoire*». По-видимому, следует читать «Георгиевским».

После этого поспешите разбить все, что может оказаться в Мачине, перейдя Дунай под Браиловом; во время осады этой крепости выделите корволант в 15 тысяч человек для наблюдения за сильным гарнизоном Измаила и за выходами из Рени (у устья Прута), а также и для прикрытия обозов в случае необходимости. Его позиция будет за Серетом, и он сможет перейти Прут, чтобы не теряя времени сразиться с такими же силами врага и немедленно возвратиться, чтобы иметь возможность присоединиться к осаждающим. Его командующий не должен никогда поддаваться обману известных демонстраций, хотя они почти незнакомы туркам, не знающим также и последствий наших демонстраций, когда, забавляясь, мы только бесцельно утомляем войска.

Но возвратимся к истинной цели турок: заставить нас снять осаду или оказать поддержку Браилову. Их армия переправится через Дунай, скорее всего, под Силистрией, а не в другом месте. Будучи осведомленными о направлении их движения, надо подтянуть к себе корволант и, оставив нужные силы для продолжения осады, идти навстречу туркам, атаковать их и, разбив, преследовать по возможности, чтобы затем возвратиться и спокойно закончить осаду. В случае, если их армия предпримет то же самое в районе Рени, поступать таким же образом.

Такой способ действий должен быть всегда соблюдаем нашими войсками, и, насколько возможно, они должны следовать правилу разбить врага в поле, прежде чем предпринимать осаду.

После взятия Браилова и нанесения противнику нескольких поражений, которые не заставят себя ждать, наши войска отойдут к Измаилу, чтобы начать осаду и овладеть им по способу, указанному выше. В остальном нужно действовать так, как было указано в первых замечаниях.

Войска, отходя к Измаилу в указанном количестве, в 60 000 человек, оставят прочие силы в Валахии, выделив из них достаточный гарнизон для Браилова; этот тыловой корпус должен быть немедленно увеличен до 40¹⁴⁶ тысяч человек и в то время как первый действующий корпус будет занят осадой Измаила, он должен в это же время действовать на Журжево и Рушук, как было упомянуто выше, очищая оба берега верхнего Дуная, засыпая, срывая и уничтожая все, что встретится из турецких укреплений, чтобы не быть вынужденными держать где-либо гарнизоны или постоянные посты, действуя по мере своих сил, если с самого начала он не будет увеличен до указанного числа. После занятия Измаила нужно точно рассчитать время, чтобы предвидеть, позволит ли поздняя осень действующему корпусу продвинуться до Варны; если нет, то оба эти корпуса расположатся на зимние квартиры в обоих княжествах и операция на Варну будет отложена до первых подножных кормов следующей весны.

Но прежде, чем действующий корпус, перейдя Дунай, вступит в пределы Болгарии, совершенно необходимо, чтобы тыловой корпус был доведен до 40 тысяч человек, чтобы он мог господствовать на всем пространстве и избежать всякого риска, вследствие его слабости, а кроме того, иметь возможность охранять и прикрывать обоз; он будет содержать гарнизоны, как было сказано, в Браилове и Килия. Сильный отряд на мысе Чатал прочно займет Сунию (Килийское гирло, именуемое также Вилкова) и в случае необходимости выход из Георгиевского рукава. Мы опять повторяем, что это не отсрочка операции против Варны, последняя должна быть осуществлена в первую очередь, если, как было указано выше, она начнется заблаговременно, но в случае, если она задержится или ей помешают серьезные препятствия, будет правильно отложить ее до следующей весны, хотя и вопреки нашему желанию. Из-за этой отсрочки будет потеряно немного более месяца. После взятия Варны, с благословением Божиим, отправляйтесь тотчас в поход за Балканы.

Вторая кампания

¹⁴⁶ В других публикациях – 10.

Австрийский двор, если он останется в таких же натянутых отношениях с новым французским правительством, как в настоящее время, не захочет или не сможет порвать с турками, а также не предвидится никакой надежды и в отношении венецианцев.

Если будет нужно или если позволят обстоятельства, чтобы наш Балтийский флот прошел в Архипелаг, то, несмотря на перевес, который он там приобретет, он смог бы воспользоваться только островными греками для корсарской и каперской службы, не поднимая на восстание жителей материка до тех пор, пока наши войска не перейдут Балканы. Тогда они пригодятся для диверсий, будучи вооружены по-своему. На храбрых черногорцев нельзя особенно рассчитывать, так как они немногочисленны и, защищая свои очаги, смогут совершать лишь отдельные набеги.

Можно было бы использовать Махмуда Скутариийского, который до сего времени дорожил лишь своей независимостью, если возбудить в нем честолюбие.

Али-Паша Эпирский, в котором таятся искры недовольства против Порты, может быть легче всего возбужден на восстание. Он пользуется влиянием в своей стране, и у него много приверженцев.

Во время предыдущей войны генерал Подгоричани предложил свои услуги, чтобы набрать полианцев (жителей гор: Гемус¹⁴⁷, Балкан и Болгарии) в Болгарии за Дунаем – дюжину полков этой нации, по ничему этого не было сделано; можно было бы частично воспользоваться этой мыслью, но нужно их вооружать, так как своего оружия у них нет.

В начале последней войны болгары из-за Балкан и из Румелии, или Румынии, посылали депутатов в С.-Петербург. Это обстоятельство разъясняется в прилагаемой записке. Они многочисленны. Их недостаток в том, что они непривычны, как и греки, к собственному оружию, они его не имеют. Необходимо, следовательно, их вооружить соответствующим образом; тогда было бы лучше, если бы они действовали с другой стороны [Балкан] самостоятельно и учинили туркам основательные диверсии. Если бы их оказалось большее число в наших войсках, они сделались бы скорее обузой и поглотили их.

Все, о чем здесь говорится, должно быть улажено и готово не ранее, чем после перехода наших войск через Балканы. Точно так же надо приложить все усилия, чтобы поднять на борьбу как можно больше греков в различных частях их страны, где немало честолюбцев и недовольных, – у них имеется свое собственное оружие.

Для перехода через Балканские горы имеется 3 дороги. Первая, правая, проходима только для верховых лошадей: от Шумлы до Драгой-Киу 20 верст, оттуда до Чали-Кавак 20 верст, до Добрали 20 верст, до Карнобата 20 верст, до Кальдероссана 40 верст, до Фальчи [Факии] 40 верст, до Канара 25 верст, всего 185 верст.

Вторая дорога, средняя, по которой обычно следуют курьеры, годна тоже только для верховых лошадей. От Шумлы, дорогой на Варну, до Праводы 40 верст, до Айдос 40 верст, до Карабунара – 35 верст, до Фальчи [Факии] 25 верст, до Капозы 25 верст, всего 155 верст¹⁴⁸.

Третья дорога, левая, единственно годная для войск и для обозов. Это дорога от Базарджика до Варны, которая разделяется еще на две дороги, одинаково проходимых, а именно: первая от Козлица¹⁴⁹ (в 60 верстах за Базарджиком и 40 верст от Праводы) до Кучук-Балкан 100 верст, до Чорбан 40 верст, до Канара 25 верст, всего 165 верст. Вторая ведет влево прямо на Варну: от Козлица до Варны 95 верст, от Варны до Кучук-Балкан 60 верст, до Чорбан 40 верст, до Канара 25 верст, всего 220 верст и от Варны 125 верст.

¹⁴⁷ Древнее название Балкан.

¹⁴⁸ Итог подсчитан неправильно, должно быть 165.

¹⁴⁹ Козлуджи.

Задунайская Болгария представляет собой страну, изобилующую хлебами и кормами; если в войсках будет поддерживаться хорошая дисциплина, то эта плодородная страна сможет обеспечить их существование на все время. Но за Балканами нельзя найти ржи. Поэтому важно постепенно приучить солдат к употреблению пшеницы в большом количестве.

Овладев Варной в первой кампании или в начале второй, войска перейдут Балканы, преодолевая все препятствия и сражаясь везде, где представится возможность. Необходимо, чтобы наши флоты имели в море решительный перевес над флотом врага, действуя согласованно с нашими сухопутными войсками, под прикрытием парусного флота. Гребной флот возьмет на себя перевозку боеприпасов и продовольствия, чтобы избежать трудностей перевозки по суше.

1. Нужно иметь в Варне очень большой магазин.

2. Такой же магазин должен быть открыт затем в Деркесе или другом пункте в 20–25 верстах от устья Константинопольского пролива. В то время как войска двинутся на эту столицу, нужно овладеть с бою этим пунктом силами гребного флота.

За Балканами от Канара имеется два пути на Константинополь; направо через Адрианополь 50 верст, до Араба-Бургас 50 верст, до Карастипак 20 верст, до Чорлу 30 верст, до Кникли 25 верст, до Силиврии 25 верст, до Пиватаи 15 верст, до Буюк-Чекмедже 20 верст, до Кучук-Чекмедже 15 верст, до Константинополя 15 верст. Итого всего от Канара до Константинополя по дороге через Адрианополь 265 верст. По другой, левой, дороге от Канара до Киркилесси 35 верст, до Араба-Бургас 40 верст, до Карастипак 20 верст, до Чорлу 30 верст, до Кникли 25 верст, до Силиврии 25 верст, до Пиватаи 15 верст, до Буюк-Чекмедже 20 верст, до Кучук-Чекмедже 15 верст, до Константинополя 15 верст, всего от Канара по левой дороге до Константинополя 250 верст¹⁵⁰.

Перейдя горы, возможно, что мы встретим мощную турецкую армию, поэтому весь марш должен быть хорошо рассчитан. Продвигаясь быстро, но осмотрительно, весь корпус дебуширует у западного подножия Балкан и тотчас же по прибытии по возможности разобьет неверных.

Если позволит время года и все препятствия будут преодолены, нужно покончить с самим Константинополем во время этой второй кампании, стараясь ничего не откладывать на третью. Отсрочка породит трудности, но, будучи вынуждены в силу обстоятельств отложить решающий удар до третьей кампании, войска расположатся на зимние квартиры вдоль западного подножия Балкан, между берегом Черного моря и Адрианополем, как можно более сосредоточенно; наши флоты завладеют Бургасом и Сизополисом и зазимуют там.

Строго соблюдайте правила нанесения мощных ударов по турецким войскам, чтобы ослабить их насколько возможно, и не бросайтесь на столицу с риском, как это сделал Юлий Цезарь при Алезии¹⁵¹; различные бои могут у вас отнять много времени, но оно не будет потеряно даром.

Экспедиция на Константинополь

Было уже сказано, что наш флот должен с самого начала войны добиться перевеса на Черном море, разбивая вражеский флот всякий раз, как он появится; по мере продвижения

¹⁵⁰ Итог подсчитан неправильно, должно быть 240.

¹⁵¹ Алезия в Македонии. Юлий Цезарь осадил ее, но подошедшие враги зашли ему в тыл так, что Цезарь вынужден был сделать из своего лагеря крепость, чтобы защищаться против пришедших и против осажденных. Именно тогда он изобрел колодцы, или волчьи ямы, как они называются в фортификации. (*Примечание оригинала*) [В этом примечании ошибочно указано, что Алезия находится в Македонии; в действительности она находилась на территории нынешней Франции.]

сухопутных войск к столице, наши флоты будут наблюдать за берегами, овладевая важными пунктами, остающимися еще между Варной и выходом из Константинопольского пролива, как например: Месембрия, Бургас, Сизополис, и закрепятся в подходящем пункте как можно ближе к устью Константинопольского пролива для организации новых магазинов, выгрузки боеприпасов, пополнения осадной артиллерии, которую невозможно будет везти в полном составе в хвосте наших сухопутных войск ввиду длительности и трудности пути, а также запасных лафетов и другого оборудования, необходимого для проведения намеченного предприятия. Если не представится пункта, более близкого к входу в пролив и отвечающего требованиям, нужно укрепиться в Деркосе. Транспортные суда будут следовать за нашим гребным флотом для снабжения этого последнего всем необходимым и будут поддерживать непрерывную коммуникацию с магазинами в Варне, которые будут снабжаться нашими складами на Днестре и на Днепре.

Между тем более чем вероятно, что остатки армий, разбитых нашими войсками, отступая, будут стягиваться и вновь формироваться под стенами Константинополя или в другом удобном пункте в его окрестностях (знающие местность указывают на удобную позицию между городом и пунктом Домусдере на Черном море, удобную для защиты столицы и входа в пролив без разделения сил) и будут усилены свежими войсками из Азии, откуда путь остается все время открытым. Первой задачей наших войск будет истребление по мере возможности этой новой гидры раньше, чем предпринимать этот последний удар; будет своевременно привлечь на свою сторону восставших христиан в Греции, Болгарии и Румелии и создать из них отборные корпуса, способные действовать согласованно с нашими сухопутными войсками. После завершения этого решающего боя оба наши флота приблизятся к Константинопольскому проливу.

Совершенно очевидно, что большая часть турецкого флота будет расположена в выходе из пролива, между Дарданеллами у Карапче и Пориасом, укреплениями, являющимися существенными опорными пунктами для данной позиции. Поэтому эти пункты должны быть сразу захвачены в первую очередь, и особенно замок Карапче, как наиболее важный, взятие которого должно последовать немедленно после вышеупомянутого сражения.

Со стороны Азии замок Пориас должен быть взят нашими десантными войсками обоих флотов, которые будут сформированы к моменту их отплытия. Разумеется, что это должно произойти на рассвете; надо иметь в составе этого десанта 10–11 тысяч человек, так как это число приблизительно составляет количество десантных войск, которое может быть придано гребному флоту, а именно 5000–6000 солдат регулярных войск и около 5000 черноморских казаков. В то время как в течение ночи будет осуществляться предприятие на замки Карапче и Пориас, наши флоты предпримут попытку направить свои брандеры против вражеского флота: данные о быстром течении в этой горловине обещают нам полный успех. Выполнив эти задачи, оба наши флота, поддержанные огнем из укреплений, захваченных нами, прорвут ряды турецкого флота, который не выдержит этого соединенного удара.

Овладев входом в пролив, наш флот будет продвигаться осторожно, чтобы не попасть под обстрел других наземных батарей, установленных по берегам внутри пролива, пока наши войска не овладеют ими; эти пункты, расположенные вдоль берега и могущие причинить наибольший урон, находятся на европейской стороне: за замком Карапче батареи Карадениса и Румели-Гиссар, Ферапии, Еникени; на азиатской стороне: после Пориаса и «горизонтальной» батареи¹⁵² Тота, замок Анатоли-Гиссар и батареи горы Гигантов. Только при условии, если наши сухопутные и десантные войска, разведав берега пролива, захватят вышеуказанные пункты, наш флот сможет легко приблизиться к городу вплоть до пункта Ортакени, чтобы избежать риска подвергнуть себя слишком рано ударам грозных

¹⁵² Батарея «à fleur d'eau» – береговая батарея, расположенная непосредственно над урезом воды, ведущая настильный огонь.

«горизонтальных» батарей Серая и прежде чем будут даны последние диспозиции для нанесения последнего и сильного удара чудовищу, которое более 3-х столетий тиранило всю Европу.

Если бы наш Балтийский флот смог участвовать в операции, он предпринял бы попытку войти в Дарданельский пролив и Босфор Фракийский, войдя в воды Мраморного моря; тогда можно было бы начать действия против самой столицы путем блокады, сломив ее сопротивление голодом.

Если было бы замечено, что жители города ищут возможности переправиться через Босфор, чтобы укрыться в Анатолии, им будет построен золотой мост¹⁵³.

Если же они будут ожесточенно сопротивляться, нужно в этот момент нанести главный удар и приступить к штурму. Этот последний может оказаться трудным и опасным для наших войск вследствие чумы, которая, так сказать, постоянно обитает в некоторых частях города, а наш солдат, разъяренный после штурма, не преминет броситься за добычей. Вот почему, будучи вынужденными к этой крайней мере, надо суметь удержать солдат у взятых стен и закрепиться, расстреливая противника из наших пушек и этим способом принуждая турок к капитуляции на благоприятных условиях для тех, кто захотел бы удалиться в Азию со своим движимым имуществом, за исключением металлов, которые, впрочем, могли бы быть выкуплены за хорошую контрибуцию. Но если жители будут продолжать отчаянно обороняться, город будет обращен в пепел, причем предварительно будут уничтожены жилища, ближайšie к стене и нашим постам. Если это мероприятие не будет проведено сразу, мы должны будем осуществить его по частям, продвигаясь по развалинам и уничтожая без пощады все, что будет оказывать сопротивление, вплоть до серая и Семи Башен и т. п., которые будут осаждены и взяты приступом.

Австрийцы в Турецкой войне, начавшейся в 1787 году, до соединения их с победоносным российским войском были очень несчастливы. Турки их били и отбирали у них пушки. Суворов, отправляя к князю Потемкину реляцию о Рымникском сражении, сказал курьеру: «Донеси его светлости, что я военную добычу с австрийцами разделил по-братски: их пушки им отдал, а турецкие себе взял».

Случай, когда мы окажемся вынужденными сжечь город, мог бы, из соображений опасения чумы, оказаться наиболее выгодным. Таким путем зачумленные постройки, превращенные в пепел, освободят место для построения нового, более красивого и правильно распланированного города.

Но общий штурм города должен быть осуществлен лишь в самом крайнем случае. Жители – христиане различных исповеданий, если они в это время будут искать защиты, должны ее получить, так же как и евреи.

В Константинополе, кроме сильного гарнизона, который мог бы там оказаться, будучи собран из остатков разбитых армий и новых подкреплений, которые могут прибыть из Азии, можно считать в наличии: магометан 500 000, среди которых 100–120 тысяч способных

¹⁵³ Т. е. будет дана возможность отступить без преследования.

носить оружие; христиан: греков – 25 тысяч; армян – 15 тысяч; франков¹⁵⁴ – 6 тысяч. К этому нужно прибавить всяких случайных лиц всех национальностей, как: татар, грузин, валахов, сербов, жителей Архипелага, греков-матросов до 120 тысяч, способных носить оружие. Эти христиане в большинстве своем будут за нас, но у них нет оружия, разве только у некоторых из них есть припрятанное. При общем штурме они могли бы быть очень полезны. Евреев там имеется около 20 тысяч, но они ни к чему не пригодны.

Согласно воле, выраженной Вашим Величеством, план рассчитан на две или три кампании, но более осторожно подготовиться к двойному сроку, хотя совершенно очевидно, что мы прибудем в Константинополь значительно раньше и присоединим к обширной Империи, которая имеет счастье жить под милостивым покровительством Вашего Величества, провинции Европы, которые стонут под варварскими законами врага Христова имени и веры.

Эти приготовления необходимы не столько против этих неверных, сколько для того, чтобы обуздать и подавить зависть и ненависть, которые славные деяния Вашего Величества могли возбудить у наших соседей, коим есть над чем призадуматься, глядя на многочисленные армии и обширные магазины на наших границах. Будучи хорошо снабженными и хорошо приготовленными не только для обороны, но и для наступательных действий, нам нечего опасаться их проектов. Но предусмотрительность требует от нас этих мероприятий. Впрочем, мы должны следовать великому принципу, которому следовали все полководцы от Александра до наших дней: никогда не надо слишком удаляться от своих ресурсов. Что же касается точности расчетов, они зависят исключительно от провидения.

Военно-санитарные мероприятия

Приказ А. В. Суворова с благодарностью полковнику Ф. И. Маркову, подполковнику П. Г. Корицкому и штаб-лекарю Е. Белопольскому за улучшение санитарного состояния в Полоцком пехотном полку

1793 г. июля 16 Херсон

Попечением господ полковника и кавалера Маркова, подполковника Корицкого, а паче

¹⁵⁴ Под «франками» здесь подразумеваются представители всех западноевропейских национальностей.

искусством штаб-лекаря Белопольского Полоцкой пехотной полк приведен в совершенное благосостояние, поелику с прибытия их к оному мая с 17-го состояло больных 77, слабых 20, хворых 17, льготных 61, всего 175. Оные осталось больных 14, слабых 46, хворых 22, льготных 3, всех 85 человек и с самого того числа по 9-е сего июня умерло только 3 человека. Таковому попечению и трудам господ полковника Маркова, подполковника Корицкого и штаб-лекаря Белопольского отдал справедливость, нахожу обязанностью свидетельствовать мою признательную благодарность. Усердие сие останетца примером противу всякого нерадения. Препровождаю у сего правила для медицинских чинов, оставленные в Полоцком полку штаб-лекарем Белопольским, по которым и во всех полках начальства моего поступать неупустительно.

Подлинный подписал граф Александр Суворов-Рымникский

Правила медицинским чинам

1-е. Иметь всем непременно предписания его сиятельства господина генерал-аншефа и разных орденов кавалера графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского и по оным чинить точные выполнения, отделивши от здоровых больных, слабых, хворых и льготных, всех особо.

2-е. Причины умножающихся болезней ведать непременно, а изыскивать оные не в лазаретах между больными, но между здоровыми в полках, баталионах, ротах, карпоральствах и разных отделенных командах, исследовав их пищу, питье, строение казарм и землянок, вред от их построения, пространство и тесноту, чистоту, поварную посуду, все содержание, разные изнурения, о чем доносить полковому или другому командиру, а в другой раз уже в главное дежурство.

3-е. Стараться, чтобы домашними простыми лекарствами запасены были все артели, которые и описаны в предписаниях его сиятельства, да еще и сверх оных, где можно, иметь корку молодой ракиты на место хины, дрок траву, цветы донничные, водоперечник татарский (*hydro-piper tataricum*), корень чистотела или омана (*helenius*), корень мыльной травы шандру, дикую мяту, корень ирной и другие.

4-е. Приводимых с маловажными, ничего не значущими болезнями, как-то малыми вередами, малыми цинготными ранами и пятнами, дав им пластырь или другое лекарство, обратно отправлять в команды, невзирая ни на какие против сего роптания, ибо малая болезнь от обленения в лазарете превращается в ужасную и иногда самую смертоносную. Другим по рассмотрению назначать на 2–3 дни роздых, приказав им каждой день приходить в лазарет за лекарством. Ленивцев выписывать из числа больных насильно и доносить о их притворстве начальству. Лихорадки исследовать в пароксизмах. Падучею болезнию одержимых изыскивать точность, не употребляя на сие давних мучительных способов, но только посыпать в нос немного вшивого порошка (*Semen sabadilli*) или невзначай облить холодного водою, то имеющий точно сию болезнь, от порошка чихать не станет, а от облития водою не вскочит, в противном же случае он чихает и вскакивает.

5-е. Днестровская вода, хотя и не совершенной доброты, однако и не так худа, как с первого взгляда кажется, ибо она всегда быстрое течение имеет; весь же происходящий от оной вред состоит в мутности иловатой, которая садится на желудке тяжело и производит разные болезни. Почему и нужно оную отстаивать в чанах с чопом, на 7 вершков сделанным, по опыту господина полковника и кавалера Маркова. В сии чаны воду вливать ввечеру, которая чрез ночь совершенно отстаивается и поутру на варение и питье годною становится. Но в питье оную употреблять только в случае нужды и во время похода, размочив еще в ней хлеб или сухари. В другое же время нужен хороший квас во всех артелях и в лазарете.

6-е. Здоровым рыбу днестровскую употреблять в пищу без всякого сомнения, но только чтоб она была свежая, либо приколотая, присоленная и хорошо уваренная.

7-е. Цинготная болезнь в сей стране более всего опасною оказалась и берет на себя маски разных других болезней, которую лечить наиболее чистотою, соблюдаемою во всем благовременным истреблением всех причин, оную производящих, которые, усилившись, делаются иногда наконец непреборимыми; свежую кислую пищу и питье, с движением и иногда переменою лагерного места и ежедневным купаньем в быстро текучей реке; прострельным расположением всех здоровых, больных, слабых, хворых, льготных – всех особо; потом кислую капустою, хреном, катраком, горчицею, водяным трилистником, дикою жерухою (*erysimus*), табаком, полынем, кровавиком, холодными ваннами, уксусом, которым, смешавши с водою, тереться и рот полоскать; дегтяным квасом и водою; водою, напоенною постоянным воздухом (*aqua aeris fixi*) и лимонами по возможности. Курить казармы смолою и стружками дегтяных бочек. Купанье в морской воде, где можно, исцеляет от цинги и чесотки. Гуца квасная из муки в сих болезнях весьма полезна. Лихорадки лечить, кроме слабительных, рвотных, горьких, соленых, наконец крепительных лекарств, наипаче воздержанием от пищи и питья и употреблением сначала распушенной в воде сибирской соли с сурмяным тартаром, положа оно на прием $\frac{1}{4}$ долю граны не для рвоты, но для разжижения густой желчно-клейкой лихорадочной материи. На другие болезни данные от меня формулы Полоцкого пехотного полку г. лекарю Тиницкому всем списать и оные в пользу больных по рассмотрению причин, времени, сложении, степени болезней, лет больного употреблять.

Штаб-лекарь Ефим Белопольский Сукля, 7 июня 1793 г.

Приказ А. В. Суворова о подготовке в полках ротных фельдшеров и их помощников и о мерах сохранения здоровья солдат

1793 г. октября 31

Для сущей пользы всех военнослужащих нужно необходимо, чтобы не одни только полковые и батальонные лекари и под ними подлекари отправляли всю врачебную должность, ибо часто бывают роты и эскадроны за 50 и более верст от лазарета на зимних квартирах; лекаря и подлекаря ниже в 24 часа доставить не можно, а нужна скорая и весьма легкая помощь. Но оной доставить некому по незнанию и ненаучению ротных (как в других европейских государствах) фельдшеров, которые самонужнейшие правила врачевства должны знать, то для сего и нужно:

1-е – выбрать по одному из роты во образе ротных фельдшеров и к ним же по одному молодому солдату или средних лет, проворных, умных, твердых, трудо и человеколюбивых, понятных, из таких, сколько можно, кои прежде в их селениях некоторое исполнение в том имели, то есть до определения их в службу. Всего же нужнее им показывать врачебные, многократно дознанные в пользовании больных растения, медицинским полковым чином, которые также обязаны самонужнейшим правилам хирургическим прилежно их обучать, и сих учеников полковой или батальонный командир содержат особо и отлично от других, из которых выходят в роты или эскадроны в $\frac{1}{3}$ – $\frac{2}{3}$ года или в целой год, а чем ранее, тем лучше. Один будет фельдшер, лучший успех оказавший, а другой, менее его, помощник ему.

2-е – полковые и батальонные медицинские чины обязаны их обучать показанием и истолкованием всех лекарств, очищающих желудок и кишки через рвотное и слабительное, изъясняя их силу и количество в приеме по возрасту, темпераменту, привычке, временам года и степеням болезни.

Исправлением и очищением крови, сколько возможно, растениями, а наипаче еще такими, которые удобно можно набрать в России, не касаясь минеральных лекарств и иностранных.

3-е – на все наружные болезни, как-то: раны разные и цинготные, ушибы, возжения,

нарывы, антонов огонь, скулы – употреблением спиртов, бальзамов, мазей, присыпок, приварок, пластырей и трений.

Они должны уметь разнообразно кровь бросать, а наипаче из рук и ног, также и брить, но дело сие других под ними цирульников. Полковые и батальонные медицинские чины им вверяют в ротах все лекарства, нужные, по их званию, для случая необходимо скорого вспоможения больному, також и другие простые, наипаче из растения, лекарственные вещи.

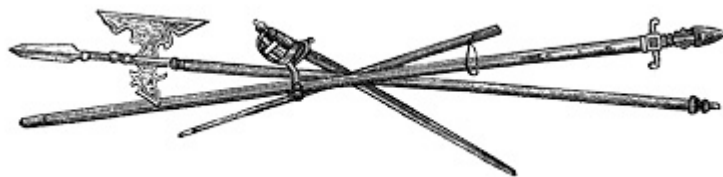
Здоровье

Драгоценность блюдаения оного в естественных правилах. Питье – квас, для него двойная посуда, чтоб не было молодого и перекислового; коли ж вода, то здоровая или нечто приправленная. Еда: котлы вылуженные, припасы здоровые, хлеб выпеченной, пища доваренная, непереваренная, не отстоенная, не подогретая, горячая; и для того, кто к каше не поспел, – лишен ее на тот раз. Воздух – в теплое время отдыхать под тенью, без обленения; ночью в палатках укрыватца, в холодную ж [ночь] – отнюдь бы в них сквозной ветер не был. Чрез ротных фельдшеров довольный запас в артелях ботанических средств. Сие подробнее и для лазаретов описано в примечаниях искусного штаб-лекаря Белопольского.

Работы

От инженеров уроки умеренные, утренней и вечерней; оба вместе соединять – каждому запретить. Наступление и исход жара атмосферы описаны в приложенной таблице помесячно; наистрожайше воспрещается во время и малейшего жара отнюдь никого ни в какую работу не употреблять, под неупустительным взысканием, разве когда случитца прохладной день; а для успеху, коли необходимо, лучше начинать работу прежде рассвета и вечерней урок кончить хотя к ночи. Но не мешает прибавить хотя и нечто ночи, особливо светлой, токмо то уже в большой нужде. Как скоро работа окончена, то на завтрак и ужин тотчас к горячим кашам, как то и после развода. Лагерных [отхожих] мест иметь до трех в близости и понедельно их переменять, содержать чистоту внутри и около их.

Впротчем нижним чинам соблюдать крайнюю чистоту и опрятность в чистом белье, платье и обуви; мыть лицо, руки и рот, ходить в баню и особливо купатца.

Польское восстание (1794)

Приказ А. В. Суворова войскам, находящимся в Польше, о боевой подготовке

Неприятель когда западет в лесном месте, выгонять его и там поражать пушечными выстрелами и егерями, тако ж с казаками и кавалериєю, поелику лес редок будет.

Против которого крыла наших линий усмотрено будет превосходное число конницы нашей, на том каждой линии крайней батальон загибается вмиг в карей для протекции ее.

По операции передовой случиться могут ежевременные сражения и стычки, то крайне беречь заряды и патроны, дабы в них, наконец, не случилось вредного недостатка.

При всяком случае сражаться холодным ружьем. Действительный выстрел ружья от 60-ти до 80-ти шагов; ежели линия или часть ее в подвиге на сей дистанции, то стрельба напрасна, а ударить быстро вперед штыками.

Шармицили не нужны, наша кавалерия атакует быстро и рубит неприятельскую саблями. Где при ней казаки, то они охватывают неприятеля с флангов и тылу.

Не довольно сбить неприятельскую линию, но надлежит кончить сильною погонею, не давая ему времени ни мало выстроитца. Пехота в погоне следует за кавалериею.

Наша кавалерия, когда опровергнет неприятельскую и встретит позади ее линию пехоты, без малейшей остановки должна ее прорубить и посему врубитца, хотя бы третья какая неприятельская линия была, как больше самое то наблюдает пехота. И когда, проколовши неприятельскую линию пехоты, повстречались с скачущею на нее неприятельскою конницею, то ей сию тако ж поспешно атаковать и прокалывать. Так чинить и с иными линиями.

Когда у неприятеля в резерве за пехотною линиею кавалерия, и наша пехотная линия или часть ее выступит в атаку его пехоты, кавалерии нашей благовременно сблизиться и сколько успеет в карьере кончить неприятельской пехоты. Но тут дело нашей кавалерии, проскакавши быстро нашу пехоту, врубиться в неприятельскую конницу.

Ежели неприятельская кавалерия по обычаю на флангах, то наша кавалерия ее атакует и сильно ее рубит, наблюдая больше в предмете одно легчайшее из двух флангов и для того тут сама усилена бывает. Кавалерия ж другого нашего крыла, не столько сильная, имеет ее протекцию за кареем, как выше сказано.

Для атаки сближаясь к неприятелю, итти взводами, полудивизионами, хотя баталионами или эскадронами, как место дозволит, поспешно деплоироваться, но лучше того колонною. Дебушировать с лесу чрез мосты, ущелья, улицы, случилось бы линиям в разные колонны; частям сим при деплоядах в поле, соединяясь, строитца весьма поспешно в линию, дабы каким интервалом неприятель не воспользовался.

Часто линия атакует отделениями: когда должно опровергнуть центр, ежели способно, сильная часть отрягается для впадения неприятелю во фланг; марш ее, как выше сказано. Впрочем, иногда легкой отряд таковое крыло:

1-е амозирует – наводит внимание,

2-е алармирует – тревожит,

3-е но и брускирует – замешивает¹⁵⁵.

Своею пользою то ж, хотя редко, бывает с тылу.

Всякую дефилию, огражденную неприятельскими пушками, атаковать в крайности, а лучше обходить и отрезывать. Неприятельской полевой ретранжамент с батареями ничего не значит, а особливо в ночной атаке; но ежели неприятель заградил сильно батареями переправу чрез мост с тет-де-поном¹⁵⁶, плотину, тесной выход из лесу или ущелья и теми его позиция укреплена, те, правда, ночью опровергнуть можно, но вернее, ежели его тогда скрытно обойти и ударить пред рассветом в его крыло и, коли можно, в тыл.

Амбускад¹⁵⁷ впору лошине, лесу и тесных местах, обыкновенно сильным ударом с окружением – обращаются [в] собственную гибель.

Неприятельские иррегулярные толпы, худо вооруженные, идут слепо вперед на картечи, их должно принимать соразмерно густотою, но то паче действительнее пехотной колонны. Кавалерийские, стремлением коней, проезжая сквозь пехоту, быстро врубаются в толпу, и ее искореняет пехота, за нею может ее кончить кавалерия, прорубаясь, естли повстречает неприятельскую линию конницы или пехоты. Лучше и проворно на карьере, построив свою линию, крепко противника срубает. Пехота за нею, сколько можно ближе, хотя ожидается, не надлежит и кончить. Буде ж неприятельская толпа неважно сильна, очень

¹⁵⁵ Т. е. внезапным нападением вносит замешательство.

¹⁵⁶ Укрепление за мостом. (Прим. оригинала)

¹⁵⁷ Или запáд. (Прим. оригинала) [Запáд – означает западно или засаду.]

хорошо, коли кавалерия ее окружит линиею атак.

О авангарде и арьергарде: последний при обозах – один баталион, два [и] более, один эскадрон, тож несколько – до полку. Всякие окопы атакует пехота, а за нею уже в ворота, когда потребно кончить неприятеля, въезжает кавалерия. Сего непотребно, ежели оставшей неприятель выбежал из ретранжамента, а только одна погоня нашею кавалериею с его сторон; разве таковой окоп преграждает все поле, тогда нашей кавалерии иного способу нет, как въезжать в его отверстия или где способнее вал со рвом.

Кавалерия наша иногда может выступить в атаку на неприятельский редюит, флеш и подобное, коли они между собою не сомкнуты и сзади отверсты и легко отобранны быть могут, иначе же батареи ее вредны. Редуты ж все замкнутся со всех сторон, строения принадлежат пехоте.

Вторая линия, ежели будет, подкрепляет первую; резерв – обе и больше.

Всякой час начальник толико расторопен и в полном присутствии духа, что при начале боя не ожидает никакого повеления от вышнего командира, ниже имеет время его чем доложитца и только его о происшествиях извещает.

Главное правило: неприятельская кавалерия сбита, пехота его пропала.

В поражениях сдающимся в полон давать пощаду.

Во всех селениях вообще, где неприятель обороняться будет, естественно должно его кончить в домах и строениях; крайне остерегаться и от малейшего грабежа, который в операции есть наименее вредным; иное дело штурм крепости: там, по овладении, с повеления, несколько времени законная добычь; склонно к тому, что до неприятельского лагеря, по его овладению.

Обывателям ни малейшей обиды, налоги и озлобления не чинить; война не на них, а на вооруженного неприятеля.

Сюрприз – нечаянное нападение – под утро, до рассвета, ночь, а у искусного начальника бывает днем.

И более – казаки, коих ныне мало: 1-е, для занятия прохода, пункта, моста, это редко, а всегда надлежит войскам быть вместе, как и арьергарду – не в дальнем расстоянии; случится, что части передней атаки – должно дать им авангарда.

В другой, при подвиге на генеральную атаку, оставляются обозы в удобном месте, назади, вагенбургом, с его прикрытием.

Во время атаки все командные слова подтверждать громогласно взводным командирам; когда ж «ура», тогда взводные командиры в кавалерии – «рубят», в пехоте и казаках – «коли» громогласно.

Приказы отдавать и донесения чинить кратко, ясно, без малейшего двусмыслия, так отзывающейся подчиненный должен быть на месте наказан или и команды лишен.

О числе неприятеля доносить, сколько можно наивернее, как о его движениях, с постижением его намерений и предприятий.

Артикулы воинские с их строгостию, воинский устав и строевой устав содержать в твердой памяти.

Атака неукрепленной деревни или местечка: малосильный неприятель, там обретающийся или вогнанный, коли не сдастся и намерен обороняться на площадях, тож засевающий и в домах и строениях, надлежит его окружить снаружи от улиц и выходов и быстро ударить на него холодным ружьем и штыками и саблями и, где находится будет, во всех местах побивать, доколе сдастся; причем иметь резервы. Самое то чинить, ежели неприятель многолюднее, но уже сюрпризом, на рассвете или ночью.

Дюк де Полиньяк приходит в Варшаве к Суворову и велит тотчас о себе доложить. Занятый делами и желая дать ему почувствовать такую нетерпеливость, Суворов не выходит более часа из своего кабинета. Вдруг выбегает с криком, нагнувшись, придерживая свой живот: «О, проклятая колика! Она на час задержала вас, как мне это больно».

В продолжение разговора Полиньяк плюнул в платок. Тут отскочил от него граф, начал опять кричать, харкать, плевать на пол. Прощка тотчас подал чистый платок Дюку, а заплеванной взял в мытье. Подполковник Тищенко начал окуривать его курилицею со всех сторон. Равнодушная при этой церемонии неподвижность Полиньяка столь понравилась графу, что они после сблизились.

Учить солдат поодиночке, двойки, шестакими, капральствами, ротами и баталионом всегда с примкнутыми штыками и в суме. Легко в ученьи – тяжело в походе, тяжело в ученьи – легко в походе. Скоро, проворно, храбро во всех эволюциях стоять должен, всегда иметь каблуки вместе, подколенки вытянуты, носки врозь, грудь вперед, голову направо, в марше грудь с носком, шаг в аршин, коленок не гнуть, на захождении в полтора, наблюдая, чтоб высоко ног не поднимать, голову направо, равно, вольно, солдатская осанка, приклад в руках крепко, ружья не шатаются. Экзерцицию: отрывисто делать приемы и верно по строевому уставу; первая шеренга на колени не садится и ружья на землю не кладут. Наблюдая как можно приклад верный, метить в полчеловека, ногу правую недалеко отставлять, левую руку вытянуть стволом, в ладонь той руки крепко бить, что сохраняя, пуля не пропадет.

Для экзерциции флигельман один, а для поворотов четыре, хотя и по барабану, то головы наблюдать; [в] наступных плутонгах и залп обучать для одного прикладу, а против турок употреблять не должно, а отступных и вовсе нет. Батальной огонь придет сам собой и для того не учить, а внушать строжайше, чтобы солдат напрасно пули не терял, а берег бы на три дни, чтоб для случая имел бы две смерти: штык и пуля в дуле. Эволюции должны быть храбры, скоры, без замешательства, предприимчивы и исполнительны; в стрельбе скосить ряды проворней с словом «изготовься»; вторая шеренга скашивает полторы четверти, а третья три четверти аршина так, чтоб второй и третьей шеренги солдат имел свой приклад у правого плеча своего предстоящего. Шеренгам приступать ближе; ни в каких построениях и во уравнении фронта не пятиться назад. Шаг назад – смерть, всякая стрельба кончается штыками. Каре никогда не стоит на месте, в колоннах солдаты берут штык по-офицерски, чтобы итти в штыки. «Исправься», – значит взять ружье под приклад, ежели иначе оно было. Всякой взводной командир повторяет: «коли», «ступай», «ступай», а солдаты колют штыками. При всяких поворотах приступать, также и при команде «стой». В экзерциции шеренга от шеренги в трех шагах.

На неприятеля начинать атаку с слабой его стороны.

Большое замешательство неприятеля, когда его казаки с тылу завернут.

По военной пословице, сбитого неприятеля гони плетью, но при жестокой погоне нимало не давать времени ему оправляться и паки выстроиться, тогда был бы опять равной бой.

В погоне кавалерия может быть в две шеренги.

Однако, иметь резервы примерно вдвое, сии при протчем кончат остающих иногда в рубке позади.

Кавалерия, ежели в одну линию, тогда легче атакует без интервалов полною линиею.

Ежели казаки надежны, можно часть их мешать, интервалы иначе, они лучше на крыльях, как особливо для окружения неприятеля.

Случилось бы, что неприятель среди атак или в погоне оказался с тылу: часть резерва, весь, или усилением от частей второй линии, обращается на него, быстро атакует и побеждает, потом, паки следует за первою линиею; здесь весьма наблюдать соотношение числа силы неприятельской.

Содержание в эскеке внимания неприятеля есть то, когда одно из двух крыл или какая часть в действие еще не вступила.

Экзерциция

Ордер баталии против турок: 1-я и 2-я линии шахматом; пехота в кареях, на дистанции между собою из картечного выстрела; эскадроны кавалерии в 3 и 4 линии; легкая конница позади их, уклонясь шармицилей, чтоб времени не тратить в непрестанном движении. Атака: крестные огни из артиллерии; пуля стрелков на наездников и набегающих в ранжире на кучи; ружейная пальба от фасов, каждой целит одиночкою; напрасно пули не тратить, соблюдая по возможности патроны на три дни. Хотя не ожидать, но естлиб случилось, что турки внедрятца где между кареев, тогда кавалерия их порубает. По опровержении турков погоня, кавалерия вперед, рубит их и разрушает, строится; дает место легкой коннице их окончать; сама следует линиею позади в резерве оной. Пехота марширует своим шагом ее кареями в резерве кавалерии: ретраншаменты атакуются на скором шаге от кареев сильным ударом страшного неприятелю штыка; то ж самое исполняет пехота и в поле, лишь бы только толпы его где ей подручны были; как и батареи отбирать – больше дело пехоты.

Штурмы – колоннами на штыках, стрелки с флангов бьют пулями неприятеля на стене по головам; колонны, взошедши на стену и порази неприятеля на валу, деплоируются на оном, обращают завоеванную артиллерию в крепость, палят из оной по неприятелю, сколько то потребно будет; паче всего берут пороховые погреба в стене под стражу и отворяют крепостные ворота резервам, коих дело в подкреплении штурмующих. Ограда вал, идут штурмующие по приказу внутрь крепости для докончания неприятеля на площадях и в крепких строениях, к которому времени подвозят с поля поспешно свои легкие пушки в отверстые ворота, ежели потребно будет, искореня неприятеля или взяв остатки в полон. На главной площади учреждают обахт, прочие площади и магазейны пороховые с припасами, как и материалами; ворота и, ежели нужно, некоторые крепкие строения занимают достаточными пикетами, до того ж отнюдь о добыче не мыслят – и сие по воинским правилам. Уже по окончании всего, дозволяется на учрежденное время во всех вышеписанных случаях противящегося неприятеля истреблять до последнего, но отдающемуся в полон весьма давать пощаду.

На точном основании строевого устава производить экзерциции, присовокупляя к ним примерные против описанных маневры и эволюции. Кавалерия, приученная к крестной рубке, проезжает сквозь на саблях другую линию кавалерии или спешенной, или пехоты, под пальбою сих последних, дабы кони приучены были к огню и дыму, как и к блеску холодного ружья, а седок к стремю и поводам. Фланкеры мало нужны, как есть при кавалерии всегда легкая конница; рассыпной атаке лучше не учить, чтоб не расстроить эскадрон; пехота, особливо кареями, должна быть приучена в пальбе весьма к цельному прикладу, к действию штыка, и делать им в каждого неприятеля один удар, к быстрым движениям, чтоб сколько можно от кавалерии не отдаляться для содействия с нею разным маршам неприятелю в левое крыло, в правое крыло и в центр. Легкая конница должна быть приучена частью к ружейной и пистолетной пальбе для шармицирования, хотя редкого, но паче к действию, страшному турку, пикою и особливо жестокой погоне; где в частях войск будет легкая конница, оную

иногда уподоблять туркам для произведения обоюдных эволюций.

Разводы эскадронами, ротами, капральствами производить до наступления жару, строго экзерцировать прием поворотом, сдваиванием, скорых маршах, атаках с действием при походе штыка, в кареях, колоннах, линией, по употребляемым и здесь описанным маневрам и эволюциям.

Исправная стрельба в мишень – великой важности: умножает гибель неприятеля и отвращает в действии лишнюю трату патронов. Здесь коннице лучше стрелять на скаку.

А. Орловский. Бесчинства в Праге. 1810 г.

**Рапорт А. В. Суворова П. А. Румянцеву с приложением реляции о штурме Пражских укреплений
Варшава**

Реляцию о штурме прагских ретранжаментов, произведенном в 24-й день октября, Вашему Сиятельству имею щастие поднести со вручителями: бригадиром Поливановым, подполковником Бибиковым и премьер-майором Воейковым, которых повергаю в высокое покровительство и милость Вашего Сиятельства.

Реляция о штурме Праги¹⁵⁸

После сокрушения мятежников при Кобылке сожидал я приближения корпуса в команде генерала-поручика и кавалера Дерфельдена. Как скоро оный примкнул к правому крылу соединенных войск, положено на военном совете идти к Праге и, несмотря ни на какие укрепления, взять приступом.

¹⁵⁸ Печатается с сокращениями и без приложений. Прага – предместье Варшавы.

По сему мероположению 20 и 21 чисел заготовляли плетни, фашины и лестницы. 22 числа все войски трех корпусов тронулись тремя колоннами, вступили в назначенные лагерные места от передовых окопов подале пушечного выстрела, при барабанном бою и музыке, и тотчас разбили свой стан.

С приближением войск наших мятежники на передовых укреплениях стояли в строю, и слышен был в среднем окопе великий шум; пикеты их вмиг сбиты, и цепь наша заняла их места.

Тот же день обозрено всеми генералами местоположение и укрепление мятежников, а в ночь построены батареи от среднего корпуса под управлением генерала-поручика Потемкина на 16 орудий, с правого крыла от корпуса генерала-поручика Дерфельдена на 22 орудия, с левого же крыла от корпуса генерала-поручика Ферзена на 48 орудий – по числу пушек, при каждом корпусе имеющихся. Батареи были построены для того токмо, чтоб отвлечь неприятеля чаять приступа.

23 числа на рассвете со всех сторон огонь открыт, на который мятежники отвечали живо, но весьма с малым для нас уроном.

В тот же день положено штурмовать следующей ночи пред рассветом неприятельские укрепления семью колоннами и именно: корпуса генерала-поручика Дерфельдена две колонны:

Первая в команде генерала-майора Лассия, состоящая из 3-го баталиона егерей Лифляндского корпуса и трех баталионов фанаторийских гранодер, имея в резерве Тульский пехотный полк и три эскадрона Киевского конно-егерского полку.

Вторая колонна, в команде полковника князя Дмитрия Лобанова-Ростовского, состоявшая из второго баталиона егерей Белорусского корпуса, двух баталионов Апшеронского и одного баталиона Низовского мушкатерских полков, имея в резерве другой баталион Низовской и три эскадрона Кинбурнских драгунских спешенных.

От среднего корпуса, под начальством генерала-поручика Потемкина, две колонны.

Третья, под командою генерала-майора Исленьева, составляла второй баталион егерей Лифляндского корпуса, четыре баталиона херсонских гранодер; в резерве – один баталион Смоленского мушкатерского и пять эскадронов Смоленского драгунского полков, последние спешены; конницы три эскадрона переяславских конных егерей.

Четвертая колонна в команде генерала-майора Буксгевдена составляла третий баталион егерей Белорусского корпуса, четвертый баталион егерей Лифляндского корпуса и два баталиона Азовского мушкатерского полку; в резерве оного – полк Ряжского мушкатерского же, другие пять эскадронов Смоленских драгун спешенных и конницы три эскадрона Ольвиопольских гусар.

От корпуса генерала-поручика Ферзена, под его начальством, три колонны.

Пятая, под командою генерала-майора Торماسова, составляла первый баталион егерей Екатеринославского корпуса, два баталиона Курского полку и один баталион гранодер, сформированных из рот. Резерв ее: баталион гранодер, такой же баталион Новгородского мушкатерского полку и три эскадрона елисаветградских конных егерей.

Шестую колонну, в команде генерала-майора Рахманова, составляли баталион егерей Екатеринославского корпуса, три баталиона сибирских гранодер; в резерве – два баталиона Днепровского мушкатерского полку и три эскадрона воронежских гусар.

Седьмую колонну, в команде генерала-майора Денисова, составляли: черноморцев 200 человек, третий и четвертый баталионы Екатеринославского корпуса, два баталиона Козловского мушкатерского полку; в резерве два баталиона Углицкого мушкатерского ж полку и три эскадрона елисаветградских конных егерей. Вся прочая конница, под начальством генерала-майора Шевича, разделена была для прикрытия артиллерии, и именно: с правого крыла, в команде бригадира Поливанова, Киевского полку конных егерей два эскадрона, Северского и Софийского карабинерных полков по два эскадрона и полк Мариупольский легкоконной – шесть; всего 12 эскадронов.

Промеж 4-й и 5-й колонн, по пространству места, оные разделявшего, так и для

прикрытия артиллерии, от среднего корпуса были, под присутствием генерала-майора Шевича, семь эскадронов переяславских конных егерей и полк Александрийский в 5-ти – всего 12 эскадронов.

В правом фланге 5-й колонны, под командою бригадира и кавалера Боровского, Черниговского и Глуховского карабинерных полков 10 эскадронов и три эскадрона ольвиопольских гусар – всего 13 эскадронов.

С левой же стороны, между 7 и 6 колонны, в команде бригадира Сабурова, четыре эскадрона елисаветградских конных егерей, Ахтырской легкоконной полк и три эскадрона воронежских гусар – всего 13.

Казаки были по нужным пунктам: на правом крыле к берегу Вислы, в команде подполковника Родионова 350 человек; влево от 4-й колонны в команде подполковника и кавалера Грекова 630 человек; между ими и 5-й колонны в команде подполковника и кавалера Бузина – 750 человек.

С левого крыла 6-й колонны под командою подполковника Андрияна Денисова – 500 человек да по берегу Вислы в команде Василия Денисова – 425 человек.

Таким образом расположа все войски, предписано: первым четырем колоннам атаковать мятежников с левого крыла, сорвать передние их, на кочугурах сделанные укрепления, на плечах войтить и овладеть главным их ретранжаментом, а завладев оным, паки атаковать последние окопы вокруг Праги и самой Прагою, и первой из сих четырех колонн, по овладении ретранжаментом, предписано итти вверх по берегу и отрезать неприятеля от мосту.

5-й и 6-й колоннам предписано начать атаку тогда, как первые четыре колонны сорвут передовые укрепления.

Последней же, седьмой, колонне приказано выступить с места своего два часа прежде прочих колонн, дабы иметь достаточно времени обойти на остров и овладеть тамо находившеюся мятежников частью ретранжаamenta и батареи; по берегу Вислы, вниз по ее течению; войтить в Прагу и отрезывать також у неприятеля мост, в помощь первой колонне.

Пункты, на которые приступ вести надлежало, и пункты, где колонны для атаки начального сигнала ожидать должны были, поручено было указать: правым четырем колоннам – генерал-поручику Потемкину и левым трем колоннам – генерал-поручику Ферзену, по проекту инженер-квартирмистра Глухова.

24-го числа в три часа пополудни все войски выступили к назначенным им пунктам и, состроаясь в глубокой тишине, достигли до той черты, отколь на удар вести их надлежало. В пять часов, пред рассветом, сигнальная ракета пущена. Все четыре правые колонны двинулись. 3-я и 4-я колонны, поспешно сорвав неприятельские пехотные пикеты, достигли к волчьим ямам, как в первой и второй колоннах огонь загорелся и распространился вокруг всех укреплений. Обе первые колонны и с ними купно, в интервал между колонн. Тульской пехотной [полк], под командою неустрашимого полковника Ливена, выдержав перекрестные выстрелы как с батарей, на кои шли, так с острова на Висле да из самой Варшавы, под картечным и ружейным огнем, с несказанною твердостью и быстротой перешли ров, опрокинули противников, овладели валом, ударили на стоявшего за оным конницею и пехотою неприятеля, преодолев сильное его сопротивление, с великим кровопролитием истребили, покрыв все те места его телами.

В самое сие поражение, посланный от бригадира Поливанова полковник Засс с Киевскими конно-егерскими двумя эскадронами перескакал чрез ров, с великою стремительностью ударил на остатки державшейся неприятельской конницы и с успешным поражением обратил оную. Пехота, гнавши неприятеля по берегу Вислы, вошла в Прагу, изгоня [его] из улицы в улицу, на плечах их дошли до мосту, множество положили на месте... и, от мосту отрезав, взяли в плен двух генералов и знатное число мятежников.

Третья и четвертая колонны, встречены будучи картечными и сильными ружейными выстрелами, набросав плетни на волчьи весьма глубокие ямы, перейдя оные, спустились в болотистой ров и, быстро взошед по лестницам на вал, овладели первыми неприятельскими

батареями. Третья колонна, овладев двумя бастионами, как только вновь доходила до среднего и главного ретранжаментов, увидела конницу неприятельскую, готовящуюся взять оную во фланг. Храбрый генерал-майор и кавалер Исленьев приказал двум батальонам гранодер сделать фронт и атаковать ее на штыках, что исполнено с такою быстротою, что неприятель, увидя стремление наших, обратился в бег.

Передовые батальоны, не останавливаясь, шли далее к внутреннему ретранжаменту, паки перешли волчьи ямы, весьма глубокий ров и, преодолев наисильнейшее упорство неприятеля, его сбили, овладели еще батареею; резерв же оной, под командою бригадира Владычина, всегда равняясь с колонною и очищая в интервалах, поражал сбиравшегося неприятеля и, войдя в первый ретранжамент, тотчас разрыл вал и очистил путь для конницы. Четвертая колонна, овладев с безмерным мужеством, как выше сего сказано, 2-мя батареями, с главным кавальером передового укрепления, одетым внутри каменною стеною, огражденною снаружи полисадом, разделя на части, одну отправила вдоль по укреплению и овладела еще пятью батареями и, не дав нигде неприятелю образумиться, поражая всюду на штыках, где только неприятель чаял упорно защититься, но мужеством, свойственным войскам, и разъяренными воинами все упорствовавшие были на месте положены.

[...]

ШТУРМЪ ПРАГИ

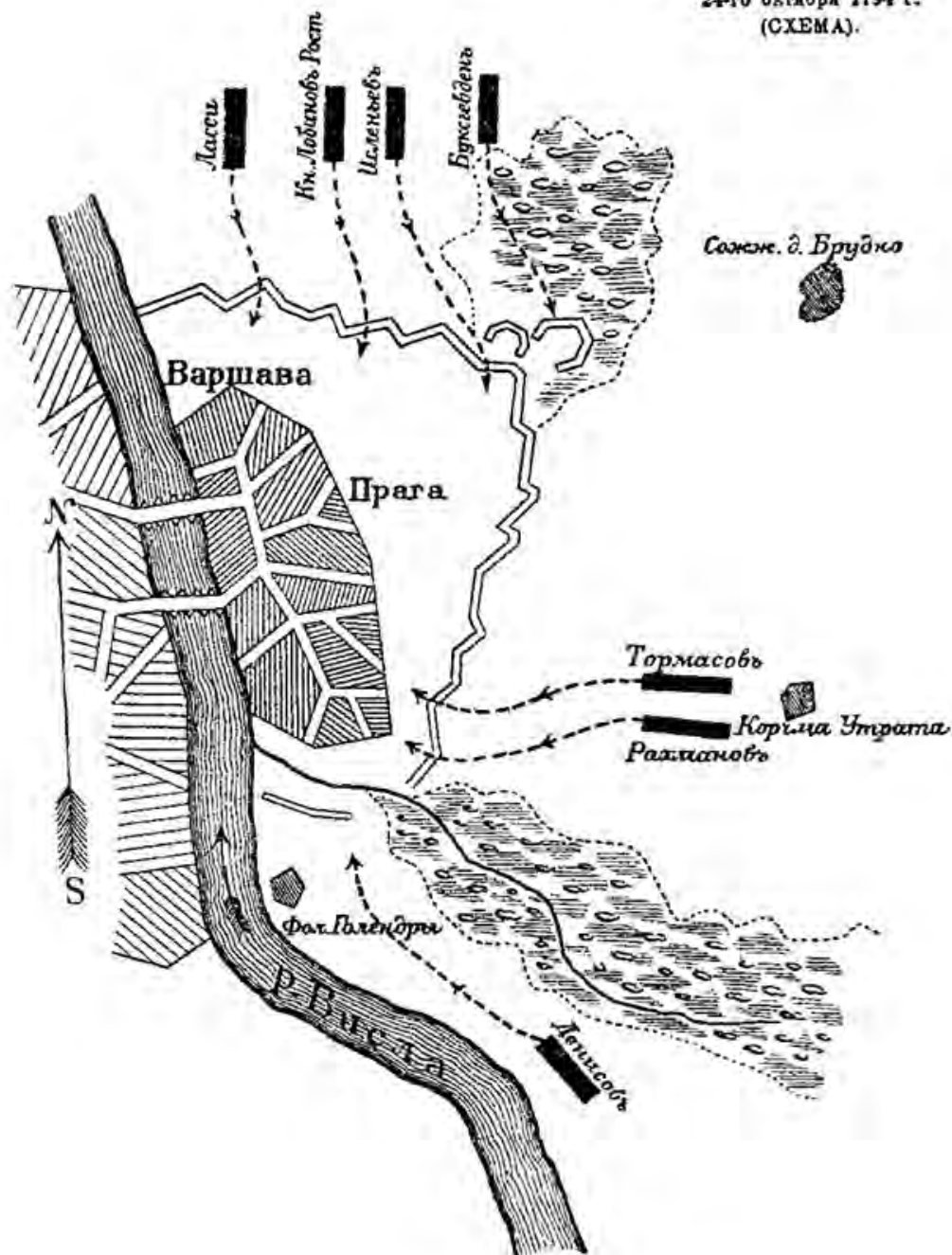
24-го октября 1794 г.
(СХЕМА).

Схема штурма Праги

В самое сие время, когда уже обе сии третья и четвертая колонны, преодолев все величайшие трудности и наисильнейшее тоекратное сопротивление, приближались с быстротой сорвать последнее укрепление вокруг Праги, вдруг взорвало погреб неприятельской с начиненными ядрами и бомбами; но сие неустрашимого генерала-поручика Потемкина с храбрыми войсками нимало не удержало. Овладев оным, часть войска пустил в Прагу, другую построил на ретранжаменте, а баталион егерей отправил к мосту.

Пятая колонна, с левого нашего крыла начав атаку в назначенное ей время, первая преодолела все опасности и затруднения и первая, овладев неприятельскими батареями,

прошла в Прагу до самого моста, поражая неприятеля холодным ружьем.

Шестая колонна, опровергнув с своей стороны все неприятельские усилия, овладев назначенным ей укреплением, поразив множество неприятеля на месте, на штыках гнав оного, также вошла в Прагу.

Седьмая колонна, имев в следовании к назначенному ей пункту сильные преграды, оные преодолела, очистила мятежниками занятой лес, перешла чрез залив, отрезала неприятельскую тамо конницу и всю оную истребила... и частью взявши в плен; подоспела и сия колонна к последнему поражению неприятеля в Праге.

Конница наша, разделенная на части, под начальством генерала-майора Шевича, содействовала всюду с удивительною храбростию и быстротою. При первой атаке неприятельских передних укреплений генерал-майор Шевич приказал тотчас же казакам подполковника Бузина и премьер-майора Грекова, подсакав к укреплениям, кричать «ура», чтоб тем отвлекать неприятеля к поданию атакованным помощи и заставить их ожидать на себя нападения во время первой нашего правого крыла атаки на неприятеля, и, приметя, что с другой стороны оной, выходя из укрепления и пробираясь кустарниками скоплялся, приказал тотчас подполковнику Гелфрейхту с семью эскадронами Переяславского конно-егерского полку их атаковать, что он быстро исполнил и, положив часть на месте, протчих взял в плен. Как скоро наши овладели передними укреплениями, так скоро все резервы конницы с артиллериею взошли на оные под прикрытием в середине 13-ти эскадронов, где сам находился помянутой генерал-майор Шевич. Артиллерии капитан Резвой, подвигая артиллерию, по мере как неприятель был вытесняем, устроил, наконец, батарею на берегу Вислы и произвел в Варшаву столь сильную канонаду, что заставил умолкнуть находившиеся тамо батареи...

Под команду бригадира Поливанова эскадроны, в резерве находящиеся с правого нашего крыла, как скоро колонны укреплениями овладели, тотчас разрыв вал, за оными и въехали и предупели атаковать конницу, сломить оную и, поражая, гнали до самого ее сокрушения.

Под команду бригадира Боровского, командовавшего резервом от трех колонн генерала-поручика Ферзена, по завладении колоннами нашими укреплениями, чрез вал въехал с эскадронами, ему вверенными, и разделяя, где обстоятельства требовали, довершил нападением истреблять неприятеля или брать в плен.

Полковник Волков, прикрывая нашу артиллерию с левой стороны, вслед за войсками також ввез оную в укрепление; он с начала дела долговременно выдерживая с эскадронами сильную канонаду и въехав в ретранжамент, не раз ретирующегося неприятеля атаковал, поражал и несколько сот взял в полон.

По преодолении всех трудностей и превозмогши упорную защиту неприятеля, из трех укреплений ворвались наши войски в Прагу.

[...]

Все сии блистательные подвиги и самая победа произведена и одержана столь храбро, столь быстро, что она с самого начала до совершенной победы продолжалась токмо три часа...

Недостанет изречения изъяснить довольно похвалу неустрашимости господ частных начальников, мужество командующих колоннами, бодрого рвеня штаб- и обер-офицеров и храбрость солдат. Жаркая ревность всех чинов, в сем случае оказанная, неизъяснима; храбрые войски, коими я имею честь командовать, превосходят всякое одобрение. Редко видел я толь блистательной победы, дело сие подобно измаильскому.

Я исполню слабо мой долг, когда токмо одобрю мужество их. Сей долг свято обязывает просить пред монаршим престолом воздаяния сотрудникам моим. С чувством наипризнательного восторга отдаю токмо справедливость свидетельством моим отличившимся при сей знаменитой победе, во-первых, корпусным начальникам генерал-поручикам Потемкину, Дерфельдену и Ферзену.

Первый из них при талантах, которых опыты непрестанно видимы, соединяет с

искусством неусыпность, расторопность и всегдашнюю готовность на всякое стремительное нападение и довершает те способности личною неустрашимостью, в коих, и при сем случае, изъявил наивеличайшее доказательство; сверх сего всегда мне был помощник и отличался столько же во всех до сего бывших сражениях мужеством, колико в действиях предвидением.

Второй, всегда ревностию побуждаемый к службе, умножая приобретенную честь разбитием Зайончика и других частей, оказал и ныне с вящшею похвалою достоинство овладением, с несказанною храбростию, правым нашим крылом неприятельских батарей и ретранжамента.

Третий, озаряясь свежей еще славою разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры. Он, при всей слабости здоровья бодрствуя духом, превозмогал и труды и опасности и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную об нем репутацию.

Еще с юного возраста Суворов любил выражаться коротко и ясно. В бытность свою рядовым солдатом он писал отцу: «Я здоров, служу и учусь. Суворов».

Подойдя к Варшаве и разбив поляков, он донес, подобно Цезарю: «Пришел, посмотрел и разбил!»

После взятия Праги он написал: «Прага взята, Варшаву отделяет от нас только река Висла».

После взятия Милана Суворову устроили триумф. Он был очень тронут и, взволнованный радостным чувством, умиленно воскликнул: «Бог помог! Слава Богу! рад... рад. Молитесь Богу больше».

Засим господ начальников колонн: во-первых храброго и во всех ныне бывших сражениях отличившегося генерала-майора Исленьева. Он, пред своею колонною всегда будучи впереди, возбуждал сим примером бодрость в подчиненных; сам первый за охотниками с первым взводом вшел на батарею и, отразив неприятеля, когда уже гнал на штыках к главному ретранжаменту, в то время как конница неприятельская оказалась, чтоб взять его колонну во фланг, не токмо не поколебался, но, по присутствию духа и особой храбрости, приказал средним батальонам ударить в штыки, а сам, продолжая быструю погоню за неприятелем, атаковал главный ретранжамент, овладел оным, и, паки преодолев все трудности, оказывал особое мужество до одержания совершенной победы.

Генерал-майор Лассий, командовавший первою колонною, — столь известным оказанным мужеством под Измаилом, оказал новый опыт такового ж мужества: всегда предшествуя, строго возбуждал тем вящшую бодрость подчиненных. Он первый начал дело, преодолел все препоны под перекрестными выстрелами от неприятеля, овладел ретранжаментом, отобрал там бывшие батареи, но, к сожалению, тут получил рану в плечо, что принудило его поручить команду старшему полковнику Жеребцову.

Генерал-майор Буксгевден оказал новый опыт мужества, утверждающего приобретенную им репутацию. Он, подавая пример подчиненным, всегда будучи впереди, несмотря на сильный огонь, и, овладевши двумя передними батареями, взшел на кавальер

и, отбирая батареи вдоль по первому укреплению, выдерживал более других огня и потом, овладев таковыми ж паки в зверинце, за засекою неприятеля атаковал, преодолел, истребил и, заняв зверинец и угол среднего ретранжамента, простер поражения в Праге, преодолев упорство неприятеля долговременнее и сильнее всех прочих колонн.

Генерал-майор Тормасов, командовавший пятою колонною, по свидетельству генерал-поручика Ферзена, с безмерною храбростию первый с левого нашего крыла начал приступ, первый, прошед опасности, одолев препоны, овладел батареями. Сей генерал особливо одобрен в храбрости частным своим начальником.

Генерал-майор Рахманов, командовавший 6-ю колонною, преодолев сильной огонь и упорную защиту, в то ж время овладел ретранжаментом и батареями. Мужество его частный начальник весьма одобряет.

Генерал-майор Денисов, командовавший 7-ю колонною, который, пользуясь известною давно репутациею, новые совокупил ветви к славе. Он, преодолев величайшие затруднения, отрезал, истребил всю в той части неприятельскую конницу, овладел неприятельскими батареями и подоспел к Праге в подтверждение известной его храбрости.

Полковник князь Лобанов-Ростовский, командуя второю колонною с отличным мужеством, и единовременно с генералом-майором Лассием атаковал, перешел перекрестные выстрелы и, овладев ретранжаментом и батареями, простирал поражение в Праге и до самого моста. Известная его прежняя храбрость новую приобрела славу и достоинство.

За сим исполненного ревностию к службе генерала-майора Шевича, который, будучи болен, не хотел пропустить сего случая и, собрав все силы, командовал всею конницею и столь расторопно учреждал, что вышедшая из укрепления сильная часть поражена и взята в полон; резерв повсюду шел по пятам за колоннами, артиллерия наша привезена даже на берег Вислы, а сверх того везде рассыпанной неприятель конницею нашею или истреблен или взят в полон.

По свидетельству частных и колоножных начальников, отличились:

Бригадир и кавалер Поливанов, предупевший за первыми двумя колоннами повсюду и распоряжая отделениями, сражался и брал в плен неприятеля. Сей достойный офицер во всяком случае отличается.

Бригадир и кавалер Владычин, который почти единовременно с колоннами, одолевшими батареи, взошел на куртину и, мужественно повсюду действуя, отличился.

Бригадиров: Боровского и Сабурова, расторопно и храбро действовавших; оные повсюду побивали, где только отраженные мятежники собраться вместе мыслили.

Полковых и баталионных начальников первой колонны: Фанагорийского гранодерского полку полковника Жеребцова, яко отличного мужества офицера, который, преодолев все трудности, под сильным неприятельским огнем [овладел] назначенным пунктом, прошел Прагу и отрезал от моста неприятелю ретираду.

Полковников: Мосолова, храбрость его с головным в колонне баталионом отлично оказавшего, Ливена и Засса, коих подвиг и храбрость выше сего объяснена, полковника Александра Коховского, который с первым баталионом Фанагорийского полку взошел на батарею, когда неприятель, гоним от первой колонны, засел при последнем окопе, его атаковал и истребил.

Полковников: графа Меллина, Анненкова и князя Голицына, особливо отличившихся храбростию, атакуя всегда части открывающиеся, кои или истребляли, или брали в плен.

Артиллерии капитана Бегичева, командующего 22-мя орудиями, который, исключая что накануне штурма столь живо действовал во вред неприятелю, и в самое время штурма обще с капитанами Саковичем, Кудрявцевым и Ермоловым весьма с отличным искусством и мужеством действовали; из них Сакович, и будучи ранен в грудь, не оставлял места своего до одержания победы третьей и четвертой колонны.

Херсонского гранодерского полку полковника и кавалера князя Шаховского, потерявшего руку под Измаиловым. Сей, достойный особливо похвалы по службе офицер,

постоянно храбрость изъясляющий, оказал ныне отличные подвиги, по овладении ретранжаментом, толь наипаче овладением двух батарей и потом быстрою атакою на штыках неприятельской конницы, которую отразил и, проходя влево до зверинца, отколь выгнал неприятеля на площадь, всю ту часть положил на месте.

Смоленского драгунского полку полковника Чичерина, удивительной личной храбрости, который, командуя пятью эскадронами спешенных драгун, при батарее, когда неприятель упорно обратил пушки свои на них, атаковал столь храбро, что оногo сбил и до 800 человек взял в полон.

Командующего Лифляндского корпуса 2-м баталионом премьер-майора и кавалера Жукова: с особливим рвением и отважностью, в голове колонны будучи, сквозь всю густоту огня прошед, при овладении ретранжаamenta и батарее возбуждал подчиненных к мужеству и, поражая неприятеля, 400 человек с несколькими офицерами взял в полон. Переяславского полку конных егерей, с тремя эскадронами в резерве бывших, премьер-майор Кноринг купно почти с колонною открыл себе путь, въехал чрез ретранжаament, атаковал неприятеля и много истребил.

Конный егерь

Белорусского ж корпуса 3-го баталиона секунд-майора Шахова, который, препровождая колонну, безошибочно с наипохвальным мужеством первой перешел волчьи ямы под защищением охотников.

Командующего третьим баталионом Белорусского корпуса подполковника Елчина, в голове 4 колонны находившегося, который, с отменною твердостью все опасности и препоны превозмогая, везде при сильнейшем отпоре неприятеля противу сей колонны, овладевшей многими батареями, опрокидал и поражал. Премьер-майора Дорша, командующего Азовским полком и весьма храбро везде содействовавшего; Рязского полку полковника Маркова, командовавшего резервом, который почти единовременно взшел на

ретранжамент и неприятеля поражал.

Препровождающего колонну Орденского кирасирского полку ротмистра Пирха, который весьма исправно на пункт должный достигнул с охотниками, на вал взошел, [а также], постановлявших лестницы Кавказского полку капитана Окулова и того ж полку поручика Кротки.

5, 6 и 7 колонн, во-первых, полковника графа Толстова, который командовал двумя батальонами в голове колонны с отличною храбростию [и,] впереди будучи, с первыми взошел на батарею и овладел оною, где и ранен в руку. Полковника Беклешова, командовавшего другими двумя батальонами и резервом, с особливою храбростию содействовав во всем. Подполковников Грамздорфа, Измайлова и Бема, також мужественно участвовавших, 6-й колонны полковника Энгельгардта, подполковника Кашталинского.

7-й колонны полковника и кавалера графа Федора Апраксина, особливо в храбрости при отнятии батареи одобряемого, полковника Вульфа, подполковников Бибикова и Каменского, отличившихся храбростию при овладении батареей и достойных воздаяния, тем паче, что первый из них чрез всю кампанию, по свидетельству частного начальника, командуя Козловским пехотным полком, во всех случаях ревностно отличался храбростию, а последний и получа рану, продолжал поражать неприятеля до одержания победы.

Артиллерии капитанов Воронова и Берха, оказавших расторопность и искусство, учредив батарею против Варшавы и действуя оною с желаемым успехом.

Конных полков, в резерве бывших, бригадира Сабурова, полковника Воронежского полку Волкова, подполковников Никорицу, Переяславского полку Гелфрейхта, Глуховского полку Есипова и Ахтырского полку премьер-майора Синицына, отличившихся как храбростию в поражении разных частей неприятеля, так и забранием многих в полон.

Сверх сего рекомендую бывших при мне Полтавского легкоконного полку подполковника Чорбу, употребленного при мне; кроме особых препорученностей при деле сем был послан с важными повелениями, выполнял оные всюду с рвением и храбростию, достойного воздаяния. Особливое присовокупляя одобрение Переяславского конно-егерского полку подполковнику Ивашеву: чрез пятилетнее его при мне пребывание исполнял он все препоручения с отличною расторопностию и успехом; в течение сей счастливой кампании был в должности главного квартирмейстера, при всех сражениях употребляем был к обозрению неприятельского положения, подвергался в сих случаях опасностям и всегда доставлял верные планы. Пред побеждением Праги снял под выстрелами всем укреплениям оной план, по котором и пункты к атаке были назначены; радетельность его, храбрость и усердие к службе привлекают меня рекомендовать его с замечанием.

Подполковник и кавалер граф Томатис был послан от меня при деле сем в опаснейшие места, оказал всевозможную отважность и расторопность и по деяниям своим заслуживает особого внимания.

Премьер-майоры Острогжского легкоконного полку Николай Кишенской, Фанагорийского гранодерского Роман Мантейфель, Днепровского приморского гранодерского Александр Головин и обер-квартирмейстер Каленберг оказали храбрость и усердие к службе и трудам; особливо последний, по званию своему исполняя исправно должность, весьма заслуживает воздаяния.

Находящиеся при моем дежурстве Ряжского полку премьер-майоры: Сергей Воейков и Фанагорийского гранодерского Лукьян Гесс отличные оказали подвиги храбрости, вдаваясь в труднейшие места с моими повелениями.

Секунд-майоры: Вавила Бурнашов, Павел Берладской, штаба моего флигель-адъютант Данила Мандрыкин и ротмистр Петр Тищенко, замечательной храбрости, доставляли во время самого жаркого сражения приказаний мои с точностию и исправностию, а особливо Бурнашев, исправляя при мне с давних времен разные важные препоручения. Выполняли все долг храбрых офицеров, способствовали тем к содействию и потому заслуживают моего об них одобрения и ходатайства.

Секунд-майоры Фанагорийского гранодерского Андрей Сомов, Таврического гранодерского Афанасий Тихановский, Стародубовского карабинерного Алексей Мельгунов, Херсонского гранодерского Михайла Зыбин, Алексопольского пехотного Кирилла Попков – выполняли в сем штурме долг храбрых офицеров, и особливо Тихановской, отправляя важные поручения по дежурству во всю кампанию, были в разных от меня посылках, бросались в самое сражение и заслуживают всякого награждения.

Инженер-квартирмейстер Илья Глухов, совершивший проект сего штурма, как и Измаильского, и способствовал снятием плана ретранжаментов, також назначил места для построения наших батарей, исполнял свой долг с отличием и ревностью. Во время же штурма наблюдал те пункты с особливою храбростию и расторопностию, заслуживающею об нем моего ходатайства.

Капитаны: Ладожского пехотного Осип Корженевской, Севастопольского пехотного Александр Грессер, Екатеринославского егерского корпуса 3-го батальона Максим Грессер, Переяславского конно-егерского Василий Синельников, Херсонского гранодерского Доромидонт Аленин, Харьковского легкоконного Евгений Аленин – употребляемы были в особые комиссии и развозили мои повеления. Равно Днепровского приморского гранодерского полку Иван Темирев, легкогранодерского батальона Иван Енохин – сей употреблен был при штурме с особою командою, оказывал храбрость и усердие. Генерала-поручика и кавалера Дунина старший адъютант Андрей Дунин, Таврического гранодерского Константин Кучаев, Мариупольского легкоконного Брайкевич и Переяславского конноегерского Новосельской – заслуживают внимания и награждения.

О протчих чинах, исправлявших повсеместно мои повеления с отличною храбростию и рвением, подношу особой список.

Не могу не отдать справедливой похвалы и одобрения прибывшим на сей знаменитой случай господам волонтерам. Ревность и добрая их воля замечательны и достойны особливою похвалы; из них при 1-й колонне были камер-юнкер князь Барятинской и граф Шувалов, камергер князь Егор Голицын, лейб-гвардии капитан князь Борис Голицын, ротмистр конной гвардии князь Дмитрий Голицын; премьер-майоры: Чоглоков, Шпрингпорт, Боганской, Шепелев, который отличился храбростию и получил рану, лейб-гвардии конного полку поручик Раевский.

При торжественном вступлении наших войск в Варшаву Суворов отдал такой приказ: «У генерала N взять позлащенную его карету, в которой въедет Суворов в город. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении». Надобно заметить, что хозяин кареты был большой говорун и отличался тщеславием, так что в походах его сопровождала карета.

По третьей колонне камер-юнкер Татищев. Орденского конно-гранодерского подполковник и кавалер граф Цукато, обер-квартирмейстер Клейст, который получил 15 ран, лейб-гвардии Преображенского полку прапорщик Шепелев, капитаны: виконт Сент-Уэн и Иван Дунин.

При четвертой колонне лейб-гвардии конного полку ротмистр Вышеславцов; при 5 колонне полковника Кесново, майоров графа Шуазель, князя Грузинского: все они, по

засвидетельствованию частных и колоножных начальников, были в голове колонны, с первыми рядами взошли на батареи.

Генерал-поручик Потемкин рекомендует находившихся при нем дежурными Херсонского полку секунд-майора Лошакова и особливо свидетельствует расторопность и отважность премьер-майора Головлева, употребляемого им в сем случае в самые нужные и опасные места с поручениями, которые были доставляемы посреди всей жестокости огня проворно и исправно, да бывшего при нем Орловского пехотного полку секунд-майора князя Степана Мещерского, который посылан был также с приказаниями к колоннам неоднократно во время самого сражения и отдавал оные исправнейше.

О прочих чинах, отличившихся мужеством и храбростию, подношу список.

Словом, все чины сего войска, от высшего до нижнего, изъявили найжарчайшую ревность к службе, наудивительную храбрость в подвиге, так что не токмо утвердили славу мужества, российскому войску свойственного, но и превзошли ожидание и по истине колико требовалось мужества, чтоб неприятеля, которого, по объявлению пленных чиновачальников, было 30 000 человек, за стенами твердых тройных окопов, огражденных множеством пушек, считавшего сии укрепления неодолимым оплотом пред глазами всей столицы, на них возлагающей надежду, колико мужества, повторяю я, надлежало – превозмочь и все препоны противулежащие, и отчаянное преодолеть упорство. Безмерная неустранимость токмо совершить могла столь важный подвиг и одержать победу.

[...]

Сей преславной день, даровавший нам столь важную, столь совершенную победу, в который разом поражены многотысячные силы мятежников и опрокинуты крепкие их оплоты и самой Варшаве угрожал близким ее падением, венчает великую Екатерину новыми неувыдаемыми и вечными лаврами.

О наших убитых и раненых прилагаю здесь ведомость.

Генерал граф Александр Суворов-Рымникский

Рапорт А. В. Суворова П. А. Румянцеву с приложением реляции о занятии Варшавы

1794 г. ноября 7 Варшава

Реляцию вступления победоносных Ее Императорского Величества войск в Варшаву Вашему Сиятельству имею щастие при сем поднести.

Реляция о занятии Варшавы¹⁵⁹

Всемогущий Бог, милующий Россию, благословляя все предприятия великой нашей монархини, увенчал и ныне ее оружие многими быстрыми одна за другой победами и наконец покорением Варшавы.

По сокрушении мятежнических сил 24-го октября в Праге, в ту же полночь присланы были в победоносный стан из Варшавы депутаты и подали мне от короля письмо, с которого копию под буквою «А» представляю¹⁶⁰. Каков ответ мой к Его Величеству был послан, под

¹⁵⁹ Печатается с сокращениями; без приложений.

¹⁶⁰ Письмом от 24 декабря на французском языке Станислав-Август по поручению магистрата известил Суворова, что польские граждане выражают желание биться до конца в случае, если со стороны Суворова им не будет гарантирована безопасность их личности и имущества.

буквою «Б»¹⁶¹, с письма от города¹⁶² ко мне под буквою «В» и статьи мои, на то им данные, под буквою «Г» совокупаю.

На другой день после того, то есть 26-го числа, те же самые депутаты, возвратяся в стан, привезли от города ответ, с коего копию под буквою «Д» представляю. Заметья в сих ответных статьях, что искали они продлить время, отпустил их в туж минуту с тем подтверждением, чтобы скорей решились, присовокупя к прежним статьям еще другие, с коих копию представляю под буквою «Е».

Тотчас приказано находившемуся с передовой стражей при Праге генерал-майору Буксгевдену, чтоб от нашего берега часть сожженного моста немедленно починить, а генерал-поручику Ферзену, чтоб он отряд генерал-майора Денисова при Карчове, в 4 милях от Праги, вверх по течению Вислы находящемся, на судах чрез Вислу немедленно переправил, а за ним и всему корпусу помянутого генерал-поручика переправляться.

В сию ночь в Варшаве произошло волнение. Войски хотели усильным образом короля и всех наших пленных увести, народ того не допустил.

На 27-е число, пополуночи в три часа, прислан от короля в стан наш подполковник Гофман с прошением на 8 дней срока на размышление, а в 9 часов утра явился ко мне от Его Величества граф Игнац Потоцкий с тою же просьбою и с иными не уважительными, отвергнутыми мною.

Чрез час потом прислан к Потоцкому от короля граф Мостовской с письмом, которое не распечатав, подано мне прочесть. Оно составляло полномочие трактовать со мной о мире. Ответ мой был таков: «С Польшею войны нет. Я не прислан сюда министром, а военачальник, сокрушаю толпы мятежников и кроме посланных уже от меня статей ни о чем трактовать не буду». Но, уважив утесненное состояние короля, когда, с одной стороны, вынуждала так называемая наивышшая Рада повторительных просьб об восьмидневном сроке, и с другой, что войски усиливались его увести с собою, отложил для безопасности его срок входу победоносных наших войск до 1-го ноября.

28-го числа отряд генерала-майора Денисова за Вислу переправился, конница вплавь, пехота частью на тех же конях, частью на судах при артиллерии; мятежники, случившиеся тамо, хотели переправе препятствовать, но были прогнаны.

Пред рассветом на сие число явились из варшавских прежних депутатов с 2-мя письмами ко мне, в копиях под буквою «Ж»¹⁶³ и с просьбою о скорейшем вступлении в город, донося о возгорающихся в нем беспокойствах и особливо о предстоявших опасностях особе королевской от мятежников, которые, хотя пред тем из Варшавы вышли, но в близости находились.

Того ж 28 числа, в 6 часов поутру, получено паки письмо от короля, копия под буквою «З»¹⁶⁴.

А в 9 часов по утру же отправлен от меня к Его Величеству и к городу полковник князь Лобанов-Ростовский с объявлением, что войски Ее Императорского Величества вступят в

¹⁶¹ Суворов, желая установить дружеские отношения с польским народом, в письме королю на французском языке обещал именем Екатерины II сохранность имущества и личности всех польских граждан и забвение прошлого при условии, если русские войска не будут подвергаться оскорблениям.

¹⁶² Протокол заседания магистрата от 24 октября с поручением избранным депутатам вести переговоры с Суворовым об условиях сдачи Варшавы.

¹⁶³ Это были два протокола заседания магистрата от 27 октября о сдаче оружия и боеприпасов в ратушу, об исправлении моста через Вислу, соблюдении порядка при входе русских войск в Варшаву и выполнении всех остальных предложенных Суворовым условий.

¹⁶⁴ Письмом от 27 октября (на французском языке) Станислав-Август, в благодарность Суворову за хорошее к нему отношение, предоставлял свободу всем находившимся в Варшаве русским военнопленным.

Варшаву рано, на другой день, т. е. 29 числа; с письма, писанного мною к королю, копию под буквою «И» сопровождаю¹⁶⁵.

Грамота о пожаловании А. В. Суворову
19 ноября 1794 г. чина генерал-фельдмаршала.
Дата выдачи — 1795 г.

Войскам приказ дан изготовиться к вступлению.

29-го числа в девять часов утра торжественно победоносные войски Ее Императорского Величества с барабанным боем и музыкою в Варшаву вступили и проходили чрез нее в назначенный им стан внутри укрепления. Корпус генерала-поручика Потемкина, по сделанному распоряду всем полкам, вступил первый, за ним следовал корпус генерала-поручика Дерфельдена.

[...]

На самом берегу, при переходе мосту, магистрат и все мешанство, вышед во сретение победителей с хлебом и солью и поднесли городские ключи. Берег, улицы, площади, все были усыпаны народом, повсюду кричали: «виват Екатерина». Когда генерал-поручик Потемкин отправлен был от меня к королю обнадежить его в безопасности и успокоить, при въезде его в королевской замок, множество народу, наполнявшего площадь в замке и улицы, встретили с таким же восклицанием. По препорученному с ним, генерал-поручиком Потемкиным, от короля изустно предложению ко мне, чтоб победоносное оружие умолкло на два дни и что Его Величество в течение сего времени будут стараться окончить дела без кровопролития, посланы были от меня к королю с бароном Ашем три статьи, с коих копию

¹⁶⁵ В письме королю от 28 октября (на французском языке) Суворов сообщал, что он спешит ввести в Варшаву русские войска лишь для охраны города от могущих возникнуть беспорядков.

представляю под буквою «F»¹⁶⁶.

По вступлении наших войск в Варшаву, все бывшие в плену наши генералы: Арсеньев, Милашевич, Сухтелен, с ними барон Аш, барон Биллер, советник Дивов и все чины, бывшие при посольстве, захваченные противу прав в неволю, равно как штаб- и обер-офицеры, коим подношу список, и солдаты, числом коих 1376 человек, ко мне от магистрата представлены. Зрелище при свидании их с нами было не только слезное и чувствительно, но важно и нечто священное. Они с радостными слезами называли собратию избавителями, кидались обнимать победителей врагов, а своих защитников, и восторг сей извлекал и радостные слезы избавленных и утешительные слезы избавителей.

[...]

На утро по свидании моем с королем положено, чтоб войски польские, которых называл я не иначе, как бунтовщиками, без изъятия низложили оружие, и пушки свои нам отдали, дабы все множество сил, которое столь огромным ополчением при начале бунта угрожало, обращено было в ничтожество, и ратники оного рассеяны были, яко прах.

Таким образом, порученное мне дело выполнено во всей его силе в сорок четыре дни со вступления войск со мною в Польшу, кроме 29 дней, что принужден я был остановиться в Бржесте. Одержанные одна по другой многие победы, Прага взята грудью храбрых воинов, Варшава покорена. Оставшиеся войски мятежников в несостоянии противиться и вскоре надеюсь довершить их уничтожение. Божия споспешествующая рука поборствовала успехам и храбрости нашего воинства к службе мудрой монархини, благодетельницы и матери народов.

Генерал граф Александр Суворов-Рымникский

Донесение А. В. Суворова П. А. Румянцеву об окончании кампании

1794 г. ноября 8¹⁶⁷ Варшава

Виват, Великая Екатерина! Все кончено, Сиятельнейший Граф! Польша обезоружена.

[Сохранившаяся копия без подписи.]

Письмо А. В. Суворова И. Е. Ферзену об окончании кампании и о подготовке к следованию на зимние квартиры

1794 г. ноября 8 г. Варшава

Ура! – конец! Бог милостив!... не упускать ни одного; на то казаки! Его превосходительству Федору Петровичу¹⁶⁸ мое братское целование. Нарочно не пишу, право, недосуг.

1-е. Извольте изготовить войски в винтер-квартиры.

2-е. Расписание чрез несколько часов пришлю.

3-е. По оному извольте приказать господам полковым начальникам тотчас к ним

¹⁶⁶ В этих трех статьях объявлялось о роспуске польских войск по домам по сдаче ими оружия.

¹⁶⁷ 1799 г. апреля 20.

¹⁶⁸ Имеется в виду генерал от кавалерии граф Федор Петрович Денисов (1738–1803).

следовать (не ссылаясь на маршруты) по показаниям лучшими и сколько ближайшими трактами.

Итальянский поход (1799)

Реляция А. В. Суворова Павлу I о ходе военных действий, сражении на реке Адде и занятии Милана

День архистратига Михаила г. Милан

В Бреции [воз]обновлено прежнее правление и учреждено должное [распоряжение] о продовольствии войск, как в касающемся до отобрания оружия от обывателей внутри земли и воспользования знатными оружейными заводами в Альканонике, лежащем к Тиролю.

В блокаде уже были: крепость Пескиера от генерала-майора Сенжульена, а Мантуа от генерал-майоров Эльзница и Клейнау. От Бреции отправлен туда генерал-фельдмаршал-лейтенант Край главным начальником над 20-ю тысячами императорских королевских войск, дабы, как скоро осадная артиллерия, следующая сзади тихо и во многих местах весьма худою дорогою, прибудет, начать поспешно осады.

Неприятель стоял на реке Олие при Киаре, куда соединенная армия маршировала в числе 35-ти тысяч. Он отступил спешно за реку, по тракту к Бергамо, оставя позади себя при Полоцоло меньше тысячи человек и с 6-ю пушками, куда полк егерской князя Багратиона с гранодерским баталионом Ломоносова при генерале-лейтенанте Повало-Швейковском, апреля 12-го дня прибывшим с своими пушками и частью от полевой артиллерии и ружьями – перестреливались [и] неприятеля отбили, где он потерял в убитых до 60-ти человек, в полон захвачено на сей стороне до 20-ти. С нашей стороны убит один егерь, ранено два, и, исправя попорченной мост, чрез Олие перешли. Войски взяли марш на Бергамо.

Следуя за неприятелем 13-го числа от колонны туда в прямом марше, пред вечером армии полковник Греков 8-й с его Донским полком и частью Денисова, в сию крепость ворвавшись, отрезал неприятеля от крепкого замка и обеими овладел. Его скоро подкрепил походной атаман, армии полковник Денисов. Убито от неприятеля более ста человек, взято в плен один штаб-, 5 обер-офицеров и нижних чинов 123. В крепости и замке найдено осадных пушек 15 и 4 двусполовиною пудовые мортиры с снарядами, отбито ружей до ста и одно знамя; с нашей стороны убито два казака, ранено хорунжих два, казаков 14. В Бергамо учреждено прежнее правление и что касается до продовольствия войск по реквизициям земли.

В то же время казачий полковник, армии майор Поздеев 6-й, имел перестрелку под Касано, где убито у неприятеля 4 человека, а у его ранен казак один.

*Н. Шабунин. Отъезд А. В. Суворова
из села Кончанского в поход 1799 года. 1903 г.*

[Со] стороны императорских королевских войск, командующим под Мантуей генерал-майором Клейнау у Понте-Ди-Лаго-Скуро потоплены две неприятельские шайки, пушек по 8-ми, такая ж одна взята и 200 тамо найденных чугунных пушек. Генерал-майор граф Гогонцольн, командующий отрядом Кремонской области, взял партией своею при Казаль-Маджоре, мили полторы от сего города, 32 понтона и пленил при них 170 человек; после чего он вошел в Кремону, где им найдено 14 осадных пушек и множество аммуничных вещей, который город он содержит гарнизоном, а сам обращается против Пицигетоне с левого берега реки Адды.

Неприятель, отступая к реке Адде, по переходе на ту сторону подрывал ее каменные мосты, твердо предприявши за сею обороняться и соединенной армии в дальнейших операциях препятствовать. Но влево от себя, милях в 6-ти, одною дивизиею занял он крепкой пост по обеим сторонам реки при местечке Лекко, лежащем на озере того имени, откуда Адда выходит. 15-го числа поутру в 8 часов голова правой нашей колонны: полки казачьи Денисова, Грекова и Молчанова, окружили местечко. Генерал-майор князь Багратион, следуя за ними с его егерским полком и гранодерским баталионом Ломоносова, ударил в неприятеля штыками пред форштатом, исколол у него сот до семи. Стоявший неприятель по обеим сторонам реки, с его возвышенного против наших места усмотря малосилие князя Багратиона и укрепясь немедленно прибывшими из-за оной [войсками], наступил на князя Багратиона. Распустя множество стрелков по горам, в ущельи и сады, он его паки штыками сильно поразил; казаки тут також пособляли спешными стрелками. Сие происходило уже

внутри города; но и 3-й раз неприятель испытал свое щастие: тогда уже прибыли гранодерской баталион Дендригина с генерал-майором Милорадовичем, который, выперев быстро прочие войски, тотчас вступил в дело с великой храбростию и хотя старее был князя Багратиона, но производимое сражение великодушно кончить предоставил ему. Полки Барановского и генерала от инфантерии Розенберга, от которого майор князь Гагарин с его ротю особо отличился, два эскадрона, въехавши в нашу пехоту, были сколоты почти до последнего человека. Неприятель, 3-й раз пораженный, искал своего спасения за рекою. Сим кончилась кровавая победа, одержанная генерал-майором князем Багратионом, в чем ему был главным помощником подполковник Ломоносов. С нашей стороны убито: гранодерского Ломоносова баталиона штабс-капитан Бойковской, подпоручик Дригаевич и Дендригина баталиона подпоручик Пушкарев; нижних чинов 132; ранено: генерал-майор князь Багратион, полковник Хвицкой, майоры – Яковлев, князь Гагарин, обер-офицеров 6 и нижних чинов 85; неприятельской генерал Серурье имел свыше 7 тысяч, потерял на месте около 2-х тысяч, но пленных не более ста человек при одном офицере. Поражение кончилось в 8 часов пополудни и так продолжалось 12 часов.

А. Шарлемань. Торжественная встреча А. В. Суворова в Милане в апреле 1799 года. 1858 г.

Позиция неприятельской армии была правым крылом при деревне Ваприо, а левым крылом примыкала к Поцоло; центральной его пункт и главная квартира позади их при местечке Инсаго, от Адды в малой миле, на половине дороги. Впереди стояла его преграда в двух тысячах, всего ж войска имел две дивизии под командою генералов Виктора и Гренье и часть дивизии Серурье под главным начальством генерала Моро, до 18 тысяч. 16-го числа средняя колонна, состоящая из казаков и двух слабых императорских королевских дивизиев,

переправилась тихо по наведенному ею ночью чрез реку Адду понтонному мосту при Трецо и в 6-ть часов утра казачьи 3 полка Денисова, Грекова и Молчанова при их походном атамане, 5 баталионов и 4 эскадрона под генералом Отто наступили на 2 тысячи передовых с успехом; но в то ж время весь неприятель, шедший уже вперед, с своими соединился и начал одерживать поверхность, как другая дивизия под командою генерала-лейтенанта Цопфа, в 4-х баталионах и 4-х эскадронах, подоспела. Генерал-квартирмейстер марки[з] Шателер, взявши с головы оной 2 баталиона гранодер и 2 эскадрона гусар, с барабанным боем ударил на неприятеля холодным ружьем, ворвался в его левое крыло, смял и жестоко поразил; за ним последовали остальные [войска] генерала Цопфа, и казаки кололи везде с свойственною россиянам храбростию, побуждаемы будучи мудрым и мужественным воином, их походным атаманом Денисовым, как в его сотовариществе полковником Грековым.

Императорские королевские войска поражали мужественно штыками и рубили саблями; но упорность неприятеля была наисильнейшая и уже сломленная 1-я его линия была подкреплена его 2-ю, которая обновила сражение. Наконец он опровергнут; деревни Ваприо и Поцоло на его крыльях были нашими взяты; особливо главная квартира Инсаго одержана генералом Отто с великим кровопролитием. Баталия началась в 6 часов утра и продолжалась до 6-ти часов пополудни; неприятель обращен в бегство, которое он принял на Миланскую дорогу. Неприятеля убито на месте и в погоне, на милю расстоянием, свыше 3-х тысяч; взято в полон: бригадной генерал Бекер, штаб-офицеров до 10-ти, обер-офицеров более 60-ти, нижних чинов до 2-х тысяч. Главной генерал Моро был уже в гусарских руках, но спасся; отбито 14 пушек и одно знамя. С нашей стороны убито казаков 2, ранено 24; урон императорских королевских войск простирается за тысячу человек.

При конце баталии получено известие, что левая колонна, предводительствуемая генералом-фельцейхмейстером Меласом, штурмовала укрепленное Касано, где человек более 2-х сот при завладении убито и взято в плен с 5-ю пушками, причем генерал-фельцейхмейстер отличную храбрость оказал.

Войска отдыхали и упражнялись на месте баталии до утра; выступили колоннами, держась Миланской дороги. Походный атаман с донскими полками впереди окружил Милан и в оный вступил. Обретши ворота, отделенные от замка, запертыми, донской полковник, армии майор Молчанов 6-й их отбил и был встречен вылазкою из замка, которую обще с войсковым старшиною Мироновым поразил, прогнал и взял в плен 2-х офицеров с 32-мя нижними чинами. От казаков был убит один и ранено 2; гарнизон в замке до 7 сот, не сдался, имеет множество съестных припасов и на первой раз в блокаде. В городе неприятеля уже никого не было, а токмо нашли раненых и больных: штаб-офицеров – 4, обер-офицеров – 12, нижних чинов свыше 4-х сот человек.

Вашему Императорскому Величеству не могу довольно похвалить отличную храбрость донских казаков при низвержении не токмо кавалерии, но более пехоты пиками их. Отличившихся штаб– и обер-офицерах, также и нижних чинах в настоящих успехах против неприятеля всеподданнейше подношу у сего список¹⁶⁹.

Находящихся при мне: генерал-майора князя Горчакова, полковника Лаврова, майоров – барона Розена, Румянцева и штабс-капитана Ставракова, трудившихся в исправлениях им от меня порученностей, повергаю в высокомонаршую милость Вашего Императорского Величества.

При шествии войск дня Святые Пасхи в сей столичной город окошки и улицы были усыпаны народом; все обыватели восклицали непрерывный виват обоим императорам; чистосердечная радость у каждого блистала на лице. На другой день в соборном храме Божиим архиепископ с духовными великолепно при великом собрании служили большую мшу¹⁷⁰, благодарный молебен всемогущему. Прежнее правление обновлено.

¹⁶⁹ Список не обнаружен.

¹⁷⁰ Мессу (обедню).

Того же дня императорскою королевскою патрулем на тракте к Павии схвачен неприятельской генерал-майор Куланч и обер-офицер один.

Императорской-королевской генерал-майор Вукасович, следуя впереди правой колонны команды генерала от инфантерии Розенберга, в полумиле настиг неприятеля при деревне Верде[рио], от местечка Лекко к Милану в 4-х милях, атаковал его и окружил. По сильным выстрелам Розенберг, как усердный генерал, прилежно поспешил. От сближения его неприятели с Вукасовичем находились уже в переговорах. Здесь и в тот же день вступления нашего в Милан, сдались на капитуляцию: Серурье – один из лутчих их генералов и с ним генерал Фрезье, штаб– и обер-офицеров 200, нижних чинов 2700, пушек 6; генералам и офицерам акордованы шпаги с экипажем и лошадьми, уволены на пароль к себе с разменою; нижние чины удержали экипаж, поместятся в Венецианской области впредь до размены военнопленными.

Граф Александр Суворов-Рымникский

Приказание А. В. Суворова русской армии о запрещении отпускать по капитуляции пленных генералов и офицеров

1799 г. апреля 22

Его сиятельство командующий армиею приказал своим подкомандующим, чтобы от сего времени отнюдь не выпускать по капитуляции в полон взятых как генералов, так и штаб– и обер-офицеров и от сего времени пересылать оных как простых пленных в нашу землю. Также на форпостах запрещается, чтобы отнюдь никаких разговоров с неприятелем не иметь.

Диспозиция А. В. Суворова к продолжению военных действий на правом и левом берегах р. По¹⁷¹

1799 г. апреля 23 Казаль-Пустерленго

По донесению генерала Вукасовича, теперь полученному, неприятель оставил берега реки Тичино. Наши войска уже в Новаре. С другой стороны получают известия, что и Тортона оставлена французами.

Дабы при сих обстоятельствах воспользоваться поражением неприятеля, императорские армии двинутся вперед к реке Сессии в следующем порядке:

Отряд генерала Вукасовича, к коему присоединится один казачий полк, переправится чрез Тичино, пойдет чрез Новару на Борго-Верчелли, расположится за Сессиею, займет баталионом город Верчелли и пошлет разъезды к Кандии и Трино.

Из Новары послана будет партия из 100 чел. пехоты и 30 конных чрез Оледжио к Ароне; заняв эту крепость, она пошлет далее к Паланце 5 гусар, чтобы возбудить тамошних крестьян против французов; что надлежало бы делать и всем прочим партиям, распространяя слухи о прибытии в армию герцога Аостского, а за ним в скором времени и самого короля¹⁷².

¹⁷¹ Выйдя к реке По, А. В. Суворов убедился, что сведения о приближении Макдональда с юга недостоверны, и изменил прежние планы. Новое расположение войск (Багратион в Вогере и Тордоне, а корпус Розенберга у Павии) по обим берегам По давало возможность занять центральное положение между обеими французскими армиями.

¹⁷² Речь идет о Сардинском (Пьемонтском) короле Карле-Эммануиле II, свергнутом французами в декабре

Обе императорские российские дивизии под командою генерала от инфантерии Розенберга идут немедленно к Павии, переправляются чрез Тичино теперь на судах, а потом по мосту.

Авангард князя Багратиона переправляется чрез По и следует чрез Вогеру к Тортоне. Казаки выставляют свою цепь форпостов от реки По чрез Сале к Александрии, потом к Боско и Нови, примыкая у Серравалле к горам. Если Тортона оставлена неприятелем, то немедленно вступает туда один баталион. Князь Багратион подвигается к Нови и Гави и занимает обе сии крепости. Казаки высылаются чрез Вольтаджио к Бокетте, а потом и к Генуе.

Обе дивизии под начальством генерала Розенберга тотчас составляют из двух баталионов егерей и одного казачьего полка другой авангард, который переправляется чрез Тичино и следует чрез Карбонару, Групелло, Дорно и Лумелло к Торре-ди-Каза-Комуна, откуда казаки с одним баталионом егерей посылаются вперед к Валенце и протягивают цепь форпостов вдоль реки По вправо к Кандии и Вилла-Реа, а влево чрез Борго-Франко к Пиеве-дель-Каиро. Обе дивизии следуют за авангардом и расположатся за Каstellаро вправо и влево от дороги, ведущей из Лумелло в Валенце.

Схема Итальянского похода

Главная квартира вступит в Лумелло.

Императорско-королевская дивизия Фрелиха идет к Павии, переправляется чрез Тичино, следует на Сан-Мартино, Сан-Назаро-дель-Боско, Ла-Пиеве-Альбиньола, Сан-Назаро-ди-Боргонди и становится лагерем: правым крылом к Пиеве-дель-Каиро, а левым к реке По.

Для переправы чрез Тердопио и Агонью нужно послать вперед понтонные мосты.

Дивизия Цопфа оставляет в Пиаченце 3 бат. Фрелиха с 2 эск. Левенера, из которых один занимает тамошнюю цитадель, выгоняет оттуда пармазанцев¹⁷³ и приводит ее в лучшее оборонительное состояние.

Лишь только будет готов мост у Камбио, дивизии Фрелиха и Цопфа переходят там чрез По, и если Тортона занята войсками нашими, то идут чрез Сале, Торре-ди-Гарофола, Поцоло-Формигаро к Нови с тем, чтобы оттуда предпринять операцию на Генуу¹⁷⁴.

Ф[ельдмаршал]-л[ейтенант] Отт и генерал Кленау соединятся около Модены, и если генерал Монтришар находится при Болоне, то они вместе, присоединив к себе еще несколько войск с левого берега По, нападут на неприятеля и прогонят его в Романью.

Ф[ельдмаршал]-л[ейтенант] Монфрольд, находящийся в Венеции, вышлет 500 далматцев к коменданту Киузы и флотилию из Венеции к устью реки По. Тогда последует нападение по берегам Адриатического моря на Мезолу, Комахио и Равенну. Генералу Латтерману в Милане предписывается на земских подводах отправить немедленно 10 000 порций хлеба в Комо, где посредством отрядов собрать суда и тот провиант доставить полковнику Штрауху, который наступает к Морбеньо и форту Фуэнтес.

Должно также собрать в Комо реквизицию 100 штук вьючного скота и навьючить на них 4000 порций хлеба для доставления полковнику принцу Рогану в Маледжио и Лугано.

Ф[ельдмаршал]-л[ейтенант] Кейм, которому подчиняется на время граф Гогенцолерн, ускорит по возможности осаду Пицигетоны; по взятии же этой крепости пойдет чрез Пиаченцу и Вогеру к Тортоне. Тогда граф Гогенцолерн пойдет с корпусом своим к Милану, примет там под начальство свое бригаду генерала Латтермана и скорее возьмет тамошнюю цитадель с помощью Пицигетонской артиллерии, к которой присоединится еще осадный парк из 4 пушек – 24-фунтовых, 8 пушек 18-фунтовых и 4 мортир.

Граф Алькаини по достохвальном занятии Орци-Нови идет с артиллериею и войсками своими в Буфалора, где приведет в величайшую деятельность дивизию свою, состоящую из войск генерала Вукасовича, полковников принца Рогана и Штрауха.

[Сохранившаяся копия на немецком языке без подписи.]

Из реляции А. В. Суворова Павлу I о взятии Турина и действиях союзных войск против французов¹⁷⁵

1799 г. мая 16 г. Турин

Французы от стороны Тироля оказались на Лаго-ди-Комо водою и берегом в числе 3000 человек. На отражение их послан был полковник принц Виктор Роган с 2500 [человек], где обретался и российский Ферстера баталион; только лишь он против их в действия вступил сухим путем и на судах с успехом – как нашел их умножившихся до 9000 человек. Но справа его полковник Штраух уже с 5000 отправлен был; сии французы шли к соединению с взятым в плен Серурье 17-го апреля, угрожая окружность Брестянскую¹⁷⁶. Роган и Штраух из тех мест и горами их прогнали обратно, причиня им урону в убитых и

¹⁷³ Т. е. жителей Пармы.

¹⁷⁴ Распоряжение, касающееся дивизий Цопфа и Фрейлиха, выполнено не было.

¹⁷⁵ Печатается с сокращениями, без приложений.

¹⁷⁶ Брешианскую.

пленных больше 1000 человек; да от вооруженных крестьян тож они потерпели до 500 человек при малом с своей стороны уроне.

Генерал-фельдмаршал-лейтенант граф Бельгард, выступя к нам из Тироля с 16 000, следовал тем же путем; но уже французы ушли к Швейцарии, и он им только мог нанести свыше 500 [человек] убытку. Генерал-фельдмаршал-лейтенант Готце, армии эрцгерцога Карла, сообразно реченной операции, повстречался с вышедшими из Швейцарии французами и при Граубиндене 3000 их пленил. Взял 16 пушек и другие 30 пушек с снарядами срыли они с нагорной дороги в глубокие рытвины. Генерал-фельдмаршал-лейтенант Отто обретался в Модене, где примечательного кроме небольших сражений ничего не было. Французские: Монтришар был в Тоскане, а Макдональд, командовавший их армиею в Неаполе, – к стороне Рима.

У обоих считалось пополам французов с реквизи[ци]онерами и поляками за 15 000, да высадили на берег при Сестрие 4000, больше уповательно из Франции и армии, назначенной в Португалию, обращенной назад, которая и вся, мало свыше сего числа полагалась, кроме того, что бы тут могло войти от гишпанцов. Начальник ее Ожерон давно здесь, и был на баталии при Ваприи или Кассано 16-го апреля. Что до их неаполитанской армии, уверительно говорят: она давно оттуда вышла при командире ее Макдональде, который, как выше сказано, был около Рима. Граф Бельгард, усиля Рогана и Штрауха 3000 [человек], так что тамо корпус будет состоять в 10 000 под командою генерал-майора марки[за] Бельгарда, которого главной пункт при Киавенно, с достальными к нам прибудет и к стороне Александрии для содействия потом с генералом Отто.

Генерал-фельдцейхмейстер Край едва из-под Пескиеры не совсем еще под Мантуу прибыл, как неприятель, слыша большую пальбу от траншейных батарей при Пицигетоне, возомнил, что то сражение их войск с нашими в поле, учинил сильную вылазку, кою Край отбил в Мантуу, сея уроном убитых и пленных до 500 человек; но он еще там к формальной осаде приступить не мог за некоторым недостатком войск и артиллеристов.

По овладении разновременном крепостями: Барди, Иврея, Веррю, Павия, Пиаченца и Пицигетоне, имеем мы там гарнизоны.

Дошло известие, что Валенца опорожнена. Генерал Розенберг, бывши с российским корпусом туда подручным, имел сию крепость занять: оное явилось ложно, то и воспрещено; но он, побуждаем храбростию, 1-го мая переправился чрез По при Боргофранко и при Басиньяно вступил в сражение с французами, сбил их передовые отряды и встретился при Пичетто, имея сам еще немного переправившегося войска с сильнейшим себя неприятельским корпусом. Генерал-майор Милорадович мужественно его штыками опрокинул. Неприятель получал непрестанно себе усиление от Александрии, где стояла его армия, как и Розенберг чрез реку; сумнительное сражение обоюдно с разными переменами продолжалось до самой ночи, которая сражающихся разделила. Неприятель, оставя от себя Валенцу занятою, отступил весь к Александрии, а Розенберг, оставя подбитые две пушки (которые из завоеванных возвращены), по предписанию обратился паки чрез По. С его стороны в продолжавшемся чрез 8 часов сражении убито: подполковник Татаринев, 6 офицеров и 326 нижних чинов. Ранено: генерал-майор Чубаров, полковники Пассек, Врунов, подполковник Врангель, майоры: Кохановский, Миллер, Марченко, Головин и Корф; обер-офицеров до 50-ти, нижних чинов до 600. У неприятеля убито до тысячи человек и ранено гораздо больше, пленных мало.

1-го мая явилось к нам в Тортону 73 польских дезертиров. Оттуда 2-го мая армия выступила к Кастель-ново-дель-Скривиа, на левом ее крыле генерал-майор князь Багратион с 6-ю баталионами и двумя казачьими полками, занявши Генуэсскую крепость Нови. Там он получил в добычь множество ядер, бомб и иных артиллерийских припасов, также лафетов и патронных ящиков, отправленных из Генуа в неприятельские крепости Александрию и Валенцу, что он препроводил к нам на 70-ти подводках, где обыватели были в инсурекции. Он распрострился до такой же крепости Гави и замка Саравало, влеве от его был генерал Карачай с двумя баталионами и 6-ю эскадронами. Форпосты стояли впереди за Сенжультаном

при деревне Маренго. Походной атаман Денисов с полком своего имени имел разные с неприятелем шермицели, в которых имел всегда успех в побииении и взятии в плен.

5-го числа мая, когда армия готова была итти в поход, получено известие, что неприятель поспешно переправляется от Александрии на сю сторону Танара; армия туда обратилась, наши форпосты уступили. Уже его переправилось 6000 и прошел за Сенжульяно, как вдруг был атакован, сломлен холодным ружьем, приведен в крайней беспорядок и пустился в бег к Танаро. Один его целой гусарской эскадрон сколот казаками Молчанова, в других 3-х нападениях казаки, под предводительством походного атамана, а особливо полк Грекова, низвергли более 200 человек. Много раз императорско-королевская кавалерия рубила и поражала с казаками части их рассыпанной пехоты и, пригнавши к реке Танаро, паки Молчанова полк, отрезал одну полбригаду; сия бросалась в воду, где ее до 500 [человек] потонуло, а 78, бросив ружье, сдались. Загнанные в близлежащее болото конные и пешие многие увязли и потонули. Во всех того дня успехах генерал-майор князь Багратион отличное подавал руководство. Сражение началось в 9 часов утра и продолжалось до наступления ночи. Неприятель потерял одними убитыми до 2500; пленных до 200, в том числе 7 офицеров. Наш урон невелик: российских убито 26 человек и один офицер, ранено до 80 нижних чинов и 1 офицер. Намерение неприятеля было с 8000 [человек] итти для отобрания назад Тортоны.

Французы, претерпевшие сильные удары при Басиньяно, а особливо при Маренго, отступили на другой день от Александрии; остальная их армия состояла до 10 000. Их поход был на Асти, где с ними инсургенты сражались и, потеряв 88 [человек], сами у них убили до 200 человек. В Кунео или Кони, где, по последним известиям, Моро, их начальник, остановился и якобы получил несколько тысяч себе в помощь из Франции депотных войск.

Главная армия готова была атаковать под Александриєю, но имела пред собою, ввиду его, переправу чрез 3 реки: Орба, Бормида и Танаро, должна была надежнее ее искать большою окружностью чрез По. Сия была быстра при разлитии ея вод, и хотя генерал-майор князь Багратион покушался с его отрядом переправиться под предлежащим ему местечком Камбиєю, где стоял с корпусом генерал Розенберг; токмо принужден был последовать армии, которая, выступя 7-го мая от Маренго и Сенжульяно, перешла чрез наведенной мост при Мезано-Корте и маршировала к Кандии.

Сближаясь с генералом Розенбергом, получено от него известие, что неприятели оставили крепости Валенца и Казале с их цитадельми, кои он немедленно несколькими ротами занял. К сим велено прибавить: в 1-ю до 4-х, а во 2-ю до 3-х батальонов и в одно время генерал-майор Вукасович также оставленную Верре, бывши в ее близости, несколькими ротами занял. В Валенции найдено 31 пушка и 2 мортиры, довольно пороху и иных припасов. В Александрии оставил неприятель полторы тысячи, и как генерал-лейтенант Повало-Швейковской командовал в Валенце, предписано ему было итти на Александрию, оставя тамо полбаталиона; с прочими и переправленными другими 3-мя, всего 6-ю с половиною баталионами и казачьим полком, а генералу Секендорфу, пекущемуся о блокаде Тортонского цитаделя и имевшему внимание на Нови, оставя для блокады генерала Алькаини с 2-мя баталионами, 1-м эскадроном и 100 казаками, с остающимися[ся] у него двумя баталионами, 4-мя эскадронами и полком казачьим, кроме вышереченных 100, содействовать с Повало-Швейковским. Александрия сдалась. Неприятель в цитаделе.

Армия, соединясь с Розенбергом и Багратионом, следовала далее чрез реки по наведенным понтонным и иным мостам и в жаркое здесь время скорым маршем левым боком реки По.

На походе получено приятное известие, что генерал граф Гогенцолерн, осаждающей Миланской цитадель 9-ю баталионами, отворя траншеи и открывши батареи, чрез несколько дней принудил оный гарнизон к сдаче на акорт, чтоб год не служить и ежели между тем разменен не будет. Он состоял близ 2000 человек, 110 лутчих и более 24-х фунтовых пушек и несколько мортир, много припасов, провианту месяца на 4. Ему приказано, чтоб артиллерию, обращенную от осады Пицигетонской к Миланскому кастеллю приказал препроводить под

эскортом одного батальона к осаде Тортонского кастелля. Самому ж, оставя в Милане два батальона, с прочими 6-ю итти к Краю под Мантуу.

14-го числа мая под вечер мы увидели Тюрин. Пред наступлением ночи генерал-квартирмейстер маркиз Шатлер бомбардировал форштат против моста и Порта-дель-Палацо. При соммировании и переговорах комендант генерал Фиорелла с его так называемым муниципалитетом отвечали гордо. Непрестанно на нас из города во все стороны из пушек стреляли, но от обывателей мы имели отзывы о их к нам благосклонности. Генерал Вукасович расположился на той стороне реки за мостом против Порта-ди-По, уже согласился с комендантом национальной гвардии, всей нам преданной. На форштате сигнал был крик. При пальбе от Вукасовича – сей последовал. Он перешел мост чрез реку, нашел подъемной мост чрез крепостной ров опущен и вошел в отверстные ворота...

Французы от них обывательми прогнаны, [Вукасович] ударил всеместно с помощью от обывателей на рассеянного в городе неприятеля, занял площади и хотя он его турнировал из замка чрез порта Нова, он их всех поразил, забрал и в замок прогнал. Части армии немедленно прибыли. 15 мая в 3 часа пополудни даровал нам всемогущий Бог город Тюрин! Из 6000 национальной гвардии, 3000 вооруженных нас всюду встречали. Улицы наполнены были бесчисленным народом, восклицавшим беспрерывно виваты обоим императорам – еще более миланского¹⁷⁷. Во всю ночь город был иллюминирован. Вукасович потерял убитыми 30 человек, раненых 40. У французов убито более 100, взято в плен близ 200 с 8-ю офицерами; раненых и больных 300. Знаки победы: 382 пушки, 15 мортир, 20 000 ружей и арсенал, наполненный нещетным множеством припасов.

Генерала Вукасовича в особливую всевысочайшую Вашего Императорского Величества милость всеподданнейше представляю.

Комендант Фиорелла имеет в замке гарнизона 2700, в том числе конницы 300. Он на вечер поздравлял нас непрестанною пальбою бомб, картеч и каленых ядер, что он в следующую почти всю ночь производил до рассвета. Убито в городе из обывателей 2 человека и досталось жестоко черепице. Рано сего числа выслал Фиорелла соглашаться, что он в город стрелять не будет, ежели мы не будем с стороны сего замок атаковать. Мы на то согласились.

[...]178

Князя Багратиона, яко во многих случаях наиотличнейшего генерала и достойного высших степеней, наиболее долг имею повергнуть в высочайшее Вашего Императорского Величества благоволение. Под ним генерал-майора Милорадовича, подающего о его достоинствах великую надежду. Войсковой атаман, армии полковник Денисов, також и армии полковник Греков заслуживают с прочими донскими полковниками Вашего Императорского Величества высокомонаршее внимание. О отличившихся в действиях против неприятеля всеподданнейше подношу у сего список.

Вашего Императорского Величества во всевысочайшую милость всеподданнейше повергаю служащих при мне и трудящихся денно и ночью генерал-майора князя Горчакова, полковника Лаврова, майора барона Розена и штабс-капитана Ставракова.

Тажо и себя, Великий Государь Император!

Граф Александр Суворов-Рымникский

Реляция А. В. Суворова Павлу I о действиях союзных войск в Италии

¹⁷⁷ Т. е. еще больше, чем в Милане.

¹⁷⁸ Опущена часть текста о состоянии здоровья Константина Павловича.

1799 г. мая 27 г. Турин

Эрцгерцог Карл меня уведомляет, что он 16/27-го мая атаковал неприятельскую Масенову армию в стороне Констанса при Вилле и одержал победу. Присланной от него извещал, что неприятельская армия состояла с лишком из 30 000 французов и близ 30 000 швейцаров. Пленено до 2500, убито 800 и отбит парк артиллерии 50 бернских хороших пушек, и якобы половина швейцаров разошлась по домам в их кантоны, из которых цюрихцы, коих было в армии у неприятеля 3000 человек, преданные ему как и луцернцы, но кантон Бернской становится лутче. Эрцгерцог обещает с здешним нашим правым крылом войти в связь. Но то побиеение умножило сему крылу больше неприятеля. Генерал-фельдмаршал-лейтенант граф Гадек стоял за Сент-Готардом, наиважнейшим той стороны пунктом с 10 000, разделенным по разным дефилям из гор для защищения их.

Принц Виктор Роган 16/27-го сражался с неприятелем при Эше два раза с примечательным того уроном и отбил, а 17/28 чисел мая атаковал Гадек дивизии Лекурба и Узона холодным ружьем в центр. Убито от неприятеля 600 человек и взято тысячу в полон. Токмо при отступлении французов к Швейцарии повстречались они с полковником Сен-Жюльеном при Вазене и, будучи сильнее его, причинили ему почти равной урон. Между тем появилась Сентрельева 179 дивизия, где было батальона три швейцар[цев]; в Обер-Вализерланде, нам верной [области], осилила обывателей и произвела многие там разорении. Полковник принц Роган и Штраух посланы были к ним для помощи, последней по малосилию принужден был отступить.

По мере сих происшествиев, генерал-фельдмаршал-лейтенант граф Бельгард, следуя от Граубиндена сюда к Александрии, отрядил графу Гадеку в трех бригадах 8000 человек. Полковник принц Карл Роган от стороны Ивреи прибудет к нему с 3-мя баталионами так, что корпус Гадека будет состоять из 18 000, в том числе, по причине гор, кавалерии и сотни казаков за 600. Французы давно имеют намерение прорватца от Швейцарии в Италию в 15 000, но терявши много войска, не имели до сей поры успеха, и ныне понижее того числа.

Замок Чева, лежащей за Кунией на дороге от Турина к Генуе, завоеван был 10/21-го мая нашими инсургентами, и 360 французов ими взяты в полон. По уведомлению, генерал барон Секендорф, обращавшейся между Тортоны и Александрии, послал туда, как на примечательной пункт, гарнизона 250 человек. От Кунио, где стоял Моро, прибыл под Чеву 15/26 мая Виктор с 6000 французов, кои облегли и до 3-х суток бомбардировали. С нашей стороны выступили туда генералы Фрейлих и Вукасович до 6000 и принудили Виктора с некоторым уроном и оставлением 14 пушек и 2-х мортир отступить к Лоано близ Савоны, в намерении чтоб там, вошед в суда, плыть и выгрузиться в Генуэском же [заливе] при Сестри для соединения с Макдоналем, командиром бывшей неаполитанской армии, и Монтришардом в Тоскане, составляющими, по известиям, до 17 000, в том числе треть реквизиционеров.

Моро с тысячами пятью от Кунио отступил також к Савойе, но их намерение переменялось. По перехваченным письмам они сами ожидают к себе там прибытия из под Сестрии на судах Макдоналя и Монтришарда, угрожаемы операциею нашею на Кунио и далее; и действительно, Кунио Фрейлихом и Вукасовичем была несколько дней блокирована. Французы хотели ее снабдить шестимесячным провиантом и ввели 2000 гарнизон место бывших там тысячи реквизиционеров, французов, худо вооруженных и одетых, коих Моро взял к себе; он почитается всего в 11 000 и ожидает, но неверно, из Франции 12 000, чаятельно новонаборных с депотными. Фрейлих и Вукасович возвратились и стали в стороне Асти, дабы подручными быть к Турину и Александрии.

¹⁷⁹ Правильно: Ксантраля.

Многие очень ошибались, думая, что отвечая Суворову хоть и нелепо, но скоро, тем угождали ему. Правда, Суворов замолчит, но оценит пустослова.

При присоединении к нашей армии 3500 сардинских войск Суворов хотя и знал точное число, но несмотря на то он подходил к каждому из присутствовавших с вопросом о числе их. Всякий отвечал наобум. Один — 5000, другой — 200, а некто — 20 000.

«Ах, помилуй Бог, как ты щедр!» — вскрикнул Суворов и отскочил от него.

Но один генерал объявил истинное число. Тотчас шепнул Суворов своему адъютанту, чтобы пригласил этого генерала к обеденному столу. За завтраком потчевал его из своих рук редькою, что у него почиталось особенным отличием.

Мы вдруг наши дальнейшие операции остановили для утверждения завоеваний и приведения их в порядок. Еще не взяты состоящие в блокаде цитадели Александрия и Тортона и, уповательно, что только лишь отворена траншея при Мантуе, где недостаток в соли, и соленое мясо погнило. Край и Клейнау, бывшие в содействии с Оттом, туда возвратились. Сей последней стоит при Фор[те]-Нове, неподалеку Пармы, без примечательных действий, и Туринской цитадель!

Тако неприятели, делая разные виды между собою несогласные, постигнуть можно, что ежели они между тем сделали б движение вперед, то будет оно больше к Турину, нежели чрез Тортону к Александрии, куда для команды прибудет на сих днях граф Бельгард с достаточным, следующим за ним частями, войском.

Французы оставили Пинероль, там наша команда. Разные наши отряды были к стороне Фенистрелла и Сузы, брали пленных; казачьи партии набегали за Савойскую границу, где французы в довольном числе от них уходили; велено всем возвратиться к Турину, как там еще дела нет.

В сих движениях генерал-майору князю Багратиону покорились добровольно в горах 200 вооруженных пиемонтцев с их офицерами и распущены. Генерал-майор Цимерман, швейцарец, отозвавшись чрез своего адъютанта, что желает сдаться: два батальона с кавалериею и казаками при подполковнике Дворжаке, как он требовал, приступили к селению под Фенистреллой, где он обретался; он выслал от себя 70 французов, кои, не сдаваясь, пробиться хотели. Нечто из них спаслось, а большая часть поколота казаками; Цимерман сдался, и с ним до 600 пиемонтцев с 12-ю офицерами, сии уволены по домам.

Барбетты, обитающие страну Салюдзо в Вальделуцерно к Пинеролю, поднявшие оружие против нас по научению французов, покорнены манифестами от правительства, и прислали сюда своих депутатов.

12/23-го мая генерал Клейнау приступил к важной крепости Ферарро. Сия того ж дня сдалась, и замок на капитуляцию 15/26 чисел. Гарнизон, состоявший из 1500 человек, [сдался] военнопленным, [взято] 58 пушек. Она крепость обеспечивает в той стране транспорты рекою По и способствует субсистенции войск по тамошней хлебородной земле.

Подполковник Гриль де-Стуарт, отправившись из Венеции на судах с 4-мя ротами, нечаянно напал 17/28 мая на Равенну, овладел и взял в полон 400 французов и несколько пушек и, оставя там гарнизон, паки возвратился.

Под Туринской цитаделью прошлую ночь отворена траншея. За дождем чрез ночь поставлены будут на параллеле батареи. Орудия при осаде будут служить большею частию завоеванные.

Граф Александр Суворов-Рымникский

Реляция А. В. Суворова Павлу I о военных действиях с 24 мая по 10 июня и о сражении при Треббии

1799 г. июня 19 Александрия

Эрц-герцог Карл меня уведомляет, что он мая 24-го (июня 4) числа атаковал французского генерала Масена в стороне Цюриха и разбил. Урон неприятеля состоял в убитых больше одной и пленных больше двух тысяч. На другой день было рекогносцирование и на 3-й, 26 мая (6 июня), приступил он там к французским ретраншаментам, нашел их оставленными с 25-ю пушками, которыми овладел и занял Цюрих. Французы отступили к Берну, после чего он отрядил генералов Бей[я] и Елашица с 12-ю батальонами и нечто кавалерии к Лаго ди Люцерно для совокупной операции с командующим в части Сент-Готарда, с здешним генерал-фельдмаршалом-лейтенантом графом Гадиком, и покорения малых кантонов. Он имел повеление от римского императора, чтоб корпусом генерала Гоце Гадики сменить, но Гоце отозвался, что он от эрц-герцога на то предписания не имеет. Тако по смене, как Гадик должен был прибыть к нам с войсками близ 15 000, не можно было от него взять сюда, кроме малого числа, и оставить его там с 10 000 и от того терпеть здесь в войсках знатной недостаток. Генерал-лейтенант Римский-Корсаков по его отзыву был 28-го мая только у Кракова¹⁸⁰. Марширует очень тихо, чем все здешние дела подвергаются опасности. Внутри Франции неприятель собирался к здешним границам. Гадик действовал против [К]сантраля и Лекурба превосходно, в общих силах с эрц-герцо[го]выми Бейем и Елашицом, без примечательного в постах тамошних гор.

Получено верное известие, что неприятели всеми силами из Тосканы, Романии и Генуэсских гор к Савоне соединяются с намерением итти для освобождения Мантуи. Для осады Туринского замка и хранения города оставлен был генерал Кейм с 9-ю батальонами, 6-ю эскадронами императоро-королевских войск и 2-мя полками казаков. 30-го мая из-под Турина армия выступила в поход чрез Асти к Александрии, куда прибыла 1-го июня. За великою грязью от дождей отстали понтоны, потом наведен был мост чрез Бормиду. Под Александриею оставлен был генерал граф Бельгард с 9000 императоро-королевских войск. Все горские отряды к Нови и Кунио собраны были.

4-го июня тяжелые обозы отправлены были, чтоб перейти за реку По при Мезано-Корте, где сделать при 4-х орудиях у мосту укрепление. Армия перешла чрез понтонный мост на Бормиде и выступила на Кафель-ново-ди Скривиа, Вогеру, Кафель-Сент-Жиовани и, отошед малую милю, на реке Тидоне встретились с неприятелем. Сей шел от Сестрии на Болонью [и] Модену, где напал всеми силами на состоящего там в 3000-х от Мантуанского корпуса генерала графа Гогенцолерна, который с потеряннием половины его людей и нескольких пушек, учиня вящней вред неприятелю, у которого был убит генерал Форесци и, взявши при одном полковнике пленных, пробился насквозь. Неприятель состоял под предводительством Макдоналя с его, так называемою,

¹⁸⁰ Генерал-лейтенант Римский-Корсаков, сменивший генерала Нумсена, ввел в театр военных действий третий корпус русских войск численностью 27 000 человек.

неаполитанскою армиею, в двух дивизиях: Руска и Оливье, Монтришарда с Тосканскою дивизиею, Домбровского с его поляками и дивизиею Виктора от армии Моро, всего в 28 000. Наша армия имела до 22 000 под начальством генералов: Розенберга и Меласа. От Модены неприятель продолжал свой поход на Парму, где забрал герцогской баталион; сей после того вскоре разбежался на Пиаченцу и 6 числа с 16 000 наступил на генерала Отто, стоявшего на Тидоне с 5000 императоро-королевских войск.

Отт уже уступал, как передовые наши войски приближаться начали. Полки казацьи Грекова и Поздеева ударили неприятеля в левой фланг и вслед за ними генерал-майор князь Горчаков с полками Семерникова, Молчанова и двумя гранодерскими баталионами атаковал их правой фланг. Здесь Фрейлихов баталион, перешедши ров, сразился на штыках, прочие 5 баталионов его команды к тому баталиону примкнули и соединились с Оттом к правому крылу. Между казаков и пехоты на правом крыле был полк Карачая драгунской, а на левом то ж полк Левенера. Российская часть под генерал-майором князем Багратионом вступила в линию после, как значит на плане, и много к успеху поражения соучаствовала. Близость неприятеля построению всей линии препятствовала, но части войск как приходили, так скоро атаковали неприятеля более холодным ружьем. Баталия с Оттом началась с 3-го часу пополудни, и по приходе передовых войск в 4 часа продолжалась до 9 часов ночи. Неприятель был побежден. Убито его до 600 человек, взято в полон 400. Он отступил к реке Треббия, мы остались на Тидоне. Багратион с его частию перешел на правое крыло. Между тем прибыли прочие войски.

7-го числа пополудни в 10 часов перешла армия тремя колоннами вброд чрез Тидону. Перешед полторы мили, увидела неприятеля, стоящего по сю сторону реки Треббии уже во всех его 28 000. Все сии местоположения изрыты частями рвами сухими, как водяными, и наполнены шелковичными и иными деревьями. Армия стала в боевой порядок, что значит на плане.

Как войскам надлежало обходить трудные места, то не прежде, как в час пополудни, князь Багратион с 6-ю баталионами, Карачай с 4-мя эскадронами и казацьи полки Грекова и Поздеева быстро атаковали холодным ружьем 7000 пехоты и кавалерии, до тысячи левого неприятельского крыла и опрокинули. Неприятель потерял убитых более 500, две пушки и одно знамя; пленено Багратионом поляков 600 при двух полковниках и адъютанте Дембровского, после чего неприятель усилился до 15 000. А как Розенберг с частию генерала-лейтенанта Повало-Швейковского подкрепил князя Багратиона, то совокупно сбит неприятель за реку Треббию; оставил всего на месте 800 человек и взято еще 400 в полон. 2-я колонна под команду генерала-лейтенанта Ферстера шла на неприятельской центр. Впереди ее $\frac{1}{4}$ мили казачей Молчанова полк и эскадрон Левенера встретились с неприятельскою превосходною кавалериею, подкрепляемою несколькими стами стрелков. Ферстер отрядил полковника Лаврова с двумя ротами пехоты для усиления нашей конницы.

Наши сего неприятеля сбили до реки, он потерял человек 100 убитых и в плен досталось несколько десятков. К сему месту умножилась неприятельская кавалерия; Ферстер прислал наших подкрепить генерала-майора Тыртова с одним с половиною баталионом и двумя пушками, кои, как скоро стали вредить неприятеля, то он вывел чрез интервалы пехоты тысяч до 2-х под прикрытием с того берегу нескольких пушек. Ферстер прибавил еще при генерале Барановском 2 баталиона и сам с 5-м баталионом туда же прибыл, оставя 6 в резерве. Сражающейся тут неприятель, имевши прежде пехоты 2000, усилился с левого его крыла половинным числом пехоты до 10 000. Ферстер атаковал холодным ружьем, опрокинул и сбил неприятеля чрез реку; он оставил на месте до 400 человек, и до 50 в полон. Пальба пушечная и ружейная с обоих берегов продолжалась до 11 часов ночи.

3-я и левая колонна под команду генерала от кавалерии Меласа, состоящая из дивизиев Отто и Фрейлиха, кавалерии 14 эскадронов, и полк казачей Семерникова атаковали неприятельское правое крыло, состоящее из 10 000 человек. По жестокому бою чрез час неприятель был поражен и отступил за реку. Потерял убитыми 800 человек, пленными до 700. Сильная пальба на обоих берегах продолжалась, и баталия всюду кончилась за час до

полуночи. Армия наша отдыхала на месте по сю сторону Треббии с намерением перейти оную на другой день [и ударить] на неприятеля, который остановился на противном берегу.

8 числа июня произошла 3-я баталия, как явствует на плане, кровавее прежних. Она началась в 10 часов утра. Неприятель перешел Треббию, наступил на все наши части армии, имевшей прежнюю позицию. Первее встретил неприятеля штыками князь Багратион с шестью баталионами, и правее его полк кавалерии Карачая, казацьи Грекова и Поздеева, а на левом драгунской Лобковица дивизион, також холодным ружьем, и чрез час сбили неприятеля за реку. Тут убито у него до 600 человек, пленено офицеров 29, нижних чинов до 400; взяты: одна пушка и знамя. Неприятель паки переходит чрез реку на нашу сторону и атакует влеве от Багратиона полки Розенберга, Швейковского и баталион Дальгейма, в двух колоннах. Генерал Дальгейм не дал неприятелю выстроиться и его баталионом ворвался в неприятельскую против себя колонну, разорвал и опрокинул, причем убито у неприятеля 300, пленено 2 капитана и больше 50 рядовых и взято одно знамя. Сам Дальгейм был ранен.

Генерал Розенберг атаковал неприятеля в линии, сломил и прогнал. Он оставил на месте до 200 [человек], в плену капитана 1-го, офицеров 2-х, 180 нижних чинов и одно знамя. Швейковского полк здесь подкреплял. Два раза прогнанной неприятель на ту сторону перешел опять реку и ударил на левой фланг Дальгейма; но Багратион и полк Розенберга обратились вмиг к тому месту и уже неприятеля конечно поразили. Он побежал в третей раз на ту сторону, оставил на месте до 500, пленных до 100 и уже больше оттуда не возвращался.

На центр наш, под командою генерала-лейтенанта Ферстера, под сильною своею канонадою наступил неприятель многолюднее, но на сем берегу вмиг принят был штыками как саблями Левенера; на обеих флангах брошен в реку и больше не возвращался. Потерял 200 убитых и до 100¹⁸¹ пленных при 6 офицерах.

На левом нашем крыле Мелас, усмотря движение неприятельское, встретил его большим огнем из пушек, но он с большим стремлением перешел Треббию с двумя тысячами кавалерии и двумя колоннами пехоты. Генерал принц Лихтенштейн [с] 8-ю эскадронами не только в его кавалерию, но и в подкрепляющую ее пехотную колонну врубился, низложил: 1-й до 300 и последней до 100, взял в полон до 400 человек больше пехоты; под ним лошадь убита.

2-я неприятельская колонна долго не стояла: один баталион и 4 эскадрона ее стеснили, брося в реку, и от сей части прогнанной неприятель на тот берег уже более ничего не предпринял, оставя убитых на месте до 200-х человек и пленных 150 при 3-х офицерах. В 6 часов пополудни кончилась сия 3-я жестокая баталия. Пушечная ж пальба всеместно продолжилась до ночи. Генерал-майор Чубаров от стороны Нови прибыл к армии с 3-мя баталионами.

Мы намерены были на другой день 9-го июня, перейдя Треббию, неприятеля атаковать, но он в той же ночи ретировался. Мы двумя колоннами пошли за ним в погоню.

¹⁸¹ В книге Е. Фукса «История генералиссимуса графа Суворова-Рымникского» – 400 убитых и до 120 пленных.

А. Коцебу. Битва при Треббии. 1889 г.

В последствие наших побед левая Меласова колонна, шед на Пиаченцу, захватила там неприятельских раненых дивизионных обоих генералов, так называемой Неаполитанской армии, Оливье и Руска: они уволены в дома на пароль с разменою; бригадных генералов Сальме и Камбре; полковников 4-х, штаб- и обер-офицеров 350; нижних чинов 7183. Правая колонна Розенберга, отошед 3 мили, повстречалась с неприятельским арьергардом. Генерал Чубаров в голове колонны с 3 батальонами и подоспевшим Розенберговым полком гнал сей за реку Нура, и милою за оную, во рвах и лесах стеснил. Чады Павловы ударили в штыки! 400 скололи, протчие били шамад и сдались в полон в числе двух полковников, 1-го подполковника и 26 офицеров; нижних чинов до 1000, лутчих армии французской солдат, в коих числе был частью их отличной старинной полк Оверни. Взяты Чубарова полком: пушка 1, знамя 1 и Розенберговым два знамя. Тут же Карачаевы драгуны врубались и взяли одну гаубицу и одну пушку. Казаки отбили их обоз, равно кавалерия Меласовой колонны то ж обоз отбила.

Уже мы 10-го числа были паки в походе одну милю за бежавшим стремглав неприятелем, как нечаянно дошло известие, что Пуап с Генуэским, так называемым Лигурским¹⁸² легионом, в 3000 сближался к нашим, позади следующим, обозам, и что за ним идет Моро. Сие принудило нас оставить дальнюю погоню и обратить внимание назад. Обозам велено поспешать, и для закрытия их послано 3 казачьих полка. Сей генерал Пуап по приказу Магдоналя должен был на последней баталии зайти в наше правое крыло; токмо опоздал и до встречи с казаками ушел назад; повстречался с генералом Белецким, шедшим от Бобио с его батальоном, и оный окружил. Белецкой ударил на него в штыки, потерял убитыми 23 человека и ранеными 46. Сам убил у него 500 человек, взял в полон 103, протчих

¹⁸² Лигурийским.

разогнал. Того числа генерал Отт, следуя за неприятелем, взял у него 120 [человек]¹⁸³ в полон. Генерал граф Гогенцолерн с отрядом от стороны Мантуи занял Парму и там 200 [человек] раненых французов. Також из разных мест приводили непрестанно по несколько пленных из рассеянных.

Неприятель ретировался чрез Парму и Реджио, преследуем до сего места генералом Оттом, далее к Генуэским горам.

На всех сих поражениях оставил неприятель на месте убитыми больше 6000 человек; в плену на полевых боях 5085, раненых в Пиаченце 7183; всего в плену: 4 генерала, 8 полковников, штаб- и обер-офицеров 502; нижних чинов 11 766; знамен 7, пушек 6 и столько же сих ими увезено. Макдональ и Домбровский легко ранены. У последнего было поляков больше 2000, осталось за 300.

Наш урон простирается, российских убито: подполковник Кащенко, обер-офицеров 4, нижних чинов 675; ранено: генерал-лейтенант Повало-Швейковской, генерал-майоры Дальгейм и князь Багратион контузиями; полковники Ломоносов, Хвицкой, Виге, подполковник Семерников, майоры: Буланин, Рахманов, Зальцер, Белокопытов и Кохановский, обер-офицеров 35, нижних чинов 2041. Император[ск]о-королевских убито: обер-офицеров 10, нижних чинов 244, ранено штаб-офицеров 8, обер-офицеров 79, рядовых 1816.

Перед началом сражения с французским генералом Макдональдом австрийский полковник Шток упал в обморок, как он сам говорил, от «приключившейся чрезвычайной колики». В это время граф Суворов наехал на него и спросил: «Что такое?» Когда помогавшие полковнику рассказали о случившемся припадке, граф сказал: «Жаль! Молодой человек, помилуй Бог! Жаль, он не будет с нами! Как его оставить! Гей, казак!» Когда казак подъехал, граф продолжил: «Приколи его поскорее! Помилуй Бог, жаль! Французы возьмут. Чтобы наше им не доставалось, приколи поскорее!»

Услышав такое необыкновенное и неприятное лекарство, больной тотчас вскочил и сказал, что ему стало легче. «Слава Богу,— сказал граф, отъезжая,— очень рад! Полегче стало, тотчас полегче стало».

Лагоц, бывший прежде офицером император[ск]о-королевским, потом французским генералом, ныне, восставши против их, уведомлял меня, что он в Неаполе и иных странах набрал инсургентов, в том числе довольно неаполитанских регулярных солдат, 22 000, с которыми он к Адриатическому морю имел разные сшибки с французами: бил их и пленил и взял несколько пушек. Он обретался в стороне Анконы, где содействовал с десантами нашего флота. По выступлении нашем от Александрии предписано было остающему[ся] там

¹⁸³ В книге Е. Фукса – 200 человек.

генералу графу Бельгарду при первом сближении неприятеля снять блокаду Тортоны, дабы обретающиеся для сей там войска не подвергать опасности и демолировать несколько бастионов. Моро, как скоро сведал о нашем походе, пошел с собранным им всем войском до 10 000, в том числе 1000 гемуэсцев на Бокету, Нови, чрез Тортону, которую опорожненную занял и стал на левом боку Бормиды при Сенжульяне и Маренго. Бельгард, перешед мостом чрез Бормиду, не дождавшись всех войск, возвращающихся к нему от гор, его атаковал бесплодно и, хотя мог причинить вящей вред в убитых неприятелю, но сам потерял до 1000 человек, в том числе превосходно взятых им самим в плен. После того Моро никаких покушений не делал.

Армия от Пиаченцы возвратилась к Александрии, уже Моро там не застала: он о всех побиениях Макдоналя уведомлен был и убрался с лишком за сутки чрез Тортону, Нови, паки в свои горы. Легкие войска за ним гнали и забрали только задних до 10 человек. Макдональ убеждал Моро неоднократно, чтоб с ним соединиться и ободрял тем свою армию; но сей лучше рассудил итти на Александрию, а потом хотя и на Турин. Передовой генерал Чубаров занял Тортону, причем из замка от неприятеля убит подполковник Бешенцов, и паки сей обратил в блокаду. Он сменен генералом Алькаини с императоро-королевским войском.

По отверстии траншеи 31-го мая, совершении параллели и открытии батарей, 7-го июня началось сильное бомбардирование из 117 пушек на Туринской цитадель под дирекциею искусного инженера российского, полковника Гартинга. Сие бомбардирование нам учинило великий вред в подорвании многих с вещами там магазинов и одного порохового погреба. Сие принудило гарнизон поспешить к сдаче. По капитуляции, на рассвете 9-го июня, Фиорелла и другой генерал Ла-Ланс вышли с 2790 человеками и генерал Кейм, командующей в Турине, ввел [войска] место их. Нижние чины на размен препровождены к ближним французским постам, генералы и офицеры на размен же, но остались в плену нашем в [по]ручительстве за прочих.

С нашей стороны при осаде убито 20, ранено 29 человек. В числе последних легко сам Гартинг. В нашей Туринской цитадели [найдено] медных мортир 148, 384 пушки, 30 гаубиц, 40 000 (но от бомбардирования много поврежденных) ружей, 50 000¹⁸⁴ пуд пороху, снарядов несчетное множество.

Артиллерия доставляется из Турина водою для осады Александрийского замка, а потом Тортонского, ежели время и надобность допустит.

Его императорское римское величество повелевает формировать 6 тамошних баталионов с половиною своих и их офицеров.

По сему и иным делам много мне ходатайствовал у Венского двора чрезвычайный посол граф Разумовский, которого осмеливаюсь всеподданнейше повергнуть в высокомонаршую Вашего Императорского Величества милость.

Его Императорское Высочество Благоверный Государь и Великий князь Константин Павлович из усердия к пользе общего блага быстро привел с неутомимостью 6-го числа июня передовые Вашего Императорского Величества войска, внушая им храбрость и расторопность, командировал на левой фланг для подкрепления князя Горчакова и тем весьма способствовал к одержанию победы. Находящихся при Его Императорском Высочестве Благоверном Государе и Великом князе Константине Павловиче генерал-майора Сафонова, полковников Комаровского, Ланга, поручика Озерова и камер-пажа Храповицкого, из усердия и ревности бывших в сражениях, повергаю в высочайшую милость Вашего Императорского Величества.

Отличившихся в делах против неприятеля осмеливаюсь повергнуть в высокомонаршую Вашего Императорского Величества милость: генерала от инфантерии Розенберга, способствовавшего в разбитии неприятеля хорошим его рассмотрением, который везде, где надобность требовала, подкреплял с успехом; три лошади под ним ранены;

¹⁸⁴ В книге Е. Фукса – 40 000.

генералов-лейтенантов: Швейковского, поражавшего неприятеля храбро; под ним лошадь убита и получил контузию, но, не взирая на то, командовал до окончания баталии. Ферстера, который храбро поразил неприятеля, покушавшегося его сбить, и прогнал два раза за реку Треббью; генерал-майоров: Тыртова, храбро поражавшего с баталионом неприятеля штыками, Дальгейма, который ударил с баталионом в неприятельскую колонну штыками, смешал ее, обратил в бегство и поразил до 300 человек, где и ранен контузией; князя Горчакова, который усилившегося на левом фланге неприятеля опрокинул с казаками и двумя гранодерскими баталионами и, поражая его холодным ружьем, гнал до реки Тидоны.

У него шляпа пулею пробита; Милорадовича, который, командуя двумя баталионами, атаковал неприятельскую пехоту, опрокинул ее и гнал за реку Треббью, поражая штыками, пленил при 2-х офицерах до ста рядовых; Чубарова, который во время погони за неприятелем весьма отличил[ся] расторопностью, мужеством и рачительностью, отбил пушку и знамя; Барановского, поражавшего неприятеля с неустрашимостью; Белецкого, храбростию своею весьма отличившегося, который баталионом быстро ударил на неприятеля штыками, разбил его и рассеял; князя Багратиона, мужественно отличившегося во многих случаях, как и в сих победах поражавшего неприятеля с неустрашимостью, отбил 3 пушки и два знамя и тем много способствовал победам.

О отличившихся же в действиях против неприятеля всеподданнейше подношу у сего список.

Служащих при мне и трудящихся денно и ночно: подполковника Кушникова, майора Румянцова и штабс-капитана Ставракова, которые посылаемы от меня были во время баталиев с приказаниями и исполняли с отличным рвением и расторопностью, осмеливаюсь повергнуть во всевысочайшую Вашего Императорского Величества милость.

Граф Александр Суворов-Рымникский

Диспозиция А. В. Суворова к общему наступлению на Ривьеру

1799 г. июля 24 Боско

Генералу Кленау собрать немедленно же свои силы, атаковать неприятеля и теснить его вдоль берега Ривьеры-ди-Поненте¹⁸⁵, так чтобы мог быть в Генуе к 15-му (4-му) числу.

В тот же самый день вторая колонна под начальством русского генерала Дерфельдена атакует Бокетту, наступает к Генуе, – и таким образом в этот день произведена будет совокупная атака колоннами и соединение их пред Генуей.

Само собою разумеется, что этот генерал не только наступает к самому берегу моря, но старается вместе с тем занять и главный хребет прибрежных Альпов, равномерно и генерал Кленау старается занять высоты Скафера и Торрилия.

Вторая колонна под начальством генерала от инфантерии Дерфельдена состоит из русских войск, как его корпуса, силою в 10 000 человек, так и корпуса генерала Розенберга, силою в 8000; из того числа однакож отделяются 4000 пехоты к третьей колонне, взамен которых присоединится ко второй колонне такое же число австрийских войск [...]

Эта колонна атакует 15 числа¹⁸⁶ Бокетту, теснит неприятеля до Генуи, где соединяется с генералом графом Кленау. Само собою разумеется, что колонна эта не вся спускается к Генуе, но преимущественно должна овладеть главным хребтом прибрежных Альпов. От Бокетты должно преследовать неприятеля вдоль этого хребта, проходимого для

¹⁸⁵ Здесь ошибка, следует читать: Ривьеры-ди-Леванте.

¹⁸⁶ 4 (15) августа.

пехоты, между тем, как другою частию теснить неприятеля, отступающего по берегу моря. Таким образом обе означенные колонны войдут в связь и с третьею.

В авангарде будут три эскадрона гусар; в арриергарде – полк Карачая. Последний может первоначально оставаться у Нови, пока не обнаружится, где именно будет лучше употребить его.

В прежнем общем предположении ничего не упомянуто об атаке через Боббио; но как с этой стороны необходимо произвести ложную атаку, то и отделен будет с этою целью от второй колонны отряд из 2000 человек пехоты, который соединится с Виртембергским драгунским полком под общим начальством генерала графа Гогенцолерна. Полк этот, конечно, немного принесет пользы в действиях, но он может быть оставлен назади, у подошв гор, на равнине.

При 3-й колонне состоят генерального штаба: полковник Маркетти, майор Бикинг, капитан Фойт, поручик Гирш, майор Волькманн, капитан Мумб, поручик Оделке и поручик Эрбен.

В авангарде – 2 эскадрона гусар; в арриергарде – драгунский императорский полк, который может первоначально оставаться у Акви, пока не будет в нем нужды.

Колонна эта следует чрез Акви и 15 (4) числа атакует при Каиро и Миллесимо, овладевает главным хребтом прибрежных Альпов от Монтенотте до С.-Джиакомо. Пока одна часть этой колонны спускается до берега морского к Савоне, Ноли, Финалэ и неприятеля преследует вдоль этого берега, другая часть теснит его вдоль главного хребта к Вару.

Четвертая колонна под командою генерал-фельдцейхмейстера барона Края [...] При этой колонне генерального штаба: подполковник Де-Пест, капитан Гипперт, капитан Тройер, поручик Бешиный, поручик Герлицы и поручик Нейгебауер.

Эта колонна атакует 15 (4) числа Тендский проход, частию утверждается на главном хребте прибрежных Альпов, частию спускается к Вентимиллия, занимает этот пункт и там располагается на позиции по хребту гор, так чтобы р. Ройя оставалась пред фронтом. К тому же времени должно обложить и Ницу со стороны Виллафранка и реки Паллионе.

Главное назначение этой колонны состоит в том, чтобы неприятелю отрезать отступление на Ницу, для чего и должно держаться упорно на реке Ройе, между тем как другие колонны, частию по высотам хребтов, частию по берегу моря, не только быстро следят за неприятелем, но и беспрестанно атакуют его во время отступления. С помощью Божию можно надеяться, что таким образом заставим неприятеля положить оружие.

Что касается до корпуса генерала Вукасовича, расположенного в той стране, то генерал барон Край может его присоединить к себе при наступлении.

Кавалерийская бригада генерала графа Пальфи, приписанная к колонне генерала барона Края, должна быть в начале употреблена преимущественно для обложения крепости Кони. Бригада эта присоединится к означенному корпусу при прохождении его через Александрию.

Должно заметить, что по соединении всех четырех колонн пред Ницою соберутся в Ривьере слишком значительные силы, а потому излишние войска должно время от времени отправлять назад.

Так как главнокомандующий будет следовать со 2-ю колонною к Генуе, где соединятся обе первые колонны, то фельдмаршал сам решит, смотря по обстоятельствам, какие войска можно будет обратно отправить к Нови; равномерно и по соединении с третьею колонною окажется, какую часть ее можно будет отправить назад.

Возвращаемые войска будут направляемы к Кони, в распоряжение генерала барона Кейма, который может их употребить частию для блокады Кони, частию против савойской границы, если будут с той стороны какие-либо опасения.

Лишь только 15 (4) числа, в день, назначенный для общей атаки, овладеем Бокеттой, то и бригада генерала Нобили может быть отправлена форсированным маршем к Кони.

Когда же будет занят Тендский проход, и генерал Край утвердится там, – то генерал

Кейм может присоединить к себе кавалерию, направленную к Кони, и распределить ее на равнине вокруг Турина частью для удобнейшего продовольствия, частью для лучшего прикрытия савойской границы.

Пехота же, собранная при Кони, останется там же для обложения крепости и приготовления к осаде, которую генерал Кейм должен производить с особенною деятельностью.

Когда неприятельские силы в Ривьере будут совершенно истреблены, то генерал-фельдцейхмейстер Край обратит все свое внимание против Ницы и приступит к осаде ее.

Осадные парки собираются у Павии, и лишь только начнется главная атака, назначенная на 15 (4) число, то поспешно идут к Кони. Это, разумеется, относится только к парку, прибывшему из Мантуи, из всех же пунктов, где есть осадные орудия и запасы, должно доставить их прямо к Кони. Обе крепости, Кони и Ница, должны быть немедленно же осаждены.

Пятьдесят горных орудий распределяются следующим образом:

К 1-й колонне генерала графа Кленау – 10.

Ко 2-й колонне генерала Дерфельдена – 10.

К 3-й колонне генерала барона Меласа – 20 (так как при этой колонне вовсе не может быть полевых орудий).

К 4-й колонне генерала барона Края – 10.

Артиллерия как можно скорее отправляет означенные орудия к начальникам колонн.

Провиантское ведомство озабочивается, чтобы к 15-му (4) числу запасы были собраны в магазинах в Нови, Акви и Савильяно, откуда 2, 3 и 4 колонны будут принимать провиант и перевозить его на мулах.

Хотя дорога к Тендскому проходу пролегает чрез Кони, однакож можно посредством пионеров разработать дорогу в обход этой крепости.

Из этого пункта будет удобный подвоз запасов, может быть, возможно будет везти их на колесах и далее Савильяно; несмотря на то, означенная колонна должна так же, как и другие, иметь при себе мулов для дорог проселочных.

Все колесные обозы должны быть отправлены назад к Валенце; но полки могут иметь ближе к себе свои казенные ящики и депо. Вторая колонна может расположить нужнейшие свои обозы в Нови; третья – в Акви, а четвертая – в Кераско.

Генерал Кейм теперь же должен сделать соображение, чтобы в случае успешного окончания предпринимаемого ныне маневра, – когда он получит подкрепление, занять сильную позицию против Савойских гор или самому предпринять наступательное действие в эти горы, обложить Фенестрелле и за тем ожидать дальнейших распоряжений.

Суворов

Донесение А. В. Суворова Павлу I об изгнании французов из Сестрии и вступлении союзных войск в Рим

1799 г. августа 14 г. Асти

Генерал Клейнау доносит из Сестрии о изгнании неприятеля из тех мест с помощью казаков Молчанова полку. Ротмистр Цейхмейстер сделал высадку на берег в тыл неприятелю, который, не дождавшись атаки, побежал с горы, почему и мало взято в полон. В замке найдено восемь пушек и малое число военных снарядов; в Гольфе Специи был також побит неприятель сим генералом. В плен взято 200 человек, две пушки и судно с съестными припасами, и сии воды очищены от неприятеля, и что 9-го числа текущего месяца вошли в

Рим 4000 неаполитанских войск¹⁸⁷, совокупно с российскими числом 450. Города Капуа и Гаэта с крепостями покорились напоследок законному своему государю.

Граф Александр Суворов-Рымникский

А. Коцебу. Сражение при Нови. Конец XIX в.

Из реляции А. В. Суворова Павлу I о сражении при Нови¹⁸⁸

1799 г. августа 14 г. Асти

В пополнение краткого моего о знаменитой 4/15-го сего августа мужеством и храбростию войск Вашего Императорского Величества одержанной победе донесения, имею теперь щастие представить всеподданнейше следующее.

Неприятельская армия, из до 45 000 состоявшая, под главным предводительством нового, доверенность войск имевшего и храбростию славившегося генерала Жуберта, приближалась к генуэзскому городу Нови. Она расположилась на хребтах высоких, утесистых близлежащих гор, имев позади левого своего крыла крепость Гави, а правым простираясь до Серавалья. Таковое самою природою укрепленное местоположение, доставляя неприятелю всевозможные выгоды оборонительной позиции, соделывало всякое покушение на него неприступным. Он решился учинить на наши войски сильное внезапное нападение; но от меня приказано уже было предускорить сему прежнюю [на] ею атакою и, подаваясь мало-помалу назад, завлечь его в открытое поле. Для вящего споспешествования сим нашим предположениям оставили мы 2-го августа город Нови.

Вследствие сего стоявшая при Акви дивизия фельдмаршала-лейтенанта Бельгарда двинулась к Орбе противу Франсонары, а расположенные впереди Нови для наблюдения на

¹⁸⁷ Ополчение подполковника Цукато.

¹⁸⁸ Печатается с сокращениями, без приложений.

высотах войски подались назад к Поцоло-ди-Формигаро, ближе к армии. Императоро-королевскому генералу-фельдцейхмейстеру барону Краю дано было повеление выступить равномерно с своим из Мантуи в Александрию пришедшим корпусом в поход к Фрасонаре, и оный с присоединением дивизии фельдмаршала-лейтенанта Бельгарда составлял правое крыло армии и должен был ударить на неприятеля в левый его фланг. Корпус войск Вашего Императорского Величества, тогда состоявший под начальством генерала от кавалерии Дерфельдена, из Ривальты к Поцоло-ди-Формигаро пришедший, составлял центр и противостоял средине неприятельской армии. Римско-императорские войски под командою генерала от кавалерии Меласа, шедшие и расположившиеся вдоль по реке Скривии, должныствовали атаковать правый неприятельский фланг. Все сии три отделения построились колоннами, так что правое крыло стояло при Орбе, а левое опиралось к Скривии. Генерал-майор князь Багратион находился с передовыми войсками в виду Нови, дабы, оставив с правой стороны сей город, поражать неприятеля в правой его фланг. Корпус генерала от инфантерии Розенберга, находившийся при Вигицоло, составлял наблюдательный корпус и закрывал осаду цитадели Тортонской; во время же общего сражения оный расположился при Ривальте на случай востребоваться могущего подкрепления. Между тем неприятельские колонны двинулись вперед таким образом, что первая заняла Бормидскую долину и могла чрез Визону соединиться со второю, выступившею из долины Орбы чрез Оваду, а третья, заняв долину Леммы, с четвертою, перешедшею чрез Бокетту при Волтаджио.

Генерал-фельдцейхмейстер Край, по предписанной ему диспозиции, выступил уже ночью и со своим в две линии построенным корпусом приблизился к неприятелю на ружейный выстрел; генерал-фельдмаршал-лейтенант Бельгард напал тотчас на него первый с полком Гуффа с такою отважною храбростию, что, невзирая на отчаяннейшее сопротивление, овладел первым возвышением выгодной неприятельской позиции; но когда сей все свои усилия, подкрепляемые правым своим крылом, устремил на австрийское войско, то оно принужденным нашлось оставить сии приобретенные выгоды. В 6 часов пополудни генерал-майор князь Багратион с вверенными ему передовыми войсками атаковал неприятеля, расположившегося на горе за городом Нови, с неустрашимою храбростию. Неприятель, видя сильную в центр свой атаку, начал действовать правым своим крылом, дабы врезаться в левый фланг.

Тут генерал-майор князь Горчаков, получив от князя Багратиона егерской генерала-майора Миллера 3-го полк, два батальона гранадерских полковника Ломоносова и подполковника Санаева, пошел влево, ударил на его и сильно поражал. Сам же князь Багратион с полком имени своего, с двумя батальонами подполковника Дендригина и майора Калемина пошел в средину неприятельской позиции, послав вперед для открытия его полку своего имени штабс-капитана Львова с 30-ю стрелками егерей, на коих сначала напала неприятельская кавалерия; но штабс-капитан Львов, храбро защищаясь с егерями, поколол до 20 кавалеристов, убил одного полковника и генерала Гаро штыками; но сам он убит на месте сражения.

Генерал от кавалерии Дерфельден с корпусом войск Вашего Императорского Величества расположен был в две линии, правым крылом к большей дороге, ведущей от Ривальты к Нови, а левым к реке Скривии; к левому флангу примыкали императоро-королевские войски од командою генерала от кавалерии Меласа и защищали другие дороги от Нови к Александрии и Боско. На расстоянии пяти верст было открытое поле, где неприятеля ожидали. Напротив того, он бросился с отчаянною отважностью в Нови, занял сей город и овладел всеми окрестными возвышениями, составляющими подошву Генуэзских гор. На хребтах оных за сельскими каменными строениями и старыми замками расположил он свою артиллерию, которой картечной огонь равно и ружейной был почти неугасаем. Невзирая на сей неумолкаемый гром пальбы, на сей град пуль и ядер, корпус вступил в сражение, все колонны деплоировали фронт и наступали на неприятельскую линию. При первом приступе неприятель производил жестокою на наш фронт канонаду; но

сие не поколебало неустрашимости наших войск, которые усиливались овладеть выгодными позициями неприятельскими.

Генерал-майор князь Горчаков во время своего на неприятеля нападения увидел вдруг целую неприятельскую колонну, тогда подкрепили его полки Молодо-Баденской и Милорадовича с генералом-лейтенантом Ферстером; вторая колонна подоспела к неприятелю, и тогда генерал от кавалерии Дерфельден подкрепил Ферстера и князя Горчакова полками генерала-лейтенанта Швейковского, Ферстера и баталионом Дальгейма. Неприятель, маневрируя беспрестанно то влево, то вправо, принуждал наши войски три раза переменять построения нашего фронта. Напоследок неприятель усилился против конца нашего левого фланга, где полк Милорадовича и Дальгеймова полку баталион Кастелия мужественно сражался. Когда генерал-майор князь Багратион поражал неприятеля, то из кустарников показалась густая колонна, которую он атаковал холодным ружьем, расстроил и рассыпанную уже колол; тогда два неприятельские гусарские эскадрона вышли на выручку. Сбитой неприятель подкреплена была второю колонною.

К нашим войскам пришел на помощь генерал от кавалерии Дерфельден с полками Розенберга, Тыртова, баталионом Дальгейма и с левого флангу баталион Швейковского, полк Милорадовича и Молодо-Баденский, которые вступили в атаку. По ним открыт был жестокой из 20 пушек огонь, равно и ружейной; но несмотря на то, колонна была сбита; рассыпанные [люди] взяты были в полон; малая часть спаслась. Сих подкрепил фронт неприятельской, засевший во рве на плоском месте при горе; коному наши войски сближались. Тогда неприятель, собрав войски, усилил свой центр, который уже стонал от жестоких ударов Дерфельдена; подкрепление не пособило. Когда в центр войски его были собраны, то правый его фланг обессилился; и тогда генерал от кавалерии Мелас, воспользовавшись сим, взял путь свой на высоту горы от стороны Серавалья и, пришед во-время, поражал неприятеля в левый фланг с решительным успехом.

Нападение от каждого и всех вообще началось с беспримерною решимостию и мужеством; неприятель был повсюду опрокинут; замешательство его в центре и на левом крыле было свыше всякого выражения; он выгнан был из выгоднейшей своей позиции, потерял свою артиллерию и обращен в бегство. С центром и левым его крылом сражавшиеся войски могли тогда с тем большею удобностию возобновлять и усугублять свое нападение. Все соединенные войски, равно и генерал-фельдцейхмейстер Край с своею колонною, гнали его, брали в плен, разили за восемь верст и далее от Нови. Таким образом продолжалось 16 часов сражение упорнейшее, кровопролитнейшее и в летописях мира, по выгодному положению неприятеля, единственное. Мрак ночи покрыл позор врагов, но слава победы, дарованная Всевышним оружием твою, Великий Государь! озарится навеки лучезарным немерцаемым светом.

Все войски наши состояли из 38 000 человек, а по объявлению самих французов, потеря их простирается за 20 000; убитыми до 7000, раненых увезено ими свыше 5000, разбежалось за 4000. Нам в плен досталось 4 генерала, 3 полубригадных шефов, 81 штаб- и обер-офицеров и нижних чинов 4520. В полон достались: генерал-аншеф Периньян, командовавший в Испании, 2 дивизионные генерала: Коли, командовавший Пиемонтскою армиею, и Груши, довершивший Пиемонтскую революцию; взятый при ночной темноте и порубленный бригад-генерал Партоно. Главнопредводительствовавший генерал Жуберт вскоре по начатии сражения ранен и умер в Нови. Сей произвел Пиемонтскую революцию, и Бонапарт, при отправлении его, наименовал своим наследником. Также убит дивизионной генерал Ватрен и бригадной генерал Гаро. Пушек досталось победителям 39 и ящиков с снарядами 54.

Наш урон: российских убито – майор Корф, обер-офицеров 10, нижних чинов 337; ранено: генерал-лейтенант Тыртов в голову пулею, генерал-майоры: князь Горчаков от картечи контузиею, Чубаров в ногу пулею; полковники: Ломоносов, Касаговский, Бредихин, Врангель и Санаев подполковник; майоры: Буланин, Козлютинов, Вердеревской и Розен;

обер-офицеров 47, нижних чинов 1479. Императоро-королевских убито 900¹⁸⁹, ранено 3200.

Генерал от инфантерии Розенберг с корпусом своим, следуя за неприятелем, на другой день 5-го числа настиг его арьергард, свыше 3000 человек, состоящий при Гави. Сей [неприятель] стеснен был на ближних высотах, и когда он открыл жестокую ружейную пальбу, то Розенберг отрядил генерал-майора Фертча с полком имени его, казачим Курнакова, баталионом Ребиндера, также и генерал-майора Кашкина с егерским его полком. Сбивши передовые его посты, ударили в штыки, сломили линию и обратили в бегство. Неприятель потерял убитыми свыше 200; в плен досталось при 3-х офицерах 127 рядовых, с нашей стороны убитых 5, раненых 17.

Все воинство Вашего Императорского Величества от каждого генерала до последнего солдата подвизалось в сем сражении единым духом храбрости, мужества, неутомимости и неустрашимости; все они совокупно одушевлялись великими монаршими милостями и щедротами, Вашим Величеством к ним ниспосылаемыми, и охотно приносили на жертву служению престолу и живот и кровь свою.

Обязанностию верноподданическойо поставляю я здесь в высокомонаршее Вашего Императорского Величества благоволение препоручить: генерала от кавалерии Дерфельдена, который мужеством своим, отличною расторопностию и опытностию везде, где только надобность требовала, подкреплял и правым флангом храбро поражал неприятельской армии центр. Генерал-лейтенантов: Швейковского, поражавшего неприятеля храбро; Ферстера с отличным мужеством поражавшего неприятельскую колонну, стремившуюся его атаковать; Тыртова, который, наступивши на неприятельскую линию, ударил в штыки, сбил ее и расстроил. Когда часть сей рассеянной колонны подкреплена была 2-ю неприятельскою, то он вторично атаковал и получил рану; генерал-майоров: князя Горчакова, который быстро атаковал неприятеля; и, хотя получил от картечи контузию, но из усердия и ревности к службе остался в деле и, пробивши холодным ружьем его линию, гнал и поражал остатки ее так, что малая только часть спаслась; под ним 2 лошади ранены; Милорадовича, с храбростию и расторопностию поражавшего неприятеля, наступавшего на его атакою; Белецкого, с храбростию поражавшего неприятеля; Чубарову вверен был от меня гранодерской Розенберга полк, с которым он теснил и поражал неприятельские колонны так храбро и неустрашимо, что малая только из них часть спасалась бегством; причем и ранен; князя Багратиона, который, наступя на первую неприятельскую колонну, опрокинул и, поражая ее, расстроил 2 неприятельские гусарские эскадрона, выехавшие на выручку, как и пехоту, из закрытия вышедшую; Миллера, с отличною храбростию поражавшего неприятеля; под ним лошадь ранена.

[...]190

Об отличившихся же разных чинах всеподданнейше подношу у сего список. Находящихся при мне: полковника Лаврова, подполковника Кушника и адъютантов моих: майора Румянцева и штабс-капитана Ставракова и императоро-королевской службы подполковника Вейнротера и майора Экарта, которые посылаемы от меня были с приказаниями и под жестоким неприятельским огнем исполняли с отличною поспешностию и исправностию; також трудящихся при мне денно и ночью статских советников: Фукса, Башловского и надворного советника Трефурта повергаю в высокомонаршую милость Вашего Императорского Величества.

Поводом того побиения заключена уже с тортонским французским комендантом здесь в копии прилагаемая капитуляция, в силу которой неприязненности с обеих сторон пресекаются и 31-го августа будет сия цитадель французами опорожнена.

¹⁸⁹ В книге Е. Фукса «История генералиссимуса графа Суворова-Рымникского» – 200.

¹⁹⁰ Опущена часть текста о поведении Великого князя Константина Павловича и состоявших при нем офицеров.

*Граф Александр Суворов-Рымникский***План общего наступления на французов в Швейцарии, данный А. В. Суворовым***1799 г. [8 сентября]¹⁹¹*

План общей атаки на выступившего в Малые швейцарские кантоны неприятеля и продолжения операций по удачному первом разбитии.

Положение неприятеля в целой Швейцарии суть следующее:

Массена, главнокомандующий всех неприятельских войск в упомянутой земле, находится с большею частью своих сил, около 30 000, между Лимат и рекою Нижнею Рус; его левый фланг упирается к реке Аар при Брюге, а правой к горе Альбис.

Дивизионной генерал Шамброн с 10 000 человеками занял кантон Швиц и Гларис и имеет фронт к реке Линт и озеру Валштетер.

Дивизионной генерал Лекурб обороняет вход из Италии в Швейцарию чрез Готгартс-берг и стоит в кантонах Унтер-вальд и Ури тоже с 10 000 человеками.

Дивизионной генерал Лорже занимает горы Нифнер и Симпельберг и верхнюю часть Ронской долины или Вализерланд 8000 человеками. Против знатного неприятельского распространения стоят 33 000 российских войск под командою генерала-лейтенанта Корсакова между Цюрихом и нижнею частью реки Лимат, то есть против самой главной силы неприятеля.

21 000 австрийских войск под командою генерала-фельдмаршал-лейтенанта Готце стоят между озерами Валштетера и Цюрихера вдоль правого берега реки Линт и распространяют свой левой фланг чрез Сарганц и Маенфельд до Дизендиса в долине, называемой Рейнталь.

Напоследок находятся 20 000 российских войск под главным предводительством генерала-фельдмаршала князя Италийского графа Суворова-Рымникского, кои из Италии вступают против горы Готгартс-берга и стоят теперь в Таверне, 8 миль не доходя Белинцона.

Ныне вопрос: каким образом сими тремя силами для освобождения прежде Малых кантонов, а потом в продолжении, после первого успеха, действовать сообразнее к занятию всей Швейцарии. К тому первым правилом надлежит принять то, что все вышесказанные соединенные силы и назначенные к сему предприятию части должны с мужеством войти во фронт и в тыл правого неприятельского фланга и тем в кратчайшее время великое намерение с возможною вероятною удачною достигнуто быть может, которого бы чрез обходы и чрез изыскиваемое с трудностью соединение тем менее обрести можно, поелику невозможно многочисленному войску в продолжительное время иметь продовольствие, покуда не овладеем Луцернским озером.

Во уважение вышесказанных взаимных позиций и причин, признаю я следующее нападение за лутчее:

Из идущих из Италии российских войск выступает корпус генерала от инфантерии Розенберга, силою 6000 человек...¹⁹² сентября из Белинцоны; того же дня идет до Донгио 14 миль, до Сента-Мария 12 миль, до Таветш 14 миль¹⁹³, и нападает при Урзерне и

¹⁹¹ Этот план был составлен в штабе А. В. Суворова после получения соображений Готце и Штрауха.

¹⁹² В оригинале пропуск.

¹⁹³ Подразумеваются итальянские мили.

Тейфельс-брюке ¹⁹⁴ на неприятельской левой фланг при долине Рус-таль и тыл Готгард-берга.

2000 австрийских войск, под командою генерала Ауфенберга становятся таким образом против Дизендиса в Мадеранер-таль, чтоб одним маршем могли также вступить в Амштейг и в Обер-Русталь. Корпус российской генерала от кавалерии Дерфельдена выступает из Белинцона и идет в Гиорнико 14 миль, прибудет в Айроло с войсками полковника Штрауха, которые тоже 14 миль отдалены. Полковник Штраух и генерал Дерфельден выступают вперед к Готгард-бергу. Первой держится тогда влево против Бедретто и закрывает левой фланг атакующего корпуса генерала Дерфельдена, который поднимается на Готгард-берг и тотчас по северной стороне оной горы спускается до Тейфельс-брюка, чтоб с генералом Розенбергом соединиться; последний же в тот вечер или ночь, как скоро генерал Дерфельден к Тейфельс-брюку прибудет, к генералу Ауфенбергу до Амштейга (8 миль вперед) сблизается, дабы оный от неприятеля со стороны Альтдорфа не потерпел и дабы мы же точно во владении долины Амштейг оставались.

Генерал Дерфельден посылает тотчас от Урзерн, а позже от Госшинген¹⁹⁵ и Вазен по весьма дурным горным дорогам около двух тысяч пехоты вслед за рассеянным и бегущим неприятелем до Енгельберга в кантон Унтервальден. Также должны пионеры тотчас от высоты горы Готгард-берга к Урзерн вперед спешить, чтоб мост, называемой Тейфельс-брюке, буде бы оный неприятелем был испорчен, тотчас из крышек ближайших строений выправить.

Полковник Штраух остается на Готгард-берге и старается проход от Вализерланда в Русталь обеспечить.

Идет генерал Ауфенберг и Розенберг к Альтдорфу 6 миль. Генерал Дерфельден следует чрез Вазен и Амштейг тоже вслед туда, которое расстояние составляет 18 миль; но посылает от зада своей колонны от Ерцфельден еще около двух тысяч человек до Енгельберга, дабы дальнейшее следование к Швицу не было с тылу беспокоиваемо. При всем том не должны все от Урзерна, Гесшинген¹⁹⁶, Вазен и Ерцфельден за неприятелем следующие войски итти без повеления и также не оставаться на месте, но беспрестанно повсюду неприятеля беспокоить.

Выступает вся колонна российская от Альтдорфа до Швица и идет тот же вечер 14 миль далее.

Того же [числа] выступает генерал Готце с большею частью своих сил от Утшенах¹⁹⁷ до Ейнзидельн в кантон Швиц; прежде соединяет он к себе 5000 человек корпуса генерал-лейтенанта Корсакова и одну часть генерала Линкена от Койре¹⁹⁸ чрез Флимс и чрез малую долину, называемую Линт-таль до Швандена, и другой чрез Сарганц, прямо до Гларис, и оба потом вдоль озера Кленталера до Ейнзидельн к себе присоединяет, к чему вышереченной генерал расстояние и нужное время исчисляет, дабы вместе все в Ейнзидельн вступить могли.

Как скоро генерал Готце в Ейнзидельн вступил, посылает он сильное отделение кавалерии на половину дороги к Швиц вперед, которую российская колонна от Швиц на половину дороги к Ейнзидельн тож предпринимает, чрез что оба корпуса на кратчайшей

¹⁹⁴ Чёртов мост.

¹⁹⁵ Следует читать Гешенен.

¹⁹⁶ Следует читать Гешенен.

¹⁹⁷ Следует читать Уцнаха.

¹⁹⁸ Кур.

дороге и без малейшей потери времени об обоих их выступлениях в Ейнзидельн и Швиц извещать будут и генерал Готце ударяет от Ейнзидельн до Альбис 8 миль в правой фланг главной позиции неприятеля и там с корпусом генерала-лейтенанта Корсакова чрез Цурих соединяется и продолжает атаку.

Российской корпус из Италии пробирается от Швица между озерами Цюгер и Люцерн до города Люцерн, к которому времени и прочие силы из Обер-Рус-Таль до Енгельберга [преследовать] бегущего неприятеля посылаемые войска, к левому берегу озера Люцерна до города Люцерна сближаются.

Таким образом может вся российская и австрийская армия от Люцерна вдоль правого берега Рус до впадения онога в Аару поставлена быть, чрез что не токмо большая часть Швейцарии завоевана будет, но вероятно также, что после сего неприятель на левом берегу реки Рус остаться не может, потому что чрез Люцерн его правой фланг обойти можно. Почему с военною утвердительностью надеяться можно, что он чрез потерю своей прежней позиции при Альбис за Аару отступить должен будет.

Продовольствие следуемых из Италии российских войск будет от Белинцона таким образом учреждено, чтоб всякой солдат на 3 дни на себе имел, а на другие 4 на мулах возить; хотя сии опорожненные мулы могут быть обратно назад посланы, но не можно на дальнее доставление точно надеяться, частью в рассуждении отдаленности, частью в рассуждении возможности, что дивизионный генерал Лорже полковника Штрауха может прогнать назад, и транспорты и коммуникационные дороги от Белинцона чрез Готгард-берг не мог бы пересечь, и для того весьма нужно, чтоб запас на 4 дни для 20 000 человек, от стороны генерала Корсакова или Готце при Раперсвейлер был бы в готовности, дабы при первом соединении с нами в Швиц доставить оный.

Наконец наминается всем, что обозы казенные, как и партикулярные, ни под каким видом не могут отсюда далее следовать, а должны возвратиться с орудиями по прежней диспозиции, то есть артиллерия до Комо, а обозы до Вероны.

От казацких полков следует только к первой атаке один полк, а прочие остаются до дальнего повеления здесь, но посылают партии между Айроло, Мугадино, Белинцона, Вареза, Новара, Арона и Граведона, именно позади корпусов полковника Штрауха и полковника Виктора Рогана, дабы в Обер-Вализерланде с 8000 человеками стоящей неприятель чрез своих доброжелателей извещаем был непрестанно о прибытии новых войск и тем бы приведен был в заблуждение и опасался всегда бы нечаянного нападения.

Донесение А. В. Суворова Павлу I о волнениях в Пьемонте и попытках восстания населения в Турине

1799 г. сентября 9 м. Таверна

От инженерного полковника Гартинга, из Турина приехавшего, который отправлен туда был для исправления и приведения в оборонительное состояние цитадели, получил я о бывшем там заговоре сведения, которые имею всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству.

Вступивши из Франции чрез Сузу в Пиньероло, неприятельской генерал Миллер обнародовал прокламацию, которую успел разными образами рассеять в сей столице. Она заключала в себе сильнейшие уверения, что французское настоящее правительство ни мало не будет вмешиваться в дела религии и весьма оскорбительные и ругательные на счет соединенных императорских войск выражения. Сие весьма возмутило неблагомыслящих; к усугублению же сего поспособствовало стечение тех обстоятельств, что народ в чаянии увидеть законного своего государя обманулся; дошло до сведения их также, что наследный принц герцог д'Аоста прибыл уже в Александрию, но не смел приехать в Турин. Выступление войск Вашего Императорского Величества произвело там крайнее уныние.

Неизвестность будущего жребия, в каковой все обретаются, и весьма великое число

праздношатающихся в бедности пьемонтских солдат, которых офицеры удерживают и отсоветывают записываться в вербуемые силою австрийские полки, послужили тому равномерно причинами. Таким образом покушались они уже три раза на возмущения¹⁹⁹, предполагая овладеть тамошним арсеналом; но бдительною расторопностью Кайма и Вукасовича все их злые умыслы были испровергнуты и предупреждены кровопролитные последствия, ибо злодеи сии посягали на жизнь генералов и полковника Гартинга, под успешною и искусною дирекциею которого тамошняя цитадель должна была сдаться²⁰⁰. Генерал Кайм публиковал прокламацию противу французской, которою их неистовства опроверг. Главные виновники возмущения были все захвачены и взяты под стражу в дальние города, что весьма устрашает дворянство, дабы и их аманаты не потерпели жестокостей во Франции. Между тем народное смятение еще поныне продолжается. Многие жители оставили Турин. В Пинероле и Сузе были некоторые стычки. Против обретающихся в Сузе и Пинероле французских войск, в числе нескольких тысяч, послан от генерала Меласа корпус.

Князь Итальянский, граф Александр Суворов-Рымникский

Правила ведения военных действий в горах, данные А. В. Суворовым, с приложением указаний о составе колонн и распределении артиллерии по колоннам

1799 г. сентября 9

По большей части дороги по горам столь узки, что едва и порожняя лошадь по оным оборотиться может, тем менее отягощенные выюками мулы, от чего в марше произойти может великое затруднение; и для того колонны таким образом устроить должно, чтобы движениям оных ничто не могло препятствовать.

Хотя при голове колонны и нужно иметь несколько казаков, дабы помощью оных о положении мест, удобных проходах и даже о неприятельских движениях заблаговременно известиться можно, равно и патрулями их обеспечивать себя по боковым дорогам, но в горах, по вышеизъясненным затруднениям, оные пользы сей приносить не могут; и для того офицер, ведущий колонну, по собственному ли своему о местоположении знанию или по сведениям, от достоверных проводников полученным, прежде вступления в затруднительную дорогу, командующего головою колонны генерала или штаб-офицера уведомить должен.

Тогда вся кавалерия остается назади, а несколько вооруженных пионеров под прикрытием пехоты открывают путь для авангарда. Орудия с их принадлежностями не должны быть ни при голове, ни назади колонны: ибо будучи впереди, они мешать могут маршу, назади же – в случае востребования оных, не скоро пройти им удобно, а как все меры употребить должно к нанесению вреда неприятелю, то и стараться все то, что в оном препятствовать только может, отвратить.

[...]

Поелику один только казацкой полк при войсках следует, то и дается на каждую

¹⁹⁹ Пьемонтцы рассчитывали с помощью союзников освободить страну от французских захватчиков и восстановить свою независимость. Суворов искренне поддерживал их стремление к восстановлению прежних органов власти и армии. Австрийское правительство, считая, что Пьемонт завоеван у французов в пользу Австрии, установило в нем оккупационный режим и запретило Суворову формирование пьемонтской армии. Это восстанавливало народ против австрийцев, вызывало волнения и попытки к восстанию населения Пьемонта.

²⁰⁰ А. В. Суворов имел в виду подготовку к осаде Туринской цитадели, которой успешно руководил инженер-полковник И. М. Гартинг.

дивизию из одного по 50 человек, а остальные триста человек остаются в резерве.

Каждая дивизия составляет особливую колонну. Если же и все по одной дороге следовать будут, то из сих четырех колонн составится одна колонна.

Каждая дивизионная колонна формируется следующим образом:

При голове колонны, ежели местоположение позволит, для авангарду: 25 казаков, 20 пионер, 1 бат. пехоты егерей или гренадер, 1 пушка с снарядами, 3 баталиона, 1 пушка, 2 баталиона, 1 пушка, 2 баталиона, 1 пушка, 2 пушки запасные.

За сим 10 мулов с ружейными патронами. И сим порядком все дивизии следуют, а в заключении всего мулы и казацкие лошади с провиантом, потом партикулярные вьюки, кои прикрываются одним баталионом пехоты и 100 казаками, распределенными впереди, середине и сзади.

Когда проводник объявит, что войски должны вступить в тесную дорогу, то находящиеся казаки в голове колонны замыкают оную.

Дивизионным колоннам сколько возможно быть сомкнутым и избегать растяжения. Между колоннами же надлежит иметь двести шагов расстояния.

Для овладения горою, неприятелем занимаемою, должно соразмерно ширине оной, взводом ли, ротою, или и более рассыпясь, лезть на вершину; – прочие же баталионы во сте шагах следуют; а в кривизнах гор, где неприятельские выстрелы не вредны, можно отдохнуть, и потом снова идти вперед.

Единою только твердою и непоколебимою подпорою колонны можно придать мужества и храбрости порознь рассеянным стрелкам, которые ежели бы по сильному неприятельскому отпору и не в состоянии были далее идти, то должна колонна, не сделав ни одного выстрела, с великим стремлением достигнуть вершины горы и штыками на неприятеля ударить. Сей, приведенный в робость, не в состоянии будет выдержать столь мужественного наступления и, конечно, весьма слабую учинит оборону.

Одною стрельбою никаким возвышением овладеть не можно, ибо стоящий на оном неприятель весьма мало вредим. Выстрелы большею частию на вышину или не доходят, или перелетают через; напротив же того с вышины в низ стрельба гораздо цельнее, и для того стараться как наискорее достигнуть вершины, дабы не находиться долго под выстрелами и тем бы менее быть вредиму.

Само по себе разумеется, что не нужно на гору фронтом всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно.

Если неприятель умедлит овладеть возвышениями гор, то должно на оные поспешно взлезать и на неприятеля сверху штыками и выстрелами действовать.

Записка А. В. Суворова о преимуществах избранного направления для наступления через Сен-Готард

1799 г. сентября [9] Белинцона

Во всей позиции неприятельской от устья реки Аар чрез кантоны Цюрих, Гларис, Швиц, Ури и Унтервальден самая сильнейшая часть есть левое крыло не только по числу войск, но и по естественным препятствиям, которые представляются наступающему от местности. Там 30 000 войск занимают горный хребет, который простирается в длину от 3 до 4 миль; хребет этот во многих местах совсем недоступен, а где есть подъемы, там они обстреливаются огнем неприятельских батарей. Притом левое крыло примкнуто к реке Аару; переправа через Лимат также затрудняет атакующего, который не может наступать разом из нескольких пунктов, а должен выступить только из одного Цюриха. И тут ему предстоит подниматься на высоты под перекрестным огнем неприятеля, или должен он стараться с самого начала направить из одного пункта несколько колонн.

Все это показывает, что можно с успехом атаковать только правое крыло неприятельской позиции. Хотя здесь местность весьма гориста, зато, по крайней мере,

выгоды с обеих сторон одинаковы, а при нападении между озерами Люцернским и Цугским можно противопоставить неприятелю даже большее протяжение фронта. Выгода эта останется и в том случае, если силы, рассеянные ныне в кантонах Швице и Гларисе, присоединятся также к 30 тысячам, стоящим на Альбисе, которые тогда усилятся уже до 40 000 чел. К тому же нельзя не заметить, что в таком случае мы будем иметь двойную выгоду: первоначально мы будем иметь дело только с 20 000 неприятельских войск, против которых можем выставить более 35 000; эта часть неприятельских войск будет разумеется разбита и обращена в бегство; несколько тысяч пленных останутся в наших руках; затем мы нападём победоносно на остальные силы правого крыла его, приведем их в расстройство, в замешательство; упорное сопротивление сделается невозможным и последствием будет победа.

И так представляется только следующий вопрос: каким образом можно скорее и легче опрокинуть означенные 20 000 правого крыла неприятельского? Если бы для этого стараться первоначально соединиться с левым австрийским крылом, находящимся при Дисентисе, то пришлось бы нам подниматься, по крайней мере, на четыре горных хребта, весьма недоступных, употребив на это столько же дней, сколько нужно, чтобы достигнуть до самого Люцерна, а быть может и более. Мы имели бы с левого фланга целую дивизию Лекурба, и чтобы отбросить ее, следовало бы наступать вверх по долине Рейссы; а чтоб не быть задержанным у Чёртова моста, часть сил наших должна бы действовать со стороны Белинцоны, овладеть С.-Готардом и оттуда ударить в тыл войскам неприятельским, защищающим Чёртов мост.

Единственное средство – атаковать С.-Готард со стороны Белинцоны. Одною этою атакою уже достигаем мы того, что при изъясненном первом предположении не прежде могли бы достигнуть, как на 6-й день, и то не иначе, как с помощью особого отряда, направленного со стороны Белинцоны.

И так бесспорно, всего для нас выгоднее будет немедленно же воспользоваться путем из Белинцоны, на котором мы уже и находимся.

Суворов

Диспозиция А. В. Суворова к атаке Сен-Готарда

1799 г. сентября 10 Белинцона

Корпус генерала от кавалерии Дерфельдена выступает 22 (11) числа в 5 часов утра из Белинцоны и, отдохнув один час на половине пути у Осонья, перейдет 3 немецкие мили до Джорнико, где поручик Журчак укажет место для лагеря. В тот же день бригада полковника Штрауха перейдет из Биаско к Фаидо.

23 (12) числа переход из Джорнико до Биотты, около 1–½ немецких миль, если только не произойдет до того времени никакой перемены в расположении неприятеля.

Из Биотты 24 (13) числа произведена будет атака на Айроло и Сен-Готард в следующем порядке:

Авангард князя Багратиона и дивизия Швейковского перейдут в 3 часа утра реку Тичино впереди Биотты и, взошед на полугорье, вправо от Мадраны и Виллы, в расстоянии 1–½ немецких миль, берут оттуда еще правее на одну немецкую милю, чтобы обойти Айроло и все позиции, которые неприятель может занимать между Айроло и Биотта. Колонну сию ведет австрийского генерального штаба поручик Журчак.

В 4 часа утра выступает из Биотты другая колонна, состоящая из двух баталионов легких или пограничных (поселенных) войск полковника Штрауха и одного баталиона русского дивизии Ферстера, и, поднявшись влево на половину высоты гор, спускается к тому мосту на реке Тичино, через который пролегает дорога из Айроло в долину Бедретто.

Колонну сию ведет поручик Белицкий.

А. Коцебу. Переход войск Суворова через перевал Сен-Готард 13 сентября 1799 г. Конец XIX в.

Прочие войска, принадлежащие к бригаде полковника Штрауха, с остальными семью баталионами дивизии Ферстера остаются на дороге к Айроло и по ней подвигаются вперед по мере того, как обе боковые колонны облегчают им наступление. Эту колонну ведет австрийского генерального штаба поручик Гатербург.

Когда голова средней колонны достигнет до Айроло, полковник Штраух идет влево по дороге в долину Бедретто, на мост через реку Тичино, где уже будут находиться два баталиона его, отряженные туда от левой колонны; баталион же русский возвратится по той же дороге к средней колонне в Айроло. Если бы мост через Тичино был разрушен, то можно там же перейти реку вброд.

Средняя колонна проходит поспешно через Айроло, чтобы войти в связь с правою колонною, уже направленною вперед по дороге к Госпису, и чтобы вместе с нею взобраться на вершину горы, т. е. до Госписа, а потом спуститься по другую сторону на полторы мили к Урзерну.

Если бы неприятель показал намерение защищать Госпис, то правая колонна должна снова взять вправо и обходить левый фланг неприятельской позиции.

По достижении вершины Сен-Готарда или Госписа должно отрядить влево к Реальпу один или два баталиона дивизии Швейковского, смотря по силе неприятельских войск, которые отступят к горе Фурке и в Валис; баталионы эти посылают патрули до самого Реальпа и ожидают прохождения всего корпуса; а затем следуют к Урзерну в хвосте колонны.

Все казаки следуют в хвосте средней колонны; в голове же ее идут только сто казаков и то лишь до тех горных ущелий, которые находятся впереди Айроло и влево от Мадраны; перед входом в эти теснины казаки останавливаются вправо и выжидают, когда пехота пробьется.

Все орудия следуют при средней колонне, и притом за первым баталионом только две пушки, а прочие в хвосте всей пехоты.

Если бы неприятель от сего числа до 24 (13) подвинулся еще вперед по долине реки Тичино, то вышеописанная атака тремя же колоннами начнется с того места, где встретим неприятеля, и быть может придется открыть бой уже 23 (12) числа.

Правая колонна берет с собою 30 пионер, левая 20, а прочие пионеры идут при средней колонне.

Дополнительная диспозиция А. В. Суворова к атаке Сен-Готарда

1799 г. сентября 12 Фаидо

Диспозиция, данная 10 (21) сентября в Белинцоне, изменяется только в том, что 24 (13) числа первая или правая колонна, состоящая из авангарда князя Багратиона и дивизии генерал-лейтенанта Швейковского, выступив в 3 часа пополудни, пойдет по большой дороге до Валь-ди-Ведро и оттуда уже возьмет вправо к Мадрана и чрез Валле атакует во фланг неприятельскую позицию при Боско. А как в этой позиции может быть не более 3 баталионов неприятельских, то упомянутая колонна с половины дороги к Боско должна отрядить 4 баталиона еще правее, прямо к Госпису, на вершине С.-Готарда, чтобы отрезать совсем отступление неприятелю из позиции при Боско.

Австрийского генерального штаба поручик Журчак должен заранее собрать к Фаидо надлежащее число проводников, чтобы вести колонну; также должен быть дан проводник и тем 4 баталионам, которые будут отряжены вправо.

Левая колонна, состоящая из всех австрийских баталионов полковника Штрауха и одного русского из дивизии генерала-лейтенанта Ферстера, должна выступить из лагеря в одно время с первою колонною и, как скоро дойдет до Биотты, взять влево, по дороге, прежде уже назначенной. Колонну эту ведет австрийского генерального штаба поручик Белицкий, который также должен сего же дня приготовить нужных к тому проводников.

Средняя или третья колонна, состоящая из двух баталионов полка Валлис (из отряда полковника Штрауха) и 7 баталионов русских из дивизии генерала-лейтенанта Ферстера, идет по дороге между обеими боковыми колоннами, наблюдая, чтобы держаться несколько позади головы сих колонн, с тем, чтобы преждевременным нападением с фронта на позицию неприятельскую при Боско и при выходе из Айроло не подвергаться напрасной потере. Колонну эту ведет австрийского генерального штаба поручик Гатербург.

Полковник Штраух сего же дня с вечера выдвинет свои передовые посты за Биотта к мосту Сордо, оставив позади надлежащее подкрепление, дабы удержать этот мост до нашего прибытия. В случае, если бы неприятель в ночь вздумал овладеть мостом, должно употребить все усилия, чтобы удержать его в нашей власти.

Все колонны должны собраться к 2 часам пополудни, а во время марша держаться как можно сомкнутее, дабы слишком не растянуть колонны и не замедлить самого движения.

Все запасы хлеба и сухарей еще остаются сего дня за Фаидо и только завтра следуют вперед.

Еще раз напоминает, что, кроме вышесказанного, все прочее, предписанное в прежней диспозиции, данной 10 (21) сентября в Белинцоне, остается без изменения.

[В сохранившейся копии на немецком языке подпись отсутствует.]

А. Шарлемань. Фельдмаршал Суворов на вершине Сен-Готарда 13 сентября 1799 года. 1855 г.

Из реляции А. В. Суворова Павлу I о походе в Швейцарию²⁰¹

1799 г. октября 3 Фельдкирхен

Победоносное войско Вашего Императорского Величества, прославившееся храбростию и мужеством на суше и на морях, ознаменовывает теперь беспримерную неутомимость и неустрашимость и на новой войне, на громадах неприступных гор. Выступив из пределов Италии к общему сожалению всех тамошних жителей, где сие воинство оставило по себе славу избавителей, преходило оно чрез цепи страшных гор. На каждом шаге в сем царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверстыя и поглотить готовые гробы смерти. Дремучие мрачные ночи, непрерывно ударяющие громы, лиющиеся дожди и густой туман облаков при шумных водопадах, с камнями с вершин низвергавшихся, увеличивали сей трепет. Там является зрению нашему гора Сен-Готард, сей величающийся колосс гор, ниже хребтов которого громоносные тучи и облака плавают, и другая, уподобляющаяся ей, Фогельсберг. Все опасности, все трудности преодолеваются и при таковой борьбе со всеми стихиями, неприятель, гнездившийся в ущелинах и неприступных выгоднейших местоположениях, не может противустоять храбрости войска,

²⁰¹ Печатается с сокращениями, без приложений.

являющегося неожиданно на сем новом театре: он всюду прогнан. Войски Вашего Императорского Величества проходят чрез темную горную пещеру Урзерн-Лох, занимают мост, удивительною игрою природы из двух гор сооруженный и проименованный Тейфельсбрюке. Оный разрушен неприятелем, но сие не останавливает победителей; доски связываются шарфами офицеров, по сим доскам бегут они, спускаются с вершин в бездны и, достигая врага, поражают его всюду.

Напоследок надлежало восходить на снежную гору Бинтнерберг, скалистою крутизною все прочие превышающую. Утопая в скользкой грязи, должно было подыматься против и посреди водопада, низвергавшегося с ревом и низрывающего с яростию страшные камни и снежные и земляные глыбы, на которых много людей с лошадьми с величайшим стремлением летели в преисподние пучины, где многие убивались, а многие спасались. Всякое изображение недостаточно к изображению сей картины природы во всем ее ужасе. Единое воспоминание преисполняет душу трепетом и теплым благодарственным молением ко Всевышнему, его же невидимая всесильная десница, видимо, охраняла воинство Вашего Императорского Величества, подвинутое святою его верою. Подробности всех сих происшествий имею щастие представить здесь всеподданнейше.

Войски Вашего Императорского Величества маршировали 11-го сентября из Белинцоны чрез селения Осонио до Джюрнико, а оттуда на другой день до Байоны. Неприятель, занимавший гору, называемую Сен-Готард, и ее окрестности, был 13 числа атакован таким образом, что от Биотты войски наши разделены были на три колонны: 1-я или правая была из дивизии генерала-лейтенанта Повало-Швейковского; авангард князя Багратиона состоял из полков егерских его имени и Миллера; баталионов: Ломоносова, Дендригина, Санаева и Калемина, за коим следовали полки: гранодерской Розенберга, мушкетерские: Швейковского и Каменского, составлявшие помянутую колонну.

Тогда она проходила по главной дороге до Вальди Ведро, которая, прошедши реку Тессину²⁰², должна была держаться до половины горы вправо из Мадрано, Вилла и далее к Болко, где неприятель имел свою позицию с 600 человек; тут фланг его был. 2-я или левая колонна состояла из двух баталионов австрийских войск полковника Штрауха и одного баталиона полку Белецкого, которая и выступила вместе с правою. Сия колонна маршировала влево от селения Биотты, а правая к Айроло, где стояли неприятельские посты. 3-я, или средняя колонна сформировалась из полку генерал-лейтенанта Ферстера, 1-го баталиона полка Белецкого, полков: Тыртова, Фертча, двух баталионов полковника Штрауха и следовала по дороге между обеими фланговыми колоннами.

13-го числа генерал-майор князь Багратион с его авангардом, пополудни в два часа, достиг неприятеля при местечке Айроло и, обозрев его позицию, ударил быстро в правой его фланг гораздо сильнее; тогда укрепленный неприятель, видя его стремление, тотчас обратился в бегство, начав ретироваться по большой дороге Сен-Готардской. В сие время князь Багратион откомандировал немедленно вслед за ним довольно число передовых стрелков егерей полка его имени при поручике Лутовинове, дабы неприятель не сделал нападения на левый фланг до прибытия первой дивизии, а сам между тем с своим полком и гранодерскими баталионами, приняв вправо, пошел чрез каменистые горы, дабы по переходе оных отрезать левой неприятельский фланг; полк же егерской Миллера 3-го откомандировал еще правее в часть генерал-майора Барановского.

Неприятель, ретируясь и усмотря его предприятие, переменял тотчас свою позицию, остановясь на большой дороге у горы Сен-Готарда; он укрепил свой левый фланг и, засевши за камнями и в ущельях, производил сильной ружейной огонь. Но поручик Лутовинов, с передовыми стрелками его преследуя, несмотря на его сильное сопротивление, ударил на него штыками, при коем сражении тяжело ранен в ногу пулею навывлет, но притом многое число французов положил на месте. Тогда, дабы помянутые стрелки не оставались без

²⁰² Тичино.

начальника, принял тотчас командование случившийся тут полковник граф Шувалов и искусным распоряжением и храбростию побуждал егерей к поражению неприятеля, причем и сам получил тяжелую рану также в ногу пулею навывлет. Напоследок принял команду над помянутыми стрелками бывший при сем самом случае подполковник граф Цуката, который, последуя примеру первых, поражал жестоко французов.

В то время подоспела и первая дивизия под командою генерал-лейтенанта Швейковского, и генерал-майор князь Горчаков вступил тут в дело с неприятелем, занимавшим почти неприступную позицию. Начали передовые войски всех трех колонн производить свои действия; он жестоко противился; колонны наши повели также атаку и поелику требовала того позиция неприятельская, то разделилися они на половине горы и учинили на неприятеля такое нападение, которое принудило его ретироваться. От Вазена был послан генерал-майор Белецкий с полком его имени для обсервации рассеянного и бегущего неприятеля, к Вализерланду ретировавшегося, даже до селения Госпиталь, куда гнал его весь корпус. Ночью неприятель покушался атаковать полк Ферстера, но был им прогнан, потеряв 7 человек убитыми и одну пушку. От сего места полк Тыртова отправлен был для наблюдения неприятеля к Реальпу.

14-го войски наши выступили чрез Вазен, Урзерн и мост, так называемый Тейфельсбрюк, на реке Русс, и прогнали неприятеля до Амштега, но как мост был им испорчен, то пока успели починить его, принуждены были войски на несколько часов остановиться, в которое время частные отряды и форпосты неприятельские имели случай спастися, отступя частью к Вализерланду, частью по большой дороге чрез Амштег, Альтдорф, к Луцерскому озеру.

*А. Коцебу. Бой на Чертовом мосту
14 сентября 1799 г. Конец XIX в.*

15-го от Амштега преследуем был неприятель також чрез горы, атакуем будучи правою и левою колоннами, где равномерно и средняя упорно действовала. Неприятель имел свою позицию в ущельях и за огромными камнями, но помощью сея атаки, произведенной с крайним мужеством и таким же порядком, что все оные колонны разделилися по мере его распространения, принужден был ретироваться к Амштегской долине, где вся его сила расположена была лагерем. Известясь о приступе наших войск чрез передовые свои посты, он отступил в полночь до Эрстфельда и, став в боевой порядок, устремлял все свое старание, чтобы удержать мост на реке, текущей в долине Шахен-Таль. На рассвете был командирован авангард под командою генерал-майора Милорадовича, дабы атаковать его тремя колоннами,

который, принудя неприятеля отступить, гнал его к Луцернскому озеру. В пути своем неприятель по возможности разбирал все мосты; он был в числе 8000 человек с 10-ю орудиями под предводительством дивизионного генерала Лекурба.

16-го генерал-майор князь Багратион преследовал неприятеля и, узнав, что впереди, в селении Муттентале, находился французский пикет, тотчас отрядил войска Донского полковника Сычева с казаками, приказав ему послать несколько оных в правую сторону пеших, а в левую конных; сам же между тем с частью егерей полка имени его спустился с горы прямо в средину и, приблизясь к неприятелю так, что он за лесами и скалами того не мог приметить, приказал стремительно со всех сторон на него ударить, приведя тем неприятеля в замешательство, который бросился было бежать, но, не обретая нигде спасения, принужден был отдаться в руки победителям со всем своим оружием. При оном им взято в плен 87 человек с офицером, поколото до 50 и ранено 7 человек.

17-го, после таковых побед, для снабжения войск Вашего Императорского Величества съестными припасами остановились в Муттентале и

19-го генерал-майор князь Багратион выступил из Муттенталя с его авангардом по-полуночи в 7 часов чрез горы к местечку Гларису. Дойдя до деревни Кленталь, нашел он там сражающегося с французами императоро-королевской службы генерал-майора Ауфенберга. Князь Багратион тотчас послал полк егерской Миллера 3-го и 100 пеших казаков влево по дороге, дабы взять у неприятеля тыл, поручив оных в команду случившемуся тут подполковнику графу Цукато; два же батальона гранодерских Ломоносова и Калемина отрядил также влево от горы, а остальные два батальона Дендригина и Санаева построил прямо по дороге; сам же он с полком егерским имени его пошел вправо.

Неприятель, имевший тогда превосходнейшее число войск, распределился на четыре колонны, произведя наступательной ружейной огонь. Он тогда выслал передовых стрелков егерей и приказал начать перестрелку; сам, подаваясь вперед, взял гораздо у неприятеля правой его фланг, потом, нимало не мешкав, закричал *ура*, ударил штыками и в ту же минуту опрокинул первые его две колонны; побил и поколол на месте более 70 человек, в плен взял полкового командира, 3-х офицеров и 162 человека рядовых, прочих обратил в бегство и гнал до самого озера, Сейруте²⁰³ называемого, где по причине узкого пути многие бросились в воду, так что потонуло более 200 французов. Не взирая на приближение ночи, преследовал он остальных, поражая беспрестанно по дороге штыками и гнал до тех пор, пока не прибыл генерал-майор князь Горчаков с частью войск, им командуемых; потом принял он влево к горе, держась небольшого возвышения, где в рассуждении ночи расположился лагерем вблизи от неприятеля.

20-го поутру рано неприятель, как был встревожен ружейными выстрелами посланных патрулей, то в ту же минуту ответствовал сильным ружейным же залпом. Тогда авангард, соединясь с первою дивизиею генерал-лейтенанта Швейковского, вступил паки в дело. Неприятель, сколько ни противился, пользуясь неприступным местоположением и присовокупленными к оному укреплениями, был опрокинут. При сем сражении командовавший батальоном полку имени князя Багратиона майор Браурт, – убит. Сражение сие продолжалось до 10-ти часов пополудни и во время ночи генерал-майор князь Багратион занял передовые пикеты и расположился лагерем.

21-го авангард и дивизия Швейковского расположились лагерем при Нефеле в Нейтале, где и простояли 22-е и 23 число до прибытия дивизии Розенберга и Ферстера.

24-го весь корпус выступил из Нейталя чрез Гларис к Бинтнербергу. Князь Багратион с частью войск, им командуемых, составлял арьергард, которого оставшийся назади неприятель вознамерился преследовать. Не доходя местечка Швандена, он извещается о таком его замысле чрез полковника Сычова и посылает немедленно один батальон егерей

²⁰³ Рутен.

полка его имени чрез реку влево занять возвышение, а егерской полк Миллера 3-го под командою подполковника графа Цукато и другой баталион его полку оставил пред местечком Шванденом, выстроив в линию 4 баталиона гранодерских. Пройдя помянутое местечко, вскоре потом неприятель был встречен. В 7 часов утра началось сражение и продолжалось до 8-го [часа] вечера. Неприятель имел тогда более 5000 и сражался весьма упорно, но быстрым отражением был опрокинут и прогнан до самого местечка Глариса, поражаемый жестоко штыками; его побито более 150-ти, в плен взято 3 офицера и 35 рядовых. Напоследок князь Багратион взял путь к назначенному лагерному месту, куда неприятель преследовать его более уже не осмелился. И так во все сие время неприятельской урон простирается убитыми 510 человек, ранеными и здоровыми в плен взято 367 человек.

Во время сих действий войск Вашего Императорского Величества генерал от инфантерии Розенберг 10-го поутру выступил с корпусом, ему вверенным, из Белисона и, следуя чрез возвышенные горы на Донгио и Сент-Мария при проливном во весь марш дожде, прибыл в Тавечь 12-го ночью. Там узнал он, что неприятель находится за два часа марша, почему и сделал нужные к открытию его распоряжения; поутру же 13-го двинулся к местечку Урзерну. Не доходя лежащего пред ним озера мили две, между двух возвышенных гор к западу, открыт был передовыми казачьими войсками неприятель, имевший свои пикеты впереди за милю, за коими держался во множестве землянок и шалашей.

Когда сбиты были казаками передовые их пикеты и когда учинена ими была атака рассыпная, то генерал Розенберг отрядил генерал-майора Милорадовича с авангардом вперед между гор с тем, чтобы он сколь возможно поспешнее старался занять возвышения оных с левой нашей стороны. Казакам, открывшим неприятеля, велел придерживаться направо, баталиону егерей Кашкина и полку Ребиндера идти против центра неприятельской позиции, а генерал-майору [Мансурову], с его полком, заранее посланному, чрез возвышение гор вправо, ежели возможно, зайти неприятелю в тыл.

Когда лишь только двинулся генерал-майор Милорадович вперед, то вдруг неприятель сделал сильную перестрелку, однакож без всякого успеха. Егери баталиона Сабанеева, в авангарде находящиеся, и мушкетеры Милорадовича поспешно взошли на гору и сбили неприятеля вниз к озеру, который, проходя его, ударился на наш правый фланг, но баталионом егерей Кашкина и подоспевшим с гор полком Мансурова был сбит оттуда вниз к правому берегу озера Урзерн. Положение места сего болотистое, а потому и кавалерии пробраться на него было невозможно, и покуда полк Ребиндера по сим болотам противу его проходил, он успел выстроить две колонны за возвышенною громадою камней; но полку Ребиндера охотники с обеих сторон егерские баталионы и мушкетерские полки, да трехкратные три пушечные выстрелы, совсем оные смешали, и они показали тыл. Полк Ребиндера бросился вслед за ними, поражал их выстрелами и штыками до самой горы пред местечком Урзерн. Генерал-майор Харламов был в сие время впереди, оказал свою храбрость двукратным нападением в штыки и получил тяжелую рану в плечо. Разбитой неприятель на поспешном его бегу чрез шесть верст потерял убитыми на месте более ста человек, да столько же успел стащить вниз раненых.

Когда лишь заняли наши возвышение гор пред местечком Урзерном и начали устраиваться в порядок атаки, то стоящий особо внизу неприятель и присовокупившейся к нему разбитой, разделился на шесть колонн и устроил две противу левого флангу, две противу правого к Тейфельсбрюку и начал устремлять на нас гранатные выстрелы, которые за возвышением гор никакова успеха не имели. В устройении порядка к атаке, в ожидании прибытия от стороны С[ент]-Гот-Гортеберга корпуса генерала Дерфельдена и с обеих сторон гор наших полков людей прошло более часа и наступил вечер. Тогда Розенберг с войсками спустился под выстрелами с превысокой горы на стоящего внизу неприятеля в следующем порядке: генерал-майор Милорадович с авангардом с левой стороны, генерал-майор Кашкин с баталионом егерей и генерал-лейтенант Ребиндер с своим полком в середине; баталион полку Мансурова возле него, а с другим баталионом полковник Трубников справа от Тейфельсбрюка против Вейскирхена; из первого две роты в команде майора князя

Мещерского 1-го примыкали к баталиону Трубникова.

Скорость, с каковою войски с горы на неприятеля спустились, была невероятно поспешна и никак неприятелем не ожидаема, а залп, по нем произведенный, и удары штыками совсем смешали все его колонны, и он, оставя нам местечко Урзерн, обратился в бег к Тейфельсбрюку по вышинам гор. Густой туман, покрывавший долину, и наступившая темнота ночи пресекла сражение, и мы остались после трудов в поле пользоваться добычами: оные состояли из хлеба на день для целого корпуса, двух пушек и одного единорога с снарядами, да из 370-ти тысяч патронов.

Неприятельская при сем случае потеря простирается в убитых на месте за 180 человек, в погоню ж за ним и тут в плен взято майор 1 и 40 нижних чинов.

На рассвете 14-го числа генерал-майор Мансуров с его и с занимавшим деревню Вейскирхен его полка баталионом отряжен был на мост Тейфельсбрюк. От баталиона егерей Кашкина до 200 охотников с майором Тревогиным посланы были чрез реку Русс на превысокую гору с левой стороны против Тейфельсбрюка. Первой с правой стороны Русса, приближаясь к утесу горы по ведущей чрез знатный каменный пролом, называемой Урзерн-Лох, дороге, занимает оный, прогоняет из него и [с] самого мосту неприятеля. Егери Кашкина и полковник Свищов с баталионом с высоты гор ему способствуют. Старавшийся совсем испортить мост неприятель не допускается, на том месте поражается, падает в Русс, срывает остающиеся с лафета пушки и бросает в воду. Майор князь Мещерской 1 переходит на ту сторону чрез испорченной мост, переводит туда генерала и офицера с помощью шарфа, нижние чины за ними следуют по оставшемуся бревну, бегут за неприятелем, гонят и теснят везде по пути его. Свищов и Тревогин также по горам спускаются и его поражают. Генерал-майор граф Каменский с левой стороны гор поспекает на его поражение и продолжает гнать за местечко Вазен. На высотах и по дороге теряет неприятель более 280 человек. За Вазеном в некотором расстоянии неприятель портит мост, и потому 14-го числа, покуда не поправили оный, преследовать его далее было невозможно.

Перед переходом через Сент-Готардские горы, когда российские войска после стольких побед и непрестанных военных трудов, оставив плодоносные равнины Пиемонтские и Ломбардские, с огорчением смотрели на высокие скалы ужасных гор, покрытые всегда снегом и льдом, и на которые приходилось взбираться, очищая почти каждый шаг оружием. Первые колонны солдат вознегодовали и не хотели идти дальше. Суворов, узнав о том, прибежал к ним. Он велел вырыть яму на дороге, лег в нее и закричал солдатам: «Заройте меня в землю, оставьте здесь своего генерала. Вы не мои дети, я не отец вам более. Мне пришлось умереть». Солдаты, услышав эти слова, столпились около Суворова и стали просить позволения взобраться на вершину Сент-Готарда и согнать оттуда французов.

15-го на рассвете, по изготовлении переправы, Милорадович с авангардом выступает

вперед, гонит неприятеля и находит другой мост в Амштеге сожженным. Сие ни его, ни целой корпус не удерживает, все идут по тлеющим бревнам к Альтдорфу, принимают из французского магазейна несколько мешков муки и выгоняют из лагерей неприятеля. При сближении к Альтдорфу удерживается он на горах между стенами и на мосту пред оным; он защищает сии места пушкою, но, не будучи в состоянии противиться наступившим на него, оставляет мост и убитых на сем месте до 80-ти [человек], бежит чрез местечко Альтдорф и оставляет нам оное. В продолжение сражения в сии три дни неприятель потерял убитыми за 640 человек, да вдвое противу того ранеными, которых он на веревках утаскивал с собою. В плен взято 1 майор и 40 нижних чинов.

16-го генерал Розенберг, оставя из своего корпуса в городе Альтдорфе мушкетерской полк Фертча и 100 казаков в команде войскового старшины Курнакова 1-го для прикрытия вычных обозов, выступил к Мутенталю вслед за корпусом генерала Дерфельдена. В сие время державшийся за Альтдорфом при озере в окопах неприятель произвел на Фертча жестокую атаку в намерении овладеть городом и отрезать наши обозы. Генерал-майор Фертч не токмо до того не допустил его, но даже принудил отступить в прежнюю позицию с потерю убитыми до 60-ти, да ранеными еще более, коих унес с собою. Здесь для большего обеспечения прибыл откомандированный с полком своим Мансуров, и на другой день, когда пошли за корпусами обозы, неприятель предпринимал и на оные покушения, но, будучи им встречен храбро, оставил нам в плен одного офицера, возвратился назад и дал свободный путь как ему, так и обозу.

17-го прибыл в Мутенталь генерал Розенберг с его корпусом и по выступлении оттол корпусом генерала Дерфельдена оставлен был там и с ним дивизия еще генерала-лейтенанта Ферстера и казачьи полки Денисова и Курнакова на случай неприятельского нападения.

19-го поутру передовые с обеих сторон пикеты имели перестрелку. Пополудни в два часа неприятель, рассеяв своих тиральеров впереди, сделал атаку начально на пикеты, потом на стоявшую впереди роту егерей и далее на расположенные за монастырем наши войски. Маневры передовых войск, как-то: казаков и егерей заманили его и довели до последних; тут встречен был он егерским полком Кашкина, мушкетерским Ребиндера и казачьими полками.

Два часа продолжался жестокой огонь, и неприятель был сбит назад, но, получа подкрепление, наступил на нас паки с жестокостию по косогорам с обеих флангов, почему и отряжены были от него на подкрепление прежних полки мушкетерские: Ферстера, Милорадовича и Белецкого, кои вместе и ударили на неприятеля выстрелами и штыками, испровергли его замыслы и прогнали верст за шесть от Мутенталья по дороге к Швицу. Казаки Денисова и Курнакова много тут споспешествовали; последний из них, поразив и пленив неприятеля на левом фланге, бросился чрез реку Муттен вброд и вплавь, опрокинул по горам и в лесу неприятеля, нашел на засевшего в камнях, вытеснил его из-за оных спешенными казаками, действовал, где удобно, и конными. Первый же, Денисов, пробрался с левого флангу через лес и горы, гнал неприятеля, пока позволяло место.

Генерал-лейтенант Ребиндер и генерал-майор Кашкин с своими полками, поражая неприятеля выстрелами и штыками, пленив довольно, отбили осьмифунтовую пушку, которая по заклепанию зарыта в землю, поелику тяжесть ее везти не позволяла. Генерал-лейтенант Ферстер, генерал-майоры: Милорадович и Белецкой, заняв нужные позиции, сразили неприятеля, гнездившегося в лесу и над рекою; гнали его чрез шесть верст к Швицу, действуя выстрелами и штыками. Сего дня было там в деле противу нас 8000 под командою генерала Мортъе, число, нас гораздо превосходнейшее; из оного убито до 500, загнанных в реку потонуло более 100, взято в плен 70 да ранено за тысячу человек, из коих некоторые остались пленными, прочие же были уведены неприятелем. Ночь пресекла сие сражение, и войски были поставлены в прежнюю позицию. Белецкому с баталионом полку его, впереди расположенному, приказано было в случае неприятельского покушения иметь перестрелку и примыкать с пикетами к левому флангу.

20-го в 11-м часу утра неприятель, собравшись в числе за 10 000 и быв устроен своим главнокомандующим в Швейцарии генералом Массена, в присутствии его произвел на нас

атаку с большою стремительностию. Белецкий, выполняя в точности ему приказанное, с передовыми пикетами и его баталионом, отстреливаясь, отступает к левому флангу и заманивает неприятеля за собою в ровную долину к устроенным там в боевом порядке нашим силам, коими целою линиею поражен был штыками так, что, потеряв множество убитыми и смертельно ранеными, показал нам свой тыл. Полки: Ферстера, Белецкого, Мансурова и егерский Кашкина на бегу не преставали поражать его, а баталион Фертча, усмотря оное, також бросился вслед и продолжал делать то же.

Казачьи полки Денисова и Курнакова открывали рассеянного неприятеля в выгодных его местах, мнящего на некоторое время удержаться, купно с пехотными били и брали в полон.

Неприятель потерял на месте первого жестокого сражения и в погоне, чрез 12 верст до Швица, убитыми: 1-го генерала Ла-Гурье и до 3000²⁰⁴ разных чинов; в реке потонуло более 300, побилось с крутизны гор до 200; в плен взято: генерал Лекурб, 1 бригадный и 1 баталионный командиры, 13 офицеров и 1200 ядовых. Сверх того до 400 оставлено раненых в лесу, коих приказано собрать жителям в Мутентале. Отбито 5 пушек, из коих одна 12-ти фунтовая, стоявшая на мосту, обращена была на поражение бегущего неприятеля к Швицу. Генерал Массена и с ним некоторая часть [войск] спаслись бегством.

Итак потеря неприятельская при Альтдорфе и в два дни при Мутентале простирается убитыми: 1 генерал, да разных чинов свыше 4000; пленено: генерал-майор Лекурб, полковников 3, штаб- и обер-офицеров 37, нижних чинов 2778; пушек отбито 10, один единорог и знамя. Наш урон простирается убитыми ниже-писанных полков полковники: Ребиндера²⁰⁵ – Свищов, Барановского – фон Тиллер, Мансурова – Трубников; Его Императорского Высочества адъютант Ланг, подполковник Поздеев 4-й, егерского князя Багратиона – майор Брауерт, Ребиндера – артиллерийский поручик Баннер; егерского Багратиона капитаны: Суворов, Рубакин и подпоручик Барбер; поручики: Мансурова – Суходольской, Фертча – Шишкевич, егерского Миллера 3-го – Шульман и сводного гранодерского Калемина баталиона – Ган; капитаны: Мансурова – Рушкин и егерского Кашкина – Штенгер; подпоручики: Швейковского – Воронец 1, Барановского – Малышев, гранодерского Дендригина баталиона – Брашеван; полка Ферстера – адъютант Терновской; Мансурова – прапорщик Радышевский; Фертча – лекарь 1, нижних чинов 639; ранено, генерал-майоры: князь Горчаков пулею в голову, князь Багратион контузию от картечи, Курнаков в обе руки пулями, Харламов в плечо навывлет пулею и Мансуров в обе ноги контузиями; полковники: граф Шувалов пулей и Хитров контузией; подполковники: граф Цукато, Паскаль, Стоянов, Штрик и Поздеев 6; майоры: Сабанеев, Катков, Филисов, Епифанов и Каниской; обер-офицеров 35, нижних чинов 1317.

Все сии победы пребудут новыми вечными памятниками неутомимой храбрости российского войска [в] изгнании неприятеля из самых неприступнейших, природою укрепленных местоположений [и] уподоблялися действительным штурмам, каковых больше упорнейших и кровавых было три при восхождении на С.-Готар.

[...] ²⁰⁶

²⁰⁴ В книге Е. Фукса «История генералиссимуса графа Суворова-Рымникского» – 300.

²⁰⁵ Наименование полков по имени командира или шефа (Ребиндера, Мансурова, Барановского и т. д.).

²⁰⁶ Опущены выражения верноподданнических чувств в связи с днем рождения Павла I (20 сентября) и сообщение об участии в войне Великого князя Константина Павловича.

*В. Суриков. Переход Суворова через Альпы
в 1799 году. 1899 г.*

Представя Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше все сии военные действия, на которых всех и каждого жизнь без изъятия подвергалася ежемгновенно неизбежным опасностям, верноподданническим долгом поставляю поручить в высокомонаршее Вашего Императорского Величества благоволение генерала от кавалерии

Дерфельдена, который ободрял своею храбростию командуемые им войски, посреди опасности не преставал делать нужные распоряжения.

Генерала от инфантерии Розенберга, поражавшего неприятеля, проходя чрез гору Фогельсберг, и разбившего корпус французского генерала Массены при Мутентале, в которое время под ним убита лошадь; генерал-лейтенантов: Ребиндера, который поражал неприятеля при местечке Урзерне и Альтдорфе и с полком своим при Мутентале отбил у него пушку, опрокидывая его штыками; Швейковского, ободрявшего своею неустрашимостию командуемую им дивизию; Ферстера, поражавшего неприятеля с отличною храбростию и мужеством при Гортгортеберге и при Муттене також, где он овладел пушкою и где под ним убита была лошадь.

Генерал-майоров: Милорадовича, командующего передовыми войсками корпуса Розенберга, занявшего при Урзерне горы, сбившего с левой стороны оных неприятеля, а особливо при Альтдорфе оказавшего опыты храбрости; Мансурова, прибывшего с поспешностию с его полком на высоту гор при озере Урзерн, который при атаке оного от Вейскирхена ударил штыками в левой его фланг, очистил Урзерн-Лох и овладел Тейфельсбрюком, поражая храбро неприятеля и заставляя претерпевать его знатный урон, прогнав до Вазена, причем получил он в обе ноги контузии.

Князя Горчакова, командующего полком Розенберга, бывшего беспрестанно в сражении при овладении горою Сен-Готард, где он своею храбростию и мужеством подавал пример, принудил неприятеля оставлять выгоднейшие его позиции, везде его поражал штыками, також отлично действовал он как на озере Сейрут²⁰⁷, так и в продолжение всех последующих сражений, где получил рану в голову. Кашкина, который с баталионом полку его выгонял неприятеля из гор и при атаке, внизу оных при местечке Урзерн, поражал штыками, напоследок занявши охотниками левую сторону гор при Тейфельсбрюке и також оказавшего храбрость при поражении неприятеля при Мутентале: у него шляпа пулею пробита.

Белецкого, который также при Мутентале храбро поражал неприятеля с полком своим, заманив его к нашему фронту; князя Багратиона, который с авангардом, быв во всех сражениях как при овладении горою Сен-Готард, так и впоследствии оных к Гларису, дознанная его храбрость многими опытами была и в сих делах похвальнейшим примером; Барановского, поощряющего примером своим полк, им командуемый, к храброму поражению; Фертча, который мужественно отразил атаковавшего его неприятеля при Альтдорфе, несмотря на превосходство сил, так как и в других сражениях храбростию отличившегося; графа Каменского, который с достохвальною храбростию поражал неприятеля, причем у него прострелена шляпа. Денисова и Курнакова, они, командуя казачьими полками: первой своим, Грекова, и Поздеева 6-го, а последний своим, Семерникова и Поздеева 4, были по флангам и впереди у поражения неприятеля, гнали и пленили оного во множестве, показали тут много храбрости и были для своих подчиненных примером. 19-го числа Курнаков, переплыв реку Муттен, сразил неприятеля за камнями, а 20-го обратил его в самом стремлении со стороны роши от реки Муттена и получил в обе руки раны: в правую картечью и в левую пулею...

²⁰⁷ Рутен.

При получении фельдмаршальского жезла, Суворов велел отнести его в церковь для освящения, а сам, в одной куртке расставил девять стульев и стал перепрыгивать через них, приговаривая: «А таки перескочил» — «А таки перескочил!» — «Салтыков позади» — «Долгорукий позади!» — и так всех девять старейших его генералов (двух Салтыковых, Долгорукого, Эльмшта, Прозоровского, Мусина-Пушкина, Каменского и Каховского), а когда перепрыгнул чрез последний стул, перекрестился и произнес:

— Помилуй Бог матушку-царицу! Милостива ко мне старику!

Затем облекся в фельдмаршальскую форму и пошел в церковь.

Его Императорского Высочества адъютантов: генерал-майора Сафонова, употреблявшегося в разных посылках, кои он исполнял с отличным усердием и неустрашимостью; полковников: графа Шувалова, который командовал егерскими стрелками на горе С.-Готард и, поражая неприятеля с отличною храбростию, получил тяжелую рану в ногу пулею навывлет; Комаровского, который командовал баталионом и показал опыты отличной храбрости; поручика Озерова, исполнявшего с исправностию все приказания в разных нужных случаях.

Вашего Императорского Величества флигель-адъютанта подполковника Кретьова, который, будучи при трех приступах на С.-Готарде, из усердия находился впереди, как и в прочих сражениях оказал свою неустрашимость; статского советника Фукса, который сверх его должности все возлагаемые на него поручения исполнял с отличною расторопностию и исправностию, повергаю в высочайшую милость Вашего Императорского Величества, как и надворного советника Трефурта, трудящегося по иностранной части с отличным усердием.

Список об отличившихся имею счастье при сем всеподданнейше представить.

*Всемиловейший Государь, Вашего Императорского Величества
всеподданнейший князь Итальянский, граф Александр
Суворов-Рымникский*

Афоризмы и Наставления

Благородное великодушие часто полезнее, нежели стремглавый военный меч.
 Ближайшая к действию цель лучше дальней.
 Баба бьет задом, передом, а дело идет чередом.
 Вежлив бывает и палач.
 Великие приключения происходят от малых причин.
 Властвуй счастьем, быстротой Цезаря, столь хорошо умевшего захватывать врасплох врагов даже днем.
 Вольность и равенство не могут стоять долго против веры и властительства.
 Вот мои мысли о людях: вывеска дураков – гордость, людей посредственного ума – подлость, а человека истинных достоинств – возвышенность чувств, прикрытая скромностью.
 Мужественные подвиги достовернее слов.
 Время драгоценнее всего.
 Вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови.
 Выше денег время страшно.
 Где меньше войска, там больше храбрых.
 Где тревога, туда и дорога; где ура – туда и пора; голова хвоста не ждет.
 Геройство побеждает храбрость, терпение – скорость, рассудок – ум, труд – лень, история – газеты...
 Главное дарование великого человека – уметь избирать особ по их талантам.
 Голова хвоста не ожидает, оный всегда в свое время поспеет.
 Голод – лучшее лекарство.
 Гражданские доблести не заменят бесполезную жестокость в войсках.
 Два хозяина в одном доме быть не могут.
 Дело мастера боится. И крестьянин не умеет сохой владеть – хлеб не родится.
 Деньгам по-пустому лежать не надлежит.
 Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего.
 Дипломатичный слог – обманчивая двуличность.
 Единство дает согласие. Смотри на дело в целом.
 Если любишь горячее, будь способен и к холодному.
 Жалко подражание, похвально соревнование. Подражание есть признание в недостатке собственных своих способностей. Соревнование – порыв благородной души, которая хочет выказать оспариваемое у нее преимущество.

Загребаящий жар чужими руками после свои пережжет.
Идя вперед, знай, как воротиться.
Знаешь ли ты трех сестер? Вера, Любовь и Надежда. С ними слава и победа. С ними Бог.

Искренность отношений, правда в общении – вот дружба.
Искусство не может терпеть порабощения.
Истина – благосклонна одному достоинству.
Истинная слава не может быть оценена: она есть следствие пожертвования самим собою в пользу общего блага.

Как тягостно равнодушие к самому себе!
Крестьянин богатеет не деньгами, а детьми. От детей ему и деньги.
Кто удивил, тот победил.
Кто хорош для первой роли, не годен для второй.
Люби истинную славу.
Лень рождается от избытка. Ближайший повод к лени – безначалие.
Лесть похожа на пирог: надобно умеючи испечь, всем нужно начинить в меру, не пересолить и не переперчить.

Льстец гордый и безнаказанный – величайший злодей.
Милосердие покрывает строгость. При строгости надобна милость, а иначе строгость – тиранство.

Мудрый и кроткий владыка не в крепостных оградах, но в сердцах своих подданных заключает свою безопасность.

Мудрый не дерется нечаянно.
На себя надежность – основание храбрости.
Не бросайте никогда апельсина, пока в нем есть еще содержимое.
Не льстите на блистание, но на постоянство.
Невинность не терпит оправданий.
Недорубленный лес опять вырастает.
Ненависть затмевает рассудок.
Непрестанная наука из чтений!
Нет земли на свете, которая так была бы усеяна крепостями, как Италия. И нет так же земли, которая бы была так часто завоевана.

Нет ничего страшнее отчаянных.
Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет.
Ноша службы легка, когда дружно поднимают ее многие.
Нужнее неприятное известие для преодоления, нежели приятное – для утешения.
Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать на месте.
Отличай честолюбие от гордости и кичливости.
Победителю прилично великодушие.
Повелевай счастьем, ибо одна минута решает победу.
Подозрение – мать премудрости.
Предположения и предрассудки все расстраивают.
Предположенное не окончить – Божий гнев!
Приучайся к неутомимой деятельности.
Раз счастье, два раза счастье – помилуй Бог! Надо же когда-нибудь и немножко умения.
Скорость нужна, а поспешность вредна.
Самоблюдение и самолюбие суть различны: первое повелено Богом, второе – в начале испорчено гордостью.

Самолюбие утопает в неведении жребия своего, однако имеет желанья.
Служба и дружба – две параллельные линии – не сходятся.
Собственностью своею во всякое время жертвовать – правило высочайшей службы.
Стоянием города не берут.

Счастье зависит от правил, фортуна – от случайностей.

Таинство одно твердой связи достойных друзей – уметь прощать недоразумения и просвещать неотложно в недостатках.

Тактика и дипломатика без светильника истории – ничто.

Твердый дуб падает не от ветра или сам, но от секиры.

Теория без практики мертва.

Тот не велик еще, кого таковым почитают. Тот не тонок, кто слышет тонким. Тот уже не хитрый, о ком все говорят, что он хитер.

Три главных достоинства вождя: мужество, ум, здоровье (телесное и душевное).

Трудолюбивая душа должна быть занята своим ремеслом, и частые упражнения для нее столь же живительны, как обычные упражнения для тела.

Удивительно, право, что у нас хитрость предпочитают рассудку и конец берут за начало! Прилично так поступать с одними шутами придворными.

Удивить – победить.

Ученые мужи своим бессмертием больше чем кто-либо уподобляются богам: это они увлекают нас к вершинам добродетели. Их гений указывает нам, сколь сладостно посвятить жизнь общественному благу. Они наставляют нас не пещись о собственной нашей персоне, презирать превратности фортуны и жертвовать собой для блага Отечества и человечества.

Ученье – свет, а неученье – тьма.

Фамильярное обращение порождает пренебрежение.

Фортуна вертит счастьем, как колесо спицами.

Фортуна имеет глаза на затылке, волосы короткие, полет ее молниеносен: упустишь раз – не поймаешь. (Есть иной вариант: Фортуна имеет голый затылок, а на лбу – длинные висячие волосы: не схватил... уже не возвратиться!)

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, если не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаний, при внушениях и затвержениях каждому должности его.

Чем больше удобств, тем меньше храбрости.

Чистому – все чисто.

О добродетели

Без добродетели нет ни славы, ни чести.

Безбожие поглощает государства и государей, веру, права и нравы.

Благость и милосердие потребны героям.

Зрите ад, над которым царствует безумие еще сильнее в исходе века. Сей ад, распротя челюсти свои до гор Альпийских, воздвигает новый Рим, основание которого близ бездны.

Добро делать спешить должно.

Добродетель всегда гонима.

С юных лет приучайся прощать недостатки ближнего и никогда не прощай своих собственных.

Из письма А. И. Бибикову от 25 ноября 1771 года

Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе мое имя в славу моего Отечества и все успехи относил к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто производимое мгновенным порывом, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей... Я унываю в праздной жизни, свойственной тем низким душам, которые живут только для себя, ищут верховного блага в истомлении и, переходя от утех к утехам, достигают тягостной скуки... Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение ее также оживотворяет, как обыкновенные движения подкрепляют тело.

Из письма А. И. Бибикову от 21 октября 1772 года

Сердце мое не затруднялось в добре, и должность никогда не полагала в нем преград. Поступая откровенно, я остерегался одного нравственного зла, а телесное само собой исчезало.

Из писем Суворова к князю Г. А. Потемкину

Ищите ли истинной славы, идите по следам добродетели. Последней я предан, а первую замыкаю в службе Отечества.

По естеству, или случаю, один способен к первой роли, другой – ко второй! Не в своей роли – испортят!

Добродетель всегда гонима.

Наставление Суворова дочери Наташе

Помни, что вольное обхождение производит презрение; остерегайся вольности в поступках. Привыкай к учтивости непринужденной. Убегай обществ, желающих блистать умом: нравы их по большей части развратны.

*И.-Б. Лампи. Дочь Суворова Наталья
в 20 лет. 1795 г.*

**Письмо или военное наставление Суворова крестнику его, сыну знаменитого
Карачая²⁰⁸**

²⁰⁸ В сражении под Фокшанами особенно отличился австрийский полковник Андрей Карачай. Его боевые подвиги и он сам так пришлись по сердцу Суворову, что он дал согласие заочно быть приемником его сына, названного Александром в честь крестного отца. Желая видеть в крестнике воина, достойного своего отца, полководец и составил приводимое здесь наставление.

Любезный сын мой, Александр!

Как человек военный, вникай в сочинения Вобана, Кугорна, Кюраса, Гюбнера, будь несколько сведущим в богословии, физике и нравственной философии; внимательно читай Евгения, Тюренна, Комментарии Цезаря, Фридриха II, первые тома Роллена с продолжением и графа Саксонского; знание языков полезно для знакомства с литературой; танцуй, упражняйся в верховой езде и в фехтовании.

Достоинства военные суть: для солдата отвага, для офицера смелость, для генерала доблесть, руководствуемые началами порядка и дисциплины, управляемые бдительностью и предусмотрительностью.

Будь чистосердечен с друзьями твоими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках; проявляй пламенную ревность к службе своему государю; люби истинную славу; отличай честолюбие от гордости и кичливости; с юных лет приучайся прощать проступки ближнего и никогда не прощай своих собственных; тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример.

Непрестанное изощрение глазомера делает тебя великим полководцем. Умей пользоваться местоположением, будь терпеливым в трудах военных; не поддавайся унынию от неудач; предупреждай обстоятельства истинные, сомнительные и ложные; остерегайся неуместной запальчивости.

Храни в памяти имена великих людей и в своих походах и действиях с благоразумием следуй их примеру.

Никогда не презирай своего неприятеля, каков бы он ни был; знай хорошенько его оружие и способы обращения с ним; знай, в чем заключается сила и в чем слабость врага.

Приучайся к неутомимой деятельности; повелевай счастьем, ибо одна минута решает победу; покоряй себе эту минуту с быстротой Цезаря, который столь хорошо умел застигать врасплох своих врагов, даже среди бела дня, обходить их и нападать на них там, где ему было угодно, и тогда, когда угодно; отрезывай у него всякого рода запасы; будь искусным в том, чтобы твои войска никогда не испытывали недостатка в пропитании. Да возвысит тебя Бог до геройства знаменитого Карачая!

Наставление молодому офицеру П. Н. Скрипичину, племяннику друга Суворова

Бесценный мой Павел Николаевич!

Ты видишь перед собой список с наставления, писанного к одному из моих друзей, родившемуся в прошлую кампанию посреди знаменитых побед, одержанных его отцом, и нареченному при крещении моим именем.

Герой, о коем идет речь, весьма смел, но без запальчивости, скор без опрометчивости, деятелен без легкомыслия, подчинен без униженности, начальник без самонадеянности, победитель без тщеславия, честолюбив без кичливости, благороден без гордости, непринужден без лукавства, тверд без упрямства, скромнен без притворства, основателен без педантства, приятен без ветрености, целен без примеси, благорасположен без коварства, проникателен без пронырства, откровенен без простодушия, приветлив без околичностей, услужлив без корыстолюбия; решительный, избегающий колебаний, он предпочитает здравый рассудок остроумию; враг зависти, ненависти и мщенья, он низлагает своих противников снисхождением и владычествует над друзьями своей верностью; он утомляет свое тело, дабы больше укрепить оное; он стыдлив и воздержан; религия служит ему законом нравственности, а примером – добродетели великих мужей; чистосердечный, он гнушается лжи; прямодушный, он попирает криводушие; он общается только с честными людьми; честь и честность составляют его достояние; он любим своим государем и войском, все предано ему с полной доверенностью; в день сражения или в походе он все полагает на

веса, все обдумывает и совершенно препоручает себя провидению; он никогда не увлекается стечением обстоятельств, но подчиняет их себе, действуя всегда по правилам своей искусной прозорливости.

О РОДИНЕ

Велик Бог русский! Мы пойдем с ним по стезям древней славы!

Всемогущий Боже! Даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно.

Крепость сильна, гарнизон – целая армия. Но ничто не устоит против русского оружия – мы сильны и уверены в себе.

Кто любит свое Отечество, тот подает лучший пример любви к человечеству.

Легкие победы не льстят сердцу русскому.

Медленность наша умножит силы неприятеля. Быстрота и внезапность расстроят его и поразят. Широта реки не сузится, высота берегов не понизится. Русский Бог силен. С Ним перелетим полетом богатырским, с Ним победим!

Мы русские, мы все одолеем.

От храброго русского гренадера никакое войско в свете устоять не может.

Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет²⁰⁹.

Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете? Так и русские не могут отступить.

Покажи на деле, что ты русский!

Россиянин отличается верой, верностью и рассудком.

Русак не трусак.

Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?

Русский Бог велик! Охают французы, усмиряются цесарцы!

Русскому должно все испытать.

Смерть или плен – все одно!

Там, где пройдет олень, там пройдет и русский солдат. Там, где не пройдет олень, все равно пройдет русский солдат.

Тщетно двинется на Россию вся Европа: она найдет там Фермопилы, Леонида²¹⁰ и свой гроб.

Умирай за Дом Богородицы, за Матушку-Царицу, за Пресветлейший дом. Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!

Штык, быстрота, внезапность – это вожди россиян.

В сущности, нет ничего вреднее, и даже более – никто не может быть так жесток, как вредны и жестоки по результатам своих действий сентиментальные люди. Человек, любящий своих ближних, человек, ненавидящий войну, – должен добить врага, чтобы вслед за одной войной не началась другая.

Готовься в войне к миру, а в мире – к войне.

Победа – враг войны.

Солдат и в мирное время на войне.

²⁰⁹ Суворов цитирует высказывание Петра Великого.

²¹⁰ Леонид – царь спартанский, павший вместе со своим отрядом из 300 спартанцев в бою в Фермопильском ущелье в 480 г. до н. э.

*П. Геллер. А. В. Суворов получает указ Павла I
о назначении его главнокомандующим
русско–австрийскими войсками в Италии. 1902 г.*

О ВОЕННОЙ НАУКЕ

Атакуй с чем пришел! Коли, руби, гони, отрезывай, не упускай! Ура! – чудеса творит, братцы!

Береги пулю в дуле.

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять.

Будь терпелив в военных трудах, не поддавайся унынию от неудач.

Братцы! Бей штыком, колоти прикладом! Не задерживайся: шибко иди вперед! Ух, махни! Головой тряхни, вперед, братцы! Чудо-богатыри, вперед! Мы русские!

Будь прозорлив, осторожен. Имей цель определенную. Умей предупреждать обстоятельства ложные и сомнительные, но не увлекайся местной горячностью.

В кабинете врут, а в поле бьют.

Быстрота и внезапность заменяют число. Натиски и удары решают битву.

Быстрота и натиск – душа настоящей войны.

В баталии в полевой три атаки: первая в крыло, которое послабее. В середину нехорошо – самого сожмут. Атака всеми силами в обход хороша только для малого корпуса.

В осадах времени не терять... Всего лучше открытый штурм. Тут меньше потери.

Взор! Быстрота! Победа!

Воевать не числом, а умением.

Военная наука – наука побеждать.

Военной науке должно учиться на войне. Каждый театр войны есть новый.

Военные добродетели: для солдата – отважность, для офицера – храбрость, для генерала – мужество, руководствуемые началами порядка и дисциплины, управляемое бдительностью и предусмотрительностью.

В случае возникновения препятствий нельзя много отвлекаться ими, время дороже всего – нужно уметь беречь его. Часто наши предыдущие победы оставались безрезультатными из-за недостатка людей. Самым ложным правилом является убеждение, что после поражения врага все закончено, в то время как нужно стремиться к более крупным успехам.

Выше всего глазомер, т. е. пользование положением места, трудолюбие, бдение и постижение.

Делай на войне то, что противник почитает за невозможное.

Деятельность есть важнейшее из всех достоинств воинских.

Дисциплина – мать победы.

Должно стремиться к одной главной точке и забывать о ретираде. Натиск и удары решают битву, и приступ предпочтительнее осады.

За ученого трех неученых дают. Нам мало трех, давай нам шесть, давай нам десять на одного, – всех побьем, повалим, в полон возьмем...

Если желать умереть на войне, то надобно желать умереть в деле со славою, как Тюренн.

Идешь бить неприятеля – умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации. Побив неприятеля, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения.

Исправная стрельба в мишень – великой важности: умножает гибель неприятеля и отвращает в действии лишнюю трату патронов.

Истинное правило военного искусства – прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны, а не сходитьсь, робко пробираясь окольными дорогами, через что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым, смелым наступлением.

Кто испуган, тот побежден наполовину. У страха глаза велики, один за десятерых покажется.

Кто отважен и смело идет прямо на неприятеля, тот одержал уже половину победы.

Местный (житель) в его близости по обстоятельствам лучше судит.

Мы обязаны всеми подвигами соединению двух первых армий в Европе в непобедимую Российско-Австрийскую армию. И если снова начинать кампанию, то необходимо сблизиться в системах²¹¹. Иначе не может быть ни спасения для человечества, ни восстановления угнетенных государей и религии.

На войне деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, время дороже всего.

Надо бить умением, а не числом.

Не нужно методизма, а верный взгляд военный.

Неутомимость солдат и решимость офицера – вот вожди к славе!

Ни одного поста не должно считать крепостью... нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю. Напротив того, в том и состоит военное искусство, чтобы вовремя отступить без потери. Уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима: нередко один человек дороже самого поста.

Никакой баталии в кабинете выиграть не можно.

Никогда сил не раздроблять для занятия пунктов. Обошел неприятель – тем лучше: он сам идет на поражение.

Ничего – кроме наступательного.

Обывателя не обижать: он нас поит и кормит. Солдат – не разбойник. Святая добыча: возьми лагерь – все ваше, возьми крепость – все ваше. Без приказа отнюдь не ходить на добычу.

Пальбой не должна пехота много заниматься, но только идти в штыки и брать в полон.

План операционный в корпус, в колонну. Ясное распределение полков. Везде расчет

²¹¹ Имеется в виду выработка стратегии и тактики.

времени. В переписке между начальниками войск следует излагать дело ясно и кратко, в виде записок, без больших титулов. Будущие же предприятия определять вперед на сутки или на двое.

Победа зависит от ног, а руки только орудие победы.

Полк – подвижная крепость, дружно, плечом к плечу, и зубом не возьмешь!

При всяком случае наивреднее неприятелю страшный наш штык, которым наш солдат исправнее всех на свете работает.

Ров не глубокий, вал не высок. Бросься в ров, скачи через вал. Ударь в штыки, коли, гони, бери в полон!!!

Ружье, сухарь и ноги береги пуше глаза!

С пленными поступать человеколюбиво, стыдится варварства.

Сикурс (помощь), опасность и прочие слова служат бабам, кои боятся с печи слезть.

Смерть бежит от штыка и сабли храброго. Счастье венчает смелость и отвагу.

Субординация, экзерциция, дисциплина, чистота, опрятность, здоровье, бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава!

Смерть на постели – не солдатская смерть.

Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко. Пуля дура, штык молодец.

Субординация или послушание – мать дисциплины или военному искусству.

Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей в речах солдатам.

Три воинских искусства: первое – глазомер, второе – быстрота, третье – натиск.

Трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун. В атаке не задерживай.

Тяжело в учении – легко в походе, легко на учении – тяжело в походе.

Умный военный человек не должен действовать на авось, без крайности.

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать из искусства.

Шаг назад – смерть. Вперед два, три и десяток – позволяю.

Штыки, быстрота, внезапность!.. Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из лесов дремучих налети на него как снег на голову. Рази, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться.

Штыком может один человек заколоть троих, где и четверых, а сотня пуль летит на воздух.

О НЕПРИЯТЕЛЯХ

Бегущего неприятеля истребляет одно преследование.

Бей неприятеля, не щадя ни его, ни себя самого, держись зло, дерись до смерти, побеждает тот, кто меньше себя жалеет.

Бесперывное изучение врага сделает тебя великим полководцем. Никакой баталии в кабинете выиграть невозможно. Умей пользоваться местностью, управляй счастьем.

Богатыри, неприятель от вас дрожит, да есть неприятель больше: проклятая немогузнайка, намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка... от немогузнайки было много беды.

Не меньше оружия поражать противника человеколюбием.

Неприятелю времени давать не должно, пользоваться сколько можно его ошибкой и брать его всего смело со слабейшей стороны.

Нет вшивее пруссаков. Лаузер или вшивень назывался их плащ. В шильдгаузе²¹² и

²¹² Караульное помещение.

возле будки без заразы не пройдешь, а головною их вошью вам подарят обморок.

Никогда не презирайте вашего неприятеля, каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, его образ действовать и сражаться. Знай в чем его сила и в чем слабость врага.

О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! Он побеждает и природу и людей. Он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе. Он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель тогда только замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея всюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пиемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальства, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему ведома неодолимая сила натиска – более не надобно. Сопротивники его будут упорствовать в вялой своей тактике, подчиненной перьям кабинетным, а у него военный совет в голове. В действиях свободен он как воздух, которым дышит. Он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей!

Вот мое заключение: пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем. Великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет.

Остальным сдающимся давай пощаду: грех напрасно убивать. Они такие же люди.

Оттеснен враг – неудача. Отрезан, окружен, рассеян – удача.

Победителю прилично великодушие.

У неприятеля те же руки, да русского штыка не знают.

Французам, а особливо неаполитанской коннице, кричать «Пардон», чтобы она к нам переходила.

Французы горячи, им жарко: побили их много, сберечь трудно.

Французы – нарушители общей тишины и враги общего спокойствия. Французы отвергли Христа Спасителя, они попрали законное правительство. Страшитесь их разврата... Вы были счастливы верой – храните ее. Дорожите совестью своей: да не упрекнет она вас в том, что вы были сопутниками утеснителей веры и прав народных. Бегите от лжеучителей.

Памятник Суворову и российским солдатам
в Швейцарии на перевале Сен-Готард.
Вырублин в скале в 1898 г.

О КОМАНДИРАХ

Бдение начальника – лучшее спокойствие подчиненных. Прозорливость одного побеждает нечаянности.

Генералу необходимо образовывать себя науками.

Жалок тот полководец, который по газетам ведет войну. Есть и другие вещи, которые знать ему надобно.

Командиру необходимо непрерывное образование себя науками с помощью чтения.

Необходимо чтобы войска предводителя своего разумели.

Научись повиноваться, прежде чем повелевать другими.

Начальник на войне не должен себя ничем связывать, а поступать соответственно обстоятельствам и всегда быстро.

Не употребляйте команды «стой». А в сражении: «нападай», «рубь», «коли», «ура», «барабаны», «музыка».

Непрестанное изошрение глазомера сделает тебя великим полководцем.

Ночные поражения противников доказывают умение вождя пользоваться победой не для блистания, но для постоянства.

Обучение нужно, лишь бы с толком и кратко. Солдаты его любят.

От строгости до жестокости полсажени, пол-аршина, полвершка, пол-полвершка.

Полная мочь избранному полководцу.

Свой пай съедай, а солдатский солдату отдавай.

Тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример.

Храни в памяти имена великих людей и в своих походах и действиях с благоразумием следуй их примеру.

Последуй Аристиду в правоте, Фабрициану – в умеренности, Эпаминоду – в нелживости, Катону – в лаконизме, Юлию Цезарю – в быстроте, Тюренну – в постоянстве, Лаудону – в нравах²¹³.

О СОЛДАТАХ

Без честолюбия, послушания и благонравия нет исправного солдата.

Зри в части – семью, в начальнике – отца, в товарище – родного брата.

Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан.

Нужное солдату полезно, а излишнее вводит в роскошь – мать своеволия.

Сам погибай, а товарища выручай. За убитых Церковь Бога молит!

Солдат дорог. Береги здоровье, чисти желудок, коли засорился. Голод – лучшее лекарство.

Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву.

Ты присягал. Умирай за веру, царя и Отечество. Знамя защищай до последней капли крови.

О СЕБЕ

Ответ на письмо графа Е. Г. Цукато, служившего под началом Суворова, с просьбой дать ему необходимые материалы для написания биографии полководца, *от 28 декабря 1794 года*

Материалы, принадлежащие к истории моих военных действий, столь тесно соплетены с историей моей жизни, что оригинальный человек или оригинальный воин должны быть между собою нераздельны, чтобы изображение того или другого сохраняло существенный свой вид.

Почитая и любя нелицемерно Бога, а в Нем и братьев моих, человек, никогда не соблазняясь приманчивым пением сирен роскошной и беспечной жизни, обращался я всегда с драгоценнейшим на земле сокровищем – временем, бережливо и деятельно, в обширном поле и в тихом уединении, которое я везде себе доставлял. Намерения, с великим трудом обдуманые и еще с большим – исполненные, с настойчивостью и часто с крайней скоростью и неупущением непостоянного времени. Все сие, образованное по свойственной мне форме, часто доставляло мне победу над своенравною фортуною. Вот что я могу сказать про себя, оставляя современникам моим и потомству думать и говорить обо мне, что они думать и говорить пожелают. Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никогда и никаким биографом искажена быть ни может. Всегда найдутся неложные свидетели истины, а более сего я не требую от того, кто почтет достойным трудиться обо мне, думать и писать.

Ясный и понятный слог и обнаженная истина, основанная на совершенном познании образа моих поступков, должны быть единственными правилами для моего биографа.

Слова, сказанные придворному живописцу саксонского кюрфюрста Шмидту, писавшему портрет Суворова

²¹³ Аристид (540–467 до н. э.) – афинский полководец и государственный деятель; Фабрициан (III век до н. э.) – римский полководец; Эпаминод (411–362 до н. э.) – знаменитый греческий полководец; Катон (234–149 до н. э.) – римский государственный деятель; Юлий Цезарь (100–44 до н. э.) – великий полководец, римский государственный деятель, оратор и писатель; Лаудон барон Эрнст-Гедон (1717–1789) – австрийский генералиссимус.

Вы передадите вашу кистью черты моего лица, потому что оне открыты, но мое внутреннее составляет тайну. Надобно вам сказать, что я пролил потоки крови: я содрогаюсь от одного воспоминания о том. А между тем я ближнего своего люблю. Во всю мою жизнь я ни одного человека ни сделал несчастным; не подписал ни одного смертного приговора... Я был маленьким человеком, был и большим. Подымала ли меня волна счастья или бросала в пучину, я, в уповании на Бога, оставался тверд...

И. Шмидт. Портрет А. В. Суворова. 1800 г.

Баталия мне покойнее, нежели лопатка извести и пирамида кирпичей.

Богатство мое состоит в жалованных бриллиантах и наделанных в Санкт-Петербурге мундирах да серебряных ложках, выписанных недавно из Москвы.

В письме Вашем... употреблено на мой счет слово «отступление». Отвечаю, что не знал его во всю мою жизнь, как не знал и оборонительной войны, стоивший в начале кампании только в Тироле жизни свыше 10 000 человек, чего мы за всю итальянскую

кампанию не потеряли...

Горжусь тем, что я Россиянин!

Возьми себе в образец героя древних времен. Наблюдай его. Иди за ним в след. Поравняйся. Обгони. Слава тебе! Я выбрал Цезаря. Альпийские горы за нами. Бог перед нами. Ура! Орлы российские облетели орлов римских.

Да я ж служил за дьячка, пел басом, а теперь поеду петь Марсом.

Доброе имя должно быть у каждого честного человека, лично я видел это доброе имя в славе своего Отечества. Мои успехи имели исключительной целью его благоденствие.

Ищите истинной славы, идите по следам добродетели. Последней я предан, а первую замыкаю в службе Отечеству.

Если б я не был полководцем, то был бы писателем.

Кабинет мне предписал более крепостей не брать.

Каменский знает воинское дело, но оно его не знает, Суворов не знает воинского дела, да оно его знает, а Салтыков ни военного дела не знает, ни оно его не знает.

Лучше голова долой, нежели утратить свою честь. Смертями пятьюстами научился смерти не бояться.

Мою тактику прусские принимают, а свою протухлую оставляют.

Между тем, покуда мир европейский и тактика обновляются, я цепенею в постыдном бездействии, я изнемогаю под бременем жизни праздной и бесполезной.

Мне солдат дороже себя.

Моя тактика: отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, устав, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение...

Никогда самолюбие, чаще всего порождаемое мгновенным порывом, не управляло моими действиями, и я забывал себя, когда дело шло о пользе Отечества.

О матушке Екатерине может говорить Репнин – всегда, Суворов – иногда, а Каменский – не должен говорить никогда.

Одна минута решает исход битвы, один час – успех кампании, один день – судьбы империи. Я действую не часами, а минутами.

Почитая и любя нелicenseмерно Бога, а в нем и братьев моих, человекoв, никогда не соблазняясь приманчивым пением сирен роскошной и беспечной жизни, обращался я всегда с драгоценнейшим не земле сокровищем – временем – бережливо и деятельно, в обширном поле и в тихом уединении, которое я везде себе доставлял. Намерения, с великим трудом обдуманнoе и еще с большим исполненнoе, с настойчивостью и часто с крайнею скоростью и неупущением непостоянного времени. Все сие, образованное по свойственной мне форме, часто доставляло мне победу над своенравной Фортуной. Вот что я могу сказать про себя, оставляя современникам моим и потомству думать и говорить обо мне что они думают и говорить желают.

Правда, я не много общался с женщинами. Но забавляясь в их обществе, я соблюдал всегда почтение. Мне недоставало времени заниматься с ними, и я страшился их. Женщины управляют здешней страной как и везде. Но я не чувствовал в себе достаточной твердости защищаться от их прелестей.

При дворе язык с намеками, догадками, недомолвками, двусмыслием. Я – грубый солдат – вовсе не отгадчик.

Природа не одарила меня беспечностью, перемениться поздно, буду всегда тот же.

Пришел в Беллинцон... нет лошаков, нет лошадей, а есть Тугут, и горы, и пропасти... но я не живописец: пошел и прошел.

Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак, а я не немец, а настоящий русак.

Семьдесят лет гонялся я за славой. Стою у гроба и узнаю мечту ее: покой души у Престола Всемогущего.

Титулы мне не для меня, но для публики потребны.

Увы мне с любовью моей к Отечеству – интриги препятствуют мне ее выказать.

Честь моя мне всего дороже. Покровитель ей Бог.

Я живу в непрестанной мечте.

Чувствую ныне и прежние мои раны, но доколе жив – служить, хотя иногда и отдыхать. Таков долг христианина! Чистый рассудок без узлов. Мой стиль не фигуральный, но натуральный – при твердости моего духа!

Штыки, холодное оружие, атаки, удар – вот мои рекогносцировки.

Я бы законно желал быть иногда на публике в иностранном мундире: Великому Императору это слава, что его подданный их достойно заслужил.

Я был счастлив, потому что повелевал счастьем.

Я как раб умираю за Отечество и как космополит²¹⁴ – за свет. Жду увольнения от Балтийских мирских сует.

Я лучше прусского покойного короля. Я милостью Божией баталий не проигрывал²¹⁵.

Я люблю правду без украшений.

Я не любитель Демосфеновой болтовни, не люблю ни академиков, кои только вносят путаницу в здравые суждения, ни сената Ганнибалова. Я не люблю соперничества, демонстраций, контр-маршей. Вместо этих ребячеств – глазомер, быстрота, натиск – вот мои руководители.

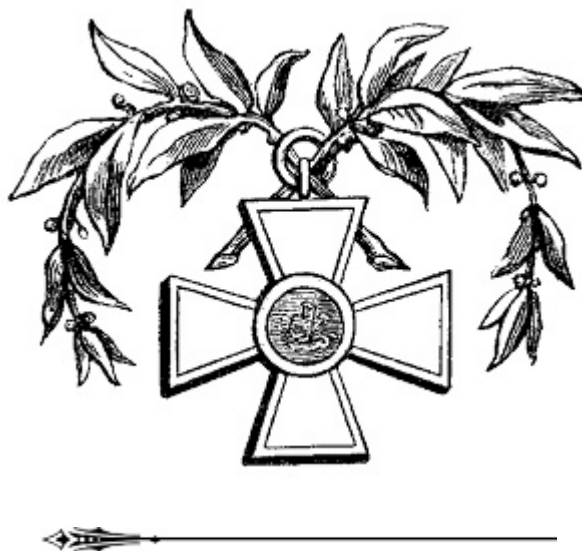
Я не могу оставить 50-летнюю привычку к беспокойной жизни и моих солдатских приобретенных талантов.

Я солдат, не знаю ни племени, ни рода. Поле – один мой элемент.

Я тот же, дух не потерял. Обманет меня всякий в своем интересе, надобна кому моя последняя рубашка, ему ее отдам, останусь нагой. Через то я еще не мал.

Материалы, принадлежащие к истории моих военных действий, столь тесно сплетены с историей моей жизни, что оригинальный человек и оригинальный воин должны быть между собой нераздельны, чтобы изображение того или другого сохраняло существенный свой вид.

Главное правило Суворова: торопиться делать добро.

²¹⁴ Слово «космополит» в то время употреблялось в значении «человек высокой гражданственности».

²¹⁵ Речь идет о прусском короле Фридрихе II.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронологический указатель²¹⁶

Суворов Александр Васильевич (1730–1800)

13 ноября 1730 г. В Москве родился Александр Васильевич Суворов.

23 октября 1742 г. Суворов зачислен мушкетером в лейб-гвардии Семеновский полк. Эта дата для Суворова была точкой отсчета его военной службы. В 1790-е годы он говорил о своей пятидесятилетней службе Отечеству.

1 января 1745 г. Суворов записан в восьмую роту лейб-гвардии Семеновского полка. В это время пятнадцатилетний Александр Суворов продолжает домашнее образование, мечтая

²¹⁶ Все даты даны по старому стилю.

о военной службе.

25 апреля 1747 г. Суворов произведен в капралы.

*Н. Самокиш. Суворов-капрал Семеновского полка
за чисткой оружия. 1748-1749 годы. 1899 г.*

1 января 1748 г. Суворов начинает действительную службу в лейб-гвардии Семеновском полку в чине капрала.

22 декабря 1749 г. Суворов произведен в подпрапорщики.

8 июня 1750 г. Суворов – сержант.

Автограф сержанта А. В. Суворова.
1752—1753 гг.

25 апреля 1754 г. Суворов покидает Семеновский полк и назначается поручиком Ингерманландского пехотного полка.

17 января 1756 г. Суворов – обер-провиантмейстер капитанского ранга. Место его службы в этом качестве – Новгородская губерния.

9 октября 1756 г. Суворов назначен генерал-аудитор-лейтенантом.

4 декабря 1756 г. Суворов – премьер-майор.

4 февраля 1757 г. Суворов начинает службу в Казанском пехотном полку.

8 ноября 1758 г. Начало легендарного периода в жизни полководца. Суворов произведен в подполковники и назначен комендантом г. Мемель.

1759 г. Суворов назначен дивизионным дежурным при армии В. В. Фермора.

1 августа 1759 г. Суворов участвует в победном для российской армии сражении при Кунерсдорфе. Это скромное участие дивизионного дежурного в великой битве можно считать «началом славных дел» Александра Васильевича Суворова.

1759 г. Суворов назначен обер-кригс-комиссаром.

25 февраля 1760 г. Суворов возвращен в действующую армию.

1760 г. Суворов назначен генеральным дежурным при главнокомандующем русской армией генерал-аншефе В. В. Ферморе. В этом качестве, будучи важным сотрудником штаба Фермора, Суворов участвует во взятии Берлина русскими войсками.

1761 г. Суворов – командир Тверского драгунского полка. В этой должности он участвует в сражениях с прусскими войсками: у Ландсберга, у Бирнштайна, у д. Вейсентин, у Гольнау, у Наугарта, у д. Келец.

26 августа 1762 г. Суворов произведен в полковники и назначен в Астраханский пехотный полк.

5 апреля 1763 г. Полковник Суворов переведен в Суздальский пехотный полк. В течение службы в Суздальском полку Суворов разрабатывает «Полковое (Суздальское) учреждение».

22 сентября 1768 г. Суворов произведен в чин бригадира.

15 мая 1769 г. Суворов получает в командование бригаду и с ней направляется в Польшу для участия в войне против конфедератов.

2 сентября 1769 г. Бригадир Суворов одерживает победу над польскими конфедератами в сражении при деревне Орехово.

1 января 1770 г. Суворов произведен в генерал-майоры.

7 октября 1770 г. Генерал-майор Суворов назначен начальником всех русских войск, расположенных в Люблинском районе.

12 мая 1771 г. Суворов одерживает победу над конфедератами в сражении при Ландскроне.

22 мая 1771 г. Суворов побеждает конфедератов в сражении при Замостье.

12 апреля 1772 г. Крупнейшая победа Суворова в той кампании: в сражении под Столовичами разбит корпус гетмана М. Огинского.

15 апреля 1772 г. Суворов овладевает Краковским замком.

4 апреля 1773 г. Генерал-майор Суворов переведен на южный театр военных действий – в 1-ю армию генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева.

10 мая 1773 г. Знаменитый первый поиск на Туртукай – с минимальными потерями Суворов овладевает Туртукаем.

17 июня 1773 г. Второй поиск на Туртукай – разгром турецкого укрепленного лагеря, тоже вошедший в историю как легендарный подвиг Суворова.

1773 г. 3 сентября. Суворов одерживает победу над турецкими войсками в сражении у Гирсова.

27 января 1774 г. Суворов женится в Москве на Варваре Ивановне Прозоровской.

*В. Домашев. Жена Суворова
Варвара Ивановна. 1899 г.*

17 марта 1774 г. Герой кампании 1773 года, Александр Васильевич Суворов производится в генерал-поручики.

10 июня 1774 г. Суворов совместно с генерал-поручиком Каменским одерживает победу при Козлуджи. Эта победа стала решающей для кампании 1774 года.

1774 г. Суворов назначен командующим 6-й московской дивизией.

19 августа 1774 г. Суворов командирован на Урал для подавления восстания Емельяна Пугачева. Генерал-поручик поступает в распоряжение генерал-аншефа П. И. Панина. Суворову передают пойманного Пугачева и полководец доставляет его в Симбирск.

12 августа 1775 г. Суворов становится отцом – у него рождается дочь Наталья.

Портрет дочери Суворова Наташи

1775 г. Суворов занимается ликвидацией отрядов мятежников и умиротворением обывателей, оказавшихся в зоне влияния восстания.

1776 г. Суворов сперва назначен командующим Санкт-Петербургской дивизии, а затем командирован в Крым как командующий Московской дивизии в составе войск генерал-поручика А. А. Прозоровского.

1778 г. Суворов назначен командиром легкого Кубанского корпуса.

Май 1779 г. Суворов назначен командующим Малороссийской дивизии в Полтаве.

1779 г. Суворов переведен в Новороссийскую губернию командующим пограничной дивизией.

1779 г. Суворов начинает бракоразводный процесс с женой, уличив ее в измене, но затем прекращает его.

24 января 1780 г. А. В. Суворов находится в Астрахани, готовя проект экспедиции против Ирана.

Декабрь 1781 г. Суворов – командующий Казанской дивизии.

1782 г. Суворов – командующий Кубанским корпусом.

1783 г. В течение года Суворов совершает победные экспедиции против ногайцев, разбитых суворовскими войсками на р. Ее и на р. Лабе.

15 августа 1784 г. У Суворова рождается сын Аркадий Александрович Суворов (он не дожил до 1812 года, погиб в реке Рымник, спасая человека).

Аркадий Александрович
Суворов (1784-1811)

Осень 1784 г. Суворов окончательно разрывает с женой.

22 сентября 1786 г. Суворов произведен в генерал-аншефы.

6 января 1787 г. Суворов назначен командующим Кременчугской дивизией. В этом качестве Суворов принимает участие в показательных учениях в присутствии российской императрицы и австрийского императора.

Март 1787 г. Суворов назначен командующим российских войск, дислоцированных на польской границе.

10 июня 1787 г. Суворов назначен командующим Кинбурнского отряда в армии генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина.

1 октября 1787 г. Суворов одерживает победу над турками в сражении под Кинбурном в ходе Второй русско-турецкой войны.

27 июля 1788 г. Суворов становится инициатором сражения под Очаковым, в котором получает ранение. Суворовские солдаты теснят турок, но Г. А. Потемкин не решается на штурм. Это сражение – единственное в биографии Суворова, которое не может считаться бесспорной победой. Г. А. Потемкин пишет Екатерине: «...Перед приходом капитан-паши Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало, которое убитыми и ранеными стоит четыреста человек лишь с Фишера [баталиона]...»

Весна 1789 г. Суворов назначен командиром корпуса в армию генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева.

1 июля 1789 г. Суворов одерживает победу при Фокшанах, разработав совместную операцию русских и австрийских войск против превосходящих по численности турецких сил.

11 сентября 1789 г. Суворов одерживает победу при Рымнике силами русской и австрийской армий над численно превосходящей турецкой армией.

Май 1790 г. Суворов назначен шефом Фанагорийского гренадерского полка. В 1826 году император Николай Павлович «в честь непобедимому полководцу и для возбуждения в молодых воинах воспоминания о бессмертных подвигах его» повелит гренадерскому Фанагорийскому полку впредь именоваться гренадерским генералиссимуса князя Суворова-Италийского полком. Молва же называла этот полк «Суворовским Фанагорийским».

26 ноября 1790 г. Генерал-аншеф А. В. Суворов назначен командующим русскими войсками, расположенными под Измаилом.

11 декабря 1790 г. Суворов добивается величайшей победы – крепость Измаил взята штурмом.

25 марта 1791 г. Суворов произведен в подполковники лейб-гвардии Преображенского полка.

25 июня 1791 г. Суворов назначен командующим войсками, расположенными в Финляндии.

1792 г. Суворову вверено также командование над Роченсальмским портом и Саймской флотилией.

1792 г. Суворов назначен командующим войсками Екатеринославской губернии и Таврической области. Под руководством Суворова осуществляется строительство крепостных сооружений в Гаджибее (Одессе).

Май 1794 г. Суворов направлен в Подолию для подготовки к Польской кампании.

7 августа 1794 г. Суворов зачислен в состав армии генерал-аншефа Н. В. Репнина и возглавил поход на Варшаву.

Август – сентябрь 1794 г. Суворов одерживает блестящие победы над польскими конфедератами под Двинском, при Кобрине, при Крупчице, под Брестом, под Кобылкой.

24 октября 1794 г. Суворов победно штурмует Прагу – укрепленное предместье Варшавы. В кровопролитном сражении Польша поставлена на колени. (Вскоре Суворов займет и Варшаву.)

19 ноября 1794 г. Суворов произведен в генерал-фельдмаршалы.

6 января 1795 г. Генерал-фельдмаршал Суворов назначен командующим всеми русскими войсками в Польше.

Весна 1795 г. Суворовым написана «Наука побеждать».

24 ноября 1796 г. Суворов назначен командующим войсками Екатеринославской губернии.

6 февраля 1797 г. Суворов отстранен от должности и отставлен от службы без права ношения мундира. Начинается длительная «павловская» опала генерал-фельдмаршала.

Май 1797 г. Суворов сослан в принадлежавшее ему село Кончанское Новгородской губернии.

№ 1021.

6 августа 1797

Его Святельству!

R

Восточина Дѣйствительному тайному Секретари, Генерал-прокурору, Государственному Ассесору Императорского банка Главному Директору, Департаменту Удѣльных Имѣній Министру, Орденное Россійскъ Казначей, Дѣйствительному Камергеру и разнымъ Орденное Кавалеру Князю Александру Борисовичу Куркину.

Репортъ.

Въ тринадцатую пятницу находящійся при Восточинахъ генералъ фельдмаршалъ графъ Суворовъ Рымникскомъ Боровицкѣи городничѣи бывающѣи репортуютъ мнѣ, что упомянутой восточина фельдмаршалъ 24го числа минувшаго Мѣсяца имѣла въ саду въ дубную свою усадьбу состоящую въ 15^{ти} верстахъ называемую Каменки, есть сифилитическая язва; но найдя еще язве перши въ Сестрѣ Кончанскомъ, возвратился отъ нея во оное 26го числа. Въ тринадцатое затворя къ восточинѣ мякишкой. — Здоровье Его Святельства улучшается, но однако еще шибко ослабъ и имѣю честь вашему Святельству представить докестенъ.

Губернаторъ новгородскій Министру

10

№ 1021
Акулина 3 имѣ
Куркина.

Репорт о действияхъ сосланного под надзор
А. В. Суворова от 6 августа 1797 года

- 9 февраля 1799 г. Суворов восстановлен на службе в чине генерал-фельдмаршала.
- 1 марта 1799 г. Суворов назначен главнокомандующим союзной армией в Италии.
- 14 марта 1799 г. Суворов прибывает в Вену.
- 4 апреля 1799 г. Суворов прибывает в Верону – к русской армии.
- 10 апреля 1799 г. Суворов осуществляет победный штурм крепости Брешия.
- 16 апреля 1799 г. Суворов одерживает великую победу над французской армией на р. Адда.
- 17 апреля 1799 г. Войска А. В. Суворова входят в город Милан.
- 16 мая 1799 г. Войска А. В. Суворова входят в г. Турин.
- 6–8 июня 1799 г. Суворов одерживает победы над французскими войсками в сражениях на реках Тидоне, Треббии, Нуре.
- 18 июля 1799 г. Крепость Мантуя занята войсками Суворова.
- 4 августа 1799 г. Суворов победно завершает Итальянскую кампанию, разбив французские войска в великом сражении при Нови.
- 28 августа 1799 г. Суворов с войсками направляется из Италии в Швейцарию.
- 13–14 сентября 1799 г. Суворов с боями победно совершил переход через Сен-Готард и Чёртов мост.
- 17 сентября 1799 г. Суворов выводит войска в Муттенскую долину.
- 19–20 сентября 1799 г. Суворов одерживает победу над французскими войсками в долинах Кленталь и Муттенталь.
- 26 сентября 1799 г. Суворов совершает героический переход через хребет Паникс.
- 26 октября 1799 г. Суворов получает звание генералиссимуса российских войск.
- 1800 г. 3 февраля. Суворов отводит российские войска к Кракову, сдает командование армией генерал-поручику А. Г. Розенбергу.
- 20 апреля 1800 г. Суворов прибывает в Петербург.
- 6 мая 1800 г. Александр Васильевич Суворов умирает в Петербурге, в доме Д. И. Хвостова.
- 12 мая 1800 г. Суворов похоронен в Александро-Невской лавре, в Благовещенской церкви. На его могильной плите навсегда остается величественная эпитафия: «Здесь лежит Суворов».

Могила А. В. Суворова
в Александро-Невской лавре

Выписка о службе А. В. Суворова,

**представленная в С.-Петербургский монетный департамент для вытиснения медали в
честь взятия Измаила**

1791 г. мая 2

Военнопоходная его сиятельства господина генерал-аншефа и кавалера графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского канцелярия на запрос Военной коллегии дает знать. Его сиятельство граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, вступая в службу Ее Императорского Величества, происходил чинами: лейб-гвардии в Семеновском полку в [1]742 году солдатом, где произойдя унтер-офицерские чины жалован в [1]754 – из сержантов в полевые полки поручиком; в [1]756 – обер-провиантмейстером, переименован в премьер-майоры; [1]758 ноября 29 – подполковником и во время прошедшей с королем прусским войны был во многих сражениях; [1]762 августа 26 – полковником; [1]768 сентября 22 – бригадиром и находился с командою против конфедератов в Польше, над которыми и получил многие победы; [1]770 генваря 1 – генерал-майором и возложен орден Святые Анны, а за одержанные над польскими возмутителями победы ж возложены на него ордены Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3 класса и святого Александра Невского; [1]773 июля 30 за одержанную победу при атаке города Туртукая – Святого Великомученика и Победоносца Георгия 2 класса; [1]774 марта 17 пожалован генерал-поручиком и при заключении с турками в [1]775 году мира за храбрые его подвиги золотою шпагою, украшенною бриллиантами; [1]783 года июля 29 дня за присоединение разных кубанских народов ко Всероссийской империи – орденом Святого равноапостольного князя Владимира I степени; [1]786 года ноября 22 – генерал-аншефом и находился с корпусом в нынешнюю турецкую войну у города Кинбурна; [1]787 ноября 9 за одержанную победу октября 1 числа при защищении оного города Кинбурна, атаковавшего отборными турецкими войсками с помощью флота их и совершенное их разбитие и поражение на Кинбурнской косе в знак высочайшего благоволения пожалованы ему орден Святого Апостола Андрея Первозванного при рескрипте с таким изречением: «Вы оное заслужили верою и верностию»; 1789 ноября 3 за разбитие и победу собравшихся многочисленных турецких войск под Фокшанами – к ордену Святого Апостола Андрея крест и звезда бриллиантовая, а 3 октября того ж года за разбитие и знаменитую победу сентября 11 многочисленной турецкой армии предводительствуемой верховным визирем на реке Рымнике, и за долговременную его службу, сопровождаемую с особливым усердием точным исполнением; неутомимые труды, превосходное искусство и отличное мужество во всяком случае, всемилоостивейше пожалован орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия I степени, шпагою, алмазами украшенною, с надписью сего дела, и возведен в графское достоинство всероссийской империи с рожденными от него детьми с проименованием к фамилии его Рымникский. А сего года марта 25 за взятие штурмом прошлого [1]790 декабря 11 города Измаила, лейб-гвардии Преображенского полку всемилоостивейше пожалован подполковником, с вытиснением медали на память потомству с его изображением и похвальною грамотою с означением его подвигов.

Современники о Суворове

Из письма к отцу А. В. Суворова его ротного командира лейб-гвардии Семеновского полка

Сын Ваш, по усердию к службе, по знанию ее и по поведению – был первым солдатом во всей гвардии, первым капралом, первым сержантом. Всегда ставили мы его в пример и молодым дворянам, и сдаточным, потому что сын Ваш не только не хочет отличиться от простых солдат, но напрашивается на самые трудные обязанности службы. Большую часть времени проводит он с солдатами в казармах и для того только имеет свою вольную квартиру, чтоб свободно и беспрепятственно заниматься в ней науками. Деньги, которые Вы присылаете, издерживает он только на помощь солдатам, на книги и на учителей и с усердием посещает классы Сухопутного Шляхетского Кадетского корпуса в часы преподавания военных наук.

Никогда, подобно другим дворянам, не нанимал он за себя других солдат или унтер-офицеров на службу, а напротив, охотно ходит в караул за других. Для него забава стоять на часах в ненастье или жестокою стужу. Простую солдатскую пищу предпочитает он всем лакомствам. Никогда не позволяет он солдатам, которые преданы ему душою, чистить свое ружье и амуницию, называя ружье своей женою. Когда солдаты, которым он благодетельствует, просят его позволить им сделать что-нибудь для него угодное – он принимает от них только одну жертву, а именно, чтоб они для его забавы поучились фронту и военным эволюциям под его командой! Несколько раз заставлял я его на таком учении, когда он, будучи еще рядовым, командовал несколькими сотнями. Хотя это учение было – только игры, но он занимался им с такой важностью, будто был полковым командиром – и требовал от солдат даже более, нежели мы требуем на настоящем учении. У него только одна страсть – служба, и одно наслаждение – начальствовать над солдатами!

Не было исправнее солдата, зато и не бывало взыскательнее унтер-офицера, как Ваш сын! Вне службы – он с солдатами как брат, а по службе неумолим. У него всегда одно на языке: дружба дружбой, а служба службой! Не только товарищи его, но и мы, начальники, почитали его «чудаком». Когда я спросил однажды у него, отчего он не водится ни с одним из своих товарищей, но даже избегает их общества, он отвечал: «У меня много старых друзей: Цезарь, Аннибал, Вобан, Кегорн, Фолард, Тюренн, Монтекукули, Роллен... и всех не вспомню. Старым друзьям грешно изменять на новых...». Товарищи его, которых он любит более других, сказывали мне, что от него никак не добиться толку, когда спрашивают его мнение о важных лицах или происшествиях. Он отвечает всегда шуткою, загадкою или каламбуром и, сказав «учись», прекращает разговор.

* * *

Поступив в полк 15-летним юношей, Суворов, однако, представляется уже вполне нравственно сложившимся человеком, обладавшим обширным запасом знаний и мощной волею; одаренный от природы громадным умом и чрезвычайной наблюдательностью, он на излюбленном им с детства военном поприще почерпает те сведения, которые не мог получить дома и кои оказались столь ценными для его продолжительной боевой деятельности. Жизнь в полку была для него прекрасной школой. Солдатская среда поглотила его вполне, и в течение девяти лет, проведенных в полку нижним чином, он усвоил военную службу во всех ее подробностях и во всех мелочах; больше же всего он сроднился с бытом русского солдата и с духовной стороной его бытия, благодаря чему и получил возможность полного нравственного воздействия на души тех, к кому стоял всегда так близко; он выработал в себе особый лаконизм речи, где каждое слово глубоко западало в солдатское

сердце и сразу завладевало им. Служа примером скромного образа жизни, искренней религиозности и непоколебимой преданности долгу, Суворов, вместе с этим обладал непринужденной веселостью и юмором, присущими русскому человеку вообще; такие черты его характера, совокупно с простотою обращения, не могли не нравиться солдатам, видевшим в нем не барчука, гнушающегося их казарменной жизнью, а человека вполне сроднившегося с ними.

И действительно, чего желал Суворов, то и свершилось: он сделался солдатом до мозга костей, и ничего в этой сфере не было для него тайного и сокрытого. Солдатский образ жизни привился к нему настолько, что он не изменял ему даже будучи фельдмаршалом, генералиссимусом и кавалером всех высших орденов – по-прежнему любимым питьем ему служил солдатский квас, лучшим обедом – щи и каша, а самым покойным ложем – простая солома. Здоровье свое, казавшееся столь слабым в детстве, он продолжал закаливать и на службе, поборов в этом отношении природу, и притом настолько, что до глубокой старости мог переносить, наряду с простыми солдатами, все труды и лишения боевой жизни.

[...]

Страстно любя славу, он желал, чтобы каждый его подчиненный пылал к ней равным жаром и строго наблюдал честь русских воинов. Как-то при разводе, будучи недоволен своим Фанагорийским полком, призвал адъютанта и сказал ему: «Поди скажи Мандрыкину, чтобы он написал прошение и подал Курису (бывший письмоводитель Суворова), пусть переведет меня в другой полк. Не хочу с ними служить, они немогузнайки». Весь полк приведен был в чрезвычайное уныние этими словами. В следующий раз развод был исправный. Суворов по обыкновению своему, начиная благодарность от полковника до рядового, закончил свою речь таким образом: «Я вам друг, вы мои друзья». Потом приказал адъютанту сказать Курису, чтобы он оставил его в том же полку и продолжил: «Они хорошие солдаты, они исправились. Они русские». На лицах всех солдат было заметно сердечное восхищение.

Фельдмаршал Суворов – один из самых необыкновенных людей своего века. Он родился с геройскими качествами, необыкновенным умом и с ловкостью, превосходящею, быть может, и его способности, и ум. Суворов обладает самыми обширными познаниями, энергическим, никогда ни изменяющим себе характером и чремерным честолюбием. Это великий полководец и великий политик.

[...]

Фельдмаршал Суворов, знающий в совершенстве дух своего народа и являющийся действительно наиболее соответствующим этому духу генералом, собирает уже с апреля месяца свою армию, разделяет ее на три или четыре лагеря и заставляет ее проделывать действительно военные маневры: ночные переходы, атаки крепостей, ретраншаментов,

нечаянное нападение на лагеря и т. п. Он смотрит на дело как настоящий полководец, упражняет, закаляет солдат, приучает их к огню, вселяет в них смелость и самолюбие и делает их непобедимыми. Полки его армии отличаются даже в России своею силою и своим воинственным видом.

*А. Ф. Ланжерон*²¹⁷

* * *

Суворов обладал глубокими сведениями в науках и литературе. Он любил выказать свою начитанность, но только перед теми, коих считал способными оценить его сведения. Он отличался точным знанием всех европейских крепостей, во всей подробности их сооружений, а равно всех позиций и местностей, на которых происходили знаменитые сражения. Он говорил много о себе и о своих военных подвигах; по его словам, «человек, совершивший великие дела, должен говорить о них часто, чтобы возбуждать честолюбие и соревнование своих слушателей». Обладая военным гением, он судил о действиях с высшей точки зрения. Мне часто доводилось слышать от него следующие суждения: «Получив повеление императора принять начальство над армией, я спрашиваю у него – какими землями он желает овладеть? Затем соображаю мой план действий таким образом, чтобы вторгнуться в неприятельскую страну по возможности с разных сторон многими колоннами. При встрече с неприятелем я его опрокидываю: это дело солдатское; полководец же, составляя план действий, не должен ограничивать его атакою какой-либо позиции. Неприятель, сторожа существенно какой-либо важный пункт, будет обойден с фланга и даже с тыла, и для противодействия вторжению в его страну должен раздробить свои силы.

*Марсильяк П. Л. А. де Крюзи*²¹⁸

* * *

Его великий талант состоял в умении внушать солдатам замечательное доверие; всегда вперед, никогда по отступить – таков был его лозунг; нападая, он никогда не считал сил своего врага; победить или умереть – таков был его лозунг и лозунг его армии. Он, может быть, единственный генерал, непрерывные успехи которого были без пятен и не имели оборотной стороны.

Аббат Жоржель ²¹⁹

* * *

²¹⁷ Граф Александр Федорович Ланжерон (Луи Александр Андре) (1763–1831) – французский эмигрант на русской службе (подполковник французской армии, полковник голландской армии, генерал от инфантерии российской армии), много лет лично общался с Суворовым.

²¹⁸ Маркиз Марсильяк П. Л. А. де Крюзи – французский эмигрант, которому посчастливилось часто и подолгу общаться с Суворовым в повседневной жизни.

²¹⁹ Этот представитель Мальтийского ордена прибыл в С.-Петербург 17 декабря 1799 года и стал очевидцем похорон Суворова.

Будьте уверены, – говорил Суворов, определяя свой взгляд на способы достижения мира в Европе, – что ни английские деньги, ни русские штыки, ни кавалерия и тактика австрийцев, ни Суворов ни восстановят порядка и не одержат таких побед, которые бы привели к желаемому результату. Этого в состоянии достигнуть лишь политика – справедливая, бескорыстная, прямодушная, честная. Только таким путем можно всего добиться.

Г. М. Армфельд 220

* * *

Хотя Суворов совершенно знает умозрительную часть тактики, но в действии учит только одному: идти вперед, кареем ли, или колонною; слов «назад» и «отступить» нет в словаре Суворова. Слух, взоры и души своих воинов предостерегает он от всякого вида отступления. Пехота его действует штыками, а конница саблями. Слава и победа повинуются ему: он всегда с ними впереди. Как удивителен Суворов! Он нежен, добр, чувствителен, великодушен; в шестьдесят лет он молод по быстроте телесной и по чувствам души своей.

Граф Понтмартин 221

* * *

Герой наш был истинным героем, потому что владел собою и укрощал порывы раздраженного самолюбия. Он оправдывался во всем делами.

Зависть и завистники будут всегда; но велик тот, кто, посвятив себя служению Отечеству, обращает стрелы их терпением. Суворов побеждал не одним оружием, он умел побеждать и твердостью душевной. Без сей победы все другие успехи ненадежны.

Усугубление славы поддерживал он неутомимостью в трудах и, соединяя во всех случаях вдохновение веры с силою оружия, приобрел общую любовь русских воинов.

С. Н. Глинка 222

* * *

Милостивый государь! Преисполнен будучи истинной любви к Отечеству, почтения ко всему тому, что называется мужество или доблесть, уважения к громкой славе россиян, обожания к великому духу нашей государыни, беру смелость поздравить Ваше Сиятельство и сотрудников Ваших столико знаменитыми и быстрыми победами. Ежели б я был пиит, обильный такими дарованиями, которые могут что-либо прибавлять к громкости дел и имени героев, то я бы вас избрал моим и начал бы петь таким образом:

220 Шведский посол в Вене, которому довелось быть собеседником Суворова.

221 Граф Понтмартин встречался с Суворовым и имел возможность наблюдать за ним во время нахождения русской армии в Тульчине.

222 Сергей Николаевич Глинка (1776–1847) – русский писатель и журналист, издатель журнала «Русский вестник».

Пошел – и где тристаты злобы?
 Чему коснулся, все сразил,
 Поля и грады стали гробы,
 Шагнул – и царства покорил.

Г. Р. Державин, письмо 1794 года

* * *

Просыпался он в два часа пополуночи; окачивался холодной водою и обтирался простынею перед камином; потом пил чай и, призвав к себе повара, заказывал ему обед из 4-х или 5-ти кушаньев, которые подавались в маленьких горшочках²²³; потом занимался делами, и потом читал или писал на разных языках; обедал в 8 часов поутру; отобедав, ложился спать; в 4 часа пополудни – вечерняя заря; после зари, напившись чаю, отдавал приказания правителю канцелярии, генерал-адъютанту Д. Д. Мандрыке; в 10 часов ложился спать. Накануне праздников в домовою походной церкви всегда бывал он у заутрени, а в самый праздник у обедни... По субботам войскам, стоявшим в Тульчине, ученье и потом развод; перед разводом фельдмаршал всегда говорил солдатам поученье: «Солдат стоит стрелкой; четвертого вижу, пятого не вижу; солдат на походе равняется локтем; солдатский шаг – аршин, в захождении полтора; солдат стреляет редко, да метко; штыком колет крепко; пуля дура, штык молодец; пуля обмишуются, штык никогда; солдат бережет пулю на три дня...»

Адъютант Суворова Александр Столыпин о жизни полководца в Тульчине

* * *

Наружность фельдмаршала как нельзя лучше соответствовала оригинальности его личности. Это был маленький человек слабого сложения, но одаренный природою могучим и чрезвычайно нервным темпераментом... Не похоже, чтобы он когда-либо, даже в молодости, обладал красивой внешностью. У него был большой рот и черты лица мало приятные, но его взгляд был полон огня, живой и необыкновенно пронизательный: казалось, он все пронизывал и исследовал глубину вашей души, когда останавливался на вас внимательно. Я встречал не много людей, у которых чело было бы больше изрезано морщинами, и морщинами настолько выразительными, что лицо его как бы говорило без помощи слов. Характер у него был живой и нетерпеливый: когда он бывал чем-либо глубоко возмущен и рассержен, лицо его становилось суровым, грозным, даже ужасным – оно выражало все чувства, волновавшие его в эту минуту. Но эти минуты были редки и всегда вызваны основательными причинами, а его суровость никогда не переходила в несправедливость, хотя порой он и бывал чрезмерно едок и язвительен. Проходило возмущение, и черты его лица вновь принимали выражение обычной доброты, следуя за состоянием его души.

Дюбокаж ²²⁴

²²³ В скоромные дни – вареная с разными пряностями говядина, щи из кислой или свежей капусты; иногда калмыцкая похлебка, бешбармак, пельмени, каши из разных круп и жаркое из дичи или телятины. Весной, даже в скоромные дни, любил разварную щуку. В постные дни: белые грибы, различно приготовленные, пироги с грибами, щука фаршированная с хреном.

²²⁴ С 1794 по 1796 год состоял в штабе Суворова и почти ежедневно с ним общался. Его перу принадлежит

Д. В. Давыдов. Встреча с великим Суворовым (1793)

Ma vie est combat... Voltaire 225

Посвящается князю Александру Васильевичу Италийскому, графу Суворову-Рымникскому

С семилетнего возраста моего я жил под солдатскою палаткой, при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком, – об этом где-то было уже сказано. Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства – в езде на казачьей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Донского войска.

Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря? А тип всего военного, русского, родного военного, не был ли тогда Суворов? Не Суворовым ли занимались и лагерные сборища, и гражданские общества того времени? Не он ли был предметом восхищений и благословений, заочно и лично, всех и каждого? Его таинственность в постоянно употребляемых им странностях наперекор условным странностям света; его предприятия, казавшиеся исполняемыми как будто очертя голову; его молниелетные переходы, его громовые победы на неожиданных ни нами, ни неприятелем точках театра военных действий – вся эта поэзия событий, подвигов, побед, славы, продолжавшихся несколько десятков лет сряду, все отзывалось в свежей, в молодой России полной поэзией, как все, что свежо и молодо.

Он был сын генерал-аншефа, человека весьма умного и образованного в свое время; оценив просвещение, он неослабно наблюдал за воспитанием сына и дочери (княгини Горчаковой). Александр Васильевич изучил основательно языки французский, немецкий, турецкий и отчасти италийский; до поступления своего на службу он не обнаруживал никаких странностей. Совершив славные партизанские подвиги во время Семилетней войны, он узнал, что такое люди; убедившись в невозможности достигнуть высших степеней наперекор могущественным завистникам, он стал отличаться причудами и странностями. Завистники его, видя эти странности и не подозревая истинной причины его успехов, вполне оцененных великой Екатериной, относили все его победы лишь слепому счастью.

Суворов вполне олицетворил собою героя трагедии Шекспира, поражающего в одно время комическим буффонством и смелыми порывами гения. Гордый от природы, он постоянно боролся с волею всесильных вельмож времен Екатерины. Он в глаза насмехался над могущественным Потемкиным, хотя часто писал ему весьма почтительные письма, и ссорился с всесильным австрийским министром бароном Тугутом. Он называл часто Потемкина и графа Разумовского своими благодетелями; отправляясь в Италию, Суворов пал к ногам Павла²²⁶.

Было ли это следствием расчета, к которому он прибегал для того, чтобы вводить в заблуждение наблюдателей, которых он любил ставить в недоумение, или, действуя на массы своими странностями, преступавшими за черту обыкновения, он хотел приковать к

наиболее достоверное описание внешности полководца.

225 «Моя жизнь – сражение...» *Вольтер*.

226 Известно, что он упал к ногам императора Павла, говоря: «Боже, спаси царей!» – «Вам, – сказал император, – предстоит спасти их». Видя, что Суворов с трудом подымается, государь сказал своим придворным: «Помогите встать графу». При этих словах Суворов сам быстро встал, воскликнув: «О, помилуй Бог, Суворов сам подымается, никто в том ему не помогает». (*Прим. Д. В. Давыдова*)

себе всеобщее внимание?

Если вся жизнь этого изумительного человека, одаренного нежным сердцем²²⁷, возвышенным умом и высокою душой, была лишь театральным представлением и все его поступки заблаговременно обдуманы, – весьма любопытно знать: когда он был в естественном положении? Балагурия и напуская на себя разного рода причуды, он в то же время отдавал приказания армиям, обнаруживавшие могучий гений. Беседуя с глазу на глаз с Екатериной о высших военных и политических предметах, он удивлял эту необычайную женщину своим оригинальным, превосходным умом и обширными разносторонними сведениями²²⁸; поражая вельмож своими высокими подвигами, он язвил их насмешками, достойными Аристофана и Пирона. Во время боя, следя внимательно за всеми обстоятельствами, он вполне обнимал и проникал их своим орлиным взглядом.

В минуты, где беседа его с государственными людьми становилась наиболее любопытною, когда он, с свойственной ему ясностью и красноречием, излагал ход дел, он внезапно вскакивал на стул и пел петухом, либо казался усыпленным вследствие подобного разговора; таким образом поступил он с графом Разумовским и эрцгерцогом Карлом. Лишь только они начинали говорить о военных действиях, Суворов, по-видимому, засыпал, что вынуждало их изменять разговор, или, увлекая их своим красноречием, он внезапно прерывал свой рассказ криками петуха. Эрцгерцог, оскорбившись этим, сказал ему: «Вы, вероятно, граф, не почитаете меня достаточно умным и образованным, чтобы слушать ваши поучительные и красноречивые речи?» На это Суворов возразил ему: «Проживете с моих лет и испытаете то, что я испытал, и вы тогда запоете не петухом, а курицей». Набожный до суеверия, он своими причудами в храмах вызывал улыбку самих священнослужителей.

Многие указывают на Суворова как на человека сумасбродного, невежду, злодея, не уступавшего в жестокости Атилле и Тамерлану, и отказывают ему даже в военном гении. Хотя я вполне сознаю свое бессилие и неспособность, чтобы вполне опровергнуть все возводимые на этого великого человека клеветы, но я дерзаю, хотя слабо, возражать порицателям его.

Предводительствуя российскими армиями пятьдесят пять лет сряду, он не сделал несчастным ни одного чиновника и рядового; он, не ударив ни разу солдата, карал виновных лишь насмешками, прозвищами в народном духе, которые врезывались в них, как клейма. Он иногда приказывал людей, не заслуживших его расположения, выкуривать жаровнями. Кровапролитие при взятии Измаила и Праги было лишь прямым последствием всякого штурма после продолжительной и упорной обороны. Во всех войнах в Азии, где каждый житель есть вместе с тем воин, и в Европе во время народной войны, когда гарнизоны, вспомоществуемые жителями, отражают неприятеля, всякий приступ неминуемо сопровождается кровапролитием. Вспомним кровапролитные штурмы Сарагосы и Тарагоны; последнею овладел человеколюбивый и благородный Сюшет. Вспомним, наконец, варварские поступки англичан в Индии; эти народы, кичащиеся своим просвещением, упоминая о кровапролитии при взятии Измаила и Праги, умалчивают о совершенных ими злодеяниях, не оправдываемых даже обстоятельствами. Нет сомнения, что если б французы

²²⁷ Суворов просился однажды в Москву в отпуск с Моздокской линии, устройство которой ему было поручено. Так как императрица не изъявила своего согласия на продолжительный отпуск, он получил лишь пятнадцатидневный. Прибыв в Москву ночью, он благословил спящих детей и тотчас предпринял возвратный путь на линию. (Прим. Д. В. Давыдова)

²²⁸ Однажды Военная коллегия жаловалась императрице на Суворова, в полках которого было слишком много музыкантов, что вынуждало его уменьшать число фронтовых солдат. Собран был военный совет, на котором присутствовал и Суворов, который, выслушав все мнения, сказал: «Хороший и полный хор музыкантов возвышает дух солдат, расширяет шаг; это ведет к победе, а победа – к славе». Императрица вполне предоставила это дело на его благоусмотрение. (Многие сведения о великом Суворове были мне сообщены князем Андреем Ивановичем Горчаковым.) (Прим. Д. В. Давыдова)

овладели приступом городами Сен-Жан-д'Акр и Смоленском, они поступили бы таким же образом, потому что ожесточение осаждающих возрастает по мере сопротивления гарнизона. Штурмующие, ворвавшись в улицы и дома, еще обороняемые защитниками, приходят в остервенение; начальники не в состоянии обуздать порыв войск до полного низложения гарнизона.

Таким образом были взяты Измаил и Прага. Легко осуждать это в кабинете, вне круга ожесточенного боя, но христианская вера, совесть и человеколюбивый голос начальников не в состоянии остановить ожесточенных и упоенных победою солдат. Во время штурма Праги остервенение наших войск, пылавших мстью за изменническое побиение поляками товарищей, достигло крайних пределов. Суворов, вступая в Варшаву, взял с собою лишь те полки, которые не занимали этой столицы с Игельстромом в эпоху вероломного побоища русских. Полки, наиболее тогда потерпевшие, были оставлены в Праге, дабы не дать им случая удовлетворить свое мщение. Этот поступок, о котором многие не знают, достаточно говорит в пользу человеколюбия Суворова²²⁹.

За обедом шел разговор о трудностях узнавать людей. «Да, правда, — сказал Суворов, — только Петру Великому предложена была великая тайна выбирать людей: взглянул на солдата Румянцева, и он офицер, посол, вельможа. А тот за это отблагодарил Россию сыном своим, Задунайским. Вот мои мысли о людях: вывеска дураков — гордость; людей посредственного ума — подлость; а человека истинных достоинств — возвышенность чувств, прикрытая скромностью».

В это время здравствовал еще знаменитый Румянцев, некогда начальник Суворова, и некоторые другие вожди, украшавшие век чудес — век Екатерины; но блеск имен их тонул уже в ослепительных лучах этого самобытного, неразгадываемого метеора, увлекавшего за собою весь мир чувств, умов, вниманий и доверенности своих соотчичей, и увлекавшего тем, что в нем не было ни малейшего противозвучия общей гармонии мыслей, поверий, предрассудков, страстей, исключительно им принадлежащих. Сверх того, когда и по сию пору войско наше многими еще почитается сборищем истуканов и кукол, двигающихся по средству одной пружины, называемой страхом начальства, — он, более полу столетия тому назад положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение. Он уверился, вопреки мнения и того, и нашего времени мнимых наблюдателей, что русский солдат, если не более, то, конечно, не менее всякого иностранного солдата причастен воспламенению и познанию своего достоинства, и на этой уверенности основал образ своих с ним сношений.

Найдя повиновение начальству — сей необходимый, сей единственный склей всей армии — доведенным в нашей армии до совершенства, но посредством коего полководец может достигнуть до некоторых только известных пределов, — он тем не довольствовался. Он удесятерил пользу, приносимую повиновением, сочетав его в душе нашего солдата с чувством воинской гордости и уверенности в превосходстве его над всеми солдатами в

²²⁹ Взятие Варшавы в 1831 году без грабежа несколько не опровергает всего мною сказанного, ибо гарнизон города имел свободный выход, которым и воспользовался. Если б гарнизон нашелся вынужденным сражаться на улицах, в домах и костелах, город подвергся бы страшным бедствиям. (Прим. Д. В. Давыдова)

мире, – чувством, которого следствию нет пределов.

Прежние полководцы, вступая в командование войсками, обращались к войскам с пышными, непонятными для них речами. Суворов предпочел жить среди войска и вполне его изучил; его добродушие, доходившее до простодушия, его причуды в народном духе привлекали к нему сердца солдат. Он говорил с ними в походах и в лагере их наречием. Вместо огромных штабов он окружал себя людьми простыми, так, например, Тищенко, Ставраковым.

Но к чему послужило бы, – я скажу более, – долго ли продолжалось бы на своей высоте это подъятие духа в войсках, вверенных его начальству, если б воинские его дарования, – я не говорю уже о неколебимой стойкости его характера и неограниченной его предприимчивости, – если б воинские его дарования хотя б немного уступали неустрашимости и самоотвержению, которые он посеял в воинах, исполнявших его предначертания? Если б, подобно всем полководцам своего времени, он продолжал идти тесною стезею искусства, проложенною посредственностью, и не шагнул исполински и махом на пространство широкое, разгульное, им одним угаданное, и которое до сей поры никто не посещал после него, кроме Наполеона?

Случай, который я хочу рассказывать, требует несколько предварительных замечаний об этом предмете, чтобы сделаться понятным во всех своих подробностях. Они не будут длинны.

Суворов застал военное искусство основанным на самых жалких началах. Наступательное действие состояло в движении войск, растянутых и рассеянных по чрезмерному пространству, чтобы, как говорили тогда, охватить оба крыла противника и поставить его между двух огней. Оборонительное действие не уступало в нелепости наступательному. Вместо того, чтобы, пользуясь сим рассеянием войск противника, ударить совокупно на средину, разреженную и слабую от чрезмерного протяжения линии, и, разорвав ее на две части, поражать каждую порознь, – полководцы, действовавшие оборонительно, растягивали силы свои наравне с наступательною армиею, занимая и защищая каждый путь, каждую тропинку, каждое отверстие, которым она могла к ним приблизиться.

Некоторые, – и те почитались уже превосходнейшими вождями, – некоторые решались изменять оборонительное действие в наступательное, растягивая силы свои еще более растянутых сил неприятельской армии, чтобы, с своей стороны, охватить оба ее крыла и поставить ее между двух огней обоих крыл своих. К этому надобно прибавить так называемые демонстрации отряженными для сего частями армии на далекое расстояние, отчего только уменьшалась числительная сила главной массы, определенной для боя. К демонстрациям можно присоединить фальшивые атаки, которые никого не обманывают; размеренные переходы войск, которые только способствовали неприятелю рассчитывать время их прибытия к мете, им назначенной, следственно и предупреждать намерения их начальника; и, наконец, большую заботливость о механическом устройстве подвозов с пищею в определенные сроки, чем о предметах, касающихся собственно до битв, и тем самым полное подданство военных соображений и действия соображению и действию чиновников, управляющих способами пропитания армии. Такова была стратегия того времени!

Тактика представляла не менее нелепостей; когда дело доходило до сражения, важнейшие условия для принятия битвы состояли в избрании местоположения более или менее возвышенного, в примкнутии обоих крыл армии к искусственным или природным препятствиям и в отражении оттуда неприятельских усилий, не двигаясь с места. При нападении на неприятеля – употребление фальшивых атак, которые никого не обманывали, и действие более огнем, чем холодным оружием; нигде решительности, везде ошупь и колебание воли.

Можно представить себе, как поступил с таковыми преградами гений беспокойный, своенравный, независимый.

Еще полковником Астраханского гренадерского полка, на маневрах у Красного Села,

где одна сторона предводительствуема была графом Паниным, а другая самой Екатериною, Суворов, который давно уже негодовал на методические движения, в то время почитаемые во всей Европе совершенством военного искусства, и на долговременную стрельбу во время боя, по мнению его ничего не решавшую, осмелился показать великой монархине и своим начальникам образ действия, приличнейший для духа русского солдата, и испортил маневр порывом своевольным и неожиданным. Среди одного из самых педантических движений, сопряженного с залпами плутонгами и полуплутонгами, он вдруг прекратил стрельбу своего полка, двинулся с ним вон из линии, ворвался в средину противной стороны, замешал часть ее и все предназначения и распоряжения обоих начальников перепутал и обратил все в хаос.

Спустя несколько месяцев, когда ему предписано было идти с полком из Петербурга в Ригу, он не пропустил и этого случая, чтобы не открыть глаз и не обратить внимания на пользу, какую могут принести переходы войск, выступающие из расчета, укоренившегося навыком и употребляемого тогда всеми без исключения. Посадив один взвод на подводы и взяв с ним полную казну и знамя, он прибыл в восемь дней в Ригу и оттуда донес нарочным о дне прибытия полка на определенное ему место рапортом в Военную коллегию, изумленную таковой поспешностью. Вскоре прибыла и остальная часть полка, но не в тридцать суток, как предписано было по маршруту, а не более как в четырнадцать суток. Одна Екатерина, во всей России, поняла и молодого полковника, и оба данные им наставления, и тогда же она сказала о нем: «Это мой собственный будущий генерал!»

После такого слова легко было и не Суворову идти к цели свободно и без опасения препятствий; что же должен был сделать Суворов с своею предприимчивостью, с своею железною волею? И как он этим воспользовался!

Он предал анафеме всякое оборонительное, еще более отступательное действие в российской армии и сорок лет сряду, то есть от первого боевого выстрела до последнего дня своей службы, действовал не иначе, как наступательно.

Он совокуплял все силы и всегда воевал одною массою ²³⁰, что давало ему решительное превосходство над рассеянным того времени образом действий, принятым во всей Европе, – образ действия, и поныне употребляемый посредственностью, следовательно, неослабно и беспрестанно: ибо везде дорывается она до власти преимущественно пред дарованием, по существу своему гордо-скромным.

Что касается до чистого боевого действия, Суворов или стоял на месте, вникая в движения противника, или, проникнув их, стремглав бросался на него усиленными переходами, которые доныне именуются суворовскими, и падал как снег на голову.

Следствием таких летучих переходов, предпринимаемых единственно для изумления неприятеля внезапным для него нападением во время его распреха и неготовности к бою, было предпочтение Суворовым холодного оружия огнестрельному. И нельзя быть иначе: не вытягивать же линии и не завязывать дело канонадою и застрельщиками, чтобы, встревожив противника нечаянным появлением, дать ему время прийти в себя, оглядеться, устроиться и привести положение атакованного в равновесие с положением атакующего! И весь этот образ действия, им созданный, приспособлялся к местностям и обстоятельствам его чудесным, неизъяснимым даром мгновенной сметливости при избрании выгоднейшего стратегического пути между путями, рассекающими область, по которой надлежало ему двигаться, и тактической точки поля сражения, на коем надлежало ему сражаться. По этому пути и на эту точку устремлял он все свои силы, не развлекая их никакими посторонними происшествиями, случаями и предметами, – как не отвлекал он до конца жизни мыслей и

²³⁰ Рассеяние части армии на осады некоторых крепостей в Италии принадлежит единственно венскому Военному совету. Суворов неоднократно восставал на такой распорядок и два раза просил себе отзвья из армии. Не вмешивайся этот совет в его распоряжения, нет сомнения, что по превосходству числительной силы Суворова над силою французской армии и гения его над дарованиями Моро, союзные войска еще в июне месяце были бы на границах Франции, Макдональд, занимавший Неаполь, увидел бы себя без сообщения с Франциею, и Массена принужден был бы оставить Швейцарию. (Прим. Д. В. Давыдова)

чувств своих от единственной господствовавшей над ним страсти – страсти к битвам и славе военной.

Из кратких выписок его приказов, или так называемых заметок, мы видим лишь похвалы штыку и презрение к ружейной пальбе; это значило, что надо было, избегая грома, часто мало вредящего и отсрочивающего развязку битв, сблизиться с неприятелем грудь с грудью в рукопашной схватке. Везде видна решительность и быстрота, а не действие ощущью. Он любил решительность в действиях и лаконизм в речах; длинные донесения и рассказы приводили его в негодование. Он требовал «да» или «нет», или лаконическую фразу, выражающую мысль двумя-тремя словами. Он был непримиримым врагом немогузнаек, о которых говорил: «От проклятых немогузнаек много беды». Однажды Суворов спросил гренадера: «Далеко ли отсюда до дальнейшей звезды?» – «Три суворовских перехода», – отвечал гренадер. Презирая действия, носящие отпечаток робости, вялости, излишней расчетливости и предусмотрительности, он старался возбудить в войсках решительность и смелость, которые соответствовали бы его заветным движениям.

Суворов в конце своего знаменитого поприща предводительствовал австрийцами против французов²³¹; он покорила Италию, в которой много буйных голов обнаруживали явную непокорность законным властям. Пусть австрийцы, французы, италийцы скажут: где и в каком случае Суворов обнаружил жестокость и бесчеловечие? К концу кампании половина армии Моро с генералами Груши, Периньон, Виктор, Гардан и другими были взяты в плен. Обращение Суворова с пленными и вышеупомянутыми лицами могло ли сравниться с поведением австрийцев и англичан, которые томили своих пленных в смрадных, сырых казематах крепостей и понтонках?

Все немало изумлялись постоянству, с которым Суворов с юных лет стремился к достижению однажды избранной им цели, и выказанной им твердости душевной, необходимой для всякого гения, сколько бы он ни был глубок и обширен. Я полагаю, что еще в юности Суворов, взвесив свои физические и душевные силы, сказал себе: «Я избираю военное поприще и укажу русским войскам путь к победам; я приучу их к перенесению лишений всякого рода и научу их совершать усиленные и быстрые переходы». С этой целью он укрепил свое слабое тело упражнениями разного рода так, что, достигнув семидесятилетнего возраста, он ежедневно ходил по десяти верст; употребляя пищу простую и умеренную, он один раз в сутки спал на свежем сене и каждое утро обливался несколькими ушатами воды со льдом.

Избрав военное поприще, он неминуемо должен был встретить на нем много препятствий со стороны многочисленных завистников и вынести немало оскорблений.

Первым он противопоставил диогеновскую бочку, и пока они занимались осуждением его причуд и странностей, он ускользал от их гонения; пренебрегая вторыми, он терпеливо следовал по единожды избранному пути. Он стремился к одной главной цели – достижению высшего звания, для употребления с пользой необычайных дарований своих, которые он сознавал в себе. Он мечтал лишь о славе, но о славе чистой и возвышенной; эта страсть поглотила все прочие, так что в эпоху возмужалости, когда природа влечет нас более к существенному, нежели к идеальному, Суворов казался воинственным схимником. Избегая общества женщин, развлечений, свойственных его летам, он был нечувствителен ко всему тому, что обольщает сердце. Ненавистники России и, к сожалению, некоторые русские не признают в нем военного гения; пятидесятитрехлетнее служение его не было ознаменовано ни одной неудачей; им были одержаны блестящие победы над знаменитейшими полководцами его времени, и имя его до сих пор неразлучно в понятиях каждого русского с высшею степенью военного искусства; все это говорит красноречивее всякого панегирика.

²³¹ Маршал Макдональд сказал однажды в Париже нашему послу графу П. А. Толстому: «Хотя император Наполеон не позволяет себе порицать кампанию Суворова в Италии, но он не любит говорить о ней. Я был очень молод во время сражения при Треббии; эта неудача могла бы иметь пагубное влияние на мою карьеру; меня спасло лишь то, что победителем моим был Суворов». (Прим. Д. В. Давыдова)

Предвидя, что алчность к приращению имени может увеличиваться с годами, он заблаговременно отстранил себя от хозяйственных забот и постоянно избегал прикосновения к металлу, питающим это недостойное чувство. Владея девятью тысячами душ, он никогда не знал количества получаемых доходов; будучи еще тридцати лет от роду, он поручил управление именьями своим родственникам, которые доставляли его адъютантам, избираемым всегда из низшего класса военной иерархии, ту часть доходов, которая была необходима для его умеренного рода жизни²³².

Познание слабостей человечества и неослабное наблюдение за самим собою составляли отличительную черту его философии; когда старость и думы покрыли чело его сединами и морщинами, достойными наблюдения Лафатера, он возненавидел зеркала, которые надлежало выносить из занимаемых им покоев или закрывать полотном, и часы, которые также выносили из занимаемых им комнат. Многим эти оригинальные причуды казались весьма странными; они относили их к своенравию Суворова. Обладая в высшей степени духом предприятия, он, подобно свежему юноше, избегал всего того, что напоминало ему о времени, и изгонял мысль, что жизнь его уже приближается к концу. Он не любил зеркал, вероятно, потому, что мысль увидеть себя в них стариком могла невольно охладить в нем юношеский пыл, убить в нем дух предприятия, который требовал всей мощи душевной, всей любви к случайностям, которые были свойственны лишь молодости. Фридрих Великий, имея, вероятно, в виду ту же самую цель, стал румяниться за несколько лет до своей кончины.

²³² В 1794 году Суворов, выступив из Бреста-Литовского, оставил здесь несколько grenадер для охранения имущества отставного польского полковника Детерко, опасавшегося быть разоренным русскими войсками, которые должны были следовать чрез этот город в Варшаву после выступления Суворова. После взятия Варшавы императрица наградила Суворова фельдмаршалским жезлом и местечком Кобриним, где он провел несколько суток во время проезда своего в свою главную квартиру, находившуюся в Тульчине. Явившись в Кобрин, Детерко со слезами обратился к Суворову и объявил ему, что, невзирая на присутствие оставленных grenадер, он был совершенно ограблен нашими войсками. Суворов спросил у управляющего Кобриним: «Сколько у нас денег?» На ответ управляющего: «До десяти мешков и в каждом не менее тысячи рублей», Суворов приказал все отдать Детерко, который был крайне удивлен этой щедростью. (Это мне сообщено А. П. Ермоловым.) (Прим. Д. В. Давыдова)

Всем известно, что князь Италийский смолоду приучил тело свое к «сношению всех воздушных перемен»: он мог спать не только (как обыкновенно было) на соломе или сене, но и на голой земле, подложив под голову седло. В жестокие морозы обливался водою со льдом, и зимой, кроме дороги, шубы не надевал. В бытность его в Санкт-Петербурге блаженной памяти императрица Екатерина II изволила заметить, что он разъезжает без шубы, и для того прислала ему шубу, стоившую великой цены, приказав с посланным сказать, чтобы «непременно шубу сию носил». «Как! — сказал Суворов, — солдату шубы по штату не положено». И когда присланный подтвердил, что на это есть неременное соизволение ея величества, Суворов сказал: «Матушка меня балует! Быть так!» После чего принял шубу с благодарением, но никогда ее на себя не надевал, только когда ездил во дворец. Но и тогда сажал с собой слугу, который эту шубу держал на руках и при выходе Суворова из кареты надевал на него. В этом наряде он доходил до передних комнат.

Таким образом, укрепив свое тело физическими упражнениями, введя в заблуждение зависть своими причудами, терпеливо перенося разного рода оскорбления, наблюдая постоянно за собою и, наконец, предавшись душою лишь страсти к славе, Суворов, с полной уверенностью в силе своего гения, ринулся в военное поприще. Он достиг генерал-майорского чина лишь на сорок первом году жизни, то есть в такие лета, когда ныне многие, удостоившись получить это звание, спешат уже оставить службу. Кто из нас не видал тридцатилетних генерал-майоров, ропщущих на судьбу, препятствующую им достигнуть следующего чина через несколько месяцев? Суворов при производстве своем в генерал-майоры был почти вовсе неизвестен, но зато какой быстрый и изумительный переход от этой малой известности к великой и неоспоримой славе! Генерал Фуа сказал о Наполеоне:

«Подобно богам Гомера, он, сделав три шага, был уже на краю света». Слова этого известного генерала могут быть вполне применены к нашему великому и незабвенному Суворову.

И этого-то человека судьба позволила мне видеть и, что еще для меня лестнее, разменяться с ним несколькими словами в один из счастливейших дней моей жизни!

Вот как это было.

За несколько месяцев до восстания Польши Суворов командовал корпусом войск, расположенных в губерниях Екатеринославской и Херсонской. Корпусная квартира его была в Херсоне. Четыре кавалерийские полка, входившие в состав корпуса: Переяславский конно-егерский, Стародубский и Черниговский карабинерные и Полтавский легкоконный — стояли лагерем близ Днепра, в разных пунктах, но близких один к другому. Полтавский находился у села Грушевки, принадлежавшего тогда княгине Елене Никитишне Вяземской,

после того, как уверяли меня, какому-то Стиглицу, а нынче – не знаю кому. Дом, занимаемый нашим семейством, был высокий и обширный, но выстроенный на скорую руку для императрицы Екатерины во время путешествия ее в Крымскую область. Лагерь полка отстоял от дома не далее ста шагов. Я и брат мой жили в лагере.

В одну ночь я услышал в нем шум и сумятицу. Выскочив из палатки, я увидел весь полк на конях и на лагерном месте одну только нашу палатку неснятою. Я бросился узнать причину этого неожиданного происшествия. Мне сказали, что Суворов только что приехал из Херсона в простой курьерской тележке²³³ и остановился в десяти верстах от нас, в лагере одного из полков, куда приказал прибыть всем прочим полкам на смотр и маневры.

Я был очень молод, но уже говорил и мечтал только о Суворове. Можно вообразить взрыв моей радости! Впрочем, радость и любопытство овладели не одним мною. Я помню, что покойная мать моя и все жившие у нас родственники и знакомые, лакеи, кучера, повара и служанки, все, что было живого в доме и в селе, собиралось, спешило и бежало туда, где остановился Суворов, чтобы хоть раз в жизни взглянуть на любимого героя, на нашего боевого полубога. Заметим, что тогда еще не было ни побед его в Польше, ни побед его в Италии, ни победы его над самою природою на Альпах, этой отдельной пиндарической оды, заключившей грандиозную эпопею подвигов чудесного человека.

Вскоре мать моя и мы отправились вслед за полком и за любопытными и остановились в пустом лагере, потому что войска были уже на маневрах. Суворов приказал из каждого полка оставить по малочисленной команде для разбития палаток, а с прочими войсками начал действовать, и действовать по-своему: маневр кипел, подвигался и кончился в семнадцати верстах от лагерного места. К полудню войска возвратились. Отец мой, запыленный, усталый и окруженный своими офицерами, вошел к нам в палатку. Рассказы не умолкали. Анекдоты о Суворове, самые пролетные его слова, самые странности его передавались с восторгом из уст в уста. Противна была только требуемая им от конницы лишняя (как говорили тогда офицеры) быстрота в движениях и продолжительное преследование мнимого неприятеля, изнурявшее людей и лошадей.

Но всего более не нравился многим следующий маневр: Суворов разумел войско оружием, а не игрушкой, и потому требовал, чтобы каждый род войска подчинял все второстепенно касающееся до боевого дела, – как, например, свою красоту и стройность, – той цели, для которой он создан. Существенная обязанность конницы состоит в том, чтобы врезываться в неприятельские войска, какого бы они рода ни были; следственно, действие ее не ограничивается одной быстротою скака и равенством линий во время скака. Ей должно сверх того вторгаться в средину неприятельской колонны или фронта и рубить в них все, что ни попадется под руку, а не, проскакав некоторое расстояние, быстро и стройно обращаться вспять под предлогом испуга лошадей от выстрелов, не коснувшись ни лезвием, ни копытом до стреляющих.

Для прекращения подобной отговорки Суворов приучал лошадей им командуемой конницы к скаку во всю прыть, вместе с тем приучал и к прониканию в средину стреляющего фронта, на который производится нападение. Но чтобы вернее достигнуть этой цели, он не прежде приступал к последнему маневру, как при окончании смотра или ученья, уверенный в памяти лошадей о том построении и даже о том командном слове, которым прекращается зависимость их от седоков.

Для этого он спешивал половинное число конных войск и становил их с ружьями, заряженными холостыми патронами, так, чтобы каждый стрелок находился от другого в таком расстоянии, сколько нужно одной лошади для проскока между ними; другую же половину оставлял он на конях и, расставя каждого всадника против промежутка, назначенного предварительно для проскока в пехотном фронте, приказывал идти в атаку.

²³³ Тележка эта хранилась у покойного отца моего как драгоценность и сожжена в Бородине, во время сражения, в 1812 году, вместе с селом, домом и всем имуществом, оставленным в доме. (Прим. Д. В. Давыдова)

Пешие стреляли в самое то время, как всадники проскакивали во всю прыть сквозь стреляющий фронт; проскочив, они тотчас слезали с лошадей, и этим заключался каждый смотр, маневр или ученье. Посредством выбора времени для такого маневра лошади так приучились к выстрелам, пускаемым, можно сказать, в их морду, что вместо страха они, при одном взгляде на построение против них спешивающихся всадников с ружьями, предчувствуя конец трудам своим, начинали ржать и рваться вперед, чтобы, проскакав сквозь выстрелы, возвратиться на покой в свои коновязи или конюшни.

Но эти проскоки всадников сквозь ряды спешившихся солдат часто дорого стоили последним. Случалось, что от дыма ружейных выстрелов, от излишней торопливости всадников или от заноса некоторых своенравными лошадьми не по одному, а по несколько вдруг, они попадали в промежуток, назначенный для одного: это причиняло увечье и даже смертоубийство в пехотном фронте. Вот отчего маневр был так неприятен тем, кому выпадал жребий играть роль пехоты. Но эти несчастные случаи не сильны были отвратить Суворова от средства, признанного им за лучшее для приучения конницы к поражению пехоты: когда доносили ему о числе жертв, затоптанных первою, он обыкновенно отвечал: «Бог с ними! Четыре, пять, десять человек убью; четыре, пять, десять тысяч выручу», – и тем оканчивались все попытки доносящих, чтобы отвлечь его от этого единственного способа довести конницу до предмета, для которого она создана.

За полчаса до полночи меня с братом разбудили, чтобы видеть Суворова или, по крайней мере, слышать слова его, потому что ученье начиналось за час до рассвета, а в самую полночь, как нас уверяли, он выбежит нагой из своей палатки, ударит в ладоши и прокричит петухом: по этому сигналу трубачи затрубят генерал-марш, и войско станет седлать лошадей, ожидая сбора, чтобы садиться на них и строиться для выступления из лагеря. Но, невзирая на все внимание наше, мы не слышали ни хлопанья в ладоши, ни крика петухом. Говорили потом, что он не только в ту ночь, но никогда, ни прежде, ни после, сего не делывал, и что все это была одна из выдумок и увеличение разных странностей, которые ему приписывали.

До рассвета войска выступили из лагеря, и мы, спустя час по их выступлении, поехали вслед за ними в коляске. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовым? Бурные разливы ее всеминутно уходили от нас из виду, оставляя за собою один гул. Иногда между эскадронами, в облаках пыли, показывался кто-то скачущий в белой рубашке, и в любопытном народе, высыпавшем в поле для одного с нами предмета, вырывались крики: «Вот он, вот он! Это он, наш батюшка, граф Александр Васильевич!» Вот все, что мы видели и слышали. Наскучив, наконец, бесплодным старанием хотя однажды взглянуть на героя, мы возвратились в лагерь в надежде увидеть его при возвращении с маневров, которые, как нас уверяли, должны были окончиться ранее, чем накануне.

И подлинно, около десяти часов утра все зашумело вокруг нашей палатки и закричало: «Скачет, скачет!» Мы выбежали и увидели Суворова во ста сажнях от нас, скачущего во всю прыть в лагерь и направляющегося мимо нашей палатки.

Я помню, что сердце мое упало, – как после упало при встрече с любимой женщиной. Я весь был взор и внимание, весь был любопытство и восторг, и как теперь вижу толпу, составленную из четырех полковников, из корпусного штаба, адъютантов и ординарцев, и впереди толпы Суворова – на саврасом калмыцком коне, принадлежавшем моему отцу, в белой рубашке, в довольно узком полотняном нижнем платье, в сапогах вроде тоненьких ботфорт, и в легкой, маленькой солдатской каске формы того времени, подобно нынешним каскам гвардейских конно-гренадеров. На нем не было ни ленты, ни крестов, – это мне очень памятно, как и черты сухощавого лица его, покрытого морщинами, достойными наблюдения Лафатера, как и поднятые брови и несколько опущенные веки; все это, невзирая на детские лета, запечатлелось в моей памяти не менее его одежды. Вот почему не нравится мне ни один из его бюстов, ни один из портретов его, кроме портрета, писанного в Вене во время проезда в Италию, с которого вернейшая копия находится у меня, да бюста Гишара, изваянного по слепку с лица после его смерти: портрет, искусно выгравированный Уткиным,

не похож: он без оригинального выражения его физиономии, спящ и безжизнен.

Когда он несся мимо нас, то любимый адъютант его, Тищенко, – человек совсем необразованный, но которого он перед всеми выставлял за своего наставника и как будто слушался его наставлений, – закричал ему: «Граф! что вы так скачете; посмотрите, вот дети Василья Денисовича». «Где они? где они?» – спросил он и, увидя нас, повернул в нашу сторону, подскакал к нам и остановился. Мы подошли к нему ближе. Поздоровавшись с нами, он спросил у отца моего наши имена; подозревая нас к себе еще ближе, благословил нас весьма важно, протянул каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: «Любишь ли ты солдат, друг мой?» Смелый и пылкий ребенок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: «Я люблю графа Суворова; в нем все – и солдаты, и победа, и слава». – «О, Бог помилуй, какой удалой! – сказал он. – Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот (указав на моего брата) пойдет по гражданской службе». И с этим словом вдруг повернул лошадь, ударил ее нагайкою и поскакал к своей палатке.

Суворов в сем случае не был пророком: брат мой весь свой век служил в военной службе и служил с честью, что доказывают восемь полученных ран, – все, кроме двух, от холодного оружия, – ран, издали не получаемых; а я не командовал ни армиями, ни даже отдельными корпусами; следовательно, не выигрывал и не мог выигрывать сражений. При всем том слова великого человека имели что-то магическое: когда, спустя семь лет, подошло для обоих нас время службы и отцу моему предложили записать нас в Иностранную коллегия, то я, полный слов героя, не хотел другого поприща, кроме военного; брат мой, озадаченный, может быть, его предсказанием, покорился своей судьбе и, прежде чем поступил в военное звание, около году служил в Московском архиве иностранных дел юнкером.

В этот день все полковники и несколько штаб-офицеров обедали у Суворова. Отец мой, возвратясь домой, рассказывал, что пред обедом он толковал о маневре того дня и делал некоторые замечания. Как в этом маневре отец мой командовал второю линиею, то Суворов, обратясь к нему, спросил: «Отчего вы так тихо вели вторую линию во время третьей атаки первой линии? Я посылаю к вам приказание прибавить скоку, а вы все продолжали тихо подвигаться!» Такой вопрос из уст всякого начальника не забавен, а из уст Суворова был, можно сказать, поразителен. Отец мой известен был в обществе необыкновенным остроумием и присутствием духа в ответах; он, не запутавшись, отвечал ему: «Оттого, что я не видел в том нужды, ваше сиятельство!» – «А почему так?» – «Потому, что успех первой линии этого не требовал: она не переставала гнать неприятеля.

Вторая линия нужна была только для смены первой, когда та устанет от погони. Вот почему я берег силу лошадей, которым надлежало впоследствии заменить выбившихся уже из сил». – «А если бы неприятель ободрился и опрокинул бы первую линию?» – «Этого быть не могло: ваше сиятельство были с нею!» Суворов улыбнулся и замолчал. Известно, что он морщился и мигмом обращался спиною в ответ на самые утонченные лесть и похвалу, исключая тех только, посредством которых разглашалась и укоренялась в общем мнении его непобедимость; эту лесть и похвалу он любил и любил страстно, вероятно, не из тщеславия, а как нравственную подмогу и, так сказать, заблаговременную подготовку непобедимости.

Вечером мы с матерью нашей и со всеми домашними поспешили обратно в Грушевку. Важное происшествие готовилось для нашего дома. Суворов, по особенной благосклонности к моему отцу, сам назвался к нему на обед. Не помню точно, но, кажется, это было во время Петровского поста, или день обеда был в среду или пятницу; только мне весьма памяты хлопоты и суматоха в доме для приискания поболее и получше рыбы и для приготовления других любимых им блюд.

Не менее забот было и при устройстве приема и угощения знаменитого гостя, – так, чтобы ход обыкновенного его образа жизни и привычных странностей и прихотей не получил ни малейшего изменения.

К восьми часам утра все было устроено. В гостиной поставлен был большой круглый

стол с разными постными закусками, с благородного размера рюмкою и с графином водки. В столовой накрыт был стол на двадцать два прибора, без малейшего украшения посреди, без ваз с фруктами и с вареньем, или без плато, как тогда водилось, и без фарфоровых кукол на нем. Ничего этого не было; Суворов этих прихотей ненавидел. Поставлен был длинный стол, на нем скатерть, а на скатерти двадцать два прибора, и все тут. Не было даже суповых чаш на столе, потому что кушанья должны были подаваться одно за другим, с самого пыла кухонного огня прямо к сидящим за трапезою; так обыкновенно дельвалось у Суворова. В одной из отдельных горниц за столовой приготовлены были: ванна, несколько ушатов с холодною водою, несколько чистых простынь и переменное его белье и одежда, привезенные из лагеря.

Маневры того дня кончились в семь часов утра, то есть в семь часов утра войска были уже на марше к лагерю. Отец мой, оставив свой полк на походе, поскакал в лагерь во всю прыть своего черкесского коня, на котором был на маневрах, чтобы там переменить его, скорее приехать к нам и до прибытия Суворова исправить то, что требовало исправления для его принятия. Уже он был на половине пути от лагеря к Грушевке, как вдруг с одного возвышения увидел около двух верст впереди себя, но несколько в боку – всадника с другим всадником, отставшим довольно далеко; оба они скакали во все поводи по направлению к Грушевке; это был Суворов с одним из своих ординарцев, скачущий туда прямо с маневров. Отец мой усилил прыть своей лошади, но не успел приехать к нашему дому прежде сего шестидесятитрехлетнего старца-юноши. Он нашел уже его, всего опыленного, на крыльце, трепавшего коня своего и выхвалявшего качества его толпе любопытных, которою был окружен. «Помилуй Бог, славная лошадь! Я на такой никогда не ездил. Это не двужильная, а трехжильная!»²³⁴ Тут отец мой пригласил и провел его в приготовленную ему комнату, а сам занялся туалетом: подобно Суворову, он весь покрыт был пылью, так что нельзя было угадать черт лица его.

Начали наезжать приглашенные на этот же обед другие гости: я помню тогда дежурного генерала при Суворове – Федора Ивановича Левашова, майора Чорбу, Тищенко, о котором сказал прежде. Тут были также полковники полков, собранных на маневры, все чиновники корпусного штаба Суворова, с ним прибывшие, и несколько штаб-офицеров Полтавского полка. Из полковников памяты мне только Юрий Игнатьевич Поливанов (кажется, тогда уже в бригадирском чине) и подполковник Карл Федорович Гейльфрейх. Все сии гости были в полном параде, в шарфах, и все находились в гостиной, где был отец мой, одетый подобно другим, во всю форму, мать моя, мы и одна пожилая госпожа, знакомая моей матери, приехавшая из Москвы вместе с нами. Она с первого взгляду не понравилась Суворову и была предметом насмешливых взглядов и шуток во все время пребывания его у нас.

Мы все ожидали выхода Суворова в гостиную. Это продолжалось около часу времени. Вдруг растворились двери из комнат, отделенных столовою от гостиной, и Суворов вышел оттуда чист и опрятен, как младенец после Святого Крещения. Волосы у него были, как представляются на его портретах. Мундир на нем был генерал-аншефский того времени, легкоконный, то есть темно-синий с красным воротником и отворотами, богато шитый серебром, нараспашку, с тремя звездами. По белому летнему жилету лежала лента Георгия первого класса; более орденов не было. Летнее белое, довольно узкое исподнее платье и сапоги, доходившие до половины колена, вроде легких ботфорт; шпага на бедре. В руках ничего не было – ни шляпы, ни каски. Так я в другой раз увидел Суворова.

Отец мой вышел к нему навстречу, провел его в гостиную и представил ему мать мою и нас. Он подошел к ней, поцеловал ее в обе щеки, сказал ей несколько слов о покойном отце ее, генерал-поручике Щербинине, бывшем за несколько лет пред тем заместником

²³⁴ В народе существует предрассудок, что будто в шеях некоторых сильных и прытких лошадей находятся две особые жилы. (Прим. Д. В. Давыдова)

Харьковской, Курской и Воронежской губерний. Каждого из нас благословил снова, дал нам поцеловать свою руку и сказал: «Это мои знакомые», – потом, обратясь ко мне, повторил: «О, этот будет военным человеком! Я не умру, а он выиграет три сражения». Тут отец мой представил ему родную сестру мою, трехлетнего ребенка. Он спросил ее: «Что с тобою, моя голубушка? Что ты так худа и бледна?» Ему отвечали, что у нее лихорадка. «Помилуй Бог, это нехорошо! Надо эту лихорадку хорошенько высечь розгами, чтоб она ушла и не возвращалась к тебе». Сестра подумала, что сечение предлагается ей самой, а не лихорадке, и едва не заплакала. Тогда, обратясь к пожилой госпоже, Суворов сказал: «А об этой и спрашивать нечего; это, верно, какая-нибудь мадамка». Слова сии сказаны были без малейшей улыбки и весьма хладнокровно, что возбудило в нас смех, от которого едва мы воздержались. Но он, не изменяя физиономии, с тем же хладнокровием подошел к столу, уставленному закусками, налил рюмку водки, выпил ее одним глотком и принялся так плотно завтракать, что любо.

Спустя несколько времени отец мой пригласил его за обеденный стол. Все разместились. Подали щи кипячие, как Суворов обыкновенно кушивал: он часто любил их хлебать из самого горшка, стоявшего на огне. Я помню, что почти до половины обеда он не занимался ничем, кроме утоления голода и жажды, среди глубокого молчания; и что он обе эти операции производил, можно сказать, ревностно и прилежно. Около половины обеда пришла черед и разговорам. Но более всего остались у меня в памяти частые насмешки его над пожилою госпожой, что нас, детей, чрезвычайно забавляло, да и старших едва не увлекало к смеху. В течение всего обеда он, при самых интересных разговорах, не забыл ловить каждый взгляд ее, как скоро она обращалась в противную от него сторону, и мгновенно бросал какую-нибудь шутку на ее счет. Когда она, услышав его голос, оборачивалась на его сторону, он, подобно школьнику-повесе, потуплял глаза в тарелку, не то обращал их к бутылке или стакану, показывая, будто занимается питьем или едою, а не ею. Так, например, взглянув однажды на нее тогда, как она всматривалась в гостей, он сказал вполголоса, но довольно явственно: «Какая тетеха!» И едва успела она обратиться на его сторону, как глаза его опущены уже были на рыбу, которую он кушал весьма внимательно. В другой раз, заметив, что она продолжает слушать разговоры тех же гостей, он сказал: «Как вытарщила глаза!» В третий раз, увидев то же, он произнес: «Они там говорят, а она сидит да глядит!»

Тищенко сказывал после, что из одного только уважения к матери моей Суворов ограничил подобными выходками нападки свои на госпожу, которая ему не понравилась, но что обыкновенно он, дабы избавиться от присутствия противной ему особы, при первой встрече с нею восклицал: «Воняет, воняет! Курите, курите!» И тогда привычные к нему чиновники, зная уже, до кого речь касается, тайно подходили к той особе и просили ее выйти из комнаты. Тогда только прекращались его восклицания.

После обеда он завел речь о лошади, на которой ездил на маневрах и приехал к нам на обед. Хвалил ее прыткость и силу и уверял, что никогда не ездил на подобной, кроме одного раза в сражении под Козлуджи. «В сем сражении, – сказал он, – я отхвачен и преследуем был турками очень долго. Зная турецкий язык, я сам слышал уговор их между собою, чтобы не стрелять по мне и не рубить меня, а стараться взять живого: они узнали, что это был я. С этим намерением они несколько раз настигали меня так близко, что почти руками хватались за куртку; но при каждом их наскоке лошадь моя, как стрела, бросалась вперед, и гнавшиеся за мною турки отставали вдруг на несколько сажений. Так я спасся!»

Пробыв у нас около часа после обеда весьма разговорчивым, веселым и без малейших странностей, он отправился в коляске в лагерь и там отдал следующий приказ:

«Первый полк отличный; второй полк хорош; про третий ничего не скажу; четвертый никуда не годится».

В приказе полки означались собственным именем каждого; я называл их номерами. Не могу умолчать, однако, что первый номер принадлежит Полтавскому легкоконному полку.

По отдавании этого приказа Суворов немедленно сел на перекладную тележку и поехал

обратно в Херсон.

Спустя несколько месяцев после мирных маневров конницы и насмешек над пожилою госпожой на берегах Днепра, Польское королевство стояло уже вверх дном и Прага, залитая кровью, курилась.

Все представлявшиеся были приглашены к обеденному столу Суворова, который имел обыкновение садиться за стол в девять часов утра. Приглашенные заняли места по старшинству за столом, на котором была поставлена простая фаянсовая посуда. Перед обедом Суворов, не поморщившись, выпил большой стакан водки. Подали сперва весьма горячий и отвратительный суп, который надлежало каждому весь съесть; после того был принесен затхлый балык на конопляном масле; так как было строго запрещено брать соль ножом из солоницы, то каждому следовало заблаговременно отсыпать по кучке соли возле себя. Суворов не любил, чтобы за столом катали шарики из хлеба; замеченному в подобной вине тотчас приносили рукомойник с водой; А. М. Каховский, замечательный по своему необыкновенному уму, избавился от подобного наказания лишь острым словом.

Опасаясь после штурма Праги быть застигнутым неприятелем врасплох, Суворов приказал артиллерии сжечь большой мост, ведущий в Варшаву, где в то время находилось еще десять тысяч хорошего войска под начальством Вавжецкого. В нашем лагере все ликовало после удачного штурма и пило по случаю победы; солдаты Фанагорийского полка, не будучи в состоянии чистить свое оружие, наняли для этого других солдат. Погода стояла хорошая, но весьма холодная; из поднятых палаток поднимался пар от красных лиц солдат, что доставляло немало удовольствия Суворову, говорившему: «Помилуй Бог, после победы день пропить ничего, лишь бы начальник позаботился принять меры противу внезапного нападения». Он приказал построить узкий мост для пешеходов, по которому было дозволено жителям приходить в Прагу для отыскания тел своих ближних.

Суворов справедливо рассчитал, что это ужасное зрелище должно неминуемо поколебать мужество поляков; в самом деле, Варшава вскоре сдалась. Суворов торжественно отправился в карете в королевский дворец; в карете сидел против него дежурный генерал Потемкин, человек замечательного ума (он служил впоследствии на Кавказе и сделал на воротах Екатеринограда, обращенных к стороне Тифлиса, надпись: «Дорога в Грузию»). Король встретил его у подъезда. Простившись с его величеством, Суворов не допустил его сойти с лестницы. Во время выступления польских войск в числе десяти тысяч человек из Варшавы казачьему майору Андрею Карповичу Денисову удалось захватить всех польских начальников, беспечно завтракавших в гостинице; подъехав после того к польским войскам, Денисов, с хлыстиком в руках, приказал им положить оружие, что и было тотчас исполнено. (Это было мне сообщено А. П. Ермоловым.)

В 1820 году этот самый Денисов, уже в чине генерал-лейтенанта, был отдан под суд, за превышение власти, генералом А. И. Чернышевым. А. П. Ермолов, будучи вызван около этого времени в Лайбах для начальствования армиею в Италии и заехав дорогой в Новочеркасск, узнал о том от Болгарского, правителя канцелярии Чернышева. Убедившись в невинности храброго генерала Денисова, он решился его спасти. Прибыв в Лайбах, Алексей Петрович увидел Чернышева, который сказал ему: «Я слышал, что вы находите мой поступок несправедливым; но я не мог не подвергнуть суду Денисова, превысившего власть свою». На это Ермолов возразил: «Во-первых, я знаю положительно и докажу вам, что ваше обвинение несправедливо и совершенно неосновательно; во-вторых, я спрошу вас: дерзнули ли вы бы сделать малейшее замечание Матвею Ивановичу Платову, который несравненно более Денисова и весьма часто превышал свою власть, и в-третьих, я обращаю ваше внимание на следующее: я был еще ничтожным офицером, а вы – ребенком, когда этот храбрый Денисов, отличающийся Суворовым, заставил в 1794 году десятитысячный польский корпус положить оружие и спас с двумя полками пруссаков после отражения их от Варшавы».

Зная благосклонность императора Александра к Ермолову, который не преминул бы довести это до сведения его величества, Чернышев нашелся вынужденным освободить Денисова из-под суда. Возвращаясь в Грузию, Ермолов проехал через Аксай, куда выехали к

нему навстречу многие донцы, которые весьма любили и уважали его. В числе прибывших находился и Денисов, который приехал благодарить за ходатайство его об нем. (Мне рассказал это сам Болгарский и дополнил А. К. Денисов.)

П. Н. Ивашев. ИЗ ЗАПИСОК О СУВОРОВЕ²³⁵

Араб, калмык, кафр и бедуин равно поют своих героев.

Влечением этого родного, высокого чувства везде с большею пред прежним справедливостию ценят память знаменитых мужей, упрочивших славу и силу отечества на неопределенные времена. На пространстве обширной России встречаются очень-часто люди исполненные пламенных чувств к славе отечества и сожалеющие, что прошло уже сорок лет, как угасла громоносная жизнь Суворова – а отечество не имеет истории героя, блестящими подвигами и длинным рядом побед прославившего его оружие и признанного народами не в одном просвещенном мире великим из полководцев. Творение Фукса – его описание итальянской кампании, недостаточно оценивается людьми сведущими о этой знаменитой эпохе, где Суворов доказал свету свою гениальность в военном ремесле и озарил основными фактами последующих по нем военачальников, в числе коих не унизился признать себя и незабвенный Наполеон. Изданные же Фуксом анекдоты принимаются игрою воображения, плодовитым его пером произведенными, но нельзя не отдать справедливости Фуксу за сочиненные им историю и анекдоты, весьма сходно снятые с оригинального характера разговоров Суворова – и, как за единственное творение, в библиотеках наших по сие время находящееся.

Приметно, что первое издание его «Истории Суворова» было почерпнуто из весьма-сокращенной истории, сочиненной в 1794, и 1795 годах, бывшим адъютантом фельдмаршала, иностранцем Антингом, в двух небольших томах на французском языке и изданной уже по кончине Суворова, в Англии, двумя тиснениями. Антингова: «Histoire des campagnes du comte Suvoroff Rymniksky» тем уважительна, что в 1795 году, в Варшаве сочинитель читал свое произведение графу Суворову и первый том собственными фельдмаршала замечаниями тогда же был исправлен²³⁶. Вторым же томом Суворов был недоволен, поручил мне, по возвращении из Одессы, указать Антингу недостатки и неверные повествования, вкрапившиеся в его сочинение от слабого знания русского языка, и часто по той же причине превратно изложен смысл о происшествиях, описанных в реляциях, коими он руководствовался²³⁷.

Через три дня после этого поручения получен был Высочайший рескрипт Великия Екатерины, с приглашением победителя в Петербург.

Фельдмаршал не замедлил сдать старшему по себе главное начальство армии, управление королевством и его столицей, назначил в первых числах декабря 1795 года оставить Варшаву.

²³⁵ Печатается с сохранением некоторых особенностей авторской орфографии и пунктуации.

²³⁶ Во время отбытия моего по поручениям фельдмаршала в Петербург и по Высочайшему повелению в Одессу. (Примечание П. Н. Ивашева)

²³⁷ Поручение фельдмаршала заключалось следующими собственными словами: «Во второй части Антинг скворца дроздом встречает, много немогузнайства и клопотни, – тебе лучше известно: куда пуля, когда картечь, где штык, где сабля; – исправь, пожалуй, солдатским языком, отдай каждому справедливость и себе – я свидетель». И в доказательство вот сохраненная собственноручная записка графа: «П. и Н. сегодня кушать у Антинга и целый день с ним работать». (Примечание П. Н. Ивашева)

Антингу дозволено ехать в свое отечество, а мне приказано в одном с ним двухместном дормезе ехать в Петербург²³⁸. Сим случаем и лестное мне поручение отдалено было на неопределенное время. 6-го декабря в 1-м часу по полудни последовал выезд из Варшавы. Дорога покрыта уже была небольшим мягким снегом; свежий воздух и резкий ветер заставлял против воли сидеть в закрытом стеклами экипаже; граф называл путь наш в дормезе путевым заточением, но тщательно тогда наблюдал сбережение своих глаз и защиту от начинавшегося уже холода, и, приближаясь к северным морозам, он не имел иной теплой одежды, кроме длинной и широкой шинели светло-зеленого сукна на вате, подбитой красною шелковою тканью, – той самой, которая ему была подарена раненому князем Потемкиным-Таврическим, с своего плеча, при осаде Очакова. Ею граф мог закутываться с головою и ногами и ею-то одною согревался во всю дорогу.

Переехав Вислу и проезжая по Прагскому Предместью, приметно было с каким удовольствием замечал он, что прошлогодние наши следы заросли лучшими и правильными зданиями; улыбаясь сказал: «Слава Богу! кажется, уже забыто все прошедшее». Выезжая из укрепления, часто обращался на то место, где на валу, по окончании штурма, поставлена была для него калмыцкая кибитка и где он принимал варшавских депутатов с предложением о сдаче столицы; перекрестясь, сказал мне: «вон где ты ко мне подводил их; а волчьи ямы еще не заросли и колья в них живут еще до времени; милостив Бог к России, разрушатся крамолы и плевелы исчезнут».

После этих замечательных слов, он долго, с закрытыми глазами, погружен был в задумчивость. Из разговоров открывалось, что мысли его сильно были заняты раздумьем о новых предначертаниях, готовящихся ему Высочайшею волею. Носились уже слухи о предполагаемой войне с Персиею; он обсуживал выгоды и невыгоды этого предприятия, потом говорил мне: «Как ты думаешь о этой войне? тебе, может быть, очаровательными кажутся тамерлановы походы? Бараньи шапки не кавказские удалцы; оне никому не страшны; оне ниже Стамбульцев, а эти слабее Анатольцев; не на оружие их должно обращать внимание, а страшат важнейшие нашим неприятели: фрукты, воды и самый воздух, убийственны для детей севера. Великий Петр попробовал и завещал убежать их».

Вторую станцию проехали вечернею темнотою, от беспокойной замерзшей грязи выбитой дороги и заровненной снегом. Граф от непривычки при каждом наклонении в старом дормезе, боясь, что экипаж изломался и падает, часто от страха вскрикивал и после над своею трусостию смеялся. По приезде на станцию, фельдмаршал был очень рад отдохнуть в приготовленной чистенькой хате, с разведенным на передпечье огнем и со взбитою постелью из мягкаго сена; он провел тут ночь до 6-ти часов утра²³⁹. На другой день нашего путешествия, фельдмаршал очень жаловался на беспокойный экипаж и на дурно проведенную ночь; но потом привык и на следующих переездах мог уже предаваться сну очень покойно²⁴⁰.

²³⁸ Здесь кстати сказать, что из свиты никому не дозволялось иметь экипажи; легковесные чемоданы перевозились на перекладных повозках. (Примечание П. Н. Ивашева)

²³⁹ По неосторожности адъютанта Тищенко, изготовлявшего хату, забыли осмотреть пустое место за печью, где спала глухая старуха; усталый от сидения в экипаже Суворов, по обыкновению своему, совершенно разделся, окатившись холодною водою, и чтобы расправить свои члены, начал прыгать по теплой хате, напевая из Алкорана арабские стихи. Старуха проснулась, выглянула из-за печки, испугалась, закричала: «Ратуйте! С нами Небесная сила». На крик ея и графа сбежались и насилиу вытащили старуху, чуть живую от ужаса. (Примечание П. Н. Ивашева)

²⁴⁰ Дорогою, после некоторых разговоров о намерении своем в праздник Рождества Христова петь с придворным хором в дворцовой церкви, приказал мне вынуть из передняго ящика дормеза ноты, для того чтоб протвердить концерт: «Слава в вышних Богу», себе взял 1-й бас, а мне отдал 2-й и велел мне петь с ним. Я сколько ни извинялся недостатком голоса и незнанием нот, но должен был повиноваться. «Не так! ты пой за мною». И опыт доказал, что я лишен этого небеснаго дара. «Положи ноты опять в ящик; не умешь петь». Граф закутался в свою шинель и твердил на память турецкие разговоры. (Примечание П. Н. Ивашева)

К вечеру достигли до последней станции в Гродно; тут главнокомандующий отдельным корпусом князь Репнин имел главную свою квартиру. Репнин в чине полного генерала был старше графа Суворова, но ожидал уже встретить его со всеми военными почестями, как фельдмаршала своего и начальника. Фельдмаршал узнал на станции о приготовленной для него за 8 верст перед Гродно встрече, приказал мне ехать вперед, отклонить все приуготовленные ему почести и явиться от его имени князю Репнину с извинениями, что от сильной боли в ноге, он не в состоянии иметь честь быть у него.

Приуготовленную встречу начальствовал бригадир князь Д. И. Лобанов-Ростовский, с трудом согласившийся не являться фельдмаршалу; получа наконец верное его слово, я поскакал в Гродно, и в ярко-освещенном доме, при блестящей свите, дежурный генерал привел меня в кабинет и представил главнокомандующему, украшенному сединами, всеми знаками отличия и готовому встретить фельдмаршала с рапортом и шляпою в руке; в ту самую минуту, как я объяснял с неловкостью мое послание, послышался почтовой колокольчик и дежурный генерал с поспешностью вышел с донесением, что фельдмаршал проехал уже мимо. Репнин отпускает меня с видом сожаления, что фельдмаршал не удостоил его посетить и принял его рапорт, сказав: «доложите, мой друг, графу А. В., что я старик двое суток не раздевался, вот как видите, во ожидании иметь честь его встретить с моим рапортом». На 7-й версте за Гродно, я достиг фельдмаршала; слова князя Репнина поколебали-было его чувствительность, долго размышлял он, не возвратиться ли назад; наконец решился продолжать путь²⁴¹ и на следующей станции остановился ночевать. Вслед за нами явились некоторые из его свиты, останавливающиеся в Гродне – с многими новостями; между прочим имели неосторожность пересказать ему весть, слышанную от какого-то приезжаго чиновника из Петербурга, совершенно ложную, но весьма неприятную для фельдмаршала; он выслушал рассказ с приметным огорчением и, опасаясь, чтоб не последовало чего-либо подобного, написал своеручныя письма: одно к кн. Зубову, а другое зятю своему, графу Н. А. Зубову, призвал меня и в самых лестных выражениях поручил мне сколь возможно скорее доставить его письма по принадлежности и с ответами встретить его до Нарвы²⁴². Между тем, до получения ожидаемых ответов, за несколько станций от Нарвы, встретили его генералы Исленьев и Арсеньев, и потом мною доставленные ответы обоих Зубовых совершенно успокоили героя, и 15 декабря он прибыл в Стрельну.

В Стрельне ожидал его граф Н. Зубов и присланный от Императрицы экипаж, под названием Георгиевский, с конюшенною придворною свитою.

Чрез час по приезде в Стрельну, впервые он облекся в полный фельдмаршальский мундир, присланный от Государыни в Варшаву и (по его словам) в первый раз в жизни сел в четвероместную карету; не взирая на двадцати-двух-градусный холод, в декабре весьма обыкновенный – в 4 часа по полудни выехал из Стрельны в одном мундире прямо представиться великой Государыне.

Встретившие его генералы сели с ним, вероятно также в первый раз в жизни, при таком холоде, в одних мундирах, не будучи ни чем иным защищены от мороза с сильным ветром, как восьмью полированными каретными стеклами²⁴³. В половине 6-го часа Суворов прибыл

²⁴¹ Сказав: «К. Репнин упражнялся больше в дипломатических изворотах; солдатского мало». (Примечание П. Н. Ивашева)

²⁴² Сими слухами граф до того был раздражен, что поручил словесно сказать обоим Зубовым: «если эти слухи справедливы, то для него и собственная пуля не страшнее неприятельской». Неожиданное появление этих письменных и словесных депешей встревожило Зубовых; чрез несколько часов я был отправлен с убедительными уверениями в противном. (Примечание П. Н. Ивашева)

²⁴³ Граф приказал мне с его свитою ехать в Таврический Дворец, где была назначена особая половина для его пребывания, с отделением от Императорскаго Двора полного содержания и прислуги. (Примечание П. Н. Ивашева)

в Зимний Дворец, поспешил в комнаты князя Зубова²⁴⁴ обогреть себя и полузамерзших своих спутников.

В 7 часов вечера Суворов предстал перед Императрицею, как русский верноподданный, с раскрытою душою, исполненной приверженности и святопочитания пред сияющей Божественными дарованиями на всероссийском престоле; он по старинному прадедовскому обыкновению повергся к ее стопам с благодарностию за Высочайшее внимание к его служению.

Государыня осыпала его самыми милостивыми приветствиями и после продолжительнаго беседования изволила отпустить его сими словами: «Вам нужен покой после дороги; теперь моя обязанность вас успокоить за все трудные и славные ваши подвиги на возвышение отечественнаго величия». Его был ответ: «Государыня! после Бога – Вы, и Вами гремит в мире наше отечество»²⁴⁵.

В 10-м часу фельдмаршал приехал в Таврический Дворец, пробежал прытко до своей спальни, не приметив, что его встречала придворная услуга. Его спальня была приготовлена в прекрасной небольшой комнате с диваном и несколькими креслами; душистое, мягкое, очесанное сено составляло пышную его постель; в углу горел камин; подле спальни в другой подобной комнате поставлена была гранитная ваза с невскою водою и с полною принадлежностію – серебряным тазом и ковшом, для окачиванія. В спальне своей он застал одного меня, дремлющего у камина; на лице его ясно изображалось удовольствие и усталость от волнений душевных, от дороги и от необыкновенной ему одежды с золотом и кучею брильянтов. «Ну, – сказал он мне: – я так и ожидал; спасибо, что подождал меня», закричал: «Эй, Прощка! раздевай меня». Мгновенно является камер-лакей в мундире с галунами; граф подбегает к нему с вопросом: «Что прикажете?» – «Для услуг вашего сиятельства!» – «Нет! нет! м. г. возвратитесь в вашу комнату, а прошу прислать моего мальчика».

Разделся очень скоро, сел у камина, приказал подать варенья, а между тем с редко-веселым лицом и собственным красноречием рассказывал прием ему сделанный и многія статьи из разговоров, из коих остались в памяти моей следующие: «Мы угадали, – Государыне расцвели помилуй-Бог-как красно азиатские лавры; изволила мне предлагать пожинать их; я цаловал с подобающим чувством благодарности ея руку и просил позволения прежде узнать цель, напутствующие способы и меру Высочайшаго предположения, просил несколько времени для соображения и потом предложил ей и за и проч. – как следует солдатскому сердцу, ей собственно верноподданному, а пользам отечества и за гробом преданному. Государыне, кажется, моя просьба не была противна, приказала поторопиться отдохновением, а потом-де мы попробуем»²⁴⁶.

Во второй день, граф не желал никого принимать, кроме избранных лиц; перваго он дружески принял Г. Р. Державина в своей спальне, будучи едва прикрыт одеждою, долго с ним беседовал и даже удерживал, казалось, для того, чтоб он был свидетелем различия приемов посетителям; многія знатныя особы, принадлежавшія двору, поспешили до его обеда (в Петербурге назначен было для обеда 12-й час) с визитом, но не были принимаемы: велено было принять одного кн. П. А. Зубова. Зубов приехал в 10 часов; Суворов принял его в дверях своей спальни так же точно одетый, как бывал в лагерной своей палатке в жаркое

²⁴⁴ Молва носилась, что кн. Зубов встретил Суворова по-домашнему, в сюртуке; может быть, это и было причиною, что описанный ниже прием ему был также слишком по-домашнему. (Примечание П. Н. Ивашева)

²⁴⁵ Собственный рассказ фельдмаршала. (Примечание П. Н. Ивашева)

²⁴⁶ Скоро после того разнесся в публике слух, что война с Персиею не состоится, и уже не прежде, как по отбытии Суворова к главному начальству юго-западною арміею, – новыя обстоятельства осуществили прежний план войны за Кавказом под командою графа В. А. Зубова. (Примечание П. Н. Ивашева)

время; после недолгой беседы он проводил князя до дверей своей спальни и сказал Державину «vice-versa», оставил последнего у себя обедать.

Через полчаса явился камер-фурьер: Императрица изволила его прислать узнать о здоровье фельдмаршала и с ним же прислала богатую соболью шубу, покрытую зеленым бархатом с золотым прибором, с строжайшим милостивым приказанием не приезжать к ней без шубы и беречь себя от простуды при настоящих сильных морозах. Граф попросил камер-фурьера стать на диван, показать ему развернутую шубу; он пред нею низко три раза поклонился, сам ее принял, поцаловал и отдал своему Прошке на сохранение, поруча присланному повергнуть его всеподданнейшую благодарность к стопам августейшей Государыни.

Во время обеда докладывают графу о приезде вице-канцлера графа И. А. Остермана; граф тотчас встал из-за стола, выбежал в белом своем кителе – на подъезд; гайдуки отворяют для Остермана карету, тот не успел привстать, чтоб выйти из кареты, как Суворов сел подле него, поменялись приветствиями и, поблагодарив за посещение, выпрыгнул, возвратился к обеду со смехом и сказал Державину: «этот контрвизит самый скорой, лучший – и взаимно не отяготительный».

На 18-е число Императрица приказала изготовить постный стол к двенадцати часам и удостоила Суворова приглашением; после стола он благодарил Государыню за высочайшее внимание к его привычкам и умолял ее сохранять свой собственный покой, что он примет себе в вящую награду. На вопрос Государыни, какое лучше для него блюдо, отвечал: «Калмыцкая похлебка». Государыня требовала объяснения, он доложил: «Не более куска баранины и соли в чистой воде вареные, самый легкий и здоровый суп». В праздник Рождества Христова и новый год он должен был быть у Государыни, но всегда испрашивал увольнения от приглашения к Высочайшему столу.

Государыне угодно было принять во внимание привычную деятельность фельдмаршала: поручила ему обозреть состояние всех тех укреплений по шведской границе, которые в 791 и 792 годах были устроены под его начальством.

Зная привычку к деятельной жизни Суворова и к занятиям по военной части, Государыня озабочивалась, чем занять его. В январе он исполнил ее поручение и в первой половине февраля 796-го возвратился в Петербург, приметно скучал вне своей сферы, и как скоро Императрица поручила ему главное начальство юго-западной армии, немедленно оставил столицу и прямыми путями отправился в центральный пункт занимаемых мест ему подведомственными корпусами, – местечко Тульчин. В июле 1796-го он получил секретное повеление составить 60 т. корпус по его собственному избранию из войск, под начальством его состоящих, и быть в готовности с первого повеления выступить за границу. Но всему есть предел! Россия, лелеянная 34 года мудростию и искусством, счастливая внешним уважением и внутреннею силою, неожиданно, в слезах, в страхе облеклась в траурную одежду. Звезда Суворова, верная спутница его славы, затмилась временною опалю: победоносный герой, лишенный знаков, знаменитую службою отечеству и престолу приобретенных, осужденный на уединенную жизнь в углу своего родоначальства, под надзором, с покорностию предавался воле Бога и в молитвенном сельском храме, без горести, без упреков, чистою душою молился о благоденствии любезного отечества²⁴⁷.

И в этом расположении не мог он ожидать так скоро осуществить своим лицом роль древняго Велисария. Суворова вызывают спасать престолы германских царей.

Он велик был и в изгнании, уверенный в неукоризненной, доблестной жизни, с

²⁴⁷ Свита его рассеяна по разным местам; мне велено ехать в персидскую армию командиром нижегородского драгунского полка и в 1798 году произведен генерал-майором и шефом таганрогского драгунского полка и в то же время осеквестровано мое имение за строение Одессы, производимое в 796 и 797 годах за то время, когда я находился при блестящих победах Суворова и потом в персидской армии, что и заставило меня в 1798 году оставить службу и оправдываться от напрасного посягания на мою честность в Петербурге. (Примечание П. Н. Ивашева)

спокойным духом переносил неожиданный поворот... Страдалец! Мог ли он ожидать, чтоб когда-либо своим лицом осуществил повествование о Велисарии? Сбылось с необыкновенно резким шумом (разница в том, что Велисария вызывал обратный совет народный, Суворова просят германские царствующие престолы); имя его не переставало греметь в Европе; потрясенная Германия обращается к российскому Императору с просьбою дать ей непобедимаго Суворова спасать царей, угрожаемых бурей западного треволения. Российский Император склоняется на ходатайство австрийского императора, призывает Суворова из заточения, принимает его с рыцарским объятием, возлагает на него Мальтийский орден, возглашает: «Иди спасать царей!» Суворов, по уставу ордена, стоя на правом колене, принимает крест, обращается к горнему властителю, отвечает: «Великий Боже! спаси царей!» и, не теряя минуты, спешит пожинать новые лавры с вверенными ему соединенными армиями в пределах Верхней Италии²⁴⁸. (Фукс повествует о происшествиях того времени).

Суворов любил, чтобы каждого начальника подчиненные называли по-русски, по имени и отчеству. Присланного от адмирала Ушакова иностранного офицера с известием о взятии Корфу спросил он:

— Здоров ли друг мой Федор Федорович?

Немец стал в тупик, не знал, о ком спрашивают. Ему шепнули, что об Ушакове. Он, как будто очнувшись, сказал:

— Ах! да, господин адмирал фон Ушаков здоров.

— Возьми к себе свое «фон». Раздавай кому хочешь, а победителя турецкого флота на Черном море, потрясшего Дарданеллы и покорившего Корфу, называй Федор Федорович Ушаков! — вскричал Суворов с гневом.

Многие из соотечественников, зная, лично или по преданию, что в эпоху блестящих дел графа Суворова, с 1788-го по 1796 год, последние 4 года я имел счастье быть облеченным полною его доверенностию и должностию начальника главного штаба, настаивали на изыскании материалов известного мне времени для пополнения истории сего знаменитого героя. Я хранил многие любопытные отрывки при себе, как драгоценность; но, по особому несчастью, в кампанию 1813 года в ретираде от Дрездена по трудной дороге в Богемских Горах в арьегарде под командою графа Витгенштейна, мой экипаж попался между австрийскими пороховыми ящиками и их партикулярными повозками, которые по повелению Шварценберга взрывали и жгли; в то же время и моя коляска разграблена и сожжена со всеми прежними драгоценностями моими и документами по тогдашней моей

²⁴⁸ В 1799 году, в начале мая, фельдмаршал приехал больной в Петербург, в квартиру племянника его Хвостова. По ходатайству своего оправдания я находился в столице. По долгу сердца я не отходил от него, с моих только рук принимал он назначаемую ему пищу. В 12-й день кончил жизнь, как христианин. Трудно описать сильное изображение горестных чувств на лицах солдат и народа при поклонении телу в квартире и во время похорон. (*Примечание П. Н. Ивашева*)

должности военного директора путей, о чем хранится свидетельство графа Витгенштейна.

Сохраненные же в России не могут пополнить погибшего; но с ними сохранилась антингова история. Антинг издал свое сочинение в Лондоне на французском языке, как выше сказано, в двух небольших томах, и последнее издание 1799 года. Он доставил ко мне один экземпляр уже в 1801-м году. Поручение покойного князя Суворова лежало на душе, как священнейшая обязанность; но разные события и обстоятельства, а более недоверчивость к собственному дарованию были сильными преткновениями к исполнению моего долга; наконец, в свободные дни моей жизни осмеливался я делать приступы к исправлению и дополнению о военных происшествиях, повествуемых во втором томе антингова сочинения, – особыми выписками, которые вместе с историею Антинга предоставляю для перевода на отечественный язык свежему и лучшему перу.

В заключение, священною обязанностию считаю добавить, что все здесь изложенное мною не имеет тени вымысла, а истинная быль; всегда был я далек самолюбия, а может ли эта минута в старости имеет место? Нет, я желаю только оставить в истории истинное понятие о свойствах этого великого человека, будучи сряду 8 лет при его лице счастливейшим исполнителем его важнейших поручений. В продолжении 8 лет я был счастливейшим из находившихся в ближайших поручениях этого великого человека, неразлучным свидетелем гения его военного искусства, быстрого его постижения и предусмотрения обстоятельств, хладнокровного присутствия духа в самых жарких делах, неутомимаго наблюдателя за последствиями, строгого попечителя о благосостоянии и продовольствии войск, великодушнаго и человеколюбиваго к побежденным, заботливаго покровителя мирных обывателей, но всегда пылкаго и нетерпеливаго характера, требующаго мгновеннаго исполнения своих приказаний. Он был искренно привязан к религии, царю и отечеству, не терпел ни двуличия, ни лести. Все странности его были придуманные с различными расчетами, может-быть собственно для него полезными, но ни для кого не вредными, так-как и все слухи о его пороках решительно были несправедливы и выдаваемы от стороны людей к нему неблагоприятных, преимущественно по зависти к ремеслу, в чем, к – несчастью, не было недостатка.

II. Сергеев²⁴⁹. Домашние привычки и частная жизнь Суворова

Из записок отставнаго сержанта Ивана Сергеева, находившагося при Суворове шестнадцать лет безотлучно

День Суворова начинался в первом часу пополуночи. Он часто приказывал будить себя по первым петухам. В военное время, или по случаю каких-нибудь важных дел, бывало, что он вставал еще ранее, приказывая строго своему камердинеру будить его, не слушая отговорок. «Если не послушаю, тащи меня за ногу!»

Суворов спал, накрывшись одной простынею. Встав с постели еще не одетый, он начинал бегать взад и вперед по спальне, а в лагере по своей палатке, и маршировал в такт. Это продолжалось целый час до чаю, между тем, держа в руке тетрадки, он громко твердил татарские, турецкие и корельские слова и разговоры. Для упражнения в корельском языке он даже держал при себе несколько корелов из собственных своих крестьян.

Окончив уроки, которые продолжал таким образом ежедневно, он умывался. Рукомойников никогда не подавали ему; вместо того приносили в спальню два ведра самой холодной воды и большой медный таз, в два же ведра. В продолжение получаса он выплескивал из ведер воду себе на лицо, говоря, что помогает глазам. После того служители его должны были оставшуюся воду тихонько лить ему на плеча, так чтоб вода скатываясь

²⁴⁹ Печатается с сохранением некоторых особенностей авторской орфографии и пунктуации.

ручейком, катилась к локтям, для чего Суворов и держал локти в таком положении. Умыванье оканчивалось во 2 часу пополудни. Тогда входил в спальню повар Суворова с чаем, он только один наливал чай для него и даже в его присутствии кипятил воду. Налив половину чашки, подавал Князю отведывать, если чай был крепок, разбавлял водою. Суворов любил черный чай, лучшего разбора, и еще приказывал просеивать сквозь сито. В скоромные дни он пил по три чашки со сливками, без хлеба и без сухарей, в постные дни без сливок, а строго наблюдал все посты, не исключая среды и пятницы.

При подавании чаю требовал белой бумаги для записывания своих уроков и вытверженного им. Вместо орешковых чернил, он всегда писал китайскою тушью.

После чаю Суворов не назначал повару что готовить, а всегда у него спрашивал: «Что у тебя будет для гостей?» Повар отвечал, что придумал. «А для меня что?» – спрашивал князь, и повар в постный день отвечал: «уха», а в скоромный «щи». Было и жаркое. Пирожного Суворов почти никогда не ел. Соусы редко. Большой званой обед для гостей был из 7 блюд, и никогда более. После чаю Суворов, все еще не одетый, садился на софу, и начинал петь по нотным книгам духовные концерты Бортнянского и Сартия; пение продолжалось целый час. Суворов очень любил петь и всегда пел басом. Окончив пение, одевался, обыкновенно не долее, как в пять минут; после того снова умывал лицо холодной водою и приказывал камердинеру Прошке позвать своего адъютанта, полковника Данилу Давыдовича Мандрыкина, с письменными делами.

Еще не было и 7 часов, когда Суворов отправлялся на развод, и каждый раз при этом говорил солдатам: «Братцы! смелость, храбрость, бодрость, экзерциция, победа и слава! Береги пулю на три дня. Перваго коли, и втораго коли, а третьяго с пули убей! Ученый один, а неученых десять», и проч. К разводу он всегда выходил в мундире того полка, какой был тогда в карауле.

После развода, если не было письменных дел, то приказывал позвать инженер-полковника Фалькони для чтения иностранных газет на французском и немецком языках; по окончании чтения газет, вдруг спрашивал: «Готово ли кушать?» и садился за стол в 8 часов утра. К этому же времени собирались гости, приглашенные к обеду его. В ожидании почетных посетителей, обед иногда отлагался до 9 часов утра.

Суворов никогда не завтракал и никогда не ужинал. Перед обедом всегда пил одну рюмку тминной сладкой водки, но не более, а за неимением тминной, рюмку золотой водки, и всегда закусывал редькою. В случае, если бывал нездоров желудком, выпивал вместо того рюмку пеннику, смешанного с толченым перцем.

В продолжение обеда пил с большею умеренностию венгерское или малагу, а в торжественные дни шампанское. Плодов и лакомств не любил, иногда только, вместо ужина подавали ему изрезанный тонкими ломтиками лимон, обсыпанный сахаром, или три ложечки варенья, которыя он запивал сладким вином.

В армии Суворов никогда не обедал один. Стол накрывался всегда на пятнадцать, на двадцать и более приборов, для военных генералов и прочих чинов, составлявших его свиту. Суворов никогда не садился на хозяйское место, а всегда сбоку, по правую сторону стола, на самом углу.

Столовый прибор для него был особенный. Всегда оловянная ложка, на образец серебряной. Когда случалось спрашивали его, почему он предпочитает оловянную ложку, он отвечал, что – в серебре есть яд. Нож и вилка его были с белыми костяными черешками; стакан и рюмки также отличные от других.

Кушанья не ставили на стол, а носили прямо из кухни, с огня, горячее, в блюдах, обнося каждого гостя и начиная со старшего. Суворову же подносили не всякое блюдо, а только то, которое он всегда кушал.

За столом он любил, чтоб гости беспрестанно говорили; в случае же тишины вскрикивал: «да говорите братцы что-нибудь!»

Проснувшись однажды во втором часу ночи, Суворов в одной рубашке стал бегать по комнате. В это время в комнату вошел Прошка.

— Ах ты, проклятый, напустил ветру из двери, мне холодно, лови, лови ветер, я помогу.

И Суворов с Прошкой стали бегать по комнате, как будто лова что-то: наконец, последний отворил дверь и, показывая, что выбрасывает что-то, сказал:

— Поймал и выпустил.

— Спасибо, спасибо, — говорил радостно Суворов, — теперь теплей, а то, проклятый, заморозил было.

По слабости желудка Суворов наблюдал величайшую умеренность в пище; камердинер его, Прохор Дубасов, называемый Прошкой, всегда стоял при столе, и не допускал его съесть лишнее, но отнимал у него тарелку, не убеждаясь никакими просьбами, потому что знал, что в случае нездоровья Суворова сам же будет в ответе и подвергнется строгому взысканию: зачем давал лишнее есть?

Если кто приглашал Суворова к обеду, то обыкновенно приглашал и повара его. Когда же не он готовил, то Суворов за столом ничего не ел и жаловался на нездоровье.

Перед обедом, идучи к столу, он читал громко молитву «Отче Наш». После стола всегда крестился три раза. Молился усердно утром и вечером по четверти часа и с земными поклонами.

Во все время Великого поста всякой день в его комнатах отправлялась Божественная служба. Суворов при этом почти всегда служил дьячком, зная церковную службу лучше многих приходских дьячков. На первой неделе Великого поста ел грибное кушанье. В прочие недели употреблял и рыбу. На страстной всегда говел, и тогда всю неделю довольствовался одним чаем и то без хлеба.

О Святой неделе, отслушав заутреню и раннюю обедню в церкви, становился в ряду с духовенством и христосовался со всеми, кто бы ни был в церкви. Во все это время камердинеры стояли сзади его, с лукошками крашеных яиц, и Суворов каждому подавал яйцо, а сам ни от кого не брал. Пасха и кулич во всю Святую неделю предлагались гостям его.

В Троицын день и в Семик Суворов всегда любил обедать в роще с гостями своими, под березками, украшенными разноцветными лентами, при пении песельников и при звуках музыки в разных местах рощи. После обеда начинал играть в хороводы, но только не с девицами, а с солдатами и с военным чинами.

Во время святок, в Херсоне, Суворов звал к себе на вечеринки, на которые много собиралось и дам, забавлялся в фанты и в разные игры, но преимущественнее любил игру: жив-жив курилка. Когда же приходил час сна, тихонько уходил от гостей в спальню, а бал продолжался без него, иногда до рассвета.

На маслянице он очень любил гречневые блины и катался с гор. На этой неделе в Херсоне и в других местах у него бывали балы, иногда — раза по три.

Именин и рождения своего никогда не праздновал, но всегда праздновал

торжественные дни рождения и тезоименитства Императрицы и Ея Наследника, также Великого Князя Александра Павловича. В сии дни он бывал в церкви во всех своих орденах и во всем блеске. После общего молебна служил еще свой особенный молебен о здравии Царского дома с коленопреклонением; сзывал гостей на обед, а иногда и на бал.

После обеда Суворов опять умывался, выпивал стакан английского пива с натертой лимонной коркой и с сахаром и ложился спать часа на три, но когда случалось дело, отдых его сокращался. Ложился отдыхать, совершенно раздевшись.

Постелею ему служило сено, уложенное так высоко, как парадная кровать. Над сеном постилалась толстая парусинная простыня, на нее тонкая полотняная, в головах две его пуховые подушки, которые везде за ним возились. Третья полотняная простыня служила ему вместо одеяла. В холодное время он еще сверх того накрывался синим плащом.

Встав после обеда, одевался с такою же скоростью, как по утру.

Одежда его кроме белья состояла из нижнего канифасного платья с гульфиками. Садясь на стул он надевал наколенники и китень (белый канифасный камзол с рукавами). Это был его домашний, комнатный наряд. В заключение надевал на шею Александровский или Аннинский орден; но при выезде он всегда был в мундире, надевал все кресты, а в торжественные дни – все ленты и звезды.

Зимою ни в какую стужу он не носил на себе не только мехового платья, но даже теплых фуфаяк и перчаток, хотя бы целый день должен был стоять на морозе, в одном мундире. В самые жесточайшие морозы, под Очаковым, Суворов на разводах был в одном супервесте, с каской на голове, а в торжественные дни в мундире и в шляпе, но всегда без перчаток. Плаща и сертука не надевал в самый дождь.

Императрица Екатерина II пожаловала ему и при себе велела надеть в Таврическом дворце дорожную соболью шубу польского покроя, крытую разрезным зеленым бархатом, с золотыми петлицами наперед и с золотыми на шнурках кистями, и просила его ездить в ней. Из повиновения к Царице Суворов несколько раз надевал шубу – при выходе из кареты, в которой возил ее.

Зимою, он любил, чтоб в комнатах его было так тепло, как в бане; большую часть дня он расхаживал по комнате без всякого платья. Летние квартиры, в Херсоне, в Варшаве и где бы ни случалось, выбирал всегда с садом и всякой день пред обедом, а иногда и после обеда, бегал целый час кругом сада по дорожкам, без отдыха, в одном нижнем платье и в сапогах; а возвратясь в спальню, ложился в постелью.

Квартира его состояла по большей части из трех комнат. Первая комната была его спальня и вместе с тем кабинет. Вторая шла за столовую, гостиную, зал; третья назначалась для его прислужников.

От 12 часов до рассвета в спальне его всегда горели две восковые свечи, лучшего воска. В камердинерской комнате возле спальни горела одна сальная в тазу, во всю ночь.

В баню Суворов ходил раза три и четыре в год и выдерживал ужасный жар на полке: после чего на него выливали ведр десять холодной воды и всегда по два ведра вдруг.

При нем находилось не более четырех приближенных служителей. Старший из них, камердинер Прохор Дубасов, столько известен под именем Прошка, испытанный в усердии и верности. Во уважение заслуг его господину, он в день открытия памятника Суворову на Царицыном лугу Всемилостивейше пожалован был в классный чин с пенсией по 1200 рублей в год и умер в 1823 году 80 лет. Подкамердинер сержант Сергеев, который вел сия записки, был при Суворове с 1784 г. и поступил из Козловского мушкатерского полка, а впоследствии находился при сыне героя, Аркадие Александровиче, до самой кончины его, постигшей сына в той же реке, которая доставила отцу славное имя Рымникского. Третий подкамердинер – сержант Илья Сидоров, четвертой – фельдшер. Все четверо они спали рядом возле спальни Суворова.

Суворов часто спал навзничь и от того подвергался приливу крови, кричал во сне, а в таком случае было его приказание тотчас будить его для предупреждения вредных последствий. Однажды спросил он Сергеева, пришедшего будить его в полночь: «Кричал

я?» – «Кричали, Ваше Сиятельство», – отвечал Сергеев. «Для чего ж ты не разбудил меня тогда?» – «Был еще десятый час», – сказал Сергеев. «Позови ко мне Тишченку». А Тишченко был малоросиянин, адъютант Суворова, человек неграмотный, употреблявший для расправы.

Суворов не держал при себе ни каких животных, но увидев на дворе собаку, или кошку, любил по-своему приласкать их; встретив собаку кричал: «гам, гам», а увидя кошку: «мяу, мяу», подражая их голосу.

Он не терпел своих портретов, и только одна Императрица убедила его, по взятия Варшавы, согласиться, чтобы с него списали портрет и сделали бюст. В доме его не было зеркал, и если на отведенной ему квартире оставались зеркала, то закрывались простынями. «Помилуй Бог, говорил он, я не хочу видеть другаго Суворова».

Также он не любил и никогда не имел ни при себе, ни в комнате своей ни стенных, ни столовых, ни карманных часов, говоря, что солдату и без часов должно знать время.

Зимою и летом он носил нитяные чулки. Докторов не только не любил, но даже, когда офицеры или солдаты просились в больницу, то говорил им: «В богадельню эту не ходите. Первый день будет тебе постеля мягкая и кушанье хорошее, а на третий день тут и гроб! Доктора тебя уморят. А лучше, если нездоров, выпей чарочку вина с перечком, побегай, попрыгай, поваляйся, и здоров будешь!»

Во время Польской и Турецкой войны, в походе, особенно при больших, утомительных переходах, по привале, для роздыха в полдень или в вечеру, Суворов, слезши с лошади, бросался на траву и, валяясь несколько минут на траве, держал ноги кверху, приговаривая: «Это хорошо, чтоб кровь стекла!» – то же приказывал делать и солдатам.

Табаку никогда не курил, но днем любил нюхать рульной табак и очень часто. В будничные дня держал золотую табакерку, а в праздник – осыпанную бриллиантами, с портретом Императрицы Екатерины II или с вензелями Иосифа Второго и других Европейских Государей, даривших его табакерками, и менял их почти ежедневно; но не любил, чтобы нюхали из его табакерки. Исключение было только для князя Григория Семеновича Волконскаго, с которым он был в дружбе.

Суворов очень любил мазаться помадою и прыскаться духами, особенно оделаваном, которым смачивал всякой день узелок платка своего.

Во всю жизнь Суворова при нем не было женщин в прислужницах.

Обозревая частную жизнь и привычки Суворова, которыми он как будто отделил себя от человечества, мы должны искать в них выражение его духа и необходимость его природы. Тогда самая странности его представляется нам решительностию гения подчинить обстоятельства себе, а не себя обстоятельствам. Оне помогали ему не подвергаться условиям светской жизни, которая могли бы ему препятствовать в выполнении его предприятий.

Мнимое юродство Суворова имело великую цель и глубокое значение. Главным отклонением от обыкновенной жизни других была привычка его вставать в полночь и несколько часов ходить обнаженным. Другия странности были последствиями сих первых. Нисколько уже не удивительно, что человек, вставший в 12 часов ночи, обедал в 8 часов утра.

Кто хотел приучить себя и своих воинов быть всегда готовыми к отражению врагов, к ночным переходам по лесам и полям, чтоб очутиться над головой неприятелей, тот должен был не знать обыкновеннаго сна и отдыха; вот что было главною причиною прекращения порядка в его жизни. Зато он будил войско свое до зари, и быстрые переходы его в ночное время дали повод к народной сказке о Суворове, мужичке-невидимке.

Он ходил несколько часов обнаженный, чтоб приучить себя к холоду и превозмочь слабость своей природы. При этой привычке и обливании себя холодною водою он, можно сказать, закалял свое тело от влияния непогод, казался существом сверхъестественным.

Его простота, воздержность, терпеливость, чуждая всякой неги, сродняли его с воинами, любившими его, как отца. Он примером своим учил их переносить все трудности жизни. Любя простоту, даже до первобытной бедности человечества, Суворов иногда

показывался во всем своем блеске, во всех своих звездах и орденах, но это было в торжественные Царские дни, в святой Церкви, где он преклонял седое чело до земли и пел за дьячка духовныя песни. Такой пример благочестия воспламенял веру в сердцах воинов. Они считали его непобедимым, и были непобедимы с Суворовым.

Исторические анекдоты

Анекдоты Князя Италийского, Графа Суворова Рымникского, изданные Е. Фуксом²⁵⁰ Часть первая

Неизвестно, по каким обстоятельствам при Екатерине Суворов не был однажды внесен в список действующих генералов. Это его весьма огорчало. Приехав в Петербург, является он к императрице; бросается к ее ногам и лежит неподвижно простертым. Императрица подает ему руку, чтобы его поднять. Он тотчас вспрыгнул, поцеловал ее десницу и воскрикнул: «Кто теперь против меня? Сама монархиня меня восстанавливает!» В тот же день было катанье по Царскосельскому пруду на яликах. Суворов имел счастье быть гребцом Екатерины. Когда подъехал к берегу, то сделал из судна такой отважный скачок, что государыня испугалась, он просил у нее извинения, что, считаясь инвалидом, возил ее величество неисправно. «Нет! – отвечала она, – кто делает такие прыжки, *salto mortale*, тот не инвалид». И в тот же день внесен он в военный список генералов и получил начальство.

В Турин явились три депутата из Лукки, с прошением о принятии несчастного сего герцогства под покровительство российского оружия. Они были приглашены к столу фельдмаршала. В продолжение обеда он подробно расспрашивал о местоположении, торговле и о многих статистических подробностях их отечества. Замечал он между прочим, что в течение нескольких столетий сия знаменитая некогда римская провинция переходила из рук в руки от одного владельца к другому с молотка, и показал необыкновенные исторические свои о том крае знания. В заключение спросил: «Что есть в Лукке самое

²⁵⁰ Печатается с сохранением некоторых особенностей авторской орфографии и пунктуации.

достопамятнейшее?» Один из депутатов отвечал: «Тереза Бандентини, знаменитейшая во всей Италии Improvisatrice, член разных академий, краса и гордость нашей родины. Она поручила нам просить у героя Суворова его биографии; ибо намеревается воспеть его победы». Александр Васильевич несколько задумался и произнес: «Зачем избрала она себе предметом такой оригинал?» Депутат подхватил: «Лишь оригинальности пиитического гения нашей Бандентини приличествует воспеть такого великого оригинала». Мне велено было сообщить все, что я имел и знал. Она написала превосходнейшую на победы Суворова в Италии оду, напечатанную в Лукке. В сем творении вдохновения ее блистают сила воображения, истина и гармония выражения.

* * *

Граф Сент-Андре, почтенный сардинский генерал, преданный Суворову, сказал ему однажды в разговоре: «Ваше сиятельство имеет врагов, но не соперников».

* * *

Однажды князь наедине со мною в кабинете, по окончании дел, спросил меня: «Будешь ли писать в истории моей и анекдоты обо мне?» Я отвечал: «Непременно, если буду жив». – «Напрасно, напрасно, – возразил он, – я небогат анекдотами, а странностями, проказами; я чужак, мальчишка, и пр. и пр.». Опять просил я Его сиятельство предоставить судить о себе другим. «Да какая польза от анекдотов?» – был его вопрос. Ответ мой: «Величайшая. По мнению моему, чтение анекдотов из Плутарха образовало наиболее военных людей. Это черты, из которых составляется портрет, образец соревнованию. И нередко один анекдот, лучше всякого пера истории, изображает нам характер и гений героя. Прочитав в Светонии анекдоты из частной жизни Цезарей, мы лучше обнимаем Тацита, Тита Ливия, Саллюстия и всю римскую историю. Сам Цезарь собирал острые слова, апофтегмы Цицерона, а цензор Катон – достопамятные сказания знаменитых своих соотечественников. И если позволите мне...» – «Продолжай, продолжай, – воскликнул он, – ты говоришь, как книга». – «Позвольте мне сказать: Архенголец в Истории Семилетней войны выставил Фридриха Марсом, а Битинг в анекдотах – человеком в кабинете и частной его жизни, и из сей совокупности выходит Фридрих великим. Без Голикова и Штелина не знали бы мы нашего Петра Великого, как мы теперь его знаем. Так из анекдотов моих узнают и того, перед которым я имею счастье теперь стоять». Он тотчас вскочил, благословил меня и сказал: «Ступай; пора тебе отдыхать, ты устал». Но на лице его читал я удовольствие.

* * *

Когда австрийский генерал, граф Беллегард, и великобританский посланник при венском Дворе лорд Минто приехали в Прагу, в Богемии, уговаривать возвращавшегося уже с армиею в Россию Суворова о начатии новых военных действий, то он, согласно с полученными от Двора своего предписаниями, от того уклонился; но продиктовал следующую на французском языке заметку: «Si l'on fait encore la guerre à la France, qu'on la fasse bien; si on la fait mal, ce sera un poison mortel. Il vaut mille fois mieux ne pas l'entreprendre, telle qu'elle a déjà eu lieu. Tout homme qui a étudié le génie de la révolution, serait criminel de le taire. La première grande guerre qu'on fera à la France, sera aussi la dernière»; т. е.: «Если начать еще раз войну с Франциею, то надобно ее вести хорошо; если поведут ее худо, то это будет смертельный яд. Тысяча раз лучше ее не предпринимать по-прежнему. Всякий, вникнувший в дух революции, был бы преступником, если бы о сем умолчал. Первая большая война с Франциею будет последнею».

* * *

Князь Александр Васильевич любил скорые ответы без остановки. Он хотел в сем роде испытания быть Лафатером: узнавать, как тот – характер человека по физиономии, так он – по ответу. Многие очень ошибались, думая, что, отвечая ему скоро и нелепо, ему угождали. Правда, он замолчит, но оценит пустослова. Приведу здесь один пример. Однажды, еще накануне, поднесен был рапорт о присоединении к нашей армии 3500 сардинских войск. Несмотря на то, что он сие знал, подходил к каждому с вопросом о числе их. Всякий отвечал наобум. Иной 5000, другой 2000, а некто 20 000. «Ах, помилуй Бог, как ты щедр!» – вскрикнул и отскочил от него. Но один генерал объявил истинное число. Тотчас шепнул он мне, чтобы пригласить его к столу. За завтраком он потчевал его из своих рук редькою, что у него почиталось особенным отличием. За обедом беседовал с ним и обратил разговор на необходимую обязанность военного начальника знать число своего войска. «Румянцев, – заключил он, – знал не только число своего войска, но и имена солдат. Чрез десять лет после Катульского сражения узнал он в городе Орле сторожа, служившего на той славной битве рядовым; остановил его, назвал по имени и поцеловал».

* * *

Когда, пред вступлением нашим в Швейцарию, прибыл в армию генерал-майор граф Николай Михайлович Каменский, то он пожаловал ко мне и просил меня представить его фельдмаршалу. Мы пошли к нему. Дорогою заметил я в графе смущение; он не скрыл от меня своего опасения, что, может быть, по известным всем бывшим между Александром Васильевичем и отцом его неприятностям, не удостоится он благосклонного приема. Я засмеялся, сказав ему: «Худо, граф, знаете вы Суворова: но вы тотчас разуверитесь». Едва лишь произнес имя графа Каменского, как он уже обнял и расцеловал его, с сими словами: «Как! Сын друга моего будет со мною пожинать лавры, как я некогда с отцом его!» Прочитав письмо от его родителя, прослезился и произнес: «Когда ты к батюшке будешь писать, то принеси письмо, я припишу». Мы пошли к обедне. Вдруг с крылоса подбежал граф к Николаю Михайловичу с вопросом: «Поет ли его батюшка?» На ответ, что поет, отвечал он: «Знаю, но без нот, а я по нотам», – и побежал к певчим. По переходе чрез Альпийские горы, когда граф Каменский отличился уже своим бесстрашием, находясь денно и ночно посреди ужасов и от неприятелей, и от стихий, безотлучно впереди своего полка; и пуля пролетела сквозь его шляпу: поднес он генералиссимусу открытое письмо свое к отцу. Тут приписал Суворов между прочим: «Юный сын ваш, старый генерал». Воспоминание о сем драгоценно моему сердцу: ибо на Альпийских горах связан был между знаменитым, навеки незабвенным сим защитником Отечества и мною тот крепкий узел дружества, который не ослабнул и по конец его жизни.

* * *

В тот день, когда в городе Нейтитчене завещал мне князь у гробницы Лаудона сделать на своей надписи: «Здесь лежит Суворов», беседовал он много о смерти и эпитафиях; также, что он желал бы положить кости свои в Отечестве. «Не помнишь ли, – обратясь ко мне, спросил, – какой памятник был воздвигнут Еврипиду?» К счастью, читал я о том недавно и начал: «Царь Македонский, Архелай, воздвигнул Еврипиду памятник с надписью: Никогда память твоя, Еврипид, не угаснет. Но блистательнейший кенотав в Афинах был сей: Вся Греция памятник Еврипиду. Земля Македонская покрывает токмо его кости». Он произнес: «Спасибо тебе, что ты помнишь. Еврипид был в мире один, и памятник ему – единственный!»

* * *

Болен и болен, то есть, с ударением над последним слогом «лен», различал князь. Просто болен, значило у него истинно изнемогшего, который слег в постель; но болен с ударением над «лен» был, по его мнению, тот, которому нездоровится, которому не так-то по себе, который прихворнул; проклятая мигрень! И этого он не терпел. Всегда спрашивал о каком-нибудь больном: «Что он: болен или болён?» Разумеется, чтоб не рассердить его, ответ был всегда чистым языком: болен, без неприятного ударения. И тут повторял он свой рецепт из словесного поучения солдатам: «Бойся богадельни: немецкие лекарственницы издалека тухлые, бессильные и вредные. Русский солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки, муравушки. Солдат дорог. Помните, господа! полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского. Богадельни первый день мягкая постель. Второй день французская похлебка, третий день ее, братец, домовище к себе и тацит! Один умирает, а десять товарищей хлебают его смертный дых».

* * *

Если князь познакомится покороче с иностранцем, то любил называть его по имени и отчеству. В бытность в Финляндии имел он под начальством своим инженерного генерал-майора, Прево-де-Люмьяна, которому велел называться Иваном Ивановичем; и тот по конец жизни своей слыл сими именами, хотя ни он, ни отец его Иванами не бывали.

* * *

Слова: «не могу знать», «не умею доложить» или «сказать полагаю», «может быть», «мне кажется», «я думаю» и все подобное неопределительное, могли его рассердить до чрезвычайности. Один, принадлежавший к дипломатическому корпусу, имел несчастье употреблять сии слова и никак не мог отвыкнуть. Он однажды довел князя до того, что тот велел растворить окошки и двери и принести ладану, чтобы выкурить и очистить воздух от заразительного немогузнайства, и тут кричал он: «Проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, двуличка, вежливка, бестолковка, недомолвка, ускромейка. Стыдно сказать, от немогузнайки много, много беды!» Подобная схватка была у него в Молдавии и с генералом Деволантом, который никак не хотел говорить «знаю» о таких вещах, которые ему были неизвестны. Спор у него с Суворовым дошел до того, что он оставил обед и, вскочив из окошка, убежал к себе на квартиру. Вслед за ним гнался Александр Васильевич, догнал его, примирился и сделался другом. Деволант был голландец. Суворов после того говаривал: «Теперь вижу я, почему испанский, Непобедимым названный, флот Филиппа не мог устоять пред таким упорно грубым народом, как голландский. И Петр Великий ощутил то».

* * *

Лорд Клинтон, отличного ума великобританец, обедал у Суворова. В тот день обед начался в 9 часов пополуночи. Повару приказано изготовить блюда к этому времени, с тем замечанием, что англичане обедают поздно. Граф, как говорится, был совершенно в своей тарелке. Беседовал весьма приятно и поучительно о важных военных исторических предметах и восхитил Клинтона. На другой день посетил сей меня и принес показать письмо к другу своему в Лондоне. Так как я по-английски не знаю, то просил его перевести. Он кое-как передал мне на французский язык, и я с дозволения его положил на бумагу. Вот содержание оного: «Сей час выхожу я из учнейшей Военной академии, где были рассуждения о военном искусстве, о Аннибале, Цезаре, замечания на ошибки Тюрення, принца Евгения, о нашем Малборуке, о штыке, и пр. и пр. Вы верно хотите знать, где эта Академия и кто профессоры? Угадайте!.. я обедал у Суворова: не помню, ел ли что, но помню с восторгом каждое его слово. Это наш Гаррик, но на театре великих происшествий;

это тактический Рембрандт: как тот в живописи, так сей на войне – волшебники! Боюсь только, чтобы он не занемог нашим сплином: но от богатства побед. И этот умнейший муж вздумал меня уверять, что он ничего не знает, ничему не учился, без воспитания и что его по справедливости называют Вандалом. Наконец остановил я его сими словами: «Если вам удастся обманывать нас, ваших современников, то не удастся обмануть потомков; впрочем, и в самом потомстве останетесь вы Иероглифом». Он замолчал, начал корчить лицо, кривляться, делать невероятные гримасы, и проч.. Я отважился прочитать графу сию выписку, и он отвечал: «Ах! Помилуй Бог, кто бы подумал, что и добрый Клинтон был у меня шпионом? Сам виноват, слишком раскрылся: не было пуговиц».

Анекдот Суворова
(о трех попытках взятия Измаила).
Народный лубок. XIX в.

* * *

Портрет Суворова написан был Миллером. Он готовился уже отвезти в Дрезден; но был в недоумении, показать ли его тому оригиналу, который никогда не хотел видеть себя и в зеркале, или, как г. Миллер изъяснялся, не хотел видеть и в копии другого Суворова. Я присоветовал ему пойти со мною и показать ему. Мы пришли. Князь, едва взглянув, спросил: «Полезны ли вам были психологические мои рассуждения о самом себе?» – «Очень! – отвечал тот, – для начертания характеров пригодно все, и даже мелочи. Толпою не замечаемые черты делаются для артиста, изобретателя души в теле, весьма важными. Счастливо перенесенные на холст, они дают портрету всю физиономию. До сего не вдохновенный художник никогда не достигает. Рубенс, по справедливости провозглашенный князем Нидерландской школы, изобразил смеющееся дитя. Один миг волшебной его кисти – и дитя, к изумлению всех предстоящих, плачет. Я не Рубенс! Но он бы первый раз позавидовал теперь моему счастью!» Граф поцеловал его от души и велел мне записать: «Рубенс, Миллер! – слава творческому Гению живописи». «Эти слова, – сказал Миллер в исступлении, – из уст Суворова дают бессмертие!»

* * *

Разговорились за обедом о трудностях узнавать людей. «Да, правда, – сказал князь

Александр Васильевич, – только Петру Великому предоставлена была великая тайна выбирать людей: взглянул на солдата Румянцева, и он офицер, посол, вельможа; а тот за сие отблагодарил России сыном своим, Задунайским. Мои мысли: вывеска дураков – гордость; людей посредственного ума – подлость; а человека истинных достоинств – возвышенность чувств, прикрытая скромностью».

* * *

По возвращении моем из Венеции отдал я фельдмаршалу в его кабинете отчет в моих поручениях. За обедом расспрашивал он меня о многих подробностях сего чудесного, единственного в свете, как будто из волн морских возникающего града. Я рассказывал ему все, что в течение трех дней мог заметить любопытного. Он вздохнул, вспомнив о прежнем величии сей Царицы морей, о блеске ее торговли; но благодарил Бога, что адская политическая инквизиция поглощена ее же волнами. Между многими рассказами упомянул я, как там в трактире (Caza di Pedrillo), за общим обеденным столом, поразил меня сосед сими словами: «Chez nous a Petersbourg», т. е. «у нас в Петербурге». Не полагая никак увидеть здесь русского, я вскрикнул с исступлением по-русски: «Как! Вы были в Петербурге?» Ответ его: «Я там родился». «Этого довольно, – продолжал я, – теперь знаю, хотя вы мне и не были знакомы, что вы гуляли там со мною по гранитной набережной, в Летнем саду, по островам, пили со мною невскую воду, слышали со мною тот же колокольный звон, тот же барабан и, объехав, как и я, множество городов, скажите также со мною вместе: “Нет краше матушки Москвы и Петербурга!”»

Не дождавшись ответа, бросился я его обнимать; искренность взаимных чувств наших нас тотчас сблизила, и теперь оба мы перестали жить в Венеции. Граф тут с удовольствием вспомнил, как в молодых летах, быв отправлен в Берлин курьером, встретил он также в Пруссии русского солдата. «Братски, с искренним патриотизмом, – говорил он, – расцеловал я его; расстояние состояния между нами исчезло. Я прижал к груди земляка. Если бы Сулла и Марий встретились нечаянно на Алеутских островах, соперничество между ними пресеклось бы; патриций обнял бы плебеянина, и Рим не увидел бы кровавой реки».

* * *

Когда фельдмаршал, по взятии австрийским генералом Кеймом Турина, возносил его хвалами и пил за его здоровье, один его земляк, из знатнейшей древнейшей фамилии, сказал: «Знаете ли, что Кейм из самого низкого состояния и из простых солдат дослужился до генерала?» «Да, – отвечал Александр Васильевич, – его не осеняет огромное родословное древо; но я почел бы себе особенною великою честью иметь его после сего подвига своим, по крайней мере, хотя кузином».

* * *

Непонятно, как человек, привыкший по утрам окачиваться холодной водою, выпарившись в бане, бросаться в реку или в снег, не носивший никогда шубы, кроме мундира, куртки и изодранной родительской шинели, – мог в горнице переносить ужасную теплоту. В этом походил князь Александр Васильевич на наших крестьян в избах. Подобно им, любил и он быть в полном неглиже. Я, а со мною и многие, страдали в его теплице. Нередко пот с меня так и катился на бумагу при докладах. Однажды закапал я донесение, хотя по содержанию своему не очень ему приятное. «Вот, Ваше сиятельство, я не виноват, – сказал я ему, – а ваша Этна», указав на печь. «Ничего, ничего, – отвечал он. – В Петербурге скажут или что ты до поту лица работаешь, или что я окропил сию бумагу слезою. Ты потлив, а я слезлив». Так же и австрийский генерал-квартирмейстер Цах распалился до того, что, работая с ним в кабинете, снял с себя галстух и мундир. Фельдмаршал бросился его

целовать с сими словами: «Люблю, кто со мною обходится без фасонов». «Помилуйте, – вскрикнул тот, – здесь можно сгореть». Ответ: «Что делать? Ремесло наше такое, чтоб быть всегда близ огня; а потому я и здесь от него не отвикаю».

* * *

Государыня императрица Екатерина, узнав, что Суворов ездит и ходит в ужасные трескучие морозы в одном мундире, изволила, для сбережения его здоровья, подарить ему пребогатую черную соболью шубу. Он принял сей дар Монаршего благопризрения с должным благоговением; возил с собою в карете, держа со всякою бережливостью на коленях; но никогда не дерзал возлагать на грешное свое тело, как он отзывался о себе по христианскому смирению.

* * *

При вступлении войск наших в Варшаву дан был приказ: «У генерала Н. Н. взять позлащенную его карету, в которой въедет Суворов в город. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении». (Надобно знать, что хозяин кареты слыл говоруном).

* * *

Некто вздумал назвать Суворова поэтом. «Нет! Извини, – возразил он, – поэзия – вдохновение; а я складываю только вирши».

* * *

Говорили об одном военачальнике, которого бездействие походило на трусость. Граф тут сказал: «Нет, он храбр; но бережет себя, хочет дожить до моих лет».

* * *

Генерал-квартирмейстер Цах, говоря о Карле XII, назвал его Донкишотом. «Правда, – сказал граф, – но мы, любезный Цах, донкишотствуем все (*mir alle donquischotienen*), и над нашими глупостями, горобогатырством, платоническою любовью, сражениями с ветряными мельницами также бы смеялись, если бы у нас были Сервантесы. Я, читая сию книгу, смеялся от души; но пожалел о бедняжке, когда фантазмагория кукольной его комедии начала потухать пред распаленным его воображением, и он наконец покаялся, хотя и с горестию, что был дурак. Это болезнь старости, и я чувствую ее приближение». Цах при сем случае рассказал анекдот, что когда у знаменитейшего ученостию медика Сиденгама, при кончине его, просил другой доктор совета, какую книгою ему при лечении руководствоваться, отвечивал он: «Читайте Донкишота».

* * *

Из всех отраслей военного искусства преимущественно любил князь Александр Васильевич инженерную науку. Посему Великая Екатерина и поручила ему построение и поправление крепостей в Финляндии. Вобана знал он почти наизусть, и вот причина, как он говорил: «Покойный батюшка перевел его, по высочайшему повелению государя императора Петра Великого, с французского на российский язык, и при ежедневном чтении и сравнении с оригиналом сего перевода изволил сам меня руководствовать к познанию сей для военного человека столь нужной и полезной науки». Книга сия сделалась теперь очень редкою;

я видел ее в рукописи; заглавие ее:

**ПРЯМОЙ СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ ГОРОДОВ,
изданный от славного инженера Вобана, на французском языке.
Переведен на российский язык 1724 г.**

Переводчик, говоря в предисловии о важности и пользе сей книги, заключает следующими словами: «Сих убо ради вин Петр Великий, Император и Отец Отечества, егда восприя сию книгу, на французском языке изданную, многопользную и другим несравненную, возымел намерение, да сея пользы российский свет не лишен будет, повеле из французского языка на российский преложити, яже и преложена есть Василием Суворовым».

* * *

Нежность в обращении генералиссимуса с пленными генералами была примерная. Возвращая генерала Серрюрье, нынешнего маршала Франции, из плена в Париж, наговорил он ему множество вежливостей. Тот, описывая в журналах свое с генералиссимусом в Милане свидание, отзывался об нем с восторгом. Узнав также, что генерал Лекурб был женат, вручил он ему при отпуске его из плена на Альпийских горах цветок, прося его поднести оный, от имени его, супруге своей. Цветок давно увял; но чувство благодарности за таковое внимание в благородном сердце не стареет и не истлевает. Лекурб показывал в 1813 году оный, как нечто священное, генерал-майору Ф. Ф. Шуберту, бывшему при армии нашей во Франции полковником по квартирмейстерской части.

* * *

Странности, особенности или так называемые причуды делали князя загадкою, которая не разрешена еще и поныне. Беспреданно спрашивали и спрашивают меня: зачем наложил он на себя такую личину? И ответ мой был тот, какой и теперь: не знаю. Всегда поражало, изумляло меня, как человек наедине умнейший, ученейший, лишь только за порог из своего кабинета, показывается шутком, проказником или, если смею сказать, каким-то проказенным. Он играл с людьми комедию и на сцене резвился, а зрители рукоплескали. Однажды, вышед из терпения, отважился я спросить его, что все это значит? «Ничего, – отвечал он, – это моя манера. Слышал ли ты о славном комике Карлене: он на Парижском театре играл арлекина, как будто рожден арлекином; а за кулисами и в частной жизни был пресерьезный и строгих правил человек: ну, словом, Катон!» И, чтобы пресечь разговор, приказал мне идти с поручениями к генералу от кавалерии Вилиму Христофоровичу Дерфельдену.

* * *

В Варшаве поутру явилось к победителю многочисленное собрание. Одна знатная, польская, редкой красоты дама, отлично уважаемая, стояла в толпе. Он тотчас бросился к ней с сим восклицанием: «Что вижу я? о чудо из чудес! На прекраснейшем небе два солнца!» Протянул два пальца к ее глазам, и ну ее целовать. После сего, на парадах, на балах, везде казалась она ему и возносила его. Александр Васильевич доказал сим, что он знал дамское сердце и знал, кому сделать такое приветствие.

* * *

Дюк де Полиньяк приходит в Варшаве к Суворову и велит тотчас о себе доложить. Занятый делами, фельдмаршал, желая дать ему почувствовать такую нетерпеливость, не выходит более часа из своего кабинета. Вдруг выбегает с криком, нагнувшись, придерживая

свой живот: «О проклятая колика! Она с час задержала вас. Как мне это больно». И начал с ним разговаривать при многочисленном собрании. В продолжение разговоров Полиньяк плюнул в платок. Тут отскочил от него граф; начал кричать, харкать, плевать на пол. Прощка тотчас подал чистый платок Дюку, а заплеванный взял в мытье. Подполковник Тищенко окуривал его кадилъницею с ладаном со всех сторон. Равнодушная при сей церемонии неподвижность Полиньяка столько понравилась графу, что они после сблизилась.

* * *

Подымаясь на Сен-Готард с последним напряжением сил, увидели мы вдруг возвышающееся на ледовитой, снежной вершине ужасной горы сей здание. Сердце у каждого из нас встрепенулось от радости. Мы как будто увидели предел нашему, уже истощивающемуся, утомлению. Здесь тот капуцинский монастырь, где иноки, посвятившие себя Богу, дают убежище странникам, отыскивают в пропастях, с помощью чутья приученных своих собак, замерзших, отогревают и оттаивают тела их и нередко возвращают им жизнь. Мы были встречены настоятелем и братиею сей, толикими Богоугодными делами освященной обители, в церковном их облачении. Настоятель, семидесятилетний маститый старец, украшенный сединою и длинною бородою, с огненными блестящими очами и благоговение вдыхающим челом, приглашал престарелого, изнемогшего нашего вождя в келью для отдохновения. «Нет! Святой отец, – воскликнул он, – я и все сии мои дети, подвизающиеся за алтарь Господень, томимся голодом; но веди нас во Храм, да воспоем хвалу Спасшему нас! а потом уже в трапезу».

Молебствие началось; и кто из нас не пролил с отцом нашим, преклонившим колена, чистых слез благоговейного глубочайшего благодарения Тому Неисповедимому, Которого десница вознесла нас из пропастей на сей верх столба – небесного, лучезарного балдахина Своего. В трапезе блюда с картофелем и горохом и какая-то рыба пресытили нас лучше всех пряностей обеих Индий. И какое зрелище!.. Два старца, Суворов и приор, сблизилась сердцами, как будто бы они вместе состарились и поседели, беспрестанно друг друга обнимали. Кроткий священнослужитель разговаривал с ним то по-немецки, то по-французски и по-итальянски. Вдруг пришла Александру Васильевичу мысль заставить меня говорить по-латыни. Кое-как, жалким слогом на сем мертвом языке проговорил я несколько слов; а чтобы скрыть свои недостатки, вздумал отыграться стихом из Энеиды, казавшимся мне приличным нашему положению. Память мне не изменила – вот он:

*Per varios casus, per tot discrimina rerum
Tendimus in Latium, sedes ubi fata
quietas ostendunt.*

Мы сквозь грозу толиких напастей тропу пробиваем в Лациум, где нам судьбы покойную жизнь указуют.

Где я остановился, там ученый муж начал продолжать несколько стихов и показал, что он юность свою, более нежели я мою, согревал под пиитическим, ярким солнцем Вергилия. В продолжение разных разговоров рассказывал приор, что по летописям монастырским, русские почти полтора столетия назад посетили Сен-Готард. «Итак, – отвечал граф, – мы ступали по следам давно в Бозе усопших прадедов наших. Не осталось ли здесь из них умершего; мы бы воспели ему вечную память». «Нет», – отвечал приор. К концу обеда начал Александр Васильевич возносить похвалами человеколюбивые подвиги сих монашествующих и сожалеть, что они беспрестанно подвергаются несчетным трудностям и опасностям. «Не жалеете о нас, благодетельный герой, – прервал речь его приор. – Нередко стакан воды жаждущему, кусок хлеба голодному, утешительное слово горюющему, несколько капель лекарства больному приобретали нам доверенность и любовь спасенного, и делали нас его благодетелями.

А с чем сравнится душевная радость, какую мы ощущаем, когда видим мало-помалу оттаивающего, оживающего замерзшего. Тогда все трудности, все опасности забыты. Мы повергаемся пред Престолом Творца, сподобившего нас быть орудием Своей благодати –

воскрешать. Тогда и эти самые обнаженные скалы, и бурные стихии, и вся мертвеющая здесь природа являются нам бесстрашными, прелестными». Тут, с изливанием сердечных чувств, воскликнул Суворов: «Нет, вы истинно великие Христианские Герои, не щадящие живота для спасения страждущего человечества. Вашему сердобольному благопризнению вверяю я своих братьев, погибших в ваших пропастях. Вы, вознесясь над земным, близки и душою вашею, и обителью к небесам. Бог да хранит вас!» Войско, отдохнув, укрепив себя пищею, низверглось с молитвою в новые зияющие пучины.

* * *

Князь Александр Васильевич не мог увидеть бедного или нищего, чтобы не сделать ему подаяния. А так как у него никогда не было при себе денег, и счетов своим приходам и расходам он во всю жизнь не читал, то весьма часто занимал у предстоявших. Однажды, в продолжение обеда, вошел нечаянно в горницу девяностолетний нищий, приходивший ежедневно к хозяйке дома за подаянием. Увидя многочисленное собрание, он испугался и хотел было уйти. Но князь вскочил сам, усадил его и угащивал. Тотчас занял несколько червонцев, велел сделать складчину. Русские щедрый – старец со слезами признательности удалился. Тут с чувствительностью произнес он: «Добрые друзья мои! Кто теперь благополучнее, сей ли старец, получивший от нас дары, или мы, подкрепившие болезненную его дряхлость? Тогда только, когда человек простирает на помощь ближнему руку, уподобляется он Творцу. Дивлюсь, – продолжал он, – везде благотворные заведения, а нищета не уменьшается». Но когда у него в другой раз просил милостыни здоровый, то он велел купить ему топор, сказав: «Руби дрова: не умрешь с голоду».

* * *

При вступлении войск наших в Италию итальянцы не выходили никогда из домов своих без кинжалов, спрятанных под плащами, и тотчас при малейшем оскорблении закалывали на улицах. Фельдмаршал прекратил зло сие немедленно, определив строжайшее наказание тому, у кого найдено будет какое-либо смертоносное орудие. «Меч, – сказал он, – обнажается со славою только на защиту отечества; в руке убийцы или дуэлиста он – позорное орудие трусости».

* * *

Суворов ничем так не гордился, как тем, что во всю жизнь свою разбивал везде неприятеля многочисленнейшего, меньшими силами, и всегда говаривал: «В Александре великое было то, что он малою силою истребил миллионы персов». Зато не сердился так много, как когда в периодических сочинениях ложно увеличивали его войско, а неприятельское уменьшали. И в сем не прощал он и Дюмасу, издателю *Precis des evenements militaires*²⁵¹. Тотчас продиктовывал с жаром в заметке возражение для помещения в газетах. «У этого наемника историка два зеркала: одно увеличительное для своих, а уменьшительное для нас. Но потомство разобьет вдребезги оба, а выставит свое, в котором мы не будем казаться пигмеями».

* * *

В Праге, в Богемии, прихожу я после обеда к генералиссимусу с бумагами и слышу, что он очень громко с кем-то разговаривает по-немецки. Чтобы не нарушить беседы, подождал я

²⁵¹ Обзорение военных событий (*фр.*).

с час; наконец вхожу и вижу его, беседующего с сидящим раненым австрийским солдатом. Он расцеловал его и отпустил. «Это, – обратясь ко мне, – гуссит, или теперь называющийся Богемский брат (Bohemischer Bruder). Давно желал я подробнее узнать о сей секте. Он пересказывал мне словесные предания о сожженном в Костнице, по приговору тамошнего Собора, основателе их учения Иоанне Гуссе и о многих любопытных обстоятельствах и гонениях, которые они потерпели за свою веру. Я благодарю теперь Бога, что никогда такая реформационная горячка не посещала нашего Отечества: всегда религия была у нас во всей чистоте, и кто не знает, что Сын Божий никогда не повелевал мечом или огнем насильственно крестить жидов или язычников?»

И в Турции, в праздном моем уединении, заставлял я толковать себе Алкоран и увидел, что Магомет пекся не о царствии небесном, а о земном. Нам предоставлено увидеть новый, также ужасный, феномен: политический фанатизм!!! Но на чужбине, прибавь. Мы теперь отзываемся в Отчизну. Спокойствие – удушье. Так тишина на море бывает предвестницею бурного урагана. Так тлеющий под пеплом уголь угрожает сокрушить все пламенем. Запиши последнее для графа Федора Васильевича Растопчина». Так предугадывал он бедствия, постигшие Германию от войн с Франциею!

* * *

Когда его в Линдаве поздравляли с переходом через Альпийские горы, отвечал он: «Бог помог нам одолеть их и пройти сквозь громовые тучи. Но поможет ли нам отвести громовые удары, устремленные на Престолы?.. Его Святая воля!»

* * *

Сказали графу в Италии об одном достойном офицере, помешавшемся в уме. Он сему не поверил и начал спорить. После открылось, что он разумел другого, и тогда сказал: «Ну, теперь вижу, что ошибся; а готов был спорить до завтра, – и вот причина: тот, которого я разумел, не имеет у себя того, что сей потерял. Жаль! Но время ли теперь сходить с ума, когда и вся война – хаос?»

* * *

Один доктор советовал князю съездить на теплые воды. «Помилуй Бог! Что тебе вздумалось? Туда посылай здоровых богачей, прихрамывающих игроков, интригантов и всякую сволочь. Там пусть они купаются в грязи, – а я истинно болен. Мне нужна молитва, в деревне: изба, баня, каша и квас».

* * *

Рассматривая причуды простолюдинов, которые князь себе присваивал, нельзя не согласиться, что он сие делал, чтобы, уподобляясь простым солдатам, выигрывать их любовь; в чем он и успевал. Как можно поверить, чтобы человек, с его просвещением, образованностию, начитанностию, с необыкновенным его умом, мог искренно требовать таких странностей, как например: чтобы никто из солонки у него за столом не брал соли ножом; а Боже избави! Если бы кто подвинул солонку к своему соседу или ему ее подал; каждый должен был отсыпывать себе на скатерть соли, сколько ему угодно, – и многих тому подобных. Развязку сему вижу я, кажется, в одном его разговоре: «Александр Македонский не сжег, – говорил он, – Афин для того, чтобы в тамошних гостиницах говорили о его гаерствах; пусть же и в солдатских артелях смеются над моими солдатскими проказами!» И подлинно, каких небылиц об нем там не услышишь!

* * *

Доложили князю, что пришел портной для снятия с него мерки мундиру сардинского генералиссимуса. Он тотчас спросил: «Какой он нации? Если он француз, то я буду говорить, как с игольным артистом; если немец, то как с кандидатом, магистром или доктором мундирологического факультета; если итальянец, то как с маэстро или виртуозе на ножницах». Когда узнал, что итальянец, то сказал: «Тем лучше; я не видал итальянца, хорошо одетого: он сошьет мне просторный мундир, и мне будет в нем раздолье». Мундир сей был великолепнейший, синий, по всем швам золотое шитье.

* * *

Князь отменно чтит память великого преобразователя России, Петра Первого. Говоря однажды с восторгом о неутомимо-деятельной его жизни, о многих его творениях по военной, сухопутной, морской и гражданской частям, спросил, кто из нас был на Ладожском канале. На ответ, что никто не был, сказал он: «О! так вы не видали его монумента. Я счастливее вас: я на месте удивлялся сему редкому, чудесному смертному; как такие сверхчеловеческие силы вмещались в голове необразованной, по словам беллетристов, ученым воспитанием. Здесь Полтавский герой благотворною десницею мирно соединяет две отдаленные бурные реки. Природа пугается его; гласу его повинуется вода; течет, куда он указывает, и несет на себе в столицу сокровища благодатной России. Вот куда надобно съездить Державину: водопад – чудо природы, – здесь чудо искусства!»

Часть вторая

* * *

Граф Федор Васильевич Растопчин был обожателем Суворова, что доказывает его с ним переписка, в изданной мною Истории помещенная; и в письмах своих ко мне отзывался он всегда об нем с величайшим восторгом. В одном пишет он ко мне: «Участь ваша завидна; вы служите при великом человеке. Румянцев был Герой своего века, Суворов Герой всех веков». Я прочитал сие князю. «Нет! Отвечай ему, – сказал он, – Суворов ученик Румянцева».

* * *

Граф любил, чтобы каждого начальника подчиненные называли по-русски, по имени и отчеству. Присланного от адмирала Ушакова иностранного офицера с известием о взятии Корфу, спросил он: «Здоров ли друг мой Федор Федорович?» Немец стал в тупик, не знал: о ком спрашивают. Ему шепнули, что об Ушакове. «Ах! Да! – опомнился он, – господин адмирал фон Ушаков здоров». Фельдмаршал сказал ему с гневом: «Возьми к себе свое фон; раздавай, кому хочешь; а победителя турецкого флота на Черном море, потрясшего Дарданеллы и покорившего Корфу, называй Федор Федорович Ушаков».

* * *

Говорили об одном хитром, пронырливом министре. «Ну, так что же? – сказал князь, – я его не боюсь. О хамелеоне знают, что он хамелеон: принимает на себя все цвета, кроме белого».

* * *

Князь никогда не отказывался от рекомендательных писем для достойных людей. Одно поднес я к подписанию. Он подписал охотно и с удовольствием и, возвращая, сказал: «Я написал бы иначе, а вот как: лицо его, вывеска доброй души его, есть лучшая рекомендация». Он душевно любил тогдашнего полковника С. С. Кушникова и имел к способностям его особенную доверенность. Также не отпустил он из армии в Петербург без рекомендательного письма к государю императору достойного полковника М. С. Вистицкого.

* * *

В Пиаченце один маркиз, хозяин дома, в котором поместился граф, был истинный чудак. В шитом розового цвета кафтане, с громким хохотом не говорил, а кричал он беспрестанно о погоде и повертывался, чтобы показать свой камергерский ключ. Граф, желая от него отделаться, начал перед обедом читать: Отче Наш... а чудак, не понимая, стал аплодировать и кричать: «Браво! Браво!» – Суворов остановился в молитве, обратился к нему и сказал: «Молчание, я молюсь Богу». Кое-как мы его выжили. За столом просил фельдмаршал: «Ради Бога, спасите меня от этого гостя, который хуже татарина. Он измучил меня метеорологическими своими разговорами, показывал мне ключ, который не отпирает и не запирает, и верно из неблагогородного металла, прикрытый золотом, как и он – шитым своим кафтаном».

* * *

При подписании письма к адмиралу Федору Федоровичу Ушакову в Корфу приписал граф что-то премелко, чего я не мог разобрать. «Не надседайся, – сказал он мне, – это на турецком языке поклон турецкому адмиралу». После, при свидании, уверял меня Федор Федорович, что турок, прочитав сии строки, восхищался и не хотел верить, что их написал так правильно русский.

* * *

Князь Александр Васильевич любил иногда нюхать табак из малой своей золотой табакерки, уверяя, что сие облегчает головную его боль. Иногда, посыпав табаком какой-нибудь душистый цветок, снюхивал с него и с восторгом говорил: «Вот роскошь!» Но курения табака не жаловал. «Может ли быть, – говорил он, – что неблагопристойнее, как когда под нос тебе подставят трубку и окуривают тебя зловонным фимиамом?» Однажды увидел он курящего гусара. Ему хотели было запретить, но он крикнул: «Не трогайте его; он человек с талантом: выкуривает трубку мастерски. Он на войне видит дым батальонного огня». И поскакал от него прочь.

* * *

Разговаривая о музыке, один генерал делал свои замечания, что надлежало бы уменьшить число музыкантов и умножить ими ряды. «Нет, – отвечал князь, – музыка нужна и полезна, и надобно, чтобы она была самая громкая. Она веселит сердце воина; равняет его шаг; по ней мы танцуем и на самом сражении. Старик с большею бодростию бросается на смерть; молокосос, отирая со рта молоко маменьки, бежит за ним. Музыка удваивает, утроивает армию. С Крестом в руке священника, с распущенными знаменами и с громогласною музыкою взял я Измаил!»

* * *

По прибытии в армию фельдмаршала, узнал он, что французский главнокомандующий Шерер сдал свое начальство генералу Моро и удалился в Париж. «И здесь вижу я, – сказал он, – перст Провидения. Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть».

* * *

Отличительное в князе было то, что, проказничая, если смею сказать, был он всегда серьезен и никогда не улыбнется, как будто бы все это в порядке вещей. В Праге, например, пустился он в танцы; люди вправо, а он влево, такую затеял кутерьму, суматоху, штурм, что все скакали, прыгали и сами не знали куда. По окончании танцев подбежал он ко мне и с важностью сказал: «Видел ли ты, как я восстановил порядок; забыли курс, шен, шассе». – «Как же! Видел, – отвечал я, – как вы восстановили шассе». И он побежал от меня.

* * *

На возвратном пути из Швейцарии в Россию, на святках, в Праге, провел князь время очень весело. Он завел у себя на банкетах святочные игры: фанты, жмурки, жгуты, пляски и проч. Мило было смотреть, как престарелый, седой военачальник бегал, плясал, мешался в толпе своих подчиненных и с какою точностью исполнял то, что ему назначалось делать, когда его фант был вынут. Все знатнейшие богемские дамы, австрийский генерал граф Беллегард, английский посланник при венском Дворе лорд Минто и множество иностранных, путались в наших простонародных играх. Мы все восхищались, были в то время как будто на родине. Но это была последняя песнь лебедя на водах Меандра: в Кракове ожидали его немощи и телесные, и душевные, ускорившие кончину знаменитой его жизни.

* * *

Знаменитость подвигов героев веков греческих и римских одушевляла военачальника нашего к тем высоким идеям, которые украшали его жизнь. Беседовать о их славе была его страсть. Вычерпну только каплю из океана. Одаренный счастливою, необыкновенною памятью, он часто пробегал мысленно галерею сих великих бессмертных и пред каждым изливал свои мысли. Так, остановясь на Эпаминонде, произнес: «Чту его за его смелость и твердость». «Хорошо, – сказал он, когда его осудили на казнь, – я заслужил смерть; но иссеките на камне моем: Фивяне казнили Эпаминонда за то, что он научил их побеждать при Левктре спартанцев и, даровав Греции свободу, сим низложил гидру злобы, на него устремленную». «Он, достойно подражания, не лгал ни в безделице, ни в деле, ни в шутках, и заслужил от историков своих хвалу, что никакой порок не запятнал его».

* * *

По прибытии в армию генерал-лейтенанта Ребиндера, назначенного комендантом в Мальту, фельдмаршал встретил его сими словами: «Здравствуй, друг Ребиндер; ты поплывешь на тот остров, где некогда Калипса хотела хитрого Улисса уловить в свои сети. За тебя я также не боюсь: у тебя не устоит и железная клетка. (Ребиндер был необыкновенный силач.) Ты, наш Голиаф, будешь стоять с храбрыми своими рыцарями на той неприступной Средиземного моря скале, которая несколько веков издевалась над турецким колоссом и была щитом Христианству. Но прежде оставайся с нами; сперва побьем здесь безбожных». Генерал Ребиндер отличился в Италии и Швейцарии, как то известно из реляций и из моей Истории.

* * *

С дамами был князь забавно учтив. Он следовал наставлению лорда Честерфильда сыну своему: хвалить прелести каждой дамы без изъятия. И он, беседуя с ними, уменьшал всегда их годы. Так, когда в Милане одна тридцатилетняя дюшесса представила ему двенадцатилетнюю свою дочь, притворился он, будто не верит. «Помилюйте, сударыня, – сказал он, – вы еще сами молоденькая, прелестная девушка». Когда он узнал от нее, что она с мужем в разводе, то вскрикнул: «Я еще не видал в свете чудовища; пожалуйста, покажите мне его».

* * *

Генерал от кавалерии В. Х. Дерфельден, тридцатипятилетний знаменитый Суворова соратник, беседуя с ним, описывал ему прелести и роскоши итальянской природы живыми красками. «Правда, друг мой, – отвечал граф, – климат прелестен, но разврат страшен!» и тотчас продиктовал следующую заметку: «Под всяким другим умеренным небосклоном воздержание есть добродетель; но оно чудо из чудес здесь, где дышат воздухом между огнеизрыгающею Этною и знойными, горючими ее окрестностями, которые Сифакс, в Адиссоновом Бруте, изображает с такою силою; здесь, под таким огненным небесным поясом, где солнце раскаливает скалы в известь и где не кровь, а купорос и кипучая сера стремительно разливаются по жилам; здесь, где природа заманивает к неге в очаровательном саду своем; здесь, сыны Севера, крепитесь, мужайтесь, одолевайте климат и помните Аннибалово войско Капуе!»

* * *

Я поднес графу от одного генерала просительное письмо об определении его в армию, написанное прекрасным, отличным слогом, так что не мог ему сего не заметить. «Да, хорошо написано, – сказал он, – но мне нужны воины, а не министр. Мой Багратион так не напишет; зато имеет присутствие духа, расторопность, отважность и счастье. Ум его образован более опытами, нежели теориею. В беседе с ним его не увидишь. Но он исполняет все мои приказы с точностию и успехом. Вот для меня и довольно».

* * *

Один принц обедал у генералиссимуса и удивил его и нас всех своим аппетитом. Всякое блюдо, так сказать, им пожиралось и исчезало. Князь смотрел с изумлением. На другой день не мог он позабыть сего посещения и сказал: «Ну, спасибо Его Светлости; он первый изволил отдать справедливость искусству повара моего, Мишки: ел, как будто у него нет желудка. Он не подходит под указ Петра Первого об отпуске прожорам двух пайков, для него мало и четырех». Через несколько дней вздумали подшутить и сказать князю, что принц опять угрожает стол его своим посещением. «Напрасно Светлейший изволит беспокоиться, – я его видел. С ним надобно выкинуть пословицу нашу: не будь гостю запасен, а будь ему рад».

* * *

Князь всегда говаривал, что у него семь ран: две, полученные на войне, а пять – при Дворе, или политические. И сии пять, по его словам, были гораздо мучительнее первых.

* * *

Все начальствовавшие армиями получали при императрице Екатерине в мирное время генерал-губернаторские места, как-то: граф Румянцев-Задунайский, князь Потемкин-Таврический, граф Салтыков и другие. В рассуждении Суворова велено было его спросить, какие губернии он пожелает. Ответ его был следующий: «Я знаю, что матушка-царица слишком любит своих добрых подданных, чтобы мною наказать какую-либо свою провинцию. Я размеряю силы свои с бременем, какое могу поднять. Для другого не вмоготу фельдмаршальский мундир». После сего отзыва был он пожалован подполковником лейб-гвардии Преображенского полка и сие отличие принял с благовейною признательностию.

* * *

Граф приказал мне читать Сюллиа записки. Я уверял его, что читал их и делал даже выписки по велению государыни императрицы Екатерины, по бытности моей при особенной дипломатической ее переписке, под начальством князя Безбородко. «Этого мало, – говорил он, – мы будем читать опять, твердить наизусть век Генриха. Сцена переменялась. Новые актеры, новые ужасы. Но Франция существует». Я достал книгу сию в Турине; он ее взял, читал и вдруг ночью присылает за мною с повелением сказать мне, что имеет сообщить нечто мудрое. Я являюсь: он меня сажает; перо, чернила и лоскуток бумаги на столе. «Переведи поскорее сию бесценную статью великого друга и наставника царей, Сюллиа», – указав мне место. Я принялся за перевод.

Так как у меня лоскуток тот сохранился, то для любопытства помещаю его здесь. «Причины падения и ослабления монархий, – говорит Сюлли в записках своих, – суть: непомерные налоги, особливо единоторжие хлебом; незаботливость о торговле, хлебопашестве, художествах и ремеслах; слишком великое число чиновников и издержки на содержание их; неограниченная власть тех, которые занимают места в государстве; значительные расходы; медленность и неправосудие в судопроизводствах; праздность и расточительность, со всеми принадлежащими к ним развратом и порчею нравов; запутанности в соотношениях присутственных мест между собою; переделка монеты; неблагоприятные и незаконные войны; слепая доверенность к недостойным лицам; предубеждения в пользу некоторых только сословий и ремесел; корыстолюбие министров и их любимцев; презрение к ученым; терпимость худых обычаев; нарушение хороших законов; упорная привязанность к мало важным или вредным обыкновениям; множество друг другу противоречащих постановлений и бесполезных узаконений». Кончив, отпустил он меня с извинением, что исторг меня из объятий Морфея. Я поклонился, ибо это не в первый раз.

* * *

На походе нашем к Турину, выехал оттуда навстречу Суворову бывший той столицы королевский генерал-губернатор, граф Сент-Андре, муж, почтенный сединами и опытами долговременного служения Сардинскому престолу. Александр Васильевич обрадовался такому полезному приобретению; тотчас выбежал к нему с сими словами: «Я отдаюсь вам; будьте моим ментором. Покажите мне Италию, сие наследие славы двух столетий, которой потомки должны идти по неизгладимым никогда следам их героев-предков. Я вижу шестнадцать миллионов жителей, разделенных между собою различными законами, обычаями, закоренелою народною ненавистью. Да будет между ими политическое единство! Да будут они планетами одного российского и австрийского солнца, один дух, один штык! Вот наш Геркулесов подвиг: non plus ultra»²⁵². Граф Сент-Андре долго не мог опомниться.

²⁵² Самый лучший (лат.).

Наконец произнес: «После всего того, что я слышу, я ваш пленник, ваш раб. Приказывайте мне, великий человек!» Достойный старец признавался, что он воображал увидеть совсем другого Суворова. Тотчас оба они подружились и составили дальновидные планы. Но политические виды оные испровергли и дали тогдашним делам совсем другое направление.

* * *

Старожилы в Новой Ладоге помнят и рассказывают, что князь Александр Васильевич, находясь там полковником Астраханского полка, учредил училище для солдатских детей, на своем иждивении выстроил для одного дом, был сам учителем арифметики и сочинял учебные книги, как-то: молитвенник, краткий Катехизис и начальные правила арифметики. Рукописный молитвенник мне показывали. Можно себе представить, какую любовью платили ему отцы за воспитание детей своих.

* * *

Из Петербурга получил я в Богемии, на возвратном пути из Швейцарии в Россию, сочинение: «Изображение князя Италийского». Сочинитель, подписавшийся: «Истинно русский», просил меня убедительнейше поднести оное нашему Герою. Долго выжидал я удобного для сего времени и наконец успел в Праге. Надобно было видеть, какие движения делал князь, когда я читал: то вскочит со стула, то повернется назад, то вскрикнет: ах! ох! ай! ай! Разбой! Караул! и т. п. По окончании просил он всех не верить этой лести; но мы все уверяли его, что сие изображение есть чистое излияние русского сердца. Вот оно:

Изображение князя Италийского

Дух истинного любомудрия наставил его с юных самых лет пренебрегать мнением людей и довольствоваться заключением потомства. Предавшись военной славе, он посвятил ей все: богатство, покой, забавы, любовь и даже родственническое чувство.

Душа, обуреваемая славолубием, могла ли вместить какой-нибудь род нежности? Однако же известно, что он был верный друг.

Суворов похож единственно сам на себя: непоколебим с сердитым нравом; весел даже в глубоких размышлениях; непреклонен в исполнении слова, данного даже врагу; без малейшего чувства к пустым насмешкам, которых он, видно, с умыслом не чуждается, дабы занять вздором внимание зависти и тем отдалить ее пронырства.

От взятия Глогау в Семилетнюю войну и разбития Ламота Курбьера, зари его подвигов, он беспрестанно гремел, до рассыпания им Царства Польского.

Затем Суворов-Рымникский замолк; но сей безвременный покой не должен продолжиться. Покой всеобщий разрушается. Сам аддохнул на Север.

Уже пожар мятежей все обращает в пепел и грозит Столице слабосильных Кесарей.

Напрасно все почти Скипетры стали на уперти врагу: все везде унывает!

Един Царь бодрствует на пятой доле мира; един, спокойно обозря все концы Своего достояния, со властью сказал: «Да узрят Мой флаг вокруг Европы; а ты, Суворов, вонми прошению князя князей германских и ступай за веру и человечество, за мою и твою славу!»

И Суворов двинулся, как другой Цинциннат, и явился в Италию, как некое Божество, с горстиею соотчичей; но с колоссом своих мыслей и дарований.

Минчио, Адиг, Треббия, Нови, Сен-Готард, Тейфельсбрик, Гларис; ты, храбрый и злосчастный Макдональд; вы, столь прежде славные Моро, Жубер, Массена. Довольно вас именовать. Блажен, кто на Суворова не идет!

Суворов достиг предмета и теперь стал превыше всех жребий и времени.

Желал ли он почестей? – он почти обременен ими. Хотел ли одной славы? – он в ней погружен. И проч.

* * *

Заметь отличную расторопность и храбрость в одном унтер-офицере союзных войск, велел фельдмаршал тотчас представить его в офицеры. Но что же? – получается в ответ на нескольких больших листах нота, в которой излагаются причины невозможности удовлетворить сему желанию, в рассуждении того, что означенный унтер-офицер не из дворян и не выслужил срочных лет. В подкрепление сего приведены были законы, воспреещающие таковое производство. Оскорбленный граф вырывает у меня бумагу и бросает ее на пол с сим восклицанием: «Боже мой! Я начальник армии и не могу быть ее отцом и благодетелем. Дарование в человеке есть бриллиант в коре. Отыскав его, надобно тотчас очистить и показать его блеск. Талант, из толпы выхваченный, преимуществует пред многими другими. Он всем обязан не породе, не искусству, не случаю и не старшинству, но самому себе. Старшинство есть большею частью удел посредственных людей, которые не дослуживаются, а доживают до чинов. О, немогузнайка – ни хтбештимзаген! Нет, родимая Россия! Сколько из унтеров возлелеела ты героев!» Весь этот день был граф скучен и сердит.

* * *

От фельдмаршала было приказание представлять ему лично каждого солдата, который отличится или храбростию, или каким-нибудь редким поступком, и часто таких обнимал, целовал и потчевал из своих рук водкою. В сражении при Треббии, полку Ферстера солдат Митрофанов взял с своим товарищем трех французов в плен. Они отдали свои кошельки, часы и все, что имели. Митрофанов принял и возвратил им несколько денег на корм. Подбежавшие наши солдаты хотели было их в ярости изрубить, но Митрофанов не допустил, сказав: «Нет, ребята, я дал им пардон. Пусть и француз знает, что русское слово твердо». После с товарищами разделил добычу. Митрофанов был тотчас представлен и на вопрос Суворова: «Кто тебя научил быть так добрым?» отвечал: «Русская азбука: С., Т. (слово, твердо) и словесное вашего сиятельства нам поучение. Солдат – христианин, а не разбойник». С восторгом обнял его фельдмаршал и тут же на месте произвел в унтеры.

* * *

Когда фельдмаршалу доложили, что союзное войско ропчет на вводимый в их службу новый порядок, отвечал он: «На это смотреть не должно. Филипп, король Испанский, велел выносить из Мадрита всякую нечистоту, от которой едва не сделалась зараза. Вся столица противу сего возопила; но король сказал: «Это младенцы, которые плачут, когда их обмывают; зато после спят они крепким сном». И Мелас умолк.

* * *

Фельдмаршал едет верхом в Италию мимо церкви. Архиепископ, в облачении с крестом, возгласил: «Sta Sol! Остановись солнце! И солнце ста и не иде на запад». Он тотчас соскочил с лошади и бросился целовать крест; престарелый, летами согбенный архиепископ продолжал: «Я остановил тебя, спаситель алтарей наших, на пути Христианской славы твоей словом Иисуса Навина; а теперь произреку тебе: и ты предидеши пред лицом Господним уготovati пути Его и дать разум спасения Его людям». Внезапность сего явления столь потрясла все бытие Суворова, что, проливая слезы, обнял, расцеловал он архипастыря; но не мог произнести ни слова. И о сем благочестивом муже не постыдились ненавистники славы России разглашать, якобы он показывал свою жестокость и над священнослужителями!

* * *

Князь не хотел никогда иметь под ружьем более ста тысяч войска. Он почитал сие достаточным для вторжения в Париж; но жаловался, что теперь у него только горсть людей. «Нет! – возразил некто, – ваша армия величайшая. Вы забыли громаду мыслей и сил Суворова! Забыли, как его превыспренность преобразует годы в месяцы, а месяцы во дни». «Уймешься ли ты, – сказал он, – а то я убегу». «Бегите, – отвечал тот, – мы видели ваш побег на Минчио, Адиж, Треббю, Нови, Сен-Готард, Тейфельсбрик, Гларис». «Чудесная память!» – вскрикнул генералиссимус и завел другой разговор.

* * *

По распечатании одного пакета на имя генералиссимуса, нашел я на него пасквиль, в котором он разруган. Называют его варваром, Вандалом, одетым в окровавленную львиную кожу, и пр. и пр. Долго колебался я, донести ли о сем князю? Наконец решился и прочитал ему. Он расхохотался и сказал: «Ох! Какое слабое орудие якобинизма. Не можно ли напечатать эту бранную бумагу? – она посмешила бы публику». И при сем случае показал, что он превыше всех насмешек и ругательств, ибо велел ее читать всем.

* * *

Не могу не повторить здесь анекдота, который так живо изображает доброту души Суворова. Во время двухлетнего его в Херсоне пребывания, познакомился он на вечеринке с сестрою знаменитого нашего адмирала Круза. Он узнает, что муж ее, капитан первого ранга Вальранд, разжалованный вечно в матросы, проживал с нею здесь. Тронутый несчастным положением сей благовоспитанной дамы, приглашал он ее всегда к себе на банкеты и танцевал с нею. В день отъезда своего в армию, сядя в кибитку, сказал он ей: «Молись Богу; Он услышит молитву твою!» И, по взятии Варшавы, пишет в Петербург: «Знаю, что Матушка-Царица меня наградит. Но величайшая для меня награда – помилование Вальранда». И Вальранд опять капитан первого ранга и умер генерал-майором. Я молчу. Какими словами возносить такую добродетель!!

* * *

У графа было обыкновение, что когда начнут его хвалить, то он, почитая хвалу за лесть, закроет глаза, запрыгает и убежит. Но ученый и достойный австрийский генерал-квартирмейстер Цах, с которым любил он беседовать о военном искусстве и которого называл он генералом *sans façons*, схватя его однажды, не выпустил из горницы. Разговорились, что каждый народ храбр и имел свои эпохи славы. «Правда, – сказал Александр Васильевич, – такими были греки под предводительством Фемистоклов и Аристидов, римляне при Сципионах и Цезарях, гунны при Аттиле, турки при Магомете и Баязете, французы при Конде и Тюренне, австрийцы с Валенштейном и Евгением, пруссаки при Фридрихе, англичане под начальством Малборука»... «А русские и мы, – прервал Цах его речь, – под начальством Суворова?» Граф замешался, вскрикнул: «Как! И Катон, мой Цах, начинает мне льстить?» – и хотел было бежать. «Никак! – отвечал тот с германскою важностью, не выпуская его из рук. – Зачем ретируетесь вы от истины, доказанной современною нашею историею? Скажу более и льстить не буду: всякий, вами наименованный народ, под жезлом вашим был бы победоносец, потому что вы – герой всех веков и всех народов!» Граф должен был усесться.

* * *

У фельдмаршала случилось много знатных эмигрантов, которые взапуски говорили о

своих пожертвованиях в пользу несчастного короля. Он прослезился при воспоминании о добродетельном государе, падшем от злодейской руки своих подданных, и сказал: «Жаль, что во Франции не было дворянства. Этот щит Престола защитил в стрелецкий бунт нашего Помазанника Божия». И все вдруг умолкли.

* * *

Когда от кардинала Руффо, главнокомандующего христианской армией в Нижней Италии, получено было известие, что при содействии российских военных сил под начальством капитана второго ранга Сорокина взят Неаполь, то фельдмаршал воскликнул: «Итак, вот и другая Парфенопейская республика исчезла с лица земли, и она лежит теперь во гробе с сиреною Парфенопеею, в честь которой получила сие название. Где же то древо вольности, которое французы обещали водрузить на пламенном Везувии? О, хвастунишки!» Кардинал в письме своем приписывал сей успех единственно победам Суворова: ибо они отвлекли все силы Макдональда к Треббии, и сей должен был оставить в Неаполитанских областях только малочисленные гарнизоны. Выписку из описания о бывшем в Неаполе ужасном кровопролитии, от самовидца присланную, читал я вслух. Фельдмаршал содрогался. Вот она: «По вступлении войск в Неаполь, калабрийцы буйствовали с беспримерною кровожадностью: убивали без пощады всех, кто только носил имя якобинца, и невинно и произвольно; грабили дома; неистовствовали с несчастными женами и безвинными детьми. Более двух тысяч домов были разорены. Христианская армия в ужасах превзошла революционную.

Во многих улицах жарили пленных, подымали их на штыки. Были чудовища, которые сосали кровь из убиенных. С великим трудом удержал Руффо от пожара хлебные магазины, в которых спрятались до 600 патриотов. Русские смотрели с омерзением на таковые бесчеловечия. Они не оставались хладнокровными зрителями: бросились, исторгали невинные жертвы из рук убийц и сим героизмом в человеколюбии покрыли себя славою, которая в летописях здешних пребудет вечною». Тут фельдмаршал встал, перекрестился и сказал: «Труссы всегда жестокосерды». По получении известия об удалении из Неаполитанского королевства французов, кардинал Руффо простер свои завоевания, дабы приблизиться к центру революции. Он сосредоточил войско, из 30 т. состоящее; выступил с оным из Калабрии и занял важный приморский город Салерно, который отстоит только в семи милях от Неаполя.

В то самое время отрядил адмирал Ф. Ф. Ушаков из Корфу капитана Сорокина с 5 фрегатами, 1 корветом и 4 канонерскими лодками в Адриатическое море. Сия флотилия в короткое время овладела приморскими городами: Бриндизи, Бари и Манфредониею, высадила на берег 500 человек войска, которые, под предводительством капитана Бели-Фоджа, повсюду разрушали республиканские знаки; истребляли якобинцев и, по приведении чрез несколько дней всей Андалузии в повиновение королю, соединились с Руффо и вступили в Неаполь.

* * *

Когда князю предлагали взять к себе в главную квартиру другого священника, проповедника гораздо ученейшего, то он не согласился на сие, сказав: «Нет! Пусть остается при мне старый. Иной проповедует с горячим языком, но с холодным сердцем».

* * *

Получено известие о падении при Дворе одного министра. «Я этого ждал», – сказал князь Александр Васильевич и, взяв перо, написал следующее: «Фортуна воздвигает колосс, подножие которого из глины. Она отвела ему у себя уголок только для постоя, а не в вечное

потомственное владение. Я знал, что своенравная сия хозяйка сперва его приголубит, а после прогонит. Беда без фортуны, но горе без таланта! Изгнание Аристида, присужденное Остракизмом, дало добродетели его тем большую знаменитость. Вот разница между Аристидом и нашим Антишамбристом».

* * *

Один полковник, рассуждая о предстоявших военных предприятиях, осмелился предложить фельдмаршалу план отдельным операциям своего полка. «Воюй, полковник; твой успех будет эпизодом в истории. Но план главнокомандующего есть история его жизни и – славы всего его войска».

* * *

В пылу Новийского сражения доносят фельдмаршалу, что в сию минуту убит майор Корф, которого он знал и любил еще в Польскую войну. Он перекрестился, прослезился и воскликнул: «Вечная память достойному, храброму Корфу! Завидна смерть на поле брани за Отечество. Будем молиться за упокой души его; но да не прогневим ропотом Бога, сотворившего нас смертными. Его Святая воля!» Дал шпоры лошади и полетел за победою.

* * *

Как враг десантов князь Александр Васильевич рассказывал, что еще в деревне своей, Кончанске, смеялся он над предполагаемою Бонапартом высадкою в Англию. «Я, – говорил он, – называл ее тогда же второю после Гибралтара репетициею трагико-комической военной драмы, которая никогда не будет разыграна. В Гибралтаре Криллон дал бессмертную знаменитость Эллиоту, а с собою увез срам и позор. Отсюда же уплыл Бонапарте в Египет. Так оканчиваются десанты!»

* * *

Князь Багратион рассказывал за столом у генералиссимуса об одном старом, заслуженном, редкого поведения полку его солдате, который принес ему пять червонных с сими словами: «Эти деньги достались мне при разделе добычи от моих товарищей; но Бог послал их девяностолетним родителям моим в Нижегородской губернии. Сделайте милость, Ваше сиятельство, прикажите их к ним туда отправить по сей надписи». Что князь тотчас и исполнил. Александр Васильевич, восхитясь сим поступком, велел привести солдата и, расцеловав его, произнес: «Спасибо тебе, христианин, что ты помнишь заповедь Божию: чти отца и мать твою». Узнав, что он был с ним в турецких и польских походах, вскрикнул князь: «Давай мне за него дюжину рекрут – нет, мало, и сотни не возьму. Поздравляю тебя унтером». «Благодарю, Ваше Сиятельство, – отвечал солдат, – я неграмотный, служил рядовым, прикажите мне умереть в рядах». Суворов, обратясь ко всем, сказал: «Где это услышим?»

* * *

Князь любил ходить часто между солдат, в солдатской куртке или в изодранной своей родительской шинели, и был всегда доволен, когда его не узнавали. Тут бывали с ним нередко весьма забавные встречи, которые, если описывать, то надобно писать новую книгу его анекдотов. Часто находили его в армии спавшего наповал с солдатами. Так, однажды закричал вслед фельдмаршалу, бежавшему в солдатской простой куртке, присланный от генерала В. Х. Дерфельдена с бумагами сержант: «Эй, старик, стой! Скажи, где пристал

Суворов?» «Черт его знает», – отвечал он. «Как! – вскрикнул сержант. – У меня от генерала к нему бумаги».

«Не отдавай, – был второй ответ, – он теперь или размертвецки пьян, или горланит петухом». Тут посланный поднял на него палку и вскрикнул: «Моли ты Бога, старичишка, за свою старость; не хочу и рук марать; ты, видно, не русский, что так ругаешь нашего отца и благодетеля». Суворов – давай Бог ноги. Через час возвращается он домой. Сержант, узнав его, хочет броситься к его ногам; но граф, обняв его, сказал: «Ты доказал любовь ко мне на деле: хотел поколотить меня за меня», – из рук своих потчевал его водкою.

* * *

Также и в Финляндии, едуци на чухонской телеге, не успел Суворов по тамошним узким дорогам своротить, как вдруг столкнувшийся с ним курьер ударил его пребольно плетью. Лежавший с ним адъютант его, Курис, поднялся и хотел было закричать, что это главнокомандующий, как Суворов, зажав ему рот, сказал: «Тише! Тише! Курьер, помилуй Бог, дело великое!» По прибытии в Выборг, узнает Курис, что курьер тот был повар генерал-поручика Германа, отправлявшийся с курьерскою подорожною за провизиею в Петербург, и донес о сем графу, который произнес: «Ну что же? Мы оба потеряли право на сатисфакцию, потому что оба ехали инкогнито».

* * *

В прошлую войну с турками граф Александр Васильевич Суворов, объезжая части вверенных ему войск, заехал к полковнику Соболевскому, командовавшему тогда частью арнаут, расположенных в лагере при реке, и, спрося прежде об имени полковника, вошел к нему в палатку и сказал: «Здравствуй, Иван Володимирович! Много ли турок за рекою?» Полковник (родом из сербов) был приведен в замешательство таким нечаянным вопросом, тем более, что никогда еще не видывал Суворова, отвечал: «Не могу доложить». При сем отзыве Суворов, закричав: «Проклятая немогузнайка!», приказал тотчас курить, как можно более, в палатке и вскоре, сев на казацкую лошадь, поскакал из лагеря, приказав притом полковнику Соболевскому следовать за собою, а находившемуся при нем полковнику Курису велел между тем наставлять Соболевского. Отъехав потом некоторое расстояние, подозвал к себе Соболевского и опять спросил его: «Много ли турок?» Сей отвечал: «Много, Ваше сиятельство».

Тогда Суворов выговаривал Курису, что он худо наставил Ивана Володимировича; велел продолжать наставления и поехал далее. Дорогою беспрестанно и громко бранил Соболевского и иногда Куриса за худое наставление. Неоднократно спрашивал, наставил ли Ивана Володимировича? При отзыве сего о исполнении, повторял: «Еще наставляй». После чего, отъехав несколько верст, остановился возле дерева и, подозвав к себе Соболевского, сказал: «Знаешь ли, что ты наделал? Ты сказал, что турок много, я напишу к князю П... чтобы присылал более войска, потому что Иван Володимирович говорит: много турок; князь напишет к Матушке-Царице; Императрица принуждена будет дать указ о рекрутском наборе, все потому, что Иван Володимирович говорит: много турок. Вот что ты наделал!» После сего разговора приказал Соболевскому взлезть на близстоящее дерево, обозреть неприятельский лагерь и счесть, по возможности, число палаток турецких; что тот и исполнил. Тогда граф Александр Васильевич сказал: «По числу палаток положим число людей, ошибемся немногим: для тебя много и пяти тысяч, а мне мало и ста тысяч», – и с сим уехал.

* * *

Генерал К. представил князю семилетнего сына своего, крестника Суворова, мальчика избалованного, пререзвого, который начал прыгать и скакать по стульям; отец его унимать, а

Александр Васильевич уговаривать отца: «Оставь его, пусть шалит и резвится. Это меня тешит. Скоро, ах, скоро поблекнет сей золотой без золота возраст, при первом звуке слова: этикет. Тогда прощай, невинная простота и веселость младенчества!»

* * *

Однажды князь, разговорясь о самом себе, спросил всех, у него бывших: «Хотите ли меня знать? Я вам себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворе надо мною смеялись. Я бывал при Дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых, угомнял буйных врагов отечества. Если бы я был Цезарь, то старался бы иметь всю благородную гордость души его; но всегда чуждался бы его пороков». И, обратясь ко мне, прибавил: «Запиши это для истории».

* * *

Князь Г. А. Потемкин беспрестанно назывался к Александру Васильевичу на обед. Граф всячески отыгрывался; но наконец вынужден был пригласить его с многочисленную свитою. Тотчас призывает к себе искуснейшего при князе метрдотеля, Матоне, поручает ему изготовить великолепнейший стол и не щадить денег; а для себя велел своему повару, Мишке, приготовить два постных блюда. Стол был самый роскошный и удивил даже самого Потемкина. Река виноградных слез, как Суворов в одном письме своем пиитически отзывался, несла на себе пряности обеих Индий. Но он, кроме своих двух блюд, под предлогом нездоровья и поста, ни до чего не касался. На другой день, когда метрдотель принес ему счет, простирившийся за тысячу рублей, то он, надписав на оном: «Я ничего не ел», отправил к князю, который тотчас заплатил и сказал: «Дорого стоит мне Суворов!»

* * *

Князь, увидя нечаянно табакерку с изображением одного лица, ему и многим ненавистного, отбросил ее и сказал: «Ах, как я испугался! Зачем не изобразил живописец его спящим? В минуты сна и тигр бывает добр и не вредит».

Часть третья

* * *

Однажды князь за обедом вдруг делает себе вопрос: «Что есть глазомер? – быстрый обзор всех предстоящих предметов, для примерного определения числа и величины их. На войне взлезай на дерево, как я при Рымнике. Я увидел неприятельский лагерь, местоположение и поздравил себя на дереве с победою. Для этого (взглянув на меня) вооруженные очками глаза не годятся». Я встал и поклонился ему за правду. «Сиди, не беспокойся!» – сказал он.

* * *

Когда от вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова получено было известие о взятии флотом Корфу, вскрикнул князь: «Великий Петр наш жив! Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: Природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет! – то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту! Генрих

IV написал знаменитому Криллоу: Повесься, храбрый Криллон; мы победили при Арке (Argues)! А тебя там не было! Я теперь говорю самому себе: Зачем не был я при Корфу, хотя мичманом?»

* * *

Быв в городе Вишау свидетелем трогательной сцены, я описал ее, и Г. Антинг, выпросив у меня, поместил анекдот сей в своей Истории. Вот он.

Добрая, благородная душа князя имела особенную привязанность к малым детям; и тот же самый человек, который в день сражения подоился перуну раздраженного божества, при слабом и несчастном имел всю чувствительность нежнейшего сердца. При возвращении его из Италии чрез Моравию, был он встречен в городе Вишау тамошним обер-амтманом комиссаром Целинкою, бургомистром Зауликом и городским синдиком Баером, при игрании на трубах и литаврах. Его Сиятельство, будучи весьма доволен таковою нечаянною встречею, обнял их и пригласил к столу, во время коего герой наш пил за здравие Их Императорских Величеств, Павла I и Франца II. В продолжение стола дети обер-амтмановы пришли с другими детьми и, пропев в похвалу ему кантат вместе с инструментальною музыкою, поднесли ему разные плоды, как малый дар, не имея лучшего. При сей сцене покатались от радости слезы по ланитам достопочтенного и сединами украшенного мужа, лобызавшего с усердием многократно всех бывших тут детей.

Потом, посадив за стол вокруг себя небольшой хор сих певцов, сам их потчевал и давал каждому мальчику пить из своей рюмки. Почти полтора часа разговаривал он с одними своими маленькими гостями, увещевая их быть добродетельными и благочестивыми; он рассказывал им также и о собственных своих детях, и в продолжение разговора очень часто показывались на глазах его радостные слезы. «Сегодня, – повторял он неоднократно, – самые приятнейшие у меня за столом гости. О, невинность! И я, любезные мои дети, буду скоро на вас походить. Вы для меня столь прелестны, что не могу с вами расстаться». И в самом деле, Его Сиятельство присидел за столом целый час более обыкновенного.

* * *

В Павии приглашали графа посетить университетскую библиотеку, но он отговорился недосугами. Обратясь ко мне, сказал: «Сходи посмотреть сей макулатурный магазейн. Сколько миллионов гусей должны были поставлять свои перья! Какой чернильный океан должен был разлиться, чтобы белое сделать черным! Но скажи им, что Суворов в Варшаве не был Омаром в Александрии: он не сжег библиотеки, но поднес сей плод оружия Отечеству».

* * *

Разговорясь с графом Сент-Андре о славном Тюренне, спросил его князь: «На кого похож Тюренн?» Тот отвечал: «На Суворова; и он и Суворов могут сказать: non omnis moriar, т. е. не весь умираю». Это так понравилось Александру Васильевичу, что за обедом несколько раз повторял он тихонько про себя: non omnis moriar. Велел было мне записать; но я отвечал: «Такая истина не изглаживается из памяти».

* * *

Один генерал любил ходить в пучке, что было противно тогдашней форме. Князь боялся за него, чтобы он за то не подвергнулся неприятностям; но, уважая его лета и службу, не имел духу ему запретить. Однажды сказал он мне при нем: «Узнай под рукою, не кроется ли в пучке или под пучком что-нибудь важное?» И подобными разными шутками довел он его до того, что он начал носить форменную косу.

* * *

В упорных и решительных сражениях бывают такие минуты, когда обе стороны, по невольному действию сердца человеческого, ощущают слабость средств своих, бесполезность напряжений и сил истощения. Наблюдение сей единственной минуты доставляет успех и славу. Суворов одним взором усматривал движение рядов и душ русских воинов. К сей минуте нравственного ослабления у него был всегда запас. В самом жару сражения под неприступными высотами Нови Суворов увидел сие расположение душ; немедленно отдал приказ к нанесению неприятелю последнего удара и, когда все войска двинулись, герой сказал: «Велик Бог Русский! – Я победил Моро!»

* * *

Некоторые полководцы умели побеждать, а не умели пользоваться победою. Суворов и удачу врагов употреблял в пользу себе. Когда подан был знак к переправе через реку Адду, в то самое время несколько отважных русских гренадеров бросились на суда, неустрашимо принялись за весла и, по темноте ночи, в несколько минут пропали из виду. Вскоре с противного берега слышали беспорядочную пальбу: разные огни засверкали сквозь кустарники. Прозорливый Суворов тотчас догадался, что неприятель зажег передовые суда. Опасность русских воинов, переплывших за Адду, обратил он в предвестие победы. «С нами Бог! – вскричал герой. – Богатыри овладели берегом и зовут нас. Не выдадим своих! Вперед! С нами Бог!»

* * *

Суворов, встретясь с одним генералом, по стремлению невольной запальчивости, сделал ему жестокий выговор и вдруг, смягча голос, продолжал: «Я говорил вам, как раздраженный начальник, теперь буду говорить, как друг и отец. Я знаю все: вероломство и измена предали вас в руки неприятелей. Бог взыщет с них!.. Если можно, не вспоминайте никогда о прошедшем».

* * *

По окончании Италийской кампании приказал мне генералиссимус узнать, был ли в продолжение оной кто-либо наказан за нарушение подчиненности. Когда, по получении справок, донес я Его Сиятельству, что ни одного не было, то он с восторгом вскочил и возблагодарил Бога. «Теперь, – сказал, – узнаю я наше русское войско. Сей подчиненности обязан я своими победами, ибо что есть войско без повиновения и каким образом могут толпы вооруженных людей направляемы быть безошибочно к назначаемой цели без власти, разделенной между постепенными начальствами? Запиши: Ноша службы легка, когда дружно поднимают ее многие. Нет! Греки и римляне с нами не равняются».

* * *

Положив 16 апреля 1799 года переправиться чрез быструю реку Адду, которой крутые берега везде были укреплены батареями, Суворов сказал: «Победа, слава и безопасность воинов наших зависят от сего подвига. Медленность наша умножит силы неприятеля; быстрота и внезапность расстроят его и поразят. Широта реки не сузится, высота берегов не понизится; Русский Бог силен! С Ним перелетим полетом богатырским; с Ним победим!!! Ура!» – и русские за Аддою!»

* * *

По взятии Милана некоторые австрийские генералы представили Суворову, что после трехдневного с неприятелями дела войска заслуживают, чтобы им дано было хотя малое одобрение. В ответ на то Суворов отдал в приказе: «Вперед!»

* * *

Рассказывали про кого-то, который любил копировать Суворова, подражая ему в образе жизни, окачиваться водою, бегать, прыгать и т. п. Александр Васильевич начал: «Зачем старичок меня корчит? Мне кажется, обезьяны для того и сотворены, чтобы нас, одаренных разумом, отчуждать от смешного обезьянства. Так, спартанцы испугались, увидя пьяного Илота. Жалко подражание, похвально соревнование. Подражание есть признание в недостатке собственных своих способностей; соревнование – порыв благородной души, которая хочет выказать оспариваемое у нее преимущество. Подражатель ползает за своим оригиналом; соревнователь стоит возле него и отбивает у него венец. Тот раб, сей господин. Пусть старинушка, передразнивая меня, смешит всех собою...»

* * *

Читали книгу, в которой сказано, что один персидский шах, человек, впрочем, кроткого нрава, велел повесить двух газетчиков за то, что они поместили в своих листках две лжи. «Как! – вскрикнул Суворов. – Только за две лжи? Что если бы такой шах явился у нас, исчезли бы все господа европейские журналисты! Не сносить бы головы своей и Дюмасу».

* * *

Известный в Европе пастор Лафатер прислал к Суворову из Швейцарии в Италию сочинение свое под заглавием: Одно слово свободного швейцарца к французской нации. В оном описаны все неистовые и злодейские поступки тогдашних французов. Он велел тотчас напечатать несколько сот экземпляров для раздачи по Швейцарии, когда мы туда вступим; а следующую статью выписать для себя: «Французская нация! Перестань называться великою нациею. Колоссальная величина – не истинное величие; и триста миллионов китайцев показались бы тебе смешными, если бы нарекали себя великими. Называй себя малейшею из всех наций, или ты должна терпеть, что все великие и малые народы тебя признают такою. Французская нация! Устами частного человека вопиют языки нескольких сот тысяч вольных швейцарцев ко всем народам: «Мы еще рабы, рабы, какими никогда не бывали». О Лафатере должен я заметить, что покойный государь император Павел I знал его лично и высочайше предписал: взять его в Цюрихе под особое Российское покровительство.

* * *

Князь любил в праздные часы рассказывать о прежних своих походах; но всегда кратко и отрывисто. Так, говоря о взятии Измаила, начал следующим образом: «Гордым Бог противится. Три раза посылал я требовать сдачи. Что же? Получаю от паши ответ: «Прежде переменит Дунай свое течение, прежде ниспадет небо на землю, нежели Измаил сдастся». Вдруг гордыня у наших ног. Бог наш спаситель; великая Царица на Престоле; войско победоносное. Едва успел сказать: храбрые воины! Два раза подступали наши к крепости, в третий победим со славою – и уж чудо-богатыри в крепости!»

* * *

По выходе из Альпийских ущелий, приближаясь к городу Куру, увидели мы двух быков. Вдруг все бросились, вмиг распластали и раскрошили их, развели огонь, и каждый, начиная с фельдмаршала, жарил сам кусок своей говядины на палочке или на шпаге. Еще и теперь не могу забыть, как вкусен был тот кусок. В то самое время бросается к ногам Суворова старик с старухой в слезах и жалуется на солдат, похитивших у них скот. «Нет! – сказал он, обняв его. – Мы не разбойники, а голодные; возьми сто червонных, возьми более, сколько хочешь; но не порицай в грабительстве добрых защитников твоей родины. Ты, верно, эти две недели был сыт с твоим семейством, а мы не знали хлеба и умираем с голоду. Бог будет нас судить всех: Его беспредельное милосердие помилует нас; но твоего жестокосердия к ближним не оставит без наказания. Помни, старик, мы все братья. Швейцарцы – добрые христиане». Слова сии, произнесенные с жаром чувств, поколебали крестьянина: он отказался от денег, а начал только просить о карауле к своему дому, который тотчас ему и дан.

* * *

Один иностранный генерал за столом у Суворова возносил его хвалами без умолку, так что наскучил ему и нам всем. Подали прежалкий круглый пирог, который кушал лишь один Александр Васильевич. «Знаете ли, господа, – сказал он, – что ремесло льстеца не так-то легко. Лесть походит на этот пирог: надобно умеючи испечь, всем нужным начинить в меру, не пересолить и не перепечь. Люблю своего Мишку повара; он худой льстец».

* * *

Строжайше запрещено было офицерским женам следовать за армиею. Несмотря на то, многие передевались в мужское платье, были с мужьями своими неразлучно и прятались от генералиссимуса. Однажды встретился он с такою переодетою и спросил: «Кто это такой?» Отвечают: капитан. «Храбр ли он?» Ответ: храбр. «Да, – продолжал князь, – знаю его. Он, помилуй Бог, храбр – в Амазонском полку».

* * *

В одном немецком городе, когда князь занимался со мною в кабинете своем, вбегает к нему престарелая хозяйка дома и, бросаясь к ногам его, кричит: «Спасите, генерал; ваши солдаты грабят мой сад, ломают яблони и едят не созревшие еще яблоки. Они все умрут». Фельдмаршал приказал тотчас их выгнать, а потом, указав ей на меня, сказал: «Вот этот генерал, которому приказано смотреть за порядком, будет за сие тотчас разжалован вечно в солдаты». Тут полились новые слезы; добрая старушка умоляла его о помиловании меня. Забыты яблоки. Но он оставался непреклонным: сел и принялся опять со мною за работу. По возвращении моем в канцелярию, она просит у меня прощения, что невинно в первый раз в жизнь свою сделалась виновницею несчастья ближнего. С великим только трудом мог я ее успокоить.

* * *

Государыня императрица Екатерина Алексеевна изволила изъявить желание, чтобы Суворов вступил в переписку с Шареттом, генералиссимусом тогдашних Королевских французских войск в Вандее. На сей конец поднесен ей был на усмотрение проект письма на французском языке к Шаретту, для подписания Суворову. Государыня, по прочтении, уничтожила оный, сказав: «Не нам учить Суворова писать. У гения свой полет и свое перо». И тогда удивил граф высоким французским своим красноречием всех иностранцев. Во всех газетах было то послание напечатано как образцовое. На третий день моего вступления к

нему в должность, спросил он меня, читал ли я то произведение его. Я признался, что нет. Тут он тотчас вынул оное и велел мне сесть и перевести по-русски.

Вот мой перевод сего достопамятного письма:

«Суворов к г-ну Генералиссимусу войск французского короля де Шаретту; из Главной своей квартиры.

Герой Вандей! Знаменитый защитник веры отцов твоих и престола твоих Государей! Приветствую тебя. Господь сил да блюдет тебя во всякое время; да направит десницу твою на поражение полчищ многочисленных врагов твоих, кои от единого мановения перста сего Бога-отмстителя падут рассеянные, яко лист, ветром севера отторженный! А вы, бессмертные вандейцы! Верные хранители чести французов! Достойные сподвижники Героя, вами предводительствующего! Восстановите Храм Господень и престол Государей ваших. Нечестивый да погибнет, и путь его да потребится! Тогда мир благодеющий да возродится паки и древний стебель лилии, преклоненный долу, да восстанет посреди вас блистательнее и величественнее. Храбрый Шаретт, честь французских рыцарей! Вселенная исполнена имени твоего; изумленная Европа созерцает тебя; тебе удивляюсь я, тебя приветствую. Бог избрал тебя, как некогда Давида для наказания филистимлян. Благоговей пред судьбами Его. Лети на брань, устремись на врага, рази, и победа последует стопам твоим! Таковы суть желания воина, который, посев на полях чести, всегда зрел победу, увенчивающую упование его на Господа сил! Слава Ему! ибо Он есть источник всякие славы. Слава тебе! Ибо ты Ему любезен. Суворов. Октября 1 дня 1795 года. В Варшаве».

* * *

Сядясь обедать, заметил князь, что один молодой офицер теснился сесть выше старших, чего он весьма не жаловал; тотчас начал кричать своим языком: «Дисциплина! Субординация! Высока лестница военного чиновачалия! Ступени широки! – кто ступил выше, тот выше и садится!» И проч. Чтобы остановить гнев его, один из сидящих уверил графа, что этот молодой человек близорук и стихотворец, и хотел поближе рассмотреть героя своей поэмы. «Зачем, – сказал Александр Васильевич, – не предупредомил ты меня? Я думал, что он маменькин баловень; а теперь вижу, что это *licence poétique*²⁵³. Как нам не служить, когда у нас в армии барды и трубадуры сулят нам бессмертие!» Просил стихотворца-самозванца принести прочитав свою поэму, развеселился и принялся с аппетитом за Мишкины блюда.

* * *

Предварительно должен я просить у читателей моих снисхождения, если займу их рассказом о весьма забавном, но маловажном происшествии: о возложении двух медалей на камердинера генералиссимуса Прошку, который во всей армии известен был под сим именем. Наперед скажу также, что сей Прошка был человек невоздержный, ограниченного ума и дерзкий. Он отнимал иногда у него тарелку с кушаньем, грубил ему. Несмотря на то, барин его, помня, что он как-то спас некогда жизнь его, снисходил к его невежеству и шутил над ним. Вдруг сей Прошка удостоивается получить от Сардинского короля, Карла Эммануила, две медали, одну с изображением государя императора Павла Первого, а другую с изображением короля и с надписью на латинском языке: «За сбережение здоровья Суворова». Обе на зеленых лентах. На пакете рескрипта, запечатанном большою королевскою печатью, адрес следующий: «Господину Прошке, камердинеру Его Сиятельства князя Суворова». Сей пакет внес Прошка своему господину с воем и прослезил его также. Тотчас за мною посылка.

²⁵³ Поэтическая вольность (фр.).

Я являюсь. С восторгом кричит граф: «Как! Его Сардинское величество изволил обратить милостивейшее свое внимание и на моего Прошку! Садись и пиши церемониал завтрашнему возложению двух медалей на грудь Прошки». Я сел и написал: «Первый пункт: Прошке быть завтра в трезвом виде». «Что значит это? – сказал Александр Васильевич. – Я от роду не видывал его пьяным». «Я не виноват, – отвечал я, – если я не видал его трезвым». В одном пункте сказано между прочим, что, по возложении медалей, должен Прошка поцеловать руку своего барина; но граф требовал настоятельно, чтобы он поцеловал руку Габета, уполномоченного королем при Главной квартире Суворова.

На другой день церемониал совершился по пяти пунктам в точности, кроме первого, который исполнен с некоторыми ограничениями. Также в конце: Габет никак не давал своей руки; граф и Прошка за ним гонялись, и едва все трое не упали. Забыл я сказать, что Прошка в сей жаркий итальянский день был в бархатном кафтане с большим привешанным кошельком и уже не служил, а стоял в отдаленности от графского стула, неподвижно за столом, где пили какое-то кипрское прокисшее вино за его здоровье. Нельзя не подивиться, как граф при сем забавном случае сохранял пресерьезное торжественное лицо. Так мешал он дело с бездельем и это называл своею рекреациею.

* * *

Отдавая английскому курьеру письмо к адмиралу Нельсону, Суворов сказал: «Кланяйтесь другу моему, Нильскому Герою, сказавшему накануне Абукирского сражения: «Завтра я – или лорд, или ангел».

* * *

Фельдмаршал говаривал, что недурно иногда спросить и служивых, с кем они хотят воевать. Они знают и не ошибаются в своих начальниках. Надобно было однажды отрядить для нападения на неприятеля два батальона. Он подослал спросить, за кашицею, солдат одного полка, с кем бы они хотели поработать. Все в один голос назвали одного полковника, несмотря что там были, казалось, гораздо достойнейшие. Он тотчас исполнил их желание, и дело увенчалось успехом.

* * *

Один эмигрант насчитал князю целый каталог недавно изданным книгам о военном искусстве и казался удивленным, что он их не читал. «Удивительно, – сказал наконец Александр Васильевич, – никогда так много не писали о тактике, как в царствование Людовика XV: а какую жалкую ролю играла в военной истории французская армия. Начальники, увы! Субиз и Клермон; военный дух: Росбах! Минден! Забыты века Карла Великого, Генриха IV, Людовика XIV. Военная их библиотека была очень невелика. Ее украшали тогда имена: Тюренн, Конде, Люксанбург, Катина, и проч.»...

* * *

Разговорясь о государе Петре Первом, Суворов сказал: «Я благоговел к нему на Ладожском канале и на Полтавском поле, где, по повелению блаженной памяти матушки Екатерины, был сделан точно тот самый его маневр. По его следам дознался я, что он был первый полководец своего века; мнение мое и Румянцев удостоил одобрить».

* * *

Князь показал мне однажды приказ, в котором прописан весь его титул, как-то: Его

Сиятельство Господин Генералиссимус такой-то армии и разных орденов кавалер, князь, граф, и проч. и проч. Он все это вымарал, написав своею рукою: Суворов приказал. «Не правда ли, – спросил он меня, – что так лучше?» «Да, – отвечал я, – довольно сказать: Цезарь приказал, а еще лучше: он приказал. Ибо кто не знает этого он, которому все повинуется». Князь взглянул на меня и сказал с улыбкою: «Вижу, что ты двенадцать лет служил при Безбородке».

* * *

Надобно чтить превратность счастья в пленном – была всегдашняя его аксиома, и по поводу сего никогда не любил он принимать шпагу от попавшегося в полон, а любил возвращать. Тотчас отдал ее генералу Серюрье в Милане с сими словами: «Кто ею так владеет, как вы, у того она неотъемлема».

* * *

Увидя жида, остановился князь, сказав: «Вот и с еврейским пятисотным полком сражался я под Прагою и положил всех на месте, кроме осторожного их полковника Гиршко, который весьма благоразумно оставался в Варшаве и оттуда командовал. «Жив ли он? – спросил он, но, не дождавсь, поскакал. – Напрасный вопрос – он животолубив».

* * *

Храброго майора барона Корфа спросил фельдмаршал за столом: «Ты с нами был в Варшаве? Что ты там видел?» «Ничего, – отвечал он, – кроме Вашего сиятельства, когда магистрат возвратил вам содержащихся в полону 1376 русских, 500 пруссаков, 80 австрийцев и в числе их трех генералов наших и трех членов дипломатического корпуса. Я видел, как с них снимали оковы и как они изливали свои чувства в объятиях своего спасителя». Суворов умолк и умильно прослезился.

* * *

Бескорыстие князя Александра Васильевича было во всю жизнь столь велико, что его по всей справедливости можно назвать русским Фабрицием. И о нашем, как и о том, сказал бы царь Эпира Пирр: «Прежде совертится с течения своего солнце, нежели сей римлянин с пути честности». Он радовался, когда войску доставалась богатая добыча, но никогда в разделе ее не участвовал, беспрестанно повторяя: «К чему мне? я и так награждаюсь не по мере заслуг моих, но по величию благи царской». В Измаиле подвели ему редкую лошадь, которой не было цены, и просили принять ее в память знаменитой эпохи; но он отказался, сказав: «Нет, мне она не нужна. Я прискакал сюда на донском коне, с одним казаком; на нем и с ним ускачу». Когда ему один генерал заметил, что теперь поскачет он с тяжестию новых лавр, то он отвечал: «Донец всегда выносил меня и мое счастье». Здесь слышим Цезаря!

* * *

Приехавший в Главную квартиру бывший республиканский генерал Пишегрю испрашивал у фельдмаршала конференции, но он от оной уклонился под предлогом политических препятствий. При сем случае говорил он в кабинете: «Не должно теперь слишком доверять пылкости эмигрантов. Кант сказал, что каждый француз есть природный танцмейстер. Вся сила у них в ногах; а мне надобны и головы. Впрочем, что отважного покровителя Голландии, который не флотом, а по льду сделал высадку на ее берега.

Скорость нужна, а поспешность вредна».

* * *

Завели у графа разговор о генерале Макке. Тотчас все союзные генералы взглянули друг на друга и шепнули: «Ну, теперь нам достанется». Но как они ошиблись! «Судить о талантах по одним несчастьям, – говорил Суворов, – было бы несправедливо. Я, напротив того, отыскиваю причины неудач Макка в ошибках Неаполитанского министерства. Если Мантуа пала, если Папа принужден был подписать Толентинский трактат, если в верхней Италии основалась Цизальпинская республика, если Бонапарте достиг до Мура; то все это произошло оттого, что Неапольское правление в сии решительные периоды оставалось от страха в бездействии. Такой тогдашний кабинет и войско без дисциплины! Чего тут ожидать? Военские летописи не сохранили примеров, чтобы малочисленность торжествовала над многочисленностью. Но каждый француз сражался с 6, 8 и даже с 10 неаполитанцами и оставался победителем».

* * *

Сколько князь не любил ретирад и оборонительной войны, столько был он также не охотник до десантов. Он не одобрял высадки во Францию английских войск под начальством герцога Йоркского. Ибо известно, как для них несчастливо кончилась кампания 1794 года, так что они должны были сесть на суда, бежать и спасаться. В заметке, диктованной генерал-майору Прево-де-Люмиану и помещенной в моей Истории, говорит он именно: «Высадки во Францию не надобно. Они, то есть англичане, должны продолжать нападение на колонии. Они слишком разделяют силы свои в канале и на Средиземном море». По поводу такового его невыгодного о десантах мнения был он в отчаянии, когда получил известие о назначении высадки в Голландию российских войск с английскими, под главным начальством герцога Йоркского. «Господи! – воскликнул он. – Да не буду я пророком». Последствия оправдали его страх.

* * *

«Забавны, – говорил князь, – те животолюбивые скрибы, которые хотят вести войну без пролития крови. И я щадил ее, где можно было. На пути к Варшаве, с 10-тысячным корпусом, обезоружил я в Белорусских провинциях 8000 поляков на пространстве 150 миль, не пролив ни капли. В Варшаве поцеловал ключи города и возблагодарил Господа, что они не окровавлены, как в Праге. Ба, – обратясь к В. Х. Дерфельдену, – ты, герой Праги, расскажи». И сей знаменитый генерал продолжал: «Да, в военной истории нет примера делу, столь отважно предпринятому, столь искусно исполненному и столь достопамятному своими последствиями. Одним ударом потушен огонь раздора; испровергнуто правление, которого конституционное основание воздвигло бури; восстановлен мир». Князь бросился его обнимать, целовать и благодарить. Серьезный Дерфельден спрашивает его: «За что изволите благодарить?» Ответ: «За то, что ты Лаконик».

* * *

Князь Александр Васильевич вспоминал всегда с благоговейным восторгом об Императорской фамилии, о августейшей супруге, матери пресветлейших и добродетельнейших царских детей и матери сирых, и о надежде России, тогдашнем наследнике престола Александре Павловиче. «Однажды, – говорил он, – удостоюсь увидеть ангела во плоти, трехлетнего Великого Князя Николая Павловича (ныне счастливо царствующего Государя Императора), бросился я к его ногам. Его Императорское

Высочество, испугавшись, заплакал. На случай сей вдруг является Государь и, подымая меня, изволил сказать: «Помилуйте, граф, что вы делаете?» Я отвечал: «Он – сын Боготворимого Государя. Его Высочеству скажут, что у младенческих ног его лежал старый верноподданный».

* * *

Принц Конде, разговорясь однажды с Суворовым о прежних его подвигах, признался с сожалением, что не читал ничего о заре славы его в Семилетнюю войну. Александр Васильевич обратился тотчас ко мне и приказал написать на французском языке обозрение тех его подвигов. Я заметил его сиятельству, что, не имея достоверных источников, не могу иначе исполнить его приказание, как руководствоваться его историею, изданною на немецком языке Антингом, и сделал из оной извлечение. «Да, – отвечал он, – сделай без всякой прикрасы и покажи мне, а после мы доставим к принцу». Здесь представляю я перевод.

Краткое обозрение подвигов Суворова в Семилетнюю войну

Мы начинаем повествование наше о Суворове с 1759 года, когда он, на 29-м году своего возраста, вступил на военное поприще, под начальством генерала князя Волконского и генерал-аншефа графа Фермера. Вскоре приобрел он доверенность их – отважностью своею в баталии при Куннерсдорфе и при взятии Тотлебенем Берлина.

В последующих годах, под начальством генерала Берга, прикрывал он легкими войсками отступление российской армии к Бреславию. Под Рейхенбахом, окруженный значительным прусским корпусом генерала Кноблоха, одержал он первую в жизни своей победу. Ему был тогда 31 год. Беспреданно имел стычки с армиею, предводительствуемою самим Королем, и одерживал нередко частные выгоды. Таковое начало служения весьма лестно для молодого офицера.

В том же 1761 году, с сотнею казаков, переплывает он Нейсу при Дризене; в ночь проходит шесть немецких миль к Ландсбергу на Варте; разбивает городские ворота; входит в город; берет в полон прусских гусар, там находившихся, и сожигает половину моста чрез Варту.

Из Ландсберга стремится он с 3 гусарскими и 7 казацкими полками чрез Регенсвальд к Колбергу. Назначение его было тревожить прусскую армию под начальством Платена. Он напал на оную и взял несколько сот пленных.

Несколько дней спустя атаковал он в окрестностях Старгарда другой корпус прусский, начальствуемый Шенкендорфом. С одним эскадроном драгун и несколькими казаками напал он с саблею в руке на один батальон, который храбро отбивался; многие были побиты, а остальные взяты в плен. Хотя у него была только горсть людей, но он тотчас решился напасть на прусских драгун: разбил их, взял два орудия и 20 пленных. Быв окружен неприятелем, он оставил пушки, но не пленных своих. Пруссаки потеряли в сей день ранеными и пленными до тысячи человек.

Полковник де-ла-Мот-Курбиер, командовавший авангардом генерала Платена, составленным из двух батальонов и из десяти эскадронов, сбил русских гусар. Шесть эскадронов конных гренадер следовали за гусарами; Суворов опрометью бросился их догонять, тотчас устроил линии и, невзирая на беспреданную пушечную пальбу, напал на каре, поставленный Курбиером, и заставил его положить оружие.

Суворов, не теряя ни минуты, собрал тотчас своих гусар с частью казаков, напал с ними на прусскую конницу и взял 800 пленных. Также захватил он драгун фуражиров, которые находились на четверть мили впереди от корпуса Платена.

На другой день, с восходом солнца, начал Суворов с тремя батальонами пальбу на ворота города Глогау, под сильным огнем пруссаков. Лошадь под ним убита; он должен был пешком командовать, пока не разбиты были ворота, чрез которые гренадеры его ворвались в город, взяли гарнизон и преследовали бегущих по другую сторону моста в виду

неприятельского лагеря. Суворов стремился вперед, но, раненый рикошетным выстрелом, должен был остановиться.

После того атаковал Суворов два батальона двумястами человек: он пробрался мимо них, открыл пальбу на батальон принца Фердинанда, положил многих на месте и взял более ста человек в полон. Пруссаки стреляли из окон. Лошадь под Суворовым опять убита.

В 1762 году заключен мир между Россией и Пруссией, и заря подвигов Суворова, произведенного в полковники Астраханского полка, прекращается.

Часть четвертая

* * *

За взятие Суворовым, без ведома и воли главного начальника, города Туртукая, отдан он был фельдмаршалом Румянцевым под суд. «Рим, – говорил он, – меня бы казнил. Военная Коллегия поднесла доклад, в котором секретарь ее не выпустил ни одного закона на мою погибель. Но милосердие Великой меня спасает. Екатерина пишет: *Le vainqueur ne doit pas être juge*, то есть: победителя судить не должно. Я опять в армии – на служении моей Спасительнице!»

В Италии приглашали его в маскарад, но он отозвался: «Нет! Я, помилуй Бог, трус, а там – маскированные батареи».

* * *

В Новой Ладоге делал он с своим Астраханским полком разные маневры, повторяя беспрестанно: «Солдат и в мирное время на войне. Предпочитаю греков римлянам. У первых были военные училища, беспрестанно и в мире занимались они воинским учением. Римляне беспечно отдавали судьбу армии своим консулам и не умели пользоваться славою». Весьма желал он показать полку своему штурм. На пути встречает монастырь. В пылу воображения тотчас готов у него план к приступу. По повелению его, полк бросается по всем правилам штурма, и победа оканчивается взятием монастыря. Екатерина пожелала увидеть чудака. И сие первое свидание, как он сам говорил, проложило ему путь ко славе.

* * *

Об одном русском вельможе говорили, что он не умеет писать по-русски. «Стыдно, – отвечал князь, – но пусть он пишет по-французски, лишь бы думал по-русски».

* * *

Опять явилась в одном периодическом сочинении ругательная статья насчет фельдмаршала, по случаю взятия им Праги. Я не вытерпел, написал противу оной возражение, в котором старался доказать несправедливость пристрастных иностранных писателей, называющих его кровожадным. Штурмы Измаила и Праги сего не доказывают. Обстоятельства предписывали ему оные; и он первый, который проливал слезы на сих обогранных кровию развалинах. Прага была последним оплотом Польши; там лучшие отборные ее войска были сосредоточены и противоборствовали с отчаянною храбростью. И во власти ли военачальника удержать или остановить на таком приступе, каков Пражский, войско, разъяренное буйством и мщением за Варшавский 1793 года бунт? Когда и где штурмы не представляли позорищ лютой, гораздо ужаснейших?.. Эту бумагу прочитал я князю; он поблагодарил за мое, как он назвал, стряпчество и сказал: «Припиши то, что в Лафонтеновой басне сказано львице, оплакивавшей убитое свое дитя: *Ma commère! Seux que*

vous avez étranglés, n'avaient-ils ni père, ni mère? Т. е.: Кума! Разве те, которых ты передавила, не имели ни отца, ни матери?»

* * *

Говорили о неблагодарности одного благодетельствованного князем. Он засмеялся и сказал: «Я замечал, что люди делаются наконец всегда неблагодарными врагами того, с которым не могут равняться, а еще того менее, его превзойти. Чем отдаривает земля небу за благотворные лучи солнца и капли дождя? – Пылью своею».

* * *

Князь Суворов и принц Кобургский были истинными, примерными друзьями в продолжение всей их жизни. Князь отзывался всегда об нем в самых лестных выражениях; называл его покорителем Хотина и Букареста, героем при Фокшанах, Мартинести. Он удивлялся его подвигам при Алдергофене и Неервиндене, которыми он освободил Нидерланды. Любил рассказывать, как он взял крепости: Валансиен, Конде, Камбре и Ландреси и простер завоевания свои до Гиза. Но не мог быть равнодушным, когда вспоминал, что англичане, оставив его, остановили его полет и удалились осаждать Дюнкирхен. «Вот, – кричал он, – как губят кабинетные, необдуманые планы!» Кобургский платил ему полную взаимностию чувств. Князь отдал мне однажды для перевода давнее письмо своего друга. Оно делает честь принцу и тому, к кому оно писано, и потому здесь его помещаю:

«Генерал!

В будущую пятницу я должен с вами расстаться для принятия нового начальства в Венгрии. Ничто не опечаливает меня столько при моем отъезде, как мысль, что должен удалиться от вас, достойный и драгоценный друг мой!

Я познал всю возвышенность души вашей; узы дружества нашего образовались обстоятельствами величайшей важности, и при каждом случае удивлялся я вам, как достойнейшему человеку.

Судите сами, несравненный учитель мой! Сколько сердцу моему стоит разлучиться с мужем, имеющим толикия права на особенное мое уважение и привязанность. Вы одни можете усладить горесть судьбы моей, сохранив ко мне то же благорасположение, которого по сей день меня удостаивали, и я уверяю вас со всею искренностью, что частые уверения в вашей ко мне дружбе необходимо нужны для моего благоденствия.

Не могу решиться на то, чтобы проститься с вами лично. Это было бы для меня слишком болезненно. Ссылаюсь в том на собственное ваше чувство. Итак, ограничиваюсь поклясться вам в живейшей моей дружбе. Даруйте мне продолжение вашей, которая была поныне услаждением военной моей жизни. Верьте, достойнейший друг, беспредельной моей признательности. Вы останетесь навсегда дражайшим другом, которого ниспослало мне небо, и никто не будет иметь более вас прав на то высокое почитание, с коим я есмь, и проч.

Букарест, 13 октября 1790 г.»

Суворов, говоря о сем своем друге, с восторгом вспоминал, что оба они удостоились получить от Великой Екатерины шпаги с надписью: Победителю Верховного Визиря.

* * *

В Польскую войну чиновники его проиграли значительную сумму казенных денег. Когда Суворов о том узнал, то шумел, бросался из угла в угол, кричал: «Караул! Караул! Воры!» Потом оделся в мундир, пошел в кордегардию и отдал стоявшему на карауле

офицеру свою шпагу с сими словами: «Суворов арестован за похищение казенного интереса!» Тотчас написал он в Петербург, чтобы все имение его продать и деньги взнести в казну, потому что он виноват и должен отвечать за мальчиков, за которыми худо смотрел. Монархиня велела тотчас все пополнить, и написала к нему: «Казна в сохранности». И он возложил опять на себя шпагу.

* * *

Князь помнил всегда хлеб-соль. Если к нему кто в первый раз явится, назовет свою фамилию, ему известную, то тотчас начнет доспрашиваться, не родня ли ему такой-то, некогда ему знакомый однофамилец его? И когда откроется, что он представившемуся или отец, или дядя, или брат и проч., тотчас обнимет; если этот родственник жив, то просит писать от него поклон, благодарить за старую хлеб-соль; если же умер, то, перекрестясь, пожелает ему вечного покоя. Однажды отважились сказать ему, что некто, служивший при нем, впрочем, добрый, но весьма ограниченного ума человек, награждался слишком не по мере своих заслуг. «Да, правда, – отвечал князь, – но он мне предан; а родители его, добрые мои по деревням соседи, удивительные хлебосолы! Лишь явишься к ним – щи, яичница и каша на столе». И тут же, обратясь ко мне, скажет: «Запиши». Это значило: иметь его при награждениях в виду.

* * *

Князь Александр Васильевич всегда твердил: «Если желаешь умереть на войне, то надобно желать умереть в деле со славою, как Тюренн». Некто лишился от неприятельского ядра ноги в то самое время, когда он ездил прогуливаться. У него отпилили ногу. Суворов тотчас его посетил, велел к себе принести отнятую ногу, поцеловал ее, заплакал и произнес: «О, драгоценная нога! За какой бесценок ты пропала!» Также был один ранен пулею в голову, когда выглянул из окошка. Медики по всем анатомическим соображениям почитали его неизлечимым; но он, к удивлению их, выздоровел. «Да, – сказал Александр Васильевич, – медицина ахнула, – а Европа ничего».

* * *

Князь потребовал меня к себе в четыре часа пополуночи. Утро было прекраснейшее; воздух самый благоуханный. Я тотчас пришел; но он уже в поле. Там застаю его одного, стоявшего неподвижно в глубоком размышлении. Увидя меня, он как будто пробудился и начал со мною разговор: «Спасибо тебе, что ты, по-моему, встаешь рано. Я уже окатился водою, упитался небесною росой и теперь согреваюсь благотворными лучами солнца. Теперь я в полноте жизни. Первые поэтические чувства согреты были в груди человеческой, верно, утренними лучами после росы. Теперь идеи и воспоминания у меня освежились. Поле сие представляется мне Рымникским. Смотри туда: вот дерево, на которое я взлез и осмотрел все местоположение; вот сюда, вправо, пошел я, а сюда, влево, Кобургский. Там, вот там, – показав вдали реку, – здравствуй, Рымник! Мы через нее вплавь, – понтоны не нужны. Но что я? В бреду! А ты молчишь... Пора за бумаги». Мы побежали. Тогда не думал я воскликнуть со слезами: о Рымник! Ты дал имя отцу, а гроб – сыну.

* * *

Были достоверные известия, что французская Директория назначила несколько сот тысяч франков за голову Суворова. Когда он о том узнал, то сказал: «Сколько благодарен я за такую высокую оценку! Директория делает сим большую честь бедной моей голове». Но

этого недоволю. Намеревались отравить его ядом. Так, в городе Александрии, в доме одного маркиза, у которого граф квартировал, поднесли ему блюдо. Он взглянул на оное и на того, кто поднес. Сей побледнел, затрясся и тотчас с блюдом исчез. После подали ему особенное какое-то мороженое; но он отказался сими словами: «Это нас не удивит: мы из земли мороженой, но с теплыми сердцами». Сего мороженого также никому, кроме его, не подносили, – и тотчас унесли.

* * *

Прислана была бумага, в которой излагались правила в руководство Суворову в военных его операциях. В сей бумаге встречались беспрестанно ненавистные ему слова: предполагается, может быть, кажется и проч. Не дождавшись конца, вырвал он ее у меня и бросил. «Знаешь ли, – спросил он меня, – что это значит? Это школьники с учителем своим делают и повторяют опыты над гальванизмом. Все им кажется, все они предполагают, все для них: может быть. А гальванизма не знают и никогда не узнают. Нет, не намерен я таким гипотезам жертвовать жизнью храброй армии!» Схватя меня, выбежал в другую горницу и заставил одного офицера прочесть десять заповедей. Тот исполнил сие, не запинаясь. «Видишь ли, – говорил он, – как премудры, кратки, ясны Небесные Божие веления!»

* * *

Один иностранный генерал хотел дать Суворову почувствовать, что вести войну с французами не то, что с турками и поляками. «Ваше сиятельство, – сказал он ему, – теперь на поприще, гораздо знаменитейшем, нежели когда-либо: ибо народ французский не равняется ни с турками, ни с поляками». «Без сомнения, – отвечал князь, – народ сей превознесся и над английским. Сей хочет владеть всеми морями, а французский, с помощью своих Монгольфьеров и Бланшаров, и воздухом вселенной».

* * *

К странностям Суворова принадлежало и то, что он терпеть не мог зеркалов. Везде из комнат их выносили. На балах, в угодность ему, их закрывали. Если же случалось ему увидеть незакрытое, то тотчас отвернется и во всю прыть проскочит мимо, чтобы себя не увидеть. Однажды только в Херсоне, по усиленной просьбе дам, позволил он поставить в дальней, задней горнице маленькое зеркало, для дам-кокеток (как он называл), куда уже и не входил. Да и дамы, после такого его отзыва, туда не вступали.

* * *

Весьма поздно ночью позвал меня к себе Александр Васильевич и велел мне опять сделать извлечение из Истории его, касательно подвигов его во время Польской Конфедерации, с тем подтверждением, чтобы написать как можно сокращеннее. Я сказал, что напишу, как умею; впрочем, не отвечаю, если описание будет пространно. «Ибо, – заключил я, – вольно было Вашему сиятельству не сокращать ваших подвигов и умножать листы Истории». Здесь помещаю оное:

Подвиги Суворова в Польскую Конфедерацию

Через шесть лет по окончании военных действий в Пруссии произведен он в бригадиры и отправлен с величайшею поспешностию в Польшу, где возникла война конфедератов. Ему должно было переправляться чрез едва замерзшие реки и болота. И в течение месяца прошел он тысячу верст (238 миль), а в другом походе 600 верст в 12 дней. Первый подвиг его в

Польше был схватить ночью уланов Пелиаки и Корсинского, расположенных в окрестностях Бресции, и, без пролития крови, отделил он оба полка от Конфедерации.

Близ Варшавы разбил он Котелуповского, пошел на обоих Пулавских, разбил и рассеял их войска, состоявшие из 6000.

В генваре 1770 года, на сороковом году, произведен в генерал-майоры.

В апреле Суворов, переправясь с двумя ротами, тремя эскадронами и двумя пушками, пошел ночью к Клементову. Он встречается с Мосчинским, расположившим тысячу человек конницы близ лесу в боевой порядок, с шестью пушками. Две роты пехоты со штыками нападают на сию кавалерию, которая, невзирая на беспрестанную пальбу из шести орудий, была разбита и преследуема. Поляки потеряли свою артиллерию и 300 человек, а русские – только 50.

В половине того же лета, когда Мосчинский получил подкрепление, Суворов разбил его вторично при Опатове, побил 200 человек и взял столько же пленных, большею частью раненых. Спустя несколько месяцев, Суворов, желая переправиться через Вислу в таком месте, где стремление было быстрое, упал в воду и разбил себе грудь об понтон так сильно, что три месяца лежал болен. В сем году получил он орден Св. Анны.

По выздоровлении, в марте 1771 года, выступил он из Дублина с четырьмя ротами пехоты, несколькими пушками и с пятью эскадронами и переправился чрез Вислу у Сендомира. По разбитии разных партий конфедератов, атаковал он Ландскрону, в четырех милях от Кракова. При сильном сопротивлении овладел городом. Но ружейный огонь не умолкал и побивал многих, и он отказался от взятия замка. У него шляпа и мундир были прострелены пулями.

Вскоре за сим взял он врасплох город Казимир, расстроил большую часть конфедератов и взял в полон лучший эскадрон маршала Сабы.

Рассеяв конфедератов, которые несколько дней осаждали три роты его полка в Краснике, он пошел на Краков для освобождения принца Веймарского, там стесненного. Малочисленная армия его состояла: из четырех рот гренадерских, одного батальона мушкетер, восьми пушек и нескольких гаубиц, пяти эскадронов карабинер и 80 казаков.

Он имел разные сшибки с конфедератами и взял многих в полон. Войско его переправилось чрез реку Дунаец вплавь по шею; атаковали конфедератов, превосходивших их в числе. Они были разбиты и потеряли много людей.

По прибытии в Тынец, в расстоянии на одну милю от Кракова, велел Суворов напасть на редут, в котором находились две пушки и сто человек, которые все были побиты; потом казаки его отважно бросились на конфедератов, которые, числом около четырех тысяч, поставлены были в боевой порядок. Во фронте находились 150 егерей под начальством французского майора. Они большею частью истреблены. Поляки, преследуемые российскою кавалериею до пределов Шлезии, потеряли 500 человек убитыми и 200 пленными. В то время французской службы полковник Дюмурье, со многими своими офицерами, служил у конфедератов.

Суворов, возвращаясь после сей экспедиции в Дублин, был атакован драгунами и гусарами конфедератов. Его конница приняла их саблями и сильно отразила. Между тем Пулавский, с двумя тысячами, занял замоцк. Весьма нужно было его оттуда выгнать; и когда Суворов в сем намерении выступил к нему, Пулавский его встретил; но во время, как становился дать баталию, Суворов совсем неожиданно кидается с своею кавалериею на его инфантерию; неприятель был опрокинут: потеря его состояла в 200 пленных и столько же убитых. По возвращении в Дублин, получил он орден Св. Георгия третьей степени.

Суворов был в необходимости рассеять свои войска для предупреждения в разных местах усиливающихся неприятельских скопищ. Это послужило полковнику Новицкому поводом поспешить нападением на него. Суворов, узнав, что он с тысячею человеками лучшей кавалерии идет на Красноставу, где у него стояли: эскадрон кирасир, несколько казаков и рота пехоты, велел его тревожить на пути; а сам, с шестью казаками и несколькими офицерами, пустился в Красноставу к своим. Новицкий был в соседственном лесу, Суворов

достиг его. Конфедераты побили много наших; но наконец, после упорного сопротивления, неприятель был рассеян и преследован.

В августе 1791 года явился в Литве известный Козаковский, один из конфедератов, бежавших в Венгрию. С поспешностию объехал он герцогство, набрал новых партизанов и возжег пламя раздора, а особливо между регулярными войсками, которые склонил к возмущению. Он рассеивал манифесты, в которых скромно называл себя Литовским гражданином.

Великий маршал Литовский, Огинский, командовал новыми конфедератами. Он внезапно напал на русский батальон, который после сражения, чрез четыре часа продолжавшегося, должен был сдаться.

Как скоро Суворов о том узнал, спешил он к нападению на конфедератов, занимавших выгодную позицию при Сталовичах. Их было пять тысяч в ружье, с 12 пушками. Русские приступали ночью с величайшею тишиною и перехватили передовые караулы.

Пушечный выстрел конфедератов уверил наших, что они замечены. Тотчас рота бросилась на неприятеля; она потеряла много людей, но имела также и великие успехи. Три эскадрона шли по следам сих храбрых, поражая саблями справа и слева.

Конфедераты, приведенные в замешательство, при ночной темноте были опрокинуты и прогнаны до города. Триста янычар великого маршала Огинского положили тут свои головы.

Пятьсот человек русских пленных содержались под стражею в разных домах близ рынка. При шуме оружия, а более при гласе Суворова, выскочили они из окошек и соединились с своим отцом и героем.

На рассвете Суворов выступил из города с своею пехотою. Она напала на инфантерию Огинского с правого крыла. Его кавалерия одерживала уже значительные выгоды. С обеих сторон сражение продолжалось с жестокостию и кровопролитием. Наконец инфантерия двинулась со штыками; поляки были разбиты по всей линии. Но, по многочисленности своей, отступали они в порядке.

Кавалерия российская не переставала с своей стороны распространяться, как генерал Беляк, стоявший в полмили и намеревавшийся отмстить за польскую пехоту, сделал с тысячею уланов стремительное нападение. Многие русские были опрокинуты, но отважность казаков, которые в сей день показали чудеса храбрости, заставила Беляка оставить поле битвы.

Из 800 до 900 человек, бывших у Суворова под ружьем, около 80 были убиты, а все остальные ранены. Суворов, тронутый посреди славы их несчастьем, раздавал из своего кармана по рублю на каждого, участвовавшего в деле; дал им с час отдохнуть и начал делать диспозицию к походу на Слоним, отстоящий в восьми милях от места сражения.

У поляков было убитых около тысячи человек. Русским достались 700 пленных, в числе которых и маршал Огинский и более 30 офицеров. Все лошади их драгун достались нашим, так как и многие знамена, экипажи и казна с тридцатью тысячами червонных. Солдаты делили между собою множество золота и серебра.

К вечеру все были близ Слонима. Оставив там пленных и большую артиллерию, Суворов еще в ту же ночь вступил в поход к Пинску, в намерении рассеять еще более конфедератов. Первая встреча была у него с польским офицером, которому поручено было везти богатую полковую казну. Суворов, как великодушный неприятель, дал ему паспорт для свободного препровождения казны до места его назначения.

Желая не столько побеждать, сколько преклонять к покорности, он уговаривал литовских конфедератов возвратиться в свои дома. Он принимал с особым уважением тех, которые вверяли себя его великодушью, и вскоре повсюду восстановился порядок.

С самого вступления показал Суворов, что к военным талантам умел он присоединить дух примирения; ибо прекращал тогда возмущения и раздоры.

Таковые успехи обратили на него Монаршее благоволение, и Ее Величество препроводила к нему знаки ордена Св. Александра Невского при лестном рескрипте.

В январе 1792 года польские конфедераты, направляемые бароном Виоменилем, взяли

Краковский замок, в котором стоял пикет из тридцати русских. Суворов, узнав о их намерении, пустился тотчас в поход для отражения сего удара. Он опоздал; едва на рассвете вступил он в город, как ему должно было сразиться с сильною вылазкою конфедератов, которых число в замке простиралось до 900 человек. Тотчас Суворов начал с 800 пехоты и несколькими числом кавалерии блокировать замок; и едва не попался и сам, так сказать, в блокаду, быв окружен конфедератами, которые твердо боролись. Он с ними выдержал несколько сражений и оставался всегда победителем. Наконец блокада обращена была в штурм.

Суворов приказал объявить французским офицерам, командовавшим в замке, что все готово к штурму и что, при отказе в сдаче, весь гарнизон без пощады будет истреблен. В заключенной тотчас капитуляции сказано было, что весь гарнизон отдает оружие и выступает в мундире, что французские войска под начальством Виомениля будут отправлены в Лемберг, а под начальством Дюмурье – в Биалу. Польские же конфедераты – в Смоленск. Виомениля и Дюмурье не было в замке. Два бригадира, Галиберг и Шоази, так как и другие французские офицеры, отдавали свои шпаги Суворову; но он не принял, под предлогом, что они в службе Государя, союзника его Императрицы, и обнял их.

Пленные отправились под сильным прикрытием; и хотя у Суворова оставалось мало войска, но он успел еще напасть и схватить гарнизон в Заторе, городе в 12 милях от Кракова. Он велел взорвать все укрепления и взял 12 пушек.

В сие время австрийцы и пруссаки выступили также против конфедератов и кончили войну, продолжавшуюся четыре года. Суворов получил начальство в Финляндии.

После сего никаких извлечений я не делал; а князь намеревался заняться сим со мною в деревне Кончанске. Но Провидение распорядило иначе. Он скончался в Петербурге.

* * *

Приехавший из Неаполя курьером офицер рассказывал о тамошних прелестях природы, о ужасах Везувия, о землетрясениях.

«Был ли ты, – спросил Александр Васильевич, – в Помпее, которая после столь многих столетий сбросила с себя погребальное свое покрывало и выглядывает из своего гроба?» «Был», – отвечал тот и начал рассказывать много любопытного. Выслушав со вниманием, обратился ко мне с сими словами: «Люблю слушать повествования от самовидцев. Сыщи описание о Помпее Старшего Плиния и переведи для меня». Чрез несколько дней отыскал и прочитал я ему следующий перевод с латинского. «Плиний пишет: «Настал мрак, но не такой, какой бывает в безмесячной ночи, а темнота в запертой горнице, в которой свет свеч вдруг угасает. Жены рыдали, дети визжали, мужья вопияли. Здесь призывали с трепетом дети родителей своих, там отцы и матери искали детей своих ошупью, мужья своих жен; все узнавали друг друга только по крику. Одни жаловались на собственную судьбу свою, другие оплакивали судьбу ближних своих. Многие желали смерти от страха смерти. Те умоляли богов о спасении, те отчаивались в существовании их и почитали сию ночь последнею, вечною всего мира.

Действительные опасности были увеличены вымышленным страхом. Земля тряслась непрерывно, и полоумные толпились, умножая ужас других своими предвещаниями».

Тут Суворов содрогнулся и с чувствительностью воскликнул: «О, человеки осьмнадцатого столетия! Вы ползаете по развалинам давно прошедших веков, говорите о тленности и разрушении вещей, а поступаете, как будто бы этого и не было».

* * *

Суворов жил для России. Слава чудо-богатырей была близка к его сердцу. «Люблю их, – говорил он по переходе чрез Альпийские горы, – с сими чудо-богатырями наделал я вихри, с ними прилетел от Рымника сюда». Потом, обратясь к войску, продолжал: «Штыки,

быстрота, внезапность – вот наши вожди. Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст; а ты, удвоив, утроив шаг богатырский, нагрянь на него быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля; а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него как снег на голову; рази, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуган, тот побежден вполтину; у страха глаз больше, один за десятерых покажется. Будь прозорлив, осторожен; имей цель определенную. Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним вслед; поравняйся, обгони – слава тебе! Я выбрал Кесаря. Альпийские горы за нами – Бог пред нами: ура! Орлы русские облетели орлов римских!»

* * *

«Знаешь ли ты, – спросил он вдруг вошедшего к нему генерала Милорадовича, – трех сестер?» «Знаю», – был ответ. «Так, – подхватил Суворов, – ты русский; ты знаешь трех сестер: Веру, Надежду и Любовь. С ними слава и победа, с ними Бог!»

* * *

Суворов весьма любил в мирное время заниматься маневрами. Знатоки-очевидцы отдавали справедливость редким его в военном искусстве знаниям и хитрым замыслам. Он, по отзыву генерала Дерфельдена, доходил до педантизма, но до педантизма полезного и похвального. Так, усмотрев на маневре в Финляндии, что поставленная в резерве колонна теряет время и на помощь идти не думает, – прискакал к командовавшему ею подполковнику и кричал: «Чего ты ждешь? Колонна пропадает, а ты не сикурсируешь». «Ваше сиятельство! – отвечал подполковник. – Я давно бы исполнил долг мой, но ожидаю повеления от генерала, предводительствующего сею колонною». Сей генерал-майор находился тут же в нескольких сажнях. «Какого генерала? – сказал Суворов. – Он убит, давно убит! Посмотри (указывая на него) вон... и лошадь бежит – поспеши!» – и ускакал прочь.

* * *

Когда под Нови Суворову сказали, что одним отрядом французских войск командует польский генерал Домбровский, сказал он: «Ах! как я рад. Это знакомый. В польскую войну сей мальчик-красавчик попался в полон. Я его тотчас отпустил к маменьке, сказав: беги скорее домой – и мой поклон, а не то русские тотчас убьют. Как бы я хотел возобновить с ним знакомство!»

* * *

Говорили о Праге. Один союзный генерал показал вид, будто взятие ее не есть дело очень важное. Александр Васильевич, заметя сие, тотчас велел мне перевести из Суворовиды примечание Завалишина о ее укреплениях, прибавя к тому, что хотя оно и кратко, но справедливо, потому что подполковник Фанагорийского гренадерского полка Завалишин был действующим лицом и очевидцем. Здесь помещаю: «Прага, предместье Варшавское, лежащее на правом берегу реки Вислы. Она была укреплена всем тем, что военное зодчество имеет в себе наинепреборимейшего. Высокие валы с глубокими рвами; бермы, усыпанные штурмфалами; крутости, повсюду дерном одетые, усеянные тройными палисадами; батареи, камнем обложенные; кавалеры, на возвышениях поделанные; отступные флешы, ретираду обеспечивающие; двойной окоп, в перекрестных огнях расположенный; наконец шестерной ряд волчьих ям с заостренными спицами, вокруг всех укреплений обнесенный; более стареющих орудий и 30 000 отважного решительного войска – все сие пало и превратилось в прах разящим мечом Сарматского победителя.

Упорная оборона соответствовала быстроте атаки. Каждое укрепление надлежало брать приступом. Каждый шаг земли надобно было приобретать кровию. Польские войска по сбитии передних ретраншаментов устроились в боевой порядок перед вторым окопом. Надобно было их атаковать; тут последовала полевая баталия. Начальники их, сохраняя присутствие духа, не переставали собственным своим примером поощрять своих подчиненных к усугублению обороны и тем, противопоставляя беспрестанно новые преграды, вдыхали отважность в сердца, с каковою Сарматы, имевшие в тылу своем трепещущую от страха Варшаву, сражаться в продолжении всего боя не переставали. Всякое другое ополчение едва ли бы превозмогло столь сильное и отчаянное защищение; но россияне, предводимые Героем, пылающие истинною любовью к отечеству, подвизаясь по следам непобедимого своего военачальника, славою его озаряемые, мужеством его дышавшие, сокруша Сарматские силы, показали изумленному свету, что под предводительством графа Суворова-Рымникского нет ничего для них невозможного.

Четыре генерала: Ясинский, Корсак, Квашневский и Грабовский, с 13 540 воинами, погреблись под развалинами изпровергнутой Праги. Генералы Меин, Гизлер и Крупинский, с 5 полковниками, 7 подполковниками, 17 майорами, 4130 офицерами и 14 000 рядовых, взяты были в плен. До 2000 потонуло в Висле; и не более 1000 человек из всего числа оборонявших спаслось в Варшаву. 104 пушки, множество знамен, костры холодного оружия – суть вечный памятник сего бессмертного дела, заключающего в себе штурм на крепость и полевое сражение, оконченного в продолжение 3 часов времени, в 1794 году октября 24 дня воспоследовавшего», – прочитав, казался он недоволен хвалою, до него относящеюся, и сказал: «Ну, отправь к Фоме». И я отослал к помянутому генералу.

* * *

Князь Александр Васильевич любил все русское, внушал любовь к родине и повторял нередко: «Горжусь, что я россиянин!» Не нравилось ему, если кто тщательно старался подражать французам в выговоре их языка и манерах. Такого французоватого франта спрашивал он: «Давно ли изволили получить письма из Парижа от родных?» Еще в бытность его в Финляндии один возвратившийся из путешествий штаб-офицер вывез из Парижа башмаки с красными каблуками и явился в них на бал. Александр Васильевич не отходил от него и любовался башмаками, сказав ему: «Пожалуй, пришли мне башмаки для образца вместе с изданным в Париже вновь военным сочинением Гюберта (Guibert)». Последним не успел наш молодец там запасть и убрался с бала. Также сказал он чтецу на французском языке: «Читай и говори по-французски так, чтобы все знали, что ты русский». А когда в театре итальянский актер говорил ему пролог, то он кричал по-русски из ложи: «Напрасно, сударь, не беспокойтесь, стою ли я того?» Не буду говорить, какую тревогу, кутерьму произвели русские слова сии на всю итальянскую публику – буффу. И воздух наполнился восклицаниями: «Ewiva nostro Liberatore!», т. е. да здравствует наш избавитель! «Пусть они знают, что здесь были русские», – сказал он.

* * *

В одном анекдоте говорил я, что граф часто приказывал мне иметь надзор за карточными играми. Таковая, истинно отеческая, заботливость его нигде так не оправдывается, как здесь, в Италии, где зло сие сделалось стихиею всей первостатейной, праздной, необразованной знати. В Турине был я приглашен на вечер, что здесь называется *conversazione*. Полагая насладиться приятною беседою, отпросился я у моего начальника. Он позволил мне, с тем, чтобы я пересказал ему о всех подробностях сей вечеринки. Я отправился с вожатым моим, почтенным, бывшим при Дворе Екатерины чрезвычайным посланником и воспоминавшим всегда с восторгом о пребывании своем в России. Дорогою сказал он мне: «Я везу вас в дом одной знатнейшей нашей дворянской фамилии; но должен

признаться и предvarить вас о том, чего вы и не думаете, и в Петербурге, – благодарение утонченной образованности вашей, – не видали и, конечно, не пожелаете никогда более увидеть. Но вы путешественник; вам надобно быть очевидцем».

Мы вступили в залу. Я представился хозяину и хозяйке. Принц и принцесса пробормотали что-то, и я – уже домашний человек. Музыка гремела; не танцевали, а прыгали, и то нехотя. Чего-то ожидали важнейшего. Через час музыка прекращается; у всех на лицах радость; свечи в зале погасают, все бегут в другие горницы, где несколько столов с картами и с плетеными склянками ликера розолио. Начали играть в банк, фараон и другие азартные игры: коммерческих они не знают. Но как я удивился, когда за сими столами увидел: старушек, покрытых морщинами, изнемогающих, держащих карты дрожащими костяными своими ручками, но с прездоровыми языками; прелестных в цвете лет дам, у которых при проигрыше выступал на розовых щеках румянец гнева, бешенства и ярости, а иногда бледность отчаяния. И зеркала их не укрощали.

Вначале была безмолвная тишина, так что, когда какой-то кавалер хотел мне рассказать нечто о Турине, все зашикали – и он, не кончив, тотчас умолк. Но после, в продолжение игры, когда слепая фортуна раскидала дары свои по столам – одному грудями, а другому ничего, кроме нищеты, – возник ропот, крик, остервенение. Если два спорящие итальянца криком своим угрожают разорвать ваш тимпан, то вы можете себе представить гром нескольких сотен, прерывающийся несносным визгом дам. На сие немалое влияние имел и розолио, который особы обоего пола вкушали беспрестанно в горницах, где от спершегося воздуха едва можно было дышать, а свечи тускло горели и угасали. Тут раздавались слова, какие едва ли услышишь в другом месте. И это называют конверсациони, беседы дворян? Бегу из неприятного дома. Я здесь не увеличиваю: в сем оправдают меня путешественники.

На возвратном пути домой рассказывал мне спутник мой, что этот хозяин дома, Принчине, был на замечании у короля, который предостерегал иностранцев, в бытность в Турине, от опасного с ним знакомства; что он в паю со всеми игроками и оттого имеет весьма значительный доход. На вопрос мой, часто ли бывают такие конверсациони, отвечал он: 365 раз в году. «Ибо, – продолжал он, – многие земляки мои ничего не читают, ничему не учились, ничего не знают, кроме прогулки, театра и игры. Чернь же здешняя гибнет от несчастного лото. Нищий несет в лотерею последний грош, полученный в милостыню, и умирает с голоду. Я кончил тем: «И это называют здесь: *dolce far niente*²⁵⁴».

Все сие пересказал я Александру Васильевичу. И после всего спросил он меня: «У европейцев ли ты был?»

* * *

Александр Васильевич любил отменно итальянские простонародные песни и находил в них какое-то сходство с русскими, а особливо, если итальянец поет вдаль, в чистом поле. Тогда внезапно переселяешься в Россию. Надобно только зажмуриться, иначе оливные и лимонные деревья разрушат такое очарование. Обеих наций народные мелодии происходят от древних греческих, что тотчас услышишь, когда сравнишь с греческими отрывками, которые сохранил Винкельман, как замечает и Коцебу. Граф предпочитал пение всем инструментам, называя инструментальную музыку подражанием вокальной, и имел всегда при себе ноты духовным концертам, которые пел с певчими на клиресе.

* * *

В Италии на театре дана была пьеса, на которой представлены буффонады, и войско должно было делать разные военные эволюции. Оно превзошло всякое ожидание.

254 Сладкое ничегонеделание (итал.).

Стройность, размеренные шаги, точность в движениях – все восхило зрителей. Александр Васильевич, говоря о сем представлении, сделал свои замечания: «Нет, комедь мне не нравится; старик-шут гаерил скоромно; нравственной цели не вижу: вся пьеса из лоскутков, как и арлекинское платье. Солдаты дрались храбро; зачем не показали они такого проворства против французов?»

* * *

Однажды приказал мне Александр Васильевич отыскать в бумагах его диплом на чин фельдмаршала. Я отвечал, что отыскивать нечего, потому что его нет. «Как! – вскрикнул он, при многочисленном собрании. – По чему же будут меня почитать и признавать фельдмаршалом?» Вот мой ответ: «Ваше сиятельство донесли Императрице: ура! Варшава наша! Ответ: ура! Фельдмаршал! Екатерина. Вслед за сим удостоились вы получить от Монархини следующий высочайший рескрипт: «Вы знаете, что как Я не произвожу никого чрез очередь и никогда не делаю обиды старшим; но вы, завоевав Польшу, сами сделали себя фельдмаршалом». «Расскажи, – продолжил он, – все это на всех языках; а я покамест умоюсь, пополощусь и поговорю по-турецки». И ушел.

* * *

О бескорыстии князя говорить излишне; но я почел за нужное истребовать от цалмейстера Российской армии, майора Раевского, справку, в которой за подписанием своим свидетельствует он следующее: «Генваря 16 дня 1800 года, генералиссимус в Праге получил жалованье по чину генерал-фельдмаршала и во все время последней кампании никогда не брал ни столовых денег, ни прогонов. Да и сие жалованье принять его принудили, потому что не было ни копейки на домашние его расходы».

* * *

В одном городе, помнится в Пиаченце, вбегает к графу генерал-лейтенант Повало-Швейковский, страстный любитель живописи, упрасивает его взглянуть на оригинальную картину Рафаэля в картинной галерее, за две комнаты от него. Александр Васильевич отвечал: «Хорошо, пойду; но всегда смеюсь я над легковерием вашим, господа дилетанты; в России, во Франции, Англии, Германии, Италии, во всяком несколько значительном городе Европы показывают оригиналы Рафаэля. Если бы он и в каждую неделю изготовлял по картине, то и тогда не мог бы выставить такого запаса; а он, к сожалению художеств, умер в цвете лет. Это шампанское вино, которое во всех пяти частях света пьют за Шампанское, а малая Шампания едва ли может оным продовольствовать и одну Францию. Не приносили ли в жертву славе великого учителя сего и ученики его таланты свои? Мы видим в картинах его не одну и ту же кисть».

После того не пошел, а побежал он в галерею. Там остановился пред одною огромнейшею копией. Долго на нее смотрел и произнес: «Это величина, но не великое, – не величественное: я вижу не Александра, а юношу красавца, и не героя, принимающего падающую пред ним пленную Царицу: подвиг великодушия, торжественнейшая минута во всей его Истории! В чертах лица его сей души его не вижу». Хозяин дома, удивленный многими рассуждениями о живописи, вскрикнул с итальянским жаром: «Если Ваше сиятельство рассматриваете и разбираете так и планы ваших баталий, то неудивительно, что победа с вами неразлучна».

* * *

Должно признаться, что кампания наша в Италии и Швейцарии отличалась от всех предшедших своими двумя театрами. Италия усеяна останками древнего ее величия, которые противоборствовали векам и устояли от всеразрушавшего нашествия варваров. Готфы сокрушили памятники ее. Хищная Беллона новых вандалов не пощадила и последних ее сокровищ; но не стерла она ее с лица земли: везде является картинная ее природа; и на очаровательных полях ее срывали наши воины ярко зеленеющие лавры. Какие видели мы разительные явления! И каждый из нас сожалел от восторга, зачем не живописец! – На Альпах какая противоположность! – там прелестны прелести ужасов – под ногами могилы. У подошвы одной превысокой крутой горы стоял Суворов, безмолвно и неподвижно смотрел: как армия подымалась, карабкалась гусем; как по мере возвышения воины уменьшались, а достигшие вершины казались точками, в тумане исчезающими; как с высоты сего колосса ревел водопад и низвергался с своими паровыми тучами и густым водяным дымом, в которых солнце золотыми лучами рисовало многоцветную радуго. Такое волшебство оптики исторгло из сердца старца отголосок всего войска: «Зачем я не живописец? Подайте сюда сухопутного Вернета, который бы увековечил сие единственное, быстро пролетающее мгновение теперешнего бытия нашего!»

Но где его взять? Надобно, чтобы он был и живописец, и поэт, чтобы родил в душе и цепенеющее удивление и чувство! Какая кисть перенесет на холодный холст сие порывающееся на смерть воинство, забывающее теперь, что оно смертно? Как изобразит она сии, с каждым шагом изменяющиеся, декорации здешнего чудесного мира; и какая кисть в руке и вдохновенного смертного удобна обнять таковую огромность природы, со всеми бушующими ее стихиями? Довольно – мы перешагнули Альпы!

* * *

Говорили о бывшем вступлении в Рим французского генерала Бертье и о грабительствах и злодеяниях там республиканцев-французов. Александр Васильевич, вздохнув из глубины сердца, произнес «Если бы я вступил в сию столицу мира, то строго запретил касаться памятников, святотатствовать. К ним должно благоговеть. Они торжество древности, а нашего века – отчаяние. Но велел бы скрыть до основания ту башню, которая, как мне сказывали, стоит близ садов Мецената, где Вергилий и Гораций песнями своими обессмертили сего покровителя своего. С сей-то башни чудовище Нерон тешился вожженным им пламенем Рима и воспевал на арфе пожар Трои. Память такого исчадия ада должна изгладиться навеки». Суворов! Ты не видел пожара твоей колыбели, не видел наших дней Нерона в священном Кремле!

* * *

Александр Васильевичу не нравилось, что все надписи на новейших памятниках в Италии и Германии на латинском языке, и сделал сие замечание одному ученому итальянцу. Тот утверждал, так как слова надписей должны помещаться на тесной каменной доске, то латинский язык, по краткости и силе своего слога, сего приличнейший и назван лапидарным от слова: lapidarius, камень. Но вот ответ графа: «Вы хотите памятниками обнародовать, воскресить событие умершее; зачем же не живым языком? А вы, вместо того, похороняете оное в мертвом. Несколько тысяч дам проходят, пожевывают и уходят, не узнав, кому и за что сооружено. Только десяток латынщиков глубокомысленно рассматривают. Латинский язык имел свои эпохи, когда все европейцы ему учились. Теперь каждый народ имеет свой. И русский наш лапидарный: «Петру Первому Екатерина Вторая».

* * *

По окончании итальянской кампании генералиссимус поручил мне сделать историческое обозрение всех военных ее событий. Я извлек оное в хронологическом порядке из военного журнала, который по Высочайшему повелению вел при армии, и заключил следующими словами: «Так знаменито оканчивается война сия. Она раскрыла всю пользу наступательной системы и холодного ружья Суворова. Он первый показал также, что крепости не остановят полета победителя; что, разбив с быстротою неприятеля, надобно уметь пользоваться победою и, преследуя его неумолимо, не дать ему времени опомниться. Война сия научила наконец людей противостоять силам природы и презирать все стихии разрушения. Ни трескучие морозы, ни громовые низвержения ледяных, земляных и каменных глыб, ни неприступность крутых гор не удерживали парения воинственного духа. Вечно лучезарные вершины альпийских колоссов забагрели кровию, и Суворов, подобно Агезилаю, может воскликнуть: «Пределы России на концах штыков русских!» Он воскликнул: «Напрасно; это дело потомства». Я отвечал: «Пусть современники передают высокую славу своего века грядущим столетиям». Он умолк».

* * *

Один офицер, кроме воды, ничего не пил, но был пренесносный, пустой болтун. Князь прозвал его Водопьяновым и сказал: «Он пьет одну воду, но и без хмелю колобродит пуще пьяного. Зато есть у меня приятель К., который, в духе ржаных и виноградных соков, поет Гомером и воспел Велизария». Сим именем называл он иногда себя.

* * *

После Новийского сражения вхожу я к фельдмаршалу для получения приказа писать реляцию. Он с восторгом восклицает:

Конец – и слава бою!
Ты будь моей трубою.

* * *

Князь, заметя одного иностранца, казавшегося приверженным французской революции, сказал ему: «Покажи мне хотя одного француза, которого бы революция сделала более счастливым? При споре о том, какой образ правления лучше, надобно помнить, что руль нужен, а важнее рука, которая им управляет»...

* * *

Один офицер, впрочем, достойный, нажил нескромностию своею много врагов в армии. Однажды граф позвал его к себе в кабинет и изъявил ему сердечное сожаление, что имеет одного сильного злодея, который ему много, много вредит; тот начал его спрашивать, не такой ли Н. Н.? Нет, отвечал Александр Васильевич. Не такой ли граф Б.? Опять ответ: нет. Наконец, с трусостью, чтобы никто не подслушал, запер дверь он ключом. «Теперь, – сказал он ему тихонько, – высунь язык, вот – твой враг».

* * *

Князь Николай Васильевич Репнин отправил к Суворову с поздравлением майора, ему преданного и пребойкого. Александр Васильевич, приняв его превежливо, старался всячески уловить его в немогузнайстве, но никак не успел в том. На вопросы: сколько на небе звезд? Сколько в реке рыб? – сыпал тот миллионы. Наконец делает ему вопрос: «Какая разница

между князем Николаем Васильевичем и мною?» Ответ затруднительный, но майор не теряет присутствие духа и отвечает: «Разница та, что князь Николай Васильевич желал бы меня произвести в подполковники, но не может; а Вашему сиятельству стоит лишь захотеть». Это фельдмаршалу так понравилось, что он его тут же, по данной ему власти, поздравил с сим чином.

* * *

Во всю жизнь свою не давал Александр Васильевич никогда никому унизить себя или, как говорил он, наступить себе на ногу. «Я, – продолжал он, – иногда растение *Noli me tangere*, т. е. не трогай меня; иногда электрическая машина, которая при малейшем прикосновении засыплет искрами, но не убьет». В доказательство сего прилагаю здесь достоверный анекдот из «Духа Журналов». По взятии графом Суворовым Измаила князь Потемкин ожидал победителя в Яссы. Желая сделать ему почетную встречу, князь велел расставить по дороге нарочных сигнальщиков; а в зале, из которой видно было далее версты на дорогу, приказал смотреть Боуру, чтобы как скоро увидит едущего графа, немедленно доложил бы князю, ибо о выезде его из последней к Яссам станции дано уже было знать. Но Суворов, любивший все делать по-своему, приехал в Яссы ночью и остановился у молдаванского капитан-исправника, запретивши ему строго говорить о приезде своем.

На другой же день, часу в десятом поутру, севши в молдаванский берлин (похожий на большую архиерейскую повозку), заложенный парюю лошадей в шорах; кучер на козлах был молдаван же, в широком плаще с длинным бичем; а назади лакей капитан-исправника, в жупане с широкими рукавами. И в таком великолепном экипаже поехал к князю. Дорогою никто из наблюдавших его не мог подумать, чтоб это был Суворов, а считали, что едет какая-нибудь важная особа. Когда же въехал он к князю на двор, то Боур, увидя из окошка, побежал к князю доложить, что Суворов приехал. Князь немедленно вышел из комнат и пошел по лестнице, но не успел сойти три ступеньки, как граф был уже наверху.

Потемкин обнял его, и оба поцеловались. При князе был один г. Боур, а мы стояли в дверях и смотрели. Князь, будучи чрезвычайно весел, обнимая графа, говорил ему: «Чем могу я вас наградить за ваши заслуги?» Граф поспешно отвечал: «Нет, Ваша Светлость! Я не купец и не торговаться с вами приехал. Меня наградить, кроме Бога и Всемилоостивейшей Государыни, никто не может!» Потемкин весь в лице переменялся, замолчал и вошел в залу, а за ним и граф. Здесь подает ему граф рапорт; Потемкин принимает оный с приметною холодностью; потом, походя по зале, не говоря ни слова, разошлись: князь в свои комнаты, а Суворов уехал к своему молдавану, – и в тот день более не видались.

* * *

Жаль, очень жаль, что множество писем князя Александра Васильевича к покойному генерал-поручику Петру Ивановичу Турчанинову, к адмиралу де Рибасу и многим другим особам, имеющие на себе печать оригинальности, остаются под спудом и только в искаженных копиях переходят из рук в руки. Сими бесценными сокровищами обладает почтеннейший племянник его, граф Дмитрий Иванович Хвостов. От него ожидает публика сего подарка; он один, зная обстоятельства тогдашнего времени, может раскрыть тайны сих полезных иероглифов и показать нам сего Героя, и на письме ни на кого не похожего. Я поместил в Истории Российско-австрийской кампании 1799 года всю тогдашнюю его переписку, а здесь помещу два его лаконизма в письмах:

Письмо 1

Поле, один мой элемент! А – теперь выглядчик из-за кулисы на триумф Терситов...

Письмо 2 (ответ на кончину князя Потемкина)

Се человек!.. Образ мирских сует!.. Беги от них мудрый!

* * *

Генерал-поручик и начальник Инженерного департамента при покойной Екатерине, Тючков, поздравлял Суворова с победами и между прочим заметил, что он не присылает по обязанности своей карт и планов сражениям в его департамент. Он признался, что виноват. Тотчас вынес большую карту Европы, свернутую в трубку; возложил ее на плечо, как ружье; отдал ею честь к ноге и положил ее к стопам Тюčkова.

* * *

Случились у Суворова: Дерфельден, австрийский генерал Карачай и еще некоторые, служившие с ним в Турецкую войну. Граф начал с Карачаем говорить по-турецки; тот отвечал ему с великим трудом, извиняясь, что позабыл. Наконец, после многих разговоров, спросил он: «Зачем не взяли мы тогда Константинополя?» Карачай отвечал, смеючись, что это было не так-то легко. «Нет, – возразил Суворов, – безделица! Несколько переходов при унынии турков – и мы в Константинополе; а флот наш – в Дарданеллах». Тут остановили его Карачай и Дерфельден напоминанием о трудностях пройти их. «Пустяки, – отвечал он, – наш Елфинстон в 1770 году с одним кораблем вошел туда; не удостоил их и выстрела; посмеялся этой неприступности музыкою на корабле и возвратился, не потеряв ни одного человека. Знаю, что после барон Тот укрепил Дарданеллы. Но турецкая беспечность давно привела их в первобытное бездействие. Прочитайте описание о сих Дарданеллах Еттона, бывшего долгое время английским резидентом при Порте Оттоманской, и вы разуверитесь. Наш флот там был бы. Но миролюбивая политика, остановившая его паруса и руль, велела ветрам дуть назад».

* * *

Однажды Мелас, не быв доволен рассуждениями генералиссимуса о ретирадах, сказал с досадою: «Да, генерал вперед – вы генерал вперед». «Правда, – отвечал Суворов, – вперед! Но иногда оглядываюсь и назад, не с тем, однако же, чтобы бежать, но чтобы напасть». Мелас, в следующей по смерти Суворова кампании, когда, охраняя тесные проходы в Савойю и Дофине, почитал себя от всякого нападения в безопасности, а Бонапарт, устроив в Милане новое республиканское правление, запер его в сих самых дефиляях, – вспомнил, верно, Суворова и сказал: «Ах, не оглянулся я назад!»

* * *

Фельдмаршал, получая беспрестанные из Вены напоминания о скорейшем взятии Мантуи, которую во всех бумагах называли неприступною твердынею, ключом Италии и проч., – наконец вышел из терпения и сказал: «Она будет взята другом моим, Краем. Но зачем лгать, называть ее первейшею, какою величал ее Бонапарте в своей *Campagne du General Buonaparte en Italic*, дабы прикрасить свое хвастовство и прикрыть свои ошибки? Крепость, которую он взял в один месяц и двадцать пять дней, в столь короткое время и при столь малых пособиях, не заслуживает такого пышного названия. Один солжет, а тысячи повторяют». Вдруг, выхватив у маркиза Шаттелера план Мантуи, сказал: «Вот она! – где же ее неприступность? Бастион и рavelин по обеим сторонам ворот, праделлы защищают ее. Вот что пугает. Вся сила ее в укреплении Сен-Джеоржио. Зато какие выгоды для осаждающих! Если они овладеют башнею Терезе, тогда в руках их шлюзы, которые они

могут спустить по произволу и осушить все каналы». Рассматривая план, замечал он многие другие выгоды для осады и при сем случае сказал: «Зачем не говорят о Тортоне? Вот крепость, стоящая на высоте скалы, стоившая пятнадцать миллионов королю Сардинскому, ни с которой стороны неприступная: ни гаубицы, ни бомбы ее не достигают. Она превосходит Брюнетту и Мантуя, – и будет также в наших руках, если нам не помешают». Она сдалась, как и Мантуя.

* * *

Александр Васильевич, как я уже в одном анекдоте сказал, любил беседовать со мною о Венеции. И я всегда ею восхищался. Здесь прилагаю выписку из письма моего к другу о сем городе: «Пишу из Венеции. Вы полагаете читать описание сего единственного города. Так точно: он единственный, плавающий, качающийся на морских волнах город, где нет ни улиц, ни лошадей; где ум человеческий перешагнул пределы возможности; подчинил себе влажную стихию, всегда против него бушующую; соединил ее с твердынею камней, так чтобы борьба их укоренялась веками и их переживала, подобно дубу, от бурь твердеющему. И здесь, на сем равновесии механизма необъятного, возвышается на мраморной площади богатейший храм Св. Марка, древнейший памятник набожности, могущества, гордыни, богатства некогда Царицы морей, обрученной с Адриатикою, державшей в оковах все огненные жерла флотов во всем владычестве Нептуна и поработившей произволу своему всю торговлю Византии.

Венеция и теперь, в самом уничтожении своем, не теряет чудесного своего величия, торжества над природою и остается удивлением зодчества, удивлением творения рук человеческих. Для достойного изображения ее нужно сотворить новые слова, новые выражения. Итак, не ожидайте от слабого пера моего сего описания. Не читайте также изданных о Венеции книг. Вы найдете в них одни крайности: или представляют ее раем с ангелами, или адом с чертями. Италия не имеет еще Тацита. Чтобы ощутить в полноте внезапные изумляющие впечатления, каких вам никакой город во всей вселенной дать не может, надобно здесь в Местре сесть со мною в гондолу и поплыть к Венеции. Тогда предстанет пред вами амфитеатр, орошаемый кристалловидными волнами; и в сем зеркале солнца сверкают, клубятся, резвятся отражения ярко позлащенных огненных куполов, и блеск алмазного моря не освещает, но ослепляет зрение. Вы увидите здесь, чего ни Лувр Парижа, ни Церковь Св. Павла в Лондоне, ни Капитолий со всеми сокровищами римских древностей, – вам не покажут.

Утомляюсь от распаленного моего воображения; тщетно ищущу слов, в которые желал бы облечь все неслыханные и невиданные здешние прелести. Скажу вам только, что я в городе и на море здесь, так сказать, на ста пятидесяти островах, связанных превосходнейшими мостами, прожил три дня в разлуке неразлучно с героем нашим. На площади Св. Марка продаются его реликвии и неумолчно раздаются громкие крики: победы Суворова! Победы Суворова! Слава его всюду сопутствует ему. Теперь оставляю Венецию, сей оригинал в физическом мире, и спешу к оригиналу в нравственном. Прощайте».

* * *

Отъезжавший в Рим английский путешественник был у Суворова и спросил его, не сделает ли ему каких-нибудь туда поручений. Ответ его был: «Зачем вы туда едете? Вы, по пословице, в Риме будете, а Папы не увидите. Он в руках разбойников. Но поезжайте, Рим останется Римом и без похищенных статуй Аполлона и Лаокоона. Пока Тибр его орошает, память величия его не исчезнет. Кланяйтесь от Скифа Капитолию и теням великих бессмертных. Скажите им, что он плачет, не видя их потомков, а только лишь вырождков».

* * *

Один генерал любил говорить о газетах и беспрестанно повторял: «В газетах пишут; по последним газетам, и т. д.». Наконец, Александр Васильевич сказал: «Жалок тот полководец, который по газетам ведет войну. Есть и другие вещи, которые знать ему надобно и о которых там не печатают».

* * *

Один только раз в жизнь свою вынужден был граф удалить одного полковника, присвоившего себе солдатские артельные деньги. Но и тут не решился он выставить истинный его поступок, а велел написать просто, что он увольняется за немогузнайство.

* * *

Однажды князь Багратион и маркиз Шаттелер вошли со мною к фельдмаршалу. Мы нашли его в глубоком размышлении. Пред ним лежали: план Веронскому делу под предводительством Края, его реляция и карта. Вдруг прерывает он свое молчание и, глядя на карту, начинает делать следующие замечания: «Позиция, занятая Шерером, показывает школьника. Что посредственного и трусливого военачальника приводит в замешательство, то отважному и опытному доставляет случай показать свой гений во всем пространстве. Если он слабее неприятеля, то никогда не должно не доставать в нем средств скрывать свою слабость; если он сильнее, то старается обойти, окружить его и преградить ему всякое отступление. Но для сего нужно иметь подробные сведения о местности, знать все тропинки, возвышенности, проходы и проч. Правил для сего нет. Это дело обстоятельств, минуты; это дает гению опытность. Ни того, ни другого в Шерере нет.

Взгляните на план и на карту: как можно на таком тесном местоположении сосредоточить до 18 000 войска? Я лишь взглянул и поздравил друга моего Края с победою. Он, как герой, маневрировал, бросил всю свою силу на левый фланг, проникнул оный, привел в замешательство французские линии, преследовал канонадою и кавалериею тревожил бегущего неприятеля. Но вдруг нечистый дух шепнул: Унтеркунфт! – и погоня остановилась. Зачем с инфантериею не гнаться по теплым следам до Изола-де-ла-Скала? Там в беспорядке, в страхе, изнуренная маршами и разбитая армия с главнокомандующим и со всем Главным штабом была бы в руках победителей. Но Унтеркунфт велел преждевременно оставить поле сражения и запретил воспользоваться победою, которая решила бы судьбу Италии. Простите; я в бреду не кончу. Но оставим зады, а примемся за свое».

* * *

О Шерере за обедом у фельдмаршала рассказывали, что по прибытии его в итальянскую армию главнокомандующим, на первом смотре армии в Мантуе, поднимал он сам головы солдат, оправлял шляпы и заметил тотчас недостающую на мундире пуговицу. Суворов на сие сказал: «Ну, теперь я его знаю. Такой экзерцирмейстер не увидит, когда его неприятель окружит и разобьет».

* * *

Случилось мне переписывать немецкую бумагу, в которой встретилось слово: форсированный марш. Как переписчик, списал я точно так. Вдруг, в присутствии многих союзных генералов, раскричался на меня Александр Васильевич, как я осмелился написать такое слово. Что форсированных маршей, так как и тихих и медленных, в его словаре нет. «Быстрота моя, – продолжал он, – знает только один марш! – вперед! И орлы полетели!» Приказано всем слова форсированный марш никогда не употреблять. Я молчал; ибо знал, до

КОГО ЭТО ОТНОСИЛОСЬ.

* * *

Государыня императрица Екатерина в Кременчуге, в проезд в Таврическую область, изволила спросить Суворова, не имеет ли он какой просьбы. Он бросился к Ее ногам и просил о заплате за нанятую им в Кременчуге квартиру. В тот же день выдано ему из казны, по его показанию, двадцать пять рублей с причитающимися копейками.

* * *

Перед Турином некоторые генералы осмелились представить Суворову разные затруднения в рассуждении взятия Турина. Он рассердился и вскрикнул: «Пустое! Аннибал, прошед Испанию, переправясь через Рону, поразив галлов, перешед Альпы, – взял в три дня Турин. Он будет моим учителем. Хочу быть преемником его гения».

* * *

Александр Васильевич приказал мне запискою пригласить генерал-аншефа Вилима Христофоровича Дерфельдена к себе. Я написал. Взглянув, сказал он: «Нет, это не годится. Я тебе продиктую, вот так: «Суворов просит пожаловать к нему Его Высокопревосходительство Вилима Христофоровича, начальствовавшего в Праге атакою правого крыла над 1-ю и 2-ю колоннами со славою, Героя при Гальце. Прибавь два раза: и проч. и проч». Сам и подписал. После Вилим Христофорович спрашивал меня: «Что это за милости?» – «Старик наш расшутился».

* * *

Когда генерал Серюрье просил пленному своему войску пощады и снисхождения, то Суворов отвечал ему: «Эта черта делает честь вашему сердцу; но вы лучше меня знаете, что народ в революции есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами. Однако победы, оружием приобретенные, оканчиваются милосердием. По взятии Варшавы прочитал я депутатам города стихи из Ломоносова, отца русской нашей поэзии: Великодушный лев злодея низвергает, Но хищный волк его лежащего терзает...»

Велел пересказать сии стихи по-французски и ушел. Серюрье воскликнул: «*Que! homme!* Какой человек!»

* * *

Князь Александр Васильевич любил вспоминать о важнейших эпохах своей жизни. С князем Багратионом беседовал он часто о Праге и Варшаве, где тот находился под его начальством. Увидя одного старика подполковника, обрадовался он и вскрикнул: «Здравствуй, старый сослуживец, расскажи нам что-нибудь про Прагу». «Не умею, – отвечал он, – пересказать все, что я там видел; да и сочтут за басню. Помню только и не забуду, что когда получено было известие, что неприятель из всех ретраншаментов выбит, что батареи его везде нашими войсками заняты и что самая Прага была уже взята и от неприятеля очищена, то Ваше сиятельство приказали разбить малый шатер на окопах и легли на постланной соломе отдыхать. Я тут был на карауле и видел, как все войско не шевельнулось. Один другому лишь на ухо шепнул: «Бог помоги отдохнуть нашему отцу спасителю. Он не спит, когда мы спим; не ест, когда нас потчует, и еще в жизнь свою ни одного дела не проспал». Это не любовь, а страсть. Грешен я, Ваше сиятельство, позавидовал Суворову». Князь бросился его целовать со слезами: «А я стыжусь и не прощаю себе, что позабыл имя

достойного служивого».

* * *

В Аугсбурге поставлена была к дому его в караул рота. Тотчас велел ее отпустить с сими словами: «И в мирное время, и в военное время охраняюсь я любовью моих сограждан. Два казака – вот моя прислуга и стража».

* * *

В Пиаченце, рассматривая картинную галерею одного маркиза и увидя портрет Юлия Цезаря, засмеялся и сказал: «И сей великий, расстроганный до глубины сердца сими мрачными мыслями доброго моего начальника, видя пред собою войско в горести, обращающее в последний раз взоры назад с восклицаниями: «Прощай, добрая земля! Поминай, как мы с стариком нашим за тебя поработали. Не забудем и мы твою хлеб-соль, твою лапшу (макароны). Стою теперь на границе Швейцарии: другой язык, другое небо, воздух, другая земля, другие люди. Сюда Церера, Помона и Флора не заглядывали. И отсюда в последний раз смотрю на все величественные красоты, декорации итальянской природы, которых изобразить ни слово, ни перо, ни кисть не в состоянии. Уже воспоминания о древних обитателях ее дают ей прелесть преимущественную пред всеми другими народами.

Хотя Греция разделяет выгоду сию с Лациею; но какое различие! – там ничто не напоминает уже о событиях древнего ее мира, там воображение ищет и не находит стези к оным; все памятники прежнего величия сего просвещеннейшего народа сокрушились от руки варваров, и только редко являются наблюдательному оку странника какие-либо останки, сокрывшиеся от разрушения сих бурь. Здесь же – какое зрелище! – еще покоится Рим на своих семи холмах, еще блистает Капитолий, еще стены его орошаются чистоводным Тибром. Здесь стоит его Форум, там колоссальные памятники искусства свидетельствуют величие исполина – народа. Там нет страны, нет города, нет реки, которая не ознаменована бы была каким-либо историческим событием. А теперь и имя России будет греметь в летописях Италии и победами, и беспримерным великодушием на вечные времена! Но я забываюсь; я пишу анекдоты. Прощай Италия!»

* * *

Г-жа Синицкая прислала к графу Александру Васильевичу следующее письмо:

«Семьдесят лет живу на свете; шестнадцать взрослых детей схоронила; семнадцатого, последнюю мою надежду, молодость и запальчивый нрав погубили: Сибирь и вечное наказание достались ему в удел; а гроб для меня еще не отворился... Государь милосерд, граф Рымникский милостив и сострадателен: возврати мне сына и спаси отчаянную мать лейб-гренадерского полка капитана Синицкого». Ответ графа:

«Милостивая государыня!

Я молиться Богу буду; молись и ты, и оба молиться будем мы. С почтением пребуду, и проч».

Когда он успел испросить Синицкому прощение, то с коленапреклонением и со слезами пал пред образом и тотчас написал: «Утешенная мать, твой сын прощен... Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!»

* * *

Кто видел, как я, беспрестанное стремление Суворова к благодетельствованию страждущего человечества, кто был теперь свидетелем сего сердечного его восторга, тот не может говорить об нем без жару.

Вот последний анекдот, – лучшего я не имею.

* * *

Представив в истории российско-австрийской кампании генералиссимуса Суворова героем, в анекдотах человеком, но человеком необыкновенным, я теперь намереваюсь говорить здесь о беспредельной к нему любви и доверенности войска, и какими способами преуспел он в том.

Можно сказать, что войско не только что любило, но почти боготворило сего великого, единственного полководца. Все, что он ни скажет, было свято; никто не смел противоречить или рассуждать. В Италии, в неудачном одном деле, где многочисленность и выгодная неприступная позиция неприятеля делали все покушения с нашей стороны тщетными, начальник придумал хитрость закричать: «Суворов здесь!» – тотчас все бросились вперед и легли. Но Суворов, узнав о том, сделал строжайший выговор и оплакал сих жертв слепой к нему преданности. Под Треббиею был я очевидцем, что на разных пунктах, где только начнут расстраиваться войска, его одно присутствие тотчас восстанавливало порядок.

Я стоял с Вилимом Христофоровичем Дерфельденом на возвышенном месте и удивлялся сим явлениям. «Они для вас новы, – сказал мне почтеннейший генерал Дерфельден, – а я насмотрелся в течение тридцати пяти лет, как служу с этим непонятным чудачком. Это какой-то священный талисман, который довольно развозить и показывать только, чтобы одерживать победы. Он меня несколько раз в жизнь мою стыдил. Часто диспозиция его казалась мне сумбуром; но следствия мне доказывали противное. Справедливо сказала, – продолжал он, – Екатерина: «Я посылаю в Польшу две армии: одну – армию, а другую – Суворова». Едва кончил он разговор, как неприятель уже обращен в бегство. Дерфельден поскакал и крикнул мне: «Вы видите, что я не лгу».

Но не на одном поле сражения приобрел он сию высшую степень любви и доверенности. Старики солдаты любили его в лагере и на квартирах, рассказывали о прежних его подвигах молодым; забавно передавали им его странности, его с ними разговоры; рассказывали об нем анекдоты, иногда небывалые, необыкновенные, шуточные. Словом, он был у них книгою, которую ежедневно читали. Взглянуть на него – и все веселы. Они почитали его каким-то существом высшего рода. Чтобы приобрести любовь союзных солдат, показался он с одним казаком на австрийской батарее, на которую сыпался с неприятельской стороны град ядер. Шутил с солдатами, которые были от него в восторге. Сие его бесстрашие разнеслось по всей их армии, и он сделался, так сказать, их идолом. Офицеры видели в нем отца, любящего награждать каждый шаг усердия. Генералы его любили, но и боялись: ибо с них взыскивал он строго и стыдил их разными насмешками по-своему.

Так, узнав, что один генерал отозвался: не нужна мне диспозиция, при мне шпага, сказал Суворов: «Не показывайте ему диспозиции. Он храбр со шпагою, а полк его с топором: полк его когда-то выстроил ему дачу». Генерал покраснел. Дерфельден, Розенберг, Мелас и прочие все генералы с некоторою боязнию с ним обращались: ибо всегда опасались, чтобы он их не кольнул своею особенною насмешкою. Но вся армия была совершенно уверена, что он за неисправность накажет отечески или словами его: «Солдату палочки, а офицеру арест». Но никогда никого не погубит.

Величайшее на всю армию влияние имело его благочестие. Солдату известно было оно. Ибо всегда после победы приносил он, со всем войском, пред алтарем всех благ Подателя благоговейные, сердечные благодарения. Таковой пример любимого военачальника утверждал в сердцах его подчиненных сию христианскую истину, что всякая их победа есть дар от Бога. Часто кричал он войску: «Начало премудрости есть страх Господень! Так, уроками мудрости, действовал он на умы!»

Знал он, что солдат не любит в начальнике своем пышности; и потому, соображаясь с сим, жил и он солдатом. Враг роскоши, обедал по-солдатски рано, хлебал солдатские щи и

кашицу. Сие единообразие жизни с жизнью солдат сближало его с их сердцами; и они видели в нем Героя, Начальника, отца и первого своего брата – солдата. Сие поддерживал он и своею одеждою. Кроме торжественных праздничных дней, когда он украшал себя знаками отличия, был он всегда одет в простой солдатской куртке и тогда не требовал никаких почестей. Но величайшее искусство его было в разговоре со своими чудо-богатырями. Тут был он неподражаем. В их вкусе, в их слоге, в их языке беседовал он с ними. Опыты долговременной его с нижних чинов службы познакомили его с кругом их познаний и понятий, и каждое его слово и изречение были к тому приспособлены, как-то доказывают: его приказы, разговор с солдатами, словесное поучение солдатам и многие другие, которые они вытверживали наизусть и передавали товарищам.

Солдаты говаривали: «Наш Суворов с нами в победах и везде в паю, только не в добыче: она вся наша». Такая мысль о бескорыстии начальника усиливала их к нему любовь. К сей добродетели присоединял он и справедливость. Под Рымником, по одержании победы, велел он разделить все доставшееся обеим союзным армиям поровну. И по примеру двух друзей, Суворова и Кобургского, русские и австрийцы сделались братьями – одною душою. О корыстолюбии Массены говорил он: «Ужели не вспомнит он, что в тесном гробе его не поместятся все заграбленные им и кровию обогранные миллионы? Добыча ваша, а не моя: спасибо, чудо-богатыри!» – кричал он; и сии слова разносились по рядам войска.

Благодарность его была не на словах. Тотчас спешил он в реляции повергнуть к стопам Августейшего Царского Престола достойных сподвижников своих. Уверенность, что ни один подвиг ревности не остается без внимания беспристрастного и благодетельного начальника, подвизала их к победам. Однажды в Турецкую кампанию все полученные от Екатерины награды, знаки отличия наклеил он в мешок; выходит согнувшись, неся оный на плечах, и кричит всем ожидающим наград: «Ах! помилуй Бог! Как тяжела ноша. Так-то и нам тяжело было». Вдруг раскрывает мешок, вынимает знаки отличия, украшает ими и восклицает: «Нет! Легко бремя, когда Матушка так нас, детей своих, милует и лелеет». Ура раздавалось по всем рядам.

На все войско смотрел генералиссимус оком строгого беспристрастия. Все пред ним равны. Не хотел знать никаких связей. Одно истинное достоинство обращало на себя все его внимание и покровительство; а потому никто не опасался, чтобы другой заслонил ему дорогу к счастью. Он получил сильное рекомендательное письмо о повышении чином одного молодого человека. Все не ожидали отказа; но он не согласился, сказав: «Осчастливив одного неблагодарного, я оскорблю несколько сотен достойнейших и старших. Дорожу уважением к себе армии», – и пребыл непреклонным. Не нужно после сего отвечать на вопрос: не готов ли всякий умереть за такого начальника? И мне сказал он: «В Истории обо мне будь беспристрастен. Если ты меня любишь, то забудь сию любовь и не оскверняй лестию пера твоего, а меня в могиле». Я виновен пред тобою; ибо не умел воздать тебе достойно и не написал твоей Истории; а оставляю потомству одни лишь материалы. История твоя ждет – Плутарха.

